

R 33
155

ГЛАЗАМИ
ИНОСТРАНЦЕВ

1 9 1 7

1 9 3 2

155 ГЛАЗАМИ
ИНОСТРАНЦЕВ

1 9 1 7

1 9 3 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1932

41-43

Отпечатано в первой типографии
Огиза РСФСР „Образцовой“.
Москва, Валуевая, 28.

*

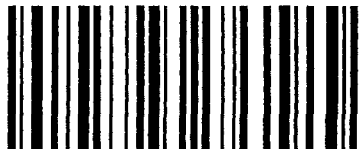
Тираж 8 000 экз.
Зак. № 3028. П.ч. лист. 47.
Уполномоч. Главлита В-26961.
Огиз № 150. Инд. X-50в. Кварт. 4-й

*

Сдано в набор 2/IX 1932 г.
Подписано к печати 10/IX 1932 г.

*

Редактор Л. Гасвиани
Техн. редактор М. Масляненко
Обложка и титул работы худ. В. Масман

2010513065

~~21024-36~~

21024-36

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ОКТЯБРЬ

(ПРЕДИСЛОВИЕ)

В этой книге собраны отрывки произведений нескольких десятков европейских интеллигентов об Октябрьской революции. Недостаток ее состоит в том, что не отделены друг от друга произведения интеллигентов, перешедших на почву коммунизма, от тех, которые, сочувствуя Октябрьской революции, остались на мелкобуржуазных позициях.

Но все-таки книга дает много материала для изучения отношения интеллигенции к пролетарской революции и для размышления о судьбах этого промежуточного слоя. Поэтому стоит остановиться на книге и совместно с читателем поставить несколько вопросов и продумать несколько мыслей.

Если не считать интеллигенции, связавшей неразрывно свои судьбы с пролетарской революцией еще перед войной, то интеллигентов, понявших в Октябрьской революции ее основное, понявших, что здесь началась новая глава мировой истории, — почти не было.

Этот факт сам по себе замечательный и заслуживает внимания в первую очередь. Как же это случилось? Интеллигенция рассматривала себя как мозг человечества. Она считала своей функцией понимание процессов, происходящих в человечестве, понимание того, куда оно идет, и вдруг случается такой факт, что в одной из самых крупных стран мира не только низвержена монархия, но низвержен буржуазный строй, а «мозг человечества» — интеллигенция — не знает, что случилось.

Я не буду говорить о тех интеллигентах, которые, подобно «Тан», органу руководящей группы французской буржуазии, искали в словарях, что собственно представляет собой понятие «большевизм». Я не буду говорить о той интеллигенции, которая находится целиком в плену у крупной буржуазии, которая ненавидела Октябрьскую революцию потому, что видела в ней бунт против «священной» солидарности с европейской

демократией», представленной антантовскими фабрикантами пушек. Я не буду говорить о той интеллигенции, которая ненавидела Октябрьскую революцию потому, что считала господство буржуазии благом для человечества.

Но где были десятки тысяч интеллигентов, занимающихся историей философии, литературы, всеобщей историей, считавшихся представителями гуманитарных идей, где они были в момент, когда открывалась новая страница истории человечества? Они были в «нетях». Они разбежались, кудахтая, как куры, испуганные громом.

Октябрьская революция дала не только в России проверку марксовых взглядов на интеллигенцию как прослойку, связанную с господствующим классом капитализма.

Даже в России, где наличие не разрешенного крестьянского вопроса революционизировало часть интеллигенции, стремящейся стать выразителем его интересов, — и эта «крестьянская» интеллигенция оказалась в окончательном счете интеллигенцией не крестьянской вообще, а кулацкой, то есть интеллигенцией буржуазной, защищающей союз русской буржуазии с антантовским финансовым капиталом.

В капиталистических странах мелкобуржуазная интеллигенция оказалась в основе своей буржуазной интеллигенцией, интеллигенцией, стоящей, несмотря на все ужасы мировой войны, — против пролетарской революции, за буржуазию.

Одна ее часть, вышедшая при капитализме в люди, сознательно связывала свою судьбу с капиталом, принимая его таким, каков он есть, — обрызганным с головы до ног кровью мировой войны.

Но даже лучшая часть этой интеллигенции оказалась именно на тех позициях, которые Маркс в 1846 году в своей «Немецкой идеологии» считал присущими идеологам буржуазии.

«Разделение труда... выражается в господствующем классе как разделение на умственный и физический труд: среди того же самого класса одна часть выступает в качестве мыслителей класса (активные творческие идеологи его, которые делают из производства иллюзии этого класса о себе самом свое главное средство пропитания), в то время как другая часть относится к этим мыслям и иллюзиям более пассивно, рецептивно, ибо они представляют собой в действительности активных членов класса и не имеют достаточно времени, чтобы создавать себе иллюзии о себе самих».

И вот оказалось, что эта так называемая лучшая часть интеллигенции по существу исполняет функции не мозга мира, а производителей иллюзий буржуазии насчет сущности буржуазного режима и его будущего.

После войны это проявилось в вильсонизме, пацифизме, демократизме и даже социал-демократизме значительной части

интеллигенции. Капиталистический мир находился под напором революционных рабочих масс. В России победил пролетариат и провозгласил начало мировой революции. В Германии шла гражданская война. До 30 тысяч рабочих с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом во главе были истреблены в ней. Французская и английская буржуазия чувствовали себя как на вулкане. Достаточно прочитать теперь напечатанные в парижской «Эвр» документы о восстаниях французской армии в 1917 году или факты, сообщенные не кем другим, как многоуважаемым Уинстоном Черчиллем в заключительном томе «Мирового кризиса», чтобы видеть, как боялась мировая буржуазия победы революционного пролетариата и в ее собственных странах. Для борьбы против опасности ей нужны были именно иллюзии насчет себя самой. Эти иллюзии ей нужны были и как самовнушение, без которого ей трудно было обманывать народные массы, и для того, чтобы эти народные массы поверили в ее будущее.

И мы видим, как вся так называемая гуманитарная интеллигенция становится проводником веры в Лигу наций, веры в социальные реформы, даже веры в возможность проведения социализма демократическим путем.

Развивая дальше свою мысль о роли интеллигенции в капиталистическом обществе, Маркс говорит, что «внутри этого класса это деление (на идеологов и практиков) может привести даже к известному противопоставлению и вражде этих обеих частей, но оно исчезает само по себе при всяком практическом столкновении, в котором сам класс находится в опасности. Тогда исчезает даже видимость, якобы господствующие мысли не были мыслями господствующего класса и представляли силу, отдельную от мощи этого класса».

И пацифисты, и вильсонянцы, и демократы, и социал-демократические интеллигенты могли тогда фрондировать против буржуазии, выступая против Версальского мира или против особенно кровавых средств подавления пролетариата, но перед лицом действительной угрозы пролетарской революции они возвращались в окопы и, выступая против Октябрьской революции, становились на защиту «демократии».

И тогда стало ясно даже слепым, что сила этой интеллигенции не представляет ничего отличного от силы самой буржуазии.

Маленькая горсточка интеллигенции, не примкнувшая тогда окончательно к революционному пролетариату, но приветствовавшая Октябрьскую революцию — в этой книге она представлена американцем Джоном Рид, Рис Вильямс и англичанином Филиппом Прайсом, — приветствовала в Октябрьской революции — конец войны, освобождение части человечества от вампира, который в продолжение ряда лет безжалостно высасывал кровь из человечества. Одновременно она чувствовала что-то новое, чего история не видела, — грандиозное движение масс. По всей вероятности, именно это движение масс, их творческая инициатива представляла собой ту сторону революции, которая больше всего заставляла думать гуманитарную интел-

лигенцию. В 1918 году Артур Ренсом, корреспондент «Манчестер Гардиан», либеральной английской газеты, человек, сочувствующий Октябрьской революции, показывал мне письмо главного редактора газеты, старика Скотта, который писал ему: «Мне очень трудно понять, что в России происходит, но смотрите хорошенько. мне кажется, что там происходит что-то новое, что там рождается какой-то лучший строй, который не позволит, чтобы и в будущем люди резали людей».

Старик Скотт был последышем английского буржуазного радикализма и, даже будучи редактором руководящего органа английских хлопчатобумажных фабрикантов, сохранял чувство неудовлетворенности капиталистическим строем, понимал возможность какого-то другого, лучшего строя. Радикальная интеллигенция, которая начала и вращивать к Октябрьской революции, делала это, исходя из подобных ощущений.

Гражданская война в России, героизм, проявленный пролетариатом, грандиозная фигура Ленина — все это заставляло интеллигенцию прислушиваться к раскатам грома в Советской России. Но она увлеклась в первую очередь героической картиной борьбы, а не ее содержанием. В целом ряде выступлений, напечатанных в этом сборнике, мы имеем образцы этого отношения к СССР. Некоторые из интеллигентских писателей, восхищавшихся гигантской героической борьбой советского пролетариата против интервенции, с начала нэпа отодвинулись от нас, считая, что начались будни, что трудно требовать от человека, привыкшего восхищаться великим, чтобы он восторгался, скажем, ростом советской торговли. У них мелькала невысказанная мысль, что напрасно герой не погиб, что раз он учится торговать, то нечего им заниматься.

Эти люди, понятно, так свои мысли не формулировали. Одни уходили, указывая на свое несогласие «с методами Коминтерна, который хочет заставить все страны подражать русским обычаям», другие хныкали по поводу «борьбы направлений в ВКП», но по существу их колебания объяснялись тем, что в Европе началась капиталистическая стабилизация. Мелкобуржуазная интеллигенция, вчера фрондирующая и бунтующая, начала возвращаться в обычную колею и поэтому решила под разными предлогами предоставить СССР его «собственной участи». Она не разрывала с нами, состояла в членах «Общества друзей Советского союза», но потеряла активный интерес к Октябрьской революции. В период с 1924 года примерно по 1928 год об СССР пишут только революционные интеллигенты, близкие и в своих странах к коммунистическому движению.

Эта картина меняется снова с момента, когда кризис капиталистического мира вскрыл органические пороки капитализма, показал этой интеллигенции, что кризис капитализма не кончился с войной, что он углубляется и расширяется и что капитализм катится к новым величайшим потрясениям.

Эта интеллигенция увидела одновременно, что ее предположение, будто настал конец героического периода Октябрьской революции, оказалось смешным. Если интеллигенция видела в нэпе только отступление советского пролетариата к будням воссоздания капиталистического хозяйства, то действительность показывает ей, что нэп был подготовкой нового великого наступления пролетариата, подготовкой самых великих дел пролетарской революции, строительства социализма, принимавшего все более грандиозные размеры, видимые и невооруженному глазу человека, даже не понимающего языков, на которых говорят народные массы в СССР, строительства социализма, которое создало целые новые города, которое взрывало пороги, рыло трактором старую русскую равнину и азиатскую степь. Все это дало мировой интеллигенции предчувствие чего-то грандиозного, нового.

Из стран кризиса льется в СССР поток интеллигентских туристов. Они разносят по всему миру сведения, что в то время, как в капиталистических странах разваливаются производительные силы, в СССР идет грандиозная стройка.

Кризис не позволяет интеллигенции оставаться на положении туриста-зрителя. Безработица бьет не только по рабочему классу капиталистических стран, она начинает бить по интеллигенции — по писателю, учителю музыки, актеру, инженеру, которые до этого времени не считались пролетариями, которые гордились крохами комфорта, получаемого со стола буржуазии. Захваченные вдруг тисками кризиса, они начинают понимать, что они живут за счет того, что производит пролетариат, или что они сами производители прибавочной ценности. Это больше всех чувствует техническая интеллигенция. Кризис производит почти везде раскол среди интеллигенции. Одна ее часть идет направо, к фашизму, для того, чтобы за счет ухудшения положения пролетариата, исполняя роль преторианцев буржуазии, улучшить свое положение. Часть, готовая взять на себя эту грязную задачу, снова пытается создать иллюзии насчет фашистского периода буржуазии; она пытается представить себе и народным массам этот период как период создания какого-то нового общества, отличного от капиталистического и лучшего.

Но одновременно часть интеллигенции поворачивает налево, начинает вдумываться в пути Советского союза. Как из рога изобилия, сыплются книги о СССР, которые в плане видят спасение от всех бедствий. Неспособные посмотреть действительности в глаза, — ибо это требовало бы осознания, что и на Западе без революции не будет никакого коренного перелома, — эта интеллигенция создает, так сказать, религию плана. Она ищет философского камня, при помощи которого без социалистической революции можно было бы найти выход из положения на Западе.

Часть этой интеллигенции идет дальше: начинает сочувствовать самой идее пролетарской

революции, начинает понимать, что сущность пятилетки не в статистических выкладках, которые представляют только программу борьбы, что сущность пятилетки в классовой борьбе, сметающей препятствия, классы и слои, сопротивляющиеся пролетариату, строящему социализм, что сущность пятилетки в освобожденном труде, который развязывает в народных массах, до этого времени отстраненных от культурной жизни, величайшие силы и позволяет им штурмовать технику, культуру.

В том же самом направлении действует опасность новой империалистической войны, выступающая с величайшей яркостью на Дальнем Востоке, в обострении германо-французских отношений, в крахе конференций по разоружению.

Мировой капиталистический кризис, опасность мировой войны разбили иллюзии, которые себе строила интеллигенция после войны, во время стабилизации капитализма, во время всякой «локарнской» возни. Потрясенный до глубины капитализм ухудшает положение не только пролетариата, но и всей интеллигенции. Она начинает понимать, что и для дальнейшего существования капитализма — это перспектива прозябания, нищеты. Рост реакции во всех капиталистических странах говорит этой интеллигенции, что песенка буржуазной демократии спета. Это бьет больше всего по тем группам интеллигенции, которые чуждались Советского союза потому, что советский строй уничтожил буржуазную демократию, что диктатура пролетариата означает беспощадное подавление эксплуататорских классов.

Суровой открытой диктатуре пролетариата гуманитарная интеллигенция противопоставляла мечту о спокойном, медленном развитии на рельсах демократии, развитии, которое позволило бы пролетариату продвигаться вперед, понятно, при благосклонной поддержке интеллигенции.

Фашистская действительность говорит этой интеллигенции, что придется решать: или быть за диктатуру пролетариата, или быть за диктатуру тех, которые не в состоянии уже развивать общественные силы, которые растаптывают очаги культуры, которые из самой интеллигенции делают новый (интеллигентный) люмпен-пролетариат.

Если в период стабилизации капитализма господа интеллигенты могли прятаться за всякого рода дипломатические тени, бросаемые на женеvский экран, если они могли говорить, что все эти крики об опасности войны не обоснованы, что между Францией и Германией наступило примирение, что морские вооружения ограничиваются и т. д., то теперь только тот, кто закроет глаза и уши, попытается отделиться полностью от действительности, может не видеть грандиозного обостре-

ния империалистических противоречий, подготовки новой войны.

Из всей мировой обстановки вырастает поворот значительной части мировой интеллигенции к Советскому союзу. Выражением этого намечающегося поворота является антивоенный конгресс, является переход на сторону пролетариата таких писателей, как Ромен Роллан и Андре Жид. Самым характерным в этом направлении является факт, что самые крупные таланты американской литературы поворачивают к СССР и к коммунизму. Как симптом сдвигов, происходящих в интеллигенции, не менее ценен ее громадный интерес к СССР и открытие ею американского пролетариата, его страданий и его борьбы. Обследование кровавого террора американского капитала в горняцких районах Кентукки группой Драйзера показало, что сдвиг в американской интеллигенции глубже экзотического интереса к социализму, строящемуся в другой стране, что эта интеллигенция начинает понимать те задачи, которые стоят перед ней в ее собственных странах. И замечательно именно то, что этот сдвиг наиболее ярко выступает в стране наиболее сильного капитализма, в стране, интеллигенция которой привыкла считать социализм каким-то заморским растением.

Эти сдвиги не ограничиваются писательским миром; наоборот, те же сдвиги происходят в глубине трудовой интеллигенции, которая является на Западе немалой частью мелкой буржуазии вообще. Выступления Ромен Ролланов, Драйзеров говорят о начале раскола среди мелкой буржуазии и начале сдвига одной части мелкой буржуазии к пролетариату. Буржуазная пресса успокаивает себя, что здесь налицо только известный «салонный большевизм». В статье, посвященной выступлению Андре Жида за Советский союз, «Эко де Пари», орган французского генерального штаба, договорился до того, что великолепно живущие мастера литературы ищут успокоения совести в заигрывании с коммунизмом. Но достаточно спросить себя, почему же именно в 1932 году вдруг заговорила совесть у мастеров мировой литературы, чтобы видеть, что в выступлениях, подобных выступлению «Эко де Пари», мы имеем дело с лихорадочной попыткой уменьшить значение опасных для мировой буржуазии симптомов. Дело в том, что чуткие представители мелкой буржуазии чувствуют приближающуюся гибель капитализма, чувствуют подготавливающийся сдвиг в мелкобуржуазных массах, жестоко обманутых капитализмом, и выражают это.

Не подлежит сомнению, что мы стоим перед поворотом части интеллигенции к борьбе с империализмом и с капитализмом, то есть стоим перед явлением, имеющим большое общественное значение. Общественное значение этих намечающихся тенден-

ций состоит в том, что интеллигентские слои, как поставщики идеологии для мелкобуржуазных масс, могут своим отходом от защиты капитализма к борьбе против него ускорить приближение мелкобуржуазных масс к пролетариату. Переход этих масс от враждебности к пролетариату к благожелательному нейтралитету, а быть может, при дальнейшем обострении кризиса к известному союзу с рабочим классом, очень облегчил бы борьбу пролетариата за власть.

Книга эта, передавая мысли и впечатления разных слоев интеллигенции по отношению к Октябрьской революции, содержит многое, не имеющее ничего общего с идеологией коммунизма. Иначе и быть не может, так как она отражает только первые шаги, которые делают по направлению к пролетариату слои, до этого времени очень далекие от пролетарской революции.

И несмотря на это, она заслуживает внимания не только как исторический документ. Пусть эту книгу прочтут внимательно те представители советской интеллигенции, которые перешли честно на сторону пролетариата и принимают участие в его борьбе за построение социализма. Они увидят в колебаниях европейской интеллигенции многое из своих давнишних переживаний, и они смогут, опираясь на свой опыт, на пережитое в революции, рассказать мировой интеллигенции о пути, ими пройденном, и облегчить этим мировой интеллигенции переход на новые позиции — не симпатизирующего зрителя, а участника пролетарской революции.

Впереди громадная работа завоевания значительных и влиятельных слоев мировой интеллигенции, положение которых ухудшается, сближая ее с пролетариатом.

Антивоенный конгресс показал, как в глубине трудовой интеллигенции Европы, среди учительства, среди технической интеллигенции во всем мире, растет чувство близости с пролетариатом, виден рост симпатий к пролетариату.

Задача наша — помочь этим процессам, ускорить их, помочь европейской интеллигенции изжить массу мелкобуржуазных иллюзий, с которыми она входит на новый путь.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ О СССР (ОТ СОСТАВИТЕЛЯ)

I

Едва ли многие знают, что иностранная художественная литература об Октябрьской революции, о нашей гражданской войне, о нашем социалистическом строительстве насчитывает несколько тысяч томов, написанных на разных языках, людьми самых разнообразных категорий и мировоззрений. Мы имеем огромное количество романов из советской жизни, сотни книг и брошюр, написанных людьми, посетившими Советский союз, немалое количество сборников очерков, запечатлевающих в той или иной форме жизнь Советского союза. Чрезвычайно трудно в каком-нибудь томе дать советскому читателю представление об этой литературе, еще, пожалуй, труднее в краткой статье дать обзор этой литературы, столь разнообразной по своей форме и еще более разнообразной по содержанию: мы имеем здесь и книги, написанные друзьями Советского союза, и книги, принадлежащие перу врагов пролетариата, явных, скрытых, маскирующихся, имеем бесконечное количество лживых брошюр с «воспоминаниями», «показаниями очевидцев» и т. д., и т. п. Но вся эта литература представляет чрезвычайно большой интерес: она показывает отношение разных групп и категорий в разные периоды к стране пролетарской диктатуры; показывает, как нарастал за рубежом интерес к Стране советов, как наши враги пользовались литературой в качестве орудия для борьбы с нами; показывает, как под влиянием успехов СССР совершался перелом в мировоззрении зарубежной интеллигенции. В настоящее время, через пятнадцать лет после великих Октябрьских дней 1917 года, весьма поучительно бросить взгляд на всю эту литературу, ибо в ней своеобразно отразился путь нашей борьбы, путь наших завоеваний и побед.

Мы знаем, как встретила мировая буржуазия Октябрьскую революцию. Неистовствуя в своей злобе, она фабриковала через своих литературных агентов сотни книг и брошюр, полных

самой бессовестной лжи, самой гнусной клеветы на советский пролетариат, на пролетарскую диктатуру.

Стоит просмотреть одни названия большинства книг, появившихся в первый период революции, чтобы понять их характер. «Россия, закусившая удила» — так назвал свою книгу американец Гарпер. «Большевики в роли могильщиков» — так называется книга немца Бернгардта Эргарта. «Волки» — кратко охарактеризовал большевиков в названии своей книги другой немец, Герварт Фольк. «Большевицкий ад» — написал в заглавии француз Р. Вошэ и дал подзаголовок: «В Петрограде под властью коммуны и террора». Можно было бы сколько угодно продолжать перечень подобных названий, основное содержание которых — бегство от советских ужасов, бегство от красного террора, бегство из большевицкого ада. Таково и содержание большинства книг о Советской стране в первые годы революции.

Характер этой литературы определялся ее целями — целями буржуазии, делающей все, что было в ее силах, чтобы уничтожить первую республику труда, чтобы не допустить до трудящихся масс правду о нашей революции. Уже в ту пору это делалось не всегда грубо, часто под маской сочувствия к «бедному русскому народу», который, мол, так страдает под властью этих «захватчиков» и «насильников». Буржуазия использовала частично своих корреспондентов, находившихся в России в период войны. И они быстро откликнулись на заказ своих хозяев.

Весьма характерна в этом отношении книга Габриэля Домерга «Об удовольствиях, о грязи, о крови». Уже одно название опять-таки говорит за себя. Откуда взялось это название? Домерг поясняет в первой главе своей книги: «В самом начале революции один русский генерал в тесном кругу своих друзей-единомышленников сказал: «Россия до революции представляла собой горшок с грязью. Революция разбила горшок, осталась одна грязь. Правда, следует добавить, что грязь здесь заменяет слово, более выразительное, более грубое, которое приличие мешает здесь воспроизвести». Пусть это утверждение останется на совести генерала и Домерга. Но важно то, что на протяжении трехсот страниц своей книги этот буржуазный писак, действительно присутствовавший при историческом Октябрьском перевороте, наблюдавший борьбу и в пролетарском и в контрреволюционном лагере, не нашел возможным сказать ни одного слова правды о том, что он видел, о том, что действительно происходило на его глазах.

Домерг — не единичное явление, его книга типична для большинства буржуазных книг об Октябрьской революции. Но Домерг интересен еще тем, что в нескольких строках в предисловии к своей книге он четко формулирует те цели, которые преследовал, распространяя подобную литературу, мировой империализм.

«Что будет с этим свободным народом, — елейно вопрошает Домерг, — предоставленным самому себе, своим собственным

влечениям, возвратившимся к первобытным варварским временам? Что станет с этой великой нацией с неограниченными возможностями и несравненными богатствами, ставшей жертвой всяких гнусностей?»

И он сокрушенно отвечает:

«Зло велико, велико, как земля, на которой оно распространилось. Оно так глубоко, что искоренить его можно только огнем и мечом. Это то, что пытались сделать немцы. Мы не допустим этого... Россия покинула нас. Это правда. Но было бы несправедливо с нашей стороны переносить на всех русских ошибки некоторых из них. Было бы неправильно и невыгодно обвинять и оставлять поле действия свободным для победителей. Наоборот, надо действовать и действовать без промедления, чтобы вырвать этих несчастных, сбившихся с пути и находящихся в руках наших врагов, и заставить их перейти к нам для своего и нашего спасения».

В этих строках программа действий международного империализма, которой подчинено было содержание всех клеветнических книг, написанных о нас писателями буржуазии в тот период, в них та программа, которую потом французский империализм в частности пытался осуществить путем интервенции. Эта литература имела свое значение, она вместе с периодической буржуазной печатью искажала в умах широких масс представление о подлинном характере нашей революции, она стремилась задержать рост тех симпатий, которые проявил к Октябрьской революции международный пролетариат, имевший мало средств получить иную информацию о стране пролетарской диктатуры.

Однако Октябрьская революция и в тот период, наряду с десятками Домергов, имела и единицы иных своих летописцев. В то время, как Домерг подготовлял свои пасквили, с надеждой наблюдая агонию Временного правительства в залах Зимнего дворца и контрреволюционные приготовления в петроградской думе, этом штабе контрреволюции, — в то же время ходил по улицам ошетинившегося Петрограда, бродил по дортуарам и залам Смольного другой журналист, имя которого известно теперь всему миру, — Джон Рид. Он в те дни кропотливо собирал номера газет, прокламации и брошюры, плакаты и афиши, которые документально подкрепили бы все то, что он наблюдал; он повез затем в ньюйоркскую гавань огромную великолепную коллекцию материалов, чтобы засесть с ними в небольшой комнатке Нью-Йорка и написать там свою книгу «Десять дней, которые потрясли мир», о которой Ленин в своем предисловии писал:

«Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата».

Эта книга, действительно, была переведена на все языки и действительно распространена в миллионах экземпляров. Эта книга пробила первую брешь в стене, поставленной мировой буржуазией между победившим пролетариатом России и угнетенными пролетариями капиталистических стран.

В те же дни бродил по Петрограду и другой революционный журналист — Альберт Рис Вильямс. О его возвращении в Нью-Йорк из Советской республики Эптон Синклер писал: «Все силы капитализма были мобилизованы, чтобы сделать блокаду Советской России полной и непроницаемой. И когда Вильямс все же прорвался сквозь нее и принес нам истину, он, с его рассказами и сообщенными им фактами, показался нам вестником из другого мира». Альберт Рис Вильямс не сразу сел за книгу. Он разъезжал по городам Америки, всюду рассказывая правду о Советской стране. И когда он выпустил брошюру «76 вопросов и ответов», она разошлась в двух миллионах экземпляров. Американские рабочие, несмотря на все препятствия буржуазии, узнали правду о Советской стране и, как сообщает тот же Эптон Синклер, «десятками тысяч стекались на доклады Вильямса и Джона Рида, чтобы выразить свое сочувствие революции».

И не все буржуазные журналисты пошли по стопам Габриэля Домерга. Корреспондент «Манчестер Гардиан» Филлипс Прайс приехал в Россию, далекий от коммунистических воззрений. Он уехал отсюда также не коммунистом. Но в своих телеграммах он не повторял той клеветы, которую распространяли его «коллеги», а его книга об Октябрьской революции, если порой и обнаруживает неполное понимание событий, является одной из первых сочувственных книг о Советской республике.

II

Борьба против проникновения правды о Стране советов к трудящимся массам всего мира была для мировой буржуазии частью ее борьбы против революционного движения, разраставшегося во всех странах. Буржуазии, несмотря на все ее меры, не удалось остановить революцию. Мировой характер Октябрьской революции подтверждался все новыми и новыми историческими фактами, как германская революция, как пролетарская диктатура в Венгрии, как Баварская советская республика и т. д. и т. д. Этот рост революционного движения в свою очередь способствовал росту интереса к тому, что совершается в Советской России, не только со стороны пролетарских масс, но и со стороны интеллигенции. в особенности той части ее, которая под влиянием победного развертывания революции сближалась с революционным движением.

В результате, несмотря на то, что буржуазная печать продолжала свою кампанию лжи и клеветы, несмотря на то, что продолжали выходить книги под названиями: «Варварская Советская Россия» (Мак Брайд — Америка), «Русские Содом и Гоморра» (К. Гальберг — Дания), «Обманщики и обманутые» (А. Линдеман — Германия), — несмотря на все это, в настроен-

х интеллигенции, вернее—известной части ее, начался переворот в отношении к Советской республике.

В 1919 году в парижской «Юманите» было опубликовано воззвание представителей французской интеллигенции за подписями Анатоля Франса, Жоржа Дюамеля, Анри Барбюса, Стейнгейна и других. Касаясь этого воззвания в своей речи на VII Всероссийском съезде Советов, Ленин говорил:

«В этом заявлении, которое начинается подписью Анатоля Франса, где есть подпись Фердинанда Бюиссона, я насчитал 1 фамилию представителей буржуазной интеллигенции, известных всех Франции, которые говорят, что они против вмешательства в дела России, потому что блокада, применение голодной смерти, от которой гибнут дети и старики, не может быть допустима с точки зрения культуры и цивилизации, что они того снести не могут. А известный французский историк Олар, как сквозь стоящий на буржуазной точке зрения, в своем письме говорит: «Я, как француз, — враг большевиков, как француз — сторонник демократии, меня смешно заподозрить в противном, но когда я читаю, что Франция приглашает Германию принять участие в блокаде России, когда я читаю, что Франция с этим предложением обращается к Германии, — тогда я ощущаю краску стыда на лице». Это, может быть, просто словесное выражение чувств со стороны представителя интеллигенции, но можно сказать, что это — третья победа, которую мы одержали над империалистической Францией внутри ее самой» (т. XXIV, стр. 600).

Такую же победу мы одержали и в ряде других стран. Голоса в защиту Октябрьской революции все чаще стали раздаваться и в Англии, и в Германии, и в Америке. Речи, произнесенные Бернардом Шоу в Англии, статьи Анри Барбюса во Франции, пламенные стихи Иоганнеса Бехера в Германии—все это было явлением одного порядка, явлением, подчеркивавшим победу идей Октябрьской революции над лучшими умами Запада.

Одновременно стало наблюдаться стремление многих писателей, более или менее близких к революции, пробраться, несмотря на блокаду, в Страну советов и посмотреть собственными глазами, как строит новую жизнь пролетариат, взявший власть в свои руки. Приезжавшие тогда в Страну советов буржуазные писатели также не могли уже описывать революцию так, как ее описывали Габриэли Домерги, ибо на Запад уже проникли иные вести из нашей страны. В результате в иностранную литературу о Советской России включаются не только книги злобствующих буржуа.

Макс Бартель и Франц Юнг — эти два типичных представителя мелкобуржуазной интеллигенции, в период революционного подъема примкнувшие к революции, а потом, испугавшись грудностей борьбы, изменившие ей, — в те годы написали небольшие книжки, правдиво, а порою даже страстно отразившие революционные победы советского пролетариата. В небольшой книжке Франца Юнга «Поездка в Россию» особенно ярко показано, как советская власть изменила положение женщины,

какие новые широкие перспективы открыла она перед молодежью. У Бартеля имеется ряд книг, и самая интересная из них — это книга о Красном Урале, в которой он показывает, до чего довел контрреволюция богатую промышленность Урала, сколько человеческих жизней стали жертвой белого террора колчакских банд, в которой он разоблачает клевету и ложь буржуазной печати о красном терроре революции.

Чешский писатель Иван Ольбрахт, немецкий писатель, гадифист и гуманист Артур Голичер, немецкий писатель и экономист Альфонс Гольдшмидт, английский писатель и журналист Артур Ренсом, немецкий очеркист Альфонс Пакэ — все это отдельные имена из числа тех писателей, которые в ту пору приезжали в Советский союз с искренними намерениями увидеть новое, совершающееся в этой стране, и по мере своих сил правдиво отобразить его. Конечно, не все эти писатели одинаково выполняли свою задачу, не все они по своей мировоззренческой сущности сумели понять то, что видели, но все же их книги в то время сыграли значительную роль в рассеивании тумана лжи, сгустившегося вокруг Советской страны.

Некоторым из них, как например Альфонсу Пакэ, казалось, что день 7 ноября — это «день бракосочетания идеи с хаосом», что город скован, если в нем не кипит торговля, что жизнь ограничена, если она не идет так, как в других столицах мира. Но тот же Альфонс Пакэ сознает, что «этот скованный город, в котором нет никакой торговли, который бездельничает и обезлюдевает, не может стать ничем иным, как солнечными часами новых веков».

Артур Голичер, который дал в общем вполне сочувственную книгу о Советской России, который написал ряд восторженных страниц о том новом, что он увидел в Стране советов, в то же время сокрушается об участии интеллигенции в России, и ему кажется, что ничем нельзя преодолеть пропасть между интеллигенцией и коммунистами. И у Ольбрахта, и у Гольдшмидта, и у Бартеля, и у целого ряда других мелкобуржуазных писателей, выпустивших тогда книги о России, мы находим эту двойственность, это неумение полностью осознать и воспринять те величайшие исторические сдвиги, которые совершила в стране Октябрьская революция.

Характерна в этом отношении книга Герберта Уэллса «Россия во мгле». Воображение этого автора ряда фантастических романов не могло охватить перспективы, открывшиеся перед страной после Октябрьской революции. Он признает, что советское правительство «в настоящее время (речь идет о 1920 г.) — это единственное возможное в России правительство». Он допускает, что крестьянам живется даже лучше, чем в 1914 году, «так как у них теперь больше земли и они освободились от помещиков». В главе под названием «Созидательная работа России» он подробно останавливается на первых достижениях советской власти в области хозяйства и культуры. Но Уэллс-мещанин с головы до ног. Он изрекает: «Грубая марксистская философия, которая делит всех людей на буржуазию и пролетариат».

тариат, которая рассматривает социальную жизнь как до глубины простую «борьбу классов», не имеет никакого понятия об условиях, необходимых для коллективной интеллектуальной жизни». Передавая свою беседу с Лениным, которого он называет «кремлевским мечтателем», Уэллс еще больше показывает всю «глубину» своей фантазии и своего непонимания нашей революции. Когда Ленин рассказывал ему об электрификации, о перспективах нашего экономического развития, Уэллс мог только развести руками. Ленин сказал ему: «Приезжайте опять в Россию через десять лет и посмотрите, что мы за это время сделаем». Уэллс не приехал больше в Россию. Он знает, что планы «кремлевского мечтателя» получили свое реальное осуществление. Но это не помешало ему недавно выступить против Советского союза. Это делает тем более интересной его книгу, одну из первых книг, написанную писателем с мировым именем о Советской республике.

Еще труднее оказалось для этих писательских групп задача художественного отображения советской жизни в период нэпа. В эти годы участились приезды иностранцев в Советскую Россию. Это была пора, когда Страну советов посетили уже многие делегации иностранных рабочих, когда наряду с клеветническими книгами появились многие книги, освещавшие нашу революцию с пролетарской точки зрения. Если еще несколько лет тому назад каждого уезжавшего в Россию, в «эту страшную страну большевиков», провожали, как идущего на смерть, как обреченного на гибель, то теперь эти поездки никого уже не пугали и не рассматривались как героизм. В этот период началась поездки «деловых людей Запада», которые отправлялись в Советскую республику, чтобы определить возможности торговых сношений с нами, чтобы устанавливать эти сношения. Эти люди, вернувшись к себе, также выпускали книги о России — дневники, очерки, экономические описания. И не только представители делового Запада, но и ряд буржуазных писателей-журналистов, попадавших в эти годы в Советскую страну, подходили к ней именно с этой деловой точки зрения.

И вот все эти люди оказывались растерянными перед лицом тех «противоречий», которые представлялись им в нашей жизни, когда, с одной стороны, власть в руках рабочих, — это чувствуется на каждом шагу, — а с другой стороны, открыты кафе и рестораны, магазины полны товаров, и все это доступно тем, у кого есть деньги, доступно нэпманам, которых рабочая власть терпит, несмотря на то, что легко могла бы покончить с ними, которым она как будто даже покровительствует. Чем же могли объяснить себе буржуазные писатели эти «противоречия»? Как растолковывали они их своим читателям, как представляли они Советскую страну в периоде нэпа?

«Ни в одной стране, — призывается испытанный буржуазный журналист Колин Росс, автор книги «Путь на Восток», — не легко теперь определить настоящее положение и движущие силы, намечающие перспективы будущего. Но нигде это не тяжело так, как в России, где все находится в движении и где ты

сталкиваешься с чрезвычайно разнообразными и противоречивыми явлениями, которые лишают возможности делать какие-либо сравнения и выводы».

Буржуазные бытописатели Советской страны, конечно, не могли понять ни политики советской власти, ни значения нэпа. И они предпочитали делать сами желательный для них вывод: Советская Россия идет, мол, назад к капитализму. Один из тогдашних путешественников Рудольф Асмис формулирует четко это свое мнение: «Коммунистическая партия, очевидно, утратила свои прежние цели борьбы после того, как она разрушила здание капиталистического хозяйства, а ее собственная экономическая система в течение последних лет оказалась все более и более неосуществимой. Она вынуждена теперь вернуться назад к основам капиталистического хозяйства».

Такие же приятные перспективы рисовал себе в своей книге Эдуард Ольсворт Росс, профессор социологии в американском университете. Он вообще приветствует революцию, поскольку он видит, насколько неразумна политика буржуазии, но то, что он видит в Советской стране, по его мнению, есть не что иное, как «возврат к капитализму, более гуманному и справедливому».

Эти выводы буржуазная литература о Советской республике несла на Запад, используя их для новой агитации против первой республики труда. Весть о том, что «Россия возвращается к капитализму», наполняла радостью сердца врагов и вызвала тревогу и сомнения в рядах друзей пролетарской революции. Но теперь уже число друзей РСФСР за рубежом колоссально выросло, и среди них было немало таких, которые могли ответить на эту новую клевету на Октябрьскую революцию. Мы знаем ряд книг, в которых нэп получил иное толкование, иное отражение.

Надо, однако, подчеркнуть, что и некоторые друзья Советской республики поддавались смущению, приезжая к нам в период нэпа. Характерно начало заключительной главы из книги революционного писателя Мартина Андерсен-Нексэ «Навстречу утренней заре»:

«Не легко сейчас писать о России. Побывавшим там несколько лет тому назад было гораздо легче. Правда, тогда она еще представляла собой хаос, но зато было ясно, куда держит путь государственный корабль... Тогда еще не «трубили отбой», — как говорят теперь на Западе...»

Но достаточно было быть другом Советской республики, чтобы разобраться во всех мнимых противоречиях, чтобы прийти к правильным выводам: «Попасть теперь в Россию, — пишет дальше Мартин Андерсен-Нексэ, — значит быть вовлеченным в головокружительный Мальстрем. Здесь меряются силами старое и новое, отжившее и молодое, самые властные идеи будущего и самый зловредный материализм прошлого. Новая экономическая политика — нэп — видный участник в этом бою. Нэп есть попытка впрячь последние силы закатающейся культуры в колесницу нового строя и воспользоваться их предсмертными, непокорными порывами для продвижения колесницы

еще немного в гору». И еще дальше он пишет: «Чтобы старому времени открылся свободный путь, нужно сперва, чтобы весь русский пролетариат был стерт с лица земли».

Буржуазные писатели использовали эти для новых поклепов на большевизм, друзья Советской страны сумели оценить правильно значение этого этапа в развитии революции. Но даже враги не могли отрицать те огромные достижения, которые имела к этому времени страна в деле восстановления разрушенного хозяйства, в деле улучшения материального положения трудящихся. Только мелкобуржуазные интеллигенты, «романтики» типа Макса Бартеля, разочаровались в революции, поскольку не видели уже в ее развитии героики периода гражданской войны и не могли понять великий пафос будней начавшегося социалистического строительства.

III

«Будничная» атмосфера, воцарившаяся в Советской стране, взявшей, засучив рукава, за восстановление разрушенного хозяйства, привлекала меньше путешественников в Советский союз. В течение нескольких лет стало как будто меньше книг о Советском союзе. Но те, которые появлялись в эти годы, если они не были вымышленными пасквилями, все резче и резче подчеркивали победы советского пролетариата, те коренные изменения, которые Октябрьская революция произвела в жизни страны, и в первую очередь—новые методы воспитания, раскрепощения женщин, культурный рост национальностей, населения Советский союз, огромную культурную работу среди рабочих, улучшение материального положения и пролетариата и крестьянства.

Внимание всего мира к Стране советов было снова привлечено в тяжелые дни смерти Ленина. Поэты всех стран и народов слагли траурные гимны в честь великого вождя мирового пролетариата, лучшие писатели посвящали его памяти строки, полные глубокого искреннего волнения. И это были не только слова о Ленине, это были слова о ленинском пути, о ленинских заветах, осуществляемых в одной шестой части мира.

«Британское правительство, — писал тогда Бернард Шоу, — к своему великому изумлению увидело, что английский пролетариат определенно осуждает его поддержку врагов Ленина и является решительным врагом такого рода антиленинизма. И не сомневаюсь, что настанет день, когда в Лондоне будет воздвигнута статуя Ленина рядом со статуей Георга Вашингтона».

«Уверенно и сильно вел он руль своей воли через хаотические волны человеческого океана, и долгие времена будет виден его неизгладимый след», — писал Ромен Роллан.

«Как ни смотреть на то, что произошло в России, — заявлял Генрих Манн, — Ленин сделал свой народ счастливее, и поэтому он сам был счастливее, чем может быть какой-нибудь деятель Германии».

Писатели самых разнообразных мировоззрений не могли не только не отдать должное величайшему человеку современности, но должны были признать, что дело его победило, что дело его бессмертно, что ничто не может остановить начатое им движение в его дальнейшем развитии.

Следующий этап усиленного внимания иностранной литературы к Советскому союзу мы видим в дни десятилетия Октябрьской революции. Вместе с сотнями делегатов пролетарских организаций, съехавшихся в Москву со всех концов мира, приехали и десятки писателей самых разнообразных направлений и политических взглядов. Они видели великий праздник Октябрьской революции, они разъезжали по нашей стране, наблюдая грандиозный рост нашего хозяйства, нашу новую культуру и в десятках книг запечатлели виденное. И это было не явлением короткого юбилейного периода; с этих дней все крупные писатели мира, — каждый, в ком билась живая прогрессивная человеческая мысль, — сознавали, что невозможно постичь современность, если не увидеть того, что совершается в этой одной шестой части мира. Именно с этого периода мы видим у себя крупнейших писателей современности, представителей наиболее прогрессивного и революционного крыла литературы. Анри Барбюс, Жорж Дюамель, Теодор Драйзер, Эгон Эрвин Киш, Ф. К. Вейскопф, Джон Дос-Пассос, Линард Лайцен, Иоганнес Бехер и многие, многие другие приезжали в эти годы в Страну совет и посвятили ей свои произведения.

Конечно, произведения этих писателей о Советском союзе весьма неравноценны. Мы знаем, что наша страна в тот период строительства переживала большие трудности. Надо было суметь понять, что это трудности роста, надо было суметь правильно оценить их и сквозь них увидеть грандиозность свершонного. К книгам, именно так подошедшим к нашему строительству, можно отнести книги Анри Барбюса, очерки Эгона Эрвина Киша «Цари, попы, большевики», полубеллетристическую, полужурналистическую книжку Ф. К. Вейскопфа «Пересадка в XXI столетие», книгу П. Гибу-Рибо «Куда идет Россия», Поля Вайян-Кутюрье — «Месяц в Красной Москве», Линарда Лайцена — «Шестьдесят девять дней», Альберта Рис Вильямса — «Русская земля» и т. д. Все эти писатели сумели увидеть огромные успехи пролетариата СССР и сумели показать эти успехи зарубежным читателям.

Однако были и другие категории писателей, давшие книги иного характера и иного содержания. Жорж Дюамель вместе с Люком Дюртеном приехали в Москву. По его собственным признаниям, то, что он увидел, превзошло его ожидания. Читая его книгу, можно даже подумать, что то нелепое, что имеется в ней, вызвано наивностью автора. Дюамель приходит к утверждению, что «громадное большинство русского народа приобрело выгоды от революции, хочет их сохранить и готово их защищать». Он подтверждает огромный хозяйственный и в особенности культурный рост нашей страны. Но вывод, к которому он приходит, — это тот, что подобные же достижения были бы возможны

и в условиях капитализма, если бы во главе буржуазных правительств стояли разумные люди.

Характерный штрих книги Дюамеля. Он неоднократно отмечает работу наших учебных заведений, огромную тягу к знаниям. «Вся новая Россия, — пишет он, — неумеренным энтузиазмом молодых людей служит этому суровому культу науки, от которой она ждет материального возрождения и морального триумфа». Но Дюамеля пугает одно: «Слово «техника» — один из лозунгов революции. Известных специалистов используют, чтут и хорошо оплачивают. Готовят и новых техников. Я не хотел бы подать повод к предположению, будто я презираю технику... Но я полагаю, что когда-нибудь России придется пересмотреть свое отношение к этому нетерпимому энтузиазму. Техника служит гению, но она может и задушить его. Пусть Россия еще раз обратит свои взоры в сторону Америки, пример которой вызывает у нее раздражение, не лишенное зависти. Если бы я мог, как олимпиец, быть вершителем судеб Америки, я бы сделал отбор среди американского народа, причем на каждые десять техников давал бы одного поэта». Здесь еще раз сказалось мелкобуржуазное воззрение Дюамеля, не сумевшего понять различия между техникой в условиях капитализма и техникой в условиях социалистического строительства.

На той же высоте стоит книга Люка Дюртена. Он, как и Дюамель, отмечает много положительного, в особенности в области нашего культурного строительства, но в его восприятии то, что совершается в СССР, — это нечто обособленное от всей современности, СССР в его толковании — это «иная Европа», а большевизм — это «московская вера».

После книги Анри Бери, клеветнически лгавшей на Советский союз, говоря о том, что народы СССР идут к варварству, книги Дюамеля и Дюртена сыграли свою положительную роль, но по существу они явились предтечами тех социал-фашистских толкований нашей революции, которые получили широкое применение в последующие годы.

Стоит остановиться на такой книге об СССР, как книга буржуазной писательницы Андрэ Виоллис. Эта книга имеет много страниц, передающих восхищение автора гигантской стройкой в Советской стране. Вот эта писательница едет по Закавказью, наблюдает новую жизнь так недавно еще раздираемого междоусобицами цветущего края, говорит о том новом индустриальном будущем, которое готовит Закавказью советская власть, восхищается Загэсом. И когда ей рассказывают о том, что здесь, на Загэсе, будет воздвигнута огромная статуя Ленина, она как бы невзначай добавляет: «Советы — не подтверждается ли это еще раз? — неподражаемые инспенировщики». Это — прием, весьма часто применяемый буржуазными писателями, выполняющими заказ своих хозяев, не идущих на то, чтобы давать одну ложь, — она котируется уже слишком дешево, — и предпочитающих дискредитировать наши достижения подобными репликами. Этот прием стоит отметить еще потому, что применение его учащается по мере роста достижений Советского союза.

Из книг этого периода большого внимания заслуживает книга Теодора Драйзера. Драйзер пробыл в СССР около трех месяцев, он посетил почти все крупные центры Союза, от Сибири до Закавказья, познакомился со всеми сторонами нашей жизни. В своей книге он заявляет: «Я не вполне согласен ни с теорией, ни с практикой советской формы правления». В своих дальнейших рассуждениях «о коммунизме, его теории и практике» Драйзер высказывает ряд весьма несостоятельных мыслей. Он не допускает, чтобы человек мог работать для других с таким же усердием, как для себя, он не может представить себе бесклассового общества и считает, что это означало бы «жизнь без разнообразия и без различий». Его рассуждения о торговле наивны, точно так же как и план организации сельского хозяйства с разделением всей посевной площади на районы, с назначением комиссаров каждого района, подобно тому, как Стандарт-Ойл имеет своих комиссаров на нефтяных участках.

Мы знаем из рассказов сопровождавшей его переводчицы Рут Кеннель, что Драйзер приехал сюда отнюдь не убежденным другом Советского союза. И все же эта книга сама по себе явилась признанием грандиозных успехов СССР.

«Я пришел к выводу, — пишет Драйзер, — что Россия, по всей вероятности, превратится в одну из самых мощных экономических сил, которые когда-либо существовали в мировой истории». Драйзер сравнивает капиталистическую систему Америки с социалистической системой СССР и отдает полное предпочтение последней.

Эта книга имеет еще одно важное значение. Она сыграла большую роль в создании того перелома, который в течение последних лет произошел в мировоззрении Теодора Драйзера. Если здесь он еще не воспринимал всего со всей глубиной, если здесь его еще раздражали отдельные мелочи, то, когда он вернул на родину и увидел, как пресловутая страна просперити превращается в страну с миллионами безработных, со все усиливающимися репрессиями против рабочего класса, он стал фактически активным проповедником идей коммунизма.

Последние годы перед началом пятилетки имеют большую литературу, отличную от литературы предшествующих лет, ибо в ней уже широко и ярко рисуются огромные победы пролетарской диктатуры, ибо в ней уже намечается та дифференциация в оценке достижений Советского союза, которая в последующие годы еще резче разделила и в настоящее время продолжает разделять писательский мир на два лагеря, защищающих две системы, в то же время выделяя ту среднюю прослойку мелкобуржуазной писательской интеллигенции, лучшие представители которой, подобно Теодору Драйзеру, Ромену Роллану и Бернарду Шоу, все решительнее и решительнее переходят на сторону революционного пролетариата.

IV

Великий план пятилетних работ, встреченный вначале злобным шипением врагов, толковавших на всякие лады, что этот план — фантазия, что этот план — утопия, которая никогда не будет осуществлена, теперь имеет уже свою значительную литературу за рубежом СССР. Достаточно указать, что первая большая поэма, — эпос пятилетки, — написана немецким поэтом Иоганнесом Бехером. Его «Великий план» — это поэтическое отображение того грандиозного героизма, с которым пролетарии Советского союза боролись за осуществление плана, преодолевая трудности и препятствия, чинимые врагами социализма.

Мы имеем значительное число высказываний представителей зарубежной интеллигенции, в которых они высоко расценивают пятилетний план и темпы его выполнения, его значение для дальнейших побед Октября.

Великие гиганты пятилетки нашли своих поэтов и писателей за рубежом нашей страны. Магнитострою посвящена большая поэма польского революционного поэта Ст. Р. Стандэ, Магнитострою и Кузнецкострою посвящена книжка Поля Вайян-Кутюрье «Гиганты индустрии». Днепрострою посвящены многочисленные очерки на всех языках, всех писателей, побывавших в Советском союзе. Сталинградский тракторный — его зарождение, его строительство, его пуск, его производственные победы талантливо отображены чешским писателем Юлиусом Фучиком.

Перестройка сельского хозяйства на социалистических основах, успехи нашей коллективизации, революция, внесенная коллективизацией в экономику и быт трудящегося крестьянства, — все эти многообразные явления, не имеющие прецедента в истории, послужили темой не одному иностранному писателю. Блестящие очерки Альберта Рис Вильямса, книга Берты Ласк «Совхозы и коллективизированная деревня», очерки бригад Международного объединения революционных писателей, в которые входили американец Джошуа Кьюниц, немец Карл Грюнберг, француз Поль Вайян-Кутюрье, венгерец Эмиль Мадарас и др., показали необычайные успехи коллективизации в национальных районах — в Адыгее, среди цыган, евреев и т. д. Их же очерки интересно отображали те изменения, которые принесла советская власть в жизнь трудового крестьянства, на примере деревни Ново-Животиное, той самой деревни, которую кадет Шингарев некогда описал в книге под названием «Вымирающая деревня» и которая теперь представляет цветущий колхоз.

Ленинская национальная политика, индустриализация вчерашних «окраин», рост культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, приобщение восточной женщины к общественной жизни страны, новые условия и методы воспитания, — эти темы отражены в ряде художественных книг. Мы находим описание нового быта и новой жизни националь-

ностей, населяющих советскую Сибирь, в книге Отто Геллера «Сибирь — вторая Америка». Жизнь среднеазиатских республик отображена в книге Лотара Вольфа и Марты Рубен-Вольф «Свободная Азия», в книге Поля Вайан-Кутюрье «В стране Тамерлана» и в книге Эгона Эрвина Киша «Меняющаяся Азия». Жизнь Закавказья, Украины и Белоруссии получила свое отображение в многочисленных очерках и книгах писателей разных направлений — Ф. К. Вейскопфа, упомянутой уже Андрэ Виоллис, в книге Пьера Доминика «Да, но Москва...», к которой мы еще вернемся, и т. д. Жизни национальностей, населяющих советское Поволжье, посвящена в большей своей части книга Фриды Рубинер «Великая река». Интересна в отношении отображения нашей национальной политики книга турецкого писателя Фалиха Рифкы, где он сравнивает ее с национальной политикой Турции, подчеркивая огромные успехи СССР. Ленинская национальная политика советской власти воспета в стихах и поэмах ряда революционных поэтов — Т. Лахути, Назима Хикмета, Эми Сяо и др.

Наконец, коренное изменение лица наших городов, совершенно иная жизнь, не похожая на жизнь других мировых столиц, бьющая в наших городах, новые люди, творящие новую жизнь, люди с новой психологией, с новыми стремлениями, — всему этому также посвящено немало книг и статей.

«Особенность этого города, — пишет в своей статье о поездке в Москву германский писатель Курт Клебер, — особенность всей этой страны — это то, что и рабочий, подталкивающий свою тачку, и каменщик на стройке, и плотник, и затянутый в кожу шофер на большом грузовике, и рабочие, едущие в трамвае на фабрики, и рабочие у токарных и ткацких станков — все охвачены такой же радостью, как и те, у которых сегодня день отдыха... И эта радость повсюду».

«И здесь, — пишет в своей небольшой книге впечатлений о поездке в СССР писатель другого направления — Стефан Цвейг, — можно проследить ту черту, которая бросилась в глаза с первого мгновения — наличие твердой воли, решение защищать определенную идею, серьезная, сильная, сконцентрированная энергия, направленная на хозяйственное строительство».

По этим улицам ходят новые люди, воспитанные или перевоспитанные революцией. И это не только в Москве, это можно наблюдать и в холодной Сибири и в знойной Азии, на берегах Черного моря так же, как и на берегах Белого моря или Балтийского.

Борьба за выполнение пятилетнего плана, огромные достижения в осуществлении этого плана в четыре года, те огромные и решительные сдвиги, которые произошли в нашей стране в процессе выполнения этого плана, — эти темпы вдохновляли друзей Советского союза; откликаясь на эти темы, перевоспитывались многие писатели из рядов мелкобуржуазной интеллигенции; эти темы пытались использовать и наши враги для дискредитации великой идеи пятилетнего плана.

Надо сказать, что враги Советского союза в своей борьбе при помощи литературы против пятилетки стали применять более искусные средства и способы, чем они применяли раньше. Вот книга о поездке в Сибирь, написанная московским корреспондентом «Кельнише Цейтунг» А. Юстом. Книга состоит из фельетонов, и это облегчает автору, бросая отдельные «остроумные» реплики, умалять описываемые им достижения.

В этом же «стиле» написаны появившиеся недавно в венской газете «Нейе Фрейе Прессе» очерки немецкого писателя Эмиля Людвига и печатавшиеся в варшавском журнале «Литературные ведомости» очерки польского поэта и критика Антония Слонимского.

Еще более показательна в этом отношении упомянутая книга Пьера Доминика. И его книга — подтверждение колоссального роста хозяйственного и культурного уровня СССР. Но каков характер этого строительства, каковы причины этих побед? Проникнутые энтузиазмом рабочие и колхозные массы для Доминика—это стадо, которое партия иногда вынуждена погонять кнутом. Советская власть для Доминика—это «сильная власть, напоминающая власть Петра Великого», с той лишь разницей, что у этой власти «миллион голов», что у нее есть мировоззрение и что власть эта социалистическая, причем социализм этот «совершенно не соответствует гипотезам Маркса и не имеет с марксизмом ничего общего». Когда Доминик описывает свою поездку по Украине, отмечая рост строительства, рост благосостояния трудящихся масс, он как бы мельком бросает фразу: «Я вспомнил Петлюру и раду, и у меня явилась раньше всего простая мысль: Украина снова попыталась освободиться, и она снова, во второй раз, была покорена Россией». Эти приемы, уже выше отмеченные нами, стали широко применяться большинством фашистских и социал-фашистских писателей.

Но в то же время в произведениях писателей другого лагеря, революционных писателей, можно наблюдать тоже новый, но совершенно другой прием в освещении Советского союза. Наиболее отчетливо он выявляется в последних работах Эгона Эрвина Киша. Этот талантливейший современный очеркист написал одну книгу об СССР еще в 1926 году. Она, конечно, была также одной из сочувственных книг о Советском союзе. Но это были если не поверхностные фельетоны, то фельетоны, в которых остроте фабулы отдавалось наибольшее творческое внимание. Новая книга Киша говорит о новых методах его работы, о методе глубокого и всестороннего изучения, о методе аналитическом. Этот метод обеспечил наибольшую убедительность книги. Характерно, что буржуазная критика, оценивая эту книгу, нападала на Киша главным образом за то, что он «перегрузил книгу цифрами», между тем как, по существу, цифр в ней очень мало. Этим же методом написана книга Берты Ласк о совхозах и колхозах. Для написания ее эта революционная писательница совершила три поездки в СССР, изучила три сельскохозяйственных кампании, и это дало ей возможность пока-

зять действительное лицо социалистического сектора нашего сельского хозяйства. К этой серии относится и книга Лили Кербер о ленинградском заводе «Красный путиловец», на который она поступила на работу и который наблюдала не со стороны, а принимая активное участие в его производственной и общественной жизни.

Пятилетка заводов и полей имеет свою огромную литературу за рубежом. Книги и очерки революционных писателей все шире и шире разъясняют трудящимся массам капиталистических стран правду о Советском союзе, разоблачают клевету буржуазной литературы, мобилизуют новые и новые тысячи пролетариев и представителей мелкобуржуазной интеллигенции в ряды защитников СССР от новой интервенции, подготовляемой мировым империализмом.

Готовя нападение на Советский союз, мировая буржуазия, конечно, использует и свою литературу для этой подготовки. Мы не будем останавливаться здесь на громадной серии военных романов, задача которых — подготовить вообще широкие массы к возможности новой бойни, рассказать им, будто война не есть великое зло, что война имеет свои преимущества, обеспечивая людей, создавая равенство между ними. Мы имеем уже немало книг буржуазных писателей с основной тенденцией показать, что война против Советского союза есть неизбежность и необходимость. В ряде «утопических» романов уже рисуется будущая война между Европой и СССР, война между какой-нибудь европейской державой и «объединенными красными армиями СССР и Китая».

В многих буржуазных книгах о пятилетнем плане авторы стремятся показать, что пятилетний план, его успешное проведение, обрекает на голод и на гибель миллионы трудящихся капиталистических стран, так как он создаст конкуренцию, которую капиталистические страны не в состоянии будут вынести. В невинной на вид книжке туристов Людвиг и Эльфриды Куммер «Страна без воскресений» мы находим страницы, в которых доказывается, что пятилетний план рассчитан на то, чтобы вызвать мировую революцию, что пятилетка — это «мобилизация к будущей войне». Аппарат империалистической подготовки к новой бойне всеми мерами использует буржуазную литературу в своих целях.

Но в то же время революционная литература также мобилизует свои силы для разоблачения этой подготовки, для отпора попытке спровоцировать новую войну. Перечисленные нами книги революционных писателей о нашем выполнении пятилетнего плана играют огромную положительную роль в этом направлении, показывая истинный характер и настоящие цели нашего социалистического строительства. Но мы имеем также ряд публицистических выступлений лучших представителей мировой литературы в защиту Советского союза. Статьи Эптона Синклера, Ромена Роллана, Анри Барбюса, Бернарда Шоу, Эрнеста Глезера, Шервуда Андерсона, Теодора Драйзера, Уолда Френка и целого ряда других не могли не при-

влекать внимания трудящихся всего мира к истинным замыслам империализма в отношении Советского союза.

Мы имеем ряд анкет, организованных Международным объединением революционных писателей среди представителей зарубежной литературы по вопросу об их отношении к подготовке войны против Советского союза. Эти анкеты выявили настоящее мировоззрение ряда зарубежных писателей; они показали, кто в случае нападения будет бороться в рядах защитников СССР и кто будет в рядах его врагов; они убеждали, что в число друзей СССР входят лучшие представители мировой литературы.

Эти анкеты показали также, какая эволюция происходит в мировоззрении писателей из мелкобуржуазной интеллигенции под влиянием политики капитализма, с одной стороны, и успехов Советского союза — с другой.

Интересны в этом отношении два ответа Стефана Цвейга. «Я твердо убежден, — писал Стефан Цвейг в 1930 г., — что агитация некоторых безответственных лиц, имеющая целью снова послать миллионы или сотни тысяч людей под пулеметы или газ, не будет иметь успеха». А в 1932 г. он ответил уже совершенно иначе. «Вы имеете слишком много оснований крайне настойчиво указывать своей стране и другим странам на грозящую опасность войны. Эта опасность представляется мне действительно огромной... Два года тому назад мне казалось, — и я открыто вам это высказывал, — что война невероятна...»

Ни для одного честно мыслящего писателя не может быть сомнений в том, что идет бешеная подготовка нападения на страну строящегося социализма, и лучшие из них один за другим поднимают свой голос протеста против этих кровавых замыслов империализма. Состоявшийся недавно в Амстердаме, по инициативе Максима Горького, Романа Роллана и Анри Барбюса, всемирный антивоенный конгресс показал, что ширятся и множатся ряды тех, кто станет на защиту великих идей Октябрьской революции.

V

Борьба двух систем, системы капиталистической и системы социалистической, обостряется с каждым днем. Сопоставление «у них и у нас», сделанное т. Сталиным в его политическом отчете на XVI съезде партии, принимает все более рельефные и выразительные формы. Мир все больше и больше разделяется на два лагеря, и соответственно этому на два лагеря разделяется мировая литература. Начавшийся процесс дифференциации ее продолжается, и мы видим, как один за другим лучшие представители ее становятся на сторону баррикад революции.

Этот процесс со всей силой сказывается и на развитии литературы об СССР, литературы об Октябрьской революции, литературы о социализме.

Иностранная литература об СССР ушла весьма далеко по сравнению с тем, что она представляла собой в первые годы

революции. Советский союз — это уже не прежняя «загадочная Россия», это не сфинкс, ждущий разгадки какого-нибудь буржуазного парнасца. СССР — это более чем реальная сила в происходящей борьбе двух миров, и реальность этой силы, которую никто не может отрицать, отражает и литература последних лет о нашем социалистическом строительстве, отражает не только революционная литература, но волей-неволей, при всех своих ухищрениях, и литература буржуазная.

Получили ли отражение в этом альманахе все отмеченные нами этапы развития иностранной художественной литературы о Советском союзе? Насколько полно нам удалось показать наиболее интересные, наиболее ценные, наиболее характерные произведения иностранных писателей об СССР?

Весьма понятно, что если мы имеем тысячи книг на эту тему, то совершенно невозможно в одной книге хотя бы в какой-нибудь мере охватить даже наиболее значительные из них. Мы стремились раньше всего составить книгу из произведений иностранных писателей, которая показала бы, как в зеркале зарубежной литературы отразилась борьба советского пролетариата за власть, за восстановление хозяйства, за создание новой культуры, за строительство социализма, за построение бесклассового общества.

В первую очередь мы хотели и должны были использовать произведения революционных писателей и писателей, близких к идее революции, сочувствующих той борьбе и тому строительству, которое идет в Стране советов. Мы совершенно отбросили явно клеветнические книги, полагая, что советскому читателю совершенно неинтересно читать абсолютную чепуху, лишенную в настоящее время даже тех элементов юмористики, которые она имела в момент своего появления. Мы совершенно отбросили произведения ренегатов вроде Панаита Истрати. В самом деле, чего стоят и кого могут интересовать высказывания человека, который в ноябре 1927 года писал: «До сегодняшнего дня руки мои держали только оружие производства. С сегодняшнего дня я готов взять ружье и убивать, чтобы защищать существование всемирной родины великодушного человека завтрашнего дня», — а через год или два стал писать клеветнические пасквилы. Стоит отметить, что в цитированной статье 1927 г. Истрати писал: «Я не пишу этой статьи, чтобы заработать свой хлеб. Я никогда этого не делал, никогда этого не сделаю. Если бы я думал о хлебе, я должен был бы остаться в Париже, где совесть покупается, как, впрочем, в любой капиталистической стране». Истрати остался в Париже — комментарии, как говорят, излишни; можно только добавить, что он успел побывать в Румынии, где совесть котируется не выше, чем в Париже.

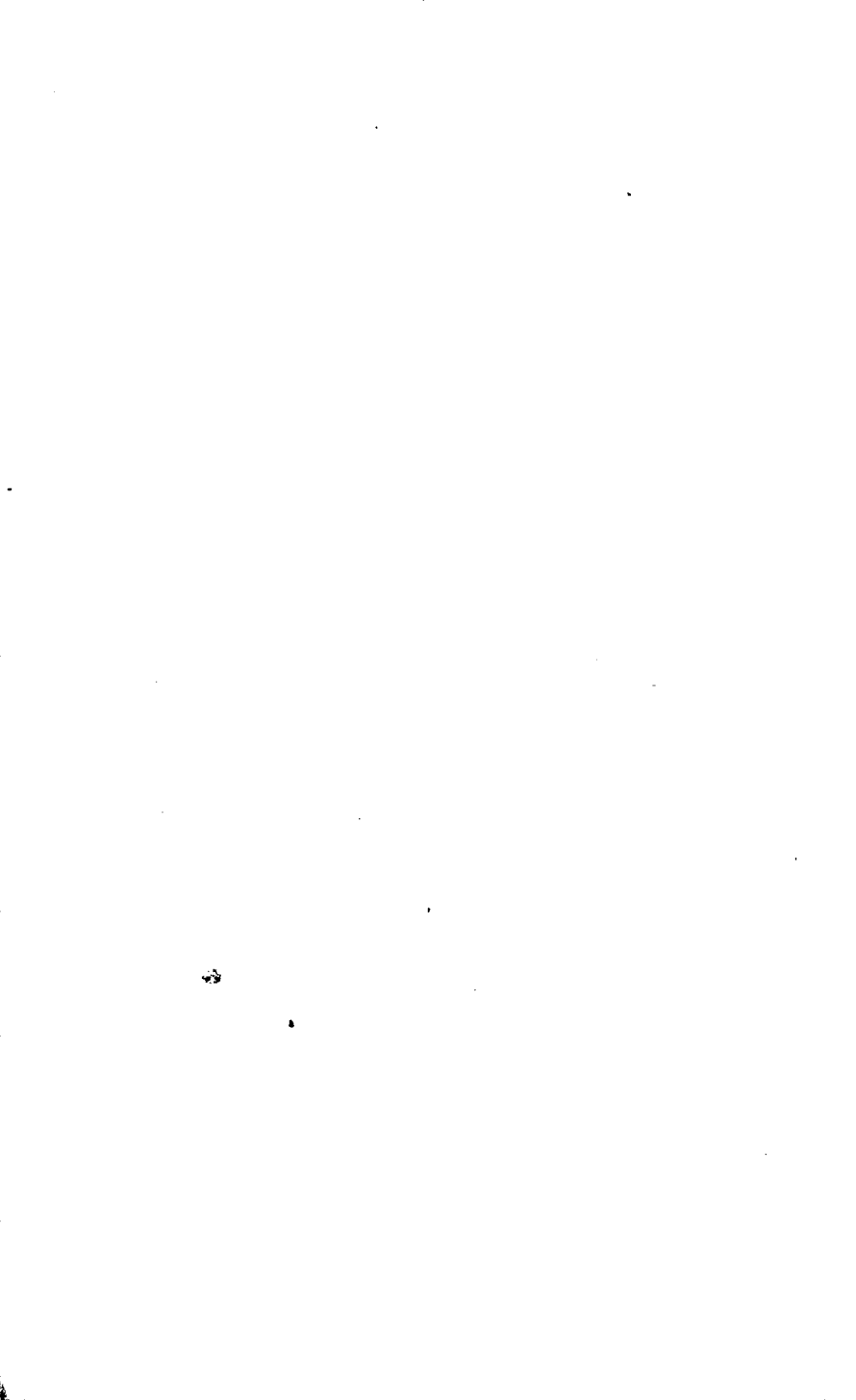
Мы не использовали здесь намеренно и многочисленных романов на тему об Октябрьской революции и Советском союзе. Они проделали приблизительно ту же эволюцию, что и очерковая литература, — от «ужасов ЧК» к отражению процессов нашего строительства, от романов с «экзотическими» названиями вроде «Всадница Эльза», «Закуска», «Ариана, русская барышня»

к роману Артура Голичера «Это было в Москве», далеко еще не совершенному, но уже по-иному ставящему эту проблему. Эта часть литературы о СССР представляет несомненный интерес; она стоит того, чтобы быть всесторонне изученной; но использовать ее мы не могли, так как это только нарушило бы построение настоящей книги и в то же время при настоящем размере нашей книги у читателя несомненно не создалось бы представления об иностранном романе о СССР. Во всей книге дан только один отрывок из беллетристического произведения — это отрывок из книги Э. Э. Двингера «Между белыми и красными». Но этот отрывок, как и все произведение, — подлинный человеческий и в то же время исторический документ огромной силы и правдивости.

Но, используя преимущественно представителей революционного крыла в современной иностранной литературе, мы не обошли произведений значительного числа представителей мелкобуржуазной интеллигенции и даже некоторых враждебных нам писателей, если их произведения в той или иной степени характеризовали тот период или ту тему, освещение которой в иностранной литературе мы хотели показать нашим читателям. Несомненно, что помещенные нами страницы Альфонса Пакэ, Уэллса, Векстона, Росса, Бейклера, Тилли, Андре Виоллис, Пьера Доминика и некоторых других далеки от того, чтобы дать правильное отражение Октябрьской революции и социалистического строительства. Но мы полагаем, что советский читатель сумеет разобраться в этих произведениях, сумеет отделить шелуху и увидеть то, что действительно характерно и показательно для отображения успехов нашей страны.

Мы хотели еще показать нашему читателю, как ширятся ряды представителей мировой литературы, которые видят в нашей стране отечество мирового пролетариата, отечество всех угнетенных трудящихся; страну, где создается новая культура, где куется новая жизнь, где рождается новый человек; страну, которую всеми своими силами и средствами должен защищать вместе с каждым пролетарием и каждый писатель, если он считает себя ответственным перед историей.

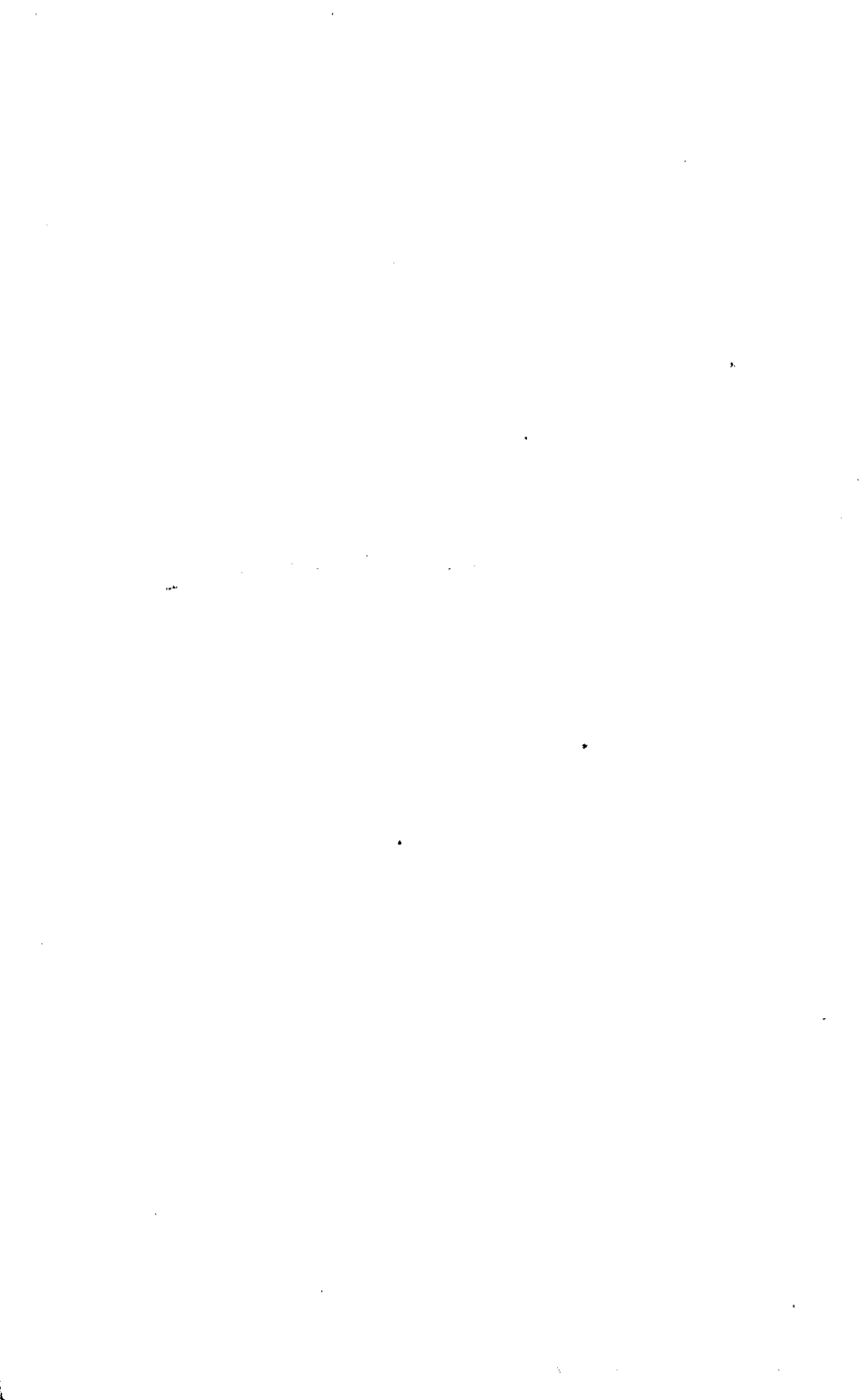
Задача перед нами стояла весьма трудная, поскольку до сих пор уделяли слишком мало внимания, или вернее, почти не уделяли никакого внимания этой литературе. Эти трудности мы просим читателя учесть при оценке настоящей книги.

**ГЛАЗАМИ
ИНОСТРАНЦЕВ**

В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

НАКАНУНЕ

В воскресенье 4 ноября (22 октября) был назначен «День Петроградского совета» с грандиозными митингами по всему городу. Эти митинги были назначены под предлогом денежных сборов на советские организации и советскую печать, но на самом деле они должны были быть демонстрацией силы. Вдруг стало известно, что казаки назначили на тот же самый день крестный ход в честь чудотворной иконы, «спасшей» Москву от Наполеона в 1812 году. Атмосфера была насыщена электричеством. Малейшая искра могла зажечь пожар гражданской войны...

В казармах и рабочих кварталах большевские проповедывали свой лозунг: «Вся власть советам!», а агенты темных сил подстрекали народ громить евреев, лавочников и социалистических вождей...

С одной стороны — погромные статьи монархической печати, с другой стороны — громовой голос Ленина: «Вставайте!.. Больше ждать нельзя!»...

Я проводил почти все время в Смольном. Пробраться туда стало нелегко. У внешних ворот стояла двойная цепь часовых, а перед главным входом тянулась длинная очередь людей, ждавших пропуска. В Смольный пускали по четыре человека сразу, предварительно установив

личность каждого и узнав, по какому делу он пришел. Выдавались пропуска, но их система менялась по нескольку раз в день, потому что шпионы постоянно ухитрялись пробираться в здание...

В коридоре мне попался Карахан, член большевистского ЦК. Он рассказал мне, каково будет новое правительство:

— Гибкая организация, чуткая к народной воле, выражаемой советами, предоставляющая величайшую свободу местной инициативе. Теперь Временное правительство точно так же связывает местную демократию, как это делалось при царе... Формы правления будут установлены в соответствии с уставом Российской социал-демократической рабочей партии. Парламентом будет новый ЦИК, ответственный перед Всероссийским съездом советов, который должен будет созываться очень часто; министерствами будут управлять не отдельные министры, а коллегии, непосредственно ответственные перед советами...

Все ждали, что в один прекрасный день на улицах неожиданно появятся большевики и примутся расстреливать всех людей в белых воротничках. Но на самом деле восстание произошло крайне естественно и вполне открыто.

Временное правительство собиралось отправить петроградский гарнизон на фронт.

Петроградский гарнизон насчитывал около шестидесяти тысяч человек и играл в революции очень выдающуюся роль. Именно он решил дело в великие февральские дни, он создал ^и советы солдатских депутатов, он отбросил Корнилова от подступов к Петрограду.

Теперь в нем было очень много большевиков. Когда Временное правительство заговорило об эвакуации города, то именно петроградский гарнизон ответил ему:

«Одно из двух... Правительство, неспособное оборонить столицу, должно либо заключить немедленный мир, либо, если оно не способно заключить мир, оно должно убраться

прочь и очистить место подлинно народному правительству».

Было очевидно, что успех или неуспех любой попытки восстания всецело зависел от поведения петроградского гарнизона...

30 (17) октября собрание представителей всех петроградских полков вынесло следующую резолюцию:

«Петроградский гарнизон больше не признает Временного правительства. Наше правительство — Петроградский совет. Мы будем подчиняться только приказам Петроградского совета, изданным его Военно-революционным комитетом».

Местным военным частям было приказано ждать инструкций от солдатской секции Петроградского совета...

3 ноября (21 октября) вожди большевиков собрались на свое историческое совещание. Оно шло при закрытых дверях. Я был предупрежден Залкиндом и ждал результатов совещания за дверью, в коридоре. Володарский, выйдя из комнаты, рассказал мне:

Ленин говорил: «6 ноября (24 октября) будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 6-го не все еще делегаты на съезд придут. С другой стороны, 8 ноября (26 октября) будет слишком поздно действовать: к этому времени съезд организуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны действовать 7 ноября (25 октября) — в день открытия съезда, так, чтобы могли ему сказать: «Вот власть! Что вы с ней сделаете?»

В одной из комнат верхнего этажа сидел тонколицый, длинноволосый человек, математик и шахматист, бывший офицер царской армии, а потом ссыльный революционер, некто Овсенко (партийная кличка — Антонов). Он тщательно разрабатывал план захвата столицы...

На улице дул сырой, холодный ветер с Финского залива. Холодная грязь просачивалась сквозь подметки. Две роты юнкеров, мерно печатая шаг, прошли вверх по Морской. Их ряды стройно колыхались на ходу, они пели старую солдатскую песню царских времен...

На первом же перекрестке я заметил, что милиционеры были посажены на лошадей и вооружены револьверами в блестящих новеньких кобурах; публика собиралась небольшими группками и молчаливо глядела на них. На углу Невского я купил ленинскую брошюру: «Удержат ли большевики государственную власть?» и заплатил за нее бумажной маркой: такие марки ходили тогда вместо разменного серебра. Как всегда, тянулись трамваи. На каждом выступе вагонов висели штатские и военные пассажиры в таких позах, которые заставили бы позеленеть от зависти знаменитого акробата Шонта... Вдоль стен тянулся ряд дезертиров, одетых в военную форму и торговавших папиросами и подсолнухами.

По всему Невскому толпы народа дрались в густом тумане из-за последних газет или, собираясь у афин, пытались разобраться в призывах и прокламациях, которыми были заклеены все стены. Здесь были прокламации ЦИКа, крестьянских советов, «умеренно»-социалистических партий, армейских комитетов, — и все они просили, умоляли, заклинали рабочих и солдат сидеть дома, поддерживать правительство...

Какой-то броневик все время ездил взад и вперед, завывая сиреной. На каждом углу, на каждом перекрестке собирались густые толпы. Горячо спорили солдаты и студенты. Медленно спускалась ночь, мигали редкие фонари, текли бесконечные волны народа... Таков обычный вид Петрограда перед крупными беспорядками.

Город был настроен нервно и настораживался при каждом резком шуме. Но большевики не подавали никаких

внешних признаков жизни: солдаты оставались в казармах, рабочие — на фабриках. Мы зашли в кинематограф у Казанского собора. Шла кровавая итальянская картина, полная страстей и интриг. В переднем ряду сидело несколько матросов и солдат. Они с детским изумлением смотрели на экран, решительно не понимая, для чего понадобилось столько беготни и столько убийств...

Из кинематографа я поспешил в Смольный. В десятой комнате, на верхнем этаже, шло непрерывное заседание Военно-революционного комитета. Председательствовал юноша лет восемнадцати, с мочальными волосами, по фамилии Лазимир. Проходя мимо меня, он остановился и несколько робко пожал мне руку.

— Петропавловская крепость уже перешла на нашу сторону! — с радостной улыбкой сказал он. — Мы только что получили вести от полка, посланного правительством в Петроград на усмирение. Солдаты стали подозревать, что тут не все чисто. Они остановили поезд в Гатчине и послали к нам делегатов. «В чем дело? — спросили они нас. — Что вы нам скажете? Мы уже вынесли резолюцию: «Вся власть советам!» Военно-революционный комитет ответил им: «Братья, приветствуем вас от имени революции! Стойте на месте и ждите приказа».

— Все наши телефонные провода, — говорил он, — перерезаны. Однако военные телефонисты наладили полевой телефон для сообщения с заводами и казармами...

В комнату непрерывно входили и выходили курьеры и комиссары. За дверями дежурило двенадцать добровольцев, готовых в любую минуту помчаться в самую отдаленную часть города. Один из них, человек с цыганским лицом и в поручичьей форме, сказал мне по-французски: «Все готовы встать по первому знаку».

Проходили: Подвойский, худой, бородатый штатский человек, разработавший всю стратегию восстания; Ан-

тонов, небритый, в грязном воротничке, пьяный от бессоницы; Крыленко, коренастый, широколицый солдат с постоянной улыбкой, оживленной жестикуляцией и резкой речью; Дыбенко, огромный бородатый матрос со спокойным лицом. Таковы были люди того времени и грядущих времен.

Внизу, в помещении фабрично-заводских комитетов, сидел Сератов. Он подписывал ордера на казенный арсенал — по полтораста винтовок каждому заводу... Перед ним выстроилось в очередь сорок делегатов.

В зале я встретил нескольких второстепенных большевистских вождей. Один из них показал мне револьвер.

— Началось! — сказал он. Лицо его было бледно. — Выступим мы или нет, но враг уже знает, что ему пора покончить с нами или погибнуть самому!..

Уходя из Смольного в 3 часа утра, я заметил, что по обеим сторонам двери стояли пулеметы и что ворота и ближайшие перекрестки охранялись сильными солдатскими патрулями. Вверх по лестнице взбегал Билль Шатов.

— Ну, — крикнул он, — мы начали! Керенский послал юнкеров закрыть наши газеты «Солдат» и «Рабочий путь». Но тут пришел наш отряд и сорвал казенные печати, — а теперь мы посылаем людей для захвата буржуазных редакций!

Он радостно похлопал меня по плечу и побежал дальше...

Утром 6 ноября (24 октября) у меня было дело к цензору, канцелярия которого помещалась в министерстве иностранных дел. По улицам все стены были заклеены прокламациями, истерически призывавшими народ к «спокойствию». Полковников выпускал приказ за приказом:

«Приказываю всем частям и командам оставаться в занимаемых казармах впредь до получения приказов из штаба округа...

Всякие самостоятельные выступления запрещаю.

Все офицеры, выступившие помимо приказа своих начальников, будут преданы суду за вооруженный мятеж.

Категорически запрещаю исполнение войсками каких-либо приказов, исходящих из различных организаций.

Главный начальник округа, генерального штаба
подполковник П о л к о в н и к о в а.

Утренние газеты сообщили, что правительство запретило газеты «Новая Русь», «Живое слово», «Рабочий путь» и «Солдат» и постановило арестовать вождей Петроградского совета и членов Военно-революционного комитета. Когда я пересекал Дворцовую площадь, под аркой Генерального штаба с грохотом проскакало несколько батарей юнкерской артиллерии. Они выстроились перед дворцом. Огромное красное здание Генерального штаба казалось необычайно оживленным. Перед дверьми стояло несколько автомобилей; непрерывно подъезжали и уезжали все новые автомобили с офицерами...

Цензор был взволнован, как маленький мальчик, которого взяли в цирк. «Керенский, — сказал он мне, — только что ушел в Совет республики подавать в отставку...»

На углу Морской и Невского солдатские патрули останавливали все частные автомобили, высаживали из них седоков и направляли машины к Зимнему дворцу. На них глядела большая толпа собравшейся публики. Никто не знал, за кого эти солдаты: за Временное правительство или за Военно-революционный комитет? Напротив Казанского собора происходило то же самое. Машины отправлялись оттуда вверх по Невскому. Вдруг появилось пять-шесть матросов с винтовками. Взволнованно смеясь, они вступили в разговор с двумя солдатами. На их матросских бескозырках были надписи: «Аврора» и «Заря свободы», — названия большевистских крейсеров Балтийского флота. «Кронштадт идет!» — говорил один из матросов... Эти слова значили то же самое, что значили

в Париже 1792 года слова: «Марсельцы идут!» Ибо в Кронштадте было двадцать пять тысяч матросов, и все они были убежденные большевики, готовые идти на смерть...

В центре событий, в Смольном, непрерывно заседал Петроградский совет. Делегаты сваливались и засыпали тут же, на полу, а потом просыпались, чтобы немедленно принять участие в дебатах...

С наступлением ночи огромный зал наполнился солдатами и рабочими, густой темнокоричневой толпой, глухо гудевшей в синем табачном дыму. Старый ЦИК наконец решился приветствовать делегатов того нового съезда, который нес с собой его провал, — а может быть, и провал всего созданного им «революционного» порядка. Впрочем, на этом собрании имели право голоса только члены ЦИКа...

Среди дикого беспорядка Эрлих предложил резолюцию, призывающую рабочих и солдат сохранять спокойствие и не слушать провокаторов, призывающих к демонстрации. Кроме того, его резолюция призывала необходимость немедленного создания Комитета общественной безопасности и требовала от Временного правительства немедленного издания закона о передаче земли крестьянам и об открытии мирных переговоров.

Тогда вскочил Володарский, резко крича, что накануне съезда советов ЦИК не имеет права брать на себя функции этого съезда.

— ЦИК фактически мертв, — заявил Володарский, — и эта резолюция может явиться только камфарой, затягивающей агонию. Мы, большевики, не станем голосовать эту резолюцию!

После этого все большевики покинули зал заседания, и резолюция прошла...

Около четырех часов утра я встретил в передней Зорина. За плечами у него была винтовка.

— Мы выступили! — спокойно, но удовлетворенно сказал он мне. — Мы уже арестовали товарища министра юстиции и министра исповеданий. Они уже в подвале. Наш полк отправился брать телефонную станцию, другой идет на телеграф, третий — на Государственный банк. Красная гвардия вышла на улицу...

На ступенях Смольного, в холодной темноте, мы впервые увидели красногвардейцев, — беспорядочную группу парней в рабочей одежде. Они держали в руках винтовки со штыками и беспокойно переговаривались.

А издали, с запада, поверх крыш доносились звуки беглой ружейной перестрелки. Это юнкера пытались развести мосты через Неву, чтобы не дать рабочим и солдатам Выборгской стороны присоединиться к вооруженным силам совета, находившимся по ту сторону реки; но кронштадтские матросы снова навели мосты. За нашими спинами сверкало огнями и жужжало, как улей, огромное здание Смольного.

1917 г.

СЕДЬМОЕ НОЯБРЯ

В то время как Петроград весь был в сумятице сталкивающихся патрулей и враждебных голосов, люди со всех концов России стекались в столицу. Это приезжают делегаты на II Всероссийский съезд советов, собирающийся в Смольном, куда теперь обращены все взоры.

Смольный, бывший раньше учебным заведением для дочерей дворян, теперь центр советов. Это громадное величественное здание на берегу Невы. Холодный и серый днем, Смольный по ночам светится сотнями ярко освещенных окон и кажется огромным храмом, и точно... это — храм революции. Два сторожевых факела перед его воротами, поддерживаемые караульными солдатами, горят, как жертвенные огни. Здесь сосредоточены надежды и молитвы неисчислимых миллионов бедняков и обойденных судьбою. Здесь они ждут освобождения от страданий и притеснений многих лет.

Здесь я видел рабочего, худого, в отрешьях, с трудом бредущего по темной улице. Подняв вдруг голову, он заметил массивный фасад Смольного, весь горевший огнями, как золотом сквозь падающий снег. Сняв шапку, рабочий с минуту стоял с обнаженной головою и протянутыми руками. Затем с криком: «Коммуна! Народ! Революция!» он бросился вперед и исчез стремительно в воротах.

С войны, из изгнания, из тюрем, из Сибири стекаются делегаты в Смольный. После ряда лет, когда не получалось ни одного известия о старых товарищах, — неожиданные встречи и возгласы радости, объятия, отрывистые расспросы, жадный обмен мнений о съезде и бесконечные споры.

Смольный теперь огромная площадь, шумная, как гигантская кузница, с ораторами, призывающими к оружию, с аудиторией, то рукоплещущей, то негодующей, со звонками председателей, призывающих к порядку, с грудями оружия, с пулеметами, скользящими по цементному полу, с хорами революционных песен и с громом оваций Ленину и Зиновьеву, когда те появляются в залах.

Все делается с лихорадочной быстротою, и поспешность ежеминутно возрастает. Вожаки рабочих заражают энергией, не зная сна, усталости и слабости нервов, — сказочные люди, поставленные необходимостью отвечать на текущие вопросы революции.

В десять часов сорок минут вечера 7 ноября открывается исторический митинг, столь чреватый последствиями для России и всего мира. После частных партийных митингов делегаты направляются в порядке в большой зал собрания. Дан, представитель антибольшевиков, звонит на трибуне в колокольчик для водворения порядка и объявляет: «Первая сессия Второго съезда советов открыта». Сначала происходят выборы президиума. Большевики получают 14 мест, все остальные партии — 11. Старый руководящий орган уступает свое место, и лидеры большевиков, недавние отверженцы, объявленные вне закона, занимают свои места. Правые партии, состоящие в большинстве из интеллигенции, требуют пересмотра порядка дня. Дебаты — их сила. Они пленяют академическими выпадами.

Но внезапно отдаленный грохот выстрела поднимает всех на ноги. Все изумлены. Это выстрел пушки с крейсера «Аврора», открывшего огонь по Зимнему дворцу. Тяжелая, но заглушаемая расстоянием канонада доносится с неизменными правильными перерывами, как реквием, возвещающий смерть старому порядку и посылающий приветствие новому. Это голос масс, доносящий, как гром, до слуха делегатов требование: «Вся власть советам!» Таким образом перед съездом остро поставлен вопрос: объявит ли он советы правительством России и даст ли он законное утверждение новой власти?

* * *

Произошел один из поразительнейших парадоксов истории и одна из колоссальнейших ее трагедий: отказ интеллигенции. Между делегатами насчитывалось множество образованных людей. Интеллигенты сделали «темный народ» предметом своего обожания. «Ходить в народ» — стало их религиею. Для народа они переносили страдания бедности, тюрьмы и ссылки. Они волновали неподвижные массы революционными идеями, подстрекая их к восстанию. Беспреданно превозносились характер и благородство души крестьянина. Короче, интеллигенция сотворила себе кумир из народа. И теперь народ сам восстал с гневом и громом грозного бога, восстал надменно и деспотически. И действовал, как бог.

Но интеллигенция отвергла этого бога, который перестал уже слушаться ее и над которым она потеряла власть. Она потеряла веру в прежнего бога и теперь отрицает его право на возмущение.

Перед этим, ею самою созданным чудовищем интеллигенция пала духом, трепеща от страха, содрогаясь от гнева. Прежнее божество обратилось в дьявола, несущего гибель и увлекающего Россию в хаос и «преступный бунт

против власти». И интеллигенты набросились на народ, грозя, проклиная, беснуясь и умоляя. Как делегаты, они отказались признать эту революцию. Они отказались позволить съезду объявить советы правительством России.

Столь ничтожные, столь бессильные, могут ли они признавать или не признавать изменчивые волны моря или извергающий лаву вулкан? Эта революция стихийна, немолнима всюду — в казармах, в окопах, на заводах, на улицах. Официально она здесь на съезде в числе сотен рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Неофициально она здесь же в массе, занимающей каждый дюйм пространства, взлетающей на колонны и подоконники, наполняя зал собрания туманом от своего дыхания и электричеством от напряжения своих чувств.

Народ присутствует здесь для того, чтобы видеть выполнение своей революционной воли — объявление советов правительством России. В этом требовании не может быть никаких уступок. Каждая попытка изменить их решение, всякое усилие парализовать их волю вызывают взрывы гневных протестов.

Правые хотят предложить длинную резолюцию. Но толпа проявляет нетерпение.

— Больше никаких резолюций, никаких слов! Мы хотим дела, мы хотим власти советов!

Интеллигенция предлагает, по своему обыкновению, компромиссный выход, создав коалицию всех партий.

— Возможна лишь одна коалиция! — кричат им в ответ: — Коалиция рабочих, солдат и крестьян!

Мартов призывает «к мирному разрешению опасности гражданской войны».

— Победа! победа! вот единственное решение! — отвечают ему.

Офицер Кучин пытается утрашить массы тем, что союсты изолированы и что вся армия против них.

— Лжец! Штабной! — режут солдаты. — Ты говоришь от имени штаба, а не от лица солдат в окопах! Мы требуем одного: «Вся власть советам!»

Их воля подобна стали. Никакие угрозы, никакие настоячивые просьбы не сломают и не погнут этой воли. Ничто не может отвлечь их от их прямой цели.

Наконец, приведенный в ярость, Абрамович кричит: — Мы не можем более оставаться здесь и быть ответственными за эти преступления. Мы приглашаем всех делегатов оставить собрание.

С драматическим жестом он сходит с трибуны и направляется к выходу. Около восьмидесяти делегатов поднимаются со своих мест и прокладывают себе дорогу вслед за ним. Под бурю издевательств и оскорбительных эпитетов, вроде: «Ренегаты!» «Изменники!», интеллигенция выходит из зала и из революции.

Глубокая трагедия! Интеллигенция отшатнулась от революции, вызвать которую она помогала сама; она покинула народ в самый разгар борьбы. Величайшая глупость к тому же! Она не могла изолировать советы, но изолировала самое себя. На стороне советов остались надежные батальоны для защиты.

* * *

С каждой минутой приходят известия о новых победах революции — об аресте министров, о захвате Государственного банка, телеграфной и телефонной станций и Главного штаба. Один за другим опорные пункты власти переходят в руки народа. Призрачная власть старого правительства разбивается молотом восстания.

Комиссар, тяжело дыша, покрытый грязью, всходит на трибуну и объявляет:

— Гарнизон Царского Села высказался за советы. Он стоит на карауле у заставы Петрограда.

Другой вестник сообщает:

— Батальон велосипедистов — за советы.

Тогда Крыленко, весь дрожа от волнения, оглашает телеграмму:

«Приветствие совету от двенадцатой армии! Солдатский комитет принимает командование над северным фронтом».

И в заключение в конце этой тревожной ночи, в результате столь горячих прений — простая декларация:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, — это дело обеспечено...» и т. д.

Небо и ад! Плач и объятия! Понеслись, заскакали курьеры, зазвенели и загудели телефоны и телеграфы; на фронт помчались автомобили; аэропланы полетели через реки и равнины. Беспроволочный телеграф сообщил весть через океаны. Все вестники разнесли по свету великую новость!

Воля революционно настроенных масс восторжествовала. Советы стали правительством.

Историческое заседание окончилось в шесть часов утра. Делегаты, шатаясь от усталости, с опухшими от бессонницы глазами, но ликующие, расходились, спотыкаясь, по каменной лестнице через ворота Смольного.

На улице еще мрак и холод, но рассвет уже загорелся красным заревом на востоке.

1917 г.

ПЕРВЫЕ ДНИ

9 ноября стало ясно, что власть в руках Военно-революционного комитета, действовавшего от имени II Всероссийского съезда советов. Тогда все это казалось мне чрезвычайно странным, и я порою смеялся, думая о событиях последних трех дней. Я еще не свыкся с этой революционной атмосферой. Я старался представить себе, что было бы, если бы в Лондоне появился такой комитет рабочих и солдат и объявил себя правительством, не признающим никаких приказов из Уайтхолла ¹ и им не признанный. Я старался представить себе, как английский кабинет вступил бы в переговоры с этим комитетом и улаживал бы конфликт с ним, в то время как Букингемский дворец ² был бы окружен войсками, а глава правительства бежал бы с черного хода, переодетый прачкой. Между тем нечто подобное произошло в то время в России. Почти невозможно было представить себе, чтобы многовековое русское государство так позорно пало, можно сказать, у себя же на глазах.

¹ Уайтхолл — район Лондона, в котором сосредоточены правительственные учреждения — военное министерство, адмиралтейство и т. д.

² Букингемский дворец — резиденция английского короля. (Прим. составителя.)

Утром 9 ноября я шел по Невскому. На улицах продавали буржуазные газеты, словно ничего не случилось. Тон их, правда, был очень сдержанный. Кадетская «Речь» так явно потеряла голову, что оказалась способной только стонать и охать о судьбах России. На главном телеграфе я встретил человека, связанного с банковскими кругами. Он был так растерян, что для собственного утешения мог только уверять себя в том, что большевики, несмотря на одержанную победу, удержатся у власти не дольше нескольких дней. В Петроградском телеграфном агентстве царил более уверенное настроение. Все старые чиновники работали, точно ничего не произошло. Мне показали телеграммы от Союза фронтовиков, обещавшего приложить все силы, чтобы прогнать «узурпаторов и предателей». Между редакциями кадетских газет сновали взад и вперед курьеры, печатались и повсюду распространялись брошюры и антибольшевистские бюллетени. Было ясно, что часть чиновничества, по крайней мере, во главе с интеллигенцией, готовилась к борьбе против сегодняшних властелинов.

Но на следующий день, 10 ноября, в воздухе повеяло иными настроениями. Чувствовалось, что впервые за многие последние месяцы в стране появилась политическая власть, которая знает, чего хочет. Это мнение отчетливо высказывалось и в обычных разговорах на улице. Перед зданием «Нового цирка» собралась большая толпа: представители мелкой буржуазии, бедные студенты, мелкие земельные собственники и вообще те городские элементы, которых в России называют «мещанами», вели разговоры друг с другом. Ни одного слова не было сказано о насильственных методах, с помощью которых большевики захватили власть. Реальных политиков улицы не трогали действия, которые оскорбили интеллигенцию в ее нежнейших чувствах. Будут ли в состоянии больше-

вики обеспечить городское население продовольствием и положить конец войне — вот вопрос, который они ставили. «Ни царское правительство, ни Керенский не сумели этого сделать; что же, пусть теперь они попытаются», — эти слова я слышал со всех сторон. Мелкие земельные собственники и значительная часть «пролетариев» в крахмальных воротничках, в течение всего лета показывавшая себя самым заядлым врагом большевиков, теперь явно перешли на позицию доброжелательного нейтралитета.

В этот день я пошел на Васильевский остров и остановился на набережной, к которой пристают пароходы из Кронштадта. Вдоль всей набережной на некотором расстоянии друг от друга стояли вокруг костров маленькие отряды красногвардейцев и рабочих с красными повязками на рукавах. Эти отряды возглавлялись матросами. Толпы любопытных собрались здесь, чтобы поглазеть на маленький крейсер «Аврору» и на истребителей, стоявших на якоре на Неве с поднятыми красными флагами. Кронштадтские матросы и красногвардейцы превратили Балтийский флот в оплот революции. А так как они были опорой нового правительства, петроградские «мещане» пришли сюда, чтобы поглядеть на новых властителей. Долгое время я наблюдал, как они беседовали с группами красногвардейцев и матросов, — те, кто еще до вчерашнего дня, благодаря пропаганде буржуазной прессы, смотрели на большевиков как на чудовищ. И вот теперь они, казалось, были удивлены, увидев, что они такие же человеческие существа, как они сами.

Вечером, проходя мимо Таврического дворца, я встретил приятеля из «Новой жизни».

— В городе имеются две политические организации, и обе претендуют на власть, — сказал он.

Он посоветовал мне отправиться в городскую управу. Было уже почти десять часов, но я пошел туда. В управе

я встретил меньшевистских и эсеровских делегатов распу-щенного совета. Они как будто и думать не хотели, что роль их закончилась, несмотря на то, что II Съезд советов оставил их в меньшинстве. Городская управа, избранная почти шесть месяцев назад на основе участкового избирательного права, изъявила готовность действовать вместе с меньшевиками и эсерами старого совета. Образовался объединенный комитет — «Комитет защиты родины и свободы».

— Мы вполне можем рассчитывать, что через несколько дней очистим Смольный от большевиков, — сказал мне один из видных членов комитета, которого я до этого знал как автора передовых эсеровской газеты. — За нами стоят иностранные послы, которые решили признать нас единственной законной властью в Петрограде, — добавил он.

Комитет защиты родины и свободы был первым серьезным и организованным противником большевистского совета в Смольном.

Вокруг Комитета защиты родины и свободы группировались наиболее состоятельные слои городской буржуазии; журналисты кадетской и капиталистической печати, кадровые офицеры, судебные чиновники и студенты технических институтов приходили и выходили отсюда. Отсюда распространялось большое количество печатного агитационного материала. Я увидел отряд казаков-фронтовиков. Очевидно, замышлялось вооруженное выступление. Я вернулся домой только к полуночи.

Утром следующего дня, 11 ноября, я был разбужен оружейной пальбой. Я оделся и вышел на набережную Фонтанки. Не успел я очутиться за воротами, как непрерывный и резкий стрекот пулеметов глухо прорезал туманный воздух. В следующую минуту ружейные пули стали ударяться о штукатурку здания, перед которым я

стоял. Я понял, что разумнее было бы поискать надежного убежища, из которого я мог бы наблюдать картину боя.

Она началась — борьба между советом Смольного и Комитетом защиты родины и свободы. В большом красном здании Военной академии, расположенном по ту сторону канала, засел отряд юнкеров и студентов. Изю всех окон рвался пулеметный огонь по направлению к Невскому. С Садовой тоже отвечали пулеметной стрельбой и время от времени ружейными залпами; некоторые пули ударили в дом, в котором я жил. Осаждающие были, очевидно, не очень сильными и скоро совершенно прекратили стрельбу.

Тем временем я покинул свое убежище, осторожно проскользнул по Фонтанке до моста и перешел его. Когда я очутился против «Нового цирка», снова началась ожесточенная стрельба из окон Военной академии. Над головами свистели ружейные пули. Внезапно улица опустела. Вместе с группой каких-то людей я зашел в подъезд дома и решил там переждать. Царило томительное молчание. Все пытались за внешним спокойствием скрыть то, что происходило внутри. Я высчитывал, не попадет ли при следующем ружейном залпе, отскочив от стен расположенного напротив здания, в нас рикошетная пуля. Фактически здесь была линия фронта, — не национального, а классового фронта.

В числе людей, с которыми я стоял, были представители средней буржуазии, рядом с ними рабочие и два дезертира царской армии, таявшей с необычайной быстротой.

— Чего вы тут прячетесь? — спросил хорошо одетый господин одного из солдат. — Вы были на фронте, вам стыдно бояться пуль.

— Я уже нанюхался пороху, два раза был ранен, — ответил солдат. — С меня хватит.

— Но почему вы не идете помогать юнкерам против этих красных разбойников? Или вы тоже — наши хра-

брые дезертиры, которые продали Россию большевикам и немцам? — снова начал хорошо одетый господин.

— Дайте мне только винтовку, и я пойду против юнкеров, — ответил солдат.

— Я уже позабочусь о том, чтобы вам винтовка не досталась, — пробормотал господин, сожалея уже, что вообще затеял этот разговор.

Когда стрельба снова несколько утихла, он вылез из своего убежища. Солдаты с красными кокардами на фуражках и кронштадтские матросы установили полевое орудие. Подходили отряды красногвардейцев.

Бум!.. — раздался грохот орудия, и через несколько секунд трехдюймовый снаряд ударился о красные стены Военной академии. Я стоял недалеко от цирка, защищавшего меня от окон академии, из которых кадеты палили из пулеметов. Можно ли было заставить умолкнуть пулемет? Пули разлетались по трем улицам, и к зданию невозможно было подступиться ни с какой стороны. Красногвардейцы, конечно, не ставили себе целью артиллерийским огнем снести до основания это огромное здание. Однако осада здания сопряжена была с огромными кровавыми жертвами. Уже больше десятка красногвардейцев лежали на земле у входа в цирк, стоная от боли. Первой помощи не было, несмотря на то, что они настойчиво запрашивали Смольный. Красный Крест обслуживал Комитет защиты родины и свободы, а больничный персонал частных и городских больниц саботировал.

Часа в три я увидел, как приближался с Невы большой отряд матросов. Их появление подняло настроение. Были установлены еще два полевых орудия. Вскоре меня прогнали из моего надежного и удобного убежища у стены. Не оставалось ничего другого, как попытаться проскользнуть к моему дому по ту сторону канала. Я двинулся, но не успел дойти до моста, как раздались орудийные раскаты.

Это стреляли матросы; юнкера отвечали ужаснейшим пулеметным стрекотом. Обернувшись, я увидел, как штурмовой отряд красногвардейцев бросился к академии мимо того места, где я только что находился.

Забегая во дворы и подъезды, спасаясь от пуль, я наконец счастливо добрался до дому. Вскоре все затихло.

Матросы сделали свое дело. Юнкера сдались. Они были посажены в Петропавловскую крепость. Так закончилось неудачное «юнкерское восстание» 11 ноября. Смольный и Комитет защиты родины и свободы померялись силами, и Смольный остался победителем.

Матросам Балтийского флота и рабочим Петрограда удалось бросить достаточное количество человеческих и технических сил, чтобы одержать победу над спешно мобилизованными петроградской буржуазией офицерскими и юнкерскими отрядами. Меньшевики и эсеры, накануне работавшие рука об руку с городской управой, проиграли игру. Организованный городской пролетариат доказал, что он располагал значительными резервами и, что всего важнее, волей к борьбе и победе. С этого момента он стал неоспоримым властителем Петрограда. Нерешительные Фомы неверные из мелкой буржуазии снова стали на сторону большевиков. Крупная буржуазия, люди с тяжелой мошной, перенесли поле своей деятельности в провинцию, откуда они рассчитывали двинуть против «красных бандитов столицы» крестьянское население, «лояльные элементы армии» и казаков.

Уже на следующий день, 12 ноября, стало ясно, что Смольному грозит новая опасность. На Петроград шел Керенский во главе казаков и верных ему полков. По слухам у него было двадцать тысяч солдат, которые будто бы заняли уже Царское Село. Было ясно, что это была та сила, с которой Комитет защиты родины и свободы с самого начала находился в связи. Юнкерское вос-

етание должно было начаться одновременно с приближением Керенского к Петрограду. Однако оно вспыхнуло слишком рано. Все же комитет надеялся, что Керенскому удастся одному взять Петроград.

Я перешел на противоположный берег Невы, в «Финляндскую» часть города; там на металлургическом заводе я хотел разыскать одного приятеля. Повсюду происходили митинги, на которых рабочих призывали идти на фронт против Керенского. На заводском дворе только сейчас закончилось такое собрание. Во дворе стоял грузовик с винтовками, которые должны были быть распределены между рабочими. В толпе я наткнулся на своего приятеля. Как и все, он был в штатском, но на его меховой шапке был красный значок. Он рассказал мне, что только что пришел большой транспорт оружия из Сестрорецка, маленького городка на финской границе, где находились оружейные склады. Военно-революционный комитет избрал этот город центральным складом, откуда шло снабжение петроградского пролетариата оружием. Все время отсюда на петроградские заводы прибывали грузовики. Распределяли здесь и продукты питания. Мой приятель получил большую ковригу хлеба и колбасу на два дня.

— А что, если вы за два дня не разобьете Керенского? — спросил я. — Тогда вам придется голодать.

— Если мы его завтра не разобьем, мы будем повешены, — ответил он с яростью. — С Керенским идет казачий генерал Краснов.

Под звуки «Интернационала» рабочие оставили заводский двор и исчезли в тумане зимнего дня...

На следующий день, 13-го, Смольный, ликуя, мог сообщить о беспорядочном отступлении Керенского от Пулкова. Казаки братались с красногвардейцами и спрашивали только, как скорее пробраться к «тихому Дону». Керенский был обращен в бегство. Краснов пойман и осво-

бжеден под честное слово; рабочие показали, что они великодушны даже к наемникам своих классовых врагов.

Керенскому не оставалось ничего другого, как объединить несколько десятков офицеров и армейских делегатов, правых эсеров, — тех самых, которые были выбраны шесть месяцев назад и теперь думали только о том, как бы уклониться от перевыборов. Они лезли из кожи вон, чтобы двинуть своих солдат на Петроград. Но безуспешно.

1917 г.

В КОЛЬЦЕ
ФРОНТОВ И БЛОКАДЫ

ВОЗЗВАНИЕ К ПРОЛЕТАРИАТУ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Рабочие, вы, олицетворяющие заодно принцип силы и идею пользы, — дело справедливости и равенства требует уничтожения старого порядка, порождающего нищету, разруху и убийства. Со времен древности рабочие остались рабами. Мы видели, как в продолжение тысячелетий масса (она же — сила) была отдана во власть немногих, как она жила и умирала ради выгоды вождей, за их обогащение, за их победы.

Современное общество покоится на той же страшной нелепости. Рабочие, вы правы, создавая новое государство, где каждый, стоящий слишком высоко, должен быть понижен, а каждый, кто слишком унижен, должен быть возвышен, государство, где труд станет обязанностью, а довольство — правом...

Разоблачайте кроваво-лицемерную коалицию международной реакции и финансовых тузов, направленную против Советской России. Только потому, что советская республика санкционировала завоевание рабочими власти и международную солидарность, только потому, что она воплощает истинный, а не лже-социализм, только потому подвергалась она столь бешеной клевете и злобе со сто-

роны капиталистов и их опричников. На низвержение советской власти уже потрачены миллиарды — вам же придется их платить.

Вы будете соучастниками удушения России, если останетесь равнодушны.

Не загрязняйте же себя позором, не допустите убийства святой свободы, которая есть достояние всех.

Народ земного шара, будь единокорен!

Тебя хотят разъединить, дабы поработить тебя!

РОССИЯ — СТРАНА, ГДЕ СБЫВАЕТСЯ И НЕВОЗМОЖНОЕ

Я уже стар и стою в стороне от событий, но я слежу из моего уединения за миром и должен сказать, что его будущность рисуется мне очень мрачной.

Моя родина Франция, — даже в своей массе, — сейчас самая воинственная страна в мире. Воинственный дух проникает французов до мозга костей, и его разрушительное влияние чувствуется повсюду: во внешней политике нашего правительства, в военных миссиях и союзах, в тайных махинациях наших заграничных агентов и т. д.

Из войны мировой капитализм вышел окрепшим.

Мировые социалистические партии совершенно не подготовлены к схватке со своим ужасающим врагом. Для этой неравной борьбы требуется новое оружие. Прежняя тактика рабочих и социалистических партий с ее смелыми, но бесплодными парламентскими приемами, с ее резолюциями и протестами — устарела...

Хотя французская коммунистическая партия и не является безусловным противником парламентаризма, стремясь использовать его в известных пределах для достижения своих целей, мы во Франции, по-моему, все же дошли до конца парламентаризма. Мы вступаем в эпоху революционную.

Я и раньше постоянно уверял, что парламентаризм лишь ослабит социалистическое движение. При жизни Жореса, этого, быть может, самого сильного социалиста-парламентариста, я часто спорил с ним по этому поводу...

Нами правит теперь многочисленная банда людей, заработавших на войне хорошие деньги. Эти милитаристы и реакционеры становятся с каждым днем все наглее и все настойчивее в проведении своих замыслов.

Но теперь есть уже некоторая надежда на улучшение положения.

Снова огонь горит в сердцах людей.

Взгляните на Восток!

Казалось, для русского народа не было выхода из мрака царизма.

На революцию, и в особенности на революцию победоносную, не было надежды.

Но Россия—страна, где сбывается и невозможное. Большевики это невозможное теперь совершают до конца.

18/II 1921 г.

ЛЮДИ, ЖЕЛАЮЩИЕ В САМОМ ДЕЛЕ ЧТО-НИБУДЬ СДЕЛАТЬ, — КАК ЛЕНИН, — НЕ ЖДУТ

Русский солдат сделал одну чрезвычайно удивительную вещь. Долго он сражался, испытывая ужасные страдания, а потом ему вдруг пришла в голову остроумная мысль: он взял и неожиданно перестал сражаться, вернулся домой и — захватил себе земли страны. Это — с точки зрения грабительских классов других стран — была первая ужасная русская жестокость. Может быть, это и есть жестокость, но если это так, то эта жестокость очень практическая и хорошая. Когда потом русские приступили к организационной работе, они стали организовывать промышленность в интересах народа, уничтожая бездельщиков, а также буржуазную демократию, стоявшую им поперек дороги.

В данный момент есть один только интересный в самом деле государственный деятель Европы: имя его — Ленин. По мнению Ленина, социализм не вводится большинством народа путем голосования, а, наоборот, осуществляется энергичным убежденным меньшинством. Нет никакого смысла ждать, пока большинство народа, очень мало понимающее в политике и не интересующееся ею, не проголосует вопрос, тем более, что вся пресса дурачит его, надувая ему в уши всякие нелепости.

Мы, социалисты, завоеывая себе немного удобств и комфорта, готовы ждать, но люди, желающие в самом деле что-нибудь сделать, — как Ленин, — не ждут... Он заявил, что каждый человек должен работать или голодать. Он требует, чтобы все выполняли принудительно ту или иную общественно-полезную работу. В сущности он проводит в жизнь идеи высших классов Англии, также стоящих за принудительные работы; но — видите ли — эти высшие классы Англии находят, что угроза голодом есть достаточно сильное принуждение для английского народа, но только не для них самих. Ленин ввел принудительный труд, от которого не избавлен решительно никто. У нас же — система принудительных работ, которая относится ко всем, кроме тех, у кого много денег.

Ленин сделал еще одну «ужасную» вещь. Предположим, что вы воюете с большевиками. Предположим, что большевики одерживают победу над вами. Вы в плену, и уже заранее знаете, что с вами сделают большевики (отрежут кончики пальцев, нос, уши и т. д.). Когда вы отдохнете, к вам явится человек с кипой литературы и спросит: «Вы англичанин?» Вы, разумеется, с гордостью отвечаете: «Да». Тогда он подает вам целую кипу большевистской литературы на английском языке, и вы должны читать ее... Вы начинаете понимать, чего хотят и что делают большевики. Затем вас посылают три раза в неделю в театр и пускают гулять по городу, дабы вы видели, как идет жизнь. Вас заставляют читать книги, точно так же, как это делают у нас высшие классы с детьми в церковных школах. Они напихивают в вашу голову свои идеи. Эта «жестокость» совершается ими, однако, не только над взрослыми, но и над всеми детьми России. Русских детей теперь с ранних лет учат, что в высшей степени бесчестно для человека не быть производительным работником. Вот каким «ужасам» учат большевики детей!

Я устал наблюдать, как рабочие и социалисты Запада со страшными усилиями стараются втолкнуть камень на вершину, а он каждый раз скатывается вниз.

Камень постоянно скатывается вниз потому, что мы не работаем теми практическими способами, какими это делает Ленин.

12/1 1921 г.

ПОХОД ПРОТИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ — ПОХОД ПРОТИВ СОЦИАЛИЗМА

Походом против русской революции хотят уничтожить социализм. Впервые в истории расцветает подлинно социалистический режим. Война с Россией — это война социальная, это грандиозная борьба классов. Или социализм победит, или он исчезнет. Ныне есть только два мира — консерваторы и новаторы. Ныне имеются только две формулы: охранять или обновлять...

Помните, что все эксплуатируемые мира связаны неразрывными узами!

Товарищи! Знамя советской социалистической республики (убить которую вы помогаете своим равнодушием) — это красное знамя освобождения человечества. На нем красуются вытканые золотом образ и надпись. Образ — это скрещенный молот и серп. Надпись — это не название какого-нибудь массового убийства, как на наших старых знаменах варварского милитаризма, — нет, это — возглас разума, брошенный в мир Карлом Марксом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

ПРИВЕТ НЕМЕЦКОГО ПОЭТА
РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ФЕДЕРАТИВНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

С Востока брезжит свет. Ему навстречу
Поэт раскрыл объятия. Никини, ночь!
Твой старый мрак уже лучом рассечен,
Набега дня ничем не превозмочь!

О серп златой! И ты, златой мой молот!
Алеющий безмерно небосклон!
• Дрожит буржуй, смятением расколот,
И, гибели почуя близкий холод,
Перед тобой колени клонит он.

Но будьте жестки! Бейте непреклонно!
Прощению не час и не черед!
Ломайте вглубь! Тогда лишь обновленно
Благое поколение взойдет.

Какие юноши! Какие жены!
Свобода, братство, равенство — гори!
О дальних рас союз осуществленный,
Кровь с наших рук прощающе сотри!

Сегодня ж зорче! Вкруг ползет измена,
Убийцы, отравители, лгуны.
Твоих бойцов опутаны колена,
И новых жертв фаланги их полны.

Поэт кричит вам: жестче! Свежи раны!
Сегодня милосердие есть ложь!
Лишь ты, народ, дашь миру мир желанный,
Ты миллионам хлеб дашь невозбранный
И божье царство на землю сведешь.

Привет тебе, Республика советов!
Демократиям Запада — конец!
Уж Альбион растратил силы дедов,
И Франции бесславно пал венец.

Палач торжествовать не может:
Его стремительно низложит
Дней наших непреклонный суд.
Напрасно высятся ограды:
Рабов восставших мириады
Уже свои оковы рвут.

Хвала борцам неукротимым!
Смотри, каким веселым дымом
Жилища бедноты цветут!
Сияет ангел с баррикады,
И через грохот канонады
Напевы мира к нам растут.

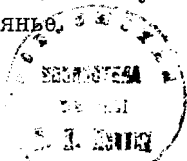
ЗА СОВЕТСКУЮ РОССИЮ

Бледная, простертая по снегу, ожидающая смерти
с улыбкой,
Ты летишь, одинокая, вдоль твоих ледяных океанов, —

О Россия! —
По твоим степям, по твоим лесам, по твоим луговинам,
Под ветром,
По излукам рек и озер, цветущим лазурью и снегом,
И вплоть до ржаных равнин и далеких гаваней юга, —

О Россия! —
Фабрик, портов, городов, пожираемых малярией и
тифом,
От юга до севера,
И от великой германской равнины
До пропасти света и тьмы земли — праматери Азии.

О Россия,
В часы горчайшие ночи,
Когда всех нас тоска уносит
В зыбкий туман безумий, под мглстую темень неба, —
В час, когда мучит отчаянье,

Даже тех, кто никогда не отчаивался,
Когда все мы никнем к обломкам, уносимым девятым
валом,

Чтоб больше не знать и не видеть, —
В час, когда души, и руки,
И губы словно влажны от крови, —
О Россия, ты, пребывающая в чернейшей пропасти
ночи

Ты, наполнившая нас горчайшим из всех отчаяний, —
О Россия, но ты восстала,
Свободная, юная, сильная,
Девственно улыбающаяся улыбкой лазури и снега,
Там, там, далеко, под северным великим сиянием.
О страна пробужденная, мы все, мы все — сыновья
твои.

Помоги же нам, помоги, о воскресшая из мертвых.
Взгляни сюда: среди грохота падения западного мира
Нераздробленные звенья твоей распавшейся цепи
Стягиваются вокруг нас и тяжело давят нам сердце.

Мы устали ждать и устали надеяться.
Но с тобою сегодня мы не так уж слабы.
О Россия, сегодня мрак не так уж темен, —
Молодая Свобода, не угасай!

1919 г.

СКОВАННЫЙ ГОРОД

Эти пирамидальные башни, эти стены Кремля с зубцами, похожими на хвосты ласточек, этот лес церквей — все это дышит еще средневековьем. Только кое-где эти старые стены пробиты снарядами, точно таранами, да некоторые из стройных блестящих крестов на башнях церквей покосились. Кажется, что кто-то вспахал асфальтовую мостовую улиц. Большие вывески свисают с крыш, точно потерпевшие крушение аэропланы.

Чтобы восстановить Москву, сделать ее снова тем городом, каким мы ее знали до войны, — городом с кривыми, холмистыми улицами, с грудями товаров за сверкающими витринами магазинов, с площадями, на которых стояли тяжеловесные памятники, с парками, окруженными железными решетками, — нужно было бы несколько десятков тысяч стекольщиков, плотников, садовников и чистильщиков окон. Десятку тысяч портных, сапожников и парикмахеров пришлось бы немало поработать, чтобы вернуть жителям этого города довольный вид беспечных жителей городов доброй старушки Европы, который и они имели когда-то. Несколько десятков кухонь с их плитками и кастрюлями надо было бы пустить полным ходом, чтобы вернуть аскетическим и озабоченным лицам тот

лоснящийся жирок, который был когда-то особой гордостью москвичей.

Теперь эти улицы стали пустыни, несмотря на большое количество пешеходов. Ворота раскрыты настежь, и в них видны запущенные садики, облупленные флагеля, грязные дворы с заржавленными экипажами и пустыми конюшнями. Дворцы, украшенные арабесками, прямоугольные новые каменные пятиэтажные здания как будто пзрыты оспой — это следы уличных боев. На их дверях, крышах, украшениях и подоконниках увековечили себя пулеметы со своей мелкой рассыпной дробью, залпы легкой артиллерии и шальные пули винтовок. Правительственные здания, на которых еще уцелел царский орел, на высоту человеческого роста заклеены плакатами, воззваниями, декретами, исписанной и наполовину сорванной и забрызганной грязью бумагой. В зеркальных витринах зияют круглые дыры, окруженные лучами разбитого стекла. На бульварах — почерневшие развалины домов. Только маленькие церкви с их давно обветшавшими пагодообразными колокольнями стоят нетронутыми за своими оградами. Над видным издалека золотым куполом Храма спасителя попрежнему искрятся звезды — так же ярко, как всегда в глубокие московские ночи.

Над магазинами еще сохранились вывески с фамилиями владельцев. На них нарисованы сахарные головы, сыры, дичь. Но окна и двери забиты досками. На углах женщины с озабоченными скорбными лицами продают газеты, изможденные мужчины — огурцы и яблоки. Закрыты трактиры, где за горячим чаем и густыми щами любили отдыхать рабочие от своих станков, извозчики — от своих лошадей, крестьяне — от шума рынков. Деревянные окорока, завернутые в серебряную бумагу колбасы и плотно уложенная в круглые фарфоровые коробочки икра издеваются над вечным голодом, нависшим над этими улицами.

Население ест смешанный с песком и соломой хлеб, жидкие картофельные супы и сырую репу. Витрины наполняют еще связки запыленного чеснока, горькая брусника, высушенная вобла, гипсовые паштеты и жалкие жареные цыплята. Папирос нет. Много только туалетной воды, машинных частей и антикварных вещей. Но выцветшие товары книжных или бельевых магазинов недоступны: они национализированы, входы в них закрыты.

По улицам Москвы все еще трусят маленькие обитые синим сукном пролетки. Как жалкие эти исхудалые, изможденные лошадки! По ночам на трупы павших за день лошадей слетаются стаи воронья, сбегаются стаи собак, трусливых, шелудивых, похожих на гиен. Часто цокают по мостовой копыта лошадей: это скачут всадники с саблями на боку и с винтовкой за спиной. Мчатся без оглядки мотоциклы, проносятся автомобили революции, военные или отнятые у бежавших миллионеров, грузовики, высоко нагруженные реквизированными мешками с мукой или кочанами капусты или кожаными сапогами. Сверху — солдаты, винтовки которых торчат, точно из подушечки булавки. Проезжают черные автомобили со свежесмазанной красными буквами, скелеты автомобилей, у которых кроме колес остался лишь один мотор, из которого капает бензин; вместо кузова — деревянные доски. В определенные часы гремят еще трамваи, большие коричневые вагоны, бегущие по рельсам со скоростью железнодорожных поездов. Расстояния в городе велики, обувь дорога, и эти вагоны всегда битком набиты людьми, с бою берущими места на остановках. Хрупкие женщины, крестьяне, солдаты на костылях, черноглазые карманники с ошупывающими руками — все это сплетено в один клубок, часть которого, точно гроздь винограда, висит на ступеньках;

Но была ли Москва когда-нибудь так прекрасна, как теперь в своем одичании? Как будто все вернулось в свое первобытное состояние, как будто чудовищный отлив смыл все прежние устои и понятия. Теперь под празднично смеющимися люстрами дворянских домов, под драгоценными картинами, украшающими обитые шелковыми обоями стены, среди подавляющей роскоши билльярдных зал заседают пролетарские продовольственные комитеты или пишутся иероглифы декретов. В новых многоквартирных домах, спешно очищенных, размещены солдаты. На балконе рядом с изящнейшим серебряным самоваром стоит миномет, и люди, пьющие чай, лениво поглядывают на перемежающиеся с башенками и колокольнями зеленые крыши города. Далеко внизу пробегают по широким улицам пролетки, трамваи, грузовики; товарищ в коричневой кепке шагает там внизу по поросшим травой руинам старой цивилизации с ружьем за спиной, как у охотника, вышедшего за добычей...

Этот скованный город, в котором нет никакой торговли, который бездельничает и обезлюдевает, не может стать ничем иным, как солнечными часами веков. Он прекрасен летом со своим жарким утренним солнцем, со своими золотыми вечерами, с джунглями листвы и травы перед стенами Кремля. Прекрасны тихие, опустевшие улицы одинокими вершинами согнутых деревьев. Прекрасна зеркальная гладь реки, которая течет среди лугов, где пасутся коровы и лошади, к стенам царского Кремля. В ее прохладной воде, не смущаясь, барахтаются купающиеся, тела их розовато-серебряны на солнце. Кое-где рыболовы удят рыбу с маленьких лодочек, как бы забыв все земное.

Хорошо стоять в вечерней прохладе на маленьком балконе. У ног твоих развесистые ольхи и ели. Впереди — ни далеко, ни близко — на пологом холме виднеются игрушечные дворцы, а посреди них белый огромный дворец,

окруженный красноватыми башнями с угловатыми флажками — около тридцати башен и башенок. Дальше коричневатая стена и красные, как сырое мясо, стены низеньких церквей, стройные, далеко друг от друга стоящие башни в бронзовых шлемах, с каменными навесами и коньеобразными шпильями — попеременно с темной зеленью деревьев и валов...

На другом берегу в полусвете ночи застыли неуклюжие силуэты фабрик с толстыми трубами, с широкими стеклянными сводами, с низкими железными крышами и высокие колокольни церквей, украшенные деревянной резьбой, с колоколами, покоящимися в башнях, как горох в стручке.

В осенние дни перед Страстным монастырем мальчики продают астры. Вокруг них воркуют серо-голубые голуби. Бульвары протянулись по городу пестрой лентой. На скамейках под деревьями сидят бледные, тихие люди, утомленные слухами прошедшего дня, и без улыбки смотрят на беззаботно разгуливающую молодежь. Дождь навис туманом над фабричными кварталами, которые где-то далеко упираются в лес, поля и ручьи. Именем пролетариата в центре города освобождены сотни квартир с ваннами и кладовыми; но еще есть рабочие, которые не хотят покидать свои тесные, темные лачуги вблизи фабрик.

Поездка за город в переполненных вагонах, дождливый день и купанье в маленькой речке среди зелени. Велосипедисты на топких проселочных дорогах. Завтрак в заросшем елями садике перед деревянными дачами. Возвращение домой с мешками, полными картофеля и грибов, за спиной. Шелест листьев в аллее, которую никогда не подметают. Стаи перелетных птиц, затемняющих небо. Наступает глубокий вечер, идет холодная ночь.

Но вот в одно утро люди тяжелым, уверенным шагом выходят в туман, одетые в толстые пальто и поношенные

калоши. Город шумно и весело, наперекор облачному небу, празднует годовщину революции. Люди карабкаются к красным рамам домов, укрепляя яркие транспаранты. На громадных полотнах нарисованы в рубенсовском стиле фигуры мужчин с молотом, серпом и пучком колосьев в руках. Футуристические аллегии висят среди колоннад. Над толстыми колоннами бывшего императорского театра, на широкой площади развеваются красные полотнища. Деревца в скверах Театральной площади подстрижены в форме шаров и покрыты серебристым флером. Голые кусты, на которых осень кое-где забыла еще жесткие листья, окрашены в синий цвет. Художники смело и остроумно создали из этих серебряных деревьев и кустов цвета ультрамарина чудосочную весну. Они причудливо раскрасили пестрыми красками зимние голые клумбы и превратили их в чудесные торты, поставили на фантастические помосты на улицах гигантские подсолнечники. Стены домов расписаны черными, темносиними семизвездиями и восходящими солнцами. Посреди площадей стоят трибуны, обтянутые материей, похожей на костюм Пьерро, с причудливыми узорами.

Против бывшего дома генерал-губернатора свалили каменную статую генерала Скобелева и воздвигли обелиск из цемента, с трибуной для оратора. Обелиск еще сырой. На балконах губернаторского дворца развеваются красные флаги, на всех подоконниках висят неизвестные геральдике эмблемы республики: охваченный серпом пучок колосьев на круглых, окрашенных охрой, кармино-красных и белых щитах.

Деревянный забор незаконченного дома неподалеку дает досчатую поверхность, тянущуюся до соседней улицы. Кандинский открыл ее со своими школьниками, они овладели ею. Художники извели целые чаны красок, они действовали кистью и метлой с безудержным размахом. Они

рисовали стройных юношей, марширующие толпы, вращающиеся колеса, жерла пушек, призматически вырывающиеся один из другого снопы света, а над черным железным чудовищем со сверкающими глазами-фонарями надпись: «Революция — паровоз истории».

На углу широкой и короткой торговой улицы — Охотного ряда — и Большой Дмитровки стоит украшенное колоннами бывшее Благородное собрание. Оно красно, как мясная лавка, от красных флагов, розеток и транспарантов. Вечером стеклянный купол этого здания горит огненно-красным светом, и ряды колонн кроваво сияют от бесчисленных пылающих ламп. Старые ларьки этой улицы тоже выдержаны в общем тоне: их раскрасили рисунками игральных карт, волнистыми лентами, японскими кубиками, букетами тюльпанов — белыми и желтыми, зелеными и красными, как киноварь, темносиними, голубыми и лиловыми узорами, так что они выглядят как выставка работ детского художественного класса. Даже старые скромные фасады мелкобуржуазных домов с их покинутыми рыбными лавками тоже должны были подчиниться этой деспотии красок; они испещрены желтыми полосами, как почтовые кареты, красно бурыми, черными и зелеными. Низенькие домишки и ворота украшены еловыми ветвями. Только узкая трехэтажная белая церковь стоит неукрашенной на краю мостовой.

Седьмого ноября, в день бракосочетания идеи и хаоса, массы идут на историческую Красную площадь перед Кремлем. Они приходят сюда в строгом порядке из всех частей города. Они приходят с багряно-красными кумачевыми полотнищами, на которых белыми буквами выведены приветствия революции, с расшитыми знаменами из темнокрасного бархата, с деревянными щитами и бумажными эмблемами. Среди марширующих колонн движутся грузовые платформы; лошадей, в них запряженных,

ведут комические фигуры, которые, подобно представителям еще не забытой эпохи, одеты в настоящие генеральские мундиры, в зеленые шитые золотом фраки дипломатов и белые брюки. На этих платформах стоят женщины в старинных национальных костюмах из московских музеев или солдаты с ружьями на изготовку.

По улицам движутся группы женщин, фабричные рабочие, а среди них войсковые части в серых шинелях, в папах и со сверкающими штыками. Броневики, высокие и узкие, разнообразнейшей конструкции, окрашенные в защитный цвет, фиолетовые пулеметы... Массы с пением движутся вперед. В уши врываются звуки «Интернационала», который непрерывно играют оркестры. Точно шум океана, нарастает веселый говор десятков тысяч людей, сливающихся и вырастающих в сотни тысяч. Бурлящая, кипящая, движущаяся масса, над которой вдруг, шумя моторами, появляются аэропланы; они спускаются совсем низко и снова взлетают в голубую лазурь. На самолетах видны выпрямившиеся фигуры людей, на землю, точно снежинки, падают белые листки. Тысячи рук тянутся вверх, ловя эти листки, но ветер уносит их, они снова взлетают, прежде чем их изомнут и изорвут в толпе.

Сомкнутым строем идут матросы в черных мундирах; на их фуражках выведены золотом названия кораблей. Идут войска Чрезвычайной комиссии. Они одеты в новые парадные костюмы из черной блестящей кожи. Их сопровождают автомобили, превращенные в лодки; в них сидят музыканты.

Между башнями у кремлевских стен стоят толпы зрителей; они устроились на лесах, которые окружают поврежденную во время обстрела Кремля церковь и испещренное пулями здание судебной палаты. У самой стены — небольшой поросший травой холмик, окруженный колючей проволокой: это братская могила жертв революции,

погибших год тому назад. В траве лежат венки. Скамья, задрапированная красной тканью, служит трибуной для ораторов. Отсюда сильный и твердый голос разносится над движущейся массой, полной звуков отдаленного пения.

В эти ночи театры бесплатны. В них показывают инсценировки мятежных стихов Верхарна. В простых костюмах из мешковины, наспех разрисованных так, что они создают некоторое подобие исторических костюмов, представляют сцены из французской революции. Под звуки Шопена и венских вальсов танцовщицы-босоножки, появляясь между стоящими в кадках пальмами, демонстрируют свою славянскую грацию перед партером, заполненным мужчинами, одетыми по-пролетарски — в шерстяные рубахи и кожаные куртки.

Тихое возвращение домой в глубокой ночи по тихим улицам через парк, где стаи ворон, громко каркая, перелетают с дерева на дерево.

Друг мой, в смущении и сомнении ты ищешь Робеспьера под черными русскими деревьями. Что случилось? Враги революции живы еще. Чьи-то невидимые руки сбросили его с пьедестала, где стоял уже три дня, и разбили на мелкие куски. Ты идешь, будто собирая в своем сердце на этом ночном пути стрелы бытия. Быть может, начинается первый великий карнавал истории, может быть — последний. Ликование гибели, смертная пляска красоты, анархическое рождение нового бытия. Смерть старого жестоко волнует тебя, вызывая мрачную скорбь и огромные надежды. Над теньями огромного прошлого — оргия взбесившегося искусства, сказочный триумф анилиновых красок. Но жизнь, непонятная на каждом шагу, снова течет по какому-то установившемуся руслу. Ненавидный век наконец в самом деле убит, прежнее трусливое филистерство, прежняя всезнающая буржуазия раз-

бита своими вчерашними рабочими. Дико и призрачно
возникают величайшие проекты, в бесконечное ничто
врастают невидимые башни раскрепощенной, идеальной
воли. Народ еще колеблется, он бежит, чтобы прокричать
о своей воле, в церковь и вырывается оттуда, не докончив
молитвы, и бежит за красными знаменами. Из гудящих
автомобилей воздеваются руки к небу: и старый бог,
сидящий там наверху, стал большевиком!

Ноябрь 1918 г.

ТЯЖЕЛЫЙ ГОД

30 января (1919 г.) мы, четверо газетных корреспондентов — два норвежца, один швед и я, — покинули Стокгольм, чтобы отправиться в Россию. Мы ехали с членами посольства советского правительства, с Воровским и Литвиновым во главе, которые возвращались в Россию после разрыва официальных отношений со Швецией...

Наш пароход с трудом пробивал себе дорогу через ледяные глыбы в Або. Оттуда мы поехали по железной дороге до русской границы. Путешествие продолжалось дольше обыкновенного; встречались разные препятствия, которые финская администрация пыталась оправдать разными причинами. Нам говорили, что русские белогвардейцы собирались устроить нападение на поезд. Литвинов спросил, улыбаясь: «Не нарочно ли медлят, чтобы дать им время для организации нападения?»

Более нервные из нас считали это возможным. В Выборге, однако, нам сообщили, что в Петрограде начались сильные волнения и что у финнов нет охоты ввергнуть нас в хаос восстания. Кто-то нашел газету, и мы прочли подробный отчет о том, что случилось. На обратном пути я узнал, что это сообщение, так же, как и многие подобные, были прямо протелеграфированы в Англию. Сообщалось,

что в Петрограде произошло серьезное восстание; Семёновский полк перешел к восставшим, им удалось захватить в свои руки город; правительство бежало в Кронштадт, который обстреливал Петроград из тяжелых орудий.

Это казалось мало утешительным, но что было делать? Мы решили кончать шахматный турнир, который начали на пароходе. Выиграл эстонец. Я шел вторым. Неожиданным удачным ходом я обыграл Литвинова, который по существу был лучшим игроком, чем я.

В воскресенье ночью мы приехали в Териоки, а в понедельник утром мы медленно приближались к границе Финляндии у Белоострова. Отряд финских солдат ожидал нас. Никто не имел права войти в здание станции, тщательно следили за тем, чтобы ни один опасный революционер не ступил на финскую территорию. Нам дали трос маленьких саней. На них мы положили наш багаж, а сами под конвоем финнов пошли пешком к границе. Финский лейтенант шел во главе нашей маленькой группы, беседовал с нами добродушно по-немецки и по-шведски с видом человека, который считает нужным быть любезным с несчастными, которых собираются бросить в адский котел.

Несколько сот метров двигались мы вдоль рельс, а потом пошли по тропинке в снегу, которая вела через лесок, и подошли к маленькому деревянному мостику, переброшенному через узкую замерзшую речку, отделявшую Россию от Финляндии. На обоих концах этого мостика, едва достигавшего двадцати метров в ширину, находилось по шлагбауму, по две будки и по два часовых...

Финны подняли шлагбаум, и финский офицер, как предводитель, торжественно прошел до середины моста. Здесь был выгружен наш багаж. Никто из нас не имел права вступить на мост, пока офицер и несколько солдат с рус-

ской стороны не пошли нам навстречу; только маленькая Нина, десятилетняя дочка Воровского, болтавшая с финнами по-шведски, получила разрешение перейти мостик. Робко перешла она на другую сторону и заключила дружбу с солдатом Красной армии. Он стоял с ружьем в руке и ласково наклонился к ней, чтобы показать ей значок рабоче-крестьянской республики, который был на его фуражке и состоял из перекрещивающихся серпа и молота.

Наконец финский офицер взял список конвоируемых и громко прочел фамилии: «Воровский, его жена и ребенок». Улыбаясь, он через плечо посмотрел при этом на Нину, которая в это время любезничала с часовым. Затем он вызвал: «Литвинов». Одного за другим вызвал он всех русских, их было около тридцати. Мы, четверо иностранцев, Гримлунд — швед, Пунтервальд и Штанг — норвежцы и я — были последними. Наконец, после общего прощания и восклицания Нины: «Helse Finland», финны двинулись обратно к своей культуре. Мы же пошли вперед, к борющейся за свое существование новой цивилизации России. После перехода моста, мы попали из одного мирозерцания в другое, от одной крайности классовой борьбы к другой, от диктатуры буржуазии к диктатуре пролетариата.

Различие сразу бросалось в глаза. На финской стороне мы восторгались новой, великолепной постройки станцией, которая была по размерам больше, чем это было нужно, но давала правильное понятие о духе новой Финляндии. На русской стороне мы увидели серый, старый деревянный дом. В очень холодном буфетном зале нельзя было купить ничего съестного. Длинные столы, когда-то нагруженные икрой и другими закусками, были пусты. Правда, стоял самовар. Мы взяли чай, по шестьдесят копеек стакан, и сахар, по два рубля пятьдесят копеек за кусок. Мы пили чай в комнате, где проверяли паспорта

и где только накануне, повидимому, топились печка. Шведский хлеб Пунтервальда показался нам очень вкусным. Мне очень трудно передать ту странную смесь подавленности и веселья, которая охватила нас при взгляде на эту заброшенную, изголодавшуюся станцию. Мы знали, что нас больше не стерегут и что мы более или менее можем делать, что хотим. Общество разделилось на две части, из которых одна плакала, а другая пела. Г-жа Воровская, которая с первой революции не была в России, горько плакала. Литвинов и более молодые члены нашего общества становились все веселее, несмотря даже на отсутствие обеда. Они пошли по деревне, играли с детьми и пели. Когда мы, наконец, попали в поезд и убедились, что вагоны не топлены, кто-то взял мандолину, и мы согревались танцами. В этот момент я думал с огорчением о тех пяти детях, которые ехали с нами и для которых страна, испытывавшая войну, блокаду и революцию, была мало подходящим местопребыванием. Но детям передалось душевное состояние родителей-революционеров, возвращавшихся к своей революции, и они бегали возбужденно взад и вперед по вагону или садились на колени то к одному, то к другому пассажиру. Были сумерки, когда мы прибыли в Петроград.

В то время как станция в Финляндии была совершенно безлюдна, мы здесь нашли четырех носильщиков, за двести пятьдесят рублей перенесших с одного конца платформы на другой весь наш багаж.

Мы сами, как и в Белоострове, погрузили наши вещи на подводу, для нас приготовленную. Много времени ушло на то, чтобы распределить между нами по жребию комнаты в гостинице. Воспользовавшись этим, мы вышли на улицу, чтобы расспросить о восстании и бомбардировке, о которой мы слышали в Финляндии: Никто об этом не имел ни малейшего понятия.

Как только окончилось распределение комнат по жребью, — мне, по счастью, досталась комната в отеле «Астория», — я направился в город через Литейный мост. Трамваи шли. Город казался абсолютно спокойным. На противоположной стороне реки я увидел во тьме, — которая, впрочем, зимой никогда не бывает полной из-за снега, — слабые контуры крепости. Все, что я так часто видел за последние шесть лет, опять предстало пред моими глазами: Летний сад, Английское посольство и обширная площадь перед Зимним дворцом.

На ней стояли во время июльского восстания вооруженные грузовики, на ней во время корниловской авантюры расположились бивуаком солдаты, а еще раньше на ней же Корнилов производил смотр «юнкерам».

Мои мысли обратились к Февральской революции. Я снова видел перед собой бивуачные огни революционеров на углу площади в ту ночь, когда последние члены царского правительства, потерявшие рассудок, выпускали обращения к народу, в которых требовали, чтобы народ оставил улицы, требовали в тот момент, когда сами они уже были осаждены в Адмиралтействе.

Я видел ту же площадь еще раньше, в день объявления войны, запруженную толпами народа, когда царь на один миг показался на балконе дворца.

На этом мои воспоминания прервались. Мы остановились около «Астории»...

Я дал снести мой багаж наверх, где мне была предоставлена довольно хорошая комната...

Хотел заказать себе ужин, но узнал, что в гостинице, кроме горячей воды, ничего нельзя получить. Тогда я отправился на небольшую прогулку. Правда, я не особенно охотно вышел на улицу со своим английским паспортом, без всяких других бумаг, дающих мне право на пребывание в России. Мне, как и другим иностранцам,

обещали дать такую бумагу, но я еще ее не получил. Я направился в «Регину», ранее одну из лучших гостиниц города. Те из приехавших, кто попал туда, очень жаловались на свое помещение. Я там не остался, пошел по Невскому, по Мойке, а затем обратно к моей гостинице. На улицах, так же, как и в гостинице, было неполное освещение. В редких домах были освещены окна. Редкие прохожие, которых я встречал, оживленно разговаривали между собой. Улицы были подметены чище, чем в последнюю зиму при царском режиме.

На следующее утро я получил чай и хлебную карточку. На купон мне дали маленький кусок черного хлеба, качество которого было, однако, значительно лучше, чем та смесь из отрубей и соломы, от которой я так хворал прошлое лето в Москве. Затем я вышел, зашел за Литвиновым, и мы отправились в Смольный институт, где воспитывались раньше дочери дворян. Позже здесь была штаб-квартира советского правительства, а потом, после переезда правительства в Москву, здание это было предоставлено Северной коммуне и Петроградскому совету. При дневном свете город казался менее заброшенным. Разгрузка Петрограда, довольно безрезультатно предпринятая при Керенском, теперь до известной степени осуществилась. Город обезлюдел отчасти из-за голода, отчасти вследствие остановки фабрик, которые, в свою очередь, должны были закрыться из-за невозможности доставить в Петроград топливо и сырье.

Что больше всего бросается в Петрограде в глаза после шестимесячного отсутствия, — это полное исчезновение вооруженных солдат. Городу, казалось, возвращен был мир, революционные патрули больше не были нужны. Встречные солдаты не вооружены, живописные фигуры революции, опоясанные пулеметными лентами, исчезли.

Второе, что обращает на себя внимание, особенно на Невском проспекте, раньше пестревшим чрезвычайно элегантной публикой, — это полнейшее отсутствие новой одежды. Я не видел никого, кто носил бы что-либо, что казалось бы купленным за последние два года, кроме некоторых офицеров и солдат, которые были одеты теперь так же хорошо, как и в начале войны. Петроградские дамы обращали раньше особенное внимание на обувь, а обуви сейчас абсолютный недостаток. Я видел молодую женщину в хорошо сохранившейся и, как казалось, очень дорогой шубе, а на ногах у нее были лапти, обвязанные полотняными тряпками...

Бронированный автомобиль, который раньше обыкновенно стоял перед входом в Смольный, исчез; вместо него стояла теперь статуя Карла Маркса, грубая и тяжеловесная, на неуклюжем пьедестале; огромная шляпа, которую он держит на спине, похожа на отверстие восемнадцатисантиметровой пушки.

Единственные признаки охраны — два легких полевых орудия, немного пострадавшие от непогоды; они стоят под сводами входа, который они разнесли бы на тысячи кусков, если когда-либо пришлось бы из них стрелять...

Обед в Смольном прошел так же непринужденно, как в былые дни, только еды было гораздо меньше. Делегаты, мужчины и женщины, приходили прямо с работы, сидели на свои места, ели и возвращались к своим занятиям. Обед был чрезвычайно прост: суп с куском конины, которая была вкусна, каша с чем-то белым, не имевшим никакого вкуса, и чай с куском сахара.

Разговор вертелся главным образом около вопроса о возможности мира, и довольно пессимистические сообщения Литвинова были приняты с разочарованием. Когда я кончил обед, пришли Воровский, г-жа Воровская, маленькая Нина, оба порвежца и швед. Я узнал, что по-

ловина нашей компании собралась сегодня же вечером уехать в Москву; я решил поехать с ними.

Был очень холодный день, когда я пробирался сквозь толпу на вокзале в Москве. Я долго торговался с извозчиком, который потребовал сто рублей за поездку до «Метрополя». Я вспомнил, что еще год назад мы с полковником Робинсом платили десять, а иногда даже восемь рублей за это расстояние. Я принужден был заплатить пятьдесят рублей после упорного торга, причем я был без багажа, с одной только маленькой пишущей машинкой.

Улицы в глубоком снегу казались в меньшем порядке, чем в Петрограде, но все же были чище, чем год назад. Трамваи шли. Извозчиков было, повидимому, столько же, сколько их было раньше. Лошади казались в лучшем состоянии, чем прошлое лето; тогда они еле-еле передвигали ноги. Я спросил о причине этого улучшения; извозчик рассказал мне, что лошади теперь имеют паек, подобно людям, и таким образом каждое животное получало теперь немного овса. На улицах было много людей, но большое число закрытых магазинов угнетающе действовало на меня. Тогда я еще не знал, что причиной этого была национализация торговли...

Особенно поразил меня вид гостиницы «Метрополь». Все повреждения, нанесенные революцией, заметные еще прошлым летом следы снарядов и пуль, были за это время исправлены...

Вознесенский достал мне карточку на обед в «Метрополе». (Эту карточку я должен был сдать обратно после получения комнаты в «Национале».) Обед состоял из тарелки супа и маленькой порции какого-то другого блюда. В разных частях города устроены советские столовые, которые тоже дают подобные обеды. стакан слабого чаю без сахара стоит тридцать ⁵/₁₀₀ копеек. Моя сестра накануне

моего отъезда из Стокгольма прислала мне маленькую бутылочку сахарина. Было трогательно видеть, с какою радостью некоторые из моих друзей пили сладкий чай.

Из «Метрополя» я пошел в «Красный флот», чтобы привести свою комнату в порядок. Шесть месяцев тому назад здесь можно было получить относительно чистое помещение. Но матросы привели гостиницу в ужасный вид, и теперь грязь здесь неопишуемая. Отопление не действует, и освещение скверное. Та, что занимала раньше эту комнату, оставила на столе самовар, несколько грязных папилок и всякий мусор. Я попросил служащего немного прибрать в комнате и заказал самовар. Он не мог принести мне ни ложки, ни ножа, ни вилки, и только с большим трудом я уговорил его достать мне стакан...

В моей комнате в «Красном флоте» в эту ночь было настолько холодно, что я лег в постель в овчинной шубе и укрылся всевозможными платками, одеялами и даже матрацем. И все-таки я очень плохо спал.

На следующий день я напрасно пытался найти лучшую комнату. Во время моей прогулки по городу я видел всюду революционные скульптуры. Одни были очень скверны, другие очень интересны, но все они были сделаны наспех, к торжеству годовщины Октябрьской революции. Художники тоже приняли участие в украшении города. И хотя погода сильно испортила большинство картин, все-таки уцелело достаточно, чтобы дать понятие о праздничном впечатлении, которое они производили. Там, где фасады каких-нибудь домов были для ремонта обнесены лесами, художники использовали всю гладкую поверхность, чтобы на них нарисовать огромные панно, изображающие символические фигуры революции. На Тверской ряд домов был таким образом разукрашен.

Больше всего мне понравился ряд деревянных ларьков против «Националя», в Охотном ряду. Футуристы и им по-

добные художники разрисовали их. Ларьки были омаровательны, и их яркие краски и наивные мотивы так шли к Москве, что я не мог себе представить город без них. (Раньше они были монотонного, желтовато-грязного цвета.) Чистые основные краски: синяя, красная, желтая, примитивные узоры цветов на белом или пестром, в клетку фоне казались теперь, по контрасту с снежными массами на улицах, с пестрыми головными уборами женщин и с желтыми овчинными полушубками мужчин, менее футуристическими, чем памятники средневековой Москвы.

Может быть, будет интересно отметить, что некоторые упрямые ригористы во время моего пребывания в Москве подняли серьезный протест против слишком большой свободы, которую дали футуристам, и было предложено, чтобы искусство революции было более доступным и менее кричащим. Однако эта критика не относилась к росписи упомянутых деревянных ларьков, смотреть на которые мне всегда доставляло удовольствие...

На следующее утро мне удалось переехать в комнату в «Национале». Выяснилось, что это было очень милое помещение, расположенное около кухни и поэтому довольно теплое.

Прошло довольно много времени, пока перенесли мои вещи; переезд из одной гостиницы в другую стоил, несмотря на близкое расстояние, сорок рублей. Я устроился по-домашнему, купил несколько книг и составил два списка: документов, необходимых для моей работы, и тех людей, которых я хотел видеть.

Комната была чрезвычайно чистая; чистота была, очевидно, предметом гордости горничной, которая пришла для уборки комнаты. Она протестовала даже против того, чтобы я бросал спички на пол. Я ее спросил, как нравится

ей новое правительство. Она ответила, что, правда, голодно, но она себя чувствует гораздо свободнее, чем раньше.

После обеда я отправился на кухню гостиницы, где постоянно можно было достать кипяток; обширная кухня находится в распоряжении жителей гостиницы. Здесь нашел я множество людей, которые старались всячески использовать огромную плиту. Тут был, например, казак с седьми волосами, одетый в красную черкеску, с патронами на груди. Он разогревал суп, рядом с маленькой еврейкой, которая пекла картофельный пирог. Видный, немолодой уже, член Исполнительного комитета был усердно занят приготовлением небольшого куска мяса. Две маленькие девочки варили в старых жестянках картошку. В другом помещении, которое было приспособлено для прачечной, маленькая длинноволосая революционерка стирала юбку. Женщина, повязанная синим головным платком, гладила блузку. Другая усердно кипятила постельное белье или что-то в этом роде в большом котле. И непрестанно приходили люди со всех этажей гостиницы с кувшинами и чайниками, чтобы получить кипяток для чая. Посуда была самая разнообразная, начиная с элегантных медных чайников, кончая жалкими жестянками. В другом конце коридора, в большом окне, отделяющем вторую кухню от первой, находилась форточка: здесь ждала большая очередь людей с собственными тарелками и мисками, чтобы получить свою порцию супа и мяса по обеденному купону...

Когда я в начале недели платил за комнату вперед, мне выдали карточку, по краям которой были напечатаны все дни недели. По этой карточке я имел право получать каждый день обед. Каждый день от карточки отрезался купон, так что я никаким образом не мог получить обед два раза. К обеду давали очень хороший суп и кусок мяса

или рыбы. Цена колебалась между пятью и семью рублями. Обед выдавался от 2 до 7 часов.

До обеда голодали. В два часа дня сознание, что можно каждую минуту пойти поесть, действовало так успокаивающе, что я все время откладывал и большею частью обедал в пять или шесть часов...

Кроме предметов первой необходимости, покупаемых по карточкам, съестные продукты можно было доставать и у спекулянтов, но по баснословным ценам. Фунт хлеба по карточке стоит один рубль двадцать копеек, а у спекулянта — от пятнадцати до двадцати рублей. Пайковый сахар стоит двенадцать рублей фунт, в вольной продаже — не менее пятидесяти рублей. Из всего этого ясно, что отказ распределять продукты по карточкам привел бы к тому, что богатые ели бы досыта, а бедные бы недоедали.

Один коммунист сказал мне:

— Существует только одно средство для уничтожения спекуляции, и оно состоит в том, чтобы выдавать достаточное количество продуктов по карточкам. Когда все, что нужно, можно будет купить за рубль двадцать копеек, то никто не будет платить спекулянтам четырнадцать рублей.

— Когда же это будет? — спросил я.

— Как только война будет окончена и мы сможем использовать наши транспортные средства для хозяйственных нужд. Нельзя отрицать, что в Москве — голод.

На третий день после моего приезда я видел человека, везшего сани, нагруженные, как мне казалось, кониной. Стая ворон налетала на сани и с жадностью клевала мясо. Человек неустанно отгонял их кнутом, но они были настолько голодны, что это не пугало их. Бывали случаи, когда изголодавшиеся вороны влетали в комнату гостиницы через форточку, чтобы подобрать упавшие на пол крошки...

Нельзя отрицать и то, что здесь страдали от холода. Я меньше стал ощущать мои страдания, когда узнал, что правительственные чиновники были не в лучших условиях, чем остальной народ. Даже в Кремле я видел архивариуса, работавшего в старой овчинной шубе и в валенках. Время от времени он вставал и хлопал руками. Так в старые времена делали лондонские извозчики, чтобы привести в движение стынущую кровь.

Зима 1919 г.

ПРОЛЕТАРИАТ ОСТАЕТСЯ ПОБЕДИТЕЛЕМ

К 1 апреля в районе оккупации было сосредоточено по меньшей мере 60 тысяч бойцов сухопутных и морских частей. Повидимому, командование готовилось к широким операциям, так как в этот день «Протэ» пришел в Одессу, имея на борту главного интенданта восточных армий. В тот же вечер «Протэ» ушел в Севастополь, увозя того же интенданта.

1 апреля объединение профессиональных союзов представило генералу д'Ансельму подробный меморандум, где перечислены были преступления французской контрразведки. Записка в своей заключительной части содержала следующую угрозу: «Если так будет продолжаться и виновные не будут наказаны, одесские рабочие будут действовать иначе».

Д'Ансельм, который уже раньше получил подобное же представление от профсоюзов, а следовательно был в курсе дела, ответил, что ничего не знает, но произведет расследование и накажет виновных. Несомненно, этот меморандум произвел на генерала сильное впечатление и ускорило его решение спешно эвакуировать город.

2 апреля с транспорта были высажены новые сильные греческие части, и в то же время по городу вдруг разнесся

слух, будто бы союзники заявили уже о предстоящей частичной эвакуации. Среди буржуазии началась общая паника; каждый стремился бежать, и места на пароходы покупались на вес золота.

Тогда объединение профсоюзов и совет рабочих депутатов собрались на соединенное заседание и в ночь со 2-го на 3-е отправили в главную квартиру д'Ансельма делегацию из семи человек, в том числе и Елену Соколовскую и Анулова, чтобы потребовать передачи власти совету. Судя по приему, который генерал оказал делегации, видно было, что он ее боялся. Он начал с того, что заявил:

— Вчера на меня готовилось покушение. Преступник был арестован с бомбой, и все же я не велел обыскивать вас при входе сюда. Я ничего не боюсь.

Секретарь совета профсоюзов вместо всякого ответа потребовал передачи власти совету рабочих депутатов, а также выдачи всех добровольческих офицеров, русских военных запасов, портовых складов продовольствия, русских военных кораблей и пароходов, на которые уже погрузилась одесская буржуазия.

Ответ неумного генерала д'Ансельма был типичен:

— Я — честный французский солдат, — сказал он, — и не могу выдать русских офицеров, находящихся под покровительством французского флага, тем более, что Франция считает вас своими врагами. С другой стороны, не может быть и речи о передаче власти совету: в силу французской конституции я могу отдать ключи только городской думе.

Делегация уже собиралась уходить, когда генерал д'Ансельм, обратив внимание на Елену, не мог удержаться от вопроса:

— Сколько же лет этой большевичке? Она еще очень молода!

Елена ответила шуткой, и разговор на этом закончился. 3 апреля д'Ансельм вывесил провокационный приказ, в котором говорилось:

«До ухода союзных войск власть находится в руках коменданта города. Малейшее нарушение порядка будет подавляться огнем, и, в случае беспорядков, эскадра немедленно откроет огонь по городу. Генерал д'Ансельм».

В это же утро «Протэ» пришел из Севастополя, имея на борту все того же главного интенданта и военную миссию. Как только мы пришли, на борту миноносца и в городе распространился слух, что во Франции революция, что правительство Клемансо пало и на его место стало временное социалистическое министерство. Слух этот пустил на миноносце я сам с единственной целью деморализовать военное начальство, но он с невероятной быстротой разошелся по городу и показался правдоподобным, так как население не могло понять, почему союзники, приславшие тысячи солдат под начальством выдающихся военных командиров для обороны Одессы, вдруг решили ее покинуть.

Возможно, что волнения и чрезвычайно «плохой» дух оккупационных войск дали возможность генералу Франше-д'Эсперэ убедить Клемансо в необходимости эвакуации. Клемансо по телеграфу приказал очистить город в 24 часа, но затем, приняв в соображение невозможность провести столь сложную операцию в такой короткий срок, дополнительно распорядился эвакуироваться «как можно скорее».

Ни один здравомыслящий человек не мог понять, почему французское правительство так быстро меняет свои планы. Мало кто знает, как вернутся парламентские флюгеры во Франции. Вот почему ухватились за самое простое объяснение, и в городе поверили, что правительства Клемансо больше не существует и что в Париже революция.

Этот слух окончательно разложил французские войска: они целыми частями братались с одесскими рабочими и начали выходить на улицу с пением «Интернационала».

Военный отдел ревкома готовил под руководством своего начальника Анулова мобилизацию рабочих для вооруженной борьбы за власть. Была организована рабочая милиция под командой большевиков и нескольких левых эсеров и анархистов.

Делегация снова посетила генерала, который ее принял в присутствии городского головы Брайкевича. И на этот раз были выставлены те же требования, и генерал дал тот же ответ. Дело опять кончилось ничем.

Возбуждение среди войск, расположенных в городе, росло. Две батареи 15-го артиллерийского полка одна за другой отказались запрягать орудия для отправки на фронт. Затем движение перебросилось во 2-й саперный полк, рота которого стояла на железнодорожной станции: получив приказ собираться к выступлению, солдаты желали узнать, куда их отправляют, и когда офицеры отказались дать разъяснения, саперы отказались выступить. Тогда один поручик в гневе сказал им: «Вы все взлетите на воздух сегодня же вечером!» Саперы, однако, не потеряли времени даром и тотчас же приставили караул к подрывному складу (парку). Всю ночь всех, кто ни приближался, встречали огнем, не исключая высших офицеров.

На другой день к саперам явился их командир и стал уверять, что их отправляют во Францию. После этого солдаты выступили в поход по направлению к Румынии. Как только они туда пришли, их отвели в пустынное место, якобы на смотр, и тотчас окружили сенегальскими стрелками (неграми из французских колоний). В Софии их судили, и шесть человек приговорили к 10 годам каторги каждого, а седьмого, Лазюера, к смертной казни. Он обжаловал приговор, судился снова в Салониках в

январе 1920 г. и снова был приговорен к смерти. Наконец, после того как он 15 месяцев просидел смертником в одиночке, правительство республики с необычайным «великодушием» заменило ему казнь 20 годами заключения. Что касается его товарищей, то они были освобождены с каторжных работ по амнистии, если не ошибаюсь, 29 апреля 1921 года.

3 апреля представители совета решили предпринять шаги перед атаманом Григорьевым под предлогом необходимости избежать боев на улицах города. На самом же деле переговоры имели целью подготовить восстание в тылу у союзных войск. Генерал д'Ансельм очень одобрил план посылки делегации и отрядил одного французского офицера сопровождать ее.

Атаман Григорьев был авантюрист, обладал весьма скудными военными познаниями, и вся его стратегия сводилась к следующим заявлениям: «Я предупредил генерала Гришина-Алмазова, что через 48 часов войду в Одессу, а если он будет сопротивляться, я с него живьем сдеру кожу на барабан». Характерно, что этот человек, мало понимавший в военном деле и командовавший отрядами, совершенно неспособными к открытому бою, сумел прогнать противника, вчетверо сильнее числом, великолепно снаряженного технически и стоявшего под командой военных специалистов. Это доказывает, насколько разложилось союзное командование, которому всюду мерещилась рука большевиков и которое боялось свсих солдат больше, чем партизанов Григорьева.

Договориться с атаманом не удалось. Григорьев заявил, что не нуждается в восстании, чтобы взять город.

Вечером 3 апреля в городе горели целые строения: генерал д'Ансельм распорядился разрушить все перед эвакуацией. С самого утра продовольственные склады были открыты, и с военных кораблей туда отправлены отря-

ды матросов, которые организовали систематический грабеж.

Исполком совета обосновался в здании городской думы, в нескольких шагах от местопребывания генерала д'Ансельма. Исполком заслушал доклад делегации и постановил созвать на другой день пленум совета. Пленум, действительно, собрался 4 апреля вечером под охраной вооруженной рабочей милиции.

Утром перед пленумом в совет явился французский офицер и от имени военного командования предложил совету принять гражданскую власть в городе. Военную власть д'Ансельм оставлял за собой. Вместе с тем он разрешил сессию совета при условии, чтобы на ней присутствовал представитель французской главной квартиры. Офицер этот во время заседания пленума поместился в ложе.

Было постановлено заслушать делегацию, которая доложила о своих переговорах с генералом. Совет постановил отправить делегацию к генералу еще раз и, в случае его отказа передать совету всю власть полностью, объявить всеобщую забастовку.

После выступления одного социалиста-революционера, протестовавшего против разграбления города союзниками, поднялся товарищ Мерефин и предложил резолюцию солидарности с французским пролетариатом. (В этот момент все верили еще, что в Париже вспыхнула революция.) В резолюции говорилось о том, что одесский пролетариат, понесший столь тяжелые жертвы и потерявший в борьбе тысячи товарищей, приветствует революционный рабочий класс Франции, в свою очередь выступающий на борьбу за лучшее будущее. Резолюция была принята при неописуемом энтузиазме собрания.

Затем от имени партии взяла слово Елена и заявила, что пришло время перейти к серьезно у делу: организации власти.

Вернулась делегация и доложила о свидании с генералом. Генерал сначала отказался передать всю власть совету, заявив, что если рабочие сделают попытку вооруженного выступления, он бомбардирует город. Тогда делегация напомнила ему, что в таком случае он будет отвечать не только перед русским, но, прежде всего, перед французским пролетариатом. Услышав это, генерал очень смутился и снова затянул старую песню о том, что он честный французский солдат и не может выдать добровольцев и передать власть совету.

— Вы с успехом разложили часть моих войск, — прибавил он, — но не забывайте, что у меня есть еще верные солдаты, на которых я могу положиться.

Делегация ответила:

— У совета тоже есть верные войска.

Генерал перестал настаивать, и делегация заявила, что совет не может уступить ему ни одного парохода для эвакуации буржуазии. Кроме того, пароходы, которые послужат для эвакуации союзных войск, подлежат возвращению. Генерал ответил, что все эти вопросы должны быть урегулированы в мирном договоре.

Доклад делегации вызвал бурю негодования. Депутаты грозили кулаками офицеру, бесстрашно сидевшему в своей ложе. Тут же была объявлена всеобщая забастовка, и революционный штаб стал готовиться к борьбе, причем запретил всякие изолированные выступления. В предместьях уже хватали и расстреливали добровольческих и польских офицеров. Вооруженные рабочие охраняли фабрики и заводы, а также склады и всевозможные материалы, имеющие хоть некоторую ценность. Совет постановил, что власть в Одессе с полудня 5 апреля переходит в его руки, и ввел военное положение.

Союзники, добровольцы и буржуазия в ужасающем беспорядке бросились на пароходы. Снова за места платили

бешеные деньги. Генерал д'Ансельм перевел свой штаб на военный корабль. Что же касается капитана Ланжерона, миссия которого закончилась, то он с некоторыми другими офицерами нашел себе пристанище на «Протэ».

В ночь с 4-го на 5-е «Протэ» уходил в Галац, увозя с собой множество штабных офицеров. Как раз в этот момент красные партизаны появились на Жеваховом холме, и несколько французских кораблей открыли по нему огонь. Впрочем, еще за три дня до этого, чтобы помешать продвижению отрядов Григорьева, адмирал Амет отправил по радио приказ командиру миноносца «Коммандан Бори»: «Воспрепятствовать огнем продвижению противника».

Когда началась стрельба, председатель исполкома по телефону предупредил генерала, что если огонь не прекратится немедленно, совет снимает с себя ответственность за жизнь оставшихся в городе иностранцев. Огонь был прекращен, и в тот же вечер совет поместился официально вместе с революционным штабом в здании городской думы.

Ночью тюрьма была открыта силой, и оттуда освобождено триста политических заключенных, прежде чем поляки, собиравшиеся их вырезать, смогли осуществить свое намерение.

Союзные войска без помехи эвакуировали город. Они уходили в большом беспорядке, мелкими отрядами, большей частью без офицеров. 5 апреля проходившие мимо думы французские солдаты устроили совету восторженную манифестацию. Часть, проходившая первой, заметив красный флаг над входом, запела «Интернационал». Солдаты следующих частей выходили из рядов, забегали в совет и просили у рабочих что-нибудь на память, главным образом красные ленточки, которые они прикрепляли к своим курткам. Многие поднимали кверху приклады

винтовок и кричали: «Да здравствуют большевики!» Последними проходили 12 танков, и когда они поровнялись со зданием совета, часть команды кричала: «До свидания!», а другая: «Задайте им хорошенько!»

Как раз в это время совет, во избежание каких бы то ни было столкновений, издал приказ № 4 об охране города. В приказе под страхом смертной казни запрещалось препятствовать эвакуации французских войск. «Всякий, кто будет стрелять во французских солдат, — говорилось в приказе, — будет считаться провокатором и расстреливаться на месте».

Утром 6 апреля революционный штаб осматривал город, чтобы выяснить меры, необходимые для его охраны. Всюду валялись трупы и виднелись развалины домов. В таком виде французская демократия возвращала одесскому пролетариату, которому принесла только голод и страдания, город, куда она за пять месяцев оккупации сумела внести одно лишь разрушение.

1918 г.

В ОДЕССУ И В ОДЕССЕ

Мирный край, поле за полем. Снова в Виннице торжественное чествованье. Винница — маленький город, страшно пострадавший в гражданскую войну, когда каждое нашествие белых его захватывало своим разливом. Когда в Винницу пришли галицийские войска, они принесли тиф и заразили им весь город. Из пятидесяти тысяч жителей сорок тысяч были больны, а пять тысяч умерло. Эти жертвы также должны быть отнесены на текущий счет преступлений Антанты.

Не было медикаментов для победы над грозным противником — тифом. Долгое время железные дороги были очагами и распространителями заразы. Советская власть вела ожесточенную борьбу с грязью и вшами. При этом она наталкивалась на упрямое сопротивление, на косность обывателя. Но сопротивление было беспощадно сломлено, и война с грязью и со вшами развернулась широко. Вагоны мылись и чистились, в каждом доме, в каждой комнате должна была производиться чистка; кто этого не делал, подвергался суровому взысканию. Борьба с заразой потребовала столько же жертв, как борьба с Красновым, Деникиным и поляками.

В Виннице было шестьдесят фабрик, по преимуществу табачных. Двадцать четыре еще работают, остальные по-

ляки разрушили, а машины эвакуировали. На пути отступления они превратили в пепелища шесть сел в окрестностях Винницы. В ответ на это 18 тысяч человек вступили добровольцами в Красную армию, а сдача хлеба повысилась на тридцать процентов. Здесь, как и в Кременчуге, железнодорожники постановили отчислить полный месячный заработок в пользу революционных железнодорожников Запада, которые препятствуют переброске войск и снаряжения в Польшу.

Мост через Буг деревянный: железный мост лежит взорванный на дне реки. Перед Жмеринкой на целый километр скелеты сожженных вагонов и изувеченных паровозов. Мастерские для ремонта паровозов взорваны поляками.

На вокзале — опять прием, и при нашем отъезде красная конница! — лихие казаки вскидывают сабли над головой и кружат и машут ими в знак приветствия.

Местность холмиста и разубрана в лиственные леса; направо и налево от полотна хорошо возделанные поля, много скога и фруктов. Мы проезжаем поблизости от бессарабской границы.

Под Одессой ландшафт меняется — ровные поля чернозема, стада волов, большие кукурузные баштаны и большие поля подсолнуха и дынь. Вокруг Одессы лежат хутора немецких колонистов, которые принадлежат к наиболее реакционным крестьянам. Не доезжая Одессы, мы видели целый квартал домов, разрушенный сильным взрывом военного склада; это произошло, когда в Одессе были немцы.

С вокзала мы поехали прямо к Черному морю. Это место слегка напоминает залив между Неаполем и Сорренто.

Мы прошли среди коричневой красоты обнаженных тел на пляже и выплыли спутанной цепью, многократно переплетенною, в морскую синь. Потом свели лодки борт о борт, запели «Гарманьолу» и другие революционные песни.

Одесса — европейский город с широкими, чистыми улицами, опрятными домами и бульварами. Порт почти вымер, склады заколочены, блокада душит город. Через каждые три часа выходят в море моторные лодки, высматривают французские крейсера и проверяют минные заграждения. В иные дни доносится орудийная пальба с фронта генерала Врангеля, пробивавшегося к Одессе. Поляки подкарауливают в засаде, рассылают шпионов румыны, на совещаниях одесского ревкома военным вопросам отводится большая часть повестки дня. На пляже я встречаю одного немецкого товарища из Интернационального полка. Этот товарищ здоровается с Анжеликой Балабановой и рассказывает ей, как белые расстреляли в тюрьме двадцать пять его товарищей, а его одного позабыли.

На одном заводе, над самым морем, висится колонна III Интернационала. После массового митинга у этой колонны, вечером опять торжественное собрание в одесском Большом театре, который, по утверждению русских товарищей, один из самых прекрасных театров в мире. Главным оратором в этот вечер был капитан Садуль, — в это время французский крейсер блокировал Одессу, барон Врангель пользовался откровенной поддержкой Франции. Садуль обратился к трем французским делегатам: к Раймону Лефевру — из Парижского комитета III Интернационала, Вергреру — секретарию синдикалистского союза металлистов и Лепети — представителю южнофранцузских металлистов анархистского толка, и перед лицом одесского пролетариата обвинял Францию в ее преступлениях.

— Франция, — говорил он, — самый непреклонный и злобный враг Советской России, оплот мировой реакции, это она натравливает поляков, посылая им в Варшаву своих офицеров и свои орудия. Франция — друг

и казначей Врангеля, которого она снабжает деньгами и пушками! Франция, которая блокирует своими крейсерами Одессу, душит порт и обстреливает Херсон!

Садуля в Одессе любил, потому что он уже однажды был в этом городе, когда подготавливал матросский бунт на французских военных кораблях и держал речь на крейсере, который первым выкинул красный флаг.

Французские товарищи слушали, наклонившись вперед, и когда Садуль кончил, они вскочили с мест и дали одесским рабочим торжественное обязательство сделать все в своей стране для пролетарской революции и для Советской России. Три французских товарища не вернулись во Францию. На своем обратном пути через Архангельск, пробираясь нелегально в утлом суденышке к норвежским берегам, они утонули в ледяных водах холодного северного моря.

Снаружи театр был окружен многотысячной толпой. Одна маленькая русская девочка с поцелуями бросилась нам на шею. Она сидела минутку в нашем авто и щебетала, как птичка. Ночь была мягкая и теплая, и над гаванью кружил прожектор.

1921 г.

НА КОЛЧАКОВСКОМ ФРОНТЕ

Свершается то, чего никто не ожидал: наступление! Сахаров работает день и ночь. Колчаковский матросский батальон дерется с беспримерной отвагой. Отдельные пехотные полки стараются его превзойти. Иные села в течение немногих часов по нескольку раз переходили из рук в руки. Не угодно ль измерить, сколько литров крови выпила бурая степная земля?

— После двух тысяч километров непрерывного отступления снова перейти в наступление, да притом еще успешное, — вот это по-русски! — сказал будто бы генерал Кнокс, командир английского корпуса.

Если б только пришли резервы, а то всё брошено на фронт — все до последнего человека! Но подкрепления нет — ни людьми, ни снаряжением. Орудия смолкли, расстреляв последние снаряды, лошади падают, не получая больше корма. Мы пишем, требуя овса, подков, сбрун, патронов, биноклей, палаток, шинелей, в ответ — ничего! Шлем телеграммы — ничего!

Генералы Сахаров, Войцеховский и Каппелль получили георгиевские ордена третьей степени. Косте один французский офицер преподнес в знак отличия какую-то французскую медаль. Он с невозмутимым лицом дал наце-

пить ее себе на грудь. Когда же офицер отошел, он сунул ее в карман штанов:

— Плевал я на нее! — сказал он совершенно отчетливо.

Один генерал из соседней дивизии потерял сегодня обоих своих сыновей. Они во время атаки попали в руки красных и были убиты. Когда пришла весть, генерал сам повел контр-атаку, чтоб увидеть хотя бы тела. Он шел с развевающимися седыми волосами во главе своего полка, солдаты в мрачном подъеме следовали за ним, одержали победу такого масштаба, какой давно уже не знавали в войсках.

— Если бы у всех генералов убивали сыновей, мы бы в четыре недели победили! — грубо сказал Петров.

Но в его словах есть крупица правды.

В атаке генерал взял в плен китайский полк. Целый полк в тысячу человек с их комиссарами. Комиссаров после обеда засекали до смерти, китайцев вывели к вечеру на косогор, приставили слева и справа по казацкой сотне и выстроили перед ними два легких пулемета.

— А теперь начинай! — сказал цинично Петров. — Чего канительить...

Он заскрежетал зубами и вытаращил глаза. В диком лице его была настоящая кровожадность.

Китайцы в добротных шинелях стояли вдвоенным строем. Спокойно, длинными шеренгами, едва шевелившимися. Некоторые опустили на землю, равнодушно, словно присели поболтать; большинство остались на ногах. Их лица не изменили выражения, их желтая лоснящаяся кожа была натянута на острых скулах не больше чем обычно; их черные ласочки глазки, похожие на агатовые бусинки, блестели, как всегда. Мне казалось, я никогда не видал, чтоб люди более равнодушно принимали смертный приговор.

Офицер отдал команду, и по третьему слову, которое визгливо прорезало вечернюю тишину, пулеметы застрожили: «Та-та-та... та-та-та-та... та-та-та-та-та...» Ряды падали от середины направо и налево, словно все они были связаны между собою и один увлекал за собою другого — так это выглядело. Через несколько секунд все обратилось в спутанный клубок, из которого торчали руки и ноги. Страшный крик поднялся к небу негромкий даже, страшный только своим тоном и тембром — мне сдавалось, что кричат, собственно, только несколько человек. Теперь стояло только десять, теперь только шесть, только три, теперь — ни одного.

В то мгновение, когда смолкла трескотня пулеметов, нам стало ясно, что этот человеческий клубок умирал не беззвучно. Тысячекратный стон исходил из гекатомбы поверженных тел, — подобный стону одного, но такой силы, такой животной интенсивности, какой нам никогда не доводилось слышать. Даже Вереники побледнел, когда услышал этот стон. Зейдлиц только выпятил челюсть, вздернул верхнюю губу так, что видны стали все зубы.

Казачий трубач протрубил к атаке.

Сотни медленно зашевелились, взяли шкил наперевес, понеслись тяжелым галсом, пустив лошадь по телам, лежавшим растерзанным клубком.

— Ну, теперь уже никто не подыметя! — сказал Петров.

Он обернулся, рот его был раскрыт, он, казалось, захлебывался от восторга.

— Где моя лошадь, будь они прокляты!.. — проворчал он злобно и побежал назад.

Вскоре он проскакал мимо нас по направлению к груде человеческих тел, растянувшейся на сотни метров. Он нагнул свой воловий затылок, обнажив саблю наголо. Лицо у него было страшное, почти что дьявольское.

И все-таки мы его понимали. Никто его не удерживал. — Пусть перебесится! — коротко сказал Вереники. — Нужно время от времени открыть клапан, — добавил Рекке.

Сомкнутого фронта больше нет, слоняются кругом разрозненные части. Приходится быть все время начеку, как бы не напал на нас врасплох какой-нибудь красный партизанский отряд. Сегодня все рассыпались по передовой линии, за цепью невысоких холмов, где слышалась перепалка. Мне оставили в прикрытии поезд с казаками. Они лежат под вагонами с винтовками наготове.

Часам к десяти прискакал назад Илья с пленником. — Меня прислал Вереники, — сказал он тихо. — Костя поймал...

Девичье лицо его не выказывало никакой радости, глаза глядели словно сквозь влажную кисею.

— Интеллигентный человек, — добавил он полушопотом. — Я с ним всю дорогу разговаривал. Жалко его... — Он повернул коня, нежно похлопал его: — Ну, мне пора на линию. Прощай, Бенъямин!

Я веду пленника к вагонам, выскиваю местечко, где никто не подслушает, везу ему сесть сомною рядом. Это еще молодой человек с крепким подбородком и высоким выпуклым лбом. Он не сводит глаз с цепи холмов, за которой щелкают выстрелы. По руке, выше локтя, у него сочится кровь из огнестрельной рапы. Слева у него какой-то красный значок. В умных глазах выражение, какое бывает у человека, когда он видит свой конец.

Я ему даю папиросу. Он не принимает, вежливо благодарит.

— Можешь брать спокойно, — говорю я: — я у тебя ничего не собираюсь выуживать...

Он бегло улыбается, берет папиросу, закуривает.

— А какой у тебя, между прочим, чин?
— Командир роты, — отвечает он коротко, но не грубо.
— Офицером был?
— Нет, фельдфебелем, старшим.
— В царской армии наверно выслужился?
— Да, произвели в унтеры в царской армии, на войне.
— Но... как же ты мог тогда стать большевиком? —
удивленно спросил я.

Он опустил углы рта, как-то чудно повел рукой.

— Эх!.. — проговорил он тихо. — Вы спрашиваете? Да, вы должны спрашивать... Ведь вы не знаете, как нам жилось... Я из горнозаводского края, родился на свет в бараке... Отец работал, мать рожала... С тринадцати лет я стал катальщиком... знаете? Работал с утра до вечера... А кроме этого только и было, что девки да водка... Никогда не видел цветов, не видел ни одного дерева. Только уголь, шахты, грузы... Когда нас подымал гудок, стояла еще ночь; когда мы выходили из забоя, уже снова была ночь... А по воскресеньям я спал от усталости...

Я долго молчал.

— Я тебя понимаю, — сказал я наконец. — Ох, я отлично тебя понимаю... Но зачем же, — спрашиваю я дальше, судорожно подыскивая, чем бы сломить его правоту, пошатнуть его позицию, — зачем вы запираете церкви? Зачем вы преследуете духовенство? Зачем глумитесь над религией?

Он улыбнулся.

— Если мы ее сохраним, мы никогда не достигнем цели, — сказал он, помолчав. — Почему все цари и короли связывали себя с богом, почему они были всегда «божьей милостью» самодержцы? Чтобы никто не дерзал усомниться в их непогрешимости... Это делало их неприкосновенными, никто не смел нападать на них... Ах, подумать только! Мы, красные, должны рассеять мечты о наградах

на том свете... И только когда мы, русские, уверимся, что эта земля — всё и нет никакого загробного мира, только тогда мы приложим все силы к тому, чтобы в этом мире добиться как можно большего. Это — первое условие, краеугольный камень...

Я все больше удивлялся. «Неужели он и в самом деле прижал меня к стене?» — думал я.

— Да, — сказал я, терзаемый его доводами, — но к чему же разрушать все, без разбору? Ведь есть же многое, что...

— Нет, — перебил он меня, — ничего нет! Только если снести совершенно и выстроить заново дом, где завелся грибок, — только этим и можно помочь беде. Капитализм — грибок, которым заболела вся земля... Керенский, впрочем, дал буржуазии достаточный срок, чтоб исправиться. Она этого не сделала, продолжала преспокойно погрязать в болоте. Чего же!..

Что я мог ответить?

— А все-таки, — сказал я наконец, — если вот так, насильственным образом...

Он рассмеялся презрительно, показав все зубы.

— Лежишь в земле, — сказал он, — скованный, голодный, изнуренный... Молишь: отпустите, ослабьте хоть немного — немного воли и чуть побольше хлеба... Но нет, только смеются над тобою, еще пуще притесняют... Что ж тут удивительного, если ты вдруг напряжешь мускулы, пока не разорвешь цепи... и вырвешься... и у тебя красно в глазах!..

Его пальцы сжались, умное лицо исказилось от возбуждения.

— Так было с нами, — он с силой выдавливал слова, — так мы просили милостыни сотни лет! Над нами смеялись в ответ, мы никогда не получали бы свободы... А ты спрашиваешь: «Через насилие?», говоришь: «Что выйдет хоро-

шего из насилья?» Нет, добром ничего не добьешься, потому что за добро не бывает награды... А если и насилье ни к чему не приведет, все же оно дало нам больше, чем когда-либо нам давало наше доброе поведение, — когда мы пресмыкались, клячили, были папьянками...

Через час Вереники велел двум казакам удушить его. Последние слова его были: «Вы можете заткнуть горло мне, но не революции! За меня восстанут тысячи и поступят с вами так, как вы поступаете со мною! Пробуждение человечества надвигается...»

Я всю ночь не сомкнул глаз. Все видел его перед собою. Все слышал его голос.

Прав он, или неправ?

— Жалко его, — сказал Илья.

Мы охраняем железнодорожные пути. Население стало повсюду ненадежным. Даже во фронтовой полосе саботажи. По сравнению с прежней службой жизнь у нас вольготная. Дадонов кейфует целый день. Только Костя ругается.

Сегодня утром, когда я производил проверку на небольшой станции, я наткнулся на ужасное открытие. Как раз подошел поезд. Я бродил вдоль вагонов. Когда дошел до последнего вагона, я вдруг услышал слабый стон. Приложился ухом к стенке — нет, я не обманулся: смутный, но, как казалось, многоголосый вой вырывался из щели.

Я тотчас побежал в штаб за капитаном. Мы вместе пошли к начальнику поезда, вызвали его на перрон.

— Что там в последнем скотском вагоне, голубчик? — прямо спросил Вереники.

— В последнем вагоне? Сплю минутку... — Он стал рыться в пачке квитанций. — Пленные, на Владивосток, — сказал он наконец.

Вереники помрачнел.

— В запломбированном вагоне? Не может быть! Идемте со мной...

Мы вернулись к вагону. Вереники долго прислушивался.

— Слышите? — спросил он затем.

Начальник поезда кивнул, весь побелев.

— Откройте!

— У меня нет ключа. Воинский провожатый...

— Где он?

Начальник поезда кивнул несколько раз. Прибегает долговязый офицер. Лицом похож на кунцу.

— Чего вам угодно? — проворчал он. — Чорт вас побори!..

— Вы провожаете этот вагон? — заревел на него Вереники.

— Да. И никто не в праве...

— Вы арестованы! Отберите у него револьвер, Бенъямин! — спокойно сказал Вереники.

Я взял револьвер — человек был так ошеломлен, что даже не сопротивлялся. Вокруг нас собирались уже солдаты и железнодорожные чиновники.

— Кто-нибудь знает этого офицера? — спросил Вереники.

Один чиновник кивает головой.

— Он очень часто проезжает через нашу станцию. Работает в контрразведке...

— А чего ради он тут разъезжает?

Чиновник извивается:

— Он должен отвезить всех неблагонадежных в ссылку, — говорит он, снижая голос до шопота, и добавляет: — Но обычно он их гноит в скотских вагонах.

Вереники окаменел.

— Держать его под стражей! — сказал он наконец. Затем повернулся к начальнику поезда: — Вагон куда-

нибудь на задний путь, чтобы его не видно было, и никого к нему не допускать!

Офицера увелц. Подают паровоз, отгоняют вагон к старой платформе. Вся наша часть стоит перед ним стеной, казаки широким кольцом оцепили место.

— Теперь открывайте! — прохрипел Вереники.

Коротко сказать: в вагоне было заперто сорок человек. Тридцать три из них уже умерли от голода и жажды. Выжившие выползали, как привидения, из груди мертвцов, царапались сухими руками по платформе, словно огромные пауки. Одна молодая крестьянка прижимала к груди маленькое, уже тронутое тлением детское тельце, целовала его врасос и при этом смеялась, как помещанная. У всех была зеленая пятнистая кожа, точно покрытая плесенью.

Один из казаков на карауле, завзятый головорез, ярый ненавистник большевиков, вдруг завыл во весь голос. Другой бросился на колени и начал громко молиться. Почти все стоявшие у вагона плакали. Вереники грозно скрестил руки на груди. Илюшу рвало. Даже Петров плакал.

Я побежал прочь, заполз в конюшню и прижался к своему Косолапому.

СТРАНА МЕНЯЕТ ЛИЦО

МОСКВА 1920

Москва. Половина марта. Легкий морозец; в парках и на крышах домов лежит белый снег; на улице полуметровая кора грязного снега, превратившегося в лед. Но на бледноглубом небе уже высоко подымается солнце и начинает пригревать.

Петроград и Москва — мертвые города. Так мы читали в европейских газетах. Только странно, что с этим утверждением как-то не вяжется бурное движение, шум и краски улиц и гудки несущихся автомобилей. Но вы сейчас поймете, почему эти города «мертвы». Нет витрин, которые придают особый характер европейским столицам; исчезли роскошные ювелирные магазины, магазины с мехами, шелком, хрусталем, стеклом; витрины, за которыми лежали горами соблазнительная ветчина, консервные коробки, фрукты, сыры всех сортов; те, прельщающие своими лакомствами витрины, перед которыми, глотая слюну, стояли краснощекие дамы и притискивали свои носы отрепанные мальчишки, от дыханья которых потело стекло. Этого уже нет. Только изредка попадаетея лавочка с разложенным перед окном запыленным «товаром» — детскими игрушками, остатками стандартизованных карликов, обычно служащих для украшения садиков, какими-то

фигурками, бамбуковыми туалетными столиками и принадлежностями для маникюра. Это здесь нетронуто, и если вы пожелаете что-либо купить за цену, от которой у вас закружится голова, — пожалуйста.

На главной улице находятся антикварные и цветочные магазины и мастерская дамских шляп, в витрине которой на медном шесте торчит единственная дамская шляпа кричащего цвета, словно предназначенная для цирковой танцовщицы. Исчезли почти все золото-черные вывески и только кое-где, высоко над крышами, где их было трудно достать, остались. Но и они пострадали. Некоторые буквы на них, как тяжело раненые, лежат на боку или вовсе отсутствуют. Европейские журналисты правы: впечатлительные кладбища.

Но зато живут другие вывески: красные и белые. Они свежи, блестящи, они смеются в лучах мартовского солнца, они всюду, куда ни помотришь. На стенах и крышах, фасадах домов, отелей, особняков, дворцов. Красные и белые. Новые, веселые. На этих вывесках -- серп и молот посреди пшеничного венка и ленты с надписями: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «РСФСР». Эти буквы надо запомнить, заучить, ибо они означают завтрашний день нашего мира. А под гербом надпись: «1-й дом Советов», «Издательство СР и СД», «Продовольственное отделение Московского СР и КД», «Хлебное отд.», «Галантерейный склад № 8 Московского СР и КД», «Книжный склад ЦК РКП». Красные и белые вывески всюду. А что это там — такая длинная вывеска? Во дворце с небольшим садиком перед фасадом. Остановись, европеец! Здесь пахнет кровью. Ты не ошибаешься, это действительно она. Чрезвычайка. Она: «Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и злоупотреблением государственной властью». Беспощадная Чрезвычайная комиссия, о которой, проснувшись, за чашкой утрен-

него кофе так много ужасного читали европейские буржуи.

У ворот в своих шинелях песочного цвета стоят два красноармейца. В руках у них по винтовке с длинными штыками, на которые они насаживают пропуска входящих сюда людей. Штыки уже на три четверти заполнены пропусками.

Самая большая московская гостиница — «Метрополь» — превращена во 2-й дом Советов. «Дом профсоюзов» разместился в бывшем дворянском собрании, в подвалах которого во время национализации нашли, кроме огромных запасов вина, десятки ящичков игральных карт. В мраморном дворце — клубе московского купечества — разместился Свердловский рабочий университет, а в Денежном переулке, в одном роскошном частном особняке, который когда-то занимало всего четыре человека, там, где в июле 1918 года эсеры пытались после Брест-Литовского мира спровоцировать новую войну и бросили в немецкого посла барона Мирбаха бомбу, теперь помещаются отделы III Интернационала. Здесь бьют главные артерии жизни, отсюда разливается кровь и теплота в вены фабрик, заводов, мастерских, построек, домов. Организм, хотя и работает еще ускоренным революционным темпом, но уже без перебоев, гармонически.

Нет, Москва не умерла, не умер и Петроград. Это только жизнь переместилась в другое место. Она отлила от бирж и банков, магазинов и кафе, ресторанов, кабаков, клубов и ночных увеселительных заведений, оттуда, где европейский журналист привык ее искать и где ему ее здесь не найти. Банковские вывески исчезли, а в витринах, кое-где простреленных пулями, пауки ткнут свои паутины.

Московская улица шумно движется, течет. На ней можно встретить много подвод, деревенских саней, в кото-

рых сидят мужики в овчинных полушубках. Эти сани, нагруженные мешками, бочками, ящиками, мясом и, конечно, дровами, тянутся длинной цепью. «Дрова, дрова, дрова» — это очередная задача дня, так как сейчас от дров зависит темп работы на фабриках. Об этом говорится в расклеенных на углах плакатах, изображающих двух рабочих, кидающих в жерла печи поленья.

Среди подвод то-и-дело мелькают пробегающие через улицу люди: это возвращаются с работы товарищи. На некоторых — поверх одежды синие фартуки, на некоторых — меховые пальто с каракулевыми воротничками. И здесь одеваются в зависимости от служебного положения. Только это не значит, что один из них богат, а другой беден. Улица полна народа. Люди все здоровые, а не голодные призраки, как об этом писали у нас. В России теперь почти все — товарищи. Сложные титулы отпали, нет теперь сударей, господ, превосходительств, благородий, сиятельств и пр. Теперь дворника, Ленина, мальчика, женщину, солдата — всех называют товарищами. Все, кто попадаетея мне на московской улице, хорошо одеты. Людей, одетых в тряпки и дрожащих, с посиневшими губами, — нет. На углах главных улиц стоят бородатые извозчики в своих зипунах, подпоясанных кушаками; от их поджарых лошадежек облаком подымается пар. Вот по тротуару проходит черкес в национальном одеянии вишнево-бордового цвета; он сверкает на солнце своей мужественной красотой, и резко яркое пятно его фигуры на мгновение затемняет собой все окружающее.

Вот какой-то «господин» нехотя тащит по грязному льду улицы санки, на которых мешочек со скудными продовольственными запасами. Это один из бывших буржуа; их всегда можно узнать: они ходят все еще в дорогих шубах, — за три года шубы еще не износились. А вот эта

«сударыня» забыла на своей роскошной шубе зашить огромную дыру под мышкой, и кроме того, так как ей не хотелось поискать шнурков для ботинок, то она продела в них веревочку от какой-то коробки.

Вот на тротуаре остановился подпоручик Красной армии, три раза он крестится и через всю улицу кланяется каким-то раскрашенным церковным воротам. Никто на это не обращает внимания, — это его личное дело. Попы здесь тоже еще есть; вон там плывут два кудлача в длинных рясах. В церквах с золотыми куполами идет служба, только государству до этого нет никакого дела. Пусть каждый кому угодно молится, содержит попов на свой счет.

Вот у церковных ворот сидит нищий. Нищий? Он прилично одет, но все же? Мне говорили, что в Москве голод, дороговизна, что каменщики работают в фартуках, сделанных из картин Рубенса, — об этом писали наши газеты (какая бессмыслица!). Но встретить нищих — к этому я не был подготовлен. Позже моя спутница мне объяснила, что нищих еще до революции были тысячи, а война значительно увеличила их число.

И действительно, я вспомнил: когда мне было шестнадцать лет, я был в Киеве и там в одно из солнечных июльских воскресений я наблюдал такую сцену. От церковных ворот по обеим сторонам тротуара тянулась двумя рядами цепь сидевших и стоявших на коленях нищих. Мимо них проходил шестилетний мальчик, видимо дворянского происхождения. За ним шли лакей с корзиной в руках и мать мальчика, одетая в шелковое платье и с кружевным зонтиком. В корзине лежали бублики. Мальчик брал их, ломал на части и бросал направо и налево, как собакам. Нищие ловили эти куски и сейчас же клали их в рот. У лакея было бесстрастное, неподвижное лицо, а мать счастливо улыбалась. Тогда мне хотелось пристрелить этих людей.

По московским улицам несутся, гудят, грохочут автомобили. На углу Театральной площади и Охотного ряда — импровизированный рынок. Здесь стоят женщины с бидонами молока, мужчины с небольшими корзинами овощей. Вот парень орет во всю глотку, что он продает масло, а рядом с ним другой предлагает махорку. Вот стоит женщина с небольшой коробкой гвоздей и пятью кусками сахара на дощечке. У другой жарятся в походной печке котлеты. Вас интересуют цены? Спросите об этом вот ту женщину, что стоит на углу и продает из ведра моченые яблоки. «Почем?» — «Сто десять рублей», — отвечает она. Может быть, вас не поняли? «Сколько стоит вот эта коробка спичек?» — «Восемьдесят рублей». Ага, значит, вас поняли. Спросите третью: «Что стоит кусок сахару?» — «Тридцать рублей, товарищ». Ну, довольно. Можно больше не спрашивать. Вам ясно: это мелкие спекулянты.

В провинции продовольствия в изобилии; в Сибири горы хлеба, но нет поездов, которые перевезли бы их. Из 30 тысяч паровозов после мировой и гражданской войны уцелело всего 6 тысяч, да и те долгое время были заняты воинскими перевозками. Как только будет восстановлен транспорт, кризис с продовольствием в городах будет смягчен. Сейчас идет лихорадочная работа над ремонтом паровозов. Работают днем и ночью, в будни и в праздник. Россия умеет налаживать работу. Число курсирующих поездов увеличивается из месяца в месяц. «Железнодорожник! — гласит плакат, изображающий железнодорожного рабочего, — в твоих руках судьба транспорта; чем больше будет правильно курсирующих поездов, тем быстрее будет изживаться голод».

Мартовская улица, освещаемая мягкими лучами солнца, живет своей шумной жизнью. Грузовой автомобиль с солдатами громыкает по улице. Вот идет отряд красноармейцев с винтовками за плечами и поет марш «Красное зна-

мя), — наш «Рудый прапор». Со смехом, шумно перебегает группа краснолицых и здоровых детей, — таких в Западной Европе не увидишь. По тротуару проходят две молодых женщины в черных кожаных тужурках, в фуражках, с револьверами за поясом и красными звездами на груди. Это — женщины-комиссары, только что вернувшиеся с деникинского фронта. Таких кожаных тужурок теперь много. «Это подарок английского короля», — смеются москвичи. Только подарок-то был вынужденным. Кожаные тужурки и многие другие вещи забыли забрать с собой королевские наемники, когда убегали из Мурманска.

Весела мартовская улица. Я десятки раз спрашиваю сам себя, не является ли эта радость только моим субъективным ощущением, и десятки раз отвечаю себе: нет. Весело это молодое солнце, сверкающий снег на крышах, эти красно-белые надписи и пестрые карикатуры в витринах советских издательств, весело движение пешеходов, громкий говор детей, лица людей. Да, лица у людей здесь другие, чем у нас; они изменились. Их выражение не всегда было таким; словно с них свалился какой-то груз, лежавший на них веками, словно они умылись в каком-то чудодейственном источнике.

Перекрестки весьма оживлены. Углы — в плакатах. Вот вывешена «Стенная газета» Роста — самые важные телеграммы за день. Роста информирует население бесплатно. Другие плакаты извещают об открытии всеобщих образовательных курсов, курсов для молодежи, о митингах, диспутах на разные темы; здесь также висит приказ Московского военного комиссариата о военном обучении коммунистов.

Но есть и такие надписи:

**БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЛЮТЫХ ВРАГОВ,
БОЙТЕСЬ ВШЕЙ И КЛОПОВ!**

Этот плакат остался после проведенной кампании. Прошлая неделя была посвящена санитарии; тогда было вменено в обязанность каждому московскому гражданину привести в образцовый порядок свою квартиру. По квартирам ходили комиссии. Кара за антисанитарное состояние была строгой, причем если нечистоплотным оказывался коммунист, то к нему относились еще строже, ибо быть коммунистом в России — не привилегия, а наоборот, — принадлежность к партии налагает твердую дисциплину и много обязанностей. В течение этой недели проводится чистка улиц, следующая неделя, как сообщается в газете, будет неделей бани: каждому будет предоставлена возможность (это не будет обязательным) выкупаться и получить редкое здесь мыло. В типографиях уже готовятся для будущей недели плакаты, приблизительно с такой надписью:

ПОЧЕШИ В ЗАТЫЛКЕ, ВАНЯ!
БЫЛ ЛИ ТЫ СЕГОДНЯ В БАНЕ?

В эту неделю проводится кампания по чистке улиц. Москва готовится достойным образом встретить весну. По крышам домов ходят люди и сбрасывают оттуда снег, а внизу, на улице, работают «уборщики». С этим словом у нас, «европейцев», связано представление о сгорбленном старикашке или инвалиде, одетом в тряпье, поверх которого нацеплен синий фартук. Такой старикашка ковыляет по улицам и с трудом помахивает метлой, только для того, чтобы на него не кричали. Здешние «уборщики» выглядят несколько иначе: это крепкие, хорошо одетые люди, мужчины и женщины, причем некоторые из них в дорогих шубах и калошах; кокетливые «уборщицы» в меховых шапках и ботиках. Один из них ломает лед, другие выгребают льдины из тени на солнце, чтобы они скорее растаяли. Работают весело. Ведь это ра-

бота временная, всего на несколько часов. Вот только привести в порядок небольшой участок улицы, — и дело готово. Еще в прошлом году эту работу выполняла буржуазия. Пролетариату было не до этого: он был занят борьбой на фронтах, подавлением контрреволюции и саботажа чиновников; поэтому улицы должны были приводить в порядок домашние хозяйки, адвокаты, банковские служащие, которым нечего было делать. В этом году не только сейчас, при проведении генеральной кампании, но в течение всей зимы по чистке улиц обязано работать все здоровое население от шестнадцати- до пятидесятишестилетнего возраста. Дело в том, что советское правительство ввело всеобщую трудовую повинность, и все обязаны работать на общественных работах приблизительно один день в неделю. Организационно это делается так: отдается распоряжение, чтобы такой-то и такой-то дом привел в порядок такую-то часть улицы, — большую или меньшую, в зависимости от количества жильцов. Домоуправление же обязано оповестить об этом всех живущих, раздобыть лопаты, ломы, метлы, и кто бы ты ни был — «барин» или рабочий, а выходи на работу. Каждый из обязанных работать получает 56 рублей и фунт хлеба. Наблюдение за работой ведется строгое, а там, где работают коммунисты, еще строже, так как они обязаны быть всем примером. К работе по очистке улиц привлекаются в принудительном порядке осужденные спекулянты. Действительно, для чего таких людей даром кормить хлебом, когда этого хлеба нехватает рабочим.

Но общественные работы не исчерпываются одной очисткой улиц. «Дрова, дрова, дрова» — вот отчаянный крик Москвы и других крупных русских городов в этом году. Транспорт разрушен, об угле и нефти нечего и думать, а 100 тысяч вагонов торфа, доставленного в прошлом году с Шатуры, были проглочены Москвой очень быстро.

И вот люди, обязанные работать на общественных работах, вставали в 6 часов утра, — то есть фактически в 4 часа, так как здесь стрелку передвинули на два часа, а летом даже на три, — приходили в назначенные пункты и их увозили в лес рубить, колоть и пилить дрова. Кто не умеет — научится. Революция требует темпов, ей некогда заниматься учеными проектами.

В Москве столько и столько-то сот деревянных построек. Так как нужда в квартирах с тех пор, как богачи вынуждены были очистить свои восемнадцати- и двадцатикомнатные квартиры, свои дворцы и особняки, стала меньше, то к чорту деревянные дома! Такая-то типография или такая-то пекарня разбирает такой-то и такой деревянный дом. Благодаря этим полусгнившим бревнам и доскам в Москве выходили газеты и пекли хлеб. От домов оставались только голые фундаменты. Таких фундаментов можно видеть в Москве много, как и много новых построек.

Работа, работа, работа! Так кричит улица, так кричит этот город, вымерший только для слепых европейцев. Миллионы рук интенсивно работают над восстановлением того, что уничтожила мировая и гражданская война, работают над возведением такого фундамента, на котором будет построено нечто более грандиозное, чем-то, что до сих пор было. Москва живет, живет вся Россия.

На бывшей Скобелевской площади стоит памятник революции. Он имеет форму обелиска. На обелиске надпись: «Не трудящийся да не ест».

И республика проводит в жизнь этот лозунг.

1920 г.

О РАБОЧИХ И ИХ ДЕТЯХ

Я осмотрел несколько фабрик, где мне хоть и отрывочно, но все же удалось ознакомиться в общих чертах с производственными методами сегодняшней России. Это были: текстильная фабрика под Москвой, хлопчатобумажная фабрика в Иваново-Вознесенске, затем различные производства в Петербурге — мастерские, предприятия швейной промышленности, хлебные фабрики и т. д. На многих фабриках употреблялось сырье еще довоенного происхождения, на других — уже новый материал, из неисчерпаемых запасов огромной страны; но наряду с ними для производства необходимы были и материалы, которых не пропускала блокада, как, например, краски для набойки ситцев, в мирное время ввозившиеся из Баварии. Так что теперь, когда старые запасы этих материалов иссякли, фабрики стоят перед нелегкой задачей.

Осмотренные нами фабрики были построены и оборудованы как раз перед самой войной. Чтобы составить представление о новой системе труда, мы заострили внимание на следующие моменты: в каком состоянии находится фабрика, как обращаются на ней с оборудованием и сырьем с той поры, как рабочий сделался хозяином производства, и, наконец, — самое существенное, — как восста-

навливают работоспособность разрушающегося оборудования, износившихся машин, незаменимых частей — путем бережного обращения, изобретательства, самоотверженного и сознательного отношения рабочего к нуждам производства, в котором он видит не только средство удовлетворения насущных потребностей страны, но и средство укрепления и поддержки великой политической идеи.

Я очень сожалею, что у нас не было под рукой фотографического аппарата, когда мы посетили большую суконную фабрику под Москвой. Изготавливались на ней сукно для военных шинелей, различные сукна для мужской одежды и так называемый «технический войлок» для бумажной промышленности. Изготовление этого последнего — тяжелого белого материала, в 2 дюйма толщиной, идущего бесконечным рулоном, — требует особой машины для ворсования. Машина эта называется ворсильным катком и представляет собою металлический цилиндр с прикрепленными к нему осотовидными гибкими шипами. Сукно натягивается на эти шипы, которые и ворсят его ткань. Машины, импортированные в свое время из Англии, из города Бери, пришли в негодность. И вот рабочие тут же, на фабрике, сколотили из дерева каток и укрепили на нем настоящий осот, вывезенный из какой-то отдаленной губернии и, естественно, подверженный быстрому снашиванию. Эта машина — первобытная, напвая, как будто смастерил ее какой-то новый Робинзон Крузо, — представилась мне трогательным символом нужды и доблести новой России.

Я осматривал эту фабрику вместе с бывшим народным комиссаром венгерского коммунистического правительства, выдающимся экономистом, профессором Варга. Мы явились туда без предупреждения и имели возможность получить довольно точное представление о производстве,

как в отношении постановки труда, так и в отношении управления. Из 6100 веретен работали в то время только 3000. 1600 человек рабочих со своими семьями жили в окрестностях фабрики. Многие машины стояли из-за отсутствия запасных частей, необходимых для их восстановления. На том войлоке, о котором я говорил выше, кромка делалась вручную сотней работниц, так как приспособленная для этого машина не работала. Они сидели ряд на длинных скамьях и тщательно закрепляли нитку за ниткой по обеим сторонам полотнища, — бесконечно однообразная и кропотливая работа, при которой приходилось еще следить, чтобы на поверхности ни в коем случае не проступали узлы, так как они, понятно, стали бы рвать бумагу, которая должна скользить по этому войлоку...

Работницы на этой фабрике должны были давать дневную выработку в $7\frac{1}{2}$ аршин ткани и за эту минимальную норму получали основной оклад 121 р. 20 к. Для повышения продукции была введена премиальная система, увеличивавшая заработок до 400% против оклада. Когда росла потребность в продукции, работницы давали по 40 сверхурочных часов в месяц при 25 восьмичасовых рабочих днях. До введения премиальной системы дневная продукция — при мужском труде — составляла в среднем 12 аршин на одного работника; введение премиальной системы подняло среднюю выработку до 15 и даже до 17 аршин.

Каждый рабочий и служащий имеет право обрабатывать для своих потребностей в ближайших окрестностях фабричного поселка по 11 сажени земли на члена семьи. Это давало свои выгоды и преимущества; так как снабжение продуктами питания часто бывало совершенно недостаточным и нередко работницы от недоедания и усталости теряли последнюю работоспособность, то нельзя было возражать против того, чтобы часть производственного пер-

сонала проводила половину рабочего дня в поле, засевая, пропалывая и собирая репу, картофель и прочие овощи. Преодолеть этот вынужденный отрыв от производства в значительной степени помогла премиальная система.

Настроение среди рабочих было превосходное. Они сознавали, что произошла большая перемена, что они работают теперь для себя, и это сознание помогало им мужественно переносить лишения.

Когда мы приехали и когда уезжали, ватага прелестных, хорошо одетых и веселых детей собралась вокруг нашего автомобиля. В клубном зале, в столовых, в детских клубах и очагах висели по стенам плакаты и знамена с лозунгами. При фабрике был театр, где декорации писали сами рабочие; в программе последних спектаклей значились пьесы Чехова и Толстого. В маленькой студии стояли скульптуры из глины и дерева, исполненные художественно одаренными рабочими в часы досуга. Поразительно хорошо было поставлено дело в больнице. В превосходном, образцовом порядке содержались помещения операционной, аптеки, палаты для рожениц; главный врач располагал даже хирургическими инструментами; как нам сообщили конфиденциальным образом, они добывались контрабандой. И было здесь то, что представляет сейчас в России еще большую редкость, — хлороформ.

Заводский комитет состоял только из рабочих — ни одного служащего. Председатель был коммунист. Но это вовсе не безусловное правило. На иных фабриках в составе завкома нет ни одного коммуниста. Эта фабрика была одной из важнейших в Московском округе и была под ведомством непосредственно Центрального управления текстильной промышленности...

В Иваново-Вознесенск я поехал с небольшой группой, сопровождавшей нашу изумительную Клару Цеткин. Иваново-Вознесенск — один из крупнейших промышлен-

ных центров России, сердце русского революционного пролетариата. Приезд Клары Цеткин был для рабочих настоящим праздником. Среди нас находилась также Анжелика Балабанова. Нас встретили с военными почестями. На вокзале стоял почетный воинский караул, военный оркестр играл «Интернационал», и мы приняли нечто вроде парада. Женщины со слезами приветствовали и целовали Клару и Анжелику, которые с площадки вагона обратились с речами к собравшимся.

Фабрика, которую мы осматривали в следующие дни, поставляла в прежнее время огромное количество ситца на Ближний и Дальний Восток. Фабричные книги образчиков представляли невероятный по своей полноте подбор пестрейших набоек. Все разновидности индийского, китайского, персидского узора были собраны в этих книгах. Сейчас, понятно, производится лишь очень ограниченное число вариантов. Но зато мы нашли уже и новые рисунки, в чистом народном стиле, отвечающие, повидимому, вкусу пролетариата. Во дворе фабрики, которая всего две недели назад снова пущена в ход и имела сейчас 2000 рабочих против 4500 мирного времени, еще лежали горы гранат: во время войны фабрика была переведена на эту приятную отрасль производства. Теперь вся эта чертовщина ржавела под трехкратным наносом снега.

Иваново-Вознесенск насчитывает 210 фабрик и является центром русской хлопчатобумажной промышленности. Новая организация производства сосредоточила сейчас в одном месте все предприятия по обработке текстильных изделий, тогда как раньше царил нелепая система, при которой материя ткалась где-нибудь в одном месте, потом везлась куда-нибудь за тысячу верст для дальнейшей обработки, затем снова пересылалась на декатировку, и так далее. Из 210 фабрик — 20 крупных используются сейчас для производства. Мелкие фабрики, естественно,

закрты, так как конкуренция между фабрикантами и частная инициатива перестали существовать вместе с частной собственностью.

Здесь мы тоже видели много примеров герсизма рабочих и много трогательного в их трудном быту. Бледные женщины кидались к Кларе Цеткин, показывали ей свои ланты — на дворе выпал первый зимний снег — и просили ее, как друга и вождя, передать т. Ленину, чтобы он послал в Иваново побольше хлеба и сапог. (Область искони считалась потребляющей и не могла обходиться без ввоза хлеба.)

Россия, сжатая блокадой, распатанная войной, — эта Россия больна недопроизводством самого необходимого.

Я не слышал в России слова более печального, чем слово «ремонт». Оно предполагает починку, но когда говорится «ремонт», это значит, что испортилось что-то, чего нельзя восстановить. В повседневном быту это наблюдалось так же, как и в крупных делах общественного значения, в мелочах, как и в самом существенном. Выскочил и затерялся винтик от щеколды на дверях моей комнаты в прекрасном доме, где я жил в Москве, и я уже не могу запереть свою дверь, потому что винтиков не достать. Или шел я как-то по городу в одном из наиболее оживленных районов, среди большого движения улицы, что вела под уклон. В средних числах октября ударил пятнадцатиградусный мороз. И вот в одном четырехэтажном доме лопнула, очевидно, труба. Сквозь лед и снег на сто метров разливалась по улице вода отвратительным желтым ручьем. Трубу нельзя было заменить. Везде, куда ни ступишь, — разрушение, развал.

И все-таки в начале весны 1920 года, между победой над Деникиным и новой вспышкой польской войны, когда страна получила передышку месяца в три, промышлен-

ность резким скачком повысила продукцию. Это сразу же оживило подвоз из деревни. Общее настроение поднялось. Но тут пришли поляки, пришел Врангель, началась оккупация Донецкого бассейна, разорение и захват украинских полей, захват источников нефти. Однако страна не падала духом. Продовольственный паек для детей был повышен («злые» коммунисты повысили даже паек для детей «ненавистной буржуазии»), и несколько месяцев перемирья на фронте привели к тому, что зима 1920/21 года уже не так сурово и губительно отразилась на измученном населении больших городов.

Когда я покидал Россию, Врангель был разбит и бежал, и мы вздохнули свободней. Россия имела перед собою по меньшей мере четыре месяца затихья на фронтах. Располагая замечательно спаянной армией рабочих и крестьян, Россия сможет использовать этих дисциплинированных, воодушевленных сознанием правоты своего дела бойцов в важнейших отраслях производства и таким образом обеспечить страну всем необходимым на ближайшее будущее. Если война решительным образом способствовала распространению идеи коммунизма в армии и в широчайших слоях русского народа, то перемирье, передышка между двумя войнами помогает укреплению производства в стране. Таким образом предпринятая Антантой кампания за подавление большевизма дала обратные результаты. Будущее покажет, не тщетно ли мировой капитализм напрягает свои силы против идеи освобождения масс.

Русские дети, дети самых нищих, счастливы и веселы. Правительство заботится о них всеми средствами, какие доступны сейчас разоренной стране. Виллы, замки и дворцы экспроприированных богачей в городах и в деревне превращены в детские очаги, детские санатории, детские сады. Необходимое количество калорий, — то коли-

чество, какое требуется для полного сохранения здоровья, — конечно, не обеспечивается в России при распределении продовольствия и установке подушного пайка (достаточную норму получают разве только солдаты на фронте, а из прочих, конечно, никто, ни в стенах, ни за стенами Кремля), но наиболее высокий процент калорийности достается детям. Многие поместья, в том числе поместье Толстого Ясная Поляна, отданы сейчас под детские колонии. Мне, к сожалению, не пришлось съездить в Ясную Поляну. Я выхлопотал в Комиссариате народного просвещения, чтобы нам, иностранным журналистам, был предоставлен для этой цели вагон; миг сколотилась группа; все, казалось, шло наилучшим образом, а потом дело затормозилось по непростительной канцелярской волоките.

Все же я имел возможность посетить и внимательно осмотреть целый ряд детских очагов в Москве, в Петербурге и в провинции. Лучшее всего поставлено петербургский очаг для умственно и морально дефективных детей. Это превосходно оборудованный, обслуживаемый лучшими педагогами и психологами институт, и помещается он в здании некогда самой аристократической гостиницы города. Работой Отдела народного образования в Петербурге руководила г. Лилина, жена Зиновьева. В каждом очаге обязательно есть клубная комната; в школьных залах устраиваются выставки, где тщательно собраны детские наивные рисунки, скульптуры с лозунгами, сооружены подмостки для театральных представлений и ритмической гимнастики. В Петербурге нам показывали прекрасные спектакли. Мы видели в детской постановке «Сказку о рыбаке и рыбке», видели упражнения по системе Далькроза. Проводятся здесь и новейшие американские методы воспитания — или во всяком случае учитываются.

Американский принцип политического образования, так называемый «гражданский час», лет десять тому назад произведший на меня неизгладимое впечатление в одной средней школе в Чикаго, служит полным оправданием большевиков, которым ставят в упрек агитационную работу среди детей. Подобно тому, как огромные массы неграмотных взрослых получили через большевиков духовное раскрепощение, так точно обстоит дело в отношении духовного и физического развития детей немущих, угнетенных классов стапятидесятиллионного народа.

Но я хочу рассказать здесь не об этой работе, — я лучше расскажу о нашей встрече с одним тринадцатилетним мальчиком в детском очаге в Иваново-Вознесенске. Она дала нам живой пример того, каких результатов может достичь пропагандистская работа. Василий К. из Юрьевца, сын погибшего в годы революции передового рабочего; брат у него тоже погиб в годы революции, мать работает контролершей на волжском пароходе. Когда мы вошли в залу прекрасного дома — он раньше принадлежал богатому фабриканту-суконщику и был достроен уже во время войны, — Василий сидел за великолепным беаштейном и наигрывал русские народные мелодии. Василий — самоучка; играл он лучше, чем молодая учительница, которая вслед затем аккомпанировала для хора «Интернационал». Когда Василий услышал, что вошедшая с нами маленькая женщина — Анжелка Балабанова, а высокая и старая — Клара Цеткин, он учтиво подошел к нам и стал расспрашивать, обращаясь сперва к Балабановой, как в Москве обстоит дело с Консерваторией, не может ли Балабанова устроить его туда студентом. Потом он спросил нашу Клару Цеткин, какое впечатление производит на нее Россия, виделась ли она уже с т. Лениным, как поставлено в Германии дело музыкального обучения, и как

она, Клара Цеткин, думает — дала ли бы ему какая-нибудь большая немецкая музыкальная академия для усовершенствования в своем искусстве больше, чем он может получить в России?

Через переводчика мы разъяснили Василию разницу в условиях жизни для детей неимущих классов России и Германии, разницу в условиях приема в консерватории и т. д. На это Василий с непоколебимой серьезностью, с ясным взглядом и спокойным достоинством, которое проявлялось во всех его сдержанных жестах и во всей осанке — с нами, взрослыми, он разговаривал на равной ноге, как взрослый равноправный, — Василий начал толковать, как нечто непреложное: политические условия в Германии должны измениться, как они изменились в России.

Если в Германии, в культурной стране, детям самых неимущих труднее получить образование, чем в Советской России, то немецкие рабочие обязаны — это их долг! — произвести переворот, прогнать буржуазию и захватить в свои руки государственную власть. Он поручил т. Цеткин передать это пожелание немецким рабочим и выразил надежду, что в недалеком будущем он получит возможность поступить в консерваторию «в свободной Германии».

Это только забавный эпизод, и детская наивность, с которой Василий — правда, серьезный, одаренный и страстный ребенок — держал свою речь, делала его еще более замечательным. Но тем не менее этот эпизод заставляет нас всех, и меня и вас, сильно призадуматься. То, что делают большевики для детей в России в духовном и материальном отношении, не ограничивается заботой об их детском благополучии, их духовной и телесной пище: чувство собственного достоинства, до тех пор подавляемое в огромных слоях населения, теперь многократно уси-

лилось в юных умах освобожденных масс: Здесь большевики самыми простыми и самыми чистыми средствами воспитывают несокрушимую будущую силу, куют оружие, с которым можно покорить мир. Радость и подъем, пережитый в Советской России детьми самых обездоленных, даст им силы перенести эту пору жестоких лишений, под тяжестью которых стонут и надрываются взрослые.

Никогда, никогда не забудут эти маленькие освобожденные умы, воспитанные для свободы — духом и телом — русские дети, кому они и обязаны своей свободой! Это не только до совершенства доведенная большевиками агитация и пропаганда, это нечто большее, нечто иное, непреходящее. Если где-либо в сегодняшнем мире посеяно семя, то именно здесь!

1921 г.

НА ПРОХОРОВКЕ

...На следующий день я вместе с руководителем текстильного треста посетил Прохоровскую мануфактуру в нескольких километрах от Москвы. Это одна из крупнейших русских текстильных фабрик.

Фабрика долго не работала, так как не было топлива. Рабочие ремонтировали и сторожили машины и станки. Все было в полнейшем порядке: машины готовы к пуску, станки и веретена сверкали чистотой, все поставлено на место, механизмы смазаны маслом, предохранительные приспособления безупречны. Прядильня, ткацкая, белильня, машинное здание, распределительная доска — все в полной исправности. Наши проводники — член фабзавкома и специалисты — гордились состоянием фабрики, и имели на это право. Нужно было только подать топливо — и гигантский аппарат завтра же начал бы работать. Топлива ждут с нетерпением.

Нам показали склады сукна. Громадные кипы свалены в огромных помещениях. Все точно зарегистрировано. Руководитель треста сделал проверку, и результат был самый положительный. К нашему посещению не готовились, о том, что мы приедем, узнали незадолго до того, как пришел на фабрику наш автомобиль, — примерно

за полчаса. Таким образом, эта проверка не могла быть подготовлена, она говорила о действительном состоянии фабрики.

Я видел хорошие хлопчатобумажные ткани. Громадное количество. (На фабрике б. Цинделя в Москве положение примерно такое же.) Я видел цветные набивные ткани. Красивые рисунки. Это были знаменитые московские ткани, которые стали появляться перед войной и в Германии. Московская текстильная промышленность оборудована современной техникой, лучшими машинами и работает по новейшим методам.

Затем мы посетили столовую и кухню. Помещение большое. Едят посменно. В кухне очень чисто, котлы начищены до блеска. В столовой лозунги и плакаты. Специальный зал для собраний.

Прохоровская мануфактура — маленький фабричный городок, одно из крупных русских предприятий. Рабочие живут при фабрике. Владелец тоже жил на территории фабрики, в отдельном доме. Теперь там детский дом.

Квартиры рабочих выглядят, как казармы, и так — казармам — и называются, даже и теперь. В среднем в каждой комнате живет по шести человек. Рабочие могли бы жить в более удобных квартирах в городе, но они предпочитают жить на территории фабрики. Несомненно, и здесь условия жизни будут улучшены. Кое-что уже достигнуто. В казармах стало чисто. Полы в комнатах блестят, постели опрятны. Работники здравоохранения проделали здесь большую работу. Санитарная комиссия фабкома объявила войну грязи.

В каждом этаже казарм кухонные плиты и гигантские кипятивильники. Жены рабочих готовят здесь и кипятят чай. И мужчины и женщины питаются хорошо. Истощенных я не видел.

Школа и площадки для игр находятся на территории фабрики. Детей на лето вывозят за город. В доме бывшего владельца — детский дом и ясли. Много кроваток, много игрушек, специальные комнаты для игр. Детей разрешается навещать. Одним словом здесь все, чего может пожелать маленькая детская головка.

Я не знаю, много ли еще фабрик в России устроено так же образцово, как эта. Прохоровская фабрика — образцовая фабрика. Во всех отношениях. Приходится глубоко сожалеть, что железная дорога перегружена и транспорт вообще недостаточно развит. Такая фабрика не должна стоять ни минуты, тем более, что рабочие хотят работать, просят работы и живут надеждой, что работа будет.

После обхода нас пригласили в комнату фабзавкома. Нам был там устроен прием. Об этом приеме я должен сказать несколько слов. Я пережил в Москве два памятных, два светлых момента: разговор с Кржижановским, возглавляющим дело электрификации России, другом Ленина, и это заседание с фабкомом Прохоровской мануфактуры. Разговор с Кржижановским помог мне уяснить экономический смысл революции, заседание с фабкомом — психологический.

Меня в первый раз принимали пролетарии на свои средства, по своим силам и способностям, на своей фабричной территории. В комнате заседаний фабкома мне открылся новый мир. Это было совершенно новое гостеприимство — революционное гостеприимство. Нам подали рыбу, чай, варенье, хлеб, сахар. Рыба, чай, хлеб, сахар, принадлежности пролетариату, поданные по инициативе самих рабочих. Да, это был новый мир для меня.

Нас принимали скромные, но сознательные, с достоинством себя державшие люди. Был в сборе весь фабком, во главе с председателем. Рассказывали, как с оружием в руках защищали фабрику от контрреволюционеров, выра-

жали готовность снова бороться за нее с оружием в руках, если бы контрреволюционеры снова сделали попытку овладеть ею. Рабочие этой фабрики действительно «завоевали» ее. В полном смысле этого слова.

Задавались вопросы, на них следовали ответы. Мы спрашивали о задачах фабкома, об истории национализации фабрики, о взаимоотношениях профсоюзных организаций с администрацией фабрики, о влиянии коммунистической ячейки на фабрике. Ответы были очень ясны и четки; отвечали нам быстро, не задумываясь. У меня создалось определенное впечатление, что я вижу перед собой квалифицированных рабочих, вполне способных управлять и руководить фабрикой, способных и контролировать ее работу. Это было совершенно отчетливое впечатление.

Эти люди, с которыми я встретился здесь, под зеленой крышей фабрики, были веселы, были счастливы, были скромны, полны собственного достоинства, горели волей к труду и готовностью в любой момент защищать свои завоевания. Я верю, если бы кто-нибудь захотел военной силой покорить Советскую Россию, ему пришлось бы, после того как ему удалось бы разбить красный фронт, брать еще с бою каждую фабрику. Я уверен, что это было бы невозможно, что это невозможно. Ллойд-Джордж был прав: Советскую Россию нельзя завоевать силой.

Я слышал, что русские рабочие живут в нужде, я видел их нужду. Но рабочие Прохоровской мануфактуры внушили мне самые радужные надежды относительно будущего рабочего класса России. Надежды, что поднимется уровень образования и квалификации.

На другой день мы опять были в гостях на Прохоровской мануфактуре. Мы приняли участие в заседании коммунистической ячейки фабрики.

Это было немногочисленное собрание. Нас приветствовали, говорили, возлагали надежды на нас. Упрекали нас в нерешительности, приняли резолюцию и снова нас угощали. Опять чувствовалась большая сердечность.

Коммунистические ячейки, часто совсем немногочисленные, управляют фабриками. Не при помощи террора, а целеустремленно, с рабочей сознательностью, по неуклонной программе и плану. Эти ячейки не облечены никакой принудительной властью, но они имеют большое дисциплинирующее влияние, они являются примерными группами на фабрике, так как состоят из образцовых рабочих, из рабочих-коммунистов... Конечно, и они делают ошибки, но факт, что управление основано на примере, на рабочей сознательности, на твердом следовании программе.

Они говорили, говорили и мы. Речи и обещания, взаимные уверения в солидарности. Приветствия, излияния, пожатия рук, крики «ура». Затем «официальная часть» кончилась. Мы хотели уйти. Мы хотели пройти незаметно сторонкой, но нас попросили пройти посредине, и когда мы шли мимо мужчин и женщин, нам аплодировали. Нам аплодировали громко и сердечно, пока мы не покинули помещения.

Чернобородый председатель собрания, знавший иностранные языки и прекрасно руководивший собранием, проводил нас до машины. Секретарь ячейки вместе с ним. Прощальные приветствия. Мы уезжаем.

Я никогда не забуду это посещение Прохоровской мануфактуры. Оно помогло мне понять революцию больше, чем все теории. В первый раз понял я то, чего до сих пор не понимал, что только предчувствовал. Понял то, о чем я недавно писал в маленькой брошюре «Коммунизм», — психологию революции.

СОЗИДАТЕЛЬНАЯ РАБОТА ¹

В трех предыдущих главах я попытался передать впечатления, вынесенные мною из России, — впечатления полного развала и разрушения современной цивилизации, которое является следствием многолетнего дурного управления, невежества населения и шести лет непрерывной войны. Я нарисовал картину того, как исчезают постепенно все необходимые для жизни удобства, как умирают наука и искусство. В Вене положение несколько не лучше; там тоже такие люди, как покойный профессор Маргулес, гибнут от голода. Если бы Англии пришлось выдержать еще четыре года войны, вероятно, то же самое происходило бы в Лондоне. У нас не было бы угля в наших печах, мы ничего не могли бы получить по нашим продовольственным карточкам, и магазины Бонд-стрита ничем не отличались бы от магазинов Невского проспекта. Большевицское правительство не ответственно ни за возникновение всех несчастий России, ни за то, что они продолжаются.

Я постарался также в предыдущих главах очертить общие контуры большевицкого управления и свести его к его истинным размерам. Большевики, несмотря на то, что они не представляют собой даже 5 процентов всего населения

¹ Настоящий отрывок является четвертой главой из книги Уэллеса «Россия во мгле». (Прим. составителя).

России, сумели захватить власть, поныне удерживают ее в своих руках благодаря тому, что среди всей этой обширной картины разрушения они являются единственной группой людей, у которых одна и та же общая вера и общая воля. Я не сочувствую их убеждениям, я смеюсь над их пророком Марксом, но я понимаю то, что их одушевляет, и преклоняюсь перед этим. Несмотря на все свои ошибки, — а их очень много, — они являются единственным фундаментом, на котором можно построить возрождающуюся Россию.

Советское правительство должно послужить исходной точкой новой русской цивилизации. Огромное большинство населения России состоит из совершенно неграмотных крестьян, грубо-материалистически настроенных и совершенно равнодушных к политике. Они очень суеверны, постоянно крестятся, прикладываются к иконам — особенно много я это видел в Москве, — но по существу они мало религиозны. В политических и социальных вопросах у них нет никаких общих пожеланий, выходящих за пределы их прямых нужд. Они в общем скорее довольны большевистским управлением. Православный священник ничем не напоминает западное католическое духовенство; он по большей части сам грязный, малограмотный мужик, не имеющий никакого влияния на совесть и волю своей паствы. Никаких творческих способностей ни в народе, ни в православии нет. Что же касается остальных классов общества, то они представляют собой пеструю смесь более или менее культурных русских людей, не связанных друг с другом никакими общими идеями, никакой общей волей к действию. Они не способны ни к чему, кроме бесконечных споров, и если что могут создать, то только авантюристов.

Русские беженцы в Англии представляют с точки зрения политической нечто достойное полного презрения. Они

без конца повторяют рассказы о «большевистских зверствах»: пожары в имениях, грабежи и убийства, производившиеся распущенной солдатней, и прочие совершавшиеся в России преступления — все это, по их словам, дело рук большевиков. Если вы их спросите, чем же они хотят большевиков заменить, — вы услышите в ответ одни общие слова, причем обыкновенно ваш собеседник старается говорить с вами в тоне тех политических убеждений, которые, по его мнению, вы исповедуете, или же надоедает вам бесконечными восхвалениями какого-нибудь модного «героя», Деникина или Врангеля, который, бог знает как и почему, «все устроит». Ничего другого, кроме царя, они не заслуживают, а вместе с тем они даже не могут сказать, какого именно царя они желают. Лучшая часть интеллигенции, оставшаяся в России, к счастью последней, — хотя постепенно и неохотно — вступает на путь сотрудничества с большевиками.

Сами большевики, по существу, марксисты и коммунисты. Как я уже говорил, вопреки всем теориям и предсказаниям Карла Маркса, они оказались у власти именно в России. Они потратили очень много сил и энергии на вполне патриотическую борьбу против блокады, всяких рейдов и нашествий, которые наше безумное правительство, как из рога изобилия, сыпало на их и без того уже расшатанную, несчастную родину; остаток своих сил они тратят на попытки поддержать в России жизнь, организовать среди развалин какое-то подобие социального порядка. Большевики, как я уже говорил выше, люди чрезвычайно неопытные, теоретики-эмигранты из Женевы и Кемпетеда или малообразованные рабочие, приехавшие из Америки. Никогда еще, с того времени, когда первые мусульмане оказались у власти в Каире, Дамаске и Месопотамии, не существовало такого дилетантского правительства.

Я думаю, каждый из большевиков при виде тех гигантских задач, которые стоят перед ними, испытывает в глубине души чувство смущения; но им — да и России — чрезвычайно помогло одно: их привычка мыслить коммунистическими идеями. Во время подводной войны англичане поняли, что в такие трагические периоды, когда ощущается недостаток всего необходимого для городского и промышленного населения, представляются только две альтернативы: полная гибель или общественный контроль. Такой контроль мы в Англии и осуществили, ввели карточную систему и суровыми мерами боролись со спекуляцией. Коммунисты, оказавшись у власти в России, принялись проводить в жизнь, согласно своим коммунистическим убеждениям, именно то самое, что было единственно возможным и необходимым в этом полном социальном хаосе. Вопреки всем русским обычаям и традициям, они принялись вводить с неумолимой последовательностью общественный контроль и карточную систему. У них теперь карточная система окончательно организована, и на бумаге она великолепна; может быть, и на самом деле ничего лучшего при современном состоянии русского производства и при всеобщей разрухе достигнуть нельзя. Очень легко отмечать промахи и неудачи, но гораздо труднее сказать, как избежать их в опустошенной и деморализованной России; а в настоящее время положение вещей там таково, что если даже большевики будут свергнуты и какое-нибудь другое правительство, безразлично — какое, займет их место, — ему придется сохранить установленную большевиками продовольственную систему, отказавшись только от сомнительных политических экспериментов и от расстреливания спекулянтов. Большевики сделали по идейным соображениям то самое, что по необходимости пришлось бы сделать всякому правительству при данных условиях голода и осадного положения.

Несмотря на огромные затруднения, коммунисты стараются воссоздать из развалин новую Россию. Мы можем спорить против их принципов и методов, мы можем считать их планы утопическими, мы можем презрительно смеяться над тем, что они делают, или бояться этого, но никак нельзя говорить, что в России не идет никакой созидательной, творческой работы. Конечно, среди большевиков есть тупые доктринеры, не способные ничему научиться; фанатики, убежденные, что одного уничтожения капитализма, денежного хозяйства, торговли и классовых различий совершенно достаточно для того, чтобы сам собой наступил на земле рай. Есть большевики, до такой степени ограниченные, что они готовы прекратить преподавание в школах химии, если только они не убедятся в том, что это «пролетарская химия», и считать «реакционным искусством» всякий декоративный плакат, не представляющий собой какой-нибудь комбинации из букв РСФСР (Российская социалистическая федеративная советская республика). Я уже говорил, что изучение древне-еврейского языка запрещено, как «реакционное» занятие; пока я жил у Горького, мне постоянно приходилось присутствовать при горячих спорах между ним и некоторыми крайними комиссарами, которые отрицали ценность литературы прошлого, за исключением некоторых произведений писателей-революционеров. Но в новом русском мире есть и другие люди, с более широкими взглядами, которые, если им только дать возможность, будут творить и создавать и, вероятно, сделают это хорошо. Им не только приходится работать над восстановлением страны, степень разорения и оскудения которой английский или американский читатель не может себе даже представить, но им приходится к тому же иметь дело с совершенно неподготовленным для этой цели служебным персоналом, и Россия в настоящее время нуждается в специалистах и опы-

ных работников еще больше, чем в медикаментах или пищевых продуктах. Работа в русских правительственных учреждениях ведется из рук вон плохо; распушенность и неумелость служащих достигают невероятных размеров; работают среди груд неразобранных бумаг и папиросных окурков. Это опять-таки такое положение вещей, которого не изменит никакая контрреволюция, так как оно — следствие современного состояния России. Если бы кому-нибудь из тех военных авантюристов, которым так усиленно покровительствуют западные державы, удалось, к величайшему несчастью, захватить власть в России, то к существующему уже беспорядку только прибавится пьянство, казнокрадство и грязные скандалы с содержанками; к-четы большевиков нужно сказать, что, каковы бы ни были их недостатки, большинство из них ведет не только простой, но даже пуританский образ жизни...

Я потому с особенным озлоблением говорю об этой общей безалаберности русских порядков, что именно благодаря ей мне не удалось встретиться с Луначарским. Я потратил около 80 часов на разъезды, разговоры по телефону и ожидание в разных местах для того только, чтобы добиться полуторачасового разговора с Лениным; приблизительно то же самое было и с Чичерным; при таком темпе, принимая во внимание к тому же случайность паромных рейсов между Ревелем и Стокгольмом, попытка повидаться с Луначарским стоила бы мне, по крайней мере, еще лишней недели пребывания в России. Вся моя поездка в Москву была обставлена так, что я все время испытывал острое раздражение. Матрос с серебряным чайником, приставленный к нам на время этой поездки, совершенно не знал Москвы, а американец, которому было поручено облегчать мне ознакомление с Москвой и сношения с учреждениями, настолько плохо владел русским языком, что даже по телефону не мог позвонить

как следует. Несмотря на то, что Горький очень заблаговременно сообщил по телефону в Москву о моем желании посетить Ленина и просил принять все необходимые для этого меры, в Москве мне заявили, что о моем предполагавшемся приезде сюда никому не известно. В довершение всего, при моем отъезде из Москвы меня по ошибке посадили не в тот поезд, и я ехал двадцать два часа вместо четырнадцати. Все это может показаться мелочами, но когда обратишь во внимание, что в России все старались показать мне товар лицом и хотели поразить меня порядком, эти мелочи получают большое значение. Когда я понял, будучи уже в вагоне, что я еду не с тем поездом и что экспресс ушел на три часа раньше, в то время, пока мы в нетерпеливом ожидании ходили взад и вперед перед подъездом гостиницы и никто не презржал за нашим багажом, давно уже готовым и аккуратно запакованным, на меня снизошло вдохновение, и уста мои разверзлись. Я заговорил с моим проводником так, как моряк говорит с моряком, и высказал ему все, что я думал по поводу русских порядков. Он почтительно выслушал мою длинную, едкую речь и ответил мне словами, очень знаменательными для современного настроения умов в России: «Видите ли, — сказал он, — блокада!»

Хотя мне не пришлось лично повидаться с Луначарским, я видел много из того, что им сделано. Так как воспитатель работает над человеческим материалом, а этого последнего пока еще имеется в России в достаточном количестве, Луначарский находится в лучшем положении, чем большинство его коллег, в отношении обеспеченности материалом. Я должен признаться, что, несмотря на сильное предубеждение и недоверие, с которыми я приступил к изучению постановки дела воспитания в России, я убедился в том, что все, сделанное большевиками в этой области, особенно принимая во внимание громадные за-

труднения, с которыми им приходится сталкиваться, — очень хорошо.

Мои первые шаги в этой области были неудачны. Немедленно по моем приезде в Петроград я попросил разрешения осмотреть какую-нибудь школу, и на следующий же день желание мое было исполнено, причем эта первая виденная мною школа произвела на меня самое дурное впечатление. Правда, школа была очень хорошо обставлена, — лучше, чем большинство английских школ, — и дети казались веселыми и смывленными; но я попал как раз на перемену, и поэтому не мог видеть, как ведется преподавание, а поведение детей указывало на чрезвычайно низкий уровень дисциплины. У меня создалось впечатление, что меня привели именно в эту школу, как наименее плохую, и что ничего лучшего я в Петрограде не увижу. Сопровождавшее меня лицо стало расспрашивать детей об английской литературе и об их любимых писателях. Одно имя преобладало во всех ответах — мое собственное; у ног этого литературного гиганта скромно ютились такие незначительные фигурки, как Мильтон, Шекспир и Диккенс. При дальнейших расспросах дети называли более полдюжины моих книг. Я сказал, что я вполне удовлетворен всем виденным и слышанным, с меня этого вполне достаточно, — в самом деле, чего же было еще желать большего? — и покинул эту школу, с трудом сохраняя на лице любезную улыбку, остро негодуя в душе на моих проводников.

Три дня спустя я внезапно отказался от предположенной утренней программы и потребовал, чтобы меня сейчас же повезли в первую попавшуюся школу, хотя бы просто в самую ближайшую. Я был убежден, что при первом посещении я был обманут и что на этот раз я увижу что-нибудь очень плохое. Но на самом деле оказалось обратное: вторая школа была гораздо лучше, и я видел, как

ведется преподавание, на мой взгляд — прекрасно. Учительский персонал состоял преимущественно из женщин, учительниц средних лет, производивших впечатление очень опытных; я выбрал урок геометрии, потому что ее преподают понятным для всех языком чертежей на доске. Я видел также много рисунков и разных других произведений учеников, очень хорошо сделанных. Школа была снабжена большим количеством картин, — причем я особенно обратил внимание на серию пейзажей, предназначенных для преподавания географии, — а также физическими и химическими аппаратами. Я видел также, как готовится обед для детей — дети в России обедают в школе; он был очень хорошо приготовлен и выгодно отличался от пайка взрослых по количеству и по качеству. Все это производило очень приятное впечатление.

Перед уходом мне удалось убедиться путем расспросов в необычайной популярности г. Уэллса среди русской молодежи: никто из учеников никогда не слышал его имени, и в школьной библиотеке не было ни одного его произведения. Это обстоятельство окончательно доказало мне, что я видел школу в ее нормальном виде, без всяких приготовлений. Что касается первой школы, то я понял теперь, что никакого обдуманного намерения ввести меня в заблуждение относительно постановки дела воспитания в России не было, но что просто один из моих литературных друзей — критик К. Чуковский, желая доставить мне удовольствие и показать мне, как меня в России любят, подготовил детей к моему посещению, совершенно забыв о серьезности моих целей.

Последующие расспросы и сравнение моих наблюдений с наблюдениями других лиц, ездивших в Россию, особенно доктора Хаден Геста, неоднократно посещавшего московские школы в самое неожиданное время, убедили меня в том, что Советская Россия сделала и продолжает делать

очень много в воспитательном деле, что школ в городах стало больше, что они несомненно лучше, чем при царском режиме, несмотря на неблагоприятные условия и общее тяжелое положение. (Крестьян, как и прежде, все это весьма мало коснулось, за исключением нескольких «показных» школ, устроенных в некоторых деревнях.)

Учебные заведения, которые мне пришлось видеть, считались бы в Англии хорошими; доступ туда открыт всем, и существует стремление сделать обучение обязательным, хотя в этом вопросе приходится сталкиваться с затруднениями часто местного характера. Во многих школах число учеников далеко не достигает нормы, так как очень трудно насильно заставить посещать школу тех, кто этого не желает. Многие дети предпочитают уличную торговлю школьным занятиям. Большая часть незаконной уличной торговли ведется детьми; их, во-первых, труднее поймать, чем взрослых, а во-вторых, коммунисты принципиально не наказывают детей. Между тем русские дети для северной нации чрезвычайно скороспелы.

Вошедшая в жизнь система совместного обучения мальчиков и девочек до пятнадцати-шестнадцатилетнего возраста приносит много вреда в такой деморализованной стране, как современная Россия. На эту сторону дела привлекли мое внимание Бокаев, бывший председатель петроградской чрезвычайки, и Залуцкий, пришедшие поговорить об этом с Горьким. Они совершенно свободно высказывались в моем присутствии, несмотря на то, что все их слова тут же переводились для меня на английский язык. Большевикские власти составили и обнародовали ужасающие диаграммы, иллюстрирующие нравственный уровень петроградской молодежи. Интересно было бы сравнить эти диаграммы с английскими, если таковые вообще существуют; особенно интересно было бы привлечь к этому сравнению диаграммы, рисующие

состояние нравственности молодежи в таких районах, как лондонский Ист-Энд, или в таких чернорабочих центрах, как Риддинг, где условия для развития молодежи особенно неблагоприятны. По этому вопросу я отсылаю читателя к Fabian Society о проституции (Downward Parhs). Не знаю также, каково соотношение между этими фактами современной русской жизни и нравственным уровнем молодежи при царском режиме; не берусь также судить о том, в какой мере влияют на все это лишения, скученность и близкое к отчаянию душевное настроение. Но нет никакого сомнения в том, что в русских городах, несмотря на большую созидательную работу в области воспитания и стремление повысить умственный уровень молодежи, наблюдается среди последней полная беспринципность, особенно в области половой жизни, в то время как жизнь взрослых протекает в атмосфере беспримерной моральной чистоты и строгих пуританских принципов. Это нездоровое возбуждение молодежи является темной стороной современного русского воспитания. Я думаю, что это печальное явление можно преимущественно рассматривать как один из результатов общего социального крушения; ведь и во всех европейских странах во время войны отмечалась известная нравственная распущенность среди молодежи. Но, разумеется, революция в значительной мере способствовала развитию той исключительной распущенности, которая господствует в этом отношении в современной России; способствовала главным образом тем, что изгнала из школ очень многих старых, опытных учителей и подвергла критике и оспариванию все моральные устои жизни.

Столкнувшись с условиями всеобщего голода, разрушенных домашних очагов и социального хаоса, большевистские управители стали социализировать русских детей. Школы превратились в интернаты, и в них живут

дети бедного городского населения, тогда как в Англии в интернатах учатся только дети из высших классов общества. Рядом со второй из посещенных мною школ стоят два больших здания; в них живут ученики этой школы: мальчики — в одном, девочки — в другом, и здесь они находятся в условиях хотя бы относительной гигиены и нравственной дисциплины. Все описанное опять-таки не является только следствием коммунистических теорий, но и властно диктуется условиями времени, так как русские города все более приближаются к состоянию полной нищеты и большевистскому правительству приходится играть роль доктора Барнардо.

Мы посетили нечто вроде детского распределительного пункта, куда родители приводят своих детей, когда увидят, что в ужасных современных условиях они сами не имеют возможности ни кормить их, ни содержать их в чистоте и опрятности. Этот распределитель помещается в бывшей Европейской гостинице, где некогда, при старом режиме, обедали представители веселящегося общества. На крыше здания до сих пор видны остатки прежнего летнего ресторана, где играл струнный квартет, а подымаясь по лестнице, мы прошли мимо замерзшего окна, где еще красуется надпись золотыми буквами: «Coiffeur des dames» (sic!).

Изображенные на стенах позолоченные руки вытянутым пальцем указывали нам путь к «ресторану» — учреждению, давно уже исчезнувшему из угрюмого обихода петроградской жизни. Сюда приводят детей, и отсюда они переходят в особое карантинное отделение, где их моют и очищают от паразитов, так как последние имеются у девяти десятых приводимых детей; далее дети попадают в отделение нравственного карантина, где в течение некоторого времени наблюдают за ними и изучают их вредные наклонности и дурные привычки; некоторых от-

правляют отсюда в специальные школы для испорченных или отсталых детей. Остальные поступают в общую массу социализированных детей, и их отправляют в интернаты.

Здесь несомненно полным ходом идет «разрушение семьи»; большевистские сети раскинуты широко и улавливают детей самого разнообразного происхождения. Родители имеют днем свободный доступ к детям, но не имеют права вмешиваться ни в воспитание, ни в то, как их одевают, и т. д.

Я знакомился с детьми на всех стадиях этого воспитательного процесса и должен сказать, что они казались здоровыми, веселыми и довольными. За ними присматривают очень хорошие люди. Очень многие мужчины и женщины, политически неблагонадежные с точки зрения большевиков или явно недовольные существующим строем, но вместе с тем желающие работать на пользу родины, нашли применение своим силам в этих учреждениях, где они могут работать, не вступая в сделку с совестью. Моя переводчица и одна из служащих распределителя, показывавшая нам его, в старое время часто ужинали в Европейской гостинице и были друг с другом хорошо знакомы. Эта служащая одета теперь очень просто, у нее коротко остриженные волосы и спокойные манеры. Ее муж — «белый» и служит у поляков. В этом учреждении находятся ее собственные дети, и она присматривает за несколькими десятками маленьких существ. Она явно гордилась деятельностью своего учреждения и говорила, что теперь, несмотря на нужду и угрозу полного голода в Петрограде, жизнь кажется ей гораздо интереснее и полнее, чем в прежнее время.

Мне не хватит места в этой книге, чтобы рассказать о всей той громадной воспитательной работе, которая идет сейчас в России. Я остановлюсь только на доме отдыха для рабочих на Каменном острове. Он мне показался

очень хорошим, хотя и довольно нелепым учреждением. Сюда отправляют рабочих, чтобы дать им две-три недели пожить в условиях утонченного комфорта. Это прекрасный загородный дом, с большим садом, оранжереей и разными хозяйственными постройками. Рабочие обедают за столами, покрытыми белыми скатертями, украшенными букетами цветов и т. п. Рабочему приходится приспособляться к такой утонченной обстановке — это составляет часть его воспитания. Мне рассказывали, что, если в минуту забывчивости рабочий прочистит свое горло старым звучным простонародным способом и плюнет на пол, служитель немедленно очертит плевком мелом и заставит провинившегося вытереть оскорбленный им паркет. Аллея, которая ведет к дому, разукрашена в футуристическом стиле, а у ворот стоит большая гипсовая фигура «Рабочего», опирающегося на свой молот, причем гипс для этой фигуры был взят из запасов петроградских хирургических больниц... Но, в сущности говоря, мысль воспитывать рабочих путем помещения их в приятную и красивую обстановку можно признать удачной...

Мне очень трудно справедливо и беспристрастно оценить многие опыты большевиков в этом направлении. Социдательная и воспитательная работа все-таки идет, колеблясь между прекрасным и смешным, но, какова бы она ни была, она, как скала надежды, возвышается над окружающей бездной острой нужды и всеобщего падения. Трудно предвидеть, устоят ли все эти благие начинания против силы всеобщего крушения. Кто знает, во что они разовьются и разрастутся, если России удастся дожить до таких времен, когда она отдохнет от внутренней и внешней войны, от нужды и голода. Об этой-то воссозданной России, об этой потенциальной России будущего, мне всего более хотелось говорить с Лениным, когда я шел к нему в Кремль; наш разговор я изложу в последней главе.

1920 г.

В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

Хозяина моего звали Александром Петровичем Емельяновым. Он принадлежал к среднему типу крестьян, составлявшему большинство в деревне. Около пятой части населения составляла деревенская беднота. «Богатых» крестьян, как мне сказали, было не больше четырех-пяти.

Высокий, прямой и сильный, с короткой черной бородой, в спльно поношенном платье и высоких сапогах, Емельянов напоминал одного моего старого доброго друга, шотландца, смотрителя за дичью. Постепенно я убедился, что это был очень умный человек. Он умел хорошо читать. В церкви, куда я пошел в ближайшее воскресенье, его роль заключалась в том, что он выходил из толпы вперед и читал громким, звучным голосом библию, стоя лицом к священнику. Он, очевидно, был весьма начитан в библии и мог поддерживать спор на богословские темы.

Я всегда мог положиться на него, что высказываемые им сельскохозяйственные или политические суждения были им предварительно обдуманы. Он был любезен и услужлив, но это соединялось с некоторой сдержанностью и достоинством. Даже в своем собственном доме он никогда не вмешивался в разговор, когда говорили другие.

Жена Емельянова, Мария, была олицетворением гостеприимства. Она не садилась с нами за стол во время еды

и редко вмешивалась в нашу беседу. Но она непрерывно услуживала нам, и ее лицо сияло улыбкой. Обыкновенно она была занята хозяйством в кухне или стригла овец. У нее был странный хриплый голос, результат какой-то горловой болезни, и когда мы ели, она находилась около нас и, как старая жирная кошка, своим тихим хриплым голосом мурлыкала нам свое «кушайте, кушайте!» Она угощала нас блинами, кислым молоком, сыром, щами, рыбой, пойманной в соседнем озере, яйцами и иногда даже мясом. Я катался как сыр в масле. Мы все ели из одного чугунного горшка, только что вынутого из печки. Каждый из нас опускал в него свою большую деревянную крашеную ложку, какие продаются в Лондоне как диковинка.

Семья Емельянова состояла из двух девочек, десяти и пяти лет, Оленушки и Дуньки, которые все время удерживались от душившего их смеха, который вызывал у них мой странный вид. Затем был еще маленький мальчик Николай, лет около четырех, с серьезным лицом. Все они были в высшей степени почтительны с матерью, — я никогда не видел, чтобы она их бранила. Они ее называли «мамушка», или еще проще — «мам». По соседству жила еще замужняя дочь. Был еще сын Сергей, но он в то время сражался в далеком Архангельске с англичанами. Никто не интересовался, с кем он воюет, ибо давно уже все так спуталось, что никто ничего не понимал. Внешние события доходили до деревни в крайне извращенном виде, и во всем чувствовалась путаница.

* * *

Прежде всего мне хотелось, конечно, посмотреть, как ведется земледельческое хозяйство. С этой целью я попросил Емельянова показать мне его землю, на что он охотно согласился, хотя и удивился, что мне хотелось проехать несколько километров, чтобы увидеть три полоски, кото-

рые ничем из отличаются от других полос. На следующее утро он приготовил свою четырехколесную повозку и положил в нее целую кучу овечьих шкур и большую охапку сена, чтобы устроить сиденье для Петрова и меня. То и другое оказалось весьма кстати, ибо нам, сидя в телеге, пришлось испытывать страшные толчки, а ехать надо было далеко. Если принять во внимание долгие остановки для разговоров и расспросов и одну остановку, чтобы позавтракать на траве, окажется, что поездка эта взяла у нас большую половину дня.

У Емельянова было три полоски земли: одна — под яшенцей, другая — под рожью, третья — под просом. Кроме этих злаков, в меньшем количестве росли по соседству подсолнечник и дыни. Полосы эти распределялись, по словам Емельянова, по ирребию. Каждая полоса находилась в поле, которое сплошь было засеяно определенным злаком. Системою полос имелось в виду достигнуть того, чтобы каждому досталась как хорошая, так и дурная земля. Распределить землю — значит разделить ее на полосы.

Всего деревне принадлежит не менее 22 000 акров (9000 десятин). Из этого количества земли только одна треть обрабатывается ежегодно; остальные две трети «отдыхают». Это так называемое «трехполье». Да и ту землю, которая обрабатывается, не столько вспахивают, сколько «царапают». Урожай получается ничтожный по сравнению с более передовыми странами. Между деревнями лежат большие пространства девственной земли, значительная часть которой так же хороша, как та, которая обрабатывается.

Тут я впервые собственными глазами видел, как пострадало сельское хозяйство от обрушившихся на Россию несчастий. Количество обработанной и засеянной земли чрезвычайно сократилось. Вместо 7000 акров, находив-

шихся под хлебом в прежнее время, теперь было обработано всего только 2200 акров, — факт многозначительный для всей России.

Я спросил Емельянова, как это могло произойти. Он ответил, что главная причина этого — мобилизация лошадей и телег для нужд гражданского населения и армии. То же мне говорили почти все, к кому я обращался с этим вопросом. Именно по этой причине его сосед вынужден был посеять всего только 12 акров вместо 35. Другая причина была та, что у многих пришли в негодность плуги, сеялки и косилки, причем их невозможно было ни ремонтировать, ни заменить новыми.

Особенно мне интересно было узнать, не повлияли ли на сокращение запашки и посева правительственные реквизиции хлеба, всегда носившие неопределенный характер. Я спрашивал об этом разных людей. К моему удивлению, никто, казалось, не придавал большого значения этому факту. Никто не допускал, что сокращение запашки носило преднамеренный характер. «Не хватает лошадей, не хватает плугов», — к этому мы постоянно возвращались. «Лошадидохнут», — сказал один в конце длинной беседы. В этом он видел причину обрушившегося несчастья.

Мы ехали все дальше и дальше, а я все больше и больше удивлялся, как могли остановиться на такой невыгодной системе сельского хозяйства, если только это можно назвать системой. Бедная лошадка с трудом пересажала один овраг за другим, и при этом приходилось попытывать толчки, от которых кости болели. По этим оврагам в период таяния снега течет вода, а в остальное время они только мешают езде.

Воздух был удивительно прозрачен. Вы замечали какой-нибудь предмет, например группу тополей в ложбине, и вам казалось, что до них не дальше километра, а между

тем требовалось не меньше часа, чтобы доехать до них. Над нами летали ястреба, а в более диких местах нам попались одна или две каравайки. За исключением ворон, казалось, кругом совсем не было живых существ, если не считать бесчисленного множества кузнечиков, стрекотанье которых составляло непрерывный аккомпанемент ко всем другим звукам.

До революции у моего хозяина было восемь акров, столько же в среднем имел каждый земледелец в этой области. Теперь у него было не менее 85 акров. Этот факт поразил меня, и я все думал о нем, пока нас подбрасывало в повозке. Факт действительно поразительный, потому что это случилось не только с моим хозяином, не только с тысячами, но с миллионами других крестьян. Но как произошло, что у Емельянова количество земли внезапно увеличилось в десять раз? Что это был за переворот, который вызвал такую громадную перемену со всеми ее человеческими и социальными последствиями?

Легко понять, что большинство моих вопросов клонилось в эту сторону.

* * *

Сначала все доходило до меня в виде разрозненных фактов, которые постепенно стали складываться в общую картину. Мало-по-малу стали обрисовываться контуры, и вся картина — приобретать все большую яркость.

Мне стала ясна происшедшая земельная революция — с крестьянской точки зрения. И кроме того, мне стала яснее и более отдаленная эпоха — эпоха продолжительной и мрачной борьбы между крестьянином и барином. Я вспомнил о том, что слышал или читал о полупоупендарной личности Стеньки Разина, разбойника — в глазах помещика, героя — в глазах крестьянина, что-то похожее на английского Робин Гуда; о местных мятежах, убийствах

помещиков в период крепостного права, об освобождении крестьян от крепостного права в 1861 году, на которое никак нельзя смотреть только как на благодеяние, так как этот акт сопровождался сокращением крестьянского землевладения, что напоминает историю крестьянского землевладения в Англии; затем о различных попытках провести реформы в недавнее время; о сельскохозяйственных забастовках и суровых подавлениях их; о партии социалистов-революционеров, которая так искусно играла на старом местном деревенском патриотизме, хотя и пользовалась при этом фразеологией современного социализма; и наконец, о кульминационной точке, достигнутой в 1917 и 1918 гг., когда, наконец, рухнула лавина.

Большой и продолжительный спор возник о том, как поступить с конфискованной землей. У меня был интересный разговор на эту тему с военным комиссаром другой деревни, Пестрявки. Он рассказал мне, что спор шел относительно «социализации» и «национализации». Социалисты-революционеры отстаивали социализацию, разумея под нею захват деревней (или «общинами», как они говорили) всей помещичьей земли, не заключая при этом никакого договора с центральным правительством. Каждая община должна решить, как захватить землю, как распределить ее, как обрабатывать ее. Идеалом социалистов-революционеров была «свободная трудовая община», и они верили в «самопроизвольное действие».

Наоборот, коммунисты, по словам моего знакомого комиссара, требовали национализации. Они понимали, что вопрос о снабжении городов продовольствием был тем вопросом, от которого зависела судьба революции. Они сознавали, что деревня могла голодом принудить городское население к покорности, разве только это последнее сумеет принять решительные меры самозащиты. Поэтому коммунисты верили в советские хозяйства, образованные

и наиболее благоустроенных старых помещичьих имениях, которые управлялись бы из центра наподобие государственных фабрик и заводов. Эти хозяйства должны были, кроме того, служить образцом для крестьян, знакомя их с научными методами ведения сельского хозяйства. Коммунисты думали, что крупные хозяйства окажутся сильнее мелких. Они верили в деревенские товарищества и другие кооперативные организации, которые будут получать машины в обмен на пищевые продукты, и в общем настаивали на праве центрального правительства вмешиваться в дела деревни. В меньшем масштабе они пропагандировали «советские полосы» в каждой деревне, чтобы ими обеспечить продовольствие для городов.

* * *

Я хорошо помню одного старика, который сражался в русско-турецкой войне 1878 г. Звали его Даниилом Ефимовичем Саоновым. Он много говорил о разорении, причиненном войной, причем он имел в виду не только мировую войну, но и все те войны, которые она вызвала и которые еще не кончились в тот момент, когда мы с ним беседовали.

— С кем бы я ни встретился, — сказал он, — все говорят мне о сыновьях и о братьях далеко отсюда — в Польше, в Германии, в Финляндии, на других границах. Нам приходится обрабатывать землю для семейств солдат, которые сражаются на разных фронтах... Но все же бог был милостив к моему сыну. Он был в плену в Англии. Англичане обращались с ним великодушно. Никогда он так не ел, как там.

Я спросил его, как он живет в Озере.

— Здесь нет ни керосина, ни спичек, ни язир, — ответил он.

— Но зато у вас есть земля, — сказал я.

— Это верно, но мне от нее мало толку. Наш совет берет у нас то одно, то другое. Если он не берет продуктов, то заставляет нас явиться с лошадью и телегой и возить что-нибудь... В этом году недовольства больше, чем в прошлом году. Кроме того, сейчас плохое время, а впереди будет еще хуже. Приближается голод. Пророк Езекииль говорил: «Я превращу мою землю в камень». Это пророчество сбывается сейчас: в этом году земля не такая рыхлая, как прежде; она точно в камень превращается. Это плохо скажется на урожае ржи. Земля не уродит.

Наш разговор перешел на тему о сельскохозяйственных коммунах, которые совет старался насаждать.

— Народ боится их, — сказал старик. — Народ не понимает их, считает, что они против бога. Дело в том, что коммунистическая партия против бога, а они думают, что коммуны и коммунистическая партия имеют между собою много общего.

«Это верно, что коммунисты убеждают народ не ходить в церковь. Тут они делают большую ошибку. Это все равно, что отнять грудного ребенка от груди. Они отказываются платить жалованье священникам, ставя их в зависимость от прихожан. Это делает их положение очень трудным. Даже здешние сектанты помогают бедным старым попам, думая, что так надо. В прежние времена секты подвергались как раз такому же преследованию со стороны церкви.

«Коммунисты слишком торопятся и только приводят народ в смущение. Они хотят, чтобы народ пошел вперед, а сами отпугивают его назад. Это все равно, что погонять лошадь и в то же время тянуть ее назад.

«Я знаю, что то, что говорит народ, неверно. Сельскохозяйственные коммуны не имеют ничего общего с религией. Они хороши, когда работают. Но в том-то и дело,

что в них трудно работать. Одна из таких коммун находится в двадцати верстах отсюда. У них там два паровых трактора. Но люди там постоянно ссорятся между собой. Один говорит: «Чья это лопата?» Другой: «Я не знаю, чья она». Каждый жалуется на то, что сосед его ничего не делает. Артель гораздо лучше, чем коммуна. Там, хотя все работают сообща, у каждого есть кое-что свое собственное».

Емельянов лучше относился к сельскохозяйственным коммунанам, чем Сазонов.

— Старик прав, — говорил Емельянов. — Все думают, что коммуны против религии. Но это смешно. Коммуны очень хорошая вещь.

— А какая выгода от них? — спросил я.

— Теперешняя система, когда у каждого человека несколько длинных полос, — плохая система. Если кто-нибудь не вспашет своей полосы, на ней разведется суслики, а это повредит всем его соседям. В пестрявском поле много вспаханых полос. Они испортят весь урожай. Это совершенно невозможно в коммуне. Но если народ не настолько развит, чтобы работать в коммуне, пусть устраивают трудовую артель. И когда-нибудь народ додумается до этого. Они построят новую деревню и будут жить поблизости от своей земли.

Насколько я могу судить, крестьяне признавали, что они многим обязаны советскому правительству в земельном вопросе; они одобряли принцип равенства, они часто говорили, что «истинный» коммунизм — идеал человека. Но они только жаловались на отсутствие у них самых необходимых вещей, на принудительные сборы и на непрерывно сыпавшиеся на них декреты, которые часто трудно было понять. Они считали правительство ответственным за все это зло, и их раздражало, что горожанину отдавалось предпочтение перед крестьянином.

Но, несмотря на все это, когда представился случай сделать выбор между Колчаком, с одной стороны, и советским правительством — с другой, крестьяне, повидимому, сделали выбор без долгих колебаний.

Они не захотели восстать на помощь «спасителям» России. Этим они показали, на чьей стороне их симпатии. Они были за революцию; а в данный момент революцию олицетворяла советская власть. Они ворчали и бранили ее; но когда представился случай опрокинуть ее, они сказали: «Нет!»

1920 г.

ГОЛОДНЫЙ ГОД

ПУСТЬ ВОЗРОДИТСЯ ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ

Во время войны было сказано немало красивых слов в утешение человечества: что эта война не такая, как другие войны, что это война против войны, что это война за мир, за свободу, за независимость и за право на самоопределение народов, что это последняя война, кровавая, но неизбежная прелюдия к лучшему будущему.

Но вот было заключено перемирие, был подписан мир, прошли года, но человечество даже не оправилось от ран, нанесенных войной, не стало счастливее под опекой дипломатов и политиков, не стало счастливее, чем тогда, когда грохотали пушки...

Надо быть безнадежно слепым оптимистом, чтобы представить себе будущие годы в розовых красках; куда ни бросишь взгляд, всюду видишь на горизонте мрачные тучи. Но мрачнее, неистовее и опаснее всего та гроза, которая нависла над огромной русской страной, та трагическая судьба, которая с каждым днем, с каждым часом все более неминуемо угрожает русскому народу.

Если человечество допустило бы, чтобы эта трагедия разыгралась до конца, это имело бы ужасные последствия, которые теперь и рассчитать невозможно. Не только Россия, — нет, всему цивилизованному миру будет нанесена глубокая, неизлечимая рана.

Железнодорожные станции переполнены, поезда осаждаются тысячами и десятками тысяч. Люди бегут! Они не знают, куда они едут, ими владеет только одна мысль, одно желание: бежать. Бежать от голода, от холода и смерти,³ — бежать в какой-нибудь другой город, где, может быть, можно найти какое-нибудь пропитание, где можно согреться. И вагоны катятся с этим ужаснейшим грузом, высаживают несчастных то здесь, то там, но те всюду находят того же врага, такого же ужасного, такого же безжалостного: медленную смерть.

Таково положение не только в России, — в Грузии может быть еще хуже, чем в Поволжье. В Константинополе 10 тысяч русских остались без всяких средств к существованию, и люди на улицах умирают с голоду. Даже в Крыму люди голодают. Затем — эта несчастная Армения. Там в августе все население останется без всяких съестных припасов. На конференции в Женеве были приняты торжественные адреса и резолюции о том, что армянам нужно дать их родину; но если сейчас же не будет оказана действительная помощь, то не будет уже того народа, который мог бы воспользоваться этой родиной, если бы она когда-либо вообще была дана ему.

У нас часто говорят о миллионах людей, которые погибли трупами на кровавых полях войны. Видит бог, это действительно было ужасно. Но в России и сегодня еще миллионы людей борются со смертью. И с какой смертью! На войне часто бывало так: борьба, напрягающая все нервы, а затем — пуля, быстрый конец. Здесь голод и холод, безжалостнейшие пытки — из недели в неделю, изо дня в день, из часа в час.

Весь мир знает о том, что происходит теперь в России, никто не может отговориться тем, что он не слышал этого крика о помощи, который из миллионов голодных ртов

рвется к небу. Война, очевидно, притупила в людях человеческое чувство.

«Конечно, сочувствуем, но что можно сделать? У нас больше, чем надо, забот у себя дома, а кроме того, если бы действительно удалось оказать помощь, то это привело бы к укреплению советского правительства, а это второе может оказаться похуже, чем первое».

Вот эти разговоры о советском правительстве — это тот аргумент, который мы чаще всего слышим и который как будто производит самое большое впечатление. Мы думаем, однако, что можно и необходимо кое-что сделать. Я думаю, что этот аргумент неправилен. Я даже не думаю, что власть большевиков усилится от того, что мы покажем русскому народу, что в Европе еще существуют человеческие сердца, существует любовь к ближнему.

И если бы даже — я повторяю то, что говорил на заседании Лиги наций в Женеве, — если даже это укрепило бы власть советского правительства, я спрашиваю: есть ли среди присутствующих здесь хотя бы один человек, — я прошу в таком случае его подняться, — кто предпочитает дать умереть голодной смертью десяти миллионам людей, нежели помочь советскому правительству?

И действительно, один человек нашлся: это был серб, который без всякого стыда заявил, что лучше дать десяти миллионам умереть с голоду, чем рисковать поддержкой ленинского режима.

Он был единственным...

Помощь извне абсолютно необходима, и эта помощь должна прийти немедленно. Каждое опоздание означает огромные человеческие потери для России и для всего мира, означает нечеловеческую жестокость, означает жестокость в отношении миллионов страдающих, для которых каждый день — невыносимая мука. Если не удастся сейчас же провести весенний сев, это будет иметь неисчисли-

мые последствия и на этот и на следующий год. Дело идет не только о хлебных злаках, но и о кормах для лошадей и скота, которые также находятся в страшной опасности. Мы можем сделать многое, имея сравнительно небольшие суммы денег. Например, за сто тысяч долларов я купил три тысячи тонн овса. Этим овсом мы спасем около пяти тысяч лошадей, которые необходимы для транспортных работ, для сева и для уборки. Это выгодная сделка. Если мы не воспрепятствуем падежу лошадей в России, мы должны будем покупать лошадей и платить за них во много раз больше, чем по двадцать долларов.

Все в этом вопросе сводится к одному — к вопросу о деньгах. Мы не просим каких-то баснословных сумм. Мы просим, чтобы все правительства Европы сообща предоставили пять миллионов фунтов стерлингов. Это в два раза меньше того, что стоит современное военное судно. Но правительства не согласны. Они выражают сожаление, что не могут сделать это. Они обсуждают этот вопрос изо дня в день без всяких результатов. Месяц за месяцем проходит, а тем временем люди умирают с голоду.

Таким образом мы можем рассчитывать только на свою собственную предприимчивость и на готовность отдельных лиц прийти на помощь. Однако и здесь мы наталкиваемся на препятствия. Нас преследует на каждом шагу лживая печать, которая распространяет ложные сведения и пытается на каждом шагу мешать нам в нашей работе. Мы встречаем сопротивление со стороны влиятельных русских эмигрантов, для которых страдания их соотечественников и великая нужда, которую переживает их родина, значат гораздо меньше, чем борьба за свержение нынешнего правительства России.

Однако все же нашим врагам не удалось воспрепятствовать нам организовать большую акцию помощи. Мы работали не безуспешно, но результаты, которые мы получили,

это — капля в море. А между тем как много мог бы дать весь мир, если бы только было желание! Стоит только подумать, что теперь мировая продукция хлеба на три-четыре миллиона тонн превышает то количество, которое может быть съедено всем человечеством! Стоит только подумать, что в Аргентине и в Соединенных штатах рожь употребляется в качестве топлива, что рожь гниет в амбарах американских фермеров, что суда, которые могли бы перевезти весь этот хлеб голодающим и умирающим в России, не имеют фрахтов и стоят в бездействии!

Когда я думаю над этим и сопоставляю с тем, что я пережил во время своей работы в России, когда я пытаюсь найти причину всего этого, я прихожу к одному выводу: любовь к ближнему, как движущая сила, исчезла во всем мире, ее теперь нигде не найти. Мир наполнился ненавистью и недоверием — это наблюдается и среди отдельных лиц, и среди классов, и среди наций. Это самое ужасное последствие войны. И я не вижу другого спасения для человечества, как возрождение любви к ближнему...

Без любви к ближнему мы не можем жить.

Я вспоминаю об одной картине. Мы наблюдали неслыханные страдания и мучения в одной из умирающих деревень Поволжья. Но тамошние люди говорили, что у соседей еще хуже. Там лежат трупы на улицах, и нет сил и возможности похоронить их. Нам показали, как проехать туда, и мы поехали по покрытым снегом российским степям, ровным и бесконечным, без деревца, однообразным, и однообразие это нарушала только колея, проведенная заледенелыми колесами, проехавшими до нас. То была огромная скорбная пустыня. Мы ехали, ехали, пока шофер вдруг остановился: он не знал уже, куда мы едем и где мы должны искать дороги. Мы пытались брать разные направления, но всюду была та же пустыня, та же беско-

мечная степь. Мы не могли найти ни дороги, ни людей и
должны были вернуться...

Такова отчужденность между людьми. Они блуждают
по бесконечным степям. Надо найти дорогу и человеку,
к ближнему, надо возродить любовь к ближнему.

Будь к людям таким, каким ты хочешь, чтобы люди
были к тебе.

1931 г.

ОТВЕТ МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

Весь цивилизованный мир услышал ваш призыв о помощи. Вы совершенно правы, когда говорите, что вера и гуманность глубоко пошатнулась за годы проклятой войны и последовавшего за нею мира, который носит на себе все черты войны. Искусственно разжигаемые противоречия вырастают в нечто противоестественное, бесчеловечное и все еще раскалывают мир, как будто гуманность, человечность призваны утопить человечество в крови. Мы, немцы, тоже народ, который стоит на краю пропасти — за испытаниями войны, пережитыми немецким народом, следуют новые и новые испытания. Поля, покрытые мстительными крестами, под которыми гниют миллионы наших лучших сыновей, очевидно, еще недостаточны, чтобы умиротворить фарисейский дух этого мира.

Но допустим, что люди — как отдельные индивидуумы — человек, так и народы, — человечество — в разные периоды находятся в полосе мрака или просветления. Будем надеяться, что за сегодняшним помрачением последует просветление. Давайте, дорогой господин Горький, давайте, — скажу я, стиснув зубы, — поддерживать веру в это грядущее просветление. Может быть, оно ближе, чем кажется. Может быть, яркий луч⁴ вашего призыва

приведет к тому, что сквозь напоенную кровью землю пробьется то, что вы называете творческими силами гуманитарных идей и чувств. Может быть, этот пронизывающий луч пробудит к жизни иссохшее дерево гуманизма, и под этим лучом буйно зазеленеет вершина его на благо России, на благо мира. Да, я чувствую, что эта надежда не будет обманута. Добро в человеке подобно потенциальной силе дерева, сохранившего способность пускать зеленые побеги даже тогда, когда оно, голое, стоит под снегом и ветви его скованы инеем.

Итак, я осмеливаюсь утверждать: весь цивилизованный мир услышал ваш потрясающий призыв не только ушами, но и сердцем, и мир не оставит его без ответа. Чем больше он сумеет сделать, чем лучше удастся ему осилить голод, болезни, тем глубже искупит свою вину человечество. Что же касается немецкого народа, который и сам подвергается тяжелому испытанию, но все же во всякое время готов оказывать помощь нуждающемуся, то его уже сегодня глубоко взволновал и всколыхнул призыв с Востока, и я с утешением могу сказать, что народ и государство сходятся в искреннем желании приложить все силы для оказания действенной помощи голодающим.

КАК НАСТУПИЛ ГОЛОД

Когда мы прибыли в Россию, 1 июля, о голоде еще не было разговоров. Правда, продовольственное положение не было блестяще, но не было особенных признаков его ухудшения.

Весна была засушливая, как и во всей Европе. В апреле уже стояла июльская жара. Но в России так привыкли к резким переходам от суровой зимы к знойному лету, что это никого не поразило.

Во многих местах крестьяне, в результате замены продразвертки продналогом, обсеменили такую же площадь, как в 1916 году, до революции Керенского. Чтобы уничтожить в такой короткий срок урожай десяти губерний, нужны были непомерно жаркие июльские дни. До того жаркие, что мы их в Москве с трудом переносили.

Удушливая жара сожгла дочиства все, что было на поле. В земле образовались трещины шириною от 70 до 80 сантиметров.

И все эти ужасы, нахлынувшие в течение двух-трех недель, ярко обозначились только в первые дни июля. Сперва говорили без особого беспокойства о неблагоприятных видах на урожай в двух или трех приволжских губерниях. Потом число пораженных голодом губерний стало

быстро увеличиваться, и перед всеми вдруг выросло огромное бедствие.

В одно прекрасное утро на конгрессе¹ мой старый товарищ Раковский и наркомзем Украины Мануильский сообщили мне с весьма озабоченным видом о своем внезапном отъезде в Харьков. Создавшаяся там обстановка требовала их присутствия.

При мысли, что Украина является житницей страны, я объял весь ужас катастрофы. К этому времени «Известия» уже забили тревогу. Воззвания следовали за воззваниями.

6 июля Горький направил в университет Колумбии, Эптону Синклеру, Герберту Райсту, Анатолию Франсу, Гергардту Гауптману, Бласко Ибаньесу, Масарику и Нансену следующее потрясающее послание:

Плодородные равнины юго-восточной России поражены тяжелейшим неврожаем из-за неслыханной дотоле засухи. Это бедствие угрожает голодной смертью миллионному населению. Я напоминаю, что русский народ уже в сильной степени изнурен войной и революцией и что степень его сопротивляемости и его физическая выносливость значительно ослаблены.

В стране Льва Толстого и Достоевского, Мусоргского и Глинки и многих других великих людей, всемирно известных и почитаемых, наступили черные дни. Я беру на себя смелость думать, что культурные люди Европы и Америки, войдя в трагическое положение русского народа, без малейшего промедления придут ему на помощь хлебом и медикаментами.

¹ Речь идет о третьем конгрессе Коммунистического интернационала.

(Прим. составителя.)

Если вера в творческие силы гуманитарных идей и чувств может и должна быть восстановлена, то постигшее Россию бедствие является для гуманистов лучшим средством, чтобы показать могущество их доктрины.

Я думаю, что люди, направлявшие во время этой позорной войны одних против других, уничтожили этим воспитательное значение прекрасных идей, которые человечество выработало с таким трудом. Эти люди должны принять участие в оказании помощи русскому народу. Способные понять мучительную боль мирового страдания простят мне невольную горечь моих слов.

Я прошу всех честных людей Европы и Америки притти немедленно на помощь русскому народу.

Дайте хлеба и медикаментов!

* * *

Что же в действительности происходило? В чем заключалась эта неожиданно налетевшая катастрофа?

Наш друг Маршан повел нас, по нашей просьбе, однажды утром в Наркомпрод для получения точных сведений. Наркомпрод помещался на Красной площади, в Торговых рядах.

Мы застали там Свицерского, одного из членов коллегии; он не скрыл от нас ничего об ужасах происходящего. Десять губерний голодают: Астраханская, Царицынская, Саратовская, Немецкая коммуна, Самарская, Симбирская, Татарская республика, Чувашская область, Уфимская, Вятская — около двадцати миллионов населения.

— По нашему подсчету, — сказал он, — нам необходимо иметь 16 миллионов четвертей семян, чтобы обеспечить озимый посев в местах, где уже ничего нет. В противном случае голод никогда не кончится. Продialog должен

дать 40—42 миллиона четвертей, но будет очень хорошо, если мы соберем 70% — миллионов тридцать. Получается громадный дефицит. Началась организация взаимопомощи. Сельские и волостные советы жертвуют хлеб и деньги. Военские части, фабрики, советские служащие уделяют часть своего пайка. Заводы, лишённые возможности жертвовать, работают сверхурочно, чтобы усилить товарообмен с крестьянами. Голодные местности шлют ежедневно ходяков. Крестьяне заявляют, что они все перетерпят, если им дадут семян для посева. Мы их освободили от уплаты 5 миллионов пудов семян, взятых в прошлом году, и даем им новые семена. С первого момента мы отдали себе отчет в том, что нам абсолютно не справиться собственными силами. Помощь Европы нам необходима. Мы уже получили предложения от скандинавских стран, и мы надеемся получить их отовсюду.

Эти разъяснения, исходившие от такого компетентного лица, как Свидерский, удовлетворили наше желание все узнать, но успокоить они нас не могли.

— Одним словом, — спросил я Маршана, — это — бедствие?

— Еще хуже, — ответил он: — это катастрофа.

— В какой мере можно было бы облегчить ее? — спросил я.

Свидерский ответил, что во время последнего голода при царском режиме, в 1911 году, он принимал участие в организации помощи голодающим в Самаре. Он был тогда журналистом. Из 5 миллионов голодающих государство кормило только полтора миллиона. Что стало с остальными? Понятно без слов, что они должны были погибнуть.

— На этот раз, — продолжал Свидерский, — задача правительства неизмеримо труднее. Во-первых, потому, что голодающих значительно больше, или по крайней мере столько же, сколько было в 1891 году, когда насчи-

тивалось около 20 миллионов, а во-вторых, потому, что, уничтожив свободную торговлю, государство должно справиться собственными силами. Но в нашем распоряжении иные методы, чем у царского правительства. У нас желание помочь, чего у них не было, и мы уверены, что нам удастся прокормить, по крайней мере, половину несчастных жертв.

Я не осмелился спросить, что будет с остальными...

* * *

Советская республика, к счастью, не искала помощи от своих врагов. Она знала, что может рассчитывать только на самое себя и на ту помощь, которую ей окажут рабочие организации и частная благотворительность других стран. Кампания, превосходно начатая с самого начала, с июля безостановочно продолжалась. Кто видел большевиков за работой, тот отнесется к ним с заслуженным уважением.

13 ноября Нансен опубликовал в Женеве, в «Международном вестнике труда»:

Чтобы быть справедливым, я должен заявить, что работа Советов по оказанию помощи превзошла все, что можно было ожидать от них. Я считаю лишним заявление, что не политические мотивы побуждают меня воздать им должное. Многочисленные в настоящее время представители организаций по оказанию помощи единодушно признают, что энергия и твердость членов русского правительства в борьбе с голодом превзошли все ожидания и надежды.

На международной конференции помощи голодающим, состоявшейся в Берлине 4 декабря, г. Кортгерелл, делегированный союзом английских квакеров и приехавший с Волги, сказал:

— Советская власть делает все, что она может, и даже больше, чем может.

Впрочем, нет надобности защищать людей, которые, исполняя свой долг, рискуют жизнью. Представитель Наркомздрава Лазарев умер от тифа, как и многие другие, работавшие по организации помощи на Волге.

Если русское правительство выполнило свою обязанность со всей строгостью, то рабочие организации всего мира, политические партии, союзы и кооперативы выполнили свою в такой же степени.

Подписные листы, отчисления от заработной платы, пособия от муниципалитетов — все средства были использованы, чтобы достать денег. Комитет пролетарской международной помощи, база которого в Берлине, собрал в начале 1922 года 150 миллионов марок, из которых 20 миллионов дала Франция. Эти средства дали возможность доставить 18 пароходов с продовольствием.

Повсюду были организованы склады одежды, обуви и продовольствия. Франция, в свою очередь, отправила из Меца несколько оборудованных поездов.

Все это, без сомнения, очень важно, и рабочий класс доказал свою солидарность с несчастными, умирающими в степях России. Но этого все же недостаточно в сравнении с той катастрофой, отголоски которой до нас мало-по-малу доходят.

4 декабря конференция собрала в Берлине представителей комитетов помощи. Г-жа Магдалина Маркс констатировала, что, по собранным ею сведениям, ужасы, описанные несколько месяцев тому назад Рэнсомом, — ничто в сравнении с тем, что творилось позже.

— Я возвратился из Самары, — говорил Спасский, делегированный русским Красным Крестом. — Рассказать? Описать? Нет слов для описания того, что я видел. Ужас! Кошмар! Эти слова слишком недостаточны! В полдень я приехал в деревню Земелькинс. Она была наполовину пуста. Обитатели ее покинули. Куда они ушли?

Неизвестно. Куда глаза глядят. Я заглянул в первую попавшуюся избу и стал расспрашивать хозяйку дома. «Посмотрите на моего ребенка», — сказала она. Я посмотрел. Страшно было! Страшно? Нет, должно существовать другое слово, но человеческий язык его еще не придумал. Огромный живот, опухшие ноги и на совсем сморщенном, синем, уже мертвом лице узенькие опухшие глаза, кругом красные, и из них что-то течет... Казалось, что груди у него не было — был только чудовищный живот. Три с половиной года. Я взял ребенка на руки: вряд ли он весил 10 фунтов. «Две старшие померли, — спокойно сказала крестьянка, — а этот — я и не знаю, что с ним делать. Он не умирает. Может, лучше убить его». Никогда, никогда я не забуду, как эти слова были сказаны — с какой-то необыкновенной простотой и спокойствием. В соседней избе одна женщина отрубила топором своему ребенку голову. «Вчера его похоронили», — так же лаконически рассказывала мне другая женщина. Видя мое недоумение, она прибавляет: «Что же нам делать с нашими ребятами? Мы знаем, что они умрут. Недавно была холера, — с ней, по крайней мере, все шло скорее, наши дети не страдали неделями. Теперь, говорят, холеры больше нет!» Она безнадежно развела руками.

Г-н Кортерселл, делегированный организацией квакеров, рассказал о своем посещении Бузулукского уезда.

— Вот маленькая деревня в 40 дворов, — всего 400 жителей. Когда я уезжал, 320 умерло. Сейчас, вероятно, эта деревня совсем опустела. В 55 верстах от нее городок с 9000 жителей. 150 человек умерло в сентябре, 1000 — в октябре, 1500 — в ноябре, почти столько же — в декабре. Сколько их там теперь осталось? Вокруг Бузулука валяются на земле трупы — жертвы голода и холода. Они раздеты. Оставшиеся в живых надели их платье. Время от времени приезжает тележка, которая

их подбирает и сбрасывает, как попало, в огромную яму, вырытую посреди кладбища. В этом городе имеются ясли. Здесь скучено более 700 детей. Ежедневно умирает более 35 душ. Живые лежат с мертвыми целые дни и ночи в одной постели до того момента, пока нянька не сделает обход. Ощупав рукой маленькие тельца, она убирает трупики и оставляет живых несчастных малюток покорно ждать смерти.

Г-жа Маркс свои наблюдения резюмирует так:

— Все свидетели, — а из них никого нельзя заподозрить в симпатии к коммунизму, — сходятся на одном, — что советская власть в борьбе с голодом употребила колоссальные усилия. Ни одно правительство не могло совершить подобного. Все об этом заявляют.

Невозможно передать, какое впечатление произвело описание детей, которых они сами видели. Пять миллионов малюток медленно шли на страшную смерть. На улицах опустевших городов, на дорогах, в лесах можно было встретить сотни тысяч несчастных ребят, брошенных своими родителями, еле прикрытых, необутых, в поисках какой-нибудь крапивы, древесины или травки. При виде взрослых они прятались, как маленькие дикие животные.

Приюты до того переполнены, что дети должны, проспав три-четыре часа, уступить свое место другим. Полное отсутствие белья и мыла, чтобы обмыть этих несчастных, искусанных паразитами. Это — убежища, где смертность достигает 100%, где заведующие не имеют ни времени, ни возможности записать поступивших и через несколько дней умерших. Есть целые области (чуваши и киргизы), где матери толпами топят своих детей, чтобы не видеть их страданий.

Я не стремлюсь действовать на нервы моих читателей, а хочу расшевелить их мозги.

Данные, которые приводит Нансен, для этого вполне достаточны;

Великий норвежец прибыл на Запад в конце января 1922 года. В начале февраля Нансен отправился со своей проповедью в различные английские города. Оттуда он поехал в Париж, Гаагу, Копенгаген и Стокгольм. Громадная толпа слушала его у нас в Трокадеро. Она видела на экране тяжелые сцены, и крики ужаса раздавались в темном зале. Слышат ли эти крики правительства Европы? А мужчины, женщины и дети продолжают умирать...

1921 г.

СМЕРТЬ В СТЕПИ

Село имеет такой вид, точно по нему прокатилась волна страшной опустошительной войны. Шеренги домов, целые улицы выглядят как после обстрела пулеметным и артиллерийским огнем. Мариенбург, поселок на 5000 жителей или около того, не пользуется почетом в округе. Мариенбург — католический островок среди окружающих лютеран. Неподалеку меннонитские села — волжская аристократия. Трудно представить себе, как велика взаимная религиозная ненависть среди волжских колонистов. Меннониты, еще сохранившие вдоволь лошадей, более выгодно расположенные для подвоза продовольствия от Помгола, имеющие даже запас муки на два, на три месяца, радостно потирают руки, когда рядом с ними погибают мариенбуржцы.

В свое время Ксандз говорил мариенбуржцам, что им поможет бог, но сперва бог накажет советы, которые всему виной. В результате никаких полевых работ в Мариенбурге не проводилось. А затем поднялась первая волна паники. Кто еще чувствовал в себе волю к жизни, тот стремился уйти. Все равно — как и куда. Продавали кров над головою, стены, домашнюю утварь, земледельческие орудия и машины, — все отдавали за бес-

ценок. Меннониты и русские из соседнего села с другого берега оказались жадными скупщиками. И вот с последней лошадиной люди шли на удачу, куда глаза глядят. Некоторые вернулись назад, но многие погибли в пути, в степи. Это было в августе. К тому времени ксендз тоже уехал, отступившись от своей паствы.

Прошел слух, что по округу выдаются семена для посева. Тогда и марненбургцы послали ходоков. И хотя у них земля была не обработана, они все-таки в конце концов получили семена. Семенной фонд на две трети был тотчас же съеден. Только ничтожная часть была посеяна, а часть еще продана соседней деревне.

Сейчас можно во всем селе видеть два-три зеленых клочка посевов, да и на тех пасется последняя скотина... Тяжелое наказание угрожает марненбургцам, совету и местному помголовскому комитету. Марненбургцы сейчас все равно что отрезаны от мира. Богатейм из соседних сел нечего уже от них уносить... Даже рабочей силы марненбургцы не могут никуда поставлять. Они сами решили наняться батраками. Но их подняли на смех: марненбургцам да работать!

Марненбург лишь название, как и всякое другое. В Маршентале, в Люцерне, повсюду дальше в степь, на восток, происходит то же самое. Разница в подробностях, но общая картина одна и та же. Спасение вряд ли возможно. Было бы ложью сказать другое. Люди в степи обречены на гибель. Теперь уже никто не обольщается надеждой, что могут провести весенний сев. Может быть, кое-кто и протянет зиму, но подавляющее большинство неизбежно погибнет. Может быть, если бы в них еще сохранилось жгучее желание жить, помочь самим себе, сохранилась бы искра собственной инициативы, то эта искра разгорелась бы, зажгла бы других, передалась бы окружающим. Может быть... Человек в борьбе за свое суще-

ствование иногда способен совершить чудо. Такое чудо действительно необходимо сейчас.

* * *

Орловская образцовая колония. Во всем селении не увидишь ни одного обветшалого дома. Многие дворы окружены большими фруктовыми садами, что на Поволжье редкость. За околицей общинное пастбище, дальше лесок, устоявший перед всею яростью истребления. Когда я заворачивал к Орловскому вниз по крутому склону глинистого холма, тележка трещала по всем швам, по широким улицам свистел ледяной юго-восточный ветер. Я не видел на улице ни одного человека. Присмотревшись ближе, я заметил, что дома были без окон, окна заколочены были досками. Дома были брошены, люди бежали. Но бегство, видимо, прошло в полном порядке. Нигде не видно было развороченных домов и крыш, как в других степных деревнях. Ветер рвал ворота, но столбы выдерживали напор.

Площадь у лютеранской церкви лежала опустелая. В одном большом, еще блестящем побелкой доме горели свечи. Через окна можно было различить много человеческих фигур, сновавших взад и вперед. Это был дом пастора, ныне превращенный в детский очаг. Пастора переселили в более скромное помещение. Орловское — один из главных этапов эвакуации детей. В Орловском для детей достаточно места: сотни домов стоят пустые. Отсюда детей переправляют в Баронск, центральный пункт, расположенный в пятнадцати верстах. Но там уже срываются всякие попытки организованно вести работу: невозможно совладать с многотысячным притоком беженцев.

В Орловском в распоряжении Помгола нет сил. Бедняки заняты по большей части на работах по дорожному

строительству, организованных в Поволжье в целях предоставления работы нуждающемуся населению. Работают также по выделке войлока, из которого затем делают валенки, — своеобразная отрасль производства в приволжских областях. На месте остались только неспособные к работе. Все, кто побогаче, жизнеспособней, вся местная интеллигенция давно уехали из Орловского. Они первыми сообразили, решили эвакуироваться. Они подыскивали себе самые удобные и выгодные местечки. Они сидят у источников распределения семян, они первыми стали получать продукты из помголовских организаций. Вместо того чтобы помогать, они уехали — все самые жизнеспособные, на кого могли бы опереться в своей практической работе помголовские организации. Заключенные двери и окна — их последний привет.

Говорят, что многие из орловских кулаков, подмазав взятками кое-кого в немецком консульстве в Москве, раздобыли себе визы в Германию. Там они выжидают лучшей поры, а чтобы время не скучно тянулось, они образовали фёрейн — со своим земельным банком — и ведут клеветническую агитацию против коммунистов. У них еще оставались миллионы для подкупа немецких чиновников, а они, эти орловские кулаки, не дали ни гроша на постройку плотины, на создание хотя бы самых примитивных оросительных сооружений — на устройство хотя бы ветряного двигателя для водокачки. Они барышничали скотом, который у них был в изобилии, когда кругом тысячи умирали от голода. А теперь они наблюдают из-за границы, как страна погибает от бедствия. Потом они, может быть, еще попытаются вернуться, чтобы заставить других работать на себя за кусок хлеба.

Меня привели в комнату умирающего. Большой лежал на полу, на груди тряпья. Он все старался приподняться и поговорить со мной. Наконец он сказал:

— Вы пришли как раз в минуту самого тяжелого кризиса. Я, может статься, этой ночью умру. Но на всякий случай зайдите дней через пять.

И он лишился сознания.

Это был один из самых горьких часов моей жизни. Уже три дня с часу на час ждали врача. Тиф, казалось, был уже побежден, но тут наступил новый, более тяжелый приступ.

К сожалению, мне так и не довелось узнать, осплился ли он этот кризис, или же наступило другое — естественное и неизбежное. Думаю, скорее — последнее.

Такова Волга. Зимой наступит кризис. Люди зимой умрут — или должно случиться чудо.

* * *

Еще за несколько недель до того, как стали раздавать семена для посева, Волга от Казани до Астрахани была охвачена паникой. Люди, вчера еще сгущенные в поволжских деревнях, теперь кинулись врассыпную. Длинные караваны беженцев уходили в синюю даль, в «счастливые края», как говорили люди, но никто не знал толком, куда и какою дорогой. И каждый стремился еще избавиться от другого, следовавшего за ним, каждый боролся сам за себя, в одной надежде — досыта накраться. Страшные ходят рассказы. Беженцам из немецкого Поволжья пришлось особенно плохо. Попадали в Симбирск, воображая, что это Туркестан или Одесщина. А в Симбирске умирали после мучительного двухмесячного перехода.

Когда началась раздача семян, деревням словно явилось избавление. На эту помощь советского правительства до сих пор никто не рассчитывал. Настроение поднялось. И в общем действительно было сделано нечто невероятное. Близкие к смерти крестьяне из последних сил работали по подготовке к посевной кампании. Теперь

вся надежда на правительство. Смотрят на центральные областные органы как на родного отца. Совершенно беспристрастно, — это можно услышать везде и всюду, в каждой деревне. И в каждой деревне теперь есть группы организованных крестьян, ожидающих спокойно, что будет дальше, и соблюдающих порядок.

Пришли первые эвакуационные анкеты. Требовались рабочие для государственных работ. Нужно было решиться. Уже в наступающем месяце будут распределять картофель и муку. Холера унялась. Жизнь повысилась, оживали надежды. Кто был еще жив, понемногу расправлял спину. И было нелегко уговорить людей уйти на работу из родных мест. Но вот опять началось ухудшение. Снова поднялась паника. Я был в районе как раз в то время, когда она достигла наивысшей точки.

— Только бы уйти, — говорили кругом. — Зимой мы тут все помрем. Правительство не может нам помочь.

В общем, надо сказать, на местную власть нареканий не было. «Что они могут сделать?» — говорили люди, пожимаая плечами.

Волга уже замерзала. Первые метели закроют дорогу в степь. Кто пошатнулся теперь в своей надежде на самого себя и на помощь, — а таких было немало, — или кто был уже слишком слаб, чтобы пытаться завоевать место на пароходе или в поезде, — таких теперь было большинство, — те просто уходили. Явился тиф. Он гнал впереди себя орду беженцев. Во главе свора собак. В Мариенштадте собак приходилось пристреливать, потому что ко всевозможным заражениям прибавилась эпидемия бешенства, которая начала собирать жертвы и среди людей.

Неделями лежат теперь караваны людей на берегу Волги. Люди, несмотря на снег или на лед, как будто бы повеселели, как будто легче стало им носить свои отрепья.

Скоро, может быть завтра, придет пароход и повезет их в «теплые края». Многие направляются в Крым, другие — в Туркестан. Вокруг Ташкента возникают новые колонии. Ожидающим ежедневно дается суп; кроме того они получают ежедневно деньги на хлеб. Но если их спросить, то многие не знают, действительно ли они найдут применение своему труду в том месте, куда они так стремятся перебраться. Они полагают — им доводилось слышать об этом раньше, что там жизнь полегче. Иные вспоминают вдруг, что там у них где-то должны проживать родственники. Сколько лет протекло с тех пор! И вот теперь они идут куда-то на удачу, хотя знают, что там, может быть, у них не будет даже крова над головой, хотя у них нет ничего, кроме жалких отрешьев на плечах. Ни утвари, ни орудий. Телегу, лошадь, корову, козу продают тут же, на пристани.

День проходит за днем, а парохода все нет и нет. Наконец он появляется. Но нет больше мест. Люди, как бешеные, кидаются на сходни. Страшные крики — сходни, того и гляди, надломятся. Люди стоят в воде. Капитан дает свисток к отплытию. Он должен спасти свой пароход. Многие остаются, другие еще прыгают на ходу на палубу, переполненную и перегруженную сверх всякой меры. «Только б уйти», — думают они.

Около брошенных плачущих детей стоит старый крестьянин. Он смотрит, качая головой, вслед пароходу. Мне пришлось несколько раз повторить свой вопрос, прежде чем он ответил, что он ждет здесь уже шесть дней. Он хочет пробраться в Ташкент. С предыдущим пароходом уехали его жена и дети. Ему самому со всем скарбом пришлось остаться. Он не мог так быстро втащить узлы на борт. На этот раз он уже погрузил на пароход все вещи. Но когда он нес последний куль, его уже не пустили на борт. Вещи поехали одни. Он не знает даже — куда,

он своего имущества больше никогда не увидит. Найдет ли он свою семью?

— Да, сударь, — говорит он вдруг, — с той поры как напала на Волгу беда, она уняться не хочет...

И он снова закачал головой.

— Раньше было у нас хорошо, — бормочет он: — хороший это край, сударь. Надо хорошенько присмотреться, чтобы понять....

И он долго еще говорит про себя, точно в бреду.

1921 г.

ВНИЗ ПО ГОЛОДНОЙ ВОЛГЕ

Где начинается в России голод? На Волге? Нет, он начинается в сердце Москвы, на Казанском вокзале. Сотни людей лежат на голых камнях — истощенные, больные, часто среди них трупы. Они как будто уснули от голода и усталости, и только после долгой ночи, через сутки, замечают, что среди живых лежит на камнях мертвый. В омерзительном кишении покрытых насекомыми лохмотьев, в омерзительном запахе, от которого спирает дыхание, лежат эти нищие из нищих. По большей части это чувашки, бежавшие или эвакуированные из Казанской области. Они добрались до Москвы, но в город уже идти не в силах. Неделями остаются они на вокзале в своих желто-бурых отрепьях — ворох горя и отчаяния. То здесь, то там к тебе протягивается сухая рука, и ты останавливаешься на секунду, глядишь на эти холмы человеческого несчастья, которые так похожи уже на могильные холмы.

С этого вокзала мы отправились на Волгу, и на тот же вокзал с его холмами отчаяния мы вернулись с Волги в Москву. Что мы видели в этот промежуток времени? Сперва несколько слов о том впечатлении, которое оставил на нас детский лазарет в Москве.

Он стоит на Покровской (ныне Бакунинской) улице, помещены в нем больные от голода дети — не одна сотня больных детей: может быть, — кто знает? — их здесь тысячи со всех областей, пораженных голодом в необъятной России.

Врач, молодой человек, один из тех скромных, безыменных героев, каких так часто можно встретить в сегодняшней России, — героев, вся жизнь которых — самопожертвование и подвиг, — повел нас по палатам.

Огромный дом, казалось, был переполнен через край. Прибывали все новые и новые толпы несчастных детишек. В подавляющем большинстве это были беспризорники Поволжья, которых собирали партиями, сажали в санитарные поезда и затем отправляли в столицу.

В больших городах уже не хватало больничных палат, чтобы вместить эти толпы погибающих от голода детей, бездомных сирот. Называют цифру в четыре миллиона детей, которых советское правительство собрало таким образом и о которых оно должно заботиться в настоящем и в будущем.

В лазарете на Покровской улице все залы, коридоры, сад — переполнены детьми. Счастливы, кто может еще забраться на подоконник погреться на солнышке, кто еще в силах сбегать в сад... Палаты чистые, постельки опрятные; на кухне в блестящих больших котлах варится здоровая пища. Впрочем, пищи не хватало. Не хватало и кроваток. Зачастую приходилось класть чесоточных детей вчетвером на одну кровать. Не хватало и одеял. Бедные детишки были все одинаково одеты в длинные серые рубахи из грубого холста, — единственная одежда, которую они получали после того, как у них отбирали их отрепья.

По большей части они запуганными зверьками сидели на корточках, сбившись в кучу. Но многие лежали, не

в силах больше двигаться, не в силах ходить или сидеть.

Врач подводил нас от кроватки к кроватке. Приподнимал жидкие одеяльца, показывая нам, что может сделать голод с человеческим телом. Большинство этих несчастных маленьких детей распухли от голода. Под естественно вздутым животом распухшие ноги, в которых вода, желтоватая лимфа, заменила кровь и ткани.

Те, чье тельце голод превратил в скелет, жалобно плакали и кричали при каждом движении. Белая кожа натянулась на деформированных суставах, особенно на локтях и коленях, и потрескалась, образуя язвы. Между кожей и костью не осталось хотя бы тончайшей жировой прослойки. У одного двухлетнего ребенка, которого врач взял из кроватки и поднял на руки, были кровавые губы, кровавые веки, кровавые ободки вокруг ногтей и около ушных мочек. Это несчастное существо стало крошечным и сморщенным, как зародыш; оно только тихо заскулило и взглянуло на нас, как больная птица, с трудом приоткрыв веки. Этого взгляда я не забуду до смерти. В нем была безнадежность, какое-то недетски глубокое понимание, была страшная жалоба и обвинение против всего человечества, которое допустило все это и которое теперь, после всех этих грехов, должно быть в корне перекроено.

На некоторых кроватках лежали тела, присутствие которых едва угадывалось под легкой выпуклостью одеяла, — тела умерших детей.

Порою можно было видеть какого-нибудь несчастного ребенка неподвижно сидящим в своей кроватке поверх одеяла, с головою, зажатой между высоко поднятых колен. На соседней кроватке лежал другой, с хрипом и свистом вырывалось дыхание, легкие шумно сжимались в последних судорогах агонии.

Погибшее поколение несчастных маленьких мучеников лежало на этих лазаретных койках. И я думал о той поразительной работе, которую ведут для детских масс большевики в бесчисленных школах и очагах, о работе по воспитанию новой, счастливой и свободной молодежи; когда я впервые попал в эту страну, с каким удивлением и восторгом следил я за этой работой. Я думал о том, какие высокие цели ставили и ставят перед собою большевики, какую огромную культурную работу могли бы они проделать, какую большую мировую задачу разрешили бы для подрастающего поколения, если бы не ставила русский народ варварская блокада буржуазных правительств, если бы она не встала преградой для множества планов и не разрушила так много высоких замыслов.

* * *

От Самары к Саратову и до самого Царицына, на обоих — горном и отлогом — берегах Волги мы посетили ряд голодных деревень, которые в еще большей мере, чем города, показали нам, что может натворить голод в цветущей стране, среди крепкого, жизнеспособного населения — и что никогда не должно повториться впредь.

Стесненность во времени и жалкое состояние предоставленного нам автомобиля не позволяли нам забираться в глубь страны дальше, чем на 40—50 верст. Таким образом мы все время находились в ближайшем соседстве больших городов, железнодорожного пути или широкой, изобилующей рыбой Волги. И все же — какая нужда, какое неслыханное разорение!

С м ы ш л я е в к а. — 30 километров на восток от Самары, 2 километра от станции Кинель. Раньше здесь насчитывалось 3600 жителей при 700 домах. 12 семей ушли. Зимой и ранней весной ежедневно по 7—8 случаев голодной смерти. В 1921 году здесь было 2000 лошадей, сей-

час — 400; 2000 коров — сейчас 410; 270 свиной — сейчас ни одной; 3000 овец — сейчас 573; 10 000 кур — сейчас 353.

Голод пошел с сентября 1921 года. Жители помогали друг другу, пока скот не свелся к этим жалким остаткам. Потом стали появляться случаи людоедства. В настоящее время, помимо государства, чехословацкий и шведский Красный Крест выдают ничтожной горсточке населения паек в $\frac{1}{2}$ фунта хлеба, $\frac{1}{5}$ фунта сала, $\frac{1}{8}$ фунта сахара на день. Дети получают половинную норму. Школа закрылась несколько месяцев тому назад.

В о д и н о. — В 10 километрах от Смышляевки, в 40 — от Самары. Насчитывалось раньше 2500 жителей, 340 домов. В настоящее время 90 домов оставлены, двери и окна заколочены. Из 360 лошадей осталось 40; из 600 коров — 120. Скота хватило до декабря 1921 года. В период голода умирало голодной смертью по десять человек в день. Бывали случаи людоедства; случаев чумы не было ни одного. Мы заглянули в один дом, нашли в двух жестяных мисках на очаге какую-то снедь, исследовали ее: здесь оказалась крошка из навоза, соломы, каких-то ветвей и подорожника.

Мы зашли в дом, где в углу висело двенадцать икон. Отец умер с голоду, мать работала где-то в поле. Трое малых детей оставались одни в горнице. У всех троих тело сильно распухло, они сидели грустные, усталые, приполкшие. Мы обратились с расспросами к старшему — мальчику лет восьми. Несчастный ребенок смотрел на нас растерянно; не понимая толком, чего мы от него хотим. У него был сильно вспученный живот, на коленях вдутыя с кулак величиной, пепельно-бледное лицо и руки; на переносице, на лбу, у уголков рта широкие бурые полосы; губы в непрерывном движении, словно что-то жуют. Когда мы дали ему пачку шоколадных бисквитов, он разделил

ее содержимое между двумя младшими, взял и себе один бисквитик, но не стал его сразу же есть. При всем своем изнурении ребенок еще сохранил детскую резвость: он быстро вскарабкался на забор, чтоб отворить нам ворота; но живость мысли он, видимо, утратил: запинаясь, слабым голоском он давал безразличные ответы на наши повторные вопросы.

П р и с т а н ь е, как указывает самое название, лежит на берегу Волги. Рыбного промысла здесь не существует.

Из 1100 жителей — 400 побросали дома или умерли с голоду. Из 200 лошадей осталось 30, из 400 коров — 40 (жители выменивали своих коров на хлеб). В селе свирепствуют тиф и малярия. Случаев холеры не было. Здесь первые полевые работы унесли немало человеческих жизней. Английские и американские помголовские организации обслуживали ничтожную горсточку населения. Взрослые получали ежемесячно 30 фунтов мансоей муки и 20 фунтов сельдей, дети (до 14 лет) — $\frac{1}{4}$ фунта фасоли и $\frac{1}{2}$ хлеба в день.

В Печугу мы попали под вечер, в Духов день. Печуга лежит в 45 верстах к северу от Царицына, на правом высоком берегу Волги. Наш пароход «Стрежень» не мог достаточно близко подойти к берегу, на реку вышла лодка и доставила нас на пристань. Это был единственный рыбацкий бот на все село.

Поднявшись в село, мы первым делом направились к местному совету и были приняты его председателем, молодым учителем из Москвы. Совет помещался в обычной крестьянской избе, впрочем, очень чистой и опрятной. Деревянный барьер отделял большую половину комнаты от широкого канцелярского стола, за которым сидели председатель и его сотрудники, члены совета.

Наш переводчик старался разъяснить цель нашего приезда. Председатель смотрел на нас внимательным взглядом.

Переводчик передавал: в Печуге еще два года тому назад было 4500 жителей, сейчас осталось 3000 человек. В 1914 году было засеяно 32 000 десятин земли, в прошлом году — только 3500, а в этом едва 2000 десятин (из них 200 своими семенами, остальные — из государственной семенной ссуды). Запас скота также предельно сократился: из 4000 голов дойных коров, насчитывавшихся по Печуге в 1919 году, налицо оставалось только 200; из 3000 голов рабочего скота — лошадей, быков, верблюдов — общей сложностью 560.

Сельский учитель, пожилой человек, говоривший тихо и спокойно, сообщил нам, что, невзирая на отчаянный голод этой зимы и первых весенних месяцев, невзирая на отсутствие пайка и отопления, занятия в его школе не прерывались. Правда, детей являлось в класс все меньше и меньше. Очень много детей умерло в Печуге с голоду...

Комната была теперь битком набита людьми. На дворе под окнами толпились те, кто уже не мог пробиться в дверь. Любопытные взоры бородатых мужчин; нетерпеливые взгляды женщин и жадные глаза детей пристально устремлены на нас: пришли вверх по Волге с пароходом иностранцы, несшие, будившие надежду...

По ту сторону барьера заговорил другой из сидевших за столом. Какие виды на урожай в этом году? Больно много дождей. Сурки опустошают поля, хомяки, суслики, да и птицы... Все напасти сразу!..

Мы записывали, спрашивали, слушали, что говорил нам переводчик. Я отложил перо и осмотрелся в комнате. Все слушали внимательно и напряженно. Кроме голоса переводчика в горнице не было слышно ни звука. Со мною рядом стояли две маленькие белоголовые девочки. У них были бледненькие личики; посмотришь на них — вынут пальчики изо рта и захихикают. За ними стоял

парень в чем-то вроде мундира, широкие красные лампасы на синих суконных штанах — отличие астраханского казака. Переводчик еще не кончил говорить, когда сзади в дверях поднялось движение. Спихнутые в толпе люди сжались еще теснее, чтобы очистить место человеку, входившему в горницу.

Председатель что-то сказал переводчику. Тот наклонился к моему соседу, шепнул ему что-то на ухо. Я услышал: бывший солдат, из Кубанской области вернулся на родину. Крестьянин из Печуги. Голод...

Человек, переступивший через порог, был высок и статен; он был узок в плечах, держался прямо. Ему можно было дать лет тридцать. На нем была косматая барашковая папаха, разорванная серая шерстяная куртка, холщевые штаны, подвязанные вместо пояса веревкой. Он двигался вперед не обычным человеческим шагом, а скорей, как лунатик, как автомат, как солдат, которого научили маршировать снящим, и вот он марширует во сне, как привык за восемь долгих лет войны. Ему подали стул, и он сел. Волосы, борода, лицо, руки, ноги были у него желто-серые, как песок, — как песок там внизу, на берегу Волги. Губы были у него приоткрыты, и они были желты. Председатель обратился к человеку с вопросом, и он ответил. Не говорил он точно на воздух — как будто требовалось чрезмерное усилие, чтобы повернуть голову в ту сторону, откуда исходил вопрос, на который нужно было отвечать. Среди мертвой тишины, водворившейся в горнице, его ответ, произнесенный беззвучным шопотом, был едва уловим.

Мы услышали — он назвал свое имя, сказал, как долго добирался с Кубани домой; сказал, с какого времени не ел. Он продолжал шептать дальше, хотя его больше не спрашивали. Ослабел. Вместо слов раздавался только хрипенье.

Один из наших товарищей дал ему прихваченную в дорогу пачку бисквитов. Человек взял ее, попробовал вскрыть пальцами обертку, но скоро бросил: это было ему не под силу. Он сидел, смотрел перед собой и молчал.

Нам пора было уходить. Мы дали ему немного денег. Человек сунул ассигнации в свою разодранную куртку и удалился вниз по улице, что вела в глубь села. Он шел медленно и прямо, как солдат, которого обучали маршировать, как будто больше ничего на свете он не знал и не умел.

Наша дорога вела в обратном направлении. Все село, стар и млад, пошло за нами следом — мужчины, женщины, дети. Мы пошли к вдове, у которой вся семья за эту зиму и весну умерла от голода. Мы вошли в горницу. Женщина сидела одиноко на скамье у окна. Селяне остались у ворот на улице, только председатель совета зашел с нами в дом. Мы поклонились женщине. Она поднялась со скамьи и тоже поклонилась. Горница сияла чистотой. В одном углу на столе, рядом с разбитой глиняной мисочкой, лежала кукла с фарфоровой головой, принадлежавшая, верно, одному из умерших от голода детей. Переводчик заговорил с женщиной, переводил ее слова. Она немного прибавила к тому, что уже было известно. Их семеро жило в этой горнице, шестеро слегли и отошли, устало, без жалобы; ей очень плохо, нечего есть. Мы смотрели на женщину, окинули взглядом комнату, заглянули в котелок, стоявший на прищечке, как кусок хлеба, вернее чего-то вроде хлеба, лежавший тут же на прищечке.

Зеленоватый свет разливался по комнате. Он шел от светлой листвы на березовых ветках, которые старуха укрепила в окнах. Как-никак — праздник: нужно убирать горницы молодой листвой...

Много приходится слышать о людоедстве в городах и селах Поволжья. И вот иной раз заглянешь в лицо человеку, и тебе кажется: «Один из тех, которые...»

Первых, кто стали есть человечину, избивали до смерти или заперли в сумасшедшие дома. Но впоследствии привычка к людоедству распространилась широко. Трупы уже не выбрасывали больше на улицу, а поедали у себя дома.

Людоедов исследовали, измеряли, фотографировали. Это были в общем нормальные люди, но условия их существования, неделями, месяцами тянувшийся голод, сделали их тем, чем они стали.

Мы видели снимок женщины, которая в последней стадии голода сварила старый ремень и съела. Она умерла в жестоких мучениях.

Мы видели в самарском музее голода на изящно вырезанном в стиле рококо щитке череп и две кости — все, что нашли в одной голодной избе от съеденного всего лишь за несколько недель до того человеческого трупа.

В одной маленькой, носящей швейцарское название общине Немкоммуны, Пашинского округа, в первой половине апреля был составлен следующий протокол: «Я, Марья Елизавета К., настоящим сообщаю: после нескольких месяцев голода, когда мой муж и старшая дочь умерли, я осталась одна с пятнадцатилетней дочерью Катериной. Когда и эта дочь умерла, я уже девять дней ничего не ела. Я отделила от туловища голову и руки, вскрыла тело, вынула сердце, легкие и почки, прочитала «Отче наш», зажарила их и съела. В течение следующих дней я постепенно зажарила и съела все тело своего ребенка». Как правило, люди, евшие трупы, умирали от отравления. Но многие из тех, кто неделями и месяцами питался человеческой, живут по сей день и едят грибы, корни полевых трав или получают свой паек в помголовской столовой.

Где предел человеческой выносливости, терпения, сопротивляемости? Капитализм, который через войну, блокаду, белых генералов высосал все соки из этого цветущего, богатого края, из этого бедного, измученного народа, капитализм, который в своей беспощадной борьбе с восставшим коммунизмом обрек эти массы людей на отчаянье и гибель, — враг более лютой, чем стихийное явление засухи.

Капитализм — вот кто подлинный людоед, а не бедные, голодные крестьяне Поволжья.

* * *

Эта далекая Россия, таинственная и святая в своем самоотверженном порыве, в своей борьбе за осуществление высоких идеалов человечества и в своем страдании, в своем падении на страшное дно первобытного варварства, — на эту Россию с любовью поднимают взор миллионы трудящихся, страдающих и борющихся масс земного шара, как на мать грядущего человечества.

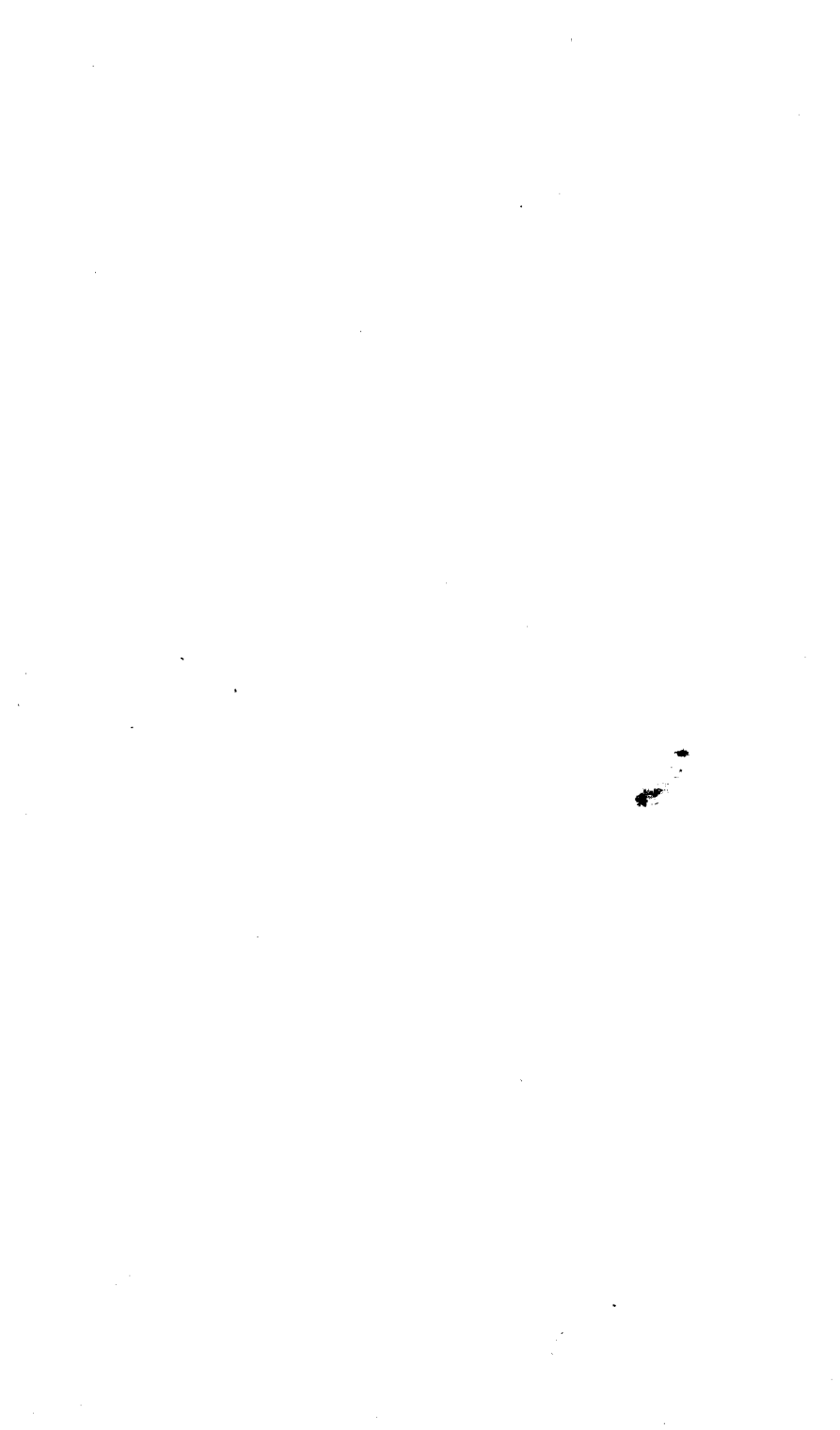
В мире совершается необычайное. Миллионы узнали свою родину в этой далекой стране, злобно оклеветанной и трудно достижимой. В миллионах умов и сердец сегодня живет русская идея. Она перестраивает мир по новому образцу. Горькие невзгоды, испытания, голод, чума, смерть теперь ее не сломят. Она живет, мир без нее немислим. Она тождественна со всем, что можно назвать сегодня в подлинном смысле слова живым, со всем, что хочет идти вперед, что строит будущее. Человечество топчется слепо в мертвящей мгле, лишь по одной видимости еще живого, в действительности давно закатившегося времени, но все же — миллионы уже нашли путь к солнцу, к свободе!

Еще не сокрушены границы, препятствующие соединению России с беспредельной творческой силой чело-

вечества. И мировой пролетариат не слился еще в единой воле сокрушить эти границы, свалить их мощным напором и прорваться туда, где подготавливается в героическом труде его судьба. Еще не все осознали, какая поставлена ставка, за что борются, терпят, умирают в далекой России. Но час уже не за горами, и передовые отряды западного пролетариата уже пробили брешь в пограничной стене. Россия долгое-долгое время была незнакомой, неисследованной страной. Теперь она уже зовется братской страной рабочих, их общей родиной, и пятиконечная звезда горит уже над народами всей земли.

1922 г.

К НОВЫМ ПОБЕДАМ

ЦАРЬ НЭП

Нелегко сейчас писать о России. Побывавшим там несколько лет тому назад было гораздо легче. Правда, тогда она еще представляла собой хаос. Но зато было ясно, куда деринит путь государственный корабль — или вернее, к какому утесу он поворачивает руль, рискуя об него разбиться: страна прямолинейно шла к коммунизму, в то время, как теперь, по мнению Запада, она гнет столь неопределенную линию, что ее легко спутать с капиталистическими государствами. Тогда еще не «трубили отбоя», как говорят теперь на Западе. Деятели революции еще не выработали продуманной, целесообразной программы, ибо забота о завтрашнем дне и о самом настоящем всецело их поглощала. Был провозглашен новый порядок, приведший в трепет мир, продукты между всеми равномерно распределялись, частно-предпринимательская инициатива была устранена, театр был бесплатен, так же, как и железная дорога. Избытка ни в чем не было, но то, что имелось, составляло общее достояние. Все были равноправны, — если не в чем шном, то в нужде.

Сегодня все кажется совсем шным. Поезда, как и в других государствах, имеют твердые и мягкие вагоны, и чтобы пользоваться услугами железной дороги, надо

обладать деньгами. Нынешняя цель — еще более поднять комфорт путей сообщения; довоенная ступень уже достигнута, но стремятся ее превзойти и догнать Западную Европу. Снова пробудилась частная инициатива, вызванная к жизни нэпом.

Известным слоям прежней буржуазии снова честь и место. С честью, впрочем, дело слабо: нэпманы у всех на плохом счету; даже представители буржуазии, побывавшие в России, согласны с тем, что эти люди наживы, кажущиеся на Западе естественной принадлежностью существующего строя, здесь, в пролетарской стране, производят отталкивающее впечатление. Трудно таким образом утверждать, что они окружены уважением, но они во всяком случае ловят все минутные выгоды.

При поверхностном взгляде Россия должна удручающе подействовать на всякого, сочувствующего коммунизму, и приободрить его противника. На самом деле Россия, как социалистическое государство, сейчас несравненно сильнее, чем два года тому назад, и несравненно коммунистичнее в своих основах.

То, что после победы революции возмутило весь мир, в чем он усмотрел новый социалистический порядок и утверждение большевизма, было в действительности не чем иным, как временно неизбежным «военным коммунизмом», рожденным необходимостью, «режимом силы», который благодаря мировой войне хорошо известен всем странам, в особенности же Германии. Принятые советской властью меры по нормированию немногих оставшихся в запасе предметов первой необходимости были бы проведены и всяким другим правительством, если бы большевики были свергнуты. Просто никакого другого выхода не оставалось. Первые годы новая Россия занимала чисто оборонительную позицию; она была поглощена борьбой для защиты самой своей жизни. Лишь

в 1921 году, отразив наступление вооруженных врагов, она смогла деятельно приняться за выработку плана экономической политики и за перестройку страны соответственно новым принципам; здесь и вступает в свои права нэп — как сознательный, продуманный акт большевизма.

Нэп с торжеством приветствован старым миром, как возврат к добрым, испытанным методам капитализма. Не подлежит сомнению, что западно-европейские массы (буржуазия, мелкобуржуазные элементы, социал-демократия и представители профессионального движения) уверовали в это отождествление.

Но политические заправки старого мира отнюдь не были так же легковерны: иначе они оставили бы Россию в покое, надеясь, что новая экономическая политика сама принесет им желательные плоды. Разве можно было бы придумать лучший аргумент против роста и концентрации низшего класса, большой провал для всемирного пролетариата, чем крах советского режима без чьего-либо внешнего вмешательства, силой внутренней логики вещей, саморазрушительной силой социализма? С каким ликованием капитализм мог бы принять в свои объятия добровольно к нему вернувшуюся, покаянную Россию! Ведь именно злейшие враги нового строя первые бы поспешили провозгласить лозунг: «Руки прочь от Советской России!», чтобы ничто не могло ослабить впечатления естественного банкротства пролетарской идеи при первой же попытке проведения ее в жизнь.

Однако пажим великих держав на Россию, усилия европейской политики оказать давление на большевиков — все это доказывает, что кормчие старого мира не верят ни в какую внутреннюю катастрофу большевизма, а наоборот, отдают себе ясный отчет в его прогрессировании. Если оценивать нынешнее положение России, взвесив шансы Старого и Нового, надо помнить, что все богатства

страны — земля, леса, моря и внутренние водные пути, сырье и силовые источники — являются достоянием всего народа. Такое же общее достояние представляют собой все здания, исключая маленьких дачных особняков, все жилые дома, склады и фабрики, насчитывающие более 20 рабочих. Предприятия, обслуживаемые трудом двадцати или менее человек, могут быть основаны и руководимы частными лицами, что имеет своим последствием оживление кустарных ремесел и мелкой промышленности. Ясно, что это не грозит возрождением истинного капитализма. Внутренняя торговля объявлена свободной, и около 50% ее начинаний находится в руках частной инициативы, т. е. нэпа. Однако нэп сильно ограничен рабочими и крестьянскими кооперативами, которые пользуются большой популярностью, так как заботятся о насущных нуждах народа и снабжают его необходимыми предметами обихода, в то время как нэпманы и мелкие частники торгуют преимущественно предметами роскоши, дающими наиболее соблазнительные барыши. Зато внешняя торговля всецело в руках государства и, так же как и тяжелая индустрия, переходит в ведение государственных объединений и трестов.

Попасть теперь в Россию — значит быть увлеченным в головокружительный Мальстрем. Здесь меряются силами Старое и Новое, отжившее и молодое, самые властные идеи будущего и самый зловредный материализм прошлого. Новая экономическая политика — нэп — видный участник в этом бою. Нэп есть попытка впрячь последние силы закатывающейся культуры в колесницу нового строя и воспользоваться их предсмертными, непокорными порывами для продвижения колесницы еще немного в гору. Нэп, словно по мановению волшебного жезла, вмиг извлек на рынок все ранее исчезнувшие продукты и товары. Он был первой смазкой, благодаря которой было преодолено

трение и был сдвинут с мертвой точки маховик новой жизни. Для всех саботирующих элементов буржуазии он явился искушением; им захотелось вновь взяться за дело, вновь развернуться; пусть это лишь приманка для их жадности, во всяком случае они приступили к работе.

В каждой области новое приобретение дорого; так же и с завоеванным революцией; нэп ценен, хотя и удерживается в весьма скромных границах. Частная спекуляция — на цепь, которая отпущена ровно на столько, чтобы она могла с трудом достигать своей пищи; урвав кусок, она глотает его с закрытыми глазами, почти давясь им. Прошло уже столько времени с тех пор, как она в последний раз поживилась. А каждую минуту корм может быть снова убран из пределов ее досягаемости. Это зрелище хищного выматривания добычи не принадлежит к возвышающим душу картинам. Русский нэпман соединяет в себе алчность западного капиталиста с малодушным трепетом перед новыми силами. Он — прожорливость, посаженная на голодный режим.

Всякий революционер в России сознает необходимость нэпа, но ненавидит его и лично бежит от него, как от чумы; он со своей стороны прилагает все усилия, чтобы удерживать его в первоначальных пределах.

Если бедняки устраивают очередь перед лавкой, надо сказать спасибо нэпу. Если военные инвалиды вновь стоят на улице, вдоль домов, и, как в Германии, протягивают руку за милостыней, и в этом виноват нэп. А когда вы ночью возвращаетесь домой, в углу, перед входной дверью, в талом снегу, пропитывающем даже ваши здоровенные сапоги, быть может, копошится комочек живого мяса — ребенок, которому всего несколько лет, — и это тоже нэп. Предприимчивые родители приносят его сюда, чтоб существовать на выклянченные им деньги.

Коммунист подбирает его и отдает в детский дом, но в следующую ночь вместо прежнего появляется новый малютка.

Все это имеет место также в капиталистических странах, и даже в гораздо большей степени; но там, где все это зародилось, оно стало привычным, здесь же оно производит впечатление отвратительно выделяющейся язвы, органически чуждого нароста.

Но все это только спутники, а не порождение нэпа. Не он вызвал хозяйственную разруху и нищету: он является, наоборот, продуманным шагом к спасению. С нэпом революция вышла из страстного воинственного настроения и перешла к трезвому анализу своих задач и средств их достижения. Рассудок явился на смену непосредственному порыву: великие идеи превратились в реальность, и могут теперь проводиться в жизнь в определенной последовательности, соответственно их значению. Без нэпа — революция лишь боролась бы за разрешение конечных проблем, составляющих идеал каждого революционера, и забыла бы о конкретных потребностях сегодняшнего дня. Она продолжала бы сооружать центральные школы, не имея денег для оплаты преподавателей; она продолжала бы брать на себя попечение обо всех дряхлых и немощных, не имея ни работы, ни пособий для крепких и бодрых, на которых здесь, как и всюду, зиждется жизнь. Она бы умерла от своего непомерно широкого сердца. Нэп доказывает, что революция перестала висеть в воздухе, а намерена, шаг за шагом, отвоевывать твердую землю, что она не собирается свернуть шею в поисках абсолютных принципов и конечных целей, нэп — связывает свои задачи с данным днем: она засучивает рукава и готовится схватить и пустить в работу то, что сейчас же понадобится. В этом ее сила.

Непонятно, как можно серьезно утверждать, что новая экономическая политика есть возврат к капитализму или, хотя бы, способствует его возрождению. Без нэпа революция была бы подкошена, и на ее прежней почве снова вырос бы капитализм.

Это не мешает нэпу быть, как сказано, уродливым явлением. То, что в капиталистических странах срослось с повседневным бытом и кажется само собой разумеющимся, настолько, что оно даже проходит мимо внимания, здесь рвет глаза даже самого консервативного иностранца. Разве нужно большее доказательство подлинности революции, не только внешней, но и внутренней?

Нэп — последнее вздыхание капитализма. Революционеры достаточно трудно с ним уживаются, и уже по одной этой причине он вряд ли долго протянет. Надо, конечно, оговориться: если он не перерастет нового строя. Но тем более опасно протянуть капитализму хотя бы один палец... Один его аппарат чего стоит.

Налаженный аппарат является крупным фактором во всяком обществе, уже достигшем зрелого возраста. Он не раз позирал идеи и системы: поэтому, мера на своей аршин, старый мир надеется, что капиталистический аппарат, дипломатически пущенный в ход против русского пролетариата, должен проглотить его без остатка. Но это построение основано на устаревших соображениях: оно пригодно лишь в старом мире. Против молодости самый внимательный «аппарат» беспомощен. Забывают считаться с нарастающей в России силой: с пролетариатом и новой волей новой эры.

Чтобы постичь, как сильна Россия, надо, быть может, присутствовать при проявлениях этой воли: видеть, как она сказывается в работе, в лишениях и в радостной самоотверженности, не останавливающейся перед тем, чтобы

пожертвовать самой жизнью. Чтобы старому времени открылся свободный путь, нужно сперва, чтобы весь русский пролетариат был стерт с лица земли. Даже крестьянин, не обладающий развитым классовым сознанием рабочего, все горячее отстаивает революцию.

Сила нового именно в том, что оно подобно тому, как разрывающееся зерно, как пробивающийся росток, раздвигает, ломает все рамки, — разбивает в осколки всевозможные устарелые «аппараты». Кто сомневается в том, что Россия — носительница будущего, тот пусть посмотрит на ее отношение к отжившему миру, к его сентенциям и предубеждениям.

Ни одно пророчество старого общества о России не исполнилось, потому что оно подходило к ее событиям с меркой, являющейся старческой клюкой, пригодной для дряхлости, а не для юности. Предсказывали, что нужда распаляет солидарность; этот прогноз подошел бы для Западной Европы: в Германии, действительно, лишения разлагающе повлияли на широкие массы пролетариата. Но в России, чем беднее она становилась, тем более росло самоотречение каждого пролетария, тем более он жаждет отдать себя делу революции. Предрекали еще на Западе, что при нэпе рабочие обернутся против советского правительства. Вместо этого они возненавидели нэп, это незаконное детище революции и агонизирующего капитализма; они примирились с ним лишь как с необходимым злом и, как бы в противовес ему, стали с удвоенным усердием поддерживать пролетарскую власть в эту тяжелую переходную стадию. Европейцы предвкушали момент, когда крестьянин за посягательство на церковь выгонит большевиков. Случилось как раз обратное: крестьяне все более и более чувствуют себя пролетариями и энергично принялись за освобождение от пут церкви. Этот самый многочисленный слой населения пытается

на себе воздействие новых идей и проявляет себя совершенно иначе, чем до революции.

На русском народе все приметы молодости. Его одежда груба, — заплатка на заплате, от пищи его тоже не разжириешь. Но по его лицу видно, что при всем том ему легко на душе и самочувствие его великолепно: либо уж такова его кровь, либо еще нечто другое, принадлежащее внешнему миру, согревает его. У него налитые, играющие краской щеки — вероятно оттого, что он чувствует подъем в себе и во всем окружающем. Изумительна эта сила, исходящая, словно лучи света, от всякого пролетария. Она во всем: в его твердой, шумной походке, когда он большими шагами идет по улице, грызя по дороге корку хлеба, в его могучей и в то же время гибкой фигуре, в высокой меховой шапке, молодецки сдвинутой набекрень, в его голосе, который раздается на расстоянии многих домов. Ему нет удержки. Он молод, восхитительно молод и может творить чудеса.

Несколько лет тому назад в России был хаос, первозданный космический туман. Старое обвалилось, превратилось в руины, рассыпалось в пыль под влиянием катастрофы, которая может быть сравнена только с катаклизмом в природе: с землетрясением или пламенным извержением. В огнедышащих парах всеобщего обвала кипели старинные страсти и первобытные человеческие страдания: голод, ненависть, ожесточение и паника; они клокотали и били через край. Мужик зарылся, окопался, как земляной крот, каким он и был тогда; по улицам городов прошел вихрь опустошения — ни души, только вдали валяется лошадиный труп; почуя падаль, над ним реет воронья; появляется женщина в лохмотьях, пробирается по наполненным водой рывтинам мостовой и отрывает несколько вывороченных торцов... Ни торговли, ни какой-либо деятельности, ни даже просто движения.

Брошенные, заколоченные лавки, мертвые машины, развалины. И надо всем горящие и чадающие столбы дыма и вексовой туман. Но над самим хаосом, тая в себе все законы кристаллизации, реет, словно дыхание божие над первичными водами, дух пролетариата...

Ему приписывают всю честь опустошения, но ему, во всяком случае, принадлежит ещё большая доля и воссоздания. Это он схватил маховое колесо и пустил его в ход, — пусть в обратном направлении, как утверждает старый мир. Ныне и весь механизм пришел в движение: мужик вспахивает свой участок — пусть примитивно, как до потопа, — но все же пашет и сеет, и постепенно до него доходят вести о новых способах земледелия. Жизнь крупных городов приобрела особый, быстрый ритм, которого никогда раньше не знала, даже тембр городского движения стал другой: его пульс ударяет звонче.

Так скоро никакая эпоха не залечивала своих боевых ран: в столь короткий срок оправляется лишь юность. Но разве удивительно, что Россия так быстро оправляется и в один прекрасный день станет во главе мировой культуры? На то она — страна, владыка которой труд.

Разве удивительно, что пролетарий, несмотря на материальную стесненность, чувствует себя счастливым и гордым в этой стране, которая готова подчиняться труду его рук, в этой щедрой, цветущей стране, которая собирается на своих могучих плечах вынести новую великую эру?

Приходится ли удивляться, что дети свежи и радостны и, несмотря на многие лишения, прекрасно развиваются?

Ведь мы в царстве молодости, где всю работу творят юные силы. Здесь, где скелет мертвого прежнего общества подвергся немилосердному испепелению, а очертания нового здания нарождаются изнутри, душа ребенка, носителя этого нового, должна чувствовать себя, как

Росток в мягком, теплом черноземе. В этой «стране террора» менее всего прибегают к запугивающей выправке. Зато, вопреки ожиданиям Запада, в ней установлен порядок, своеобразный, основанный на гуманности и внутреннем чувстве новой закономерности; новые установления не связывают и не угнетают, ибо общество, подчиняющееся им, является само их инициатором и вдохновителем. Уже детские дома представляют собой маленькие, самоуправляющиеся объединения. В нижней и высшей школе, в промышленных предприятиях, государственных учреждениях — везде в этой «стране беспощадной диктатуры» проведен принцип выборного управления. От всех ее многочисленных подданных исходит единая общая воля; она выявилась на выборах в 1922 году, когда в этом государстве, «объятом анархией», 86% населения голосовало за советское правительство.

Какие хорошие побегИ даст эта молодая земля, видно из следующего примера: мне удалось присутствовать в одной школе на пленарном заседании учеников. В порядке дня стояло, между прочим, определение наказания одному школьнику, который нарушил выработанные школьным советом постановления. Никак не могли сойтись на характере наказания. Тогда один из учителей предложил, чтобы провинившийся лишнюю неделю дежурил в школьной кухне. Председатель детского совета, толковый тринадцатилетний парень, однако, тотчас же вмешался и горячо запротестовал, объявляя, что недопустимо применять физический труд в качестве наказания: он и так был достаточно долго припущен.

Люди представляют себе революцию чем-то потрясающим и недостижимым; они жаждут от нее какой-то сенсации. Между тем самое великое и подлинное в русской революции — ее простота; она сорвала все замысловатые покровы и вернула человеческим отношениям их непо-

средственность; в основу всего она положила естественный порядок и последовательность всех заданий и поступков человека в соответствии с запросами действительности. Старый мир вычислял тем, что своим анализом проник даже в тайну солнца и звезд и мог определить их вес с точностью до одного фунта. Но зато он не трудился отбрасывать хлеб голодным. Революция означает полную переоценку мира, пролетарий перевернул в человеческом представлении все явления и впервые показал людям их задачи в правильном порядке, в естественном чередовании. Его отправной точкой было развешивание хлеба; он начал с этого, но наступит день, когда он достигнет звезд.

1921 г.

ОБНОВЛЕНИЕ

В 1922 году началась оживленная восстановительная работа, но еще оставались развалившиеся дома, следы разорения, опустошения, упадка. Разрушающиеся дома окружали колючей проволокой, а затем предоставляли собственной судьбе; еще мало думали о крышах — для ремонта их довольствовались несколькими досками; желоба на крышах были поломаны, и концы их свисали, как траурные знамена. Из всех окон здания, находящегося напротив Кремля, торчали железные трубы. Сады и парки оставались запущенными. Кое-где работали; это было начало, но не больше. Росла ли трава на улицах? Возможно, что — да, но меньшевики даже слышали, как она шелестела.

Больше меньшевикам утверждать это не придется, и не придется уже выводить полные глубокого политического значения заключения из этого факта. Москва сильно изменилась, так сильно, что я не мог узнать ту улицу, на которой жил в 1922 году. Лицо улиц стало совершенно другим. Нет развалин, нет колючей проволоки, не видно никаких признаков упадка; окна магазинов уже не заколочены досками, на крышах не видно разноцветных заплат. Растет ли трава — я не знаю, так как на улицах

лежит толстый слой снега (впрочем, его очень быстро сгребают и увозят — очевидно, для того, чтобы не было сомнений на этот счет).

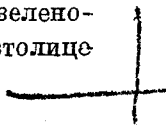
Повсюду новая жизнь. Нет прежней торговли старьем, нет комиссионных магазинов, через которые погибавшая буржуазия старалась сбыть свое последнее достояние. Попрежнему больше всего книжных магазинов; кажется, выпуск литературы стал еще больше. Появились громадные новые продуктовые магазины со сказочными по своему изобилию витринами. Все еще нет кафе, но много маленьких трактиров, чайных; есть несколько магазинов, торгующих предметами искусства. На больших торговых улицах несколько конфекционных магазинов, а также маленьких ювелирных лавочек. Здесь и там — универсальные магазины, торгующие самыми разнообразными товарами. Все полки в магазинах заполнены.

На Петровке открылось даже бюро путешествий. Пассажи, которых в Москве очень много, снова открыты, во всех витринах — выставки, во всех магазинах торгуют. Большое здание торговых рядов против Кремля вернулось к своему первоначальному назначению. В нескольких окнах выставлена масса детских игрушек. На всех площадях, на всех улицах идет оживленная торговля — это уже похоже на восточный базар: кричат, торгуются, запрашивают, смеются, обманывают с патетической «честностью». И по всем этим, то узким, то широким улицам, мимо этих переполненных магазинов — вверх, вниз — спешит толпа; на мостовой — санки за санями, настоящий караван саней, грузовые и легковые автомобили, повсюду веселая сутолока. Вокруг тебя говор на всех языках мира, ты видишь людей в разнообразных одеждах. А если посмотреть с Лубянской площади вниз на широкую улицу, почти в километр длины, ведущую к Тверской и кипящую пестрой красочной толпой спешащих людей в

шубах, кафтанах, коричневых и черных пальто, женщины в пестрых платках, на скачущую по мостовой красную кавалерию, а потом поглядеть на старые белые стены Китай-города с его странной, сказочно красивой зелено-красной угловой башней, — чувствуешь: ты в столице могучего государства.

* * *

сидит

Вперед стремятся люди, вперед идет толпа. Спокойно развеваются красные знамена; все так же глядит с портретов Ленин. Тысячи ворон, пролетая с карканьем, затемняют небо. Наступает ночь. Снег скрипит. На углу меланхолично играет шарманка. Скрипят полозья саней. Постепенно и это все затихает. Становится еще тише. Кое-где стоят еще сани, вдоль белой стены еще проходят люди, освещенный луной снег сверкает белизной. Ни одного крика, ни одного пьяного, ни одного веселого кутилы, ни одной проститутки, ни одного продажного юноши, ни одного хулигана. Во всех углах столицы труда — спокойствие и безопасность.

Да, это столица труда. Самый вид улиц в этом убеждает. В магазинах нет предметов роскоши, готовые изделия просты и практичны, люди одеты просто, совершенно отсутствуют вызывающие отвращение фигуры западной части Берлина — нувориши и франты: им нет здесь места. Можно сказать: здесь видишь лицо трудящегося класса. Видишь рабочих, которые честно живут, работая на пользу всем. Нет различий. Наоборот, наблюдается известная солидарность, какой-то общий отпечаток лежит на всех. Исчезло стремление перещеголять, — это типичное свойство буржуазии. Все вежливы, охотно идут в случае надобности тебе навстречу, никто не обращается к другому свысока или заискивающе, говорят всегда как с равными, уважают друг друга

как самих себя. Нет никаких перегорсдок, никаких различий. Нечистая совесть, чувство неуверенности — только у наэманов: они ни с чем не сливаются, никто не бросит им открытого взгляда, они обречены, они боятся и живут во тьме.

* *
* *

Новая обстановка создает нового человека. На Западе мы знали русского по романам Достоевского, Толстого, мы знали его как совершенно определенное, привычное явление, как вечно анализирующее создание, пожираемое страстями, раздраемое сомнениями, предающееся попыткам изведать все возможное для тела и духа, уходящее от всякой повседневной реальности, всегда занятое собой, внутренне одинокое, — постоянный странник среди ужасных пропастей потустороннего мира, постоянно разрываемый противоречиями, одаренный склонностью к фантастическому и мистическому, трудно понимаемое, загадочное существо, часто глубоко испорченное, часто выходящее за рамки всех человеческих представлений, подавленное тяжестью ответственности за все происходящее, постоянно терзающееся сознанием виновности, готовое к любым самоистязаниям, унижающее себя, постоянно попадающее в затруднительное положение, осужденное злейшим роком.

Что осталось от этого кровавого, странного и мрачного фантастического создания? Где этот христианин-аскет, развратный язычник, носящий на себе проклятие скептицизма? Где эта угрожающая бездна человеческих пороков, духовное разложение, внутренний свет?

Этого человека, который потрясал Европу, больше не существует. Это — дореволюционный тип... Он не знал покоя, чувствовал себя преследуемым и притесненным, не мог выйти из круга своей внутренней жизни, как того

хотел и должен был сделать. Он уходил внутрь себя, и его душа на тысячи ладов переживала запутаннейшее расщепление; его внутреннее существо было противоположно внешнему облику, который абсолютизм придал всей стране, всему народу. Теперь людям дана возможность свободно развиваться; есть простор для человека-творца, людям указано направление для применения сил. Русский, как отрицательный тип, исчез. Карикатура на него живет лишь в белом лагере эмиграции.

Уже говорят об «американизации» русского населения; это и верно и неверно. Это верно в том отношении, что новый русский человек — человек дела. Он точен, он сознает поставленные задачи. Это верно и потому, что русский человек приобрел теперь чувство темпа, чувство движения и даже более того — чуткое восприятие всех изменений движения, всех его колебаний. Большевизм не является чем-то окостенелым, большевизм — еще в движении к цели; мы не знаем, каков он будет, когда достигнет цели; мы знаем только, что тогда исчезнет всякая эксплуатация, в какой бы то ни было форме. Основная задача сегодняшнего дня большевизма — идти к этой цели, используя все средства движения. Тактика — величайшая задача. Борьба, через которую надо пройти на пути к цели, требует человека, который был бы всегда начеку, всегда в боевой готовности, не знал бы преград; требует человека американского типа — практического, решительного, опытного, разумного, выносливого работника. Два главных его качества — это быть всегда готовым ответить на всякое неожиданное требование и уметь быстро переключаться. Ленин хотел провести большевизацию России при помощи техники. Электрификация стала помощником большевизма. Совершая первое путешествие в Россию, я летел туда на самолете; и это осталось навсегда прекрасным символом для меня.

жете. Вы скажете: все это счастье, которое несет капитал, все это только благодаря капиталу, благодаря новой экономической политике — нэпу, который, мол, и есть капитализм. Но я говорю вам: это не капитализм, это лишь необходимый маневр для стимулирования производства. Стабилизация валюты вовсе не является капитализмом: это — этап на пути вперед, к цели. Мир завоевывается мечом, а капитал должен подготовить дорогу для социализма.

Не все мои весенние сны претворились в действительность, но ни один из них не разбит. Создан гласис¹. Никто из этого уже сильно выросшего генерального штаба не думает о себе, о собственности. Капитал не только сила, но и тенденция. В России сила определяется новыми тенденциями. Капиталист в Москве — попрошайка. Он дрожит, продавая колбасу, потому что знает, что послезавтра, может быть, эту колбасу будет продавать не он, а кооператив. В Москве уже есть много кооперативов, торгующих колбасой, но пока еще нужен и частник. Но какими средствами производства владеет еще в Москве капитал? Они совершенно ничтожны в сравнении с мощностью обобщественного сектора.

Правда, был момент, когда казалось, что в Москве и во всей России победит колбасный индивидуализм. Это было в 1923 году, когда несколько десятков тысяч людей были опьянены алкоголем и золотом. Это была эпоха игорных клубов, новых спекуляций, возвратившейся проституции и иных милых, сопутствующих ей явлений. Но этому был быстро положен конец. Я не хочу сказать, что это опьянение совершенно исчезло, главное здесь — огромное опьянение стремлением к культурному росту. А тех

¹ Гласис — земляная насыпь перед наружным рвом укрепления, служит стрелковой позицией для обороны.

(Примеч. состав.

мелких наркотических опьянений я почти не замечал. Я счастлив, что мне не пришлось перебираться через то болото переходного периода. Вернувшись через пять лет, я очутился сразу на цветущем лугу, и предо мной расстлался чистый горизонт.

Москва осталась пролетарским городом — я хочу сказать, что в Москве попрежнему господствует пролетарий. Город стал теперь еще более пролетарским, чем пять лет назад. Сотни тысяч, которые бежали от тяжелых условий жизни в столице и которые тогда еще не вернулись в Москву, теперь снова наполнили ее. В мае 1920 года в Москве насчитывалось всего около 700 тысяч жителей, в феврале 1925 года — почти 2 миллиона. Следствием этого обратного притока населения в Москву явилась жилищная нужда. Пока Москва вовсе не рай с жилищной точки зрения, даже наоборот. Обитатели города вопят о недостатке площади. Квартира в три комнаты является почти излишеством. Рабочие и служащие платят за квартиру соответственно своему заработку, а не соответственно величине квартиры. Тот, кто больше зарабатывает, и за квартиру платит больше; однако это вовсе не значит, что у него большая площадь, чем у того, кто платит меньше.

Как бы то ни было, Москве нужны новые дома. С 1920 года их выстроено очень мало, но много домов отремонтировано. Москва уже не разрушающийся город. Мне еще приходилось проезжать по улицам с мостовой, изрытой ямами, но по большим улицам теперь так же удобно ездить и ходить, как в больших европейских городах. В Москве теперь «нормальные» улицы. Следы революционного галопы еще не исчезли совершенно, но при езде по московским улицам внутренности ваши уже не переворачиваются, как прежде. Это была восхитительная тряска, которая, должен признаться, нравилась мне гораздо больше, чем плавное скольжение по асфальту

или мягкое покачивание на хорошей булыжной мостовой.

Большинство разрушенных зданий отремонтированы или отстроены вновь. Манеж, который в 1920 году выглядел так, как будто вокруг него только что кончился бой, теперь — колоссальный чистый гараж. У него внушительный вид. Да и университет, расположенный неподалеку, — уже не развалина. Я видел много новых зданий и памятников. Видел здание Художественной академии в стиле афинского храма, здание музея, покрашенное в розовый цвет, библиотеку и т. д. Я обедал в советском клубе, который помещается в доме, принадлежавшем раньше одной московской княгине. Теперь его роскошь ласкает взгляды рабочих и служащих. Я там хорошо пообедал и выпил чаю; он был крепче того, который подавала мне в мае 1920 года кухарка Саша, страдавшая тогда от фурункула, ни в какой мере, однако, не поколебавшего ее революционные надежды.

Все старое используется. Москва «устроилась», положила кое-где заплату, «приютюжилась», почистила бензином старые платья. Москва живет уже не только потому, что надо жить, — она стала столицей в полном смысле этого слова, с правильным пульсом, как полагается столице, с установленными обычаями, без всяких неожиданностей.

В городе имеются рестораны и кафе, но это полезные рестораны и полезные кафе, а не пошлые увеселительные заведения, какими они являются в Берлине и Париже, где люди живут без цели, без идеи, только для себя. Сегодняшняя Москва — город улиц, а не ухабов, город, где работа начинается в 10 часов, а не тогда, когда кому заблагорассудится, где работают, не зевая и не под страхом перед молотом и оком революции. Москва — еще в каком случае не сытый город, но она уже стала ча-

сами, революционными часами, которые идут иначе, нежели капиталистические, которые не тикают, а все еще стучат. Но московские часы уже заводятся и идут, как всякие другие.

Я снова посетил некоторые политические и хозяйственные центральные учреждения. Я приветствовал своих друзей 1920 года. Увидел я не всех: большинства уже не было на старых местах. Но я с радостью могу сказать, что все они оправдали надежды. Все, кого я хвалил или рекомендовал в 1920 году, сделали кое-что для революции. Как я был рад увидеть снова—в другом учреждении—того же самого Плавника¹! Он так же подвижен, так же настойчив, те же приятные торопливые движения, он так же темпераментен, углубляется во всякое решение, в каждый организационный вопрос, исследуя его с точки зрения революционного содержания. Плавник, дорогой мой друг, ты меня не обманул! Ты стал деловым человеком, но ты остался общественником. Ты стоишь на посту. А если человек стоит на посту, — в конце концов безразлично, на каком именно. Стоять на посту — значит быть на страже, быть часовым революции, а это все, чего она требует.

Но как изменились учреждения по сравнению с 1920 годом! Стучат машинки, работники приходят во-время, работа идет ускоренным темпом, регистрируется и ведется правильно. Кончилось зеванье! Люди не сидят уже на столах, покуривая и важничая, как тогда. Они работают, работают быстро, а не распивают чай. Это настоящие советские служащие, четко и точно выполняющие возложенное на них дело. Сидя теперь в комнате для ожидания, я не нервничаю, как в 1920 году, хотя теперь эти комнаты привлекают гораздо больше народа. Вырос гн-

¹ Тов. Плавник в 1920 году возглавлял Центротекстиль. (Прим. сост.).

гантский аппарат. Бюрократический аппарат скучен, заставляет терять время. Но московский аппарат гораздо менее бюрократичен теперь, чем в 1920 году, потому что он работает теперь не на холостом ходу. И теперь приходится ждать, но ждешь терпеливо, потому что стоишь в ожидании перед целесообразно работающей машиной, регулируемой в определенном направлении. . .

Вскоре после моего приезда в Москву после потепления снова наступили морозы; правда, морозы не были жестокие, но не чувствовалось еще предвесеннего дуновения. Ветер резал в лицо, и было приятно сидеть дома у печки. Я немножко жаловался на мороз, и я имел право жаловаться, потому что приехал из страны вечного солнца — из Мексики. А мне в ответ, смеясь, рассказывали, каковы настоящие московские морозы. В прошлом году на улицах Москвы жгли костры, и люди бежали от костра к костру, грелись и бежали дальше, опять грелись и дрожали от холода. Вот это была настоящая московская зима! Но я сквозь морозное марево видел синее небо Мексики и желтое солнце плоскогорий и наслаждался этим контрастом.

...Такой я нашел Москву в феврале 1925 года. Более упорядоченной, если хотите — более бюрократической, более довольной, хотя еще и не радостной, более населенной, более восстановленной, на пути к революционному порядку. Но кто знает: не огласится ли она вскоре вновь дробью красных барабанов, — ибо во всем мире жадный капитал в поисках рынков подстерегает возможность напасть на своего исконного врага. Москва — все еще угрожающая и стоящая под угрозой крепость. Она не сдастся, но бороться ей еще придется, если ей не помогут зарубежные братья.

1925 г.

СРЕДИ КРЕСТЬЯН-УКРАИНЦЕВ

Дождь наконец прекратился, и за два солнечных дня дорога просохла настолько, что мы могли выехать. Город сползал вниз по склону холма, по которому бежал вниз наш автомобиль. Улицы на окраинах все менее заострены, потом они совершенно исчезают. Наша машина катится по песчаной проселочной дороге.

Украинская степь ничем не отличается от русской или польской, но вид полей и деревень положительно поражает глаз: все содержится в таком порядке и чистоте, чувствуется тщательный уход.

На ослепительных, выбеленных известью домах — ни пятнышка, окна и двери красиво раскрашены. За все время поездки я не видел ни одного разбитого стекла. Поля покрыты зеленым ковром озимых, а вокруг домов разбиты чистенькие, аккуратные огородные гряды.

Первую остановку мы делаем в Курьяме. Раньше здесь был знаменитый монастырь. Вокруг церкви стоят большие дома, где жили монахи; теперь в одной части их помещаются дети из голодных областей, в другой — красноармейская обозная часть. На монастырском дворе для детей устроены качели и повешены кольца для гимнастики. Перед входом в церковь стоит несколько дюжин красно-

армейских обозных повозок. Они выстроились в линию с прусской точностью.

В монастыре осталось еще несколько монахов. Они ропщут: в последние недели у них отняли монастырские ценности. На вырученные за них деньги должен быть куплен хлеб для голодающих.

Мне хотелось снять монахов на фоне так сильно изменившегося монастыря, и начальник обозной команды вступил с ними в переговоры по этому поводу. Этот красный командир — балтиец из Риги; он выглядит очень элегантно в своих красных бриджах и плотно облегающем его коричневом френче. Как и многое другое в России, колоссально изменился и внешний вид Красной армии. Правда, иногда еще встречаешь плохо одетых красноармейцев, но лучшие полки не отличаются ни по выправке, ни по форме, ни по вооружению от любой европейской армии.

Наконец приходят монахи. Они принарядились; потому, оказывается, пришлось так долго ждать их. Эти монахи гораздо менее интеллигентны и более тупы, чем окрестные крестьяне.

Сегодня — воскресенье, и вдоль деревенских улиц, которые тянутся на целый километр, сидят у калиток девушки. В своих цветных платках они похожи на пестрых птиц. В одной деревне пляшут под гармонию. Я хочу заснять эту сцену киноаппаратом, но танцующие смущаются, и пляска прекращается. Наконец, уступив моим уговорам, одна крестьянка начинает снова вертеться и притаптывать в национальной украинской пляске.

Затем она ведет нас к себе домой. Это лачуга, состоящая из сеней и одной комнаты. Четверть комнаты занята громадной печью, внутри которой находится топка, а сверху — лежанка, которая служит постелью. Очень оригинален «летний очаг», которым пользуются, когда печь

не топят. Тогда для варки пищи служит род реторты, слепленной из глины и примыкающей к печи. Это сооружение ровно такой величины, что при его помощи можно согреть один горшок.

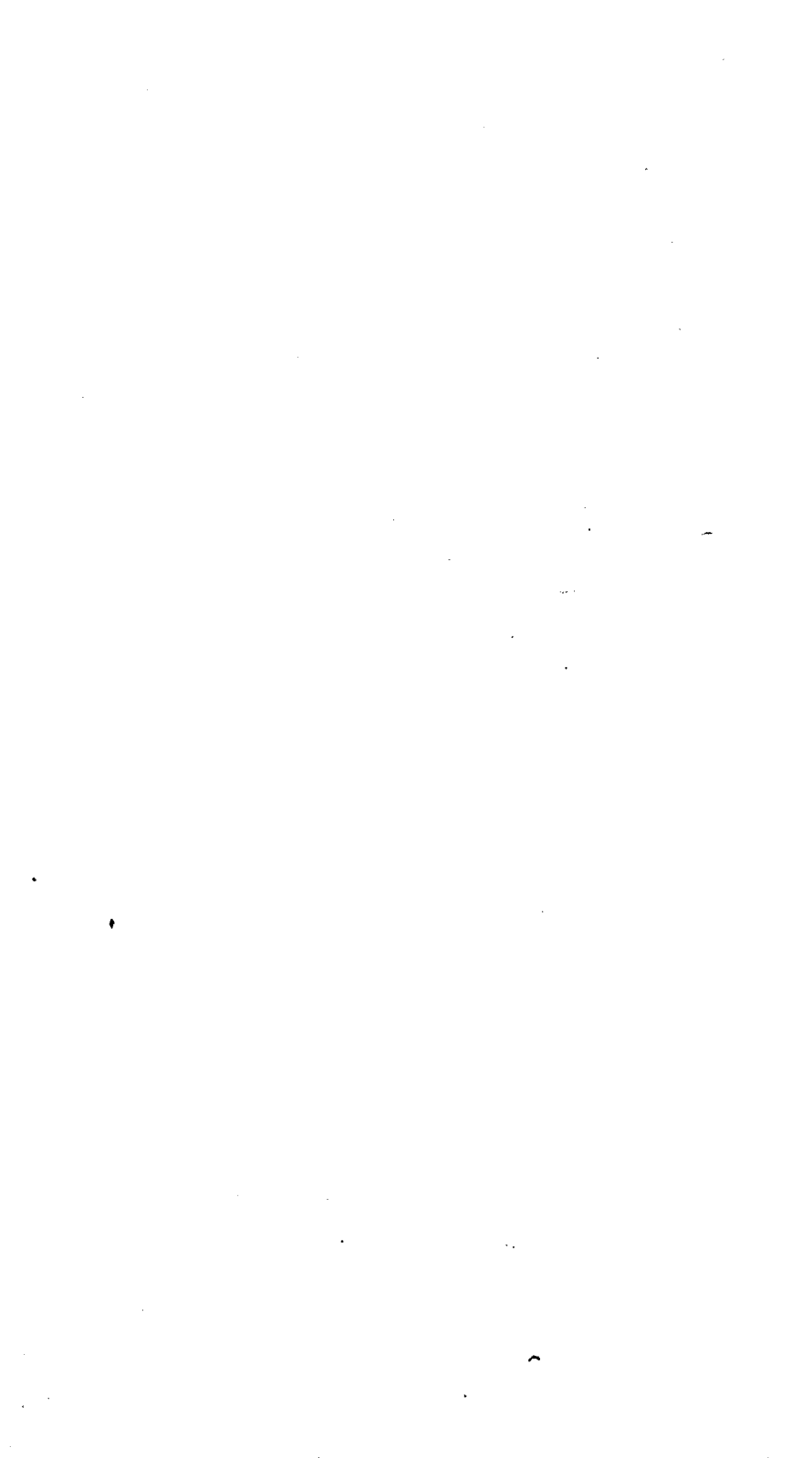
Наискось от печи находится «передний» угол — с образами и картинами священного содержания, которыми стены залеплены снизу доверху. Остальная часть комнаты украшена замечательно красиво расшитыми полотняными полотенцами. Хотя хозяин этого дома совсем бедный крес ьянин, в доме поразительно чисто.

В Люботине, куда мы приезжаем вечером, мы попадаем прямо на заседание сельсовета. Вся площадь перед советом заполнена людьми. Мой спутник пользуется случаем и произносит речь, в которой представляет меня собравшимся как гостя из Германии, который приехал в Советскую Россию, чтобы составить себе объективное представление о положении на Украине.

Услышав, что я из Германии, крестьяне забросали меня вопросами. Я должен был ответить: каково положение в Германии, сколько стоит фунт хлеба, что думают в Германии о России и как полагают, поможет ли России ввоз из Германии. Кто-то громко кричит: «Немцы-то придут с машиннами или с пулеметами?»

Моментально завязывается оживленная политическая беседа о партиях в Германии, о Генуе, о договоре между Германшей и Россией, о помощи Антанты. Я вглядываюсь в окружающие меня лица и мысленно сравниваю их с теми, которые я знал раньше. Восемь лет войны и революции сыграли свою роль. Крестьянин стал другим. Теперь он — политический фактор, с которым должно будет считаться всякое правительство.

1923 г.

ЛЕНИНА НЕТ

У ГРОБА ЛЕНИНА

В красном гробу лежит Ленин,
На красной подушке его голова.
Тридцать градусов ниже нуля. Миллионы людей про-
текают сквозь Дом союзов,
Миллионная масса организуется сама собою,
Сама держит порядок!
Из казарм, с заводов и фабрик, иные из дальних мест, —
Откуда только здесь нет человека!
Рабочие, крестьяне, работницы, крестьянки,
Военморы, красные директора, красноармейцы,
Старые большевики, комсомольцы...
Кого только нет здесь!
Мертвый Ленин делает последний смотр,
Мертвый Ленин отдает последний приказ.
Развеваются красные знамена — то красные знамена Ко-
минтерна,
Развеваются красные знамена — то красные знамена ЦК
РКП,
Развеваются красные знамена — то красные, кроваво-
красные знамена революции.
Московские колокола молчат,
Но из всех человеческих глаз льется, льется похоронный
звон.

Прощай, Владимир Ильич! Прощай, Ленин!

Ленин!

Ленин!

Ленин!

На это имя будут рычать, лаять, стрелять в него,
Это имя будут шептать с любовью, распевать его, мо-
литься ему.

Как раскаленное ядро, вырывается оно

Из широко открытых ртов смоленских крестьян.

Ленин!.. В устах путиловских металлистов это звучит, как
гигантское стальное объятие.

Ленин!.. В устах текстильщиков

Красной Пресни это звучит как всхлип.

Ленин!.. В устах восточных ораторов это звучит как жест-
кий, сухой удар.

Вот медленно выступают на платформу,

Где собрались представители всех народов,

Делегаты далеких колоний:

«Владимир Ильич, красная звезда просвещения,

Взошедшая и над странами самых незащитных, самых
позорно бесправных

Миллионов и миллионов колонпальных рабов, —

Спасибо тебе!

Владимир Ильич, вождь наш, прощай!»

И вот заревели фабричные гудки.

И вот остановились все поезда в России.

Сто пятьдесят миллионов людей задержали дыхание.

Трещит лед по рекам.

Сыплются снежные хлопья.

Красные артиллеристы собрались полукругом у гото-
вых к стрельбе орудий,

Красные пехотинцы примкнули штыки и зарядили
винтовки.

Словно дымка стоит в студеном воздухе от жара дыхания
людей и животных.

На лошадиных шеех лихорадочно бьются казачьи сердца,
Красная кавалерия склоняет пики:

«Владимир Ильич! Друг! Товарищ! Прощай! Прощай!»

Крупская говорит:

«Умер Владимир Ильич. Любимый наш, брат наш.

Товарищи коммунисты!

Выше держите знамя, которое было так дорого Ленину, —
Знамя коммунизма!

Рабочие и работницы,

Крестьяне и крестьянки!

Теснее смыкайте ряды,

Крепче стойте под знаменем Ленина,

Под знаменем коммунизма!»

Сталин говорит:

«Покидая нас, Ленин завещал нам высоко и честно держать
знамя партии.

Клянемся тебе, товарищ Ленин, мы честно исполним
твой высокий завет.

Покидая нас, Ленин завещал нам хранить единство пар-
тии, как зеницу ока.

Клянемся тебе, Ленин, мы честно исполним и этот твой
завет.

Покидая нас, Ленин завещал нам беречь и крепить про-
летарскую диктатуру.

Клянемся тебе, Ленин, мы не будем щадить своих сил,
чтобы честно исполнить и этот завет.

Поклянемся же, товарищи, и в том, что мы, не щадя
своих сил,

Будем работать над укреплением Красной армии и флота.

СТРОИТЕЛЬ МИРА

Восторга богач утаить не в силе,
Бедняков миллионы проклинают судьбу.
Великих печалей дни наступили —
Ленин в гробу.]

Судьба в сраженьях ярко сверкала,
Но раскололась среди темноты.
Твоя мысль наш век озаряла —
Мир строил ты.

Не покой, но борьба — твое наследие:
Богачи, вашей гибели близок час.
Мы и сквозь горе идем к победе —
Ленин средь нас.

КРАСНЫЙ СВЕТОЧ

Ты голос масс, народов светоч новый,
Ты бьешь, как молот, в мрачной темноте;
Колeblesь мир во всех его основах,
Твой юный образ светит в высоте.

.

Горишь во мне, горишь во всех ты братьях,
Твой пылкий дух корнями врос в народ,
Склоняются миры в твои объятия,
Любовь твоя и сила — наш оплот.

ЛЕНИН

К твоей немой могиле стекались мы со всего мира,
О ты, призвавший нас
К себе на тяжкий труд.

.
В белых стенах Сибири был очагом твой голос;
Тем, чьи сердца беспокойны, ты построил в морях ко-
рабли,

Ты больным подарил сосновые рощи,
Братьями были тебе рабочие всего мира.
С плеч женщин ты хотел снять узлы белья,
Детей, стряпню, голодовку.
Плачут теперь они в глубине огромных домов,
Над кипящим котлом,
На каменном полу мастерских,
В дыму заводов.
Мы хоронили тебя,
Ленин.

Мы твои братья.
Друг другу мы подаем руки,
И твой факел нам светит в наших блужданиях.

СОВРЕМЕННОКИ О ЛЕНИНЕ

БЕРНАРД ШОУ

Бесплезно воздавать похвалу Ленину теперь, когда он умер. Я счастлив, что около шести лет тому назад, — когда клевета на Ленина в английской печати превосходила даже клевету на Георга Вашингтона в 1780 году и когда британское правительство истратило 100 млн. фунтов стерлингов на финансирование врагов Ленина, — я счастлив, что я приветствовал тогда Ленина как величайшего государственного деятеля Европы в надписи на одной из моих книг, которую я послал Ленину. Я надеялся, что это поможет Ленину показать, что в Англии живут не только жертвы, одураченные буржуазной печатью, но и класс политических слепцов. Но так как в то время почтовое сообщение с Россией было чрезвычайно затруднено и свирепствовала цензура, боюсь, эта книга, хотя она и была послана через русскую миссию, увы, не прибыла по назначению.

К счастью, мое послание не было необходимым. Британское правительство, к своему великому изумлению, увидело, что английский пролетариат определенно осуждает его поддержку врагов Ленина и является решительным врагом такого рода антиленинизма. Я не сомневаюсь, что настанет день, когда в Лондоне будет воздвигнута статуя Ленина рядом со статуей Георга Вашинг-

тона. Могу прибавить, что хотя я никогда не упустил случая выразить перед английской публикой мое восхищение Лениным, моя популярность несколько не пострадала от этого, и я ни разу не подвергся нападкам за мои отзывы о Ленине, а между тем это, несомненно, имело бы место, если бы Ленин оценивался у нас так, как заявляют реакционеры¹.

Я — революционер, я думаю, что я родился революционером. До 1917 года я никогда не слышал имени Ленина так же, как и большинство жителей Англии, где я жил и откуда я приехал. Мы не много знали о Ленине. Другие вожди говорили нам о его трудах, открытиях, о его охвативших весь мир идеях. Любопытно, что в других странах он произвел то же самое впечатление, какое он произвел в России. Я не знаю, почему это было так, быть может, это было какой-то таинственный магнетизм. Он был только человеком, но человеком, превосходящим всех остальных, человеком, которого можно поставить в один ряд лишь с немногими. Но и в ряду этих немногих он на голову выше остальных. Он выделялся не только в России, но и в Европе, где долго о нем ничего не знали...

Вы не должны думать, что значение Ленина — дело прошлого, потому что Ленин умер. Мы должны думать о будущем, о значении Ленина для будущего, а значение его для будущего таково, что если опыт, который Ленин предпринял, — опыт социализма — не удастся, то современная цивилизация погибнет, как уже много цивилизаций погибло в прошлом. Мы знаем теперь из истории, что существовало очень много цивилизаций и что они, достигнув той точки развития, до которой дошел

¹ Это высказывание о Ленине, как и помещенные выше, взято из сборника: «Die Gegenwart über Lenin», Berlin, Neuer deutscher Verlag, 1924. (Прим. сост.)

теперь западный капитализм, гибли и вырождались. Неоднократно представители человеческой расы пытались обойти этот камень преткновения, но терпели неудачу. Ленин создал новый метод и обошел этот камень преткновения. Если другие последуют методам Ленина, то перед нами откроется новая эра, нам не будут грозить крушение и гибель, для нас начнется новая история, история, о которой мы теперь не можем даже составить себе какого-либо представления. Если будущее с Лениным, то мы все можем этому радоваться, если же мир пойдет старой тропой, то мне придется с грустью покинуть эту землю¹.

РОМЕН РОЛЛАН

Я никогда не разделял взглядов Ленина и русского большевизма и никогда этого не скрывал. Я слишком закоренелый индивидуалист (и идеалист), чтобы примкнуть к марксистской вере и ее материалистическому фатализму. Но именно по этой причине я придаю большое значение большим личностям, и по этой причине Ленин необычайно привлекает меня. В Европе этого столетия я не знаю другой такой крупной личности.

Уверенно и сильно вел он руль своей воли через хаотические волны человеческого океана, и долгие времена будет виден его неизгладимый след. Через все бури вел он на всех парусах свой корабль навстречу новому миру.

Ленин — самый великий человек дела нашего века и самый бескорыстный.

АНРИ БАРБЮС

Я все еще нахожусь под тяжестью того подавляющего чувства, которое овладело мною, когда я узнал о смерти

¹ Из речи о Ленине, произнесенной Б. Шоу в 1931 г. во время пребывания в Москве. (Прим. сост.)

этого величайшего человека. Для меня Ленин — одна из совершеннейших и исчерпывающих личностей, которую я любил больше всех. Что меня наиболее изумляло в его учении, в его интеллекте, в его воле, — это способность в великой человеческой комедии отличать факты от призраков.

ГЕНРИХ МАНН

В жизни Ленина мы видим несокрушимую преданность делу, необходимо связанную с беспощадностью по отношению ко всем тем, кто становится поперек дороги этому делу. Ради этой преданности я должен мириться с этой беспощадностью. Это мне облегчается тем, что Ленин умел изменять свое дело сообразно с потребностями живых людей. Он, следовательно, любил людей не меньше своего дела; поэтому он был велик в своем творчестве.

Величие Ленина еще более уяснилось мне из сравнения с нынешней Германией. Что мы видим у нас? Только слепую ненависть к идее и делу, к идее как обновляющему принципу и к человеческому обществу как делу творческого разума. У нас все предоставлено бессмысленному случаю, и в результате мы имеем только разрушение, но неполное разрушение, а после этого по-знахарски, вслепую пытаются вернуть негодное и называют это «восстановлением».

И в Германии мы тоже имеем экспроприацию, массовый голод и вымирание целых классов. К этому присоединяется нравственное падение, люди не видят перед собой никакой путевой звезды в будущем, никакой возвышающей идеи. Как ни смотреть на то, что произошло в России, Ленин сделал свой народ счастливее, и поэтому он сам был счастливее, чем может быть какой-либо деятель в Германии.

Из всех слухов, которые доходили до нас из Советской России, самым потрясающим был тот, в котором мы однажды почувствовали его правдивость, — первое смутное сообщение о смерти Ленина.

Ленин умер. Каждый из нас чувствовал инстинктивно, что это безжалостный факт. Это не был слух. Это была весть — к о в с е м!

Я видел рабочего в потрепанной одежде, как он остановился, точно подавленный тяжелым ударом судьбы, когда ему передали эту весть. И я подумал: могла ли какая-нибудь другая весть, как эта, действовать таким тяжелым ударом на всей земле, на все человечество? Всюду, где бьется человеческая жизнь, я видел маленьких людей, таких несчастных и растерянных из-за того, что они не могут примкнуть к рядам своих, что они не идут в одной шеренге вперед, что они не могут утвердить в себе идеи пролетарского движения. Но эти люди, если у них рождался сын, называли его именем Ленина. Ленин — это они могли понять. Он был их величайшей надеждой.

Ленин умер!

Величайшие идеи развития всегда воплощали человеческие личности — более или менее удачно. Это привело к индивидуализму, к представлению, будто личности делают историю. Пролетариат не разделяет этой теории. Мы знаем, что отдельные личности в лучшем случае являются удачным выражением многих, что гений только тогда гений, если он воплощает силу всех нас. Ни одно движение не основано так полно и целиком на массе, как наше. Классовая борьба пролетариата не оставляет места для преклонения перед личностью. И несмотря на это или, может быть, именно поэтому, в наших рядах оказался величайший человек современности. Кто из вели-

ких мира сего может быть поставлен вровень с ним по величию духа? И даже малосознательный бродячий рабочий, стоило ему только взглянуть на портрет Ленина в газете, восклицал: «Да, это товарищ!» Так он полностью олицетворял величайшие идеи человеческого развития.

ТОМАС МАНН

Несомненно, Ленин — всемирно-историческая величина. Властитель дум в новом, демократическом, гигантском стиле. Заряженное сплыв соединении воли и аскезы. Великий папа идей, полный мпросокрушающего божественного гнева. Сказочный витязь героической саги, сказавший: «Да будет проклят тот, кто опускает свой меч, боясь крови».

АРТУР ГОЛЦЕР

В смертный час Владимира Ильича остановилось на один момент сердце человечества, прекратилось биение пульса мировой истории. Его жизнь пришла к концу, но теперь, как необъятное северное сияние, поднимается на горизонте легенда о его жизни.

В Ленине впервые воплощены были воля и сила пролетариата. Вряд ли возможно в настоящее время охватить контуры и величину его личности, но уже теперь ясно, что в его личности впервые личное было побеждено великим коллективом человечества. Не напрасно первые манифесты Ленина обращались «ко всем». Он был пробудившейся и громко зазвучавшей совестью человечества. Этот голос никогда не заглухнет.

МАРСЕЛЬ МАТИНЭ.

Культура — это не что иное, как стремление наибольшего числа людей наиболее высоких ступеней челове-

чества (humanité). Социальная революция — это не что иное, как средство творить и улучшать в области культуры. Революционеры — единственные исконные творцы новой культуры на обломках старого мира. И Ленин, который в большей степени, чем кто-нибудь другой, обладал дальновидностью и огромной волей, останется в истории человечества самым великим человеком, творившим для дела культуры. Из всех великих и потрясающих образов, в которых Ленин останется для будущего поколения, самым близким сердцу будет образ Ленина, играющего с маленькими детьми в дни своей болезни.

ТУРЭ НЕРМАН

Незабываемый пример личной неприязнательности, самопожертвования, храбрости, силы, ума, всемирно-исторической личности, человека и героя нового, социалистического типа являет собой Ленин в своей величайшей непоколебимой революционной готовности к борьбе, основанной на глубокой марксистской теории. Благодаря этому он стал борцом, выходящим за рамки обычных измерений. Его имя — борьба. Память о нем — борьба. Его завет — борьба.

МАКСИМИЛИАН ГАРДЕН

Он был незаменим: ибо он был не только знаменем и символом, но самим делом. Он не может умереть совсем: ибо над его образом, который, как образ Кромвеля, Бонапарта, Бисмарка, мог бы быть созданием великого поэта, — над образом Ленина будет продолжать неустанно работать народная фантазия. Он — часть древней русской земли (не без внутреннего и наружного отпечатка татарщины); за стальным сводом его лба ученого жила инстинкт, здравый рассудок и юмор крестьянина,

умеющего мыслить и выражать свою волю в простых образах. Влияние его неизмеримо распространилось на весь мир: он, а не армия и не полководец, убил царизм и захватил вместе с ним в пучину две другие большие империи; и все Мустафы-Кемали, Муссолини, Стамбулийские, Хорти, Прима-де-Риверы, а также Эберты и Макдональды могли явиться на сцену только потому, что был Ленин. Только мелочная тупость может спрашивать у этой могилы, разрешительно ли восхищаться без буржуазных оговорок коммунизмом.

С инстинктивной безошибочностью Ленин угадывал вытекающую из действительного положения дел необходимость перестановки вех. Без этого инстинкта он не стал бы Павлом социализма. Тот самый Ленин, который немилосердно высмеял призыв Струве: «пойти на выучку к капитализму», пропнес при совершенно другой обстановке, можно сказать — под другим небом, знаменитые слова: у каждого дюжинного приказчика мы можем и должны учиться. Он никогда не был более великим, чем в этой своей речи на XI съезде своей партии, в этой величественно-жестокой откровенности своего признания, приказавшего с высоты Свая необходимое стратегическое отступление.

Червь болезни уже подтачивал его тогда; но прежде чем закатилось его солнце, небо еще раз засияло под его лучами, и не было еще утра, не было еще полдня с таким ослепительным блеском и великолепием. Сотни миллионов, вплоть до темнейших глубин Азии, видели в нем, в Ильиче, в родном, в брате и друге, учителе и страже, огненный маяк своих надежд.

Перелистайте книгу времени: где и когда в истории было нечто подобное? Умер человек, равного которому нет, и у его могилы его гений непобедимым, протеевским дерзаньем зовет нас к долгу следующего дня.

Оппортунисты говорят: Ленин догматически применил опыт русской революции к совершенно различным условиям Европы. Их деды в свое время говорили: Маркс обобщил условия развития английского капитализма в законы развития всего человечества. В обоих случаях оппортунисты упустили из виду одну мелочь, а именно, что Маркс и Ленин были гениями во всемирно-историческом масштабе. Как Маркс из анализа английской фабрики развил истинные законы развития капитализма вообще, так Ленин не только открыл предпосылки и возможности русской революции (роль пролетариата, отношение к крестьянству и т. д.), но вместе с тем нашел в них также основные проблемы мировой революции. Ни Маркс, ни Ленин не «обобщали» то, что имеет лишь местное значение. Оба они в микрокосме одной страны, с ясновидением истинного героя, нашли макрокосм всеобщего развития.

АЛЬФРЕД КЕРР

Ленин в сотрудничестве со своими помощниками предпринял самый грандиозный социальный эксперимент, который был сделан за две тысячи лет.

В течение двух тысяч лет все подобные попытки кончались неудачей, но Ленин приступил к делу по-новому и основательно. Как человек действия, он всемирно-историческая величина.

Враги обвиняют его в жестокости. Это — заблуждение. Он был основательным и последовательным осуществителем грандиозной нравственной идеи.

Этот покойник будет каждый раз воскресать. В сотне форм. Пока из хаоса нашей земли не восстанет справедливость.

У МАВЗОЛЕЯ ЛЕНИНА

На эти исторические холмы, с которых к обоим берегам реки Москвы скользит город, спускается ночь. Несколько колоколов оглашают воздух спокойным звоном, в котором внимательный слух узнает звук колоколов церкви богородицы, рождества Христова или успения.

Вы уже не можете воспринять эту ночь, как прежде. Эта надвигающаяся на столицу пролетариата темнота заставляет думать о том смятении, которое овладело русской душой, столь готовой всегда к самопожертвованию.

Спокойно поднимается над рекой Кремль. Он точно игнорирует землю, и, кажется, сейчас покинет ее и плавно взлетит вверх.

Невольно думается о давних церемониях, когда он весь утопал в чудесной иллюминации. Над его силуэтом, который золотыми кругами отражался в Москве-реке, казалось, стояло настоящее зарево. В пасхальную ночь каждый приносил домой огонек из церкви.

Теперь место поклонения находится по другую сторону стены, на широкой Красной площади. В темноте неба между кружевом разрывающих его башен проглядывают оригинальные украшения колоколен, по цвету и рисунку напоминающие скарабей. Невидимый вентилятор при-

водит в движение полотнище красного флага над входом во дворец царей. Скрытый свет согревает его и спасает от власти ночи.

Между Спасскими и Никольскими воротами собираются пилигримы. Шаг за шагом подвигаются они к решетке, за которой поднимается памятник, похожий на геометрическую фигуру.

Мавзолей строг и прост. Он скромно заканчивается подобием ящика, похожим на маленький храм. Двое солдат, выбранных из армии атлетов, будто приросли к могиле, стоя с примкнутыми штыками. Входя, люди замолкают и нервно сжимают в руках свои шапки.

Мавзолей бесконечно поглощает человека за человеком и возвращает их ночи, выпуская через другую дверь. Кажется, что сквозь него протягивают длинную цепь. Вот мы прошли десять метров. Ставишь ногу на первую ступеньку — и чувствуешь, что готов спускаться хоть до самого центра земли. Нужно сделать всего несколько шагов, но они кажутся тысячами. Кажется, проходят сотни и сотни минут. Люди движутся бесшумно. Через идущего впереди и следующего за вами вы чувствуете себя связанными со всей Россией.

Внезапно воцаряется такое молчание, что пытаешься услышать шум света. Хотелось бы остановиться, но правила вставляют палки вперед, следовать за людьми, обходящими гроб, в котором покоится Ленин.

Короткое мгновение овладевает твоим сердцем. Ленин! Кажется, что он только что умер, что он еще и не умер. Не видишь его неподвижности. Вот он сейчас зашевелится, сломит прозрачную преграду, поднимется со своего шелкового ложа, разорвет драпировки. Разве не шевельнулась сейчас его рука? Хочется еще и еще смотреть на него, спрашивать его, разгадать это лицо, которое всегда повелевает и улыбается. Хочется увидеть, в чем таилась

его сила, узнать, что случилось с его гением. Он так близок к жизни, его так оспаривают у вечного конца, что можно поклясться, будто он переменял положение с того момента, как вы вошли в траурный покой. Все так невероятно в этой могиле, знаки говорят громче людей. Нет, он еще не ушел в другой мир. Солдаты, которые его охраняют, кажутся более мертвыми, чем он. А пилигримы так ничтожны рядом с ним, что он один вносит сюда жизнь. Когда исчезает слово, остается жест, черты лица продолжают быть выразительными.

Полученное впечатление так глубоко, что не замечаешь ступеней. Слегка чувствуешь свежесть воздуха. Толпа разбирает у стены свои пакеты, чемоданы, детей. Мальчишки предлагают брошюру о жизни Владимира Ильича Ульянова. Те, кто его слышал или знал, говорят о нем как о человеке упрямом и простом, своевольном и задорном, неприятном в споре, но с веселым и легким характером.

В начале войны он был арестован в Галиции по обвинению в шпионаже. Его заперли в одной деревне недалеко от Кракова вместе с непокорными крестьянами и уголовными преступниками. На другой же день он отправился под конвоем покупать для всех табак. Объяснял галицийские законы, которые он изучил. Во время прогулок он пел.

Еще задолго до войны за ним следила царская полиция, и он должен был чуть не каждый день менять квартиру. Всюду, где он бывал, он с участием расспрашивал простых людей, и никто не мог сравниться с ним в искусстве слушать. Говорят, он слушал всем своим лицом и не терял ни слова из того, что ему говорили. Он любил сапожника, который шил ему обувь, крестьянку, которая пришивала ему пуговицу, чернорабочего, встреченного у завода.

Он умер 21 января 1924 года, когда стоял мороз в 23° ниже нуля. Шесть дней были посвящены его памяти. Люди не ели в эти дни; они приходили к его гробу, приносили цветы, каждый прибавлял свою ленту в общее отчаяние. Женщины оставались целые дни у его гроба.

Смерть Ленина вошла в русские легенды. Народ ее не принял, он не допускает еще, что это случилось. В глазах тех, кто его любил, можно прочесть желание отомстить за него...

Слышно, как запирается решетка за рассеивающейся толпой. На фронтоне мавзолея розовато-пепельными буквами написано имя «Ленин». Кажется, эти буквы дышат, как пылающие угли:

1927 г.

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ

ДУХ И ЛИЦО

Почта доставила мне из Англии толстую, роскошно изданную книгу Рене Фюлоп-Мюллера «Geist und Gesicht des Bolschevismus» («Дух и лицо большевизма»). В книгу была вложена карточка, из которой я узнал, что книга послана мне самим автором. На карточке сообщался и его венский адрес; из этого я сделал вывод, что он хотел бы узнать мое мнение о своем произведении. Поэтому я посылаю ему то, что мы в молодости называли «нашим откровенно высказанным личным взглядом».

Г-н Фюлоп-Мюллер пробыл довольно долго в Советской России и собрал много данных, которые он здесь и излагает, причем дает много иллюстраций и проявляет не слишком большую предубежденность. Лицо большевизма он дает приемлемо. Но как только автор переходит к духу большевизма, им всецело овладевают классовые предрассудки, и он перестает что-либо понимать. Я никогда не был в Советской России, но мне удалось уберечься от классовых предрассудков, и я осмеливаюсь сообщить г-ну Фюлоп-Мюллеру кое-что о духе большевизма.

1. Большевизм не вступает в противоречие с западной цивилизацией и не означает ее разрушения, а является продуктом и этапом эволюции этой цивилизации.

2. То громадное значение, которое придается большевизмом массе, вовсе не означает отрицание и уничтожение индивидуальности, а наоборот, гораздо больше — стремление создать возможность стать полноценными личностями тем, кто раньше об этом не мог и мечтать. Г-н Фюлоп-Мюллер проявляет свою классовую предубежденность хотя бы в том, что для него начало развития индивидуальности у миллионов рабочих и крестьян не имеет никакого значения в сравнении с ограничением индивидуальности какого-нибудь миллиона так называемых аристократов и интеллигентов. Когда у власти в России стоял царизм, развитие индивидуальности у рабочих и крестьян было невозможно, и господа, писавшие длинные и роскошно издаваемые книги, как правило, вовсе об этом не думали. В Австрии, где г. Фюлоп-Мюллер писал свою книгу, и сейчас положение вещей не изменилось, как не изменилось оно в Англии, где появился ее английский перевод, в Америке, где я пишу об этом произведении. И во всех этих странах интеллигенция весьма мало этим обеспокоена.

3. Если массы хотят завоевать право на индивидуальность, то им нужно предварительно овладеть политической и экономической властью, — и здесь нужны солидарность и дисциплина. Это, однако, требует отказа на известный срок от индивидуальности, точно так же, как это приходится делать людям, идущим в ряды войск, чтобы бороться во имя определенного дела. Во время роковой схватки между властителями капиталистического мира тридцать миллионов людей были принуждены служить в войсках, идти на муки и смерть. Эта потеря индивидуальности ничуть не трогала господ, пишущих длинные и роскошно издаваемые книги, — независимо от того, где они жили: в России, Австрии, Англии или Америке.

4. Это правда, что большевизм борется со своими внутренними врагами. Г-н Фюлоп-Мюллер пишет очень много

об этом факте, который, видимо, задевает его больное место. Я хотел бы поставить ему один совсем простой вопрос: как он думает, — что случилось бы, если бы большевизм оставил в покое своих внутренних врагов? Что случилось бы с любым государством, которое вдруг установило бы свободу предательства и убийства? Не расскажет ли нам г-н Фюлоп-Мюллер в другой книге, что произошло в Венгрии, где большевизм действовал слишком мягко? Не расскажет ли он в своих трудах и о белом терроре в Финляндии, Польше, Румынии, Венгрии, да даже в Австрии, Англии и Бостоне? Не сообщит ли он точные и добросовестные данные об убитых в Финляндии — не только красными, но и белыми? Не подтвердит ли он правильность моего мнения, что белые за каждого своего убитого заставляли платить сотнями жизней — и притом во всей Европе. Меня бы очень порадовало, если бы господин Фюлоп-Мюллер издал такую же большую и роскошную книгу, как та, которую он мне прислал, но под названием «Дух и лицо фашизма». Теперь, после того как он просветил меня относительно ГПУ в России, я имею полное право узнать также кое-что о Маннергейме, Петлюре, Деникине, Колчаке, Юдениче и Хорти, а также об убийцах-капенкрейцлерах в Австрии, о новых фашистских организациях в Англии, об Американском легионе, об американской тюремной системе, доводящей людей до безумия, и о деле Сакко и Ванцетти. Если мой австрийский коллега напишет такую книгу, ему не нужно будет посылать мне бесплатный экземпляр; я готов заплатить за него полностью и могу указать ему еще людей, которые сделают то же. Однако я боюсь, что такой труд, несмотря на это предложение, не найдет себе такого патриота-издателя, как майор Пэтнам, который выпустил английское издание совершенно напрасно присланной мне книги.

1927 г.

ПИСАТЕЛИ О ДЕСЯТИЛЕТИИ ОКТЯБРЯ

ГЕНРИХ МАНН

«МЫ ПРИБЛИЖАЕМСЯ К НЕЙ»

Мы, немцы, — или по крайней мере сознательная часть нашего народа, — проявляем необычайный интерес к новой России. Мы приближаемся к ней, как когда-то наши предки приближались к французской революции: если они не последовали сразу ее примеру, то все же учились на ней. Мы можем даже сказать, что в современной Европе мы единственная страна, не одержимая тем суеверным страхом перед новой Россией, которым охвачен весь мир. Именно это дает возможность нашей стране находиться в добрых и дружеских отношениях с Советской Россией. Я желаю разветвля этих отношений, и это свое пожелание я включаю в число тех, которые будут высказаны по адресу Советской республики ко дню ее десятилетия.

ФЕЛИКС ГОЛЛЕНДЕР

ВЕЛИКАЯ РАДОСТЬ

Десять лет существования Советского союза — ни с чем не сравнимая эпоха в истории народов. Достижение такое великое, такое мощное, что оно не может не вызывать хотя бы минимум уважения даже у ожесточеннейших

противников Советского союза. Какие жертвы и какая работа лежат за этими годами!

Вспомните сегодня, как вся европейская буржуазная пресса пророчила в первое время гибель Советского союза, указывая даже точный день и час.

А идея жила вопреки всем пророчествам. Идея, которая не дала и не даст задержать свое развитие ни на севере, ни на юге, ни на востоке, ни на западе.

Это великая радость для миллионов несчастных людей.

АРТУР ГОЛИЧЕР

РОССИЯ ПОКАЗАЛА ПРИМЕР МИРУ

Ноябрь 1917 года дал людям возможность создать казавшееся утопическим государство освобожденного труда. Человечество осталось таким же заблудившимся и разбитым, каким оно было до того; оно не оценило этого примера и не воспользовалось этой последней возможностью, предоставившейся ему.

На пороге беспримерных катастроф мы видим несомненные признаки гибели нашей цивилизации. И теперь, если мы окинем взглядом, какие новые решающие открытия и ценности дала Советская Россия за десять лет своего существования в области социальной, научной и культурной, несмотря на блокаду, изолированность, борьбу против непонимания и подлости, — мы поймем, как много потеряло человечество, упустив нужный момент. Если сейчас невозможно и приблизительно определить, когда это будет, когда выкарабкаемся из-под развалин нашего разрушенного мира, единственное, что будет существенным для строительства будущего, основанного на разуме и уважении человеческого достоинства, — это те культурные ценности и открытия, которыми мы обязаны десятилетнему существованию Советского союза.

Если я, путешествуя по многим странам мира, до сих пор не был именно в России, то, может быть, так случилось только потому, что моя тоска по ней была так глубока. Так любящий страшится близости того, чего он больше всего жаждет.

С того момента, когда мы увидели первые зарисовки великой русской революции, когда услышали первое обращение по радио, посланное нам, меня не оставляло чувство, что совершается событие, какое бывает раз в тысячелетие.

И ход событий в течение этих десяти лет доказал, что я был прав. Этот новый ветер, который долетал до нас, с каждым днем становится сильнее. Ибо во тьме послевоенных лет все новое, все сильное и проникнутое надеждами на будущее в области театра, литературы, изобразительных искусств, да и во всех областях человеческой жизни — приходило к нам оттуда; и я не знаю, во что нам верить, если не в это благовещение нового духовного рождения.

Эта страна спустя десять лет страданий, кровопролития и невиданной смелости в борьбе против целого мира врагов держит так же высоко свою героическую голову.

Ныне Россия стала «светом с Востока» для многих миллионов людей, населяющих землю. Если они даже живут в других частях земного шара, если даже, может быть, они не вполне разделяют ее идеологию, все же они с надеждой и ожиданием обращают к ней свои взоры.

Я не знаю еще этой страны, но я чувствую новый ветер. Навстречу ему раскрывается мое сердце, как земля под оплодотворяющим весенним ветром, которому, хотя он и идет из далекой, невидимой страны света, она обязана счастьем своего цветения.

РОССИЯ ЗА РАБОТОЙ

Я цитирую Анри Бéro¹:

«То, что нам показывали... и чего я не хотел видеть...: Фабрика, известная фабрика советских конфет, где рабочие при помощи хитрой уловки переходят из первого этажа в третий, пока посетители осматривают второй...»

Вы напрасно, Бéro, не проверив лично, повторяете самую низкую и глупую клевету на русскую промышленность. Вы не должны были, вы не имели права, как репортер, систематически принимать на веру то, в чем вы легко могли убедиться сами. В самом деле, если бы эта выдумка соответствовала действительности, неужели вы могли бы быть так наивны, что не заметили бы этого? Я, наоборот, полагаю, что ваша проникательность, которую вы так охотно демонстрируете, могла бы прийти вам на помощь.

¹ Анри Бéro — французский журналист и беллетрист; в области журналистики специализировался на политическом репортаже, в области беллетристики — на историко-биографическом романе. В 1925 году выпустил книгу о СССР: «Что я видел в Москве», полную не только мещанских благоглупостей, но и преднамеренной злостной клеветы на стройку пролетарской диктатуры. (Прим. сост.)

Если бы вы могли сказать вместо «говорят» — «я видел», кое-кто еще мог бы вам поверить. Но вы никогда не говорите: «Я видел». Вы голословно утверждаете: «Это так». Почему? Очень просто — потому, что клевета — ваша специальность, потому что вы — раболепствующий служитель продажной прессы, думающий только о своем гонораре и своих выгодах.

Не протестуйте, Беро. Иначе я могу наговорить вам много неприятных слов. Я возвращаюсь из Москвы, и представьте себе, что мне повезло, и я встретил там кое-кого, кто хорошо знал вас, — вашего гида, вашего переводчика. Очень приятный человек, хорошо воспитанный, образованный, говорящий по-французски — я не скажу в совершенстве, но очень прилично, — который рассказал мне правду о том, что я называю вашей «специальностью», Беро. О вашем разочаровании, вашем бешенстве, доходившем до грубости и брани, когда вы узнали, что вам не удастся увезти с собой из России то золото, которое вы хотели получить. Московское золото, Беро? Да, вы, отправившийся за ним, — его не получили. Тогда вы излили свою желчь. Вы всегда делаете гадости отдельным лицам или какой-нибудь стране. Все объясняется очень просто: Россия не захотела уплатить вам авторские, которых она не должна была платить, тогда... вы «обложили» ее.

Ну, Беро, разоблаченный полемист, ожиревший раб своего желудка, не говорили бы вы по крайней мере о том, чего вы будто бы не хотели видеть. Позвольте мне теперь показать вам все то, что вы не удостоили своим вниманием:

* * *

Я хочу рассказать просто о том, что я видел. О России за работой, о том, какой она была к 1927 году, через десять лет после революции, из которых пять были годами борьбы и нужды.

Фабрики, господин Боро? Я ими интересовался, я побывал на них. Я не удовольствовался набившими оскоми-ну сплетнями, я лично побывал на месте. Совершенно очевидно, что я абсолютно не компетентен в вопросах оборудования и механизмов. Можете быть уверены, об этом я не скажу ни слова. Я охотно предоставляю это вам, который знает все и разбирается во всем. Но для того, чтобы, проверив, судить о том, что не связано с этими техническими вопросами, а именно о повседневной жизни рабочего, не нужно особой компетенции: надо просто быть человеком. Под «человеком» я подразумеваю того, кто хочет видеть, кто хочет слышать, который искренен и пытается быть логичным. Когда я говорю «человек», я имею в виду не Боро.

Я говорил со многими рабочими на фабриках, на улице, у них дома — всегда совершенно свободно и столько времени, сколько мне было угодно. И первым вопросом, который я им задавал, был вопрос, волнующий нас всех, приезжающих с Запада в Россию и начиненных той клеветой, которая там распространяется изо дня в день, — вопрос, интересующий нас больше всех других, — вопрос о заработной плате.

Нам постоянно повторяют: «Русский рабочий — самый несчастный в мире. Его труд оплачивается хуже, чем где бы то ни было. Он хуже всех пытается. Революция, которую он сделал, ничего ему не дала. Он лишь жалкая, достойная сожаления игрушка в руках тиранов, которые бессовестно и безжалостно его эксплуатируют».

Нет, это ложь. Нельзя сказать, что русский рабочий — самый счастливый в мире; это тоже было бы преувеличением, может быть. Я недостаточно знаком с положением различных категорий рабочих во всем мире. Но мне хорошо известно положение французского пролетария. И

сравнение его положения с положением русского рабочего далеко не в нашу пользу.

Мне очень часто задают очень тенденциозный и хитрый вопрос: «Но какая разница с общечеловеческой точки зрения между мастером, квалифицированным рабочим и простым чернорабочим?»

Совершенно очевидно, что этот вопрос ставится в такой форме исключительно для того, чтобы подсказать ответ: «С общечеловеческой точки зрения — никакой разницы» и немедленно же возразить: «Почему же тогда в России существует неравенство, существует разница в оплате?»

Это верно: в советской промышленности заработная плата не одинакова для всех — квалифицированный рабочий зарабатывает больше, чем чернорабочий. И нужно сразу подчеркнуть, что если здесь чернорабочий остается чернорабочим, то исключительно по своей собственной вине: каждый человек, кем бы он ни был, каково бы ни было его положение, может, если он хочет работать, если он достаточно энергичен и обладает необходимой силой воли, стать квалифицированным рабочим, рабочим-специалистом. Его судьба в его собственных руках, и только от него самого зависит возможность улучшить свое положение — ведь при каждом заводе имеются бесплатные курсы по повышению квалификации. Сколько бы ему ни было лет, ему достаточно подать заявление, и его примут, дадут ему возможность работать и учиться. А как только человек пройдет учебу, его, рабочего, теперь уже с определенной специальностью, ждет новое место и соответствующее увеличение заработной платы.

Но вы спросите: почему в этих условиях еще существуют чернорабочие? По очень простой причине: не каждый обладает нужной силой воли и достаточной энергией. Нужно учесть и индивидуальные особенности людей: есть слабые, есть безразличные, — тем хуже для них.

Но дело не только в этом. Я разговаривал со многими чернорабочими. Большинство из них — крестьяне, пришедшие на завод, чтобы поработать несколько месяцев. Нужно проехать по северным степям, замерзающим зимою, провести ряд дней и ночей в вагоне — в пути среди этого белого пейзажа, на фоне которого лишь изредка вырисовывается то одинокая изба, то маленькая деревушка, затерянная в снегах, чтобы действительно понять, что крестьянам, живущим в этих краях, решительно нечего делать зимой. В течение нескольких месяцев, когда земля свободна от своего ледяного покрова, они обрабатывают ее, собирают урожай для себя и своей семьи, а потом они обречены на праздность. Этим объясняется, что в деревнях, расположенных далеко от центра, среди крестьян развиты кустарные промыслы. Этим объясняется и то, что крестьянин, если он имеет возможность, покидает свою избу, свою жену и детей, существование которых обеспечено урожаем, и отправляется в город, чтобы сэкономить ту часть продуктов, которая ушла бы на его пропитание. В городе он нанимается на завод. Он чернорабочий, ничем иным он не может быть. Приобретение какой-нибудь специальности его не интересует: его мысли поглощены землей. У него есть работа, он получает жалованье, он живет, остальное его не интересует. Обеспечена ли ему приличная жизнь? Не стоит ли он перед угрозой умереть с голоду, получая жалованье, которое и я нахожу иногда недостаточным? Безусловно, он обеспечен. Ни в коем случае нельзя забывать, что квартирная плата и все дополнительные расходы — освещение, отопление и т. д. — оплачиваются всегда пропорционально заработной плате. Та же самая комната в том же квартале может стоить и пять рублей, и пятьдесят копеек в месяц. «Скажи нам, сколько ты зарабатываешь, и мы скажем тебе, сколько ты будешь платить» — таков принцип.

Наряду с этим ряд других привилегий, о которых я дальше скажу, позволяющих создать для каждого по меньшей мере терпимые и значительно лучшие, чем при царизме, условия существования.

Совершенно верно: неравенство заработной платы еще существует, имеются некоторые категории, зарплата которых недостаточна. Об этом можно говорить. Но если говорящий проникнут единственным желанием неизменно находить плохим все, что происходит в России, это превращается в его устах в обвинение. Однако, если к вопросу подойти с доверием, это останется только констатацией факта. Стоит вспомнить слова тех людей, в руках которых находится судьба этой страны. Они искренно осуждают это положение, но одновременно и обосновывают его. «Неравенство заработной платы? — говорили мне, — недостаточная заработная плата? Да, к сожалению. Но не забывайте, что всего пять лет назад мы взяли за восстановление нашей разоренной, разгромленной страны; промышленность не работала, народное хозяйство было сведено к нулю, масса проблем требовала немедленного разрешения. За пять лет мы не могли сделать все, нам нужно осуществить еще очень многое. Мы работаем в этом направлении, мы напрягаем все усилия, и чтобы быть вполне откровенными с вами, — повторяли мне много раз, — мы скажем вам, что наряду с вопросом зарплаты есть и другой, который волнует нас не меньше: это вопрос безработицы. У нас еще существует безработица».

В какой еще стране будут с вами так говорить, где еще вам скажут прямо о таких крупных затруднениях, где еще так свободно вскрыют перед вами мельчайшие недостатки? В какой еще стране правительство сознается в своих затруднениях? А главное — какое еще правительство изучает пути их преодоления, стремится их устранить?

Именно в России, в Советской России, Красной России, я видел людей, работающих изо всех сил над смягчением этого неравенства в зарплате и уничтожением безработицы. Я видел Госплан, где целая армия специалистов занимается предварительным регулированием производства, основываясь на требованиях внутреннего и мирового рынка, планирует организацию производства на пятнадцать лет, на десять, на пять и на следующий год. Только в России существует такое планирование хозяйства; во всех других странах мира царит капиталистическая анархия, царят железный закон спроса и предложения, конкуренция и спекуляция. В СССР все организовано. И именно наличие в СССР этой организованности, этого предвидения и этой воли заставляет меня верить этим математикам, утверждающим, что безработица с каждым годом сокращается и что в очень скором времени эта проблема будет окончательно разрешена. Пусть мне назовут еще какой-нибудь уголок земного шара, где принимаются подобные меры.

* * *

Я уже говорил, что при фабриках и заводах существует ряд учреждений, делающих жизнь рабочих совершенно другой, нежели в наших странах. Два руководящих принципа и фактора этой новой жизни — предвидение и организация. Что такое заработная плата, если не стоимость лишь части проделанной рабочим работы, раз остальная ее часть не оплачивается, образуя прибыль, достаемую предпринимателю, является ли он частным или юридическим лицом? Так обстоит дело у нас. И в России вся проделанная работа не оплачивается немедленно и в полной мере. Зарплата также составляет лишь часть стоимости затраченного труда: рабочий не получает его полного эквивалента. Остальное составляет прибыль, но — обратите внимание! — прибыль, которая не идет в карман отдельного

человека или акционерного общества, а путем ряда мероприятий возвращается всему рабочему классу, если и не в виде денег. Во-первых — социальное страхование; оно охватывает всех без исключения работающих по найму; застрахованный не должен делать никаких взносов, пособие не является подачкой, как у нас, в капиталистических государствах; оно выплачивается застрахованному во всех случаях временной потери трудоспособности, независимо от ее причин. Пособие выплачивается с момента потери трудоспособности до ее восстановления или до признания данного лица инвалидом. В последнем случае на тех же условиях выплачивается пенсия. Жизнь застрахованного организована так, что ему не нужно бояться ни несчастного случая, ни болезни, ни старости. Разве не приходится нам нередко видеть у нас, как умирают с голоду и дрожат от холода старые рабочие, которые отдали фабрике всю свою жизнь и которые, будучи перегружены большой семьей, не могли сделать сбережения? Сколько потрясающих сцен ужаснейшей нищеты и нужды нам приходится наблюдать у нас изо дня в день! Такое положение невозможно в России. Там принят ряд профилактических мер: если с человеком не произойдет какой-нибудь несчастный случай на производстве, если он не состарился до того, чтобы получить пенсию, если он просто устал или болен, то и тут ему на помощь приходит социальное страхование — и помощь оказывается ему не из милости, а по закону.

При каждой фабрике всегда есть врач, который осматривает рабочих и служащих не реже, чем два раза в год. Вообще он всегда к услугам рабочих, если им нужна медицинская помощь. Если нужно лечь в больницу, то и там больному обеспечен внимательнейший и культурный уход, и он находится в строго гигиенических условиях.

А если рабочий чувствует себя только усталым? Больницы ему не нужно, на этот случай имеется другое мероприятие, совершенно незнакомое у нас: ночной профилакторий. У нас неизвестно даже это название, потому что мы не понимаем его содержания. А между тем с ним стоит познакомиться.

Человек, которого врач направил в ночной профилакторий, явившись туда, прежде всего получает удобную одежду, принимает ванну или душ; если нужно — ему назначается лечение: там имеется рентгеновский кабинет и всевозможные физико-терапевтические процедуры. Больной получает там питательный стол, согласно режиму, прописанному ему врачом. В библиотеке он может прочесть книгу или газету. В профилактории имеется радио, клуб, где ставятся спектакли и демонстрируются кинокартины. Больного заставляют рано ложиться спать и следят за тем, как он спит, принимая все меры к тому, чтобы его сон был спокойным и укрепляющим. Утром он снова надевает свой рабочий костюм и идет работать на фабрику, но вечером возвращается в профилакторий, и так до тех пор, пока его усталость не исчезнет. Все это не стоит ему ни копейки: он продолжает работать, получая свою заработную плату. В России стараются не ослаблять человеческий материал, а, наоборот, делают все для его сохранения, его берегут, обновляют, укрепляют.

Но, может быть, усталость слишком велика, нужен еще дополнительный отдых? Тогда скорее на юг. Ведь в России тоже есть свой юг, свой лазурный берег, совсем как у нас: Крым, Кавказ. Наш лазурный берег славится своими роскошными виллами, великолепными дворцами; там ящут праздные люди, которые приезжают отдохнуть, утомленные карточной игрой, клубом и бульварами. Так было до революции и в России: были и здесь снобы, люди,

Утомленные ночными кутежами, уезжающие отдыхать в южные дворцы.

Дворцы продолжают стоять, в них как будто ничего не изменилось, — если не учесть маленькой разницы: теперь они принадлежат коллективу. В них, вместо нескольких бесполезных тунеядцев, отдыхают и восстанавливают здоровье массы рабочих. Сюда, в санатории и дома отдыха, посылают и детей, чтобы они росли здесь на свежем воздухе, под благодатными лучами солнца.

И это все тоже бесплатно, потому что это делается на прибыль, которая целесообразнейшим образом возвращается массам.

* * *

Я уже говорил, что трудящиеся, кроме того, что их квартирная плата исчисляется пропорционально заработной плате, пользуются и другими преимуществами, которые компенсируют им низкую заработную плату, возвращая им то, из чего складывается прибыль при капиталистическом режиме. Я хочу сказать, что и вся стоимость жизни пропорциональна зарплате. Когда в Россию приезжает иностранец, он находит, что здесь все очень дорого. Если он удовольствуется обедом в обыкновенной столовой, то и этот обед обойдется ему в 1 р. 50 к.—2 р. 50 к., то есть в 25—35 франков.

Как же питается рабочий, зарабатывающий 70—80 рублей в месяц? Для того, чтобы понять это, надо уметь видеть — и не только видеть: надо проникнуть в столовую, которая имеется при каждой фабрике, и пообедать там. Я получил там питательную пищу в достаточном количестве за 25 копеек, и я понял, что если заработная плата и невелика в своем цифровом выражении, этому не следует придавать значения: цифра лишена смысла, когда не знаешь — или не хочешь знать — действительные материальные условия существования.

Не правда ли, Боро, вы не удостоили эти столовые своим посещением?

Не поразила ли вас высокая цена на одежду? Несомненно, да — и опять потому, что вы забыли констатировать, что кооперативные магазины готового платья продают те же предметы по более дешевым ценам — главное — с рассрочкой на продолжительный срок. Не «забыли» ли вы также спросить у самих рабочих, как они разрешают вопрос одежды? Несомненно. Иначе вы, может быть, запомнили бы их ответ: «Завод дает мне рабочий костюм. Я покупаю только ту одежду, которую ношу в свободное время и во время отпуска».

Если бы вы захотели видеть, Боро, вы не стали бы распространять нелепости, вызывающие только усмешку у тех, кто возвращается из Москвы.

* * *

Что делает рабочий и крестьянин по окончании своего рабочего дня? Что делает служащий, чиновник в свои свободные часы? Идет в кафе? Их почти нет. Идет в театр? Да, — потому что примерно половина билетов на каждое представление раздается бесплатно на фабриках, в учреждениях. Но в распоряжении отдыхающего не только обычные театры. При каждой фабрике имеются клубы, библиотеки, читальни, кино, театры, имеются специальные школы на каждом заводе, в каждом учреждении, при каждом союзе. Интеллектуальная жизнь у русского народа, сильно развитая и углубленная, организована по профессиональному признаку и позволяет, благодаря инициативе коллективной и личной, плодотворно пользоваться ею.

Нет ни одного предприятия или учреждения, которое не имело бы своего клуба, заботливо содержимого, с любовью украшаемого, — где все встречаются и совместно

организуют коллективные развлечения, здоровые, радостные, содержательные и материально им ничего не стоящие.

Не является ли и это дополнением к заработной плате?

Осуществляется это все за счет все той же предпринимательской прибыли.

* * *

У меня создалось очень отчетливое впечатление, что в СССР есть то, чего нет у нас; что там повеяло новым духом; что строй жизни там установившийся и прочный, потому что он соответствует желаниям масс; что организация всей жизни там — действительно демократическая.

Я вынес оттуда твердое убеждение, что те, кто утверждают, будто русский рабочий — несчастнейший в мире, будто фабрики находятся в руках немногочисленной олигархической группы невежд и гордецов, — клеветники, которые ничего не видели или не хотели видеть. Я вынес абсолютную уверенность в том, что в СССР — впервые в мире — фабрики находятся в руках пролетариата: средства производства принадлежат производителю.

1927 г.

ЧТО Я УВИДЕЛ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ?

Я пробыл в России всего одиннадцать недель. За это время я успел осмотреть Москву и Ленинград, побывать в разных частях России — в таких городах, как Пермь, Новосибирск, Нижний-Новгород, Киев, Харьков, Сталинград, Ростов, Тифлис, Баку, Батум и на всем черноморском побережье от Батума до Одессы.

Все свои выводы я делал спокойно и обдуманно. Но, справедливости ради, — как по отношению к советскому правительству, так и по отношению к самому себе, — я должен сказать, что такое кратковременное пребывание совершенно недостаточно, чтобы дать компетентный анализ того грандиознейшего в мировой истории эксперимента, который проводится в настоящее время в России. Все, что я могу предложить моим читателям, — это правдивые заметки о том, что я сам видел и наблюдал.

Я не вполне согласен ни с теорией, ни с практикой советской формы правления, но должен сознаться, что она обладает поразительными качествами. И я считаю, что советский строй удержится в России на долгое время. Больше того — он распространится и бесспорно окажет значительное влияние на все другие государства. Мне думается, что и моей родине со временем предстоит «советизироваться», — быть может, еще на моем веку.

Я считаю, что русский народ в основном доволен советской системой управления и находит, что она с каждым днем все совершенствуется. Правда, я сомневаюсь, действительно ли понимает все население настоящую программу коммунистической партии и ее огромное значение для страны. Как бы то ни было, величайший индустриальный процесс, который сейчас происходит в России, несет с собой выгоды для всех и уже потому не может не произвести большого впечатления на рядового русского гражданина, не привыкшего (в царское время), чтобы правительство заботилось о его благосостоянии. Поэтому рядовой русский скорее за эту программу, чем против нее.

Я пришел к выводу, что Россия, по всей вероятности, превратится в одну из самых мощных экономических сил, какие когда-либо существовали в мировой истории.

Вот некоторые из самых важных, с моей точки зрения, положительных черт советского строя.

Первая. Руководители советского государства, как практики, так и теоретики, отлично понимают, что труд в той или иной его форме, умственный или физический — наилучшее занятие для всех людей, тогда как наихудшее — безделье как вынужденное, так и добровольное. Осознав это, руководители советского государства взяли на себя распределение работы среди населения и искоренение безделья. Это я одобряю.

Вторая. Они понимают, что количество труда, которое каждый должен производить, не должно превышать той нормы, которая необходима, чтобы все могли пользоваться преимуществами и удобствами, предоставляемыми населению государством, высоко развитым в экономическом, художественном, интеллектуальном и социальном отношениях. Остальным своим временем индивидуум может располагать, как он хочет.

Третья. На меня произвело глубочайшее впечатление — и я до сих пор нахожусь под этим впечатлением, — то, что я наконец увидел правительство, которое сознает, каковы великие творческие возможности человеческого разума. Оно полно энтузиазма перед этим разумом и ждет, когда он, сбросив с себя гнет догматов и освободившись от рабства, поведет человечество от невежества и горя к знанию и счастью. Советское правительство настолько воодушевлено этой идеей, что его работа, направленная к освобождению и воспитанию человеческого разума, проникнута пафосом.

Здесь я, кстати, должен заметить, что система воспитания детей, проводимая в России, является одной из наилучших, какую мне когда-либо приходилось наблюдать. Система эта действительно замечательная, и у меня невольно возникает мысль, не приведет ли она с течением времени к созданию нового человека и, как следствие, к созданию самого идеального государства, какое когда-либо существовало. Я, во всяком случае, надеюсь, что так будет.

В условиях Советской России невозможно никакое индивидуальное накопление богатства. На мой взгляд, это одно из наиболее ценных достижений советской власти. Правительство руководствуется тем положением, что индивидуальное обогащение одних может повести к бедности и нужде других, — а этого оно не хочет и не может допустить. Чтобы предупредить такое нежелательное явление, правительство образует своего рода сверхгосударственный или общегосударственный трест. Этому общегосударственному тресту принадлежит все, и он все контролирует. Организация его общезвестна, и я не буду останавливаться на ней. Существование же его оправдывается все возрастающим благосостоянием населения. Всем, кто не верит, что благосостояние населения растет, советую поехать в Россию, самим посмотреть и лично убедиться в этом.

Еще одна черта заслуживает всемерного одобрения. Советская власть в своем стремлении достичь того идеального положения вещей, когда для всех будет работа, пытается воспитать в каждом индивидууме сознание, что он должен взять на свою долю лишь столько общественных благ, сколько надо для удовлетворения его личных потребностей и стремлений, — но не больше, так как в противном случае это поведет к урезыванию или вынужденному сокращению удовлетворения потребностей и стремлений другого человека.

В индивидууме стремятся воспитать также сознание, что если он хочет удовлетворить свои личные потребности и стремления, то он должен затрачивать такое же количество труда — физического или умственного, как и все другие члены общества. Иначе государство, то есть организация, частицей которого является индивидуум, не сможет успешно работать и выполнять свои коллективные функции, отвечающие потребностям всех индивидуумов как членов великого социального целого.

Руководители советского государства совместно с рабочими и работницами России пришли к необходимой — с их точки зрения — программе социального устройства, и каждый, — хочет он или нет, — должен приноровиться к этой новой программе. Ее можно формулировать в одной фразе: кто не работает, тот не ест. Разумеется, это не значит, что все должны работать у машин, — каждый работает, как он умеет и как может. И еще одна, по-моему очень трогательная черта: здесь стремятся превратить труд из мучительного, нелюбимого и плохо оплачиваемого занятия в радость и удовольствие.

С этой целью для всех (за исключением детей до шестнадцатилетнего возраста) установлен рабочий день соответственно тому минимуму, который в настоящее время необходим для удовлетворения экономических и общест-

венных нужд страны. А под «экономическими и общественными нуждами» подразумевается снабжение всего населения пищей, одеждой, жилищем, развлечениями, врачебной помощью на случай болезни или увечья и отпуском с сохранением содержания. В настоящее время все должны работать по восьми часов в день, и работать очень интенсивно. На это есть — так говорят вожди — ряд причин: низкий уровень технической подготовки, экономическое истощение страны, явившееся результатом мировой и гражданской войн, а также то, что к моменту прихода коммунистов к власти страна не располагала никакими запасными капиталами; кроме того, в настоящее время государство нуждается в деньгах, чтобы покупать машины, содержать технических специалистов и развивать внутренние ресурсы страны.

Но, — как говорят те же вожди, выступающие от имени масс, — едва только будет хотя бы частично достигнуто техническое и экономическое развитие страны, населению не придется работать так много и так тяжело. Если через некоторое время найдут, что государство может удовлетворить потребности всех своих граждан при семичасовом рабочем дне, все и перейдут на семь часов работы. Действительно, согласно декрету Центрального исполнительного комитета Союза, изданному в октябре 1927 года, для всех работающих на производстве должен быть введен семичасовой рабочей день. Это постановление проводится в жизнь уже в нынешнем году. Если же через некоторое время все те превосходные вещи, которые населению хотелось бы иметь — одежда, жилище, книги, развлечения, образование — можно будет получить, оплатив их шестью часами работы всех трудящихся, все и будут работать по шести часов в день. Впоследствии, когда достаточно будет пяти или четырех часов, или даже трех часов работы, — такой же продолжительности

будет и рабочий день на заводах, в учреждениях, в крестьянском хозяйстве.

Но это еще не все. Если труд в той или иной его форме является общим уделом всего населения, надо стремиться, чтобы условия, в которых работает каждый трудящийся, были наиболее удобными и приятными. Уже строятся, а в дальнейшем будут строиться в еще большем количестве, наиболее практичные и одновременно наиболее приятные типы фабрик, контор и жилищ. Все помещения, где трудящиеся проводят свою жизнь, будут настолько привлекательными или по крайней мере комфортабельными, насколько в человеческих силах сделать их такими.

Достигнуто значительное — по мнению некоторых лиц, чуть ли не фантастическое — улучшение условий жизни и труда в России. Такое улучшение проводится повсюду, нередко при наличии самых обескураживающих препятствий, например: сурового климата, невежества масс и т. д. Куда ни взглянешь, — будь то Кузнецкий бассейн в далекой Сибири, с его угольными копями, сталелитейными заводами и силовыми станциями; будь то Донецкий бассейн на юге Европейской России, богатый угольными, соляными, железными, марганцевыми и свинцовыми залежами; будь то Одесса, Ленинград, Киев, Нижний-Новгород или Ташкент, — повсюду видишь, как проводится в жизнь одна и та же идея, видишь, как она проявляется в самой структуре и технике всего, что там делается.

Например, на рудниках в Сибири и в Донецком бассейне (боже, как суровы и ветрены эти места!) вы найдете все условия, наиболее гарантирующие безопасность и удобство работы: безопасные лампы для шахтеров, систему усиленной вентиляции под землей, электрическое освещение, электрические буры, противогазы и т. п. Шахтер одет в специальную одежду, выдаваемую ему государством. Когда же, отработав свои шесть часов, он подни-

мается на поверхность земли, его ждет не только комната, где он может отдохнуть, но и баня. Бурильщик работает только шесть часов, так как его работа считается особенно вредной. Остальные же шахтеры работают восемь часов, так как их труд считается менее опасным. Шахтер на более опасной работе получает 250 рублей в месяц (на 25 рублей больше, чем Сталин и Луначарский), тогда как другие, на более легкой работе, — от 100 до 150 рублей. Кроме того, все, работающие в шахтах, застрахованы на довольно значительные суммы против несчастных случаев. Надо добавить, что все шахтеры и почти все индустриальные рабочие рудников живут в недавно построенных коттеджах в три или четыре комнаты с ванной, верандой и маленьким садиком. А для отдыха и для развлечения имеется действительно превосходный клуб. В нем вы найдете читальню, библиотеку, столовую, театральный зал, спортивный зал, бассейн для плавания, бильярдную, кегельбан и пр. Отметим, что клуб предназначен не только для мужчин, но и для женщин. Тут же, на рудниках или недалеко от завода, фабрики или конторы, всегда имеется больница, санаторий, библиотека, детский сад и ясли, — словом, всевозможные культурные учреждения для рабочих, работниц и их детей. А летом все рабочие и служащие имеют отпуск с сохранением содержания и проводят месяц или две недели на каком-нибудь курорте на берегу Черного моря, или на Волге, или где им вздумается.

Все это я сам видел, во всем этом я сам убедился и в целом, независимо от других сторон коммунистической теории, — не могу не одобрить. Эти мероприятия проводятся в отношении всех трудящихся во всевозможных отраслях производства: на железнодорожном и водном транспорте, для грузчиков в Ташкенте и Баку, для рабочих нефтяных промыслов в том же Баку, для рабочих консервных фабрик

и рыбных промыслов на берегах Каспийского, Черного и Белого морей, для пильщиков дров, возчиков, конторских служащих и т. д.

Не менее искренно я восхищаюсь системой образования, принятой в Советской России. Социальный подход к знанию так интересен, так прост и ясен и так умен, что более умного, мне кажется, я никогда не видел. Больше того, — я желаю, чтобы систему образования, принятую у нас в Америке, заменили этой новой, такой необычайно ясной, обеспечивающей усвоение знаний и умение мыслить. Даже при самом поверхностном наблюдении над результатами, которых достигли наши американские школы, насколько о них можно судить по уровню умственного развития сотен тысяч юношей и девушек, ежегодно оканчивающих их, приходится признать, что наша молодежь меньше всего приобретает от школы «умения мыслить». Увлекаясь расширением программы и усовершенствованием курсов различных наук в наших учебных заведениях, мы потеряли из виду неопределимо полезное свойство человеческого ума — умение и необходимость сосредоточиваться и самостоятельно мыслить...

И вот в России проводится система образования, которая приучает ребенка к самостоятельному мышлению: Уже одно это, не говоря о других превосходнейших ее сторонах, настолько ценно, что она вызывает во мне искренний энтузиазм, и я надеюсь дожить до того дня, когда эта система будет введена в наших школах.

Посредством раскрашенных карточек или кубиков, а также путем устной речи ребенка учат азбуке и счету до десяти или до ста. Затем в классах или в группах детей одного возраста ему дают какой-нибудь предмет — книгу, игрушку, кусок дерева, веревку, — что угодно. Скажем, шляпу. Хорошо. Его спрашивают, что за вещь у него в руках? Шляпа. Что такое шляпа? Какая она? Какого цвета?

Что такое цвет? Отчего у нее такой цвет? Имеет ли шляпа форму? Как она получает эту форму? Несколько шляп кладут в ряд. Сколько лежит шляп? И так далее относительно размера, веса и материала.

Как видите, ребенок сразу вводится в самую гущу жизни. Он тотчас же наталкивается на тысячи проблем — на проблему языка, грамматики, арифметики, физики, химии, социологии, биологии. И совершенно естественно и просто, в зависимости от природных способностей, ребенок узнает одновременно обо всем так быстро, как только он может. Если же у него возникает особый интерес к какому-либо одному явлению, то он в дальнейшем имеет полную возможность удовлетворить этот интерес и расширить свои знания. В советских школах не существует ни спрашивания заданных уроков, ни узко ограниченных уроков по специальным предметам, хотя постепенно проходятся все принятые в школах специальные темы. В школах существует самоуправление учащихся. Судя по тем данным, какие я собрал, и по детям, которых видел, могу сказать, что такая система образования дает весьма положительные результаты, и я не могу не восхищаться правительством, сумевшим так умно подойти к проблеме образования. Конечно, всякая догма, кроме коммунистической, отсутствует. Но я считаю, что за коммунистическую теорию говорит уже то, что она стремится дать каждому человеческому существу одинаковые преимущества с самого начала его жизненного пути и впоследствии помогает ему, как только может, в его борьбе за существование.

Я также всецело приветствую экономическую, правовую и политическую эмансипацию женщин в России. О безнравственности русских женщин рассказывают очень много, но, поскольку я сам видел и наблюдал их, они ничуть не более безнравственны, чем женщины какой-либо другой страны.

Однако, разница между русскими женщинами и женщинами всех остальных стран все же есть. Эта разница, не расовая и не национальная, — такая несоизмеримая, как будто речь идет о жителях разных планет. В России, как известно, брак не является тем, чем он был прежде: это не узы, связывающие по рукам и ногам. Получить развод чрезвычайно легко: для этого достаточно заявить о своем желании развестись. При таком порядке ни государство, ни церковь не могут извлечь из развода никаких выгод, так как нет ни судебного процесса с жуликоватыми адвокатами, с судьями, не имеющими понятия о социологии, с залами суда, битком набитыми падкой на скандалы публикой, ни дорого стоящих церковных обрядов и таинств, этого источника дохода для религиозных шарлатанов и жирных попов. Благодаря же тому, что частной собственности у советских граждан или совсем нет, или очень мало, отсутствуют обычное укрывательство имущества и судебные тяжбы по этому поводу. По той же причине у мужа или у жены, — все равно, любят они друг друга или не любят, — нет никакого основания держаться друг за друга в надежде извлечь из своего брака какую-либо выгоду. А так как муж и жена оба должны работать и могут в случае необходимости самостоятельно пробить себе дорогу в жизнь, то нет и противного хныканья о том, что же будет с покинутой женой и с ее ребенком. Женщина, как и каждый советский гражданин, должна работать и зарабатывать на жизнь; это она преимущественно делает и до развода. Если она по болезни не может работать, муж выплачивает ей часть своего заработка, пока она снова не станет трудоспособной; об остальном заботится государство.

Что касается детей, то здесь государство решительно становится на их защиту, — и как следовало ожидать, — самым разумным и естественным образом. Исполнилось

сыну (или дочери) шестнадцать лет ¹, — отлично: в таком случае он должен работать и содержать себя. Если же ему нет шестнадцати лет и он еще нуждается в попечении и образовании, отец и мать оба должны выплачивать из своего заработка на содержание ребенка, пока он не достигнет того возраста, когда сам сможет зарабатывать себе на жизнь. Как видите, никаких тяжб относительно того, какие богатства должен наследовать ребенок, — по той простой причине, что богатств-то вообще нет. Лично я нахожу такой порядок великолепным. Наконец-то, первый раз в жизни я нашел на нашей планете место, где был избавлен от той отвратительной шумихи, которую наши газеты ежедневно поднимают вокруг каждого процесса о разводе, о нарушении обещания жениться, о нарушении «святости семейного очага», о выплате содержания разведенной жене и т. д. и т. д., — словом, от всей бьющей на сенсацию пошлости, рассчитанной у нас в Америке на то, чтобы занять праздные умы.

Таким образом, мы подошли к половому вопросу. Какая вздорная болтовня, какой поднимается шум и крики, стоит лишь коснуться его! (Я имею в виду: осуждение «безнравственных» книг и пьес; общественных цензоров общества по борьбе с пороком и предпринимаемые ими крестовые походы против безнравственности; бегства жен от нелюбимых мужей; изнасилования, садистические убийства и так далее и тому подобное, что мы видим повсюду, кроме России.) Я рад сообщить — и уверен, что меня никто не сможет опровергнуть, — что в России всей этой чепухи просто не существует. Газеты не уделяют ей места. А так как брак и развод, а также сожительство двух лиц по взаимному между ними соглашению очень легко осуществить, и все эти явления считаются самыми обычными

¹ Драйвер ошибается: не шестнадцать, а восемнадцать лет.

и не привлекают к себе внимания, то нет — да и не может быть — того повышенного и нездорового интереса, какой вопросы пола возбуждают в других странах.

В России нет той борьбы с проблемами пола, какая имеется у нас. Сцена в пьесе или в книге, или даже в реальной жизни, в Америке несомненно вызвавшая бы вмешательство полиции или цензуры нравов, в России производит совершенно иной эффект. Здесь совсем иначе относятся к половому вопросу — просто и естественно. Любовь может быть длительной, но она может быть и быстротечной. А так как в России любовь не связана ни с деньгами, ни с положением в обществе, ни с религией, то она сводится к взаимоотношениям, которые являются частным делом двух заинтересованных лиц, — и только. Если нет насилия или убийства, нет и преступления; а раз «прелюбодеяние» не значится в кодексе о наказаниях, то каждый устраивает свою личную жизнь, как ему удастся. Все ежедневно работают, потому что должны работать; что же касается всяких интриг в обществе и различных денежных комбинаций, движущей пружиной которых нередко является любовь или чувственность, — никто о них и не помышляет. Дело в том, что ни из той, ни из другой нельзя извлечь никаких выгод. Совершенно никаких! Выполняй добросовестно свою работу, найди какую-нибудь девушку и будь с ней счастлив, если можешь. А затем учись и старайся развить свой ум. Другого пути нет. И теперь, когда я снова оглядываюсь на все это, я вижу, что в России налицо самое правильное и здоровое разрешение полового вопроса, какое мне когда-либо приходилось встречать...

...В России я увидел народ, умеющий мыслить. И именно в России скорее, чем в какой-либо другой стране, суждено в наши дни появиться великим открытиям как в смысле практических преобразований, так и в об-

ласти мысли. Так, по крайней мере, верю я. Мы живем в беспокойную эпоху, наш западный мир мечется в поисках выхода из тупика, — и неужели теперь, когда Россия может дать нам что-то новое, здравый смысл не подскажет нам, что надо помочь ей создать все, что она может?

1928 г.

В ГОРОДЕ НЕФТИ

Пустыня, степь, песок — куда ни кинешь взгляд. Убогие глиняные хаты, пастухи, бурые горы, точно вымытые дождем, и на них редко-редко мелькнет стебелек. Никто не обратил бы внимания на эту забытую богом пустыню, если бы не одно совершенно особое свойство ее, определившее всю ее судьбу. Еще древние персы жгли газы, поднимавшиеся из земли, и молились этому мистическому огню. Когда рыли колодец в степи, находили не воду — нет, эта земля была точно проклятая, — в ней находили скверно пахнущую зеленовато-черную массу, которую в случае нужды можно было употреблять как горючий материал. Эту массу черпали ведрами из ям.

С той поры прошли столетия. Но неожиданно выяснилось, что эта скверно пахнущая зеленовато-черная масса имеет громадную ценность.

Сюда стали прибывать химики и инженеры, явились братья Нобель, и на этом дымящемся мусоре создали нефтяной город Баку. С дворцами, мечетями, казармами, портовыми сооружениями, фабриками, заводами, с полумиллионным населением. Форпост западной культуры на Востоке.

От Батума до Баку, вдоль железнодорожных линий, через горы, через Караязскую и Ширванскую степи,

вплоть до голой возвышенности, окружающей бакинский порт, тянется нефтепровод. По этому нефтепроводу транспортируется керосин из бакинских нефтеочистительных заводов до батумского порта, находящегося на расстоянии почти в тысячу километров. Отсюда нефтепродукты грузятся на суда под всевозможными флагами и развозятся по всему миру.

Какое громадное впечатление производит это создание человеческого гения и трудолюбия посреди голой пустыни! Подобно тому, как в дремучем лесу испытываешь чувство, будто нет конца этому лесу, — и здесь, когда бродишь в лесу нефтяных вышек, кажется, что они тянутся бесконечно: вышка на вышке, группы вышек, весь горизонт иззубрен и разорван вышками.

Вот старые вышки-ветераны, черные от просочившей их насквозь нефти, почти развалившиеся. Только половина их еще в действии. Канат поднимается вверх, циклопический черпак вырывается из отверстия, выбрасывается нефть. Современные нефтяные насосы, привезенные большею частью из Америки и расположившиеся между старых вышек, лишены всякой романтики. Здесь нет этих циклопических экскаваторов и не видно потоков бегущей нефти. Они выглядят как обыкновенные водяные насосы, спокойно и равномерно перекачивают они нефть в помещающиеся рядом резервуары.

Они добывают по пятнадцать тонн нефти в день, а иные еще больше. На малонефтеносных скважинах насосы работают лишь по несколько часов в сутки.

Молодой рабочий в высоких грязных сапогах и грязной блузе водит меня по участку, которым он заведует.

— В одном моем районе за последние три года мы соорудили 120 новых колодцев, — говорит он. — На одном только этом участке. Общая добыча бакинской нефти превысила добычу 1913 года. В настоящее время она составляет

37 миллионов пудов в месяц, на миллион пудов больше довоенной добычи. Больше миллиона пудов в день!

У одной из вышек работает человек, похожий на черкеса, в высокой меховой шапке. Вдруг он заговаривает со мной по-немецки, на своеобразном деревенском диалекте. Оказывается, это немецкий колонист из Саратовской губернии.

Этот лес черных, пропитанных нефтью вышек, который я наблюдаю, составляет нефтяной район Балаханы, а участок, которым заведует мой спутник,—только небольшая часть этого района. За Балаханами следуют Сураханы, Раманы, Бинагади.

Кругом видны мрачные кипарисовые рощи, похожие на кладбища среди пустыни. Далее идут новые нефтеразработки Кола и Бибилет, очень богатые нефтью, расположенные у самого моря.

Из поезда на далеком расстоянии от Баку видны уже форпосты нефтяных участков, расположенных посреди степи, на краю размытых песчаных гор. В большинстве это небольшие группы, по шесть-десять вышек, и свежее дерево вышек еще весело блестит на солнце. Но вот среди новых вышек выделяется еще одна старая, черная, как смола, нефть затопила ее.

Нефть, нефть! Уже проектируется сооружение нового нефтепровода из Баку в Батум, так как одного провода не хватает. Бесперывной лентой тянутся через Азербайджан цистерны с нефтью.

* * *

Сегодня степь в яростном порыве ринулась на город, нарушивший ее пустышность. Началось с того, что поднялась пыль — песок и мелкие камешки. Камешки мелькали в глазах, кололи кожу, точно иголками. Началось это совершенно незаметно. Но вдруг поднялся ветер. Все

кругом окрасилось в светлорычневый цвет, подобный цвету волосяных покрывал верблюдов. Через мгновение стало еще темнее. Исчезли дома, корабельные мачты, фабричные трубы. Над Баку разразился ураган.

Внизу у таможни, где мы находились, для ветра открывался свободный простор. Огромным темным облаком пыли взвился он, унося сорванные им железные листы крыш и старые баки из-под бензина.

Мы вскочили в экипаж, но было уже поздно. Мы уже были ослеплены; песчинки, летавшие с быстротою пуль, разрезали нам кожу на руках и на лице. Пыль заполнила рот и нос, от нее несло глиной и марганцем. Грузчик с мешком на плечах пронесся в воздухе и исчез.

Наши лошади изо всех сил пробивались вперед. Извозчик склонился в сторону, он превратился в своего рода якорь, так как экипаж грозил ежеминутно опрокинуться. Но как только мы очутились на открытом месте у новой постройки, ехать дальше было невозможно. Лошади бились копытами, становились на дыбы, топырили ноги, чтобы ветер не спиби их. Кучер неистовствовал, бил несчастных лошадей, держась все время за козлы, чтобы не свалиться. Наконец лошади тронулись. Показались дома. Мы — под прикрытием.

Буря бушует над гостиницей. Моя убогая мансардная комната полна песку. Чемоданы, платья, постель — все покрыто серовато-рычневой пылью. Я пытаюсь промыть глаза.

Лежавший внизу Баку как бы исчез, он превратился в облако пыли. Ничего не видно: ни города нефтяных цистерн, ни Белого города, ни Черного города, ни гавани.

Пять часов продолжалась буря. Уже более 25 лет Баку не переживал такого урагана... Ураган опрокинул около 140 нефтяных вышек.

Меня посетил сотрудник газеты «Бакинский рабочий».

— Как вам нравится Баку? Каковы ваши впечатления о новой России?

Его карандаш нервно бежит по записной книжке. Он одет в плохонькое тонкое пальто, он выглядит усталым и изнуренным, как и многие другие интеллигенты и служащие, которые попадались мне на моем пути через Грузию и Азербайджан. Жизнь в России чрезвычайно дорога. Маленькая мансардная комната в пятом этаже, которую я занимаю, стоит столько же, сколько салон в первой-классной европейской гостинице. Совершенно недоступны белье, платье и обувь. Обыкновенная керосинка стоит здесь в три и в пять раз дороже, чем в Европе.

— Откровенно говоря, у меня не было времени познакомиться с новой Россией, — отвечаю я. — В Батуме я целый день убил в таможне. В Баку потратил два дня на то, чтобы получить разрешение на проживание. Теперь я уже два дня бьюсь в попытках получить визу на отъезд. Я хожу из учреждения в учреждение, от одного окна к другому, всюду меня снабжают квитанциями, дают для объяснений агентов. Сегодня я должен был посетить клуб турецких женщин, куда меня пригласили, но из-за паспортных затруднений не попал туда.

В то же время я мог засвидетельствовать моему коллеге, что нашел в России прекрасно работающий административный аппарат, порядок, чистоту и поразившую меня бодрость.

Но я не мог осмотреть все школы, читальни, клубы, о которых мне рассказывал мой бакинский приятель.

— Русские люди показались мне такими же любезными и сердечными, какими я их знал раньше.

Карандаш моего коллеги летал по записной книжке.

Наконец пароход уводит нас дальше. Стало вечереть. Нефтяной город раскинулся на горизонте, точно амфитеатр с сотнями тысяч освещенных лож.

В этом амфитеатре, однако, несколько лет тому назад были перерезаны тысячи и тысячи армян...

Январь 1927 г.

НА ФАБРИКЕ

Утром во время завтрака суета. Все спешат. Предстоит несколько экскурсий. Проводники собирают свои группы. В швейцарской под запыленными пальмами не хватает места для людей в шубах и пальто, торопящихся надеть калоши. В переулке, между входом в отель и кучами песка у новостройки телеграфа¹, стоит в грязи несколько автобусов и автомобилей. Ветер со свистом взметает над липкой глиной редкие хлопья снежной пыли. Из дверей выходит толпа иностранных гостей, шлепают по грязи, лезут в автомобили.

Я не знаю точно, куда мы едем и что должны осматривать, я не выбирал маршрута и был доволен, узнавши, что увижу текстильную фабрику на окраине. Автомобиль быстро выносит нас из центра города на широкую улицу между двумя рядами низких одноэтажных домиков. Здесь не видно ни одного автомобиля, кроме нашего автобуса, и только ряды высоко груженных телег тянутся по засохшей грязи. В маленьких окошках виднеется герань; кое-где высовываются любопытные лица. Вероятно,

¹ Речь идет о гостинице «Пассаж», помещающейся на Тверской улице возле здания Центрального телеграфа, тогда еще не достроенного. (Прим. сост.)

эта часть Москвы выглядела точно так же и во времена Толстого.

Миновавши эту старосветскую часть, мы выехали на пожелтевшую траву широкой лужайки с кривой линией новых зданий на горизонте. Мы идем мимо не доконченных еще построек из розового кирпича, мимо лесов, возвышающихся над бетонными стенами. В этой отдаленной части города строят много, и все это — крупные постройки.

Поверхность холмиста, и мы спускаемся по пологому спуску в узкие улицы с горбатой мостовой между старыми, ветхими домишками. Дорога идет между маленьких лавчонок и высоких серых стен и тянется так вплоть до огромных ворот фабрики.

Из двух автомобилей и автобуса вылезает около тридцати человек. Нас ведет маленький живой проводник в потертом пальто и в кепке блином. У него острые серые глаза, он размахивает руками и говорит очень громко, точно обращается к глухим, — обычная ошибка проводников, которые, не будучи уверены в том, что иностранцы их понимают, бессознательно повышают голос, как будто бы от этого их речь станет понятнее.

Он волнуется, говорит очень громко, сперва очень плохо по-английски, затем на мало понятном французском, повторяет все на чистом и хорошем немецком, и при этом все время переговаривается с окружающими русскими. Видно, что он привык сопровождать иностранцев и трещать попеременно на разных языках, не разбирая, с кем говорит, и надеясь, что в конце концов каждый что-нибудь поймет.

Блуждая по двору между возов с кладью и кучами кирпича, мы ищем контору, а наш проводник как будто умышленно удлиняет путь, чтобы успеть рассказать о значении кооперации и о системе управления фабрики завкомом. Но он волнуется, и лекция ему не удается.

С нами идет еще молодая девушка с милым лицом, серыми глазами и льняными волосами под простой войлочной шляпкой, в легком платье под потертым плащом. Она совершенно правильно говорит по-английски и по-немецки и держится серьезно. Очень внимательна и любезна, объясняет точно, ясно и определенно. Две индуски, находящиеся в нашей группе, все время около нее, радостно слушают ее восторженные рассказы об основах коммунизма и о хороших результатах рабочего управления заводами. Из нашей группы выделяются еще два немца. Один — толстый, маленький, с водянистыми глазами под золотыми очками, с порывистыми движениями, резко говорит на русском наречии, быстро составляет обо всем определенное мнение, готов ежеминутно спорить. Другой — очень высокий, худой, на журавлиных ногах держится прямо и напряженно; по обеим сторонам лысой головы торчат точно кем-то приклеенные комочки грязной ваты. Смотрит очень строго через выпуклые стекла очков, говорит резко, как бы допрашивая.

По тесному коридору старого здания проходим в контору. Несколько рабочих, улыбаясь, протягивают нам руки. Проводник нас знакомит с членами завкома, и мы направляемся осматривать фабрику. Голые, давно не беленые коридоры, каменные лестницы, тяжелые, железные самозакрывающиеся двери — и всюду кислородный запах хлопка, как в приморских складах в Новом Орлеане. Мы входим в огромные низкие помещения, полные шумящих машин и, переходя из зала в зал, наблюдаем, как хлопок превращается в нити, ткани, цветные материи.

Фабрика на полном ходу. Наши проводники радуются, что могут показать нам, что фабрика работает точно и четко, как и до войны, когда ею управляли частные собственники и их инженеры. Хозяина заменил завком, а инженеры остались в качестве технических руководителей.

Мы проходим по широким дворам, из одного крыла в другое, спускаемся по винтовым лестницам, влезаем под крышу и осматриваем — впрочем, не столько машины и их работу, сколько людей. Всюду на стальных дверях отделений висят цветные плакаты, предупреждающие, что опасно приближаться к движущимся приводным ремням, к электрическим проводам и стальным рукояткам машин. Плакаты удачно раскрашены и снабжены подходящим текстом — в общем так же, как и на всех европейских заводах.

На фабрике всюду чувствуется забота о здоровье рабочих. Конечно, нельзя уничтожить запах и пыль хлопка, точно так же как нельзя воспрепятствовать, чтобы намоченные материи и грязные красильные растворы не угрожали здоровью рабочих своим сладким дурманящим запахом. Хотя всюду и устроена самая усовершенствованная вентиляция, воздух, особенно в прядильном отделении, очень тяжелый, а белая пыль осаждается на легких. Завком старается охранить хотя бы молодежь: несовершеннолетним запрещено работать в залах, где много хлопковой пыли, а тем, кто работает в тяжелых гигиенических условиях, снижено число рабочих часов.

На фабрике работает много юношей и девушек. У девушек красные платочки, а на юношах красные галстуки. У девушек здоровый и свежий вид, но юноши выглядят хилыми. Это молодежь военного времени; у шестнадцатилетних юношей увядающая кожа, и выглядят они двенадцатилетними. Взрослые относятся к молодежи очень хорошо и заботливо.

Наши две индуски остались в зале, в котором работают девушки. Приятно было смотреть на эту группу веселых девушек, окружавших двух иностранок, не уставая спрашивать их.

В отделении, где работают мужчины, начали допрос наши два немца: толстый «господин доктор» и тонкий «господин профессор», как они величали друг друга. Довольно бессвязно расспрашивали они всех, особенно подростков, решительно обо всем. Доктор «допрашивал», а профессор записывал. Юноши, смущенные строгими взглядами и тоном, отвечали нерешительно; их поражал грубый тон, тон допроса. Оба немца хотели знать, сколько молодежь зарабатывает, сколько часов работает, что сделано для дальнейшего их образования; но ничего определенного, кажется, не узнали; было ясно только, что молодежь не обременяют непосильной работой и что завком заботится о подростках.

Наконец мы попали в красильню. Несмотря на вентиляторы новейшей системы, воздух в ней тяжелый, и кислосладкий запах красок в этой жаре невыносим. Посредине зала стоит ряд машин, в которые по отлогим стальным плитам сползает бесформенная масса густой краски, а внизу из-под валов выносятся бесконечные полосы пестрой расцветченной материи; кругом копошатся женщины и мужчины, внимательно наблюдая за окраской тканей. По их лицам не видно, что они постоянно работают в этой нездоровой атмосфере; наш проводник уверял нас, что завком всеми средствами старается охранять здоровье рабочих, работающих в красильне.

Через двор и обширные склады готовых тканей мы прошли в новое одноэтажное здание заводской конторы. На стенах в зале заседания висели приготовленные к нашему приезду диаграммы. Мы расселись вокруг большого зеленого стола, и члены завкома начали рассказывать нам о тех этапах, которые пережила фабрика после революции, и о принципах, которыми руководствуется теперешняя администрация. Они показали нам на диаграммах, как в первые годы революции производительность упала, как

понемногу начала развиваться и как в последние два года стала выше довоенной. Оба немца подробно расспрашивали и записывали; они интересовались условиями детского труда, а также женского. Они много возражали, особенно когда разговор коснулся методов управления предприятиями и разделения ответственности; и у меня, хоть и профана, создалось впечатление, что их интересовали не столько специальные вопросы, в которых они явно мало понимали, сколько политика.

А Был полдень, через окно мне были видны фабричные ворота. Рабочие выходили широким потоком. Одежда у них была поношенная, но чистая и не рваная; было видно стремление выглядеть одетым чисто и аккуратно. Среди рабочих было много юношей, но, несмотря на это, никто не шутил, не баловался. Я долго смотрел на исчезавший за возвышенностью поток, и у меня создалось впечатление, что это спокойствие умышленное, сознательное, спокойствие людей, довольных своей жизнью, нелегкой, но в которой они могут жить, как хотят.

Один из членов завкома стоял рядом и рассказал, что на заводе работает семь тысяч рабочих; большинство из них не коммунисты; продовольствием и квартирами они обеспечены хорошо, не хватает только мануфактуры, и это во всем Союзе.

Наконец мы все вышли с фабрики и при резком холодном ветре пошли по замерзшей дороге, спускаясь с холма к дому бывшего владельца фабрики. Сад вокруг дома запущен. Дом превращен в детские ясли. Заведующая яслями очень резко возражала против того, чтобы в здание вошло столько людей в шубах и пальто, наконец она разрешила под условием, что мы снимем шубы и оденем белые халаты сиделок. Нас впускали маленькими группами.

Квартира фабриканта была превращена в ясли. Комнаты с большими окнами были использованы целесообразно

для этой цели. Прежняя мебель исчезла, вместо нее стоят ряды кроваток, скамейки с игрушками. В бывшей кухне варят, стирают, сушат. На скамеечках сидят молодые матери с довольными лицами и кормят своих младенцев. Ребят всюду полно, но присмотр за ними хороший, всюду чистота, во всем видны твердая рука и понимание дела. Это не «образцовое учреждение» вроде тех, что устраиваются на Западе на филантропические пожертвования, это — учреждение, предназначенное для удовлетворения насущных нужд работниц фабрики. И даже пустая комната с дешевыми игрушками и цветной бумагой для вырезания, при всей своей скромности, хороша и удобна. Она полна детей, играющих с явным удовольствием; женщины, наблюдающие за детворой, похожи скорее на матерей, чем на нянек. Они не обращали на нас никакого внимания, когда мы разгуливали по комнатам в своих немного комичных одеяниях.

Наконец мы все осмотрели. Спускаемся с холма к автобусам и едем домой. Немцы оживленно спорят о статистике и дописывают заметки о детском труде, который больше всего их интересовал.

1927 г.

ПО УТРАМ

Людей, о которых я говорил выше¹, я видел по вечерам или ночью в их непосредственной обстановке. Они проходили передо мной один за другим, как на экране. Я их дурно различал потому, что они говорили о прошлом, и они мне представлялись такими, какими они были, а не такими, каковы они в настоящее время. Это как если бы я был у них в гостях лет двадцать или десять назад.

Но вот теперь — и очень скоро — мне довелось видеть их утром; эти встречи соответствуют тем пяти вечерним, слишком мрачным встречам. И надо сказать — этот дневной свет больше гармонирует с действительностью.

Я явился сюда для того, чтобы открыть глаза на полном свете, среди этой волшебной, феерической природы, великолепнее которой, быть может, нет на земле. Долины покрыты серым бархатом, и горные цепи украшают их на горизонте точно ряд огромных блеклых вееров. Небо величественно. Огромные орлы парят в воздухе и приковывают взгляд, привыкший видеть в небесном просторе лишь контуры горных вершин. Глазам открываются грандиозные ущелия с головокружительными обрывами. На

¹ Предыдущие очерки Анри Барбюса, посвященные прошлому Закавказья, озаглавлены им общим названием «Кавказские вечера». (Прим. сост.)

стремнинах, достигающих 3000 метров, раскачиваются гигантские платаны, которые уводят ваш взор из неизмеримых высот в темные недра. Мощные замки, как геометрически правильные гнезда, виднеются на вершинах. Повсюду зелень деревьев — хранилище тени и свежести.

В а н е у л и. Кавказский домик на красивых деревянных подпорах. Деревья фруктового сада, которые я когда-то видел озаренными светом из окошка, теперь ярко освещены солнцем. Кобидзе показывает мне сад, расположенный по склону горы: томаты, тыквы и целая коллекция овощей, букеты цветов и фруктов. Этот сад, созревая, дает ему средства к жизни.

— Все это не стоило мне ни копейки, — говорит человек, белая блуза которого сверкает под лучами солнца, — все это предоставил мне сельскохозяйственный банк.

Другой обводит глазами узкое пространство сада.

— Правда, пока еще маловато зелени на каждого. Но ее будет больше. Площадь вырастает, как эти молодые насаждения.

Он объясняет мне, что теперь нашлось кое-что получше старых культур. В то время как маис приносит крестьянину от 1 до 4 рублей с 16 кг, — шелк приносит 24 рубля, табак — 25, чай — 40.

Белидзе увлекает меня под фиговое дерево, которое бросает пирамидальную тень на середину его участка. Кажется, будто от зелени этого дерева ложатся блики на лицо и на одежду Белидзе. На земле, рядом с плоским камнем, которым прикрыта посуда с вином, лежат доски. Он обращает на них мое внимание:

— Это доски от моего разрушенного дома, они скоро мне пригодятся при постройке нового дома. Он будет похож на старый. Но все же это будет нечто другое, потому что, хотя и немолодые, но мы будем с ним оба новые.

А х а л к а л а к и. Уголок Востока. На улице смесь цветных костюмов, толпа движется по всем направлениям. Лавки похожи на ящики, из которых все вывалили наружу: гирлянды из рыбы, сыра, цыплят, разного рода материи и рубашки — розовые или голубые, красивых, ярких цветов (голубые носят с розовым поясом, а розовые — с голубым; это необходимо, чтобы оживить вещи).

Все эти люди говорят на разных языках, но здесь они смешались в одно дружное целое и работают вместе. По временам, когда они не понимают друг друга — турок, армянин, грузин, — они улыбаются. В учреждении или где-нибудь на складе, или в лавке, где люди не владеют несколькими языками, находятся переводчики, и все остаются довольны. Здешние мужчины и женщины, которые наблюдают все это, удивляются еще больше, чем я, так как им приходят на память совсем другие времена и другие отношения.

Крестьянин окликает Назарова:

— Ты отказал мне в дровах, а я обратился прямо в Тифлис, и там мне их отпустили!

— Очень хорошо, — отвечает Назаров, смеясь и пожимая крестьянину руку. — Это роняет мой авторитет, — говорит он, обращаясь к нам, — но... да здравствует Тифлис!

Пограничный пост. Много солдат. Они, как большие дети, танцуют и поют. Однако они сосредоточенно сдвигают брови, когда им рассказывают о чем-нибудь, так как они страстно хотят учиться.

Начальник говорит мне:

— Вы посмотрите. Мы сейчас устроим тревогу.

Выстрел. И в одно мгновение все солдаты в боевой готовности.

Турки в двух шагах.

— А вы не боитесь, что выстрел их обеспокоит?

— Турки — храбрый народ.

Уверяю вас, что на пограничной линии Армения — Турция, да еще со стороны верных стражей этой границы, это — совершенно новый язык.

О з у р г е т ы. Железная дорога, шоссе, новые культуры, новые постройки, лесные склады. Некоторые дома полны орехов. И хотя я спешу, я все же успеваю получить кое-какие статистические сведения: «100 гектаров чайных плантаций при царе, 20 гектаров при меньшевиках и 1000 гектаров теперь. Очень малый сбор орехов при царизме, немногим больше при меньшевиках и свыше 2500 тонн теперь». Что касается мандаринов, апельсинов и других фруктов всех цветов радуги, то огромные количества их растут из земли прямо на глазах.

А х а л ц ы х. Город, как две сестры, похож на Ахалкалаки, хотя население здесь, выражаясь старым языком, совсем другой расы. Крестьянин разъясняет мне: здесь платили 7 рублей налога при царе, 5 — при меньшевиках, а теперь не платят и одного рубля: 90 копеек.

Через четверть часа, пройдя общественный сад, в центре которого находится памятник одиннадцати коммунистам, расстрелянным меньшевиками, я попадаю в помещение, где происходит какое-то собрание. Женщина рядом со мной говорит об освобождении женщины, о человеческом достоинстве. И я понимаю, что это — турчанка. Повсюду турецкая женщина сбрасывает чадру и выходит на свет. Можно было пересчитать по пальцам тех женщин, которые, пока мы кружили по улицам, закрывали чадрую или шарфом нижнюю часть лица, или по крайней мере делали вид, что хотят закрыть. Большинство населения — турки. И большинство школ — также турецкие. Турецкий язык — официальный язык.

Мне показывают трех человек: начальника уезда, председателя местного исполкома, он — турок; его два заместителя — армянин и грузин. Если они спорят иногда между собою, то лишь по техническим вопросам, как и люди одной национальности. В данный момент они все сходятся на следующем: до войны у них в уезде было 45 000 волов, при дашнаках — 40 000, а сейчас — 63 000.

Л е н и н а к а н. Солнце ярко освещает этот город, столь часто подвергавшийся разрушениям. Но на месте черных руин уже видны светлые очертания новых строений. Белое берет перевес над черным.

Молодой рабочий, который в курсе дела, говорит мне: — Придется много поработать, чтобы город мог противостоять землетрясениям. Сейчас в уезде уже восстановлено 4 136 владений. Всего израсходовано 21 миллион рублей, из которых центральным правительством отпущено 17 миллионов. Выработаны типы новых построек; материал должен максимально противостоять сотрясениям почвы. При этом надо позаботиться также о гигиене и об удобствах. Вот тип крестьянского дома, размером около 5,5×7 метров. Такой дом стоит 1400 рублей.

Но если земля расшибала людей, то люди также повыветрили землю за время войны — и для нужд военной промышленности, и для сельскохозяйственных нужд. Теперь следы всего этого терпеливо устраняются, и не только белыми кубами строительных материалов на городской площади, но и вокруг — на свежих полях, в садах, которые повсюду принаряжают город.

Пастух показывает мне баранов.

— Надо было все восстановить, и все восстановлено. Когда мы говорим, что до войны в уезде было сто тысяч баранов и теперь их здесь также сто тысяч, то это вовсе не значит, что дело стоит на месте. Нет. Это значит, что

прибавилось сто тысяч баранов, так как за время войны их почти совсем не осталось:

Несколько дальше, после того как мы покружились на автомобиле (лошади заняты обработкой земли), мы прибыли на электрическую станцию. Электрификация — великая идея, которая, подобно солнцу, освещает труд. Про эту идею хорошо сказано, что она является общим знаменателем между рабочим и крестьянином.

Еще дальше. Ширакский канал, который несет воду, несет жизнь в бесплодные пустыни; будет орошено всего 15 000 гектаров, пока орошается 8000 гектаров.

Еще дальше. Огромное пространство, занятое текстильными фабриками. Одна уже готова, другая заканчивается, четыре остальных начаты постройкою. Это будет целый район текстильных фабрик, огромных, с огромными машинами, вроде тех, которые уже имеются. Все связано одно с другим: улучшили культуру хлопка, затем построили фабрики, которые будут этот хлопок обрабатывать. На фабриках будет занято 17 000 сирот войны, уже выросших и технически подготовленных для работы на этих фабриках. План во всем, план для всего.

Один врач сказал мне между прочим:

— До войны новорожденные в Армении имели в среднем 42 сантиметра и весили 3000 граммов. Теперь они имеют в среднем 46 сантиметров и весят 3613 граммов.

Он улыбается, но он почти взволнован, когда говорит мне это, так как он понимает все значение этого маленького факта. Армения, которая является одной из наиболее пострадавших стран на всем земном шаре, теперь возрождается быстрее других. В Эривани насчитывают 250 рождений в день.

Б а т у м. Автомобиль кружится вокруг горы, в благоуханной и густой зелени. Это — гора фруктовых садов,

а в тех местах, где земля плохая, кирпично-красная, негодная для большинства культур, разводят чай, и он там великолепно прививается. Увеличение по сравнению с довоенным временем: чай — в 4 раза, мандарины — в 20 раз, табак и фрукты — в 12 раз. Совершенно новая культура — это луфа, нечто вроде гигантских огурцов, жилистый скелет которых богато разветвлен и великолепно заменяет губку.

Недалеко от города, в зелени деревьев, видны здания — детские дома и дома отдыха.

Вот высится огромный нефтеочистительный завод. В Батуме концентрируется большая часть кавказской нефти, предназначенной для вывоза. Она прибывает сюда по рельсам, в поездах из вагонов-цистерн, а также по трубопроводам, по подземным цилиндрическим речкам, которые идут от Баку, пересекая Кавказ на всем его протяжении. Батум — устье нефтяного потока. Завод, который будет перерабатывать сырую нефть, будет стоять вместе с сетью новых подземных трубопроводов около шести миллионов рублей. Но доставка нефти значительно улучшится, и в недалеком будущем эти расходы оправдаются.

Школы Аджаристана полны детей: их 12 000, причем 30 процентов — девочки (это особенно примечательно и еще не видно в мусульманском мире). Четвертая часть всего числа женщин больше не носит чадры, и, естественно, эти женщины радуются, как прозревшие слепые.

Баку. Все вывески на тюркском языке, как и в Батуме (и я вспоминаю здесь Кишинев, в Бессарабии, где почти все население русское, но все русские вывески и все надписи сорваны полицией и заменены румынскими). В нефтяном городе, который примыкает к Баку и даже входит в него, в так называемом Черном городе, то есть там, где добывается и обрабатывается нефть, все работают со стра-

стной энергией, работа как бы превращается в спорт, которому все отдаются.

— Мы достигли, а затем и превысили довоенную добычу, — говорит мне Лаврентьев: — Треть этой добычи идет на иностранные рынки. Наша нефть лучше по качеству, чем американская. Мы ее продаем дешевле, и это нам выгодно. Детердинг злится, что мы «сбиваем цену», как он говорит. В Биби-Эйбате добыча уже перешла на море. Часть морского пространства окружена плотиною. Глубина этого участка — шесть метров. Воду выкачивают, а затем здесь начинают добывать нефть из глубины от 500 до 1000 метров. Это отодвигание моря началось еще при царизме, но мы значительно усилили методическое продвижение нефтяных вышек. Из этого водяного острова, вокруг которого мы сейчас проходим, в течение четырех лет добыто 720 000 тонн нефти, и мы из месяца в месяц отгоняем море. Мы, как муравьи, увеличиваем материк Европы. Среди заводов Черного города есть и старые, которые знали режим кнута, но есть и совсем новые, целиком спроектированные и построенные местными или русскими инженерами. Здесь, на этом заводе, развивается по трубам вся гамма нефтяных продуктов, начиная от грубого неочищенного масла грязно-зеленого цвета и кончая тончайшим бензином перламутрового или голубоватого оттенка.

Лаврентьев перечисляет мне изобретения, которые улучшили производство и которые были сделаны в результате трудового соревнования, — изобретения Капелюшникова, Дегтярева и многих других.

— Вы знаете, когда-то копать большими жирными хлопьями падала на город, как черный снег. Мы собираем эту копать и перерабатываем ее. Таким образом получают миллионы килограммов нефти.

— Миллионы?

— Представьте. 24 000 тонн нефти только за последнее полугодие и только в одном Баку было получено благодаря использованию газа. И теперь нет больше дыма; небо чистое и светлое, как будто все происходит под стеклом.

Рабочий говорит мне:

— Я зарабатываю больше, чем мой отец, — он, так же как и я, был кондуктором на транспорте, — когда он при старом режиме работал на других. Кроме того, у меня есть жилье и целый ряд практических преимуществ. А затем я работаю восемь часов. Буду работать по семи часов и даже по шести, потому что при шести часах работы легче всего организовать рабочие смены (по четыре в сутки).

Вот рабочий, который был в Калифорнии.

— Я работал там по восемь часов, но я совершенно выбивался из сил, — говорит он. — В Техасе мне приходилось работать по двенадцати-пятнадцати часов. Средняя плата — три доллара в день. Совершенно невозможно было сэкономить хоть что-нибудь: приходилось тратить все, до копейки. Другие зарабатывали по шести долларов. Им, конечно, лучше. Все же на оплату жилища уходило 25 процентов заработка. Ты покупаешь дом в кредит на десять лет у своего хозяина. Но если ты не внесешь плату во-время хоть один раз, у тебя его отберут, а все, что ты внес, пропадает. В общем, я предпочитаю работать здесь.

Как-то вечером один рабочий сказал мне:

— Рабочие этой текстильной фабрики вырабатывали в год, — а они работали по одиннадцати часов в день, — около шести миллионов метров ткани. Теперь точно такое же количество рабочих, работающих на этой фабрике по восьми часов в день, вырабатывает около четырнадцати миллионов метров ткани. Два года назад каждый рабочий вырабатывал в день 29 метров материи, теперь он вырабатывает 46 метров. Не доказывает ли это, что лучшие ма-

шины значат уже очень много? Но это доказывает также, что и люди стали работать лучше.

А затем подходит еще один и говорит:

— В 1913 году среди нефтяных рабочих было только 30 процентов умеющих читать и писать, а теперь таких 70 процентов.

Храм огня. Большое древнее сооружение; оно находится как раз посреди нефтяных колодцев и очень некстати там. Кажется, будто оно поставлено там нарочно, чтобы мешать работе. Однако это исторический и художественный памятник, и его старательно сохраняют.

И рядом перед нами — антенны радио, которое наполняет атмосферу мудрой суетой.

Да, многое изменилось сегодня по сравнению с тем, что было вчера!

1937 г.

ЖЕЛТЫЙ ДИНАМИТ

Степь.

Кругом темнота.

Сквозь ночь несется поезд, тонкая нитка огненного жемчуга, сверкающее движение в черной неподвижности.

На вагоне дощечка: «Манчжурия — Столбцы».

Маленькая станция. Поезд задерживается на несколько секунд, мчится дальше. Ты вскакиваешь на площадку и идешь через вагоны в вагон-ресторан.

Люди в поезде, как пассажиры парохода в открытом море. Они знакомы друг с другом (едут этим поездом десятый день, встречаются неизменно в вагоне-ресторане, на вокзалах редких станций), оборачиваются на тебя, потому что ты только сейчас появился среди них, ты для них чужой.

Ты садишься за столик. Официант ставит перед тобой тарелку красного борща. На тарелке надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Ты смотришь по сторонам, прислушиваешься к незнакомым словам на двадцати различных языках, видишь фантастически смешанное общество: англичане, американцы, поляки, немцы, японцы, персы, китайцы.

Вагон «Манчжурия — Столбцы» — это корабль, на котором кусочек желтой Азии и кусок Европы и Америки

плывет по огромному морю СССР. Пассажиры корабля «Манчжурия — Столбцы» плывут по неведомому морю, сидят за стеклом окна и смотрят удивленными глазами на то, что проносится за окном: города, деревни, степи, лес, люди... В удивлении затаились недоумение, досада, страх, ненависть и радость. Впрочем, радость лишь у немногих, потому что вагон «Манчжурия — Столбцы» — это корабль, на котором маленький осколочек далекого (ах, какого далекого!) капиталистического мира плывет по океану СССР.

Сидишь и прислушиваешься к двадцати различным языкам.

В одном углу вагона-ресторана (в сущности, это просторный салон на колесах, где есть даже библиотека) сидит группа молодых китайцев в наглухо-застегнутых белых блузах. Да впрямь ли они молоды? Кто знает? Так оно кажется, потому что их разговор звучит по-юношески. Вообще же нипочем не скажешь, кто это там в углу так жарко спорит, — двадцатилетние ли студенты или сорокалетние профессора.

Вдруг разногласица их чуждо звучащих, резких слов становится громче, заглушает все другие звуки.

Ты опускаешь ложку с борщом, оборачиваешься и тщетно стараешься уловить хоть одно-единное слово, которое звучало бы знакомо и дало бы тебе возможность догадаться о содержании спора, что так горячо ведется там, в углу.

О чем говорят?

И в это мгновение ты ловишь отрывок разговора, что ведут за соседним столиком два бесконечно долговязых, бесконечно корректных, бесконечно по-английски выглядящих джентльмена.

— Эти там... — и один из двух мундштуков делает едва заметное движение, как бы указывая на китайцев.

— Yes...

— В Москву...

— Yes...

— ...в свой собственный университет...

— ... большевики обучают их там коммунизму... у них там желтый университет...

— Вот как?!

Разговор переходит на другие темы. Спор китайцев тоже прерывается. Из твоей тарелки плывет соблазнительный запах борща. Ты уступаешь соблазну и вновь принимаешься за еду.

И много времени спустя — уже успел забыться разговор двух джентльменов за соседним столиком — ты слышишь, как один из них произносит, словно только сейчас заканчивая беседу:

— Желтый университет... Фабрика для выработки желтого динамита. Как вам это понравится, а?

И снова мундштук делает едва заметное движение в сторону китайцев.

«Фабрика желтого динамита» стоит в центре Москвы, на Волхонке. На большом желто-буром здании издалека горит четкая надпись:

УНИВЕРСИТЕТ
ТРУДЯЩИХСЯ КИТАЯ
ИМЕНИ СУН ЯТ-СЕНА.

В саду перед университетом, на лестницах, в коридорах сплошь сырье для выработки динамита, сплошь «китайские» студенты и студентки. Сплошь будущий «желтый динамит».

Товарищ Гендрик Сегалла, директор университета по административной части, взял на себя роль проводника и знакомит нас с университетом.

В первом этаже — канцелярии правления, ректората, профессоров; затем аудитории, клубные комнаты, библиотека и читальня. Во втором этаже — общежитие студентов. Этот университет — своего рода интернат, студенты здесь не только учатся, они здесь же и живут, здесь же и столуются.

Товарищ Сегалла открыл двери в спальни, и мы увидели белые светлые комнаты, чистые постели, пестрые занавески, на подоконниках в маленьких вазах цветы.

— Здесь у нас двести коек на двести студентов. Большая часть студентов — всего их шестьсот — живут в нашем же доме на Ильинке. Кроме того, у нас еще два общежития в городе.

Мы проходим коридорами, видим развешанные стенные газеты, пестрые плакаты, словно чайные рекламы.

Перед одной из этих стенок кучка спорящих студентов. Из приоткрытой двери лекционного зала доносится пение юных голосов:

От тайги до британских морей
Красная армия всех сильней...

— Поют! Уже научились по-русски. Они невероятно прилежны: с раннего утра до поздней ночи за учебой...

— А что изучают?

— Политическую экономию, историю революционного движения, исторический материализм и так далее. Наряду с университетскими лекциями множество докладов в кружках, семинаров, специальных курсов. Клуб работает прекрасно, при нем ряд секций: по изучению марксизма, ленинизма, музыкальная, шахматная, литературная, секция эсперантистов и много других. Кроме того культурную работу ведет и партийная ячейка.

— Как, разве не все студенты — коммунисты?

— Нет. Большинство из них гоминдановцы. Коммунистов меньшинство. Как раз вчера прибыла из Китая новая группа гоминдановцев. Прямо из Кантона.

Идем дальше. Видим библиотеку — секретишницу новейшей китайской литературы, с большим марксистским отделом. Мимоходом прочитываем на корешках несколько названий: рядом с немецким изданием «Капитала» стоит английский Statesman Yearbook и французский Larousse Illustré¹. В одном отделении библиотеки нам показывают ценные древне-китайские книги и рукописи, в другом — брошюры и книги, выпущенные университетским издательством.

— Здесь студенту предоставляются по абонементу книги, которые нужны ему для занятий, помимо тех учебников, которые университет выдает еще в собственность бесплатно.

— Бесплатно?

— Конечно, бесплатно. И не только книги — тетради, карандаши и бумагу, — все, что нужно для занятий. Ну, и разумеется — стол, квартиру и одежду...

И товарищ Сегалла ведет нас на склад, где можно видеть куски сукна на полках, ящики с бельем, коробки карандашей и тетрадей, корзины вилок, ножей, ложек.

— Вот... пощупайте. Добротный материал, не правда ли?

Его лицо светится гордостью, когда он показывает нам сукно на зимнюю одежду для «своих» студентов.

Затем он ведет нас на кухню. Здесь готовят на шестьсот человек. В больших блистающих котлах и горшках. Повара в белых передниках и подручные длинными вилками раскладывают мясо.

Отсюда нас ведут в столовую. Множество маленьких столиков, белые скатерти, цветы.

¹ Широко распространенные справочные издания. (Прим. сост.)

Затем — в амбулаторию, где как раз один из двух университетских врачей производит небольшую операцию. Затем в парикмахерскую, в прачечную...

— Все бесплатно... совершенно бесплатно!

И в ответ на наши удивленные взгляды:

— Вам это странно? Но ведь пролетарский университет не может брать денег с пролетарского студента за то, что тот учится, чтобы получить возможность приносить пользу своему классу!

Нас проводят по университетскому кинозалу, по клубам, по больничным палатам.

В одной палате сидит студент и составляет заметку — выписывает что-то из толстой русской книги. Стило торопливо пробегает по бумаге — сверху вниз, сверху вниз. Какой контраст: американское уотерменовское перо и кудреватые, причудливые письмена, выстраивающиеся столбиком на странице!

Динамит! Динамит для желтой Средней империи.

В другой палате длинный худощавый китаец обращается к нам по-русски: «Дравствуйте, товарищи!» И приглашает нас присесть.

Мы садимся и заводим разговор. Он идет туго. Китаец говорит на ломаном русском языке и очень плохо по-английски. Но мы понимаем друг друга.

Он спрашивает, откуда мы приехали. Услыхав ответ, что мы чехо-словаки, он произносит медленно, в вопросительном тоне:

— Пра-га?

— Да, да. А вы?

— Ху-бей.

Узкие раскосые глаза его смеются, когда он замечает нашу смущенную растерянность, с которой мы повторяем:

— Ху-бей... Ага, конечно: Ху-бей...

— Ху-бей... Провинция в Средней китайской империи... Да, пока в Средней китайской империи, но скоро будет в южнокитайской республике... Кантон...

И на ломаном русском языке он рассказывает о Ху-бее, где сейчас развернулась борьба между У Пей-фу и кантонскими войсками. Он сам недавно оттуда.

— У Пей-фу много денег... много денег от англичан... Но кантонские люди — хорошая армия... Лучше, чем деньги...

Он был рядовым бойцом кантонской армии, участвовал в боях с У Пей-фу. Недавно и раньше. С У Пей-фу и с англичанами... Дважды попадал в плен, его хотели расстрелять.

— Так... пуф!.. — и он делает движение рукой, как будто собирается стрелять. — Но не застрелили: убежал.

И теперь его послали в Москву учиться. Он должен провести здесь два года. Потом вернется в Китай.

— А потом?..

Узкие раскосые глаза налились зеленой ненавистью. И вдруг он снова рассмеялся.

— Они от нас не убегут...

Мы посидели еще немного и попрощались.

— До свидания, товарищи... до свидания!

Когда мы стояли уже в дверях, он спросил:

— Вы... коммунисты?

— Да... А вы? Гоминдан?

Тут плоское широкое лицо расплылось еще шире, белые зубы засверкали смехом, китайское слово пробилось сквозь них, китайское слово:

— Ком-му-нист.

В самом деле: настоящее китайское слово!

Китайское слово, прозвучавшее еще во сто раз более по-китайски, когда мы вышли на улицу и услышали, как мальчишка газетчик прокричал:

— «Вечерняя Москва»!.. «Рабочая Москва»! «Известия»! «Правда»! Победа кантонцев в Китае. Кантонцы идут в Ханькоу!..

1927 г.

ЛЕФОРТОВСКИЙ ИЗОЛЯТОР
И ЖЕНСКИЙ ДОМЗАК

Ее не сравнить с другими тюрьмами Москвы. Лефортовская тюрьма — самая строгая. Патрули с длинными штыками на ружьях ходят вдоль стены, а когда, гремя, открывается замок, чтобы впустить заведующего, надзирателя, выстроившись во фронт, рапортует о количестве заключенных.

В Лефортове содержатся преступники против общества и убийцы. В настоящее время их здесь 390, с наименьшим наказанием в пять лет и высшим в десять лет тюремного заключения.

Мастерские здесь не похожи на кустарные предприятия. Они скорее напоминают фабрику, крупную, мощную фабрику. Здесь пятнадцать ткацких станков, доставленных из-за границы, различные машины: аппретурные, вязальные и другие. Здесь налажено трикотажное производство. Все электрифицировано. Жужжат ремни, снуют челноки. 68 000 метров материи приготовлено для переработки в складочном помещении. 500 дамских жакетов, 2000 дюжин головных платков изготавливается здесь в месяц и 1000 пар перчаток в день; кроме того, ежедневно 50 пульверов, черных с белым и синих с красным, по новому образцу из Парижа.

Восемь часов ежедневной работы. Сорок рублей месячного жалованья.

Разговаривать и пить можно сколько угодно. В свободное время можно заниматься чем угодно. Ежедневно писать письма, ежедневно получать их, а каждые две недели можно получать и посылки. При хорошем поведении приходится отбывать только половину срока заключения. Здесь только ограничены отпуска.

Здание тюрьмы, построенное еще при царском правительстве, огромно; радиусом в три этажа идут коридоры с железными баллюстрадами. Посередине как будто не хватает наблюдательной вышки с часовым, стоящим у сигнальных аппаратов и готовым ежеминутно забить тревогу. Но здесь нет наблюдательных вышек—обязательной принадлежности каждой тюрьмы в Западной Европе.

В каждой камере две кровати. Камеры не голые и однообразные, как обычно: заключенные имеют право украшать их по своему усмотрению. У одного над кроватью фотография жены и ребенка в рамке; у другого — литографская цветная открытка, изображающая полуголую женщину, в одной сорочке и длинных деду сидящую на какой-то крыше,—эротика XIX столетия, у третьего на стене нарисованная им самим картина. Каждый может выписать любую газету. Ведро с водой стоит в углу, к умывальнику проведен водопровод. В парикмахерской можно мыть голову, стричь бороду по своему желанию и привычке. На этот счет нет никаких ограничений, точно так же как и в отношении одежды.

Одна из камер превращена в лавочку с колбасой, маслом, салом, чаем, папиросами, трубочным табаком и белым хлебом. Заведующий лавкой заботливо записывает в книгу каждую покупку в 5—10 копеек, — всего год тому назад он был руководителем государственного треста и ворочал миллионами.

Заведующий трикотажной мастерской, до того как попал сюда, работал по той же специальности в текстильном тресте, но, соблазненный напманами и затем разооблаченный ГПУ, получил шесть лет изоляции.

Молодой парень, бывший солдат, работает в мундире; он осужден на десять лет за убийство лесника, поймавшего его при попытке украсть дрова.

Мы входим в камеру, и при нашем появлении поднимается со своего сиденья человек лет шестидесяти. Редкие волосы на голове заботливо причесаны, седая остrokонечная борода тщательно приглажена. Несмотря на то, что он в халате, в нем сейчас же, с первого взгляда можно узнать старого генерала. Действительно, он был начальником железнодорожной жандармерии при царском правительстве. Он осужден за жестокое обращение со многими политическими заключенными. Принимая во внимание его возраст, его присудили только к пяти годам строгой изоляции. Из тех же соображений не был расстрелян бывший социалист, старик Окладский. Он был одним из самых старых товарищей Мартова, Плеханова и Аксельрод, и после переворота ему была доверена серьезная работа. Но при разборе секретных архивов выяснилось, что этот старый революционер в течение многих десятилетий был сотрудником охраны и выдавал своих партийных товарищей. Теперь Окладский стоит в очках у фрезерного станка, как он стоял в дни своей юности на заводе Сименса и Гальске в Петербурге. Он один из самых трудолюбивых работников среди всех 390 заключенных. Ему поручается исправление самых сложных повреждений в машинах. Он охотно вступает в разговоры о заре революционного движения в России, а когда его спрашивают о Ленине, он отвечает: «Его я лично не знал, он был совсем молодой, когда пришел к нам».

На дворе какой-то старик счищает снег. Он в высокой меховой шапке, у него длинные, как у попа, волосы и седая курчавая борода. Это — Сницев, тоже партийный работник, который своим пребыванием в Лефортове, так же как и Окладский, обязан разбору старых архивов.

Не прерывая работы, какой-то парень в ответ на наш вопрос рассказывает, что он во время драки в деревне убил своих двух противников. Одного ударил в висок, а другого — в живот. Рядом с ним кореец, проживавший в Москве под видом учителя японского языка, а в действительности занимавшийся шпионажем. Три или четыре других японца и китайца осуждены за контрабандный провоз опиума и торговлю им. Кореец — не единственный шпион здесь. Здесь их много со всех концов земного шара.

В одной камере сидит врач, доктор Гора из Богемии. Он служил в австрийской армии во время войны и попал в плен. Сперва был чехо-словацким легионером, а затем полковым врачом в Красной армии, и в качестве такового вступил в преступные сношения с чехо-словацкой торговой миссией в Москве. За это он получил восемь лет строгой изоляции.

Изумительные вещи рассказывают некоторые заключенные о том материале, который они поставляли русской эмиграции в Западную Европу, получая по сто рублей за каждое письмо.

«Кто откажется написать за такие деньги несколько страниц ерунды, которую эти белогвардейцы в Париже и Праге сами могли бы сочинить с не меньшим успехом».

Один рассказывает на своем родном языке, непонятном заведующему тюрьмой, что жена его в Латвии до сих пор добывает нескудный хлеб свой все теми же «сообщениями из Москвы».

В клубе — в бывшем помещении церкви — какой-то человек играет на рояле. Он автор двух опер, поставленных

в провинции, и некоторых других музыкальных произведений. Он осужден за изнасилование детей. Теперь он подбирает музыку к драме Алексея Толстого «Иван Грозный».

Из вывешенной программы занятий можно узнать, что с 8 до 10 часов утра происходит обучение неграмотных, а от 10 до 12 — малограмотных; что два раза в неделю работает драматический кружок, четыре раза в неделю шахматный, четыре раза в неделю музыкально-вокальный и один раз политико-исторический кружок. Ежевечерне в библиотеке выдаются книги, а два раза в неделю — юридические советы. Каждые две недели происходит киносеанс.

В то время как в двадцати домах заключения в России издаются печатные газеты, в других — литографированные или гектографированные, — в Лефортове только стенная газета. Лефортово — строгий изолятор. Положение заключенных здесь тяжелее, чем в других домах заключения. У них нет времени для литературных упражнений, у них нет стремления к литературному творчеству и авторского самолюбия. Лефортово — строгий изолятор.

* * *

Веселое настроение царит в бывшем Новоспасском монастыре. Свыше 60 женщин и девушек сидят у швейных машин. Они шьют белье и покуривают папирсы. У некоторых мальчишеские головки, у других на голове темносерые платки. У некоторых лица бледные и морщинистые, у других напудренные, и видно, что по губам прошелся карандаш. У некоторых брошки, серьги и другие украшения. Иные носят мужские воротники с галстуками. Кое-где видишь ноги в домашних туфлях, иные же в телесного цвета чулках и изящных туфельках. Все поют. Одни умолкают при входе посетителей, некоторые же начинают петь еще громче.

В углу комнаты — прилавок. Здесь выдается полотенно и здесь же принимается готовое белье. Заведующий мастерской и обучающая шитью имеют свое место. На доске записано число занятых в мастерской: у машин—58, на ручной работе — 14 (это старые женщины, сидящие кружком у двери) и добровольных работниц — 16. Добровольные работницы?! Неужели остальные, поющие и курящие здесь, пришли сюда не добровольно? Трудно поверить, что ты находишься в помещении, где люди отбывают наказание, ибо здесь ничто не запрещено, здесь нет определенной тюремной формы, здесь нет ни одного надзирателя.

И все же это заключенные. Девушка подходит к заведующему, сопровождающему посетителя. Она только что вернулась с похорон отца и теперь сквозь слезы рассказывает, что дома все пойдет ко дну, если ее не помилуют или не отпустят на некоторое время на свободу. У нее мало надежды. Она присуждена к двум годам заключения и пробыла здесь всего четыре месяца. Другая женщина, с желтым морщинистым лицом, просит, чтобы ее перевели в сельскохозяйственную трудовую колонию, так как она не переносит городского воздуха, особенно зимой. Ее ходатайство тоже трудно удовлетворить. Она — заключенная первой категории, осуждена за жестокое обращение с детьми. О переводе в лазарет она и слышать не хочет.

— Идите к тюремному врачу, — говорит ей в заключение заведующий, — пусть он проведет наблюдение за состоянием вашего здоровья.

Двадцатилетняя девушка в красном платочке спрашивает, могут ли две ее подруги получить здесь работу. Заведующий отвечает, что в ближайшее время это невозможно: и так слишком много добровольных работниц, а к тому же пять взрослых детей стали получать теперь жалова-

ные. (Некоторые заключенные живут здесь вместе с детьми, и в течение всего времени отбытия матерью наказания дети работают здесь же, в мастерской, или гуляют во дворе.)

Всего девять лет тому назад во всем этом здании помещался Новоспасский монастырь, известный со средних веков своими богатствами. Князь Иван Калита основал его в 1330 году, цари приглашали сюда придворных священников, некоторые Романовы, например царица Марфа, были здесь похоронены. Девять больших церквей, в том числе собор, были в этом монастыре. Однако отвесные стены и огромные зубчатые башни в углах, стоящие здесь от «смутных» времен Лжедмитрия и окружающие все эти церкви, говорят о том, что обитатели монастыря мало полагались на бога. Из этих бойниц в 1812 году обстреливали французских солдат, а среди мраморных гробниц монахов в монастырском саду есть и гробница дьякона Гавриила, который был расстрелян по приказу Наполеона.

Одна из церквей превращена в театр, в котором 400 мест. Заключенные ставят здесь драмы и смотрят в неделю раз кинокартины. В остальные дни кино открыто для постоянной публики: это побочная доходная статья дома заключения. И не единственная. Хлеб, который пекут здесь, также идет в продажу.

В свободное время заключенные женщины сидят в клубе у старой трубы старого граммофона или у нового рупора радио. Они играют в шашки, читают газеты, пишут письма и так проводят время до 10 часов вечера. Рабочее время, как и на всяком другом предприятии, длится 8 часов. Заключенные получают 20 рублей в неделю, из которых 25% высчитывают за содержание. К завтраку — чай и хлеб, к обеду — суп, мясо и каша, а вечером снова чай. Ежедневно каждый получает полтора фунта хлеба. Сахар мож-

но покупать на свои средства, из которых вообще две трети могут быть израсходованы по собственному усмотрению, только не на спиртные напитки. Остальную треть можно получить лишь по выходе из дома заключения.

В самой строгой стадии заключения можно иметь свидание только раз в две недели, в средней стадии — раз в неделю, а в самой легкой, которая является, так сказать, преддверием освобождения, заключенный имеет право каждое воскресенье уходить в два часа дня домой и являться на работу только на следующий день, в понедельник.

Получать и посылать письма можно в любое время. Письма просматриваются цензурой. Заключенные средней и легкой категорий имеют право на отпуск, как и всякие другие рабочие. В течение восьми лет существования этого дома заключения не было ни одного случая, чтобы заключенный воспользовался отпуском для побега. Только в двух или трех случаях заключенные явились с некоторым опозданием. Как рассказывает т. Ширвиндт, начальник всех мест заключения, в прошлом году 10 120 заключенных были отпущены на три месяца на поденные работы, и из них только 70 не явились своевременно или вовсе не явились.

Каждая заключенная женщина должна обучаться чтению и письму, грамотные получают дальнейшее образование. Женщин обучают здесь шитью белья и платья.

Максимальный срок заключения в исправительных домах — 5 лет. Женщины, которые осуждены на более продолжительные сроки (10 лет — высшая мера наказания по уголовному кодексу), содержатся в так называемом изоляторе. Суд, давая наказание, определяет, по какой категории должен содержаться заключенный. В строгой изоляции заключенный остается не более половины срока наказания. Вторую категорию составляют отбывшие четверть срока наказания. К третьей, самой легкой

группе относятся случайные преступники и те, которые проявили больше всего признаков исправления. Этим два дня засчитываются за три, и они могут быть отпущены условно, а в случае полного социального оздоровления — совершенно освобождены.

Вопрос о переводе из одной категории в другую и о внеочередных отпусках и освобождении разрешает наблюдательная комиссия, которая каждую субботу является в исправдом. Она состоит из представителя дома заключения, представительницы производственной комиссии и одного из народных судей судебного участка, в котором находится дом заключения. Комиссия имеет право принимать срочные или временные меры, а в более серьезных случаях входит со своими предложениями в губернский суд или Комиссариат юстиции.

195 женщин, в возрасте от 16 до 60 лет, находятся в настоящее время во 2-м московском женском исправтруддome, в то время как все эти огромные помещения со своими угрожающими башнями, так не похожими на монастырь, могут вместить 400 человек заключенных и 68 человек обслуживающего персонала. Несмотря, однако, на наличие свободных помещений в этих комнатах, в которых когда-то жили монахи богатого монастыря, заключенные женщины плотно придвигают одну кровать к другой, так как большинство из них, особенно пожилые, не хотят проводить заключение в одиночестве. Они штопают свои чулки, ласкают своих кошек и рассказывают друг другу о днях своей красоты и молодости.

Большинство находящихся здесь осуждено за кражу. В царское время более 20% заключенных женщин содержалось в тюрьме за убийство детей, в первые годы после революции число их снизилось до двух процентов, благодаря уравнинию в правах брачных и внебрачных детей и организации учреждений, заботящихся о младенцах.

В настоящее время в исправдоме вовсе нет детоубийц. Нет сейчас и тайных акушеров (в дореволюционное время они составляли 6⁰/₀ заключенных), так как аборт производится сейчас во всех клиниках. Значительное число осужденных за мошенничество. Вот одна бывшая актриса, которая гордо рассказывает о своих гастролях в Париже, Берлине и Вене, которая выписывает и сюда «Иллюстрасьон», осуждена на два года за мошенничество.

Эти камеры выглядят уныло, точно комнаты какого-то приюта для старух. Убого выглядят и складные кровати с тонкими матрацами, набитыми соломой, тонкие подушки, жесткие серые простыни из грубого полотна, покрывающие кровать. Но что тут удивительного! Ведь это все-таки тюрьма...

1926 г.

ПЯТИЛЕТКА
ЗАВОДОВ И ПОЛЕЙ

СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ИНТЕЛЛИГЕНТАМ

БЕРНАРД ШОУ

Исключение России из международной торговли было актом слепоты и сумасшествия со стороны капиталистических держав: Бойкотирруя Россию путем неистового террора против коммунизма, они предоставили ее собственным ресурсам и заставили спасать себя при помощи развития своих физических и культурных сил.

Сейчас ленивая, пьяная, грязная, суеверная, рабская, безнадежная Россия отвратительного царизма становится энергичной, трезвой, чистой, по-современному интеллектуальной, независимой, цветущей и бескорыстной коммунистической страной.

Пятилетний план завершается с успехом, ибо каждый мужчина, женщина и ребенок, занятый планом, знает, что результаты принесут им пользу, а не будут расточаться лентяями. Они знают, что пятилетний план уже дал им короткую рабочую неделю и более высокую заработную плату, а также воспитательные и культурные возможности, о которых не мечтали их отцы, в полное социальное признание как действительно органической части общества. Такой план невозможен в Англии или в Америке, так как рабочие знают, что их усилия означали бы лишь более высокие прибыли для лентяев, со-

кращение продолжительности жизни и потогонные условия труда для самих рабочих.

Мировая война дала ужасный урок, свидетельствующий о бессилии капитализма. Второй урок заключается в успехе пятилетнего плана и освобождении России коммунизмом.

Неужели мы совершенно неисправимы?

СТЮАРТ ЧЕЙЗ

Шестнадцать человек проделывают в Москве самый смелый экономический эксперимент, какой когда-либо был известен в истории. Эти шестнадцать человек, представляющие ответственный перед Советом народных комиссаров президиум Государственной плановой комиссии, называемой Госпланом, определяют основные моменты экономического будущего для 146 миллионов людей на шестой части земной поверхности на 15 лет вперед...

Этот эксперимент так велик, имеет такое громадное значение и так смел, что никто, изучающий народное хозяйство, не может его игнорировать. Удастся ли этот эксперимент, выходящий за границы человеческих возможностей, или нет, — он во всяком случае научит нас многому совершенно новому.

Представьте себе, что завтра вас попросят отправиться в Вашингтон, сесть за стол в правительственном учреждении, взять перо и бумагу и составить инструкции для железнодорожных компаний, сталелитейных заводов и каменноугольных копей, для нефтяной промышленности, для министерства финансов, банков и крупных торговых фирм, для фермеров, парходных обществ и автомобильных предприятий, по которым они в течение пяти лет действия плана должны распределять свои капиталовложения и сырье, планировать производство и сбыт. Даже Генри Форд отступил бы перед такой задачей.

Путешествие на луну показалось бы обыкновенным смертным не более невозможным. Однако в России нашлись люди, которые решились взяться за это в территориально большей, а промышленно менее развитой стране.

ОСКАР-МАРИА ГРАФ

Пятилетний план Советского союза. Ликвидация безработицы. Возможности культурного подъема в Советском союзе. Что я об этом думаю? Как может не принадлежать будущее народу, который с корнем вырвал се старое и героически, несмотря на все трудности, создаваемые его врагами, шаг за шагом осуществляет коммунистический общественный строй? Только такое коллективное и построенное действительно по принципу «один для всех» человеческое общество имеет перспективы культурного подъема, который сейчас и предугадать невозможно.

Я долго был пацифистом и во время мировой войны отказался от выполнения воинской повинности. Я считал каждую войну преступлением. Однако тяжелый опыт последних лет заставил меня коренным образом изменить установку. Внимательнейшим образом следя за «деятельностью» парламентов и правительств капиталистических стран, исследуя, что производит их промышленность, я пришел в ужас от лихорадочного роста армий, вооружений, заводов ядовитых газов, причем все это делается в атмосфере мнимого мира.

В конце концов я поставил себе вопрос: почему всюду идет подготовка войны, хотя всюду говорят о стремлении к миру? Ответ для меня был прост: капитализму нужна война, отчасти потому, что успехи Советского союза заставляют его чувствовать самое свое существование под угрозой, а отчасти потому, что война для него — выгодное дело. Следовательно, весь капиталистический строй работает на с м е р т ь.

Далее я постарался ориентироваться в работе Советского союза. Там строят сотни тысяч тракторов, фабрики, которые должны работать для удовлетворения повседневных потребностей населения, гидростанции. Там пытаются поднять урожай путем коллективизации нерентабельных крестьянских хозяйств. Там электрифицируют страну, строят железные дороги и побеждают неграмотность. Создают научно-исследовательские институты; государство распространяет литературу. Одним словом, все направлено к мирным целям. Цель всей работы — защитить человеческую жизнь и облегчить ее.

Какой же это строй? Коммунистический. Такой, который работает не на смерть, а на ж и з н ь.

Нетрудно догадаться, приняв во внимание изложенные здесь мои взгляды, на чьей стороне я буду в случае войны империалистических держав против Советского союза. Каждый будет за жизнь.

ЛЮДВИГ РЕНН

Пятилетний план несомненно является событием большей важности, чем все, о которых рассказывает история, — к этому выводу должно прийти, исходя и из числа людей, жизнь которых благодаря ему будет поднята на несравненно более высокий уровень, и из темпов, какими осуществляется культурный подъем. Мы неизбежно приходим к сравнению социалистической системы с устаревшей капиталистической, и мы зовем еще более уверенно последовать примеру СССР. Моя позиция в случае войны против Советского союза будет очень проста. Войну ведет буржуазия. Я против нее и за ее поражение.

ГЕРГАРДТ ВАЛЬДЕН

Осуществление Советским союзом пятилетнего плана — для меня не вопрос, а факт. Я знаю, что там не только лик-

видирована безработица, но, наоборот, во всех отраслях наблюдается большой недостаток рабочей силы. Культурный подъем Советского союза по темпу и качественным показателям превосходит все, известное в истории человечества.

АРТУР ФАЙЛЕР

Большевицкий режим, обладая командными высотами экономики страны, сделал попытку, которая должна завершить его организационное строительство: все народное хозяйство подчиняется единому плану, заранее определяющему, что должно быть сделано. Это вроде бюджета — но не только государственных финансов, их доходов и расходов, как везде, а бюджет всего хозяйства во всех его проявлениях. Составляется бюджет того, что должно быть произведено, сколько и для какой цели и какое применение получит эта продукция в потреблении населения, с одной стороны, и в производстве — с другой. Определяется себестоимость продукции и ее отпускные цены. Планируется также, что должно стать с людьми, их доход и расход. План — как бы провидение, всемогущее (во всяком случае к этому стремятся) и всеведущее (по крайней мере — по установке), но только, конечно, не всемплошное, ибо цели его — общеполитические цели режима, и эти общеполитические цели выражены так же ясно, твердо, беспощадно, последовательно и решительно, как это свойственно политическому руководству.

1927/28 год дает характерную картину для сравнения плана с действительностью. Промышленность в количественном отношении выполнила и даже перевыполнила план (как и в два предыдущие года, и как, можно предположить, будет и в текущем 1927/28 году).

В конечном итоге план не столько точнее предсказания, сколько приказ, выражение воли. Так сражающийся

отряд бросает свое знамя в ряды врагов и бросается сам вслед за ним, чтобы снова отобрать его у противника. Невероятное количество цифр, содержащееся в пяти томах пятилетнего плана, претворяется в действительность при помощи непрерывного подъема воодушевления масс: цель поставлена, ее надо достигнуть, ее надо превзойти. Статистические кривые, которые план дает для определенной отрасли промышленности в целом, в каждой производственной единице приводятся в соответствие с ее конкретными задачами. В каждой конторе видишь пестрые графики, которые определяют задачи по повышению продукции, снижению себестоимости, сдаче готовых изделий и т. д. В них из недели в неделю, из месяца в месяц вчерчивается вторая кривая — достигнутых результатов, так что в любой момент можно определить работу предприятия, и оно само непрерывно контролирует, что оно сделало, чего не выполнило. Миллионы и миллионы людей, населяющих эту страну, где несколько лет назад большая часть была неграмотна и где процент неграмотных значителен и до сих пор, стали вдруг фанатически страстными статистиками. Дети изучают это искусство со школьной скамьи. И они составляют таблицы, чертят кривые, строят статистические квадраты и колонны.

В эти годы во всей стране ничто так горячо, неустанно и непрерывно не обсуждается, как пятилетний план — пятилетка. Этот план называли «второй программой русской коммунистической партии». И действительно, это — наилучшее определение для этих тысяч таблиц и диаграмм.

Г ЭДДИ ШЕРВУД

В Советском союзе осуществляется так много положительного, что Америка непременно должна признать его возможно скорее. Положительное явление — хозяйственное строительство, которое начинает давать резуль-

таты. Такими же положительными чертами Советского союза являются: карательная система — совершеннейшая, разумнейшая и наиболее человеческая в мире; социальное страхование, которое, согласно плану, должно перегнать Германию и Англию; коллективизация и гигантский рост кооперации; спортивное движение, распространенное среди всего населения в не меньшей степени, чем в Англии и Америке; коммунизм, не дающий господствующему классу экономических преимуществ по сравнению с широкими массами; абсолютное отсутствие каких бы то ни было расовых или кастовых предрассудков; культурный прогресс: процент грамотных при царизме был равен 40, теперь он увеличился до 79,9.

Я увидел в России стремление к социальной справедливости, подобного которому не существует во всем мире...
ПРОФ. КОЛИН РОСС

Уже тот факт, что такую гигантскую программу индустриализации страны решили и начали действительно проводить по единому плану, должен заставить капиталистический мир насторожиться. И если этот план удастся осуществить хотя бы на маленький процент, это будет означать, что Россия победила, что она делает переворот в мировом хозяйстве, — поскольку оно вообще еще существует.

Мировой рынок стал так неустойчив, что даже небольших партий товаров, которые Россия выбрасывает на рынок, независимо от их цены, достаточно для того, чтобы и без того неустойчивые цены стали безнадежно падать.

Если России удастся выполнить лишь небольшой процент пятилетнего плана, то она, благодаря своей форме правления — диктатуре, благодаря своей монополии внешней торговли, будет первым государством, которое завоюет себе опасную самостоятельность, в то время как остальной мир связан сплетением противоречивых экономических интересов.

ПЛОТИНА

Магнитострой поднялся над Уралом-рекой в овраге.
 Всё котловины да ямы, огни и бараки, палатки — лагерь.

Потаенная, скрытная речка — Урал. Боевая, кровавая.
 Облака грозные витают над ней да старинная слава.

Человек раскрывает все тайны, в крови утопая.
 Над Уралом гремел Пугачев, Каширин, Блюхер, Чапаев.

Извивается речка в скалах, сверкает холодной цепью
 и песками скрывается в море, расставшись со степью.

Вьется, хилая, скачет, прячется робкою ланью.
 Этой скудной водою жара утоляет степное желанье:

А зимою мороз зажимает ее в ледяную толстую шубу,
 замирает река и молчит, неподвижны мерзлые губы.

Но весной она вскочит и сбросит кожу, — и волнуясь
 и споря,
 захватив берега, понесется с грохотом в море.

Кто же этот весенний напор остановит руками,
 и не пустит, и свяжет разлив,
 и волей своей заарканит?

Тот, кто кует коммунизм
упорством и страстью,
кто не боится ничьей руки,
кто в беде не сдает,
не слабеет в счастье, —
большевики.

Плотина охватит реку. Плотина задержит воду.
Сожмет ее в пруд глубокий. Не даст ей весной ходу.

Железобетонным змеем,
склубившимся в сотню арок,
длиною в тысячу метров,
Урал перережет старый.

Семиметровым гребнем
вонзится в грунт каменистый.
Ну-ка, Урал, прорвись-ка!
Двинься весной на приступ...

Ты станешь прудом смиренным —
в 13 км квадратных,
в миллионы кубических метров,
скованных сплой стократной.

Штурмуй же воду, бетонщик!
Плотники, землекопы!
Смотрит страна в ожиданьи.
Товарищи, вы в окопах!

.....
Партия слышит призывы твои.
Разбирает крики, считает подряд.
Партия — тут, на страже стоит.
Последний крик:

10 ноября.

«Рой, — говорит, — до гранита.
Нет, мы не будем побиты».

А Крюков — своим, беспокоясь:
«Хотя бы в воде по пояс, —
Чести своей не уроним.
Мы соловьевцев загоним.

Наше старание мерят
И левый и правый берег:
кто же, как не мы, дает им
дно для бетонной работы!»

Плотничьи знают бригады:
грозить опалубки надс.
В ящиках этих потонут
мощные тонны бетона.

Только костровцы спустили —
на их насадет Филипп.
Своих он ведет сурово,
жмет бригадир на Кострова.

Подгоняет Сабунаев:
Опалубки голодают.
Он бетон вливает в формы:
«Жрите кашку, — мы накормим».

И Никольский, и Захаров —
два бетонщика на пару.
Суть — не в норме, не в законе:
дальше, выше, больше гонят.

И Романов дело знает,
как сторукий нажимает.

Сбил бригаду молодежи,
днем и ночью гонит тоже.

На каком наречьи мира
можно звать людей — буксиром?
Где управиться не чают,
там Романов выручает.

Молодежь во всем застрельщик.
С каждым днем все меньше трещин.
Выше будущего знамя!
Будет будущее с нами.

Берега кипят работой:
быть побитым неохота.
Правый за день обгоняет,
левый ночью настигает.

Инеем оделась ночь,
срок все ближе, все короче...
Кто бы и во сне загрезил
срок оставшийся урезать.

.

Товарищ Пластинкин, плотник,
рукою, к перу неспорой,
пишет о собственной группе, —
пишет, как пишут рабкоры:

«Учитывая, что действительно коммунистическая партия идет правильным путем и умеет строить социалистическое строительство, мы, группа Пластинкина, идем навстречу социалистическому строительству и умеем строить...»

Да, мы умеем. Сурово
партия учит партийца

делом поддерживать слово,
чтоб словом своим гордиться.

Партия! ты покажи нам,
что взятые в лоб оплеты —
только трамплин пружинный,
чтоб новые брать высоты.

Пыл нам партия копит:
темпы снижать — не смеешь.
Эпоха летит в галопе,
шагом за ней не поспеешь.

Учись перестраивать дом свой,
выполни пять в четыре,
за нами пойдет потомство —
все пролетарии мира.

Над плотиной — лампы, прожектора,
осыпана солнцами ночь в борьбе...
Голоса машины и ветра храп,
скрип тачек, бетонощиков бег.

Сорокаградусный бьет мороз,
обмерзлые пальцы не держат лопату.
Лошади, люди, мосты и ров
в паутину инея крепко зажаты.

Но никто не уходит — гони, не гони,
об отдыхе слово бессильно стынет.
Словно на фронте, на страже они
по восемнадцать часов на плотине.

Не сдавалась земля... Не земля — гранит.
Ее не возьмешь кустарной лопатой.

Но трещит и гранит, когда говорит
остроклювый гриф-перфоратор.

И семьдесят суток одним рывком
дрались за флютбет, что воду задержит.
Морозный воздух острым штыком
вдирается в легкие, горло режет.

Буксир. Переклик от бригады к бригаде.
Каждый первым желает

быть у черты.

Плотина рекорды разносит, как радио:

Шайхутдинов,

Руднев,

Морозов.

А ты?

Шайхутдинов — комсомолец, татарин,
бригадир татарской бригады упорной.
Он в мерзлую землю тараном ударил,
он добьется победы, вырвет из горла.

Он роет под шелест красного знамени —
подарок от шефа, от нашей ОКДВА.
За геройский труд это знамя подарено,
татары подарок не желают отдать.

.....

Яшин — старик, партизан, из колхоза —
тоже в рядах, не боится мороза.

В лучшей бригаде он лучший плотник,
строит, чтоб стройку

враг

не отнял.

Вступает в партию Яшин —
труд старику не страшен.
Где потрудней, похуже,
там-то боец и нужен.

В деревню не рвется Яшин:
бетон ему пахнет пашней,
и кранов подъемных хрипы
милее шелеста липы.

.....
Кончается март.

И нету шпунтов.

Шпунтов из металла.

В апреле сорвутся,

грянут в плотину

воды Урала:

Котельщики, дело за вами.
Котельщик, шпунты даешь!
Котельщик, земля — что камень,
деревянный шпунт не вобьешь!

Котельщикам надо выполнить
с в о й план, программу свою:
Работы и так немало,
они и так отстают...

Котельщики, все-таки — надо!
Котельщик, хлынет вода!
Котельщик, все мы — бригада
в едином войске труда.

Митинг. Плотина

о себе говорит.

Котельщики слышат плотины повесть
и отвечают:

«Помочь велит
Социалистическая совесть».

Котельщики, честь вам, герои!
Котельщик! Рот-фронт! Ура!
Котельщики, вместе строим
наш новый, мощный Урал.

Котельщики знают:

это фронт.

И надо драться на деле.

Они обещают:

1000 тонн
плотине дадим в неделю.

Котельщики, кто нас своротит?
Котельщик, кто мощь нашу свяжет?
Котельщик, кто выйдет против,
если мы свое слово скажем?

Бригаде сварщиков — ох, горячо!
Нет смены, хоть волком вой.
Мартынов, Бесов, Царев, Богачев
по тридцать часов не уходят домой.
А Ефимов с крепкой бригадой,
что заклепки сплошь забивает,
покончив с дневным нарядом,
ночью другим помогает.

С резким шипом искры множа,
ночь ли, день ли вертит рожки:
зелень стекол, плески маски,
боевые всюду каски.

За стеклом — глаза сверкают,
руки отдыха не знают,
а под блузой под рабочей
сердце бьется в ритм охочий.

А женщины — сестры наши и жены.
Как усидеть им дома!
Женщины рвутся в штурм раскаленный,
бегут плотине на помощь.
Темп нарастает, несется в гору,
он вдвое-втрое высок,
плотина всех подгоняет, как шпоры,
все понимают: срок.

.....

В апреле двинулись воды. К Каспию мчит раскат.
Смотрят и ждут напряженно
весь мир, СССР, Москва.

К морю вода стремится. И вдруг — преграда,
тревога.
Змей железобетонный ей пересек дорогу.

С ревом вода рванулась,
бьется: дорогу дай!
Стоит, не дрогнет плотина:
лучше смирись, вода!

Не верит вода, не верит,
в злобе клокочет рьяно.
Но что это там, над плотинной?

Голова — голова
титана.

Вознесся бюст над плотиной:

каменный Ленин чернеет.
смотрит Ленин на реку,
сгибает ей гордую шею.

И пятятся воды Урала,
бурлит, отступает пленный,
и плотину, Ленина цоколь,
обдаёт серебряной пеной...

1932 г.

БАКИНСКИМ РАБОЧИМ

1

Эй, доблестный Баку, оплот рабочей славы!
Ты — пуля меткая фашизму в глаз лукавый,
Ты — в армии труда тяжелый строй мортир:
Тобой социализм громит отживший мир.
Трудом и подвигом ты путь даешь победам
Ученья марксера над буржуазным бредом.
Твоей энергией ты доказал без слов
Законность ленинской идеи и трудов.
Душа рабочих масс, ты взял победу с бою,
И вот моя душа навек полна тобою.

2

Когда трудящимся, измученным вконец,
Морочил голову муссаватистский лжец,
И партия лжецов во славу капитала
Рабочих каждый день на гибель посылала,
Обманом родины вязала всех с плеча,
Бросая юношей на плаху палача, —
Ты мощный дал отпор хитросплетеньям низким,
Ты, как один, восстал под флагом большевистским,
Ты напролом пошел, — и грянула война,
И гнусная была постройка сметена.

3

В года недавние, когда в степях Гиляна ¹
 Кровь воинов труда вздымалась по колена,
 И волны Каспия, от крови покраснев,
 Прибоем на берег бросали стыд и гнев,
 Когда со всех сторон в атаку шли с размаха
 Отряды англичан с дивизиями шаха, —
 В боях лишь ты с врагом лицом к лицу остался
 И, жизнью жертвуя, не отступил, не сдался.

4

Теперь, когда у нас социализм растет
 И темпов требует великой стройки ход,
 А мир насилия враждебною громадой
 Старается вокруг нас сомкнуть кольцо блокады;
 Когда, интригами пылая, капитал
 Нацелил в спину нам предательский кинжал,
 Стремясь настойчиво к своей презренной цели, —
 Чтобы в «четыре» «пять» мы сделать не сумели, —
 Ты полностью покрыл твой пятилетний план
 В срок вдвое меньший, чем тебе был планом дан.

5

И вот теперь, когда истории скрижали
 Под именем твоим прекрасно заблистали,
 И ты энергией своею затушил
 Всех, кто не верил нам, тянул назад и ныл,
 Когда рабочий класс по всей земле огромной
 Приветствует тебя, — послушай стих мой скромный

¹ Персидская провинция, пограничная с Кавказом и Каспийским морем, где в 1918—1920 гг. были революционные восстания. (Прим. сост.)

И славу имени на будущие дни
Стремленьем, выдержкой, упорством сохрани!

6

Встань против нытиков и правых уклонистов,
В бою бесстрашен будь, в работе будь неистов,
Героем прежде был — и впредь героем будь,
Будь верен партии, с ней проходи свой путь,
И в классовых боях, в суровом классе этом,
Учись у Ленина, внимай его заветам, —
Чтоб враг твой — капитал — навек в могилу лег,
Чтоб славный твой пример воспламенил Восток.

ТУРКСИБ

1

1927 год,
1-е августа.
Рабочих —
40 000.

Проекты готовы.
Даешь сигнал!
Строительство начинается.

2

50 градусов жары.
Не хватайтесь за рельсы —
Обожжете руки!
Укладчики, погодите,
Пока спадет жар!
Вы приехали издалека,
Успокойтесь.

3

Насыпи готовы.
Шпалы ждут.
Рельсы врезаются

В голые плечи.
Мы вязнем в песке
По колено.

4

Вперед, рельсы!
Поднимайтесь на хребет Чокпар!
Гора расступается,
Пропускает вас.
Спросите там, впереди,
Построены ли мосты
Через Иртыш,
Через реку Каскелен,
Через реку Бурундай?

5

Прочь с лесов!
Спасайтесь, строители!
Немало уже народу
Утонуло в Иртыше,
В реке Каскелен,
В реке Бурундай.
Вы хотите взнудать нас
Своими мостами,
Как хомутом.
Прочь от реки!

6

Мост готов.
Усмирнулась река.
Землечерпалка углубила
Ее русло.
Передайте туда, назад:

Пусть идут шпалы,
Пусть ложатся рельсы.

7

Давай сюда шпалы!
Рельсы, бегите дальше!
На Иртыше
Мост готов.
На реке Каскелен
Мост готов.
На Бурундае
Мост готов.

8

Не оглядывайтесь,
Рельсы!
Ложитесь все дальше вперед!
Ядовитый паук каракурт
Вам не страшен.

9

Давай сюда земля,
Выше громовди насыпи!
Дерево
Осталось на зиму
На берегах Кок-Су.
50 градусов ниже нуля.
Чай
Не вскипает.

10

Надо вырыть
18 миллионов

Кубических метров
Земли.

11

Не сломается ли мост
Через Илй?
Он набегает на льдину,
Разбивает ее в куски!

12

Льдина разлетелась
В куски.
Илийский мост
Стоит крепко.

13

Сюда, геометры!
Измерьте нам землю!
Нам мешает
Река Кши-Биш.
Надо ее
Отвести.

14

Уж не думаете ли вы, рельсы,
Что теперь вам можно будет успокоиться?!
Бегите в сторону,
Давайте сюда уголь!
За горами
Открыта вода.
Мы умираем от жажды
У соленых рек.

Летит самум,
Сбивает вас с ног,
Заметает рельсы.
Засыпан весь поезд.
Забудьте, люди,
Обо всех подвигах,
Свершенных вами:
Все засыпано!

Очищены рельсы.
Поезд едет дальше.
Оглянитесь назад:
За вами бегут
Вокзалы,
Дома,
Депо,
Заводы —
За вами бежит
Целый город.
Торопитесь,
А то догонит!

Киргизы несут нам
Жирную баранину с рисом.
Казакстанская шерсть
Греет нас
Жарче паровозного котла.

«Скажите,
Чего вы ищете
В пустыне?»

Может быть, вы ищете золота
Или других сокровищ,
Таящихся здесь?
Наши верблюды несут лес
Для постройки вашей дороги,
Складывают его вдоль рельс...
Скажите,
Что даст нам
Дорога?»

19

Великий путь
Турксиб
Даст вам все:
Каменный уголь,
Лес,
Каучук.
Он даст вам трактор,
Который — вы слышали? —
Сам
Ходит по полю.

20

«Скажите,
Так вы умеете
Сеять с самолетов
И
Лучше нас
Разводить хлопок?
Ведь, говорят,
Куда ни придут советы,
Всюду они
Дают воду
Иссохшей земле...»

Мы проложим трубы
 И дадим такой дождь,
 Что земля насытится.
 Обрадуется хлопок,
 Что время засух
 Прошло.
 У вас будет хороший урожай.

«Скажите, а правда,
 Будто Турксиб
 Научит нас грамоте,
 И будто он
 Построит нам город,
 Где мы будем жить
 В высоких каменных юртах?
 И будто там будут
 Просторные хлевы
 Для нашего скота?..»

Турксиб научит вас
 Грамоте.
 По рельсам
 Приедет к вам город
 С фабриками и заводами.
 Турксиб возвещает вам,
 Что в Стране советов
 Человек свободен.

«Ну, тогда хорошо,
 Что вы пришли к нам

Со своей дорогой —
Турксибом.
Мы проедемся
По вашей дороге
И попробуем
Сами перевести стрелку.
А одного из нас
Возьмите на паровоз.
Пусть он учится
Ездить на нем,
Как на коне,
И править всеми рычагами».

25

1-е мая
1930 года.
Дорога готова.
(На год раньше
Срока.)
Отъезжает первый поезд.
Вагон зерна,
Вагон леса,
Вагон каменного угля,
Вагон тракторов,
Вагон литературы, —
Эти пять вагонов
Обновят
Полотно
Турксиба —
От Сибири
До Казакстана —
И возвестят
Окончание
Турксиба.

Слушайте, что
Рассказывает Турксиб!
Узнайте
От рельс,
Как они проходили путь
В 1442 километра.
1931 г.

ПИСАТЕЛИ — О ДНЕПРОСТРОЕ

Э. СЯО

Днепрострой — живой портрет большевистского темпа гигантского строительства социализма, который потрясает капиталистический мир и который вызовет бешеную ненависть мирового империализма, ополчившегося против пятилетнего плана.

Китайские рабочие массы и революционное крестьянство, борющиеся за советскую власть в Китае, всегда готовы на защиту Советского союза — единственного отечества пролетариата всего мира.

Да здравствует пятилетка в 4 года!

МАЙКЛ ГОЛД

Я видел много крупных строителств в Америке, но Днепрострой не похож на них. Он строится свободными рабочими, а не рабами 20-го числа. Я это чувствовал на каждом шагу во время своего пребывания здесь. Днепрострой является одним из краеугольных камней первого великого социалистического общества в истории человечества. Рабочие здесь знают это, и это превращает их труд в повседневную героическую былинку. Писателю трудно найти слова для выражения грандиозного величия Днепростроя и пятилетки. Можно только сказать: «Вот что значит жизнь!»

АЛАДАР КОМБЯТ

Днепрострой — дитя Октябрьской революции и партии большевиков, являющееся беспримерным образцом энтузиазма рабочих масс Советского союза.

Наши враги посмеиваются над «потемкинскими деревнями» Украины. Они обломают себе зубы о гранитные скалы Днепростроя.

Ф. К. ВЕЙСКОПФ.

Когда ты, как иностранец, попадаешь в Советский союз, всегда невольно вспоминаешь сказку о семимильных сапогах. Но нигде эта сказка не приняла таких определенных, таких материальных форм, как здесь, на Днепрострое. Здесь каждый кран, каждая бетономешалка, каждая диаграмма и каждый локомотив напоминают о чуде: 4—5!

ПАУЛЬ КЕРНЕР

Так же мощно, как поднимается плотина из потоков Днепра, так же гордо подыметесь дело социализма над миром по окончании пятилетия. Так же сокрушительно, как волна Днепра разбивается о быки, разобьются атаки империалистов против советской системы, когда закончатся Днепрострой и другие строительства, возводимые руками трудящихся.

МОЗЕШ КАХАНА

Я стоял под кранами над рекой Днепром. Я видел подводные скалы и бетонные массивы большого заводского комбината. Я разговаривал с рабочими, их женами и

детьми. И только теперь я полностью понял, почему там, у нас на Днестре, наши румынские властители ополчаются все более и более против советов, почему они так сурово осуждают советскую власть: эти комбинаты, это колоссальное строительство, эти воодушевленные коммунистические рабочие напугали их. Да, это победоносное шествие социализма!

ИОГАНЕС Р. ГЕХЕР

Коллективный трактор, вспахивающий советские поля, взрывает в то же время и шаткую почву старой истории человечества. Днепрострой, Тракторострой, Донбасс, их цель — не только создавать новые угольные копи, электростанции, заводы для добычи угля, превращение силы воды в электроэнергию и превращение электричества в двигательную силу. Все эти установки являются в одно и то же время великой силой, возрождающей человечество, источником прогресса, превращающего старое человечество в новое.

ГАРОЛЬД ХЕЗЛОП

Мои впечатления о Днепрострое таковы, что не могу достаточно полно выразить их в краткой заметке, — они связаны с моими впечатлениями о России вообще.

Я блуждал вокруг Днепростроя, я исследовал строительство один, и никто не мешал восприятию моих впечатлений. Они ошеломляющи. Все строительство запечатлелось огненным штампом в моем мозгу.

Его красота — в коллективности его созидания. В капиталистических странах такое строительство, как Днепрострой, явилось бы борьбой человека с природой; работа была бы «выгодным предприятием». Каждый старался

бы урвать с него что-нибудь для себя. На Днепрострое это не так. Здесь — не борьба с природой, здесь — человек, коллективно доказывающий миру, что может быть сделано с природой.

Да, Днепрострой великолепен. Я поражен его потрясающей величиной. Мое восхищение почти граничит со страхом.

Народ, дерзающий соорудить такое дело, будет жить вечно.

НОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Когда Турксиб был закончен, когда история его возникновения по снимкам и по отчетам стала известна за пределами СССР, — тогда забрезжили у людей первые подозрения о творческой силе пятилетнего плана. Кто не был окончательно глух, должен был прислушаться перед лицом этой победной борьбы со стихией, — борьбы, которая спаяла людей и толкала вперед, когда не кнут надсмотрщика служил побуждением, не страх перед голодом и не надежда на прибыль, а другая сила, до сих пор неведомая в истории человеческого труда.

Еще до того как Турксиб соединил север с югом, он уже вызвал к жизни новый алфавит и школу, и его площадки превратились в культурные очаги для народностей, чьи области он должен был пересечь.

Говоря о Турксибе, нельзя не вспомнить постройку другой железной дороги, на другой странице истории человеческого труда: дорогу, которая несколько лет тому назад прошла по Бельгийскому Конго. Когда прокладывали дорогу к колониальному сырью, то пользовались в силу климатических условий исключительно туземными рабочими. Но туземцы мерли во время работ, и приходилось постоянно заменять их новыми рабочими. Снова

и снова принуждали негров к строительным работам в самых отчаянных условиях. Под конец каждый километр шпал стоял сотни тысяч жизней. Но таким порядком железная дорога была достроена — под жалкие протесты горсточки квакеров. Эти две железные дороги должны пройти параллельно сквозь сознание людей.

Один буржуазный философ сравнил однажды науку и технику с чудесной лампой из «Тысячи и одной ночи»: «Кто имеет кольцо, тому принадлежит и дух кольца, кто бы ни был он — Нурудин или Аладин». О вещи в себе и для себя не судят по тому, каким путем она сработана, — через проклятия и угрозы или же в страдном горении ударной бригады. Нужно отправиться на самое место работы, увидеть человека в производственном процессе.

* * *

Однажды вечером через деревянные ворота с надписью: «Пятилетка — в четыре года», вступили мы впервые на территорию Днепростроя. Было ровно восемь часов. Перед нашими глазами справа и слева горели красными и зелеными световыми буквами числовые таблицы. Проходил мимо отряд рабочих. Мы его остановили.

— Объясните нам, что означают эти цифры.

— Наша плотина ведется в реку одновременно с обоих берегов. Каждый день заливается известное количество цемента. Цифры показывают, сколько кубометров дал на сегодня каждый берег. Оба берега вступили между собою в социалистическое соревнование.

Мы спросили:

— А вы с какого берега?

— С правого. Но мы догоним тех молодцов.

— Ну, вам для этого завтра придется здорово приналечь на работу.

— Подтянемся, раз нужно!

— А скажите, нет среди вас таких, которые говорили бы: «К черту ваше соревнование, дайте передохнуть!»?

— К чему так говорить? У всех, небось, головы на плечах, не чурбаны. Дело ведь не в куске хлеба или хлеба с маслом. Мы не кроты. Мы же видим, что мы несем за собой.

Он повел рукою, очерчивая указательным пальцем долину, по которой россыпью горели огни миллионного города. Мощные, белые в свете прожекторов быки плотины выступали из воды словно циклопические постройки. Молодой рабочий следил за выражением наших лиц с гордым и счастливым видом гостеприимного хозяина.

Мы выискали доступ к плотине, взобрались на эстакаду. Высоко над Днепром одна из ударных бригад проводила добровольную ночную смену. Один рабочий крикнул нам:

— Вы откуда?

— Из Германии.

На наши расспросы он сказал:

— Конечно, и теперь найдутся такие, которые думают, что исполняют обыкновенную плотничную работу на обыкновенной эстакаде. Но мы знаем, что работаем на пятилетку.

Днепрострой — это памятник. Исполинские массивы его конструкций, его слава, привлекающая десятки тысяч посетителей, должны воздействовать на того, кто над ним работает.

* * *

Но вот маленькая, низенькая шелковая фабрика, за-тертая среди других в узких переулках у Москва-реки. У женщин усталые лица после долгих часов разматывания коконов. Однако в этих женщинах было что-то общее с рабочими Днепростроя. На стойках в их отделении

висел красный флажок ударной бригады. Мы завели разговор:

— На что идет шелк? На материю?

— Нет, он идет на электропромышленность. На кабели и провода. В этом месяце наш экспорт должен повыситься на пятую часть.

Круглолицая деревенского вида женщина смотрит на нас уголком глаза, не отрываясь от работы. Она добавляет:

— Как кончится пятилетка, мы пустим все эти вещи на собственные нужды.

Когда мы несколько часов спустя проходили по фабричному двору, вокруг небольшого помоста, воздвигнутого под деревом, стояла группа женщин. На суку висел колокол. А на помосте стояла, повязав вокруг румяного, как яблочко, личика деревенский платок, наша женщина из ударной бригады. Она говорила рьяно, высказывая, что кипело в груди, из глаз ее сыпались искры, руки бичевали воздух.

— За что она бранится?

— За то бранится, что мы опаздываем на занятия в кружок, потому что нам приходится дожидаться обедов.

А вокруг заговорили:

— Она совершенно права! Кто не ходит на занятия, те могут прохлаждаться да языком трепать. А нам, раз мы учимся, надо отпускать в первую очередь...

* * *

Письмо, читанное нами в харьковской казарме, написали крестьянские парни, которые пришли в Красную армию из глухих деревень неграмотными, невежественными, — как те новобранцы, каких мы сами однажды вечером видели на вокзале. Лестница казармы была посыпана песком, чтоб не оступились: ведь они никогда в жизни не

подымались по каменным ступенькам. И вот такие солдаты, обученные в армии грамоте, писали своему полку, что они, вернувшись по увольнению на родину, провели через тайгу телеграфные провода.

* * *

Что у взрослого проходит как перерождение, как процесс, вырывающий его из его косности, из старого уклада, то у ребенка определяется его первыми самостоятельными действиями. В московских школах, на производственном обучении мы видели мальчиков и девочек, учившихся у рабочих на станках фабрики, которая шефствовала над школой. Школьники оказывали помощь рабочим в кружках по ликвидации неграмотности, в стенновках. В одной школе мы прочитали плакат: «Мы все участвуем в проведении пятилетнего плана». И мы спросили одного малыша:

— Чем же это вы содействуете проведению пятилетки? И мальчик стал объяснять:

— Да вот, например, мы взяли обязательство, чтобы в нашем квартале открыть еще три детских очага.

— Очаги? Как же это?

— Да, нашего большого очага при школе недостаточно. Вот мы и готовим в двух пустых комнатах в нашем доме будущие очаги. Женщины присматривают, чередуются на дежурствах, а мы им помогаем. Мы, пионеры, уже сладили три таких очага по нашему кварталу.

* * *

Газеты, два года кряду называвшие пятилетний план нелепостью, бредом сумасшедшего, теперь переменили тон. «Возможно даже, что русские правители, злоупотребляя бесконечным терпением русского народа, осуществят пятилетку. Может быть, даже они уже достигают

цели — через железный гнет сверху и крайнюю нетребовательность масс».

Они не понимают:

Сознание соучастия в построении нового мира преодолело в России инерцию всего единоличного, спаяло сотни тысяч в ударные бригады, которые превращают в действительность Турксиб, Днепрострой, Магнитострой.

1931 г.

НА ДНЕПРОСТРОЕ В 1930 ГОДУ

Постройка величайшей силовой установки в мире упорно продолжается. Час за часом, день за днем, неделя за неделей, без перерыва поднимается и разливается в воздухе резкая басовая музыка Днепроostroя. Это далекая симфония, которую слышно через горы и воды. Она образуется из спокойного фырканыя паровозов, из скрипящих звуков камней, вырывааемых из земли, из непрерывного воя мельниц, перемальваующих камни, из постоянного звона железа о камень, когда дюжина сверл, работающих непрерывно, пронзкает на 10, 20, 30 метров в каменштое русло реки.

Таковы инструменты, играющие неумолчно в оркестре. Но несколько раз ежедневно и еженощно поднимается ужасный вой предупреждающей сирены, за которым следуют ясные тоны трубы, играющей военный сигнал. Это указание, что произойдет взрыв, и все рабочие должны искать прикрития; затем в течение получаса продолжается грохот обломков скал и грязи, летящих в воздух из недр земли, выпираемых оттуда сжатым воздухом или современными химическими средствами.

Величие Днепроostroя незаметно с первого взгляда. Я стояла в громадном пролете железнодорожного моста, пересекающего Днепр, и смотрела вниз, на мчащуюся

реку. Это двойной мост, с рельсами наверху и автомобильным шоссе внизу, переброшенный мощной аркой со скалы на скалу. Как далеко внизу была вода? 30, 40, 50 метров. Головокружительная высота во всяком случае. Смотри вниз по реке, мы заметили устои для моста и кучи нагроможденного лесного материала вокруг них. Мой спутник спросил:

— Что там строится?

Мы были поражены, когда нам ответили:

— Это Днепрострой.

На расстоянии он не кажется таким грандиозным.

И все же это Днепрострой. И когда сооружение его будет закончено, вода поднимется сзади него все выше и выше, пока не покроет мост, на котором мы стоим. Кажется невероятным, когда мы стоим тут наверху, что этот высокий наблюдательный пункт, эта великолепная стальная арка, несущая поезда и автомобили, когда-нибудь будет затоплена. Однако план таков. Озеро, которое будет за днепровской дамбой, окажется еще выше. За несколько километров вниз по реке уже строится новый, еще более мощный мост, чтобы поддержать движение, когда этот будет снесен.

Мы переезжаем мост, и наш автомобиль несется через старую деревушку Кичкас. Населявшие ее немецкие крестьяне переселены во вновь построенную деревню на вершине холма; им дали большую сумму в компенсацию за старые дома: они выиграли от переезда. В старых домишках теперь временно живут рабочие. Кинематограф и рабочком помещаются друг против друга на противоположных сторонах улицы. Здесь нет новых зданий по очень уважительной причине: Кичкас также будет затоплен, когда плотина будет готова.

Теперь наша дорога идет на гору, к великолепному бульвару, обсаженному маленькими деревцами год или два

тому назад. Здесь начинается постоянный рабочий поселок, где семьи рабочих имеют квартиры в две-три комнаты, с кухней и ванной. Здесь больница, пожарное депо и инженерный клуб. На углу стоит громадное здание в типичном современном советском стиле. Прекрасное сооружение из стекла и бетона. Это контора Днепроостроя; надо видеть, чтобы понять, что предприятие, имеющее такую контору, должно быть громадным.

Для поверхностного осмотра Днепроостроя требуется три дня; для серьезного изучения потребовалось бы, конечно, гораздо больше. Большая часть первого дня была проведена в карабкании вверх и вниз по дамбе. Приходилось проделывать четыре или пять этажей вверх по временной деревянной лестнице, затем четыре или пять вниз, и потом — снова наверх. Теперь, наконец, начинаешь получать представление о размерах сооружения. Смотришь в отверстие между мощными подпорками, в пещере, выдолбленной в прибрежных горных породах. Глядишь вверх, на громадный железнодорожный мост, также временный, по которому локомотивы тащат вагоны, набитые камнями. И поневоле хочется обладать талантом художника или рисовальщика. Это напоминает величие горных областей.

Глубоко внизу, между двумя скалами, которые должны служить основой будущей плотины, три человека зачем-то разложили костер, освещающий дикую панораму скал и узких проходов. Очень далеко за ними высятся громадные скалы, на которых каменщики кишат, как муравьи. Между нами и этой скалой находится долина, по которой проходят семь железнодорожных линий для перевозки грузов. Эта долина — искусственно выдолбленное место будущей силовой установки, размер которой — 240 метров длины и 60 метров ширины.

После часа или двух, проведенных в карабкании по этим высотам, я стою на мосту, проходящем по самой вершине дамбы. Я смотрю на речное русло, расположенное на 37 метров внизу. Потом внезапно замечаю надпись, на русском и английском языках: «Вершина плотины», и стрелку, указывающую вверх. Я следуя этому указанию и смотрю на небо. Высоко, на фоне серого неба я вижу отметку, показывающую, где будет вершина плотины, когда она будет закончена.

После дня, проведенного там, я не удивляюсь, когда американские консультанты говорят мне, что это величайшая плотина в мире — «во многих отношениях», — осторожно добавляют они. Она не самая длинная, потому что знаменитая вильсоновская плотина в Мускуль-Шольде в Америке длиннее. Но ни одна плотина в мире не содержит 1 300 000 кубометров цементированной массы, как это будет на Днепрострое.

По мощности Днепрострой будет также первым в мире. Его гигантская спловая установка будет состоять из 9 турбин в 90 000 лощ. сил каждая. Эти турбины — громаднейшие из когда-либо построенных. Громадные ниагарские турбины стоят на втором месте — они по 70 000 лощ. сил каждая. Но на Ниагаре только три таких турбины, и следовательно, это сооружение в три раза слабее Днепростроя. Полная мощность Мускуль-Шольда, когда все его единицы будут установлены, достигнет 520 000 лощ. сил, или 72 процентов Днепростроя.

Плотина, конечно, еще не весь Днепрострой: это только центр предприятия, вокруг которого группируются все подсобные. Например тут есть громадная мельница, раздробляющая камни, — целый самостоятельный завод с железной дорогой, подвозящей туда вагоны скал; рядом — завод, вырабатывающий бетон из обломков скал, которые передаются туда по конвейеру. На выработку бетона идет

только гранит, выдолбленный из речного русла; употребляется здесь и нераздробленный гранит. Посетив эту дробильню, мы взглянули через реку и увидели другую, еще большую. Днепровская плотина строится одновременно на обоих берегах.

Можно интересно провести утро, осматривая лесопильный завод с его аккуратными корпусами, выстроенными по прямой линии железнодорожного пути, который служит как бы системой конвейеров для лесного материала. В одном из этих корпусов распиливаются большие бревна, которыми пользуются как устоями для перемычки. В других корпусах распиливаются доски разных размеров. В самом дальнем делаются окна и двери. Отсюда выходят не только деревянные части, необходимые для плотины, но также изделия для рабочих домов нового поселка. Ежедневно выпускают 100 дверных и 250 оконных рам, отполированных и законченных, со всеми необходимыми железными частями. Их уносят совершенно готовыми, чтобы ставить прямо на место.

Полдюжины зданий составляют электромеханический завод, обрабатывающий металл всеми способами, известными человечеству. В одной из зал виден ослепительный свет электрической сварки, такой яркий, что эту работу можно наблюдать только через толстое темное стекло.

Отглушительные звуки клепки, несущиеся из громадного здания, показывают, что там вырабатываются из стали котлы и части моста. В кузнице двадцать пылающих горнов с машинами и формами раскаленного докрасна железа. В пятом здании металл переливается в формы, сделанные из мягкой черной земли.

Все эти заводы — только кормилицы Днепровской плотины, няньки этого гигантского ребенка, упорно растущего в русле реки. Но когда плотина вырастет, она будет

иметь больших детей, — другие заводы, большие, чем эти: металлургический завод, громаднейший в мире, выпускающий миллион тонн чугуна ежегодно; алюминиевый завод, выпускающий 15 000 тонн; электростальной завод, производящий 60 000 тонн; химический завод, выделяющий главным образом удобрение из отходов производства.

Планы этих заводов уже составлены, и не только заводов, но и гигантского города «Великое Запорожье», который должен раскинуться на двадцать километров от Днепроостроя до главной железнодорожной магистрали. И тут же город-сад для рабочих, с квадратами парков и зданий, с фабриками-кухнями, с детскими площадками и всем необходимым для социалистического города с полумиллионным населением.

Рабочие Днепроостроя с удовольствием рассказывают одну историю.

— В этом году, — говорят они, — когда разлив задержал постройку до позднего лета, американские инженеры вычислили, что они могут положить 80 000 кубометров бетона, постепенно продвигаясь от устоя к устью. Русские инженеры составили план окружной железной дороги, чтобы можно было установить все устои сразу, и предполагали положить 150 000 кубометров. Но русские рабочие, — здесь он остановился для большего эффекта, — русские рабочие положили не 80 000, не 150 000, а 181000.

История, быть может, не совсем справедлива по отношению к американцам.

— Мы считали нашим долгом, — сказали они мне, — показать самый дешевый метод постройки плотины, чтобы энергия обошлась дешевле. Вместо 5000 рабочих они наняли 15 000. Вместо двух подъемных кранов у них было 7 или 8. Это неэкономно. Плотина, таким образом, будет стоить дороже, чем мы предполагали. Но если русские думают, что она им нужна на год раньше, — это их дело.

Во всяком случае, мы должны засвидетельствовать удивительную энергию и подъем рабочих. Они работали лучше и быстрее, чем можно было себе представить.

Ночь за ночью во время кладки бетона рабочие Днепро-сроя выходили наблюдать красные и зеленые сигнальные огня. Правый берег должен класть каждые сутки 800 кубометров бетона; левый, работающий на большем протяжении, — 1 200. Каждый вечер после наступления темноты зажигают сигнальные огни, показывающие рабочим, разделенным рекой, что делается на противоположном берегу. Красный свет означал 300 кубометров, а зеленый — 400. Если программа выполнялась с излишком, зажигалась большая красная звезда. Каждый рабочий желал, чтобы эта звезда сверкала на его стороне реки.

С этой осени рабочие могут наконец переходить друг к другу, вместо того чтобы обходить кругом по железнодорожному мосту. Перемычка уже доведена до такой стадии, что ее соединяет пешеходный мост. Теперь наконец приступят к работам в центральной части реки.

Мы прошли по деревянному мосту через Днепр, смотря вниз на несущуюся между устоями воду.

Постепенно центр будет окружен перемычками, вода выкачана, и дно исследовано.

На второй день вечером я отправилась на концерт в инженерный клуб. Сюда, так далеко от Москвы и Ленинграда, все же приезжают хорошие артисты. На сцене появились пианистка и скрипач. Музыка, без сомнения, была прекрасная, но она убаюкивала меня. Бах и Шопен написали великолепную музыку для своего времени, и ее еще до сих пор могут ценить музыканты. Очевидно, я не склонна к музыке. В первом же антракте я пошла домой по скрипучему снегу под яркими звездами. На холмах за рекой сверкали электрические фонари рабочего поселка, напоминая мне берега Гудзона в окрестностях Нью-Йорка.

Не успела я выйти, как меня захватила музыка Днепро-
строля, наполняющая все. Отдаленное пыхтение паровозов,
короткие, резкие взрывы и удары железа. Обостренные
ночной тишиной, но все же смягченные расстоянием, они
сливались с шумом реки и усиливали его. Это волновало
гораздо больше, чем музыка, исполняемая в концертном
зале. Это не был мертвый классический этюд. Это была
музыка организованного строительства, потрясающего
мир.

1930 г.

В СТРАНЕ, ГДЕ «ЗАВТРА» ОЗНАЧАЕТ «ВЧЕРА»

В апреле 1927 года в «Поволжской правде» появилась следующая телеграмма:

«Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции постановил построить в Сталинграде тракторный завод. Постановление передано на окончательное утверждение в Совет труда и обороны».

Через неделю новая телеграмма на первой странице «Поволжской правды» сообщала:

«Совет труда и обороны обсуждал вопрос о «тракторном заводе имени т. Дзержинского» и постановил начать его постройку в Сталинграде».

Сталинград будет давать тракторы советскому земледелию. В Сталинграде будет первый советский тракторный завод. Сталинград, однажды получивший орден Красного знамени, теперь отмечен вторично. Доблестно боровшийся в годы гражданской войны, он будет не менее доблестно работать. Тракторы, которые выйдут из ворот нового завода, уничтожат межи и превратят Северный Кавказ в колоссальную социалистическую фабрику зерна.

В течение нескольких дней, — не годов, не месяцев, не недель, а дней, — изменяется лицо степи в двенадцати километрах севернее Сталинграда.

Заработал телеграфный провод СССР — Америка. В Америке заказаны железные конструкции для новых зданий. Только Америка может дать новейшие машины для выработки тракторов. Только Америка может научить первых рабочих будущего сталинградского завода работать так, как требует последнее слово техники.

Америка охотно соглашается. Правда, этим она помогает опасному конкуренту, и с каждой тонной доставленных железных конструкций остается все меньше и меньше надежд на уничтожение Советского Союза; но иного выхода нет: в ворота американских заводов стучится кризис. Может быть, советские заказы помогут пережить тяжелое время, может, в дальнейшем будет лучше.

Америка охотно соглашается. Над планами Сталинградского тракторного завода склоняются головы американских инженеров и техников. Америка посылает в Сталинград своих представителей, специалистов-рабочих, специалистов-инженеров.

Кабель СССР — Америка работает непрерывно.

Но и сталинградская степь не спит в ожидании.

5597 рабочих, техников, инженеров и служащих работают на Тракторстрое в сентябре 1929 года. 1627 из них вступили в социалистическое соревнование. Двадцать девять процентов. В октябре на Тракторстрое работает 6570 человек. 2052 из них участвуют в социалистическом соревновании. В ноябре соревнуются 2580 из 9050. В декабре — 4398 из 9920. В январе 1930 года из 8900 рабочих соревнуются 4730. В феврале из 7550 рабочих было 6320 соревнующихся. Восемьдесят три процента! Из каждых пяти рабочих четверо — ударники.

* * *

История любит доблестные поступки. Но кто знает о них в тот момент, когда они совершаются?

Когда смотришь на рабочих и на инженеров, которых нельзя отличить от рабочих, на этих неустанно работающих людей в засаленных блузах, то видишь только труд. Они работают, стоят в очередях перед кооперативами, влюбляются, проклинают морозы, играют в карты и курят трубки, громко смеются и отплеиваются, а иногда, что уже совсем не к лицу героям, — им хочется плакать. После того как они смонтировали цех в 28 дней, а не в 163 дня, как определила американская экспертиза, и вывесили на крыше красный флаг, они не произносили торжественных речей, они только спросили:

— Ну, а как дело насчет стекла?

Конечно, когда перед тобой такой вопрос, забудешь о торжественном слове. Как обстоит дело с застеклением построенных цехов? — вот один из главных жизненных вопросов Тракторостроя. Что толку в конструкциях, если в них, как незваные гости, со всех сторон врываются ветер и мороз? Будь мастерские застеклены, можно было бы смеяться над морозами и в тепле настлать полы, класть основание для машин, заказанных в Америке, провести провода, поставить первые станки и не торопясь приготовить все нужное для того, чтобы 1 мая 1930 года Тракторный мог предложить делегатам-колхозникам два первых трактора собственной выработки. Если бы только мастерские были застеклены!

Но кто их застеклит? В железные рамы нужно заделать 28 тысяч квадратных метров стекла. Это не шутка.

А если бы стекло и было, то где найти стекольщиков? Администрация писала куда только было можно, все биржи труда должны дать стекольщиков Тракторострою, но стекольщиков нет. Москва строит, и ей нужны стекольщики. Ленинград строит, ему нужны стекольщики. Ташкент строит, Самара строит, Тифлис, Челябинск, Минск — всюду строят, всюду нужны стекольщики. Стекольщиков

нет, они утонули в повсеместном строительстве, как в море. Тракторстрою нужно 300 стекольщиков, а налицо один.

Неизвестно, кто первый подал мысль. Просто на комсомольском собрании кто-то предложил:

— Ребята, возьмемся сами за дело?

— Возьмемся!

Тракторстрою нужно 300 стекольщиков, а есть всего один, и он из стекольщика превращается в крупного специалиста и педагога. Не сразу удалось его уговорить, но наконец он согласился. Хлопнул себя по колену:

— Посмотрим!

Его ученики — комсомольцы. Парни и девушки. Первый день учебы посвящен теории; но когда в цехе свистит ветер, с теорией долго возиться не приходится. Уже на второй день новоиспеченные стекольщики карабкаются по конструкциям на высоте 15 метров. Ртуть в термометре снизилась до двадцати пяти градусов, руки посинели, под конец уже теряешь осязание, кажется, что руки обтянуты перчатками. Какие к черту перчатки! Если бы они только были! Но перчаток нет, и опухшие руки отказываются повиноваться молодым стекольщикам-добровольцам, проходящим учебу в процессе напряженной работы.

Ветер бьет в глаза, из-за слез ничего не видно. Свалишься? Не свалишься? Внизу суетится старый стекольщик. Он руководит, дает указания; предостерегает. От всего этого временами кружится голова, но все-таки стекла наконец вставлены, и замазка засыхает не в руке, а там, где ей следует засыхать.

Нужно только заменить некоторых бригадиров, которые своим примером побуждают к непосильной работе, сопряженной с опасностью для жизни. Строительство требует напряжения всех сил, но не того, чтобы рисковать жизнью.

Двадцать пять градусов мороза.

Один стекольник и триста комсомольцев вставили 28 тысяч квадратных метров стекла в железные рамы новых цехов Тракторостроя.

1 Мая должны быть готовы два опытных трактора.

Работу задерживают заказанные в Америке и еще не доставленные машины. Америка не торопится. Она, очевидно, думает, что имеет дело со старой Россией, и забывает о темпах советского Сталинграда. Поздно, очень поздно пришел пароход с первыми машинами для Тракторостроя.

Утром 30 апреля прежний повелительный лозунг: «Дать к 1 Мая два опытных трактора!» заменяется вопросительным: «Будут ли 1 Мая даны два опытных трактора?»

Ударная бригада в литейной работает без отдыха. Ударная бригада кузнечного цеха нетерпеливо протягивает руки за первой сталью. Ударники монтировочной только заканчивают монтаж первых машин. Будут ли завтра два опытных трактора?

Вечером 30 апреля на Тракторострое собрание рабочих, посвященное Первому мая. Отсутствуют только ударные бригады из монтировочной, у них еще не все готово. Но будет готово! Будет! Завтра будут два трактора, опытные, первые. Делегаты из деревни смогут на них посмотреть, погладить их, пощупать.

Отсутствующие ударные бригады посылают собранию свое приветствие:

— Мы будем работать всю ночь, но задание выполним.

Когда на омраченных лицах появилась улыбка, а глаза радостно заблестели, видя предстоящее завершение работы, машина вдруг замедлила ход и остановилась.

— Нет тока!

— Почему? Что случилось? Когда будет? Как исправить?

— Что делать? Тока нет!

— Ток! Что, ребята, будем ждать тока?

— Нет!

— Эй, ухнем!

Молодые руки налегли на колеса, а машина медленно пришла в движение. Руки поворачиваются быстрее, машина заработала.

Утром 1 Мая собираются делегаты. Людское море затопило мастерские Тракторного. Над Тракторным облака и красный флаг. Кто-то говорит. Играют «Интернационал». Появляются два трактора, два опытных трактора, два первых сталинградских трактора.

Руки поднимаются. Шапки долой!

С трибуны читают телеграмму из Москвы, за подписью председателя ВЦИК т. Калинина: Сталинградский тракторстрой награжден орденом Трудового красного знамени.

4 мая, после торжественного празднования Первого мая, собирается общая конференция всех строителей Тракторного.

Руки всех поднимаются за предложение молодежи.

— Ввиду сложности предстоящей работы и незначительности срока, оставшегося до пуска завода, общая производственная конференция металлистов и строителей обращается ко всем рабочим, работницам, инженерам и техническим работникам с вызовом: напрячь все силы, приложить все усилия, чтобы обеспечить начало работы завода к 15 июля и выпуск первых двух тысяч тракторов к 1 сентября 1930 года. Для выполнения этих задач объявить сорокадневный ударный поход за монтаж. В оставшиеся сорок дней превратить работу во всех отделениях и бригадах в ударную. Повысить уже достигнутые темпы.

В июне 1930 года в Москве, в Большом театре, открывается XVI Всесоюзный съезд коммунистической партии.

Сталинградские рабочие — десять процентов коммунистов, двадцать пять процентов комсомольцев и шестьдесят пять процентов беспартийных — готовят XVI съезду ВКП (б) подарок: готовый Тракторный завод с годовой выработкой 50 000 тракторов и первый сталинградский трактор.

Во всех отделениях и бригадах собрания обсуждают вызов общей конференции металлистов и строителей Тракторного. Все голосуют — за.

У сорока ударных дней только один враг — море. Море, отделяющее Америку от Новороссийска, задерживающее пароходы с машинами.

В заводской газете появился постоянный отдел: «Как дела на море?» Он читается с напряженным вниманием, точно сводки с фронта. На Западе спокойно — прекрасно! Буря — черти полосатые! Туманы — в порядке ли маяки в Европе?

15 июня Тракторный должен начать работать, а в последних числах мая машины из Америки еще не прибыли даже в Новороссийск.

Портовые рабочие в Новороссийске создали ударную бригаду. Вагоны с грузом для Тракторного будут пропущены вне всякой очереди на всем пути от Краснодара до Сталинграда. Это обещали железнодорожники делегации сталинградских рабочих. Молодежь Тракторного и ночью наготове. Пусть только позовет свисток, и прежде чем вагоны успеют остановиться, две тысячи юношей и девушек будут стоять возле них. В течение двух часов машины будут выгружены. И сейчас же вслед за этим приступят к монтажу. В любое время дня и ночи. В день открытия XVI съезда Тракторный должен работать.

Возвратившийся ночной пикет неохотно отвечает на многочисленные вопросы проснувшихся:

— Ну?

— Не пришли!

Телеграммы сообщили: пять пароходов отплыли из Америки в начале мая. В Сталинграде известно: американский пароход вошел в Черное море. Американский пароход вошел в пристань. Американский пароход пристал.

Ухо с детским нетерпением ловит таинственные звуки телеграфных проводов. Телеграмма сообщает сталинградцам, что американский пароход пристал к новороссийскому берегу. Но еще раньше, чем сталинградский телеграфист расшифровал первые телеграфные знаки, бригада новороссийских грузчиков уже стояла на палубе парохода. Краны поднимают груз из открытых утроб парохода. Подъезжают вагоны.

Паровоз дымит в степи. Огни Краснодара светятся уже далеко позади него. Теперь поезд проехал Торговую. Теперь он переезжает через Маныч.

Вечером остановился у платформы Тракторного.

Звенят звонки, свистят свистки. Бригады комсомольцев вскакивают в вагоны. На запачканных лицах радостная улыбка, когда руки уносят драгоценную добычу в виде поршня или зубчатого колеса. Ночью приходит второй поезд.

Новороссийские грузчики выполнили свое обещание. Железнодорожники не забыли о взятых на себя обязательствах. Поезд за поездом останавливаются у сборочной Тракторного.

Только девятнадцать дней осталось до 15 июня, а работы — по американским расчетам — на два месяца.

В грохоте, шуме, при ярком свете, в облаках пыли. Только рука с каждым днем все поспешнее отрывает листки календаря.

Первое июня. Пятое. Десятое. Четырнадцатое.

Пятнадцатое! Месяц тому назад кем-то подчеркнутое красным карандашом. Рука нерешительно сжала и оторвала листок.

Пятнадцатое июня прошло. Машины еще не собраны. Первый трактор еще не готов. Пятнадцать драгоценных из срока ударных дней были потеряны из-за опоздания американских машин. Рабочие хотят в течение сорока восьми часов наверстать потерянное. Завод будет готов до открытия XVI съезда. Несколько дней тому назад из Москвы пришло известие, что его открытие отложено на неделю.

Утро 17 июня 1930 года.

Сталинградцы длинными колоннами идут по пыльной дороге на север, за двенадцать километров от города, на Тракторный.

С юга, с севера, с запада, с востока катится широкий поток и вливается в ворота Тракторного. Качалинская, Иловская, Громословка, Мариновка, Бучиновка, Карповка, Калач и Песковатка посылают своих делегатов.

Лица и голоса празднично-торжественны, как утренняя тишина на полевой меже. Тысячи делегатов с заводов и из деревень ждут во дворе. Глаза всех устремлены на ворота сборочной.

Там внутри шум голосов и однообразный шорох приводных ремней. Далеко, в противоположном конце сборочной появляется мотор. Медленно приближается он на волнах конвейерной ленты, превращаясь в подобие трактора. Молодые руки горячо работают. Тысячи рабочих смотрят на них с затаенным дыханием.

Движущаяся лента отсчитывает секунды. Теперь она спускается, и только едва заметная полоска отделяет большие колеса трактора от земли.

Молодой рабочий вскочил на сиденье. Поворачивает руль. Включает мотор. Колеса прикоснулись к земле. Первый сталинградский трактор снят с конвейера. Первый сталинградский трактор выезжает из ворот сборочной. Тишина. Даже ветер затих, и белые облака остановились.

Только трактор поет свою песню,—песню о свободе, о великом деле, о новой жизни.

* *
*

Когда в сталинградскую степь пришли первые рабочие, они врыли в землю два столба, несколько криво прибили к ним доску, украсили ее зелеными гирляндами и красными лентами. Это была триумфальная арка.

Дождь смыл крупные буквы на деревянной доске, она посерела от ветра и солнца, но еще можно прочесть:

«Если бы мы могли дать завтра сто тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию! (т. е. за коммунизм)».

Эти слова были сказаны т. Лениным на VIII съезде ВКП (б).

1930 г.

КУЗНЕЦКСТРОЙ, ИЛИ НОВЫЕ ПИРАМИДЫ

В Кузнецке нас встретили секретарь райкома Хитаров и начальник строительства Кузнецкстроя Франкфурт — член ЦИК СССР; оба хорошо говорят по-французски. Вместе с Франкфуртом — человеком сильной воли, непрестанно озабоченным строителем — мы, обогнув березовый сад, поднимаемся на вершину «верхней колонии».

Здесь, в самой глубине Западной Сибири, у подножья Алтая, расстилается площадка Кузнецкстроя — широкий круг холмов на берегу Томи. Здесь в течение восемнадцати месяцев собралось 40 тысяч людей. Их задача — построить гигантский город стали, новый Гарри¹.

Вдали, по ту сторону реки, у подножия холма, затерянный в дыму, лежит старый город, вернее, небольшой городок старой Сибири, с его выпятившейся белой церковью. Перед нами — какая огромная дистанция в масштабах: новый город, город высоко возведенных лесов, турбин, бетона, с двумя колоссальными доменными печами.

— Отсюда, — говорит Франкфурт, — вы можете все видеть: и то, чем мы гордимся, и то, что позорит нас, и плохое и хорошее, и лучшее и худшее. Прежде всего под

¹ Город в Америке, центр сталелитейной промышленности.

вашиими ногами уголь. Вся эта гора и следующая, и еще одна — все это уголь. Здесь — всевозможные и неисчерпаемые богатства. В 85 километрах отсюда находятся железные рудники Тельбес и Темир-Тау, удовлетворяющие нашу потребность на 30%. Когда же домы будут загружены полностью, мы будем получать 1 200 000 тонн чугуна вместо ранее предположенных 200 000 тонн.

На том самом месте, где вы видите две первых домы с кауперамп, огромную электростанцию с высокими трубами, гигантские сооружения Коксохимкомбината, прокатного, чугунного цехов и мастерских «Стальмоста», — все эти наши славные достижения, — восемнадцать месяцев тому назад не было ничего кроме голой степи, изрезанной болотами.

Надо было сначала «сделать» площадку, т. е. сравнять десятки гектаров земли, на которых мы могли бы строить. Потом надо было копать землю, чтобы заложить фундамент. В старом Кузнецке не было и 5 тысяч коренных жителей. Мы начали с тремя тысячами рабочих. Сегодня их 40 тысяч.

Но надо не только выравнивать, копать и строить. Надо было подготовить необходимые условия для развертывания строительства. Вот в том-то и наша беда, что мы не подготовились. Это — то, что позорит нас.

На Урале или в Сталинграде, где и раньше была индустрия, уже было что-то сделано в этом направлении. А здесь? Я знаю Сибирь давно. Я жил здесь около Томска долгие месяцы, вынужденный к этому царским правительством. Перед войной во всей Сибири с трудом можно было насчитать 5 тысяч индустриальных рабочих, исключая железнодорожников. Здесь не было даже плотников, которые умели бы хорошо забивать гвозди; не было и самих гвоздей. Надо было привезти рабочих из центра. Перспектива поездки в Сибирь еще не вызывала энтузиазма. И если вы

спрашивали кого-нибудь в Москве или на Украине: «Ты поедешь работать в Сибирь?» — он вам говорил в ответ: «Чем я провинился?»

Надо было опереться почти целиком на местные возможности. Новые ресурсы рабочей силы можно было искать только в деревне. Сибирский крестьянин никогда ничего не видел. Паровоз вызывал в нем изумление. И вот он очутился среди шума, стука, свиста пара и труб, оглушавших его со всех сторон. У них являлось желание бежать, когда они впервые приходили сюда. Кузнецкстрой, где большинство рабочих — вчерашние крестьяне, по существу был не столько стройкой, сколько школой по подготовке кадров из этих крестьян.

А дни уходили. Надо было строить коксохимзавод, электрозавод, доменные, и для того чтобы осуществить все это, сюда без конца стекалась новая рабочая сила. Чтобы разместить ее, надо было строить бараки, а для этого опять-таки нужны были рабочие. Чтобы доставлять сюда людей и дерево, строительные материалы, имелась одна только железная дорога, перегруженная и материалами и людьми.

Социалистический город вырастал вместе с заводами. Вы его видите — он весь красный, внизу, там на востоке, на границе с площадкой. Он может вместить сто тысяч жителей. Но пока в нем можно насчитать только десять четырехэтажных жилых домов, каждый в 32 квартиры. В стороне от этих зданий и квартала «Б» (Верхней колонии), где помещаются иностранные специалисты, громоздятся землянки и бараки. Это «Нижний квартал». Он также служит нам укором.

Одна из комиссий, которые нас часто навещают, задала нам вопрос, почему у нас нет звукового кино. Правда, у нас скоро будет оно. Но прежде всего надо застроить 140 тысяч квадратных метров жилыми домами, ибо не

может быть настоящего улучшения культурной жизни без улучшения жилищных условий.

У нас есть уже ясли, детские сады, больницы, школы, книжные склады, театр, аэродром, клубы, специальные здания, в которых живут и обучаются шесть тысяч учащихся.

Мы кормим ежедневно 80 тысяч человек в наших столовых. Мы провели воду из Томи на площадку. 130 километров водопроводной сети с семью ответвлениями делают воду годной для питья и отопления. Взгляните на эти сооружения на берегу Томи, к юго-западу. Это наши насосные станции. Для удовлетворения потребности наших заводов и населения требуется вдвое больше воды, чем в Москве. Мы строим дороги. Мы проложили 137 километров железнодорожного пути, и только для обслуживания нашей площадки мы имеем 40 паровозов и 800 вагонов.

Постройка нашей первой электростанции закончена, и через два-три дня мы пускаем первую турбину. Коксовый завод с 4 батареями по 55 печей и вспомогательными заводами химических продуктов уже почти готов. Две домы уже скоро готовы к пуску. Закончено 15 мартеновских печей с пропускной способностью по 175 тонн в день.

Взгляните на эти длинные мастерские — рельсопрокатные цехи с рекордной длиной почти в километр. Мы будем иметь мостовые краны мощностью в 220 и 275 тонн и блюминги для прокатки полосового железа производительностью в 1 170 000 тонн в год. Достаточно будет надавить кнопку, чтобы сплющить железную болванку в несколько тонн железа.

Наши механические мастерские ежемесячно доставляют нам для нужд нашей стройки 3 тысячи тонн стальных изделий.

Рядом вы видите литейные мастерские, выпускающие 45 тысяч тонн литья в месяц. Ниже, к югу, на берегу

Томи, за «Нижней колонией» — наш деревообделочный комбинат. К северу — кирпичные заводы. За этой горой лежит самый ближайший к нам уголь — шахты Араличево.

Вот что мы смогли сделать за восемнадцать месяцев. Мы достигли этого благодаря дружной коллективной работе инженеров, коммунистов и ударников. Как удалось нам достичь этого? Поговорите с рабочими, они вам расскажут.

Это поистине эпопея о массе, о ее беззаветной революционной борьбе, в которой люди героически, ни с чем не считаясь, отдавали себя целиком.

Такое строительство, с трудностями, непреодолимыми ни в какой капиталистической стране, захватывает всецело. Живешь и работаешь только для него. Работаешь без отдыха, забывая о сне, о еде. Я видел рабочих, которые после восемнадцатичасового непрерывного труда отказывались прекращать работу, и приходилось насильно удалять их со стройки.

Один инженер-коммунист харкал кровью. На мое предложение уехать в санаторий он, улыбаясь, точно это была нелепая шутка, ответил: «Сейчас уехать — нет, это невозможно!»

Я могу привести вам сотни подобных примеров. Восемилетние дети заражались энтузиазмом, как взрослые, как старики. Крестьяне, вчера еще забитые, в течение нескольких месяцев стали опытными рабочими.

Мы снова спускаемся с холма. Тысячами огней освещаются как раз в этот момент окна домов социалистического города и Верхней колонии.

Красные звезды горят на электростанции, на горлах домен, на кауперах. Тысячи ламп зажигаются на лесах, где продолжается работа.

Мы сливаемся с толпой, которая движется на работу или в клуб, в столовые или кооперативы. Афиша, приклеенная к стропилам железнодорожного моста, извещает

о том, что в городском театре вечером играет московский скрипач Давид Ойстрах.

Высокие бараны шапки, сибирские меховые шапки с наушниками, кожаные тужурки, рваные тулупы, лапти, сапоги и валенки, фетровые и олени. Туфли и калоши, красные платки и кепки на женщинах, женщины в штанах, красноармейцы в длинных шинелях. Белые от штукатурки, черные от угольной пыли. Крестьянка в платке с желтыми цветами, голубой юбке, блузке в горошину и черных ботинках. Вся она — олицетворение деревни. Мальчики и девочки в юнштурмовках. Бородатые крестьяне со всех концов Союза. Высокорослые сибиряки, несущие бревна, татары с мешками ча на плечах, монголы-водоносы. Отряд маляров, размахивающих длинными кистями, землекопы со своими лопатами. Две вереницы повозок, узких и низких, как античные колесницы. Одни — пустые, другие — с землей. Ржание лошадей, скрип колес, рычанье кессонов, ворчание сирен, пыхтение моторов, грохот пневматических молотов, жужжание труб, свистки паровозов, скрип лесопилок, шум от трения железа о железо, дерева о дерево, камня о камень, пара о железо, огня о железо. Не слышно только голосов людей.

Их огромная работа течет безмолвно, как густая лава, среди гигантских строений и грандиозных траншей.

Огромные массы народу сооружают здесь новые пирамиды тяжелой индустрии, пирамиды из стали и бетона. И они строят их, прославляя ими самих себя, они строят их, чтобы защитить самих себя, чтобы защитить мировую революцию.

1931 г.

КРАМАТОРСКАЯ — МАТЬ ГИГАНТОВ

Краматорская, лежащая у северо-западного входа в Донбасс, привлекает внимание главным образом благодаря Краммашстрою — строительству машиностроительного гиганта. Но было бы ошибочно обойти старые заводские здания, не осмотреть их. Старый Краматорский завод оказал большую помощь в создании Днепростроя, Магнитостроя, Кузнецкстроя. Старый Краматорский завод — мать гигантов.

В Краматорской сейчас работает три доменных печи. Четвертая печь, производительность которой будет равна общей производительности всех работающих уже трех печей, — находится в стадии рождения. Она будет готсва одновременно с новым гигантом.

Три старые доменные печи не только выполняют план, но и перевыполняют его.

Железо — необходимый продукт, продукт, который очень ценят и любят в Советском союзе, и перевыполнение плана в этой области — дело нештучное. И удивительно ли, что, приехав туда, пишущий эти строки заинтересовался процессами производства, поставил перед собою вопрос — каким образом достигается это перевыполнение планов.

Эти три доменные печи перевыполняют план, но не все они работают одинаково. И вот вы узнаете, что доменная печь № 2 работает хуже всего, что лучше всего работает печь № 1, а печь № 3 работает посредственно.

Почему доменная печь № 2 работает слабее других? Она нуждается в капитальном ремонте. И этот ремонт надо осуществить возможно скорее. Если ремонт будет произведен, если печь будет усовершенствована, она снова будет работать как следует. Ответ как будто ясен. Да, он совершенно ясен, — здесь речь идет о т е х н и к е.

Мы подходим к печи № 3. Мы разговариваем с т. Бакуровым, председателем профкома.

— Мы выполняем план на сто процентов, — говорит он.

— С каких пор, т. Бакуров?

— С января. С января мы ввели хозрасчет и стали по-настоящему осуществлять шесть условий т. Сталина. Раньше мы зарабатывали 86—90 рублей в месяц, а теперь многие зарабатывают по 280 — 300 рублей в месяц при 23 рабочих днях.

— А как у вас с ударничеством?

— На все сто процентов, — отвечает т. Стрельцов, рабочий, в этот момент подошедший к нам.

Ответ как будто ясен. Да, он совершенно ясен, — речь идет о персональной ответственности.

И теперь еще один вопрос:

— Много ли партийцев работает у вашей доменной печи?

— Один партиец и один комсомолец, остальные — беспартийные. Это преимущественно люди, недавно прибывшие из деревень. Когда они немножко обживутся здесь, приобретут квалификацию, они, может быть, будут стремиться к более квалифицированной работе. Наша печь оборудована не по последнему слову техники.

Работа здесь тяжелая. Работа у новой печи будет совсем иной.

Но вот мы у доменной печи № 1, у лучшей печи.

— Чем объяснить, что ваша печь работает лучше других? — спрашиваю я.

— Здесь работают комсомольцы! — сразу отвечает с десяток звонких голосов.

— Сколько вы в среднем зарабатываете в месяц?

— 220 рублей. Несколько меньше, чем рабочие печи № 3, но у нас людей больше... Зато работа идет лучше.

Ответ как будто ясен. Да, он совершенно ясен. Здесь речь идет о классовом сознании.

Доменные печи издали кажутся чудовищами, великанами в дыму и копоти, исполинами, выплевывающими огонь, стоящими среди необычайного шума паровозов, непрерывно гудящих и свистящих. Но когда подойдешь ближе к этим печам, они кажутся совсем иными, они не пугают, они близкие, они дают ответы на все вопросы, на все жгучие проблемы.

Здесь железо отражает всю общественную систему. Мы слышали ответы трех печей. Что же скажет четвертая печь, эта новая, сооружающаяся по последнему слову техники громадина, огромный фундамент которой уже возведен? О чем может она говорить, если не о пути создания бесклассового общества...

* * *

Краматорский завод — старый завод. Во времена гражданской войны здесь были красные, зеленые и белые. Махно, Петлюра, поляки и снова и снова — красные. Петлюра ограбил Краматорскую, Махно расхитил последнее, поляки положили гранату в котел электростанции. Но снова и снова старый завод становился на ноги, он остался ве-

реи — не капиталистам, владевшим им, а тем, которые его создали, — пролетариату. И Краматорский завод рождал машины, оборудование для Волховстроя, для Магнитогорска, для Днепростроя. В механическом отделении вот сейчас монтируются части 250-тонного крана для Магнитостроя. Заканчивается изготовление оборудования прокатного стана для Днепровского комбината.

— Я недавно был на Днепрострое, — обращаюсь я, — и там мне сказали, что окончание инструментального цеха зависит от того, сдадите ли вы во-время оборудование.

Мне отвечает молодой парень. Он помощник заведующего механическим отделением, его зовут т. Кайцек.

— Комплект уже готов, но одну часть мы должны изготовить заново. Отлив был неправильный. Мы это обнаружили здесь и теперь принялись заново за эту же работу.

— И когда же она будет готова?

— Мы сделаем ее к сроку, — и он говорит это чеканно и четко, и ответ его внушает уверенность, что работа действительно будет выполнена.

Тов. Кайцек будет инженером только в 1934 году.

— Очень поздно, — говорит он. — Но у меня была такая большая партийная нагрузка, что я никак не мог раньше справиться с учебой.

— А сколько тебе лет?

— Двадцать шесть.

— Комсомолец?

— Нет, с 1920 до 1928 года я был в комсомоле, а теперь в партии.

— Здесь много партийцев?

— Да. В механическом отделении почти все слесаря партийцы или комсомольцы.

— Как у вас с новыми рабочими, пришедшими из деревни?

— Хорошие ребята, они здесь шлифуются, как железо. Скоро они станут такими же сознательными рабочими, как и мы.

Тов. Кайцек также имеет много вопросов ко мне. Он хочет узнать о новой технике, хочет узнать, как живут в капиталистических странах пролетарские студенты, как живут там рабочие. Он изучает теперь немецкий язык. Он очень хотел бы переписываться с иностранными рабочими.

Я записываю адрес т. Кайцека, я отправлю его в Германию, и т. Кайцек получит оттуда письмо...

Производственный процесс начинается здесь у доменных печей и кончается в механическом отделении. И когда уходишь отсюда, из механического отделения, тебе все ясно, — ясен путь железа, ясен и путь людей в этой новой, пролетарской стране.

* * *

Краматорская отдавала все, что имела, революции. Раньше, в дни гражданской войны она отдавала своих сыновей, а потом — все свои силы на социалистическое строительство. Отдавала беззаветно, не думая о себе. И поэтому так тесно в этих старых заводских помещениях. Каждая новая машина отвоевывала пространство; делалось все теснее. Душно, жарко, пыльно, дымно, а паровозы, дающие непрерывно свои оглушительные сигналы, разъезжающие с огромными чанами расплавленного железа, с раскаленными железными полосами, с готовыми железными конструкциями, делают атмосферу еще более тяжелой и невыносимой.

И только теперь, когда старый Краматорский завод родил много новых гигантов, он подумал о себе. И то не из эгоистических побуждений. Он знает, что нужны еще новые гиганты, еще большие исполины, и старому заводу

нужны новые силы, чтобы помочь рождению этих новых гигантов. И вот возник младенец Краммашстрой, кровь от крови старого завода.

Новый завод строится при активной помощи старого. Новая доменная печь воздвигается неподалеку от трех старых. Мартеновский цех и сталелитейный из старого завода частично перейдут в новый. Идет строительство — и одновременно монтаж. Прессовочный цех еще далеко не готов, имеется только фундамент, но уже на полном ходу работа по конструкции и монтажу оборудования для него. Уже изготавливают здесь фермы для кранов новейшей конструкции, уже проектируются 75-тонные краны.

Краммашстрой не отдыхает ни днем, ни ночью. И ему просторно здесь. Есть где разместиться. Будущий гигант без особого напряжения сумеет удовлетворить две трети потребности южной промышленности и почти половину потребности всего Советского союза в доменных печах, мартенах, газогенераторах, прокатных станах, электрических кранах высшего напряжения, котлах высокого давления, — словом, во всем оборудовании тяжелой промышленности.

Возникает новый завод заводов, и он уже в значительной части готов.

* * *

Этот гигант, находящийся еще в стройке, уже знает сегодня своих потребителей. Это результат плановой системы ведения хозяйства. Но этот гигант знает не только заранее спрос и потребление, — он знает уже сегодня, сколько рабочих какой квалификации ему понадобится, когда и откуда он их получит и как они будут подготовлены.

В единственной стране в мире, где нет безработицы, может быть проведена в жизнь такая система.

Тов. Мельник, заведующий отделом кадров на Крамашстрое, показал мне точные цифры и выкладки. На новом гиганте будут заняты 20 021 человек. Из них 16 773 рабочих, 2 295 инженеров и техников и 1000 служащих. До конца 1932 года приступят к работе 10 100 человек. Из них старый Краматорский завод даст 4000 человек. На 60 различных заводах готовится 6000 человек, и кроме того, в различных учреждениях и технических школах обучается 2200 человек. Из-за границы в этом году придут 313 рабочих и 214 инженеров. На 1932 год завод кадрами обеспечен. Если все пойдет гладко, то часть рабочих сможет даже совершенствовать свои знания — конечно, за счет завода — пока им придется приступить к работе.

— Как же будет со старым заводом? — спрашиваю я. — Справится ли он с работой, если у него заберут 4000 рабочих?

— Все будет в порядке, — улыбаясь отвечает т. Мельник. — Старый завод тоже заботится о своих кадрах. Там наряду со старыми рабочими уже сейчас имеются новые, которые обучаются, получают квалификацию. Да к тому же мы вовсе не собираемся взять сразу оттуда 4000 рабочих, а по мере того, как будут разворачивать работу наши отделения, будем брать по 100—200 человек.

— Как, трудно было найти рабочих?

— Конечно, трудно. Но товарищи с других заводов поняли, как важно обеспечить наш будущий гигант рабочей силой, и вот 60 заводов отдали нам по 100 рабочих.

— Как отнеслись к этой переброске сами рабочие?

— Здесь не было никакого принуждения. Отбор производился по принципу добровольности. И те, которые едут сюда, воодушевлены желанием принять участие в первых шагах нового гиганта. Это почти все ударники. Мы уже теперь знаем, что из них приблизительно 20 процентов

членов партии и 50 процентов комсомольцев. 26 процентов прибывающей к нам рабочей силы — женщины.

И можно даже заранее сказать, как будут выглядеть эти новые тысячи рабочих, которые наполнят Краматорский машиностроительный гигант. Это прекрасный человеческий материал. Это прекрасные парни, твердые, как сталь. Это прекрасные девушки и женщины, светлые, как колосья пшеницы, или черные от загара, как земля. Люди здесь так же прекрасны и цветущи, как украинские поля, радостные и веселые, воодушевленные и добрые. И они заслужили то настоящее, которое у них есть, и то будущее, которое они строят. Все принадлежит им на этой планете, и горе врагу, который будет покушаться на их счастье. И здесь, в Донбассе, в радостном труде не забывают о врагах. И поэтому работают, не обращая внимания на холод и морозы, на дожди и пышущий жар, ибо они знают, что они должны быть возможно более сильными к тому моменту, когда придет враг.

Здесь все ясно и четко. Здесь нет полуслов. Все ясно в своем прекрасном величии.

1932 г.

СОВЕТСКИЙ ЗАВОД

Меня изумляют американские авторы, которые пишут книги о Советском союзе, прожив десять дней в московской гостинице.

Из советских писателей лишь немногие осмеливаются писать книги «о Советском союзе», — они пишут лишь о том участке, который они лучше всего знают и чувствуют.

Они жалуются, что писать сейчас трудно: слишком быстро идет вперед жизнь. Гоголевская символическая тройка — Россия — слишком быстро несется вперед по безбрежным степям...

Джон Рид писал о баррикадах и пулеметах — о десяти днях, которые потрясли мир.

Нынешний период не менее напряженный. Люди опять чувствуют себя точно на войне; но это иная война — война за строительство мощной индустрии, война, несущая не смерть, а жизнь, война за пятилетний план — за созидание, за творчество масс.

Советская Россия осуществляет пятилетний план. Всему миру нужен пятилетний план. Но разве может капитализм, означающий хаос, конкуренцию, анархию, составить план хотя бы на один месяц?

Везде — в столовых, на вагонах трамвая, на фасадах домов, в театрах — видишь красные знамена с этим лозунгом: «Пятилетка — в четыре года!» Этот лозунг слышишь в каждой речи, читаешь в каждом серьезном документе. Я слышал его и на допросе контрреволюционеров, и на фабриках, и из уст Крупской, и на съезде пролетарских писателей в Харькове.

Когда мы вернулись из Харькова со съезда пролетарских писателей в Москву, Саша Бубен повел нас на «свой» завод. Саша — рабочий-металлист, двадцативосьмилетний худощавый гигант, с лицом, выражающим непреклонную волю, и с теплой улыбкой. У него типичная история: в шестнадцать лет его призвали в царскую армию, он проделал всю империалистическую войну, был два раза ранен и раз отравлен газами. Несколько лет был военнопленным в Германии, потом вернулся и вступил в ряды Красной гвардии. Семь лет был на фронте; потом вернулся на завод, где и сейчас работает при мартеновских печах.

Он интересуется литературой. Литературный кружок его завода дал ему месячный отпуск и послал на наш международный съезд пролетарских писателей, с тем чтобы по возвращении он сделал о нем доклад.

Завод называется «Серп и молот». На нем работает восемь с половиной тысяч рабочих. Это старый завод: он построен тридцать пять лет тому назад. Тогда он принадлежал французским капиталистам. Это было в те черные дни, когда русские рабочие массы, как и теперь наши американские, верили еще, что сталь и другие нужные вещи нельзя производить без капиталистов.

Завод расположен на окраине Москвы. У входа какое-то футуристическое строение из дерева, украшенное красными знаменами и лозунгом, написанным крупными буквами: «Пятилетка — в четыре года!»

Здесь же целая галерея фотографий — около пятидесяти портретов рабочих-металлистов. На нас смотрят их сильные лица.

— Это рабочие, которые достигли лучших производственных показателей за истекший месяц, — сказал Саша.

Несколько инженеров, среди них один американец, также удостоены чести видеть свои лица среди этих героев труда.

* * *

Когда вы произносите слово «завод» в Америке, вы имеете в виду определенное понятие, которое заставляет наших гнилых, насквозь гнилых интеллигентов ненавидеть фабрики. По этой же причине они не в состоянии постичь Советскую Россию.

— Как, — говорят они, — разве это прогресс — построить еще больше новых Питтсбургов? ¹

Да, это прогресс, — потому что завод в Советской России нечто совсем иное, нежели в странах капитализма.

Он делает сталь, но он же делает новых людей. Это — великая школа. Может быть, современем все университеты будут заменены заводами-вузами, где ученье и работа, теория и практика будут составлять одно неразрывное целое.

Я не буду описывать завод с технической точки зрения. Все это мы видели в Америке.

Мартеновские печи выстроились в ряд, и мы через закопченное стекло заглядываем в их раскаленные добела жерла. В другом цехе прокатывают болванки, принимающие форму длинных полос. Они так извиваются, что кажется, будто это красные змеи в смертельной агонии.

¹ Питтсбург — крупнейший металлургический центр Северной Америки.

Рабочие хватают их большими щипцами и бесстрашно управляют этими змеями, самое легкое прикосновение которых будет стоить руки или ноги.

Мы видели и женщин, работающих на этом заводе. Их 1100. Многие — на тяжелой работе. Приходится менять все свои американские взгляды, когда поглядишь на этих красивых русских великанш в синей прозодежде и красных платочках, орудующих двенадцатифунтовым молотком или поднимающих по десяти витков стальной проволоки за раз.

Восемьдесят процентов женщин — в ударных бригадах: они поклялись положить все силы, чтобы выполнить пятилетний план.

Четыре тысячи рабочих — почти половина работающих на заводе — учатся. Секретарь партячейки с гордостью дает пояснения к голубой диаграмме, висящей на стене его комнаты. Здесь показаны различные формы учебы, которую проходят мужчины и женщины. Пятьсот взрослых учатся читать и писать. Революцию в Советской России прекрасно иллюстрирует быстрый рост грамотности — в стране, где было 90% неграмотных. Кривая поднимается все выше — через фабзавуч, политические и общеобразовательные курсы, пока не достигает вершины, которую заняли 150 рабочих, готовящихся стать советскими инженерами.

На этом металлургическом заводе, как и на всяком другом, есть стенная газета, работают литературные кружки, библиотека. Интеллектуальную жизнь завода можно сравнить с горячим пламенем мартеновских печей.

На этом заводе выходит специальная заводская ежедневная газета. Она называется «Плавка». В ней помещается много заводских новостей, стихи и проза рабочих-авторов. У нее есть рабкоры в каждом цехе. Очень часто

группы этих корреспондентов посылаются в различные части Советского союза, чтобы потом рассказать о том, как живут там. На заводе есть литературный кружок, в котором работает около сорока человек. Руководит кружком писатель Тарасов-Родионов.

Мы побывали и в заводской библиотеке. Она была так набита, как популярный нью-йоркский подпольный кабачок. Библиотека насчитывает 20 тысяч томов, и их зачитывают до дыр. Из 8000 рабочих — 4500 постоянные читатели библиотеки. Состоят в ней абонентами и 400 ребят. На заводе работает 300 татар, и для них в библиотеке есть специальный отдел татарской литературы.

Старший библиотекарь, красивая темноволосая девушка, увлекающаяся своей работой, рассказала нам, что читают эти рабочие-металлисты: 50% падают на беллетристику и критику, 10% — технические книги, 15% — политика и экономика, 25% — общие науки, философия, история, география и т. д.

Молодой приземистый татарин получал книги у библиотечного стола. Это были книги на русском языке, так что я мог кое-как разобрать название и фамилию автора. Одна была — «Бэббит» Спиклера Льюиса, другая — «Американская трагедия» Драйзера.

— Вы интересуетесь Америкой?

— О, да, — ответил он, улыбаясь, — ведь это — страна индустриальной техники.

Эти два автора, а также Джек Лондон, О'Генри, Уот Уитман, Фенимор Купер, Франк Норрис, Джон Дос-Пассос, Эптон Спиклер — на этом заводе самые популярные американские писатели.

Один рабочий показал мне стенографический отчет литературного рабочего суда, происходившего месяц тому назад. На нем обсуждалась моя книга.

Америка — страна филистеров. Средний рабочий не читает ничего, кроме информации о борцах-чемпионах. Мне было почти стыдно, когда приходилось рассказывать об этом русским, у которых литература — одно из наиболее эффективных орудий организации масс для борьбы за великие цели коммунизма.

Сейчас в СССР царит настоящий книжный голод. Я не помню точных цифр, но знаю, что здесь печатается на много миллионов больше книг, чем в любой другой стране. И все же книг нехватает. Первое издание книги в Америке выходит обычно тиражом в 2000 экземпляров. Здесь же — от 5 до 50 тысяч. Продается гигантское количество. Так, «Бруски» Панферова разошлись в миллионе экземпляров, роман Белы Иллеша о венгерской революции — в 500 тысячах экземпляров, стихи Маяковского — в трех миллионах.

Никто, кто не был здесь, не может себе представить, как высок стал литературный уровень советского рабочего.

Один молодой рабочий-металлист, активный коммунист, сказал мне, что он читает полное собрание сочинений Марселя Пруста, чтобы лучше понять упадок французского капитализма и проанализировать противоположность между пролетарским и капиталистическим литературным стилем.

* * *

Это только один металлургический завод. А по всей этой огромной стране тысячи фабрик и заводов. И на каждом промышленном предприятии — то же социалистическое производство и социалистическое воспитание. Отрицайте, если вам так нравится, все коммунистические теории; но здесь миллионы людей живут своей особенной жизнью, двигаясь к определенной цели. Вы можете попы-

таться перебить их всех, организовав империалистическое нашествие; но никакие другие аргументы не убедят их, что для них не началась с революцией новая, чудесная жизнь.

Они будут драться за свою новую жизнь. Когда-то они были неграмотными рабами на этом металлургическом заводе, работали по шестнадцать часов в день и жили, как свиньи. Теперь они читают Пруста и Эптона Синклера и работают здесь как хозяева завода. Изменить их жизнь можно было бы лишь путем массового убийства.

Но еще никому не удалось убить великий, воодушевленный и вооруженный 150-миллионный народ. Наполеон завоевал весь мир, но был разбит вдребезги в России. А теперь этот народ стал сильнее и может справиться с несколькими буржуазными Наполеонами.

Но он хочет мира. Советская Россия — единственная великая страна во всем мире, действительно стремящаяся к миру, потому что мир — в интересах ее народного хозяйства, потому что энтузиазм строительства охватил весь народ, и всякая помеха в выполнении великого пятилетнего плана вызовет гнев, ярость, проклятия и негодование.

Советская Россия напрягает все усилия, чтобы выполнить пятилетний план. На фабриках и заводах идет социалистическое соревнование, а Красная армия держит наготове винтовку и изучает экономику и всемирную историю. Советский металлургический завод не напоминает питтсбургский. Он скорее напоминает эпоху Ренессанса в Европе, после темных лет средневековья, эпоху первых университетов. Или — он не напоминает ничего из прошлого, ибо он говорит о великом, трудно выразимом будущем.

И Ноябрь 1930 г.

НА СОВЕТСКИХ РУДНИКАХ

На востоке пробивалась заря, когда наш поезд засопел и остановился у станции.

Вдалеке на фоне неба вырисовываются силуэты Горловских шахт. Массивные водонапорные башни, дымовые трубы, поднимающиеся из сутолоки строений. Поселок где-то дальше. Нам нужно ехать на дрожках. Бородач-извозчик, зарывшийся в шубу, подвозит нас к рудникам. Электрические фонари мигают сквозь пловучее облако дыма. Молчаливо и угрюмо думает рудник свою думу. Как будто сознает значение этого времени для Советской России, сознает, что вся программа индустриализации в конечном счете зависит от того, сумеет ли угольная промышленность достаточно быстро расти, чтоб ее поддержать.

Далеко отсюда коксовая печь имени Сталина лизет край небосвода красными языками огня. Ее шахтные башни теряются в столбах дыма. Да, тут свершаются великие дела. Молчаливый героизм углекопов.

Здесь живет особый мир, где время измеряется сменами, а достижения — тоннами. Здесь сердце пятилетнего плана. В этих спокойных, налитых солнцем степях добываются черные витамины, питающие динамо и создающие

те энергетические токи, которые стремительно возносят Россию на положение первой мировой державы.

Здесь подлинная страна пионерства. Земля чревата не рожденными еще городами. Новый Рур, заволоченное дымом царство непрерывно работающих шахт и огнедышащих заводов. Но без той горечи и боли, которые омрачают Рурскую область капитализма. Там рабы теснятся в унылых бараках, влачат свою жизнь в беспросветной тяжелой работе, погоняемые голодом и страхом. Там — города нищеты и ненависти, переулки черных проклятий и тайных помыслов о мести, там дома становятся загонами для полузаморенного рабочего скота...

Эти кошмары принадлежат капиталистическому миру. Здесь мир товарищей, которые строят для товарищей. Мир, где работают рука-об-руку, сердцем к сердцу. Братский мир. Вот угольные копи, где ритмически дышат машины в безмолвии ночных часов. Угрюмо спускается клеть в глубокую мглу рудника. И вот наш отвал, растущий все выше и выше бесплодным холмом, который говорит, однако, о невидимой работе там внизу, в пахнущих смолою коридорах, при свете тусклых желтых ламп.

Вот Дворец труда — центр всей здешней общественной жизни. Ночью его большие шаровидные фонари маячат толпам народа. Цветущий сад окружает его, в середине между клумбами бьет фонтан. Здесь рабочий находит отдых и освежение в свободные часы. Книжки, музыка, театр, буфет. Программа постоянно обновляется. Влюбленные ходят по напоенным ароматами аллеям; старые забойщики-ветераны приходят сюда со своими женами насладиться легкой прохладой.

Дворец труда стоит как обещание среди старых жилищ, где еще ютятся многие горловские шахтеры. Рядом с ним будет выстроен новый социалистический город. Он наполнит жизнь горняков новым содержанием. Жизнь

здесь пока еще сурова. Но повсюду сквозь старую десну прорезаются зубы новой жизни. Уже построены сотни новых домов. Быстро шагает стройка. Сегодня на советской земле идут новые бои — бои строительства, созидания. Гомер, даже слепой, сумел обессмертить разрушительный гений древних богов. Но слепее Гомера тот, кто не видит сегодня в Советской России воплощения созидательного гения свободного пролетариата.

* * *

Северный Кавказ. Рудник Артема. Сердце советского антрацита. Рябь домов на том кургузом пригорке обозначает город Шахты, по окраинам которого рудничные подъемники стоят на железных ногах и вертят своими колесами. Церковь под луковицей купола корчится в муках ломки. Большая новая больница заняла северную сторону. И фабрика-кухня, куда рабочие ходят обедать.

Шахта Артема механизирована с 1929 года. Электрическая тяга, образцовые коридоры; новейшая дробилка, где женщины сидят по восьми часов над желобами, выбирая осколки камня из мчащегося потоком угля. Поселок весь принадлежал когда-то богатому казаку. Это, видимо, был культурный человек, — судя по отстроенной им огромной школе для шахтерских детей. Но бытовые условия рабочих мало его занимали. Выстроенные им унылые бараки стоят еще поныне страшным символом его минувшей власти.

— Это капиталистические дома, — сказал мне один уголеж. — А вот наши дома, — указал он на новые, вполне современные постройки, занявшие целую улицу. — Мы тут видим воочию, что означает для нас пятилетний план.

Ночь. Жужжанье моторов. Рассвет оповещается взрывом рудничного гудка. Как рев исполненного дракона, разносится его угрюмый бас над домами поселка. Конец

смены. В сером полусвете углекопы выходят из домов, захватив свои лампы и полотенца, идут к шахтам.

По холодным рельсам проносятся вереницами груженные вагоны поездов. На Сталинград, Днепрострой, Автострой, Сельмашстрой.

«Давайте угля!» — трещат телеграфные провода. Холодные утробы больших новых заводов стонут по черному витамину.

Углекопы отхаркивают вчерашнюю пыль из легких. Сплевывают на ходу грязные, черные комки. У спуска в шахту смена встречается со сменой, клеть выкачивает из глубины мокрых, вымазанных грязью людей с погашенными лампами и посылает вниз чисто умытых, с зажженными лампами.

Новая смена...

Наш забой едва ли больше метра в высоту. Мы работаем сгорбившись. Каменная крыша над нами поблескивает испариней. Работаем при тусклых желтых огоньках. Один из нас врезается железной киркой в породу, высекая большие глыбы угля. Другой раскалывает уголь при помощи молота. Остальные насыпают его в примитивный конвейер, который подает его к вагонам.

Место жаркое и душное. Тело у нас становится скользким от пота; он ест глаза, его соленый вкус проникает в рот. Но работаем дальше, безостановочно. Советский шахтер во время работы не останавливается даже для того, чтобы проглотить кусок хлеба, как это повсюду делают шахтеры. Для него смена означает столько-то часов непрерывной работы, для еды имеются положенные перерывы.

Мы загребаем, валим огромные глыбы на конвейер. Ставим деревянную крепь, чтоб камень не обрушился над нашей головой. Изредка, когда конвейер задерживается, останавливаемся, чтобы перевести дыхание. Это трудная

и серьезная работа — ответ советского шахтера на призыв пятилетки.

Смена кончилась. Боль тяжелого труда расплзается по мускулам. Несколько часов в согнутом положении накалили позвоночник. Такое чувство, точно у тебя под мокрой рубашкой горячая кочерга. Болят кисти рук, ноют бедра. После смены ползешь еще двадцать минут нескончаемым рядом крутых штреков, пока доберешься до главной штольни, где холодная струя воздуха дает отрадное освежение. Здесь станция, откуда скоро пойдет вверх электрический поезд с пассажирскими вагонами.

Клеть водворяет нас обратно в августовский мир. Его небо разубрано в звезды. Степи дышат зноем. Снова лето на земле, где бывает смена дня и ночи. Несешь свои наболевшие мускулы в кровать.

Но вот в небольшой ложбине, в степи стоит яркий среди окружающей черноты Артемстрой. Два года назад — кусок той же степи. Сегодня — мощная электростанция, рассылающая ток на 400 миль вокруг. Кое-что сделано, чорт возьми... Стоило переносить всю боль и муку, чтобы в конце концов достичь этого... Пятилетний план!

Сознаешь все его величие и диво. Его красоту и его размах. Никогда раньше в мировой истории не происходило ничего подобного. В былые дни властители утверждали свою славу сфинксами и пирамидами. Здесь же мир, которому памятником — электрические станции, рудники, тракторные заводы, цель которого строить не храмину смерти, а вселенную жизни и любви. Мир истинного пролетарского товарищества. И забываешь боль в мускулах, жар в позвоночнике, — завтра новая смена...

1930 г.

СЕНАТОРЫ ЗАБЛУДИЛИСЬ

«Совхозы», «колхозы» — эти новые слова стали появляться в американской печати в 1929 году. Сперва газеты писали о коллективизации с усмешкой или презрительно. А затем, через несколько месяцев, эти же желтые газеты совершили самый бесстыдный вольт: стали утверждать как раз обратное. Оказалось уже, что не коллективисты погибнут от невозможности собрать нужное количество хлеба, а наоборот — гибель грозит всему остальному миру, так как русские хозяйства станут производить слишком много хлеба.

Это смятение в Америке, на расстоянии десяти тысяч километров от Советского союза, мне лично говорило о том, что там, в советской стране, действительно происходит нечто чрезвычайно значительное и знаменательное.

Меня охватило желание увидеть все это. И еще раз я оставил Америку, и еще раз отправился в русские деревни и степи, чтобы собственными глазами посмотреть на совхозы и колхозы, вызывающие такую тревогу и страх в буржуазном мире.

Я решил отправиться один изучать коллективные хозяйства. Но неожиданно на меня свалилась задача показать коллективные хозяйства трем американским сенаторам.

Большинство иностранцев, впервые приезжающих в Советский союз, настроено подозрительно, скептически и недоверчиво.

Все, что сенаторы слышали о коллективных хозяйствах во время моего двухнедельного пребывания в Москве, они пожелали проверить собственными глазами. Решили поехать в деревню. Разумеется, самое лучшее было бы отправиться на юг, в край сплошной коллективизации. Но для такого дальнего путешествия не было времени. Пришлось удовлетвориться поездкой по Московской области.

Поздним августом, в полдень, выехали мы на форе по дороге во Владимир. Через несколько километров мы были уже в самом сердце русской страны.

Неожиданно дорога сделала резкий поворот, и перед нами на склоне холма открылось большое черное поле, усеянное согнувшимися фигурами, копавшимися в земле. На поле было около трехсот крестьян: они выкапывали картошку. Все так были заняты своей работой, что обратили на нас внимание только тогда, когда мы остановились у края дороги и поздоровались с ними. К автомобилю подошел сухой парень с густой шапкой волос и представился как бригадир этой группы...

С той же быстротой, с какой он работал, он рассказал нам историю возникновения колхоза. В колхозе девяносто хозяйств. Эти девяносто хозяйств хорошо и дружно сработались. Результаты их работы были заметны при первом же взгляде на колхозные поля. Урожай картофеля был так велик, что перед колхозниками встала трудная задача — как во-время его собрать? Они не справились бы со своей задачей, если бы не пришла помощь с соседней текстильной фабрики. Сто пятьдесят рабочих-ткачей объявили в свой свободный день «субботник» и пришли на помощь колхозникам.

Сенаторы прервали непрерывный поток различных статистических сведений и поинтересовались, сколько же получили ткачи за свой рабочий день.

— Ничего не получили, — сказал бригадир, — они помогли нам безвозмездно, по собственному желанию. Такие услуги — это укрепление смычки города с деревней. Шефство фабрики над колхозом... Один из пунктов программы коллективизации... Пятилетний план...

— Да, да, — воскликнули сенаторы, отмахиваясь и немного раздраженно, — мы слышали в Москве и о пятилетнем плане и о смычке, но мы хотим узнать от бригадира, сколько получили эти сто пятьдесят ткачей за свою работу в колхозе. Точную сумму в рублях.

— Ни одного рубля, — ответил бригадир.

Сенаторы, видимо, были раздражены таким «целевым» ответом. Им рассказывают какие-то сказки, будто все эти рабочие работали только ради коллективизации, ради туманного понятия, называемого коммунизмом. Для них не было никакого сомнения в том, что их обманывали, — если не я своим переводом, то бригадир, подтасовывающий факты.

— Ну, хорошо, — заявили они с торжеством, как будто попали наконец на верный след. — Если они ничего не получили наличными деньгами, то сколько им выдали за их работу картофелем?

— Ни одной картофелины, — заявил бригадир.

Сенаторы были в недоумении, но когда комсомолец указал на отряд рабочих, подошедших к автомобилю, и еще раз гордо заявил: «Они не получили ни одной картофелины», — сенаторы сдались.

«Но что это за странный, непонятный мир!» — вероятно, подумали они.

Так сенаторы познакомились с первым колхозом. Разумеется, знакомство с десятью тысячами колхозов на

бумаге производит гораздо более слабое впечатление, чем знакомство с одним — на земле. Опытные глаза сенаторов прекрасно заметили различие между колхозными полями и полями единоличных хозяйств. Вместо многочисленных маленьких полосок и участков земли вокруг деревни образовывалось одно огромное колхозное поле, одинаково хорошо вспаханное и обработанное, и хлеб на нем был выше и гуще.

Да, коллективные хозяйства вот здесь, вблизи шоссе, в окрестностях большого города действительно существовали. Но существуют ли они в стороне от главной артерии, вдали от центра, в глубине страны?

Этот вопрос среди многих других долго обсуждался в тот вечер на «перепутьи», во Владимире.

* * *

На другой день мы двинулись к Юрьеву-Польскому.

Обогнув город справа, мы сразу попали на проселочную дорогу. Обычные слова не в состоянии дать представления о невероятной грязи, невообразимых тинистых лужах и бесконечных выбоинах и кочках.

В довершение всего мы сбились с дороги.

Не стоит описывать все наши бесконечные поиски дорог, все наши приключения.

Здесь, очень далеко от места, куда мы направлялись, вдали от крупных городских центров, на каждом повороте дороги мы встречали совхозы и колхозы. И многие из них были в цветущем состоянии. Даже случайному наблюдателю бросалось в глаза их превосходство над хозяйствами единоличников. Повсюду старое и новое представляло резкий контраст.

На одной полоске крестьянин, согнувшись в три погибели, медленно и тяжело жнет серпом, а рядом, на кол-

хозном поле косилка быстро складывает ровными рядами спелую рожь.

Здесь хозяин-единоличник бьет хлеб цепом, хватая пшеницу в охапку и подбрасывает ее высоко вверх, надеясь, что ветер унесет мякину и оставит зерно. А рядом пыхтит коллективная молотилка. Из ее широкого отверстия золотым потоком течет крупное крепкое зерно.

Но самым удивительным было следующее: проезжая мимо полей, усеянных черными точками — лошадьми (шла осенняя пахота), мы вдруг заметили вдали ползающее по склону холма серое чудовище, похожее на огромного жука. Мы все воскликнули:

— Трактор!

Но затем отбросили это предположение. Как мог проникнуть трактор в эти совершенно недоступные места? Разве что он был доставлен сюда дирижаблем или флотилией самолетов? Но это был действительно трактор, из железа и стали, проводивший по земле четыре глубоких борозды.

Так рядом, бок-о-бок, мы наблюдали две системы обработки земли; их разделяли века. Поворот головы — и от индивидуальных примитивных методов возделывания земли и допотопных земледельческих орудий, почти таких же, какими они были на заре истории, взгляд устремлялся — через века — к современной машинной технике коллективных хозяйств. Только слепой или безумный не увидел бы, что старая система умирает, что блестяще побеждает новая. Превосходство коллективного хозяйства достаточно очевидно в любое время года, но в эту прекрасную осень оно особенно ярко бросалось в глаза. Погода была великолепная; хлеба только что созрели и были в зените своей красоты; настроение колхозников, несмотря на трудности работы, тоже достигло высшей точки, так как их труд увенчался успехом.

Итак, на вопрос, существуют ли коллективные хозяйства внутри страны, сенаторы получили исчерпывающий ответ. Здесь, на этих владимирских холмах, куда так трудно было добраться и куда мы проникли после ряда приключений, мы нашли колхозы и совхозы, работающие вполне успешно во всех отношениях. И, очевидно, вывод сенаторов был таков: если мы нашли это здесь, значит мы можем найти это всюду по СССР.

И действительно, так оно везде. Можно отъехать от Москвы на 50, 500 и 5000 километров, — везде работают коллективные хозяйства.

Такое же, равное по величине социальное явление мне приходилось наблюдать только в 1917 году, когда в течение нескольких месяцев по всей бывшей империи возникли, точно чудом, советы в каждом городе, в каждой деревне, в каждой шахте, на каждом судне, заводе, фабрике... Можно ли было не изумляться тогда, когда, проехав 7000 километров по сибирской дороге и выйдя из поезда во Владивостоке, я нашел там нормально работающий совет — копию Петроградского совета. Явление, небывалое до сих пор в истории, но теперь повторяющееся с тем же размахом в сказочном развитии коллективов по всей огромной площади СССР.

НА ХЛОПКОВЫХ ПОЛЯХ

Прекрасный «бюнк», который предоставили в наше распоряжение, уносит нас по равнине за двенадцать километров от Ташкента. Залитая солнцем деревенская улица извивается между глиняными стенами домов; среди тополей с серебристо-белыми, как у берез, стволами. На фоне безоблачного неба блестит впереди покрытый снегом горный хребет с вершиной Чишаган. Рядом с нами — библейские сцены: отец и сын на одном ослике, муж и жена на одной лошади; караваны верблюдов и древние повозки. У этих повозок два громадных колеса; козлы отсутствуют, и возница трясется, сидя на плоском седле; ноги его растопырены и высоко подняты. В такой повозке часто помещается целая семья, да еще со своей домашней утварью.

Культурой среднеазиатского хлопка занимаются два исследовательских центра, две контрольные станции. Перед одной мы сейчас останавливаемся. Она называется — «Туркестанский селекционный хлопковый пункт».

Во всем Узбекистане только одна такая станция. Основана она в 1922 году. Сейчас здесь на 200 гектарах земли работает 600 человек. Нам все объяснял директор Мауэр.

Сколько же сортов хлопка существует? Специалисту недостаточно говорить об известных сортах хлопка, — обладающих длинным, средним и коротким волокном, американском или египетском. Каждый вид хлопка имеет свои сорта, особенности и разновидности. В жарких оранжевых мы видим растения из Египта, Северной и Южной Америки. Особенно много из Мексики, Перу, Сант-Яго. Молодые побеги сначала сажаются в горшки, потом их пересаживают в садовую землю. Так они лучше принимаются.

Все это — не пустое любопытство. Среднеазиатский крестьянин-хлопковод спрашивает в этом институте: «Какой сорт рекомендуете вы нам для Ташкента? для Бухары? для Таджикистана?» Можно получить некоторое представление о проводимой здесь работе, когда слышишь, что для Ташкента самым подходящим сортом является Руссель № 508. В Таджикистане же дает хороший урожай египетский хлопок с длинным волокном.

К одному кустику привито семь различных сортов. Уживутся ли они вместе? Цель — получить растение, которое может давать как ранний, так и поздний урожай. Один сорт во всяком случае выживет. Вообще слово «неурожай» отжило свой век. Человек все больше становится повелителем природы.

Здесь тщательно наблюдают ранние и поздние сорта хлопка. По урожаю этих опытных растений определяется заранее результат общего урожая, что позволяет в случае надобности принять соответствующие меры.

Способы собирать урожай также различны. Если угрожает дождь, который может испортить цвет хлопка, тогда уже не выбирают осторожно белую вату из каждой коробочки, а возможно скорее снимают эти коробочки целиком, вместе со стеблем.

Основной вопрос здесь — это селекция, отбор, улучшение, возвращение высококачественных сортов. Засевать

плантации любыми семенами — это устарелый и нерациональный способ. Для посева годится только самое лучшее.

На земле сидят на корточках узбеки и узбечки и сортируют горы семян. Уже в прошлом году 95% среднеазиатских хлопковых плантаций были засеяны проверенными семенами. Никакая другая область, производящая хлопок, не работает по таким строго научным методам.

* * *

Возвращаемся в Ташкент. Прежде всего сдем в Хлопковый комитет. Здание современного типа, в котором помещается комитет, находится в центре нового города и подавляет своими двумя этажами бесчисленные низкие и плоские дома, которые строятся так из-за опасности землетрясения. Как сильно все же зависит человек от почвы и климата в отношении одежды, образа жизни, жилища! Эти плоские дома, в старом городе сплошь глиняные, придают Ташкенту своеобразный отпечаток. Ташкент — по площади самый большой город во всей Азии, он больше, чем Москва и Ленинград, взятые вместе.

Позднее мы отправились на «Опытную станцию Хлопкового комитета СССР», которая также помещается в городе. Это вторая контрольная станция по разведению хлопка и единственный институт такого рода во всем Советском союзе. Около восьмидесяти среднеазиатских учреждений занимаются уже очисткой и отделением семян от волокон хлопка. Здесь же — научный институт. Здесь неустанно испытываются и совершенствуются машины и методы работы.

Наш руководитель, инженер Колли уверял нас, что ни у англичан, ни у американцев нет таких планомерно и научно работающих исследовательских центров. Станция существует с 1926 года; фамилия ее директора — Балыгин. Работает на ней около 40 человек, половина из

них — высококвалифицированные работники. Работают здесь на практике и человек восемь студентов — будущих специалистов по хлопку. Остальной персонал состоит из технических работников и носильщиков кип. Последние также очень высоко оплачиваются, так как их труд чрезвычайно тяжел.

С древних времен для разведения хлопка использовали рабский труд. Особенно выгодным делом было культивирование хлопка для американских рабовладельцев. Сущим пустяком было: сажать ростки, поливать, собирать под палящим солнцем урожай, таскать корзины, мешки и готовые к отправке по железной дороге кипы. Ведь оплата чернокожего рабочего животного едва составляла сумму, достаточную для его мизерного пропитания.

Но советское государство не признает никакого рабского труда. И станции поставлены следующие задачи:

1. Как можно свести до минимума требующийся еще тяжелый человеческий труд?

2. Какие машины работают наиболее рационально?

Вся группа принадлежащих станции строений — с ее дорогими машинами и легко воспламеняющимся сырьем — охраняется с военной строгостью. Зато совсем не охраняются сделанные здесь ценнейшие научные открытия и достижения. Наоборот, специальный журнал «Ежемесячник хлопка» осведомляет всех работающих по хлопку и интересующихся им о каждом новом шаге. Это глупо с точки зрения наживающегося на своих производственных секретах капиталистического треста. Но этот комитет — только научный центр, а не трест. Как можно хранить производственные тайны там, где все принадлежит всем, где все являются совладельцами! Чем больше людей интересуется хлопком, — тем лучше. Нужны специалисты. Текстильный институт в Москве еще не может выпускать их в достаточном количестве.

В больших сараях лежит сырье — выщипанное из коробочек, запачканное, крепко спрессованное волокно. Основная трудность в том, что волокно перемешано с семенами, которых в каждой коробочке от 4 до 5. Поэтому необходимо:

1) отправить их в хлопкоочистительные машины, которые разрыхляют массу волокна (техническое выражение — раскрывают),

2) очистить их,

3) освободить от семян,

4) спрессовать.

Очень важный вопрос — как доставлять хлопок к машине? По старой системе носильщик таскал мешки из сараев к машине, т. е. к громадной вытягивающей трубе, и затем снова уносил готовые к отправке на железную дорогу тюки. Ему приходилось каждый раз проходить от 100 до 150 метров в согнутом положении, спотыкаясь, с тяжелой ношей на спине. А машина проглатывает в час от 30 до 33 таких тюков. Она перерабатывает в течение восьми часов 20 тонн.

Теперь введен новый способ. Тюк приходится переносить на расстояние всего 15 метров. Каким же это образом? На наших глазах машина все больше заменяет мускульный труд человека. Она идет навстречу сырью. Вытягивающую трубу делают длиннее; ее открытая часть находится уже в самом сарае и жадно пожирает лежащий в нем хлопок. Нужно только распороть мешок, что не требует почти никакого труда, и сырой хлопок валится большими комками в зев транспортирующей трубы. Хлопок попадает в вентилятор с вращающимися колесами, снабженными лопаточками; вентилятор разрыхляет его и удаляет самую грубую грязь. Новая труба подхватывает хлопок и при помощи сжатого воздуха гонит его вперед. Котлы и гребенчатые валы делают его все более пушистым, ровным и чи-

стым. Под валами собираются отброшенные семена — драгоценный посевной материал. Грязь отделяется посредством центрофуг. Все, что тяжелее хлопкового волокна, — камешки, земля, листья, стебли и т. п., — падает вниз. Освобожденную от семян, очищенную и состоящую из однородных волокон массу подхватывает последняя втягивающая труба. Хлопок прессуется в кипы, обертывается и обвязывается. Он готов к отправке в прядильню.

Мы уходим от грохота валов и приводных ремней и заглядываем в лабораторию.

Ценность продукта зависит от трех моментов: крепости, эластичности и степени очистки. Здесь производятся испытания по этим трем показателям. Кроме того, на подстилке из черного бархата тщательно измеряется средняя длина волокон. Средняя длина короткого бухарского волокна — 25 миллиметров, североамериканского — 28 миллиметров, лучшего, длинного, египетского волокна — от 30 до 40 миллиметров. Сейчас стараются получать египетский хлопок из собственных семян. Импорт из Египта станет излишним.

Если при сборе не удастся вынуть хлопок из коробочек (например твердые и заканчивающиеся острием бухарские коробочки), или если приходится убирать хлопок ускоренным способом, сбывая коробочки вместе со стеблями, тогда для очистки нужны особые машины, которые разрыхляют хлопок, не раздробляя оболочки. Мы видели такую машину.

В настоящее время работают и над вопросом о замене машинами тяжелого человеческого труда на уборке хлопка. Оба описанных института работают и над повышением качества работы.

Турксиб увеличит посевную площадь под хлопком. Только несколько недель назад, 28 апреля, были соеди-

нены рельсы в Барнауле. Мы уже везде на своем пути видели остатки украшений — следы этого торжественного дня. В Барнаул на это историческое торжество в специальном экстренном поезде приехали тридцать западноевропейских журналистов.

С тех пор по Турксибу уже регулярно курсируют пассажирские и товарные поезда. Путь от Новосибирска до Ташкента, т. е. от сердца Сибири до сердца Средней Азии, продолжается еще шесть дней. Пульс бьется еще медленно. Но на Пушкинской улице работает уже правление Турксиба. Пульс будет ускорен. Подвижной состав будет увеличен. И скоро зерно будет регулярно отправляться из Сибири в Среднюю Азию. Тогда много воды будет освобождено для хлопка.

Вокруг нас, на всех железных дорогах, во всех отелях — инженеры и специалисты, преимущественно специалисты по орошению.

Директор Мауэр сообщил нам статистические данные о размере посевной площади. В 1915 году она составляла около 600 000 гектаров. Во время мировой и гражданской войн (до 1922 года) сократилась до 60 000 гектаров, т. е. составляла лишь 10% довоенной. В 1928 году увеличилась до 78 000 гектаров, в 1929 году — до 880 000 гектаров и в 1930 году достигла миллиона гектаров. В 1931 году предполагают засеять уже 1 450 000 гектаров.

Что это значит?

Это значит, что тогда советский хлопок будет полностью удовлетворять потребность всего Советского союза. Будет даже от 5 до 10% излишка. Таким образом рабочее государство разрешит на базе социалистического строительства один из важнейших для него вопросов — вопрос об одежде.

И собственными силами!

В ТРАКТОРИЗОВАННОЙ ДЕРЕВНЕ

На шоссе стояли два больших строения, окруженные палисадником. К изгороди прислонился человек. Он свернул из газетной бумаги подобие маленькой трубочки, насыпал в нее табаку и зажег эту папиросу. Это был старший учитель.

— Можно зайти в школу?

Он провел нас в просторное бревенчатое строение с желтоватыми стенами и открыл дверь. Направо стоял другой, более молодой учитель. Дети — большинство из них были мальчики — молча смотрели на нас. Один как раз отвечал на вопросы учителя. Он продолжал смотреть на учителя и не прервал своего ответа.

Организатор тракторной колонны, сопровождавший нас, спросил молодого учителя разрешения поговорить с детьми. Тот смущенно утвердительно кивнул головой, пытаясь скрыть свое замешательство.

Я понял не все, что говорил организатор. Он сам был раньше бедным крестьянином и, может быть, употреблял деревенские выражения.

— Вы не ругаетесь?

Молодой учитель, покраснев, отвернулся. Он улыбнулся, и дети заметили его улыбку.

— А если вы ругаетесь, матери порют вас за это?

— Нас не бьют! — крикнул маленький мальчик с круглыми глазами.

— Хорошо. Ну, смотрите, учитесь хорошенько, чтобы вы могли после помочь в социалистическом строительстве.

— Да, мы учимся, — серьезно и звонко ответили несколько мальчиков сразу.

Молодой учитель счастливо улыбнулся, но все еще не мог избавиться от своего смущения.

Организатор снова заговорил. Правда, он гораздо больше привык говорить со взрослыми и здесь он вначале немного растерялся. Но серьезное внимание детей так вдохновляло его, что его речь лилась совершенно свободно.

* * *

В другом классе на одной из передних скамеек сидела одетая по-городскому учительница. Она бросила на нас беглый взгляд и продолжала, не смущаясь, говорить. Здесь сидели преимущественно девочки — неподвижные, в пестрых юбочках. Преобладали белый и красный цвета.

Старший учитель шепнул мне на ухо:

— Сегодня воскресенье, а по воскресеньям занимаются только неразвитые дети. Зато они свободны по средам. Раньше эти девочки вовсе не ходили в школу.

Я вспомнил, как светила мне одна девочка в южной Италии, когда я спросил ее, почему она не умеет читать:

— Только мальчики должны учиться, потому что им придется идти в солдаты.

Организатор сказал девочкам:

— Посмотрите на этого товарища. Он — немецкий писатель. Он хотел увидеть тракторизованную деревню. Видите, даже в высококультурной Германии говорят теперь о вас.

До этого момента дети сидели неподвижно, с уставленными вперед глазами. Теперь они начали ерзать, шевелиться и пересмеиваться.

Когда мы выходили, они живо крикнули вслед: «До свиданья!»

* * *

Несколько крестьян копали яму для картофеля. Один, коричневатого загорелый, положил лопату и вылез наверх, к нам. Он посмотрел на меня серыми пронизательными глазами. На нем была одежда демобилизованного красноармейца. Организатор объяснил ему, кто я и чем я интересуюсь. Тогда он приветливо протянул мне широкую руку.

Это был председатель колхоза. Мы пошли вместе с ним через шоссе к другому деревянному дому. Он был немного побольше. Щели в темнокоричневых бревенчатых стенах были законопачены серой паклей. Внутри не было икон; вместо них висели в простых деревянных рамках картины, написанные масляной краской и изображавшие преимущественно крестьянок. Находившиеся здесь люди говорили о планах строительства, и я решился прервать их, чтобы спросить, какой художник рисовал эти картины.

...Сначала председатель колхоза говорил серьезно и кратко. Потом его рот начал слегка кривиться. Глаза смеялись. Урожай был хорош, несмотря на то, что весна была слишком суха. А что будет в будущем году, когда они своевременно вспашут поля! Уже в этом году они могли бы повезти капусту в Москву. А раньше не хватало даже для своей деревни. Приходят из соседних деревень и заявляют, что тоже хотят организовать колхоз.

— Да, — сказал организатор, — теперь можно даже увеличить тракторную колонну. Весь район, до самого Ржева, будет коллективизирован, и столько же — по другую сторону от него. Это дает площадь в 60 километров, —

оживленно сообщал он мне. — Кроме того, — снова обратился он к остальным, — чуть не забыл сказать: скоро к вам приедет зубной врач, чтобы привести крестьянам в порядок зубы.

Они смеясь покачали головами.

— Да, от азиатчины к культуре. Но где будет работать зубной врач? Ему нужна светлая комната.

— В школе.

— Хорошо, он приедет. Ну, товарищи, как видите, дело идет на лад. Правительство открыло вам кредит в пятнадцать тысяч рублей... Теперь...

— Не беспокойся, будем работать. Правительство получит свое назад, и даже с лишком.

1930 г.

БРАТСКИЙ СОЮЗ НАРОДОВ

ТРИ СТОЛИЦЫ

I

Еще несколько часов поезд движется по безбрежной пустыне. Внезапно на ясном синем небе появляются тяжелые серые тучи — сперва вдали на горизонте, потом над черным сосновым лесом и наконец, выстроившись в мрачную сплоченную армию, опускаются к морю, жирному от нефти. В порту другая армия — армия черных судов, извергающих жирный дым, другой лес — густой лес мачт. В центре раскинулся амфитеатром город со своими домами, энергично взбирающимися все выше и выше по бесплодным холмам. Резкий запах, ассоциирующийся у нас с гаражем, чувствуется уже на далеком расстоянии от города, он забирается в нос, в горло, он вызывает слезы на глазах.

Это — Баку, столица Азербайджана и одновременно столица нефти, ибо нефти здесь добывается больше, чем во всей Европе. Нефть — от нее зависит движение, она определяет скорость, за нее люди ведут войны золотом и железом, она решает вопросы войны и мира, она — властелин нашего времени.

Баку был раньше городом миллиардеров. Там были немецкие, английские, французские, турецкие акционер-

ные общества, там была могущественная фирма Нобеля и нефтеочистительные заводы Ротшильда. Как и все остальное в этой стране, все здесь было национализировано. Теперь остается единственный владелец — советское государство. Что же оно сделало с Баку?

* * *

В течение трех часов поезд описывает громадную кривую протяжением 140 километров. Он движется среди жуткого и необычайного пейзажа: по дантовскому лесу буровых вышек, ажурные деревянные пирамиды которых тянутся без конца до самого горизонта, где исчезают в облаках медного дыма. Иногда их темные когорты отражаются в черных озерах с густой и черной, как сажа, жидкостью, отливающей на поверхности пурпуром и ржавчиной. Иногда они выстроены рядами вдоль рек, в которых вода смешана с нефтью. Иногда они отступают, чтобы дать место целым аллеям резервуаров, хранящих нефть, добытую из скважин, или гигантским заводам, откуда раздается могучий шум машин, или маленьким пригородам.

Стоя со мной на площадке, г. Серебровский ¹ дает мне краткие пояснения на французском и английском языках. Здесь — старые, отработанные и покинутые скважины, там — совсем новый участок с функционирующими скважинами, еще дальше — целые километры, на которых ведутся разведки новых источников нефти.

— Нам удалось, — говорит он, — добиться успехов в организации этих работ и их механизации. Число глубоких скважин до революции было незначительно, у нас давно превысило 2000. Для очистки скважин применяются машины. Фонтаны эксплуатируются при помощи

¹ А. П. Серебровский с 1920 по 1921 год был председателем Азнефти. (Прим. сост.)

системы каптажа, что дает большую экономию нефти и препятствует испарению ее эфирных частей. Наконец, недавно построенные станции снабжают электрической энергией 95 % скважин, — это пропорция, которая превосходит даже американские нефтяные прииски. Всего этого, — добавил он, — не удалось бы достигнуть в условиях частной собственности. Вот преимущество национализации...

Попутно он указывал мне различные заводы, из которых многие — совсем новые, многие — еще строятся. Это нефтеочистительные заводы, керосиновые, бензиновые, смазочных масел, цементные заводы, электрические и радиоэлектрические станции, механические заводы, металлургические, где используются все металлические отходы и отбросы и где работают мартеновские печи. Целый мир.

— Здесь у нас ничего не пропадает, — говорит Серебровский.

* * *

Время от времени поезд останавливается. Мы проходим по складам, постройкам, ремонтным мастерским, складам машин, осматриваем совсем новые электрические поезда. Начальник смотрит на все своими пронизательными глазами, разговаривает с инженерами, обменивается рукопожатиями с рабочими, которые на него смотрят и говорят с ним без всякой робости, с любовью.

— Всего рабочих, — рассказывает мне Серебровский, — около 55 тысяч, из них 53% русских и 35% турок. Средний заработок — 78 рублей, но квалифицированные рабочие зарабатывают много больше.

Мы проезжаем Черный город, Белый город, Бинагади, Балаханы. В каждом — маленький вокзал, похожий на швейцарское шале. Вокруг безобразных старых домиков вырастают изящные коттеджи самого разнообразного вида,

с большими окнами и умилительными садиками, в которых выращиваемые с любовью цветы пытаются жить в пропитанной нефтью атмосфере. Намечаются улицы, аллеи, обсаженные зачатками деревьев. Вырисовываются группы совсем новых зданий — школы, дома-коммуны с их клубами, ясли, детские дома. В центре большая образцовая больница. Вокруг спортивные площадки.

Указывая на какую-то точку на горизонте, где сквозь завесы дыма виднеется синева моря, Серебровский говорит:

— В десяти километрах отсюда находится пляж, когда-то был в большой моде. Отели и виллы, принадлежавшие тогда миллионерам, превратили теперь в санатории для наших рабочих, в дома отдыха на время их отпусков, в школы для их слабых детей. В горах у нас есть санатории для туберкулезных...

Он замолкает, но в его глазах волнение. И я вспоминаю о том, что мне только что о нем говорили: «Во время голода он, не щадя себя, работал над организацией снабжения, доставал молоко для малышей, хлеб для стариков...»

Наше путешествие окончилось. Около нашего автомобиля группа людей ожидает своего начальника. Вот он подбегает: улыбка, прощальный жест рукой — и он вскакивает в проходящий мимо трамвай; мы видим уже, как он садится и разговаривает с рабочими.

— Он наверное подумал, что не хватит для всех места. Это совершенно в его характере, — говорит, улыбаясь, один из инженеров.

* * *

Что думают о новом режиме земледельцы-мусульмане, крестьяне, возделывающие рожь, пшеницу и ячмень на севере, хлопок (160 000 гектаров) на юге, где культивируют также чай и рис и новое растение — кенаф, — в пло-

дородной и дикой стране, где бродят еще пантеры и львы?

Кто может сказать наверное?

Несомненно, союз между СССР и Турцией Мустафы-Кемалю, более прочный, чем это думают, на время обрезаю крылья пантурецким мечтам вождей турецкого национализма.

Во всяком случае советская власть, стремясь сохранить это сказочное богатство, эту непрерывно преуспевающую отрасль промышленности, повидимому, ведет весьма искусную политику по отношению к тюркскому населению. Совершенно отсутствует религиозное преследование мусульман, в советах республики большинство составляют тюрки, — кроме Баку, в котором русских рабочих 42%, а тюрков — 35%. Все народные комиссары — тюрки. Тюрки же — председатель ЦИКа Агамалы-оглы, а Совнаркома — Мирза-Дивуд. Тюркский университет, тюркские школы и музеи, выставки мусульманского искусства.

Но город, — этот рай, который так влечет, — построенный на бесплодном холме и господствующий над пустыней, с поднимающейся над ним громадной слепой башней, грозно-массивной и мрачно-красной (ее происхождение так же таинственно, как и легенда о ней), — этот город плоскокрыших домов, без деревьев, без аллей, без красок, ничем не напоминает о восточной неге и лени. Он могуч, скуп, безобразен и богат.

Улицы (многие из них недавно расширены) проведены точно линейкой, строго геометричны, скучны. Электричество и канализация. Мол безотрадно чист, пляж — цвета сажки, море пахнет старой лампой. Сады, которые недавно насадили вокруг всего порта и поддержка которых требует громадных расходов, потому что вода здесь ценится дороже водки, имеют искусственный, дисциплинированный вид.

Экипажи, которые здесь называют фаэтонами, могли бы совершенно подавить своей роскошью старые московские дрожки. Они отлакированы, отполированы, обиты красным бархатом; запряжены в них красивые кавказские лошади в роскошной сбруе, а правят ими великолепные экземпляры рода человеческого с безукоризненным профилем, нагло закрученными усами и пылающими под каракулевыми шапками глазами. Публика на улицах тоже одета лучше, чем московская. Магазины более нарядны. Есть даже витрины ювелиров, перед которыми мечтают прелестные тюрчанки.

* * *

Да, их можно еще встретить в этом городе, похожем на северный промышленный центр. И они еще драпируются в длинные легкие вуали — белые, черные, лиловые, которые придают их лицам и жестам грацию танагрских статуэток. В то время как старухи натягивают робкой рукой кусок материи на свои морщинистые лица, молодые идут легким и гордым шагом и глядят вам прямо в лицо своими красивыми спокойными глазами. Эти вчерашние рабыни имеют право голоса, у них есть свой клуб с 3000 членов, и число их с каждым днем растет.

Клуб помещается в большом дворце с двойной мраморной лестницей, принадлежавшем ранее богатому нефтепромышленнику. Есть в нем мастерская с полусотней швейных машин, где этих женщин, которые ничего не умели делать, обучают кройке и шитью. Дают им там и хорошо оплачиваемую работу на дом. Есть еще школы вышивания, сапожного и переплетного дела, резьбы по дереву, производства ковров. При клубе работает библиотека, выпускается стенгазета, оборудован свой театр, где сами члены клуба своими силами устраивают концерты и ставят спектакли. Этот клуб является одновременно местом работы и отдыха.

Наконец — и это самое важное — кроме того, что регулярно читаются лекции по санитарии и гигиене, при клубе имеется акушерская школа. Курс ее проходят в два с половиной года. В школе учатся двести студенток-турчанок. Когда они кончат, их пошлют в азербайджанские деревни.

— Подумайте, сколько жизней они спасут! — говорили мне. — Ведь мужчин-врачей там еще к женщинам не допускают. Они одновременно будут и проводниками начал гигиены в сельский быт, и борцами за раскрепощение женщин...

Приоткрывается дверь. Перед рисунками, с ужасающим реализмом изображающими различные фазы появления на свет человеческого существа, юные женщины и девушки, похожие на самаритянок или Суламифей, с напряженнейшим вниманием — кажется, будто даже глазами — слушают молодого врача в белом халате.

Одалиска, ставшая акушеркой! Какой удар любителю поэтического Востока! И еще больший: эти «одалиски» посылают трех делегатов в Бакинский совет!

II

Тифлис! Его нежное имя напоминает шелест, который издает шелк, когда его мнут. Я мечтала о Тифлисе еще ребенком, вода пальцем между двумя морями — пляшущим Каспийским и немного пугающим Черным, вдоль светлой изогнутой полоски великого Кавказского хребта. Тифлис еще более мил, чем его имя... Когда к нему подходит поезд, он открывается внизу, озаренный утренними лучами и похожий в этом освещении на розовую жемчужину, окруженную горами.

Как описать его прелесть, и в чем собственно она таится?

В этих ли широких улицах современного типа, окаймленных олеандрами, тянущихся между белыми фасадами дворцов и русскими церквями, увенчанными куполами в виде золотых или лазурных тюльпанов?

В его ли старом соборе полувизантийского, полуроманского стиля, безукоризненном образце одного из благороднейших архитектурных типов?

Или же в его грузинских улицах, закругленных, как колыбели, где плачут склонившиеся акации, теряя последние золотые листья, и где так бодро звучит стук копыт маленьких серых осликов?

В домах ли с кирпичными крышами и глубокими террасами на деревянных столбах, окруженных зелеными деревцами, с прохладными и немного темноватыми залами, где слабо блестит серебряная муть старых зеркал?

А может быть, в этих узеньких татарских улочках, укрывающих жизнь и песни Востока, с их базаром, на котором продаются чудесные вышивки, медные вазы, расцветающие в голубом сумраке, с длинными мирными стенами старинных мусульманских жилищ, с заколоченными воротами, как будто хранящими тайны?

В этих ли благоухающих рынках, где так соблазнительны налитые соком овощи и фрукты?

Или, быть может, в этих деревянных домах, весело теснящихся на остроконечных вершинах, чтобы лучше видеть капризную Куру, которая то смеется и блестит, то бурлит и кипит, а дальше вдруг раскидывается, утомившись, на ложе из тончайшего песка?

Да, из всего этого складывается его очарование. Тифлис — изменчивый город, слепленный из разных частей, но их объединяет, придавая ему божественную гармонию классических стран, небо цвета серебристой лазури, свежий и прозрачный воздух, солнце, которое ласкает и золотит все, но никогда не жжет.

А что сказать о толпе, которую видишь на улицах? Она так интересна, так разнообразна! Персы в каракулевых шапках, светловолосые русские в рубашках и кепках, армяне с каприйским профилем, дагестанские горцы в громадных чалмах, в которых их головы напоминают голову Горгоны, а больше всего — грузин: широкоплечих, гибких, одетых в длинные бешметы, спускающиеся до самых сапог, увешанные филигранными патронами и дамасскими кинжалами. У них орлиные носы, на их лицах выражение храбрости, у них большие смелые глаза, величественные усы. Они были бы возмутительно красивы, если бы грузинки не были еще прекрасней. Их воспели поэты всего мира, ими восхищался Ламартин. Когда их видишь, на ум приходят неизбежно все классические эпитеты: алебастровый лоб, чистый и узкий, с тонкими бровями, глаза, похожие на черные бриллианты, маленькие рты с чуть презрительно изогнутыми полными губами, стройные, гибкие и полные фигуры. Они поразительно похожи одна на другую. И все, носят ли они еще маленькую шапочку, из-под которой спадают на плечи, как божественное облако, легкий вуаль из белого тюля, или одеты в эльгантные туалеты, сшитые по предпоследней парижской моде, — в зависимости от возраста — Юноны, Венеры, Дианы, но неизменно всегда и всюду — богини.

Великодушный и гордый народ, созданный для войны, любви, празднеств и радости, один из древнейших народов мира!

Каждый вечер на вершине горы, высящейся над городом, загораются блестящие контуры большевистской звезды, которую Тифлис — нежный Тифлис — с такой грацией носит на своем прекрасном челе.

* * *

В нескольких километрах вверх по течению Куры, среди диких и бесплодных гор стоит эта станция. Старая кре-

зость с грозной башней, красно-бурая, как скала, на которой она стоит, склоняется, чтобы взглянуть на металлический, совсем новый мост в сто метров длины, смело повисший над рекой.

Под триумфальной аркой, среди осенней листвы и алых цветов — председатель городского совета Тифлиса, молодой рабочий-металлист с резкими и энергичными чертами лица, двадцатипятилетний министр внутренних дел, председатель Совнаркома Элиава, улыбающийся, приветливый, поглаживающий свои, немного насмешливые усы, носящий традиционную советскую кепку так, как будто это шляпа с пером. Кругом стоят группы инженеров, рабочих, а также крестьяне, которые остановили свои, запряженные волами арбы, чтобы присутствовать на празднестве, и крестьянки в развевающихся вуалях.

Дальше — гидро-электрическая станция. С одной стороны воды этой покоренной Куры расстилаются подобно мирному голубому озеру; с другой, подстегиваемые могучей каменной плотиной, они бурлят, кипят и, подобно пенящемуся водопаду, устремляются в узкий проток, через который вся сила воды передается электрическим турбинам и приводит их в действие.

В глубине, в некотором отдалении — живописная крепость, на которой возвышается красивая круглая колокольня старинной грузинской церкви.

— Это Мцхет, — говорит мне Элиава, — древняя столица Грузии, наш священный город. В нем погребены все наши цари — от VI до XVIII века.

Потом, обернувшись к громадному пьедесталу с простыми, геометрически правильными линиями:

— И вот здесь, как раз напротив, будет воздвигнут памятник Ленину. Между ними — гидро-электрическая станция, — прошлое и настоящее нашей родины, — закончил председатель в несколько торжественном тоне.

Не убеждаешься ли еще раз, что советы — несравненные мастера инсценировки...

III

Двухсоткилометровый путь от Ленинакана до Эривани по высоким плоскогорьям Армении я проехала в автомобиле одна, с шофером Корко. Эти сменяющиеся шоферы так не похожи один на другого. Шофер-грузин — поэт, он непрестанно рассказывает старые легенды. Этот, с резкими чертами лица и пронизательным ястребиным взором, — типичный армянин, даже переживший традиционную трагедию своего народа: вся его семья вырезана турками. Он прежде всего — деловой человек.

При выезде из города он презрительно не замечает грустных процессий — повозок, нагруженных домашним скарбом, с сидящими в них стариками и испуганными детьми, убегающими от землетрясения и развалин. Он указывает на большую новую текстильную фабрику.

— Неудивительно, что она устояла, — говорит он по-английски: — хорошо построена.

На высоких плоскогорьях, окруженных горами с бурными гладкими склонами, на которые отбрасывают свои голубые тени облака, — в то время как я ожидала услышать ужаснейшую историю о резне в этих черных ущельях, где горные потоки высыхали от засыпавших их трупов, — он рассказывает только об оросительных каналах, которые точно стальными лезвиями изрезали неровную почву на правильные куски.

— За четыре года их прорыли уже пятнадцать, длиною в двадцать тысяч километров, — с гордостью говорит он.

Мы встречаем арбы, запряженные волами, похожие на колыбели, выкрашенные в нежно-розовый цвет, а он мне говорит об автомобилях, число которых увеличивается,

американских, удобных для этих скверных дорог, но особенно — об итальянских, потому что Италия дает более долгосрочный кредит.

В Делижане, маленьком городке, как будто перенесенном сюда с Альп или с Пиренеев, он расхваливает санатории, оборудованные советским правительством согласно современным требованиям, — с центральным отоплением и кабинетами, в которых применяются различные методы лечения.

Перед громадным, поражающим Севанским озером, величественно пустынным на фоне могучих темных контуров гор, он восхваляет его прекрасную рыбу, которая могла бы быть выгодным предметом торговли, говорит об организации здесь рыболовства, об обслуживании озера быстроходными грузовиками.

А когда на повороте у меня вырывается крик удивления при внезапном появлении легендарного Арарата, гигантского и блистательного, на белоснежной вершине которого, как говорят, нашел приют Ной со своим ковчегом, когда я восхищаюсь светлой и круглой Эриванью, похожей на золотой гвоздь, вбитый в подножье Арарата, увенчанной диадемой пальм, освещенных заходящим солнцем, — он с тем же энтузиазмом восклицает:

— О, вблизи все это совсем иначе! Это настоящая стройка, вы увидите!

* * *

Да! я увидела. Изрытые улицы, полные грязи канавы, строящиеся дома, где среди лесов возятся сотни каменщиков или на фасадах которых в виде фестонов висят люльки маляров; горы камня и кирпича; грузовики, перевозящие балки и камень; крики, ругань, смех, — везде хаос, но хаос сознательный и методический, лихорадочная и радостная работа.

Осталось только несколько старых тенистых улиц с протекающей по ним водой, с прохладными персидскими домами, с лавками, перед которыми, подобно гигантским изумрудам в ивовой оправе, стоят корзины с дынями, с гроздьями винограда и гранатами, — улицы, являющиеся последним убежищем, где можно укрыться от этого шумного потока созидательной энергии.

Та же напряженность в правительственных учреждениях. Многие министры уехали в Ленинакан, чтобы принять участие в борьбе со стихийным бедствием, председатель ЦИКа уехал в Москву на сессию Всесоюзного центрального исполнительного комитета. Министр народного просвещения, его замещающий, г. Мирадьян, несмотря на то, что он перегружен работой, все же находит возможность принять меня немедленно в своем скромном и удобном кабинете, похожем на рабочую комнату крупного промышленника.

На мои соболезнования по поводу катастрофы он отвечает:

— У нее во всяком случае есть одна заслуга, — его голос звучит отрывисто и металлически: — эта катастрофа еще раз доказала солидарность трех народов, которые когда-то враждовали друг с другом. Баку уже прислал нам несколько сот тысяч рублей, Тифлис прислал на помощь красноармейцев, пожарных, Красный крест, врачей. Новые времена!

Затем, немного помолчав:

— Что мы сделали с 1921 года? Прежде всего перед нами стояла неотложная задача создать новые условия работы и жизни для наших крестьян: надо было дать им сельскохозяйственные орудия, семена, рабочий скот. Нашей разоренной стране никогда не удалось бы это сделать собственными силами. Но Москва прислала нам оборудование и полтора миллиона рублей, которые по-

могли нам стать на ноги. Позднее она дала нам еще примерно столько же на необходимые для нашей страны ирригационные работы. С 1923 года мы могли начать думать о промышленности: построены уже и строятся текстильные и ковровые фабрики, лесопилни, цементные и суперфосфатные заводы. Каждое предприятие дает работу 500—1000 человек. У нас много рек, и мы рассчитываем использовать их для получения электрической энергии. Около Эривани уже функционирует одна станция, дающая 7000 киловатт; заканчивается постройка еще нескольких небольших станций в различных районах, всего на 30 000 киловатт.

— А в области земледелия?

— Мы культивируем табак, хлопок, виноград, — кажется, они лучшие в мире. На высоких плоскогорьях занимаемся скотоводством, которое имеет у нас громадное будущее. Мы организуем наших крестьян в артели, в которых обобществляются сельскохозяйственные орудия и рабочая сила.

И, постепенно ускоряя свою речь г. Мирадьян продолжает:

— Народное здравоохранение? Эпидемии ликвидированы, малярия, этот бич нашей страны, — на пути к полному исчезновению. У нас, кроме института, 15 противомаларийных станций. Вы уже видели наши санатории для туберкулезных? В них лечат бесплатно. Кроме того, наши рабочие могут провести ежегодно бесплатно две недели в наших домах отдыха. Число наших начальных школ утроилось; мы создали целую сеть технических школ; основанный пять лет назад университет дает в этом году свой первый выпуск. Добавьте к этому, что из Европы, из Америки, отовсюду к нам съезжаются наши молодые талантливые соотечественники — профессора, инженеры, врачи, которые отказываются там от очень выгодного положения, предпочитая работать у нас, получая несравненно меньшее

вознаграждение. Все хотят внести свою лепту в строительство родной страны...

Металлический голос звучит как будто несколько возбужденно.

— Что касается города, — говорит он в заключение, — то вы его увидите сами. Сообщу вам одно: за три года его население утроилось. То же произошло и с сельским населением.

* * *

Мы объезжаем этот растущий город в автомобиле. План города очень прост. В центре, на большой площади, где по праву будет возвышаться статуя Ленина, — около десятка новых зданий, построенных в классическом стиле, но без излишней роскоши. Десятка два других — больницы, большие школы, музеи, государственные театры, опера. Университет, состоящий из просторных зал, в которых размещены лаборатории; квартиры профессоров и студентов находятся на окраине города. На окраинах же построена масса домов для рабочих; дома самых разнообразных типов: от больших зданий с террасами до маленьких коттеджей. Обширный и красивый Дом крестьянина — настоящая сельскохозяйственная школа. Современем город будет окружен кольцом садов и спортивных площадок.

— Да, — говорил мне в этот же вечер англичанин, живущий в Эривани, — впервые за много веков Армения, управляемая людьми своего народа, народом же избранными, может развиваться соответственно своей природе и традициям. Она обладает одновременно и свободой, и этим неоценимым сокровищем — безопасностью...

1928 г.

ГОВОРЯТ НАРОДЫ

Почва, по которой мы проезжаем, — чистый чернозем. Она много чернее наших пашен. Это плодороднейшая почва, в которой вязнет нога человека, из которой лишь с трудом освобождается колесо. В течение ряда часов не видишь ни одного дерева, — одни подсолнечники, свекла и пшеница, и лишь кое-где светлые пятна уже убранных кукурузных полей. Изредка мелькают березовые леса; в более сырых местах попадаются группы тополей. Однако, чем дальше — лесов становится все меньше: их пожирает равнина. У домов более красивый вид, чем в России, много кирпичных. Пасутся стада гусей. Издали они похожи на морских чаек. Иногда на возвышенности, такой пологой, что нам она кажется длинной волной, появляется ветряная мельница, похожая на погасший маяк. Ее руки вращаются, делают знаки соседу, который передает их следующей; им отвечают десять, двадцать, тысяча, — все мельницы дружно работают, перемалывая зерно богатейшей житницы.

Я слишком хорошо помнил о Раде и Петлюре, поэтому подумал:

«Да, в конечном счете Украина еще раз попыталась завоевать свободу и еще раз покорена Россией». Осмотрев

Днепрострой, мы поехали на расположенный против него остров Запорожье¹.

Это длинный холм, поросший травой. Кое-где небольшие пляжи из мелкого песка. Напротив — скалистый берег. В прошлом это была естественная крепость, где собирались запорожские казаки перед своими набегами. Свободные крестьяне съезжались сюда со всех концов Украины, и здесь, на этом острове совещались, строили планы своих набегов.

Мы пристали, — как, должно быть, и они в давно прошедшие времена, — к маленькому пляжу. Мы миновали заслон из тополей и поднялись на холм. В старые времена единственным строением на острове была маленькая церковь. Ее больше не существует. Теперь здесь бедное крестьянское хозяйство. Мы попытались задать несколько вопросов девушке с загорелыми голыми ногами, которая отдыхала под кустом терновника. У нее было красивое суровое лицо и черные глаза. Она не захотела отвечать нам, вскочила и убежала, сгибаясь под тяжестью мешка с зерном.

* * *

Мой спутник молча подвел меня к большому деревянному кресту — «кресту Атамана». Подножие его пришло в ветхость, а на месте прикрепления поперечной перекладины мы прочли надпись: «В память казаков, павших в борьбе за свободу Украины».

Мы поднялись на остатки укреплений — земляные сооружения с парапетами и выемками, с амбразурами для орудий.

— Екатерина уничтожила запорожцев, — сказал мой спутник.

¹ Автор имеет в виду остров Хортицу, где собиралась Запорожская Сечь (Прим. сост.)

— Мне кажется, — вставил я, — что запорожцы были социальной силой, борющейся против своих господ. Но это не был народ.

Он повел плечами:

— Это был украинский народ.

Мы слышали взрывы, которые раздавались напротив. Башни Днепростроя, переплетенные лесами и железными фермами, поднимались к покрытому тучами темносерому небу. Я указал моему спутнику на этот Вавилон.

— Многие рабочие — украинцы, — сказал он.

И, тут же добавил:

— Именно здесь мы устроим нашу столицу. Да, на Запорожском острове будет помещаться ЦИК Украины. Так мы свяжем прошлое с будущим.

Мы вернулись в лодку, которая подняла нас вверх по реке. Солнце садилось. Над видневшимся еще диском его громоздились черные тучи с золотыми краями, точно черный уголь в золотом круге. Днепр был нежно-голубого цвета, кое-где отвечивал розовым. Мой спутник хлопнул меня по плечу.

— Поэт, — сказал он мне, — вы слишком много думаете о тенях Запорожья. Днепрострой и для вас нечто русское. Он не только русский, но и наш. Вы увидите Харьков, Киев, это — Украина.

* * *

Харьков. Административный центр страны. Это не древний город, как Киев. Цари хотели сделать из него большой русский город. Теперь в нем помещаются народные комиссариаты Украинской республики.

Все говорят по-украински, совещания проходят на украинском языке. Мы поднялись на верхний этаж железобетонного, тринадцатипятиэтажного здания, недавно выстроенного и называемого Домом промышленности. С верхней пло-

щадки, где разгуливает степной ветер, виден громадный и некрасивый город, который еще больше, чем Москва, производит впечатление незаконченной стройки. Повсюду, куда ни взглянешь, виднеются строительные леса. Настоящий лес! И почти на каждый свой вопрос я слышу один ответ:

— Дом для рабочих. Еще один, еще десять, двадцать...

Впрочем, я не удивляюсь. Я только что видел ужасный квартал, где люди ютились в каких-то дырах. Головы крестьян торчали буквально из земли. Они пришли из деревни, они бросились в город, не зная, есть ли там работа, и теперь они — толпа нищих, копошащаяся в грязи, под дождем.

— Что делать! — говорят мне. — Город растет, растет... Мы не успеваем строить.

Что я могу возразить? Вот новое здание почты. Вот новый дом железнодорожников. Вот дом профсоюзов. Тоже новый. Улицы гидронированы. Железные дороги, аэропорт, больницы, школы — строят, открывают, бурят. И еще эта группа из 30 или 32 кирпичных домов для рабочих — домов-коммун, которые я объехал. В них живет от четырех до пяти тысяч человек. Могу ли я все это отрицать? И разве не видел я недостроенные здания, где работают еще каменщики и маляры и где, несмотря на это, машинистки уже выстукивают своими проворными пальцами отчеты в Москву.

Однако, как много надо еще сделать!

С площадки, на которой я стою, виден огромный правильный круг. Половина круга — море полей, другая половина — дома и фабрики. Ни одного холма на горизонте. Нельзя себе представить ничего более геометрически правильного и производящего более сильное впечатление. Над городом, под сероватым небом, по которому плывут облака, клубится дым.

Я прислушиваюсь... Миллион людей — и их не слышно. Ничего похожего на парижский гул. Ни движения, ни шума. Впрочем, нет: если хорошенько прислушаться, то слышишь, как и в Москве, непрерывный, упорный стук молотков.

* * *

Человек, который говорит со мной, — украинец. Он любит свою страну. Он привел нас в зал, где заседает Совнарком. Там один из сотрудников т. Чубаря, председателя Совета народных комиссаров, обратился к нам с приветствием на своем родном языке. Он рассказал нам о естественных богатствах страны, он разъяснил политику республики. На стене висят портреты Маркса, Энгельса, Сталина, Калинина, Рыкова, Чубаря и великого украинского поэта — Шевченко. Огромный портрет Ленина, произносящего речь с деревянной трибуны.

Украинец говорит. Это человек лет пятидесяти, с интеллигентным лицом, на котором выделяются тонкие усы. Седеющие волосы, очень густые мефистофельские брови делают его немного похожим на фавна. Он настойчиво говорит о величии своей родины:

— Украинцев насчитывается во всем мире около 40 миллионов. Из них всего 24 миллиона живут на территории советской Украины, остальные рассеяны в Польше, Румынии, Чехо-Словакии. Около 6 миллионов наших соотечественников живут в Азии...

Дальше — обвинительная речь по адресу царей. В тех же выражениях, которые можно услышать на любой городской улице и в деревне, он настойчиво говорит о былых преследованиях и гонениях.

До 1905 года существовала всего одна украинская газета, и то во время войны ее запретили. Сейчас ежедневно печатается 4 миллиона экземпляров украинских газет.

И торжественным тоном, подняв кверху палец:

— Восемьдесят процентов населения — украинцы. В городах, однако, — всего сорок процентов: это из-за русской колонизации.

Он сказал это резко, выбрасывая слово за словом. Присутствующие русские и глазом не моргнули.

— В течение первых пяти лет положение уже сильно изменилось. В города переселилось много крестьян, так что русские в некоторых городах теперь составляют меньшинство.

И — счастливым голосом:

— В настоящее время пятьдесят процентов рабочих — украинцы. А металлистов — восемьдесят процентов! С каждым днем процент украинцев растет.

Я вижу, как заблестели его глаза. Но снова лицо его недовольно, и он продолжает свои жалобы:

— До революции помещики проводили насильственную руссификацию. Насчитывалось всего 1 миллион 200 тысяч человек, которые знали, что они украинцы. Таков результат трех веков «автократии».

Затем — снова радостно:

— Но сейчас возрождается украинский язык. Многие ему учатся. Это язык, который имеет свою литературу. Он сильно отличается от русского: больше, чем французский от провансальского.

— Школы? Сейчас у нас 20 тысяч начальных школ с 2 700 000 учащихся. В этом году все без исключения дети от 8 до 15 лет должны ходить в школу.

И он уточняет:

— Мы насчитываем 16 000 украинских школ, 1300 русских, 486 еврейских, 500 немецких, 341 польскую, 120 молдавских и 660 — других национальностей.

Добавляет с гордостью:

— Дети, понятно, учатся на родном языке и только позднее начинают изучать другой язык. В украинских школах — это русский язык, в русских и школах других национальных меньшинств — обычно украинский. Но есть и такие школы, в которых вторым языком является немецкий. В школах второй ступени и высших учебных заведениях — университетах, вузах — этот вопрос разрешается так же, как и в школах первой ступени.

Затем он перешел к газетам:

— На Украине выходит ежедневно около 4 с половиной миллионов экземпляров газет. 27 газет печатаются не на украинском языке: из них две немецких, шесть еврейских, две молдавских, две польских, две русских. Кроме того три центральных газеты: еврейская, польская и русская.

Потом — с широким жестом:

— А наши театры, наша опера, наша кинематография, наши музеи, наши выставки?! Существует украинская нация, существует украинский язык. Мы хотим внести свою лепту в мировую культуру.

Он засмеялся, когда заговорили о враждебном отношении к полякам.

— На Украине 400 тысяч поляков. У них есть польские сельсоветы и польский национальный район, 400 школ, техникум, две местные газеты, одна центральная и одна детская. Да еще и театр.

— А евреи?

— Допустить мысль, что у нас может существовать антисемитизм, могут только враги культуры. Антисемитизм — наш враг. На Украине немного больше миллиона евреев. Имеется 94 еврейских сельсовета и три национальных района. 500 еврейских начальных школ, 30 школ второй ступени, четыре еврейских национальных отделения в институтах, 120 клубов, два театра. Процент еврейских

детей, обучающихся в школах, пропорционально выше, чем процент детей других национальностей.

Он останавливается и улыбается:

— Понятно, теперь не царские времена. Многие евреи смотрят теперь на украинский народ, как на свой. 18 тысяч евреев переселились из еврейских районов в украинские. Более 100 тысяч покинули гетто, куда их загнали русские цари, вернулись к земле, живут среди крестьян.

У меня сорвалось слово «национализм». Мой собеседник пожал плечами:

— Я уже говорил вам о польских и еврейских советах. У русских — 42 совета, у немцев — 200, с 7 районами, у молдаван 71, с 3 районами, у чехо-словаков 12, в то время как их всего 15 000 человек. Французов и англичан у нас всего 617, и они, к сожалению, не сгруппированы в одном месте. Как это ни досадно, невозможно было создать их собственные советы.

— А русские?

— На что же им жаловаться? Там, где нужно, употребляются оба языка. В принципе государственным языком, принятым в школах, в суде и т. д., считается язык района. В немецких, молдавских, польских или еврейских районах — украинцы рассматриваются как меньшинство.

Помолчав, он добавил:

— Мы хотим латинизировать наш алфавит, но это трудно. Не хватает ни времени, ни средств.

Еще — после минуты молчания:

— Мы пытаемся установить культурную связь с польской Украиной, но там запрещены наши книги и газеты. Таким образом украинское меньшинство Польши отрезано от главного центра украинской культуры. Наш театр охотно сделал бы турне по польской Украине, но разрешат ли это поляки?

* * *

Я отлично понимаю, почему на Западе не любят говорить обо всем этом. Запад никогда ничего не понимал в национальной политике России.

Когда французы высадились в Одессе, они оказались перед лицом двух вооруженных сил: добровольческих войск, занимавших город и подчинявшихся северокавказской белой организации (Деникину и др.), и национальной украинской организации, которая шла из глубины страны на Одессу. Мы оказали поддержку первым против вторых, т. е. поддержали старую Россию, Россию империалистическую, царистскую и централизаторскую, против украинского народа. И несмотря на то, что тогда украинские войска боролись так же с большевиками, как и с Деникиным, теперь на Украине мне напомнили об этом факте.

— Да, — сказали мне, — большевики оккупировали страну, но затем они основали Украинскую республику и передали власть украинцам. Если бы победителями были вы, французы, с вашими союзниками — белыми, то теперь не было бы самостоятельной Украины. Мы не говорили бы на своем языке. Никогда не были бы открыты наши школы. Вы защищали наших угнетателей.

* * *

Я обдумывал все это несколько позже, когда, осматривая Киев, настоящую культурную столицу Украины, древний город князя Владимира, который, крестившись, заставил всех своих подданных вслед за ним окунуться в воды Днепра, чтобы креститься подобно ему. Я приветствовал издали статую этого славянского Карла Великого¹. Эта статуя стоит здесь неизменно, как собор и вели-

¹ Карл Великий — король и император франков в 768—814 гг.

чественная Лавра. И если эмигранты когда-нибудь возвратятся сюда, они увидят князя Владимира неприкосновенным на его пьедестале под золотым куполом.

Сверху открывается великолепный вид на украинскую равнину, по которой извивается свинцовый Днепр, омывая песчаные и зеленые острова, заросшие ивами и тополями. Со всех сторон из зелени глядят купола и кресты. Дома, тесно сгрудившиеся по склону, остатки стен, башен, укреплений, маленькие дорожки, затерявшиеся в раскинувшихся террасой садах, — все это производит, с одной стороны, впечатление укрепленной крепости, а с другой — все же столица.

— Да, да, — говорит мой спутник, — конечно, это совершенно правильно. Киев — попрежнему наша столица и наша крепость.

Он добавил:

— И в Харькове в этом отношении мы имеем все большие успехи. Что же касается села, то оно целиком украинское.

Один русский сказал мне накануне:

— Знаете, это удивительные люди. Случается, что мы обращаемся по-русски к мелкому служащему, он качает головой и отвечает: «Я не понимаю». Между тем он знает русский язык, но хочет его забыть.

— Буквально, как познанские поляки. Они тоже знают немецкий язык, но не хотят на нем говорить.

— Да, но украинцы не хотят отделиться...

Я посмотрел на него.

— Вы в этом уверены?

— Мы сделали то, что должны были сделать, — сказал он. — Впрочем, вы несколько знакомы с нашей национальной политикой. Каждому ясно, что наш юг резко отличается от Московской области. Не только

язык другой, — раса другая, характер местности совершенно иной. Двигаясь к северу, вы видите, как в определенный момент снова появляются деревянные избы, соломенные крыши, как поля сменяются лесами. Это — Россия. Тут ничего не поделаешь — факт остается фактом. И мы действовали, считаясь с ним, действовали правильно, и вы должны это признать, как бы вы эти действия ни объясняли, — честностью или ловкостью. Учтите еще, что долины, через которые вы будете проезжать по дороге на север, почти целиком принадлежали графам Бобринским, Потоцким, короче — польским помещикам. Вспомните, что война 1920 года была направлена против Польши, которая мечтала объединить Украину. Вспомните, что в Польше живут 6 миллионов украинцев, и что те украинцы, которых вы только что видели здесь, гораздо меньше думают об отделении от Союза, чем о возвращении Львова в лоно того, что называют матерью-родиной.

Несколько дней спустя я возвращался на север. Опять увидел деревянные избы и соломенные крыши. Поля сменялись лесами. И в тот момент, когда я снова увидел старую Великороссию, я вспомнил слова моего украинского спутника:

— Украина возродилась. Скажите это людям Запада. Тридцать миллионов людей снова обрели родину. Царь не воскреснет — это ясно всем, но ясно и то, что никакая централизация невозможна.

Я сказал ему:

— Не боитесь ли вы, что демократия подкрадется, как тать в ночи?

Он засмеялся:

— Украинская демократия — быть может. Но не централизаторская демократия на французский лад, имеющая свою резиденцию в Москве и руссифицирующая все.

Нет, тысячи раз — нет. Я — не коммунист, я беспартийный, но советы — за федерализм, и я борюсь вместе с советами.

* * *

Были ли эти люди очень честны или очень ловки, — факт тот, что народы на их стороне. Мы это видели на примере волжских татар, крымских татар, украинцев. Разговаривая с многими студентами, я мог убедиться, что так же обстоит дело с бурятами, монголами, со всей массой азиатских народов...

1931 г.

ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ ОБ АДЫГЕЕ?

Керашев и я гуляли по полям Старого Бегахая.

— Я хотел бы знать, что вы, американцы, думаете об Адыгее и ее развитии. Вы должны были прочесть в наших газетах, что Адыгея была первой национальной областью Советского союза, проведшей сплошную коллективизацию, ликвидировавшей кулачество как класс и добившейся стопроцентной грамотности, — говорит Керашев, молодой черкес-журналист, недавно вернувшийся из московского вуза и редактирующий черкесскую газету в Краснодаре.

Мне стыдно признаться, что я до сих пор никогда не слышал об Адыгее. Кроме того, мне не хочется обидеть этого парня, — видимо, он уверен, что взоры всего мира обращены на мужественный маленький народ, творящий чудеса на пути строительства социализма в долинах Северного Кавказа. Я крайне осторожно открываю ему печальную истину.

— Ничего, — спешит он меня успокоить, — еще недавно и среди русских лишь немногие знали об Адыгее. Они слышали только, что существуют красивые храбрые «разбойники-черкесы», как их романтически изображали Пушкин и Лермонтов. Экзотические сюжеты! — улыбается он иронически. — Но если это и было хоть сколько-нибудь похоже на правду тогда, то теперь ничего подоб-

ного нет. Десятилетия непрерывной войны против русского империализма, за которой последовали восемьдесят лет настоящего рабства, совершенно разорили наш народ. Наши стада были перебиты, наши поля опустошены, наш народ потерял десятую часть убитыми. После победы русских большинству пришлось эмигрировать в Турцию. Тысячи погибли в пути. До Октябрьской революции наш народ переживал полный упадок и шел к вырождению. Детская смертность была чудовищна. Посмотрите на женщин и девушек из здешних аулов: это — далеко не те гордые красавицы, которых воспевали Пушкин и Лермонтов в своих поэмах. Большая часть из них болезненны, у многих лицо изрыто оспой. И мужчины — за небольшим исключением — выглядят не лучше. Голод, унижение и темнота были нашим уделом в течение восьмидесяти лет. Нас эксплуатировали и притесняли, и в нас развивалось отвращение к труду. А тогда наши русские эксплуататоры стали называть нас бездельниками, лентяями, конокрадами и т. д. К началу реконструктивного периода 80 процентов трудящегося населения не имели ни лошадей, ни инвентаря для обработки полей. Грамотных было только 5,4 процента. С женщинами дело обстояло еще хуже, чем с мужчинами: среди них насчитывалось лишь 1,5 процента грамотных. Наша женщина, лишенная всяких прав, в силу того, что адат (магометанский обычай) запрещал ей принимать активное участие в жизни, рассматривалась как низшее существо. Ей приходилось питаться костями и корками, после того как насытятся все мужчины в семье. Черкесская женщина не смела выходить на улицу иначе, как в сопровождении мужа; ей не разрешалось даже переступить порог мечети.

Керашев рассказывает о страданиях своего народа весьма деловым тоном. Он весь сдержанность и самообладание — самые уважаемые адыгейцами добродетели, —

однако под этим равнодушием чувствуется тлеющий огонь. Но Керашев прежде всего коммунист. Выдвигая на первый план классовое начало, он с горечью говорит о муллах, «эфенди», кулаках, о прежних князьках, аристократах и продажных царских чиновниках.

— Чиновникам-то и помещикам хорошо жилось при царизме. Их дети учились, чтобы служить в государственных учреждениях и эксплуатировать трудящееся население. Правящий класс вместе с царскими генералами в 1905 году, а также непосредственно после Октябрьской революции бросил черкесское население в объятия контрреволюции.

— Ладно, — перебил я его, — оставим в покое прошлое. Давайте поговорим о настоящем, сегодняшнем!

— О сегодняшнем? — просиял мой собеседник. — Посмотрите!

Он указывает на черную, недавно вырванную у притеснителей землю, пестреющую цветными, сверкающими на солнце платями крестьянок. Около пятидесяти женщин занимались поливкой гряд молодой капусты, другие наполняли лейки, перебежываясь с парнями, подвозившими бочки с водой из реки Кубани.

— Колхозные бригады, товарищ! Работают! И при этом не забудьте, что сейчас магометанский праздник — курбан... Эй, бабуся, как это вы работаете в праздник?

— Если я не буду работать, кто же будет работать за меня? — ворчит старуха.

И непонятно, действительно ли она сердится, или притворяется.

К нам подходит здоровая на вид, но с лицом изрытым оспой, средних лет женщина. Керашев знакомит меня с ней. Она — заместитель председателя правления колхоза. За ней подходит, застенчиво улыбаясь, молодая женщина. Она — бригадир.

— Как это вы работаете в праздник? — спрашивает их Керашев.

— Сегодня получили наряд на работу 180 колхозников, и почти все вышли, — ответила старшая.

— Этого не могло быть еще в прошлом году, — вмешивается кто-то из бригады, — но теперь мы на сдельщине, платим из расчета трудодней.

Женщины уделяют нам очень мало внимания: они слишком заняты работой. Нас немного удивляет отсутствие мужчин. Выясняется, что мужчины используются на другой, более подходящей для них работе.

— Что же, хорошо вам в колхозе? Стало вам лучше, чем было прежде?

Женщина смеется: вопрос кажется ей бессмысленным.

— Только вступив в колхоз, мы почувствовали себя независимыми и поняли разницу с нашей прежней жизнью. Теперь работница знает, сколько она заработала... Есть ли у нас детские ясли? Нет еще. Но мы их организуем. Уже получили кровати... Да, здесь имеется женотдел, он ведет большую просветительную работу среди женщин, пробуждает в них интерес к культуре и политике. Скоро у нас будет электричество. Есть, конечно, школа. За исключением нескольких стариков, в нашем колхозе нет неграмотных.

Хотя я и сталкивался в Советском союзе со многими замечательными явлениями, но эти женщины меня особенно поразили. Настоящее чудо, — если вспомнить униженное положение магометанской женщины в недавнем прошлом. Все разбираются в хозяйственных планах колхоза, понимают, почему именно в их районе взята ориентация не на зерновые, а на огородные культуры, умеют считать на трудодни и т. д.

Мы переходим на поля, расположенные по ту сторону деревни, и знакомимся с мужской бригадой, оживленной толпой черкесских крестьян.

Импровизированный митинг. Карл Грюнберг забавляет собрание чтением махровых небывлиц о Советской России, напечатанных в социал-фашистской прессе. Наибольший восторг вызывает «информация» об «ужасном» положении советских женщин. Крестьяне с любопытством, почти с недоверием заглядывают в немецкую газету. Кривые очертания маленьких немецких букв кажутся такими невинными и безвредными, но какой смертельный яд содержится в них! Крестьяне смотрят на газету, щупают ее и передают друг другу.

— Подумать только, какая бесстыдная ложь! А вы, немцы, верите ей?

Грюнберг рассказывает о положении в Германии, о борьбе классов, о растущем революционном движении.

Крестьяне слушают внимательно. Потом один из них — ударник и кандидат в партию — выступает вперед.

— Здесь мы родились и прожили свою жизнь. Позвольте же сказать вам, товарищи, что при царском режиме к нам не приезжали гости из-за границы, а изредка заглядывали только чиновники, которым плевать было на нашу жизнь... Что касается выдумок, которые распространяют наши враги, мы над ними смеемся... Мы ценим ваш приезд. Нашу работу вы уже видели. Мы работаем сплоченной семьей — мы колхозники. И если у нас будет плохой урожай, нас выручит другой колхоз, которому, может быть, повезет больше. Так прежде не бывало. Нам хотелось бы пригласить вас принять участие в нашей работе, но у вас, конечно, нет времени. Ваше дело, товарищи, — рассказать миру про огромные трудности, которые мы преодолеваем, и про наши успехи... Вы должны убедить ваших крестьян в преимуществах коллективного труда. Мы приветствуем вас и надеемся увидеть снова. Приглашаю вас от имени бригады на Первомайский праздник!

Речи кончились. Наступает самая важная минута первомайского празднества. Национальные войсковые части готовятся к принесению присяги. Затем спортивная программа: джигитовка, требующая от участников высокой степени наезднического искусства и ловкости в обращении с кинжалом. Потом пляски и песни, в которых принимают участие и мужчины и женщины, преимущественно молодежь. Тот факт, что адыгейские крестьяне, еще недавно находившиеся под влиянием мулл и эфенди, празднуют этот день пролетарской солидарности и забывают о старом религиозном празднике курбане, — является несомненным подтверждением эффективности советских методов просвещения и пропаганды.

Под вечер нашу бригаду, усталую и голодную, приглашает на обед один из колхозников, бывший середняк.

Нас приглашают в кунацкую; это — особая комната, в которой черкесы принимают гостей. Здесь безупречно чисто, стены побелены известкой и украшены камышевыми циновками. Нас принимает хозяин. Это пожилой черкес, с сдержанным пизаществом в движениях и с чувством собственного достоинства. Прежде всего подается громадное блюдо с очень вкусным жареным барашком и гора прекрасного пшеничного хлеба. Мясо едят по местному обычаю, без вилок. На столе — бутылки с вином. Ни хозяин, ни соседи не садятся. Женщин в комнате нет. Они в той части дома, где готовится пища. Не принято, чтобы женщины выходили к чужим в кунацкую. Молодые люди снуют туда и сюда, подают нам чай и местные сласти и уговаривают есть, пить и чувствовать себя, как дома.

Во время угощения происходит весьма характерный эпизод. Мы приехали в аул Старый Бегахай в сопровождении Ибрагима Тсей, национального писателя и публи-

циста, человека средних лет, и комсомольца-черкеса. В то время как все члены нашей бригады, включая Ибрагима Тсей, сели за еду, комсомолец остался стоять у стены. Когда мы пригласили его присоединиться к нам, он вежливо отказался. Чем больше мы настаивали, тем решительнее он отказывался сесть за наш стол.

— Видите ли, — шепнул мне на ухо один из черкесов, — отец этого парня — кунак Тсея, то есть названный брат, и молодой человек проявил бы недостаток почтения к нему, если бы сел за один стол со своим дядей.

— Это же бессмысленно! Разве он не комсомолец, свободный от предрассудков? Ему должно быть стыдно.

— Может быть, может быть, — прозвучал уклончивый ответ.

Когда я позже сказал комсомольцу, что он разочаровал меня своей преданностью старым традициям, его ответ был поразителен, чтобы не сказать больше.

— Как я понимаю, традиция — основа культуры. В нашей культурной революции мы не отбрасываем без разбора все, что старо. Если обычай красив, если он не антиобщественен, то почему бы его не придерживаться? И для меня некоторые из наших черкесских обычаев овеяны какой-то трогательной прелестью — гостеприимство, честность, самообладание, скромность и... уважение к старшим.

— Может быть, может быть, — ответил теперь уклончиво я.

Другой эпизод был следующего рода. Грюнберг довольно красноречиво восхищался — и я уверен, без всякой задней мысли — тонкостью работы и красотой рисунка камышевой циновки, висевшей на стене. Хозяин немедленно снял циновку, скатал ее и подал Грюнбергу. Наш бригадир, смутившись, отказывался принять подарок. Хозяин, видимо, искренно обиделся.

— Лучше возьмите ее, — посоветовал потихоньку Тсей. — Так надо. Если гость похвалил что-либо, принадлежащее хозяину, закон черкесского гостеприимства требует, чтобы вещь была подарена гостю. Не принять подарка — значит нанести обиду.

Обед затянулся. Блюда, украшения, сами люди, их язык — все изумляло странностью, своеобразием и новизной... Разговор переходит на национальную музыку. По нашей просьбе, один из присутствующих соглашается спеть несколько песен. Воцаряется тишина. Певец закрывает глаза, поглаживает рукой подбородок и легонько покачивается взад и вперед. Тишина. И начинается песня... Заунывный мотив. Гортанные отрывистые звуки вначале раздражают непривычный слух европейца. Все подтягивают. Голоса черкесских крестьян звучат надтреснуто... Кажется, что в этой протяжной жалобе излилась вся печальная повесть доблестного народа. Но иногда напев оживает вдруг вспышками ликования... Певец поет о славной битве, происходившей между черкесами и русскими почти сто лет тому назад, там, где Лаба впадает в Кубань. Сражалось большинство черкесских племен, погибло много героев. Целая дивизия донских казаков была совершенно уничтожена.

Песня кончилась. Певец, словно очнувшись, открывает глаза. Лицо его бледно и неподвижно, выражение напряженное.

— Скажите, во многих из ваших песен и легенд отражается ненависть к царскому режиму?

— Нет, — отвечает Тсей. — Наш народ никогда не сознавал вполне отчетливо, что виновником его страданий был царский режим, хищный империализм. Мы ненавидели казаков, русских солдат, которые с нами боролись. наших невольных врагов. А злодея царя мы как будто не замечали.

— Заметьте, — добавил хозяин, — что казачьи песни вдохновлены враждою к нам. Царская политика сознательно сеяла ненависть между народами Кавказа и таким образом ими управляла. В этом был весь секрет.

Обед приближался к концу. Вдруг хозяин встает и, размахивая пачкой каких-то книжечек, произносит речь. Его жесты и ораторские интонации так выразительны, что мы не можем притти в себя от изумления.

— Он держит себя, как английский лорд, — замечает по-немецки один из наших товарищей.

— Нет! как истинный сын земли, — поправляет его Ибрагим Тсей.

— Дорогие товарищи, — говорит наш хозяин, — вы посетили нас неожиданно, и мы не могли принять дорогих гостей достойным образом. Мы были бы счастливы видеть у себя наших друзей дольше, а не на несколько часов. Я приветствую представителей международного пролетариата! Ваше посещение еще раз убеждает нас, что идеи, проводимые в жизнь коммунистической партией и советским правительством, имеют мировое значение и что мы, колхозники Адыгеи, втянуты в великую борьбу. Трудности есть, но мы гордимся тем, что преодолеваем их. Вы могли бы справедливо усомниться в моих словах, если бы я уверял, что мы делаем это без труда, легко. Наши усилия, направленные на строительство социализма, встречают поддержку со стороны пролетариата всего мира. Для нас факт, что вы пожелали посетить наш колхоз, является великим историческим событием. Вручая вам наши членские книжки, мы заверяем вас, что в любой переключке мы первыми назовем ваши имена и скажем, что вы откомандированы нашим колхозом в европейские и американские страны на революционную работу. Помните, товарищи, что красная коллективизированная Адыгея ждет освобождения всех национальных меньшинств у вас

на родине! Да здравствует Международная коммунистическая партия!

Мы благодарим нашего хозяина и медленно выходим из кунацкой.

Машины уже выезжали со двора, а колхозники кричали нам вдогонку:

— Возвращайтесь! Не забывайте нас!

1930 г.

РУССКИЕ, УКРАИНЦЫ, НЕМЦЫ, КИРГИЗЫ...

Два часа езды по железной дороге от Днепропетровска, а затем час езды в бричке по степи — и вы в селе Ново-Александровке. Собственно говоря, теперь это не село, а коммуна — коммуна имени Ленина. Направо — большой пруд. Этот пруд устроили коммунары. Мы проезжаем через мост. Перед нами огромная усадьба с жилыми домами, конюшнями и клевами. Здесь некогда жил богатый немецкий помещик Константин Мессер. В годы гражданской войны белые банды разрушили усадьбу до основания.

И вот в 1923 году сюда приехали новые люди, из Сибири, и восстановили разрушенное. Приехало шестьдесят семейств — мужчины, женщины и дети, много детей. В Сибири они тоже жили коммуной. Приехавшие крестьяне почти все были красные партизаны, испытанные в тяжелых и опасных боях. Их коммуна в Сибири находилась в трех днях пути от ближайшей железнодорожной станции. И коммунары решили оставить эти глухие места. Послали ходока на Украину и получили от украинского правительства землю, принадлежавшую некогда Мессеру.

Переселялись они сюда не торопясь, тремя группами. Первая группа произвела необходимые постройки и освоила землю. В течение года приехали остальные. Теперь

в коммуне почти тысяча человек — русских, украинцев, немцев, киргизов. Они сжились прекраснейшим образом.

Я ночевала в доме немецкого учителя. Утром послышались громкие звуки колокола. Это был сигнал, по которому все вставали. Было пять часов утра. В половине шестого работающие коммунары приходят к завтраку в общей столовой.

Рядом со столовой находятся клуб и библиотека. На стене клуба алеет красное знамя коммуны. На нем нарисован трактор, который коммунары получили в подарок от днепропетровских рабочих.

Коммунары завтракают все вместе — русские, украинцы, немцы, киргизы. Дети и старики не заняты на работах, и они завтракают позже. Детей до пяти лет матери их, прежде чем уйти в поле или в хлев на работу, приводят в ясли. Молодые женщины в высоких сапогах и в черных ватных пиджаках несут в ясли свои живые свертки. Ясли наполняются. Ясли — особенная гордость коммуны. Дети здесь цветущие, пухленькие, чистые.

Во всей коммуне нет ни одного неграмотного. Дети обучаются в семилетней школе.

Ангелина, дочь немецкого учителя, отвела своего ребенка в ясли. Теперь она отправляется в хлев, в котором находятся 400 коров. Коммуна выстроила этот хлев в прошлом году. Кирпич для этой постройки был изготовлен на собственном кирпичном заводе. Постройкой руководили специалисты из среды коммунаров.

Шесть часов утра. Начинается работа. 476 работоспособных членов коммуны отправляются в поле. Среди них 130 ударников, объединенных в 32 ударных бригады.

Конюхи верхом на лошадях поднимаются на холм, расположенный на востоке, — они ведут лошадей к рабочим

местам. Семена ржи нагружаются на телеги и отвозятся на поля. Вышли и трактористы. Шесть тракторов дает коммуне машинно-тракторная станция.

За мостом виднеется редкий кустарник. Коммунары называют это место лесом. В южной Украине вообще нет лесов. Поэтому ветер несется неудержимо по этим бесконечным равнинам. Всю ночь дул ветер, ужасный, дикий ветер, внушавший опасения и тревогу. Такой ветер, если он усилится, взметет землю вместе с посеянным в ней зерном.

Тракторы начинают свою работу. Машина борется со стихией. Огромный буккер, который одновременно и пашет и сеет, глубоко взрывает землю, аккуратно заделывает семена. Ветру не так легко будет вырвать из земли брошенные туда семена.

Тракторы исчезают с горизонта. Степь поглотила их. Только два остаются на видимой поверхности — они повторяют пройденный уже ими путь. Одним из тракторов управляет мужчина, другим — женщина. На буккере стоит коммунары, наблюдающий за севом. Он время от времени очищает плуг.

Посредине степи — небольшой загон. Здесь трактористы отдыхают во время перерыва. Тракторы работают днем и ночью, в три смены, так как из-за холодов сев запоздал почти на месяц.

Вечером все руководители бригад собираются вместе. От сильного ветра лица у всех стали коричнево-красными. Они отдают отчет о проделанной работе, критикуют недочеты и обсуждают, как лучше организовать работу на следующий день.

Я сижу в избе немецкого учителя. Он рассказывает мне историю коммуны, он рассказывает мне и свою историю. Жена учителя снимает со стены фотографию. На снимке — пять гробов, на каждом из них написано имя, под каждым

именем обозначен один и тот же год — 1918 год. Родители жены учителя и три ее сестры в 1918 году были убиты белыми бандитами.

В окно видны огни, горящие в степи. Тракторы коммуны имени Ленина спешат закончить сев...

1930 г.

«ТРУДОВОЙ ЦЫГАН»

Была середина 1929 года. Вдоль северного склона Кавказского хребта возникли сельскохозяйственные коллективы самых разнообразных национальностей. Черкесы, чеченцы, татары, русские, горские евреи — всюду деревенская беднота и середняки-крестьяне организовались в большие и маленькие коллективы. Самый кровавый из всех кровавых путей кочевых народов, соединяющих Среднюю Азию с Украиной и с центральной Россией, — северокавказская степь покрылась от Каспийского до Черного моря сельскохозяйственными артелями, колхозами и совхозами. Цыганские таборы смотрели на «новые порядки» со страхом и удивлением, не могли их уразуметь и проходили дальше.

Но вот однажды прибыли из Москвы небольшие группы. Они состояли из цыган-студентов московских педагогических, медицинских, агротехнических вузов. Они были посланы в степь к своим кочующим братьям для общественной и культурной работы Центральным национальным советом цыганского народа.

Студенческие группы разыскали цыганские таборы и приступили к работе. Они работали хорошо: в конце лета в Минеральных Водах появилась делегация нескольких

таборов для заявления председателю райисполкома и секретарю райкома, что они — кандидаты в первый цыганский колхоз.

— Нам надоела кочевая жизнь, мы хотим стать оседлыми, — заявила делегация. — Мы хотим организовать колхоз, товарищи...

Они получили землю, скот, дома, инвентарь, семена для посева.

Так возник на Северном Кавказе колхоз «Трудовой цыган» на месте бывшего казачьего поселка, к северо-западу от Минеральных Вод, между двумя одиноко стоящими холмами — Верблюдом и Змейкой, — передовыми постами, открывающими путь к исполинским горам Кавказа.

Лил холодный майский дождь, и над широким вспаханым полем нависли сырые испарения девственной земли. Прежде здесь была сплошь степь, первобытная почва. С холма виднеется линия домов, около сорока бывших казачьих хат, — прежний казачий поселок. Чистенькие, выбеленные крестьянские хаты; одно окно на восток, два — на юг. Предпоследнее здание побольше, у него шесть окон, двор и надворные постройки: это детдом и школа.

Направо от поселка, на расстоянии 3—4 километров разбит лагерь из палаток. Там работает бригада — бригада трудовых цыган-колхозников, под руководством бригадира Сергея Лебедева. Проливной дождь, но все же падут. Пять или шесть запряжек работают на мягкой почве, и работа не прекращается, когда наш автомобиль останавливается перед лагерем. Дождь, холодно, лошады, плуги и пахари промокли, и с каждым шагом к сапогу прилипают пуды грязи.

— Товарищи, — говорит один из нас, — познакомьте нас с вашей работой. Покажите, что у вас делается, как вы живете.

Подросток лет тринадцати-четырнадцати в красноармейском шлеме с советской звездой выскочил нам навстречу, — он был в палатке, служившей полевой кухней, — приставил ко рту свои черные руки и закричал по-русски:

— Товарищ Иваненко, приехали иностранные делегации!

Он посмотрел на нас и затем закричал еще громче:

— Из Венгрии и из Франции, товарищ Иваненко...

На верхнем конце пашни одна из запряжек останавливается, и по направлению к нам с трудом идет коренастый человек в короткой меховой куртке. Это председатель цыганского колхоза, Иван Михайлович Иваненко.

* * *

Идет дождь, холодно, и товарищ Иваненко смущенно стоит перед нами, не зная, что ему делать со своими мокрыми, запачканными землею руками. Наконец он улыбается, вытирает о меховую куртку правую руку, протягивает ее нам и говорит:

— Здравствуйте, товарищи. Мы рады, мы искренно рады, что вы, иностранные товарищи, посетили наше маленькое хозяйство... Мы цыгане. Колхоз называется — «Трудовой цыган». Мы здесь люди новые, работа новая, жизнь новая. Мы цыгане...

Нас окружает группа из семи-восьми взрослых мужчин и нескольких подростков. Среди них одна женщина, агроном Черепова, руководительница колхоза, охватывающего 1200 гектаров. Коренастая женщина в кожаной куртке, в грубых крепких сапогах и в красном платке на голове.

Она рисует нам положение хозяйства:

— Колхоз состоит из 86 семейств и 505 душ. В настоящее время под хлебами 500 га, остальное — виноград, подосолнух, овес. Но уже в ближайшем будущем хозяйство

будет заниматься главным образом плодо-овощными и техническими культурами. Это даст нам возможность поселить и прокормить несколько тысяч цыганских семейств... В прошлом году каждый колхозник получал по пуду хлеба и картофеля в месяц.

— Хлеб у нас есть, и картофель есть, и овощи, и птица, — перебивает ее Иваненко и делает нетерпеливый жест рукой, — но не это самое главное. Хлеб и картошка — это еще не все. Самое важное — план.

Он сказал это с изрядной долей нетерпения, нервности или так называемого цыганского темперамента. Мы думали, что он хочет говорить о пятилетке, но не о ней была речь.

— План, — сказал он настойчиво и прикоснулся правой рукой к большому пальцу левой, — 5000 га, — он оставил в покое большой палец и прикоснулся к указательному, — 10 000 душ цыган, садовые культуры, овощные культуры, животноводство, виноград — вот что будет основой цыганской республики, социалистической советской цыганской республики...

Он снял свою изношенную кепку, хлопнул ею о колено и сказал с довольным видом:

— Сегодня мы ждем из окрестностей Владикавказа шестьдесят семейств, которые к нам присоединились. Мы ведем переговоры с рядом других таборов, и хотя товарищ Ленин умер, но ленинизм живет, и вы увидите, товарищи, завтра или послезавтра к нам придут наши кочующие, лишённые родины братья из Украины, из Бессарабии, из Венгрии, из Словакии, они придут, потому что они знают, что здесь строится свободная цыганская республика.

Мы молча стояли перед цыганским бригадиром Иваненко и смотрели на него, на красного цыгана-патриота.

— Товарищ Иваненко, вы были прежде кочующим цыганом?

— Да, — ответил он, — я кочевал, торговал лошадьми и объездил мир от Ташкента до Белграда. Я много видел, много пережил, и все, что я вам сказал, — чистая правда.

Раздался фабричный гудок.

— Это наш шеф заявляет о себе, — сказал Иваненко с довольным видом.

Он рассказал, что неподалеку отсюда находится насосная станция нефтепровода Грозный — Туапсе. Насосная станция, небольшой промышленный поселок с шестью десятками рабочих, обслуживает колхоз с общественной и культурно-политической стороны. Два раза в неделю приходит врач с двумя акушерками. Мужчины, женщины, дети осматриваются, просвещаются, получают указания и советы. Ведутся занятия с неграмотными, с коммунистической молодежью, с кандидатами в партию, а бывший красноармеец со станции обучает их военному делу.

— Как обстоит дело с здоровьем колхозников? — спросили мы женорганизатора, товарища Лебедеву.

Она ответила с гордостью:

— Больных у нас нет. Есть несколько нетрудоспособных стариков, остальные здоровы, как степные волки. Наши беременные женщины, молодые матери, грудные ребята и остальные дети находятся под постоянным наблюдением врача... На приеме у врача всегда стоит в очереди пятнадцать-двадцать женщины, чтобы получить совет насчет себя, насчет детей, насчет здорового образа жизни.

* * *

Мы перешли по временному мосту через речку к другой бригаде. Бригадир Николай Иванович Чернышев как раз приближается со своими шестью запряжками к берегу, на котором мы стоим. Он приветствует нас по-военному, но работу не оставляет, сворачивает направо, а за ним

следуют с правильными интервалами пять других плугов.

— Этот не сдаст, — замечает агроном Черепова и улыбается, — у него соцсоревнование с четвертой бригадой. Кандидат в партию. Хочет поступить в специальную сельскохозяйственную школу в Ростове. Крепкий парень. А жаль! Какой великолепный конокрад вышел бы из него, если бы не советская власть и коллективизация!..

Сопровождавшие нас цыгане поняли шутку и смеются от души.

Мы сидим в доме Лебедевой. Дом состоит из двух комнат, отделенных от опрятной кухни. Кухней пользуются совместно две семьи, каждая из них занимает по комнате.

— Не слишком ли тесно? — спрашиваем мы у Лебедевой.

Она смеется:

— Мы жили и потеснее...

— Это верно, но дело не в том. Вопрос в том, сколько человек сейчас живет в одной комнате...

Женщина качает своей энергичной красивой головой цыганки!

— Как же так? Во-первых, это чистая сухая комната. И если в ней живут даже пять, шесть, семь человек, то это лучше, чем зимовать в поле, на морозе и на холоду. Во-вторых, осенью будет стройка. Будут построены двухэтажные дома для пятидесяти семейств. Будут построены школа, клуб, ясли, баня, а насосная станция даст нам ток. У нас будет электрический свет, телефон и радио... Советское правительство дает нам кредит в 150 000 рублей.

— Вы член партии, товарищ Лебедева?

— Нет. Кандидат в партию. Меня провели в кандидаты с десятком других цыган 1 Мая. Нас всех 32 кандидата.

— Учились вы в школе?

— Да, я училась полтора года в высшей школе северокавказских народностей в Ростове.

— Как вы думаете, почему цыгане против оседлой жизни?

Она опять смеется. Почти торжествующе.

— Для оседлой жизни прежде всего нужна земля. Земля, оборудование, рабочий скот, денежные средства, специальные знания... Каким образом мог бы при капиталистическом строе цыган или другой голяк получить все это даром? Кто бы ему это дал? Помещик? Кулак? Нет, государство, которое защищает их интересы! Ясно? Решающее условие — создание соответствующей экономической и общественной базы. Мы получили землю, инвентарь, рабочий скот, семена, деньги, специалистов, мы политически и общественно равноправные советские граждане, — вот база.

— А других препятствий нет?

— Есть, конечно. Но они не имеют решающего значения. Кочевая психология, предрассудки, невежество, значительное еще местами влияние воевод — родовых старейшин, общественных руководителей и властителей в таборе, страх перед государством, перед властью и ее исполнительными органами, которые в представлении цыган все еще отождествляются с жандармами и полицейскими. Все это, конечно, — препятствия, но дело решает правильная, единственно справедливая политика советского правительства, которая обеспечивает цыганскому народу экономические и общественные условия оседлого образа жизни. Этот оседлый образ жизни возможен только при социализме... Как могли бы поселенцы-цыгане в капиталистических условиях конкурировать с хозяйственно, политически и общественно более сильными середняками и кулаками? Они принуждены были бы погибать от голода на своем участке или через короткое время бросать землю.

На стене портреты Маркса и Ленина. И вырезка из «АИЗ» (немецкая «Иллюстрированная рабочая газета»): Карл и Роза.

* * *

Мы осматриваем стойла с 24 молочными коровами, конюшню, большой сарай с сельскохозяйственными орудиями, загон для мелкого скота и переходим к детскому дому.

Детский дом — предпоследнее здание поселка, огороженное со всех сторон, сверкает выбеленными стенами. Самое большое, единственное большое здание в колхозе. Наверху огромная красная звезда, под ней советский герб — серп и молот, а ниже гордая надпись на русском и цыганском языках:

«Детский дом колхоза «Трудовой цыган».

В детдоме пять комнат. Две для игр и занятий детей постарше — от 3 до 7 лет, две — для грудных ребят. У «больших» нас встречает бурный восторг трех десятков мальчиков и девочек. Все они, как один, черноглазые, как полагается настоящим цыганским детям, великолепные огненные глаза, смуглые, красные полные щеки, красные пионерские платки на шее и — гром «Интернационала» на русском и цыганском языках.

Речей никто не произносит. Ни у нас, ни у детей нет охоты к формальностям приема. Особенно у детей. Те, что стоят впереди, протягивают нам свои маленькие руки, мы поднимаем их вверх, они обнимают и целуют нас. Две юные учительницы, тоже цыганки, протеснились вперед.

— Дети, так нельзя, разве можно так надоедать дядям!

Мы и дети отбиваемся от нее, мы хотим познакомиться с первым колхозным поколением цыган-колхозников, хотим обнять их, мы, француз, немец, американец и венгерец, хотим крепко прижать к сердцу наших маленьких братьев.

Гладко остриженная прелестная девочка лет восьми-десяти выходит вперед, расчищает себе место, и водворяется тишина.

— Мы теперь потанцуем, мы покажем нашим гостям танец, — говорит она, хватая за руки двух мальчиков, и они выбегают на улицу.

Дождь прекратился, ярко светит теплое ясное солнце, но земля сырая и вязкая. Трое маленьких цыган не смущаются этим. Они танцуют. Они танцуют по-цыгански, посредине — девочка, справа и слева — мальчики. Из детского дома прибегают остальные дети, из домов выходят женщины, несколько нетрудоспособных стариков-цыган, агроном Черепова, председатель колхоза. Трое детей танцуют, остальные поют, отбивая такт; старый цыган кричит, подбадривая танцующих; одна мать с ребенком на руках тоже пробует танцевать. Вдруг одна из девочек — ей не более пяти лет — просто и решительно становится против танцующей тройки и начинает самостоятельный танец. Не проходит трех секунд, как к ней присоединяются трое других детей. Сзади, справа и слева поют взрослые и хлопают в такт в ладоши. Один из стариков внезапно делает прыжок к танцующим детям, вскрикивает, бьет рукой по ногам и пляшет вместе с детьми.

Сияет солнце, знойное степное солнце сияет над застланной туманом широкой пашней, над белыми домами и над счастливыми, здоровыми цыганскими детьми...

В одну-единственную комнату нас не пустили — в комнату грудных детей. Их теперь десять. Их нельзя беспокоить. Двое детей охраняют вход. Они оба — члены санитарной комиссии детдома.

— Товарищи, у вас башмаки в грязи... Нельзя, нельзя!..

...Три дня спустя, во время поездки в окрестности Железноводска, мы наткнулись на шоссе на цыганский табор. В нем было примерно двенадцать-тринадцать палаток. Мы остановились и пошли к цыганам. На наш вопрос, почему они еще кочуют и не присоединяются к колхозу, один из цыган ответил:

— Наши делегаты сейчас в колхозе. Мы хотим присоединиться... Но только осенью. А колхозники настаивают, чтобы сейчас. Они говорят, что весной и во время жатвы нужны люди... Ну, да ведь это не имеет большого значения. Мы присоединимся.

Когда мы прощались, цыган сказал с сознанием своего достоинства:

— Мы присоединяемся с восемью лошадьми и четырьмя запряжками. Прибавь еще — 14 мужчин, 19 женщин и 64 ребенка.

1931 г.

ЕВРЕИ ЗА ПЛУГОМ

Бесчисленное множество народов оставили след на Кавказе — на этой великой дороге переселения народов с Востока на Запад. На одном только Северном Кавказе насчитывается сейчас 102 разноязычных народности. Наряду с русскими там имеется 269 000 чеченцев, 200 000 армян, 139 000 кабардинцев, 100 000 татар, 64 000 черкесов и так далее, и так далее.

При самодержавии все эти мелкие народности притеснялись и были лишены доступа к высокой культуре. При этом русские угнетатели мастерски умели разжигать национальную вражду и натравливать одну нацию на другую. Через планомерное чересполосное поселение на землю различных чужеземных национальностей — поляков, словаков, латышей, эстонцев, итальянцев и немцев (последних числится сейчас 102 000 человек) это вавилонское смешение языков еще более усиливалось, тем вернее обеспечивая владычество царя.

Немцам правительство покровительствовало, и потому они принадлежали к реакционно настроенным национальностям. Однако положение резко изменилось после объявления войны, когда царское правительство стало применять к своим прежним союзникам все то, от чего они были

до сих пор избавлены, — преследование родного языка, принудительное выселение целых деревень в Сибирь и тому подобное.

Раздуваемая угнетателями национальная рознь, нередко дававшая вспышки кровавой мести и истребительных партизанских войн, не позволяла умиротвориться этим мелким народностям. Но, конечно, еще того меньше были они способны сплотить свои силы против общего врага. Но здесь принесла перемену Октябрьская революция 1917 года. Большевиетские тезисы: «Земля безземельным, самоопределение национальным меньшинствам» — проникли повсюду, вплоть до самых отдаленных аулов.

В последовавшей борьбе повторялось то, что и раньше не раз происходило в мировой истории: рабочие и немущие крестьяне угнетенных народов воодушевленно дрались плечом к плечу со своими русскими товарищами по классу. С другой стороны, значительная часть национальной буржуазии объединялась с белыми генералами и империалистами, которые стремились восстановить прежнее позорное угнетение.

Победа революции принесла народам старой России долгожданную свободу. В социальном отношении — крестьянин получил землю, рабочие — заводы и фабрики. В национальном — все народы, поскольку они жили на определенной территории, получили в пределах великого Советского союза право на полное самоопределение. Возникли автономные республики и области. Даже самые мелкие нации или осколки наций пользовались в культурном отношении всяческим вниманием и заботой со стороны Советского союза, как, например, цыгане, для которых изобретен алфавит.

Особым народом являются и так называемые «еврейгорцы», происходящие из Дагестана. Единственное, что у них есть общего с другими евреями — это религия. В неф-

тяном городе Грозном живет 300 евреев-горцев, которые до революции владели жалкое, полуголодное существование разносчиков и т. п. Они не имели права ни приобретать землю, ни брать в аренду. Презрение и преследования, которым подвергались их единоверцы по всей России, в равной мере выпадали и на их долю.

Революция дала этому затерянному народцу латинский алфавит и тем самым ликвидацию их неграмотности. Она дала им также и землю, ибо в основе всей советской культурной работы лежит сознание, что обеспеченный экономический базис есть первое условие культурного развития. В 1927 году 30 человек из проживающих еще по сей день в Грозном евреев-горцев вступили в земледельческую артель «Красный горец».

* * *

Так как их земля непосредственно прилегает к городу, мы воспользовались случаем навестить их за работой на их участках (май — июнь 1931 года).

Солнце, несмотря на ранний утренний час, палило уже очень жарко, но на полях под Грозным работа была в полном разгаре. Мы видели повсюду свежескопанные канавы с насыпями по бокам, видели лопаты и усердно работающие ноги. Грузовики, телеги, запряженные лошадьми и волами, колесили взад и вперед, а белые платки на головах у работающих женщин светились на свежей майской зелени словно огромные ромашки.

— Те вон, у водовозных бочек, и есть, должно быть, еврей, — сказал наш проводник.

Когда люди узнали в нас иностранцев, они воткнули в землю свои лопаты, оставили лейки. Нас окружили. Это были люди с темнокоричневой кожей и твердо вылепленными носами, напоминающие армян. Их черные глаза блестели гордостью, когда они рассказы-

вали нам о развитии своего коллектива. До позапрошлого года они возделывали кукурузу, пшеницу и подсолнух. Обзавелись инвентарем: сперва это были 4 плуга, 1 сеялка, 2 косилки, 8 лошадей и 1 трактор. Но теперь произвели обмен, так как перешли на овощные культуры. По декрету советского правительства все земли на 25 километров вокруг больших городов должны — в интересах народного здоровья — засеиваться овощами. Но советы не только издают декреты, они обеспечивают также и их выполнение, проводя одновременно земляные работы по орошению и осушке. Уже на будущей неделе проточной водой будет охвачено 40 гектаров капустных и огуречных гряд «Красного горца». До сих пор воду для поливки насаждений возили на телегах.

Мы спрашиваем, как им живется, но их счастливые лица дают более убедительный ответ, чем их ломаный русский язык.

— А есть еще в городе раввин?

— Да, есть один, но никто не знает, чем он, собственно, занимается.

— А как с национальным вопросом? Не обделяют вас русские и чеченцы, не смотрят на вас косо?

Когда им перевели этот вопрос, они посмотрели на нас, широко раскрыв глаза, точно я спросил, не растут ли у них на полях маслобойки. А потом рьяно затрясли головами.

Спросить ли об этом черкесов, нагайцев, цыган или советских немцев, — везде одно и то же. На место национальной вражды выступает социалистическое соревнование по экономическому и культурному краевому строительству.

Вместе с тем опровергнут и националистический тезис о том, что евреи будто бы избегают труда, неспособны к труду. Сотни тысяч пролетариев-евреев на сегодняшний

день работают на производстве. И десятки тысяч состоят в процветающих еврейских колхозах и успешно обрабатывают землю в Белоруссии, на Кавказе, в Крыму, на Украине и — не следует забывать — в новооснованной еврейской колонии на Дальнем Востоке, в Биробиджане.

Мне случилось повстречать в Москве семнадцать евреев, только что прибывших из Аргентины. Тридцать лет тому назад они отправились из старой России в Новый свет, но старая судьба их расы последовала за ними через океан. Теперь они услышали о новой земле, где еврейские трудящиеся строят свой новый мир. Они продали свои пожитки и вернулись в отечество всех трудящихся. Среди них искусные ремесленники, которые, несомненно, найдут для себя достаточное поле деятельности...

1931 г.

ИНДЕЙЦЫ СИБИРИ

Первого самоеда я увидел на острове Вайгач. Он стоял перед факторией Госторга и курил папиросу. Это был Табурай, председатель родового совета острова, иначе говоря — президент Вайгачской республики. Семнадцать семей смотрели на него как на высшую власть, а бывший князь был настроен по отношению к нему резко оппозиционно. Табурай охраняет факторию, являющуюся отделенцем большого хабаровского склада. Он — симпатичный парень, уже немолодой, с бородой (что крайне редко встречается у самоедов) кофейного цвета и чрезвычайно приветливый. Его помощник Седай — молодой, меланхолично настроенный самоед, прекрасно говорящий по-русски.

Кто такие самоеды? Откуда они явились?

В настоящее время существует примерно четырнадцать тысяч самоедов. Половина из них живет в Европейской России, на побережьях Баренцова моря, на Колгуеве, Матвееве, Вайгаче и Новой Земле и в тундре между Уралом и самоедским полуостровом Ямал. Остальные живут в районе Оби, в устьи Енисея и в тундрах до самой Хатанги-реки, по которой проходит граница между Сибирью и Якутией. За эту реку ожесточенно борются эти две соседние

республики, — правда, к счастью, лишь на заседаниях комиссии и в петициях, посылаемых в центральные учреждения Москвы.

По внешнему виду самоеды не похожи ни на эскимосов, ни на монголов. Они маленького или среднего роста, с черными волосами и черными глазами, очень неопрятные, но умные. Одежда и обувь их шиты из тюленьих и звериных шкур.

Здесь же живут еще юраки, долганы, якуты и тунгусы; они отличаются друг от друга, но очень мало — не больше, чем в Европе различные представители одной и той же национальности. Несведущему и поверхностному наблюдателю невозможно установить, к какой народности принадлежат встречаемые им местные уроженцы, особенно в первое время путешествия по области, где живут кочевники.

Только один народ Северной Сибири не похож на другие. Мы видели уже эти запоминающиеся серьезные, с резкими чертами лица. У каких еще племен такие длинные иссиня-черные волосы? Что это за греческие манеры? Не греки ли это? Нет! Это индейцы. Дайте им украшение из орлиных перьев, томагавк и трубку мира — и перед вами будет настоящий индеец.

Немало ученых поломали уже головы над происхождением енисейских остяков. Мы — не этнографы и не этнологи, мы смотрим и собираем впечатления; делать научные предположения — удел енисейских и западносибирских специалистов.

Остяки с Оби и Иртыша не имеют ничего общего друг с другом, кроме названия, которым их окрестили триста лет назад русские охотники, проникавшие в Сибирь. А эти русские просто называли остяками всех туземных охотников. Западносибирские остяки — одного корня с самоедами. Они, как и самоеды, зыряне, вогулы, юраки, долганы, якуты и тунгусы, причисляются к великой мон-

гольской расе, к ее уральско-алтайской группе. Однако между ними существует большое различие — для специалиста; несведущему человеку в этом не разобраться. Якуты — тюркско-татарская народность; тунгусы родственны манчжурам; самоеды, юраки, западные остяки и другие причисляются к угро-финским племенам. Однако среди всех этих этнографических групп не находится места для енисейских остяков. Они родственны — вероятно — эскимосам. Эскимосов с Берингова моря, чукчей, юкагиров, ламутов, камчадалов и енисейских остяков причисляют к палесанской группе, к племенам, первоначально населявшим Азию. Уже много писалось о родстве между эскимосами и индейцами. У енисейских остяков, несомненно, больше индейских черт, чем монгольских или татарских.

* * *

Сибирь — страна сорока народов!

Эти люди здесь — люди тундры и тайги, они охотятся на материке и ловят рыбу в реках. Они имеют одну общую черту: основа их жизни — животное; растения играют в их жизни лишь подчиненную роль. Они живут с животными. Эскимос кочует вместе с тюленями, самоед — с северными оленями, тунгус и остяк уходят зимой от реки в лес.

Животные — источник жизни этих людей и источник богатства страны. Если уничтожат животных, то вместе с ними вымрут и люди. Истреблять кочевников, содействовать им вырождению от пьянства, сифилиса и туберкулеза — значит закрыть доступ к мехам, оленьему мясу и коже, китам и рыбе в могучих северных реках. Русский умеет убивать соболей, но он не умеет разводить северных оленей. Русский умеет организовать факторию и кооператив, но он не умеет странствовать на санях и с палатками по тундре. Тунгус добывает в десять раз больше белок, чем русский охотник. Русский может быть рыбаком

на юге. На севере он будет строить консервные заводы, добывать из-под вечного льда уголь и платину, а самоед или тунгус будет доставать продовольствие и сырье.

Советская власть не дала свершиться чудовищной трагедии. Она приобщает туземцев к делу строительства социалистического общества. Нельзя оставить лежать втуне миллион квадратных километров драгоценнейшей почвы. Но она может приносить плоды лишь при том условии, если ее человек, ее уроженец будет при ней оставлен. Поэтому кочевник останется кочевником, но без водки и сифилиса. У кочевников будут свои умные молодые образованные вожди, у них будут хорошие ружья, хорошие сети. У них будут также врачи, будут школы и курсы, где их будут учить не евангелию, — как учат эскимосов, чтобы они смиренно покупали старые соломенные шляпы у датских купцов, — а тому, что северных оленей можно разводить сообща, коллективно, что можно вместе рыбачить, что сообща добытые продукты, можно так же сообща продавать на фабрики, которые в свою очередь доставляют очень нужные вещи через свои кооперативы, как, например, муку и сахар, мануфактуру, кожу, оружие, сани.

В Сибири будут жить родичи американских индейцев. Но это будут не «индейцы». Сибирские кочевники станут — и очень скоро — точно такими же сознательными гражданами Союза, как сибиряки, киргизы или вятские великороссы. Одни поставляют машины, другие — оленью кожу. Одни делают ружья, другие охотятся за волками. Одни не могут обходиться без других. Тундра — не прерия. И это большое счастье.

* * *

— Что же собственно знают тунгусы о социализме?

— Вероятно, больше, чем некоторые социалисты о тунгусах, — таков был ответ, который я получил на мой ис-

обдуманый, проникнутый европейским самомнением вопрос.

— Присядьте здесь, — повелительно сказал мне Емельян Фомич Курносенко, секретарь Туруханского райкома коммунистической партии. — Что же рассказать вам... (слово «невежде» Курносенко проглотил), что тунгусы знают о социализме?

У меня пошли синие и зеленые круги перед глазами.

— У нас в районе от четырнадцати до двадцати тысяч туземцев, — начал Курносенко. — Наш район больше Саксонии...

— Что вы знаете о Саксонии?

— Больше, чем вы о тунгусах! Может быть, поговорить с вами на саксонском наречии? Или на севернобогемском? Я прожил три года у вас в Европе в качестве военнопленного, сначала в Северной Богемии, оттуда я дошел до границы Саксонии, потом сидел в штрафном лагере в Розентале близ Рейхенберга, оттуда меня послали в Боснию и Кroatию, в Требишье в 1918 году я делал революцию, затем вернулся на Украину, оттуда поехал в Сибирь к партизанам. Наконец меня направили в партшколу и по окончании ее — в Туруханск. Итак, район больше Саксонии, он вдвое больше Германии, понятно вам?

Так вот, у нас имеются самоеды; это самый консервативный элемент. Их соседи — долганы, наоборот, самые передовые из туземцев; они знакомы уже с употреблением мыла и зеркала. У них веселый характер, и их женщины любят красивые платья, — понятно, из тюленьих или оленьих шкур. У долган имеются даже зубные щетки и самовары. Посредине между этими двумя крайностями — тунгусы. Они наиболее многочисленны и, как и остяки, — лесные остяки, енисейцы, не обские остяки, — большей частью живут вместе с русскими. У них уже постоянные чумы, часто даже избы и деревянные дома; остальные,

перекочевывая, везут свои палатки с собой на санях. Видели ли вы такой чум? Хорошенькая штучка, не правда ли? Снаружи — березовая кора или звериные шкуры, внутри в середине очаг, в золе печется что-то вроде хлеба, вокруг на толстых шкурах копошится семья — папаша, мамаша, сыновья, реже дочери и — не следует их забывать — собаки.

Дочерей редко приходится видеть. Они стоят больших денег. Их продают — продают тотчас же после рождения, как только более или менее выяснится, что они будут жить. Детская смертность все еще громадна, но наши врачи уже работают. На Нижней Тунгуске уже организован акушерский пункт. Дочери продаются за оленей. Женщины ценятся дорого. В некоторых районах на сто мужчин приходится лишь семьдесят пять женщин. Туземные женщины часто страдают тяжелой формой истерии. Трудно себе это представить! Сравнительно часто встречаются нервные заболевания. Но главное зло — сифилис и туберкулез. В особенности сильно пострадали тунгусы после войны от туберкулеза. Нужда становилась все сильнее, было мало хлеба и муки. Теперь становится лучше. Однако... Вы ведь были в чуме! Там все спят вповалку. Элементарнейшей гигиены там и в помине нет. Неудивительно, что болезни распространяются с чудовищной быстротой.

Северные роды вытеснялись русскими гораздо быстрее, чем южные, — это ясно. Южные были более способны к сопротивлению. В конце концов поделили рыболовные и охотничьи угодья в районе и распределили их между отдельными родами. Лучшие, естественно, получили русские. В наших условиях такой порядок не годился. Теперь мы большею частью поддерживаем все рыбацкие и охотничьи претензии туземцев. Отдельным родам отведены определенные области, где они кочуют. На севере

ведущим объектом хозяйства является олень. Прежние князья, управлявшие родами, имели громадные стада, — часто до десяти тысяч голов. Они стоили в круглых цифрах около полумиллиона рублей.

— А революция?

— Подождите, я сейчас скажу об этом. Все еще есть богатые и бедные самоеды и тунгусы. Если у него десять или двенадцать голов, — он очень беден. Если у него совсем нет оленей, — он уже настоящий пролетарий. Он должен работать. Итти на охоту в тундру он не может — у него нет животных, которые везли бы его сани. Одними собаками не обойдешься, да и хорошие собаки стоят недешево. Особенно дороги лайки; это хорошие собаки. Впрочем, мы теперь устраиваем собачьи питомники. Мы ловим волчиц и скрещиваем их с собаками; получается прекрасная порода. Животные часто болеют. Комары приносят болезни — сибирскую язву, злокачественные опухоли, оленью чуму. А затем есть еще болезнь копыт, по-русски она называется копытицей. Мы поступаем теперь так: если животное заболевает, мы забираем его у самоеда или долгана. Если он беден, взамен ему дается здоровое.

— Даром?

Курносенко удовлетворенно усмехается:

— Конечно, даром! Когда же мы забираем больных животных у кулаков или бывших князей, мы им ничего не даем. Вот! Главное — олени. Летом шесть оленей с трудом везут по пуду на каждого. Зимой в тундре делают ледяные дороги, и животные шутя везут в шесть раз больше и пробегают до сорока километров в час. Олень дает превосходное мясо. На Аляске американцы едят оленину, норвежцы тоже ее едят. Почему бы не есть ее и русским? Мы построим большую консервную фабрику, — вы об этом уже знаете. Ну, тогда и вы, европейцы, сможете полакомиться оленьим паштетом.

Наш специалист по оленеводству Тарасенков высчитал, что мы можем поднять число оленей от 168 тысяч до 5 миллионов. Понимаете! Пять миллионов! И при помощи наших коллективов мы этого добьемся!

При помощи коллективов, заметьте себе это! Едва ли есть еще какая-либо область, где коллективизация так насущно необходима и целесообразна, как в оленьем хозяйстве и вообще в жизни туземцев. Люди живут еще почти в первобытном состоянии, родовым укладом. Князю принадлежали все животные и все члены рода. Мы свергли князей и на место совета старейшин поставили родовой совет. Князь лишен избирательных прав и высылается вместе с кулаками. Но род остается сплоченной группой, и так оно и должно быть: мы не можем переделать природу. Мы говорим им: «Послушайте! У тебя есть олени, и у тебя есть олени! Соберите их вместе и выберите пастуха. Если одно животное падет, эта потеря распределится на всех. Уже теперь вы продаете все кооперативу или Госторгу. Покупайте тоже сообща! Тундра принадлежит всем, в ней ведь нет никаких перегородок!» Уже теперь это часто убеждает людей. Мы уже организовали восемь таких оленеводческих коллективов. Кроме того, на острове Колгуеве есть оленеводческий совхоз; в нем в 1932 году будет тридцать тысяч оленей. У нас в Сибири тоже есть два таких совхоза: в Тазе и на Дудинке.

Вот как обстоят у нас дела!

Главное для тунгусов — охота. Знаете ли вы, что есть тунгусы, которые за зиму добывают до тысячи белок? Случается, что тунгус в один день настреливает семьдесят штук. Русский может убить не больше тридцати.

Можно коллективизировать и охоту. Подумайте только: когда начнут работать наши консервные заводы, тунгусы и самоеды будут просто сдавать им свою добычу. Раньше им приходилось прибегать к посредничеству купцов —

«тунгусников», как их называли в Енисейске; те за водку забирали у них ценнейшие меха. Теперь «тунгусника» не существует. На его место пришли Госторг, Туруханское отделение Центросоюза. Но они приобретают меха и рыбу у тунгусов не за водку, а платят деньгами или товаром. Видите, тунгус уже много знает о социализме!

— Есть ли уже коммунисты среди туземцев?

— Конечно, — гордо смеется Курносенко, — само собою разумеется. В нашем районе четырнадцать членов партии — местных уроженцев. Вы, может быть, скажете, что этого недостаточно? Но ведь люди кочуют. Это в значительной степени мешает культурно-просветительной работе.

Теперь туземцам живется легче, — продолжает затем Курносенко. — Раньше они должны были платить «ясак» — налог; роду приходилось выплачивать до 300 рублей. Для них это были очень большие деньги. Налоги теперь сильно уменьшены. Беднота вообще ничего не платит. На Нижней Тунгуске мы основали «Тунгусский городок» с культбазой (школа и интернат), с больницей, в которой работают четыре врача, с акушерским пунктом и ветеринарным пунктом. Мы посылаем врачей в тундры на восток от Дудинки; сейчас туда посланы двое на два года.

Главная наша задача теперь — создать из местного населения кадры людей, знающих русский язык и понимающих значение культуры и социализма.

Мы знаем, что делается почти в каждом чуме по всему району. Мы набираем более развитых молодых парней и посылаем их в Туруханск или в интернат в Тунгуске. Там их прежде всего обучают элементарным правилам гигиены: они знакомятся с употреблением мыла, полотенца, зубной щетки. Кормят их, как они привыкли, — сырым мясом и мороженой рыбой. Когда они немного привыкнут, их начинают учить русскому языку, немного писать и чи-

тать. Русский язык они усваивают очень легко. Затем им рассказывают о северном олене, об охоте, о реке и о лесе. Их не вырывают из привычной среды, — как вы сказали бы в Саксонии...

— Оставьте меня в покое с Саксонией!

— Приемы, к которым мы прибегаем в этой воспитательной работе с ними, совсем примитивны. Показываем им радио, больницу, ведем их к зубному врачу, показываем им машины, объясняем им, что такое консервы, и наконец ведем их в кооператив. Там они знакомятся с делом, обучаются складской работе. Через два-три года мы их посылаем обратно в чум. Эта молодежь навсегда остается верной и преданной нам. Они не пьют, моются. Мы отзываем из отделений русских складских работников и заменяем их самоедами, долганами, тунгусами.

В 1928 году на краткосрочных курсах в Туруханске у нас было 25 молодых туземцев. Из них пять стали совершенно безкорызненными кооперативными работниками.

Мы — только в начале нашего пути. Здесь нет еще социализма, далеко нет! Но мы работаем, мы прокладываем дорогу для него даже в вечные льды. А вы в Саксонии?

— Да перестаньте же наконец!

— Да, вам не нравится говорить на эту тему. Да, тунгусы — дикари другого сорта, нежели саксонцы и вы все! Поглядите-ка! Вот на «Спартаке» едет в Ленинград молодой якут. Обратили вы внимание, как он читает по складам по-русски? Парня выписал Институт северных языков. Там будут его изучать и попутно учить. Одареннейших из молодежи, после того как они немного привыкнут к новым условиям и кое-чему научатся, мы посылаем и в Ленинград. Таким образом дело движется вперед. Предполагается создать на севере самоедскую область между Мезенью и Енисеем, выделить ее территорию из Северного края, Уральского края и Сибири. Это будет

автономная самоедская область. Знаете ли вы, что означает слово «самоед»? Само-ед, то есть тот, кто сам себя ест, или лучше — кто ест людей, людоед. Теперь у вас будут писать: большевики устраивают людоедскую республику! Скверное дело — такая большевистская революция!

Курносенко закурил папиросу.

1929 г.

В ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Большинство больших городов, расположенных по Волге, лежит на высоком правом берегу реки. Казань же, город с населением около 200 000 человек, находится на плоском левом берегу. Из-за этого во время половодья, когда Волга разливается на целые километры в ширину, путешественник, приезжающий в Казань, сойдя с парохода, попадает в море грязи, в котором нога тонет по щиколотку. Время от времени приходится менять рельсы трамвая, соединяющего берег с городом, находящимся на расстоянии 3—4 километров. Разлив еще не кончился, когда мы спускались вниз по Волге. Лишь когда мы на обратном пути, летом, снова очутились в Казани, грязь превратилась в пыль.

У пристани нас встретил целый город палаток с продуктами, изделиями местной промышленности, парикмахерскими и т. д. Не последнее место среди выставленных соблазнительных предметов занимают знаменитые казанские туфли из пестрой мозаичной кожи.

Издали город производит внушительное впечатление. Разве Казань еще при царизме не была известна как культурный центр? Казанский университет славился. В нем в молодости учился Ленин. И сейчас в Казани можно ви-

деть дом, где он жил. Учился здесь и Лев Толстой и еще много других. Особенно славился медицинский факультет этого университета. В Казани же была и специальная ботаническая школа. Из Казанского университета вышел и знаменитый математик Лобачевский, один из основоположников не-евклидовой геометрии. Благодаря Лобачевскому и его последователям старая школьная премудрость — геометрия трех измерений — получила дальнейшее развитие, при котором уже само измерение рассматривается лишь как мыслительная категория. В Казани же жил человек, который, в насмешку над «здоровым человеческим разумом», создал геометрию энного числа измерений. Русская наука с полным правом гордилась этими людьми.

Но Казань совсем не русский город, а татарский. Чорт себе ногу сломит, разбирая каракули надписи, висящей на пристани. К счастью, на обратной ее стороне латинскими буквами написано что-то похожее на Казань. Это написано тоже по-татарски. Введение латинского алфавита в татарский язык — большое достижение.

— Татары! Это слово звучит ужасно варварски, — говорит наш друг Герберт Краузе ¹.

Действительно, слово «татарь» имеет для западноевропейского жителя привкус азиатского варварства. Это слово, если его чуть-чуть изменить и произнести как «тартары», напоминает о Тартаре, глубине из глубин мифологического подземного мира. Слово «татарь» — общее название монгольских племен, подобно тому как при Карле Великом словом «франк» называли все западноевропейские

¹ Книга Ф. Рубинер написана в полубеллетристической форме; Герберт Краузе — герой этой книги, с которым автор от своего имени полемизирует относительно виденного. Вначале противник советской власти, Краузе под влиянием своих наблюдений все больше склоняется на сторону советов. (Прим. сост.)

народы. Мы познакомились с татарами в Крыму. Волжские или казанские татары — потомки когда-то могучего народа, пришедшего из Азии. Астраханские татары — опять особое племя.

Дело науки — установить, в каком отношении находятся татары к булгарам (или болгарам), первоначально населявшим бассейны Волги и Камы, а также к финским племенам. Когда в XIII веке казанские ханы основали свою столицу Казань, их государство лежало на естественном транзитном пути между Востоком и крепнущим Московским княжеством. Отсюда — раннее развитие торгового капитала при татарском владычестве, отсюда — стремление Москвы овладеть Казанью. К 1552 году татарское ханство стало частью Московского государства; руссификаторская политика продолжалась четыре века.

Однако мы напрасно будем искать в Казани памятников великого татарского прошлого. От времен былой славы не осталось ничего. Но при въезде в Казань бросается в глаза другой памятник — усеченная пирамида из камня. Она была поставлена в XIX веке в честь русских солдат, павших при завоевании Казани Иваном Грозным в 1552 году. Русские покорили Казань в 1552 году. В 1920 году созданная русским пролетариатом советская власть вернула татарам их город. В 1920 году была основана автономная Татарская республика.

Еще сто лет назад в Казани была создана первая «казанская» типография. В этой типографии печатался Коран, который был выгодным предметом вывоза на Восток. Таким образом мечеть снабжалась нужной ей литературой на татарском языке; языком же практической жизни должен был быть русский.

Теперь татарский язык официальный государственный язык, точно так же, как русский. Проводя свою руссификаторскую политику, царизм в последние годы «при-

знал» татарский язык. Например было намечено издание большой газеты «Бахр-уль-акбар» («Море новостей»), которая должна была воспитывать татар в царистско-патриотическом духе. Этот «просвещенный» план руссификации осуществить не удалось. Татары прошли крестный путь революции, гражданской войны, жертв и лишений, прежде чем они — и именно через революцию — получили национальную автономию.

Татарская республика имеет около трех миллионов населения, из них приблизительно полтора миллиона татар. Татарская республика — аграрная страна. Промышленность сосредоточена в Казани, и это — несколько кожевенных, химических и мыловаренных заводов и текстильных фабрик.

— В одном я убедился! — сказал мне Герберт Краузе в Казани. — Масштабами, которые применяются в Германии, нельзя пользоваться в Советской России. То же и в национальном вопросе. В Германии нам не приходится считаться с такими вещами, как культурная отсталость всевозможных народностей...

— В Германии — нет, но, может быть, в Англии?

— Да, конечно, но британский империализм разрешает этот вопрос очень легко. Я слышал, что в Лондоне в еврейских кварталах разрешается употреблять еврейский язык на почте, но я не думаю, чтобы английское правительство когда-нибудь дало находящимся под английским владычеством народам такую автономию, как это делает советское правительство. Я имею в виду Южную Африку, Египет, Палестину, Индию. То, что делают русские, совсем не похоже на империализм.

— Значит, вам нравится Советский союз? — спросила я.

— Да, конечно. Эта национальная политика мне импонирует. У меня возникает только сомнение, не страдает ли от этой политики культурный уровень.

— Это зависит от того, что называть культурой.

— Раньше Казань была русским культурным центром а теперь?

— Теперь в Казани выходят девять газет и двадцать журналов. Старый университет продолжает существовать. Кроме того есть еще татарский коммунистический университет, в котором получают образование татары и представители других национальных меньшинств. В то время как раньше высшее образование было привилегией немногих, теперь школа, включая и высшую, стала достоянием широчайших народных масс, в том числе и не-русских. Мы еще не раз столкнемся на нашем пути с национальными меньшинствами, в том числе и с татарами, — говорю я Краузе. — Вы тогда сумеете присмотреться к их культуре.

1929 г.

КРАСНАЯ АРМИЯ

В ЧЕМ ОТЛИЧИЕ?

Существование Красной армии продолжает вызывать упреки в непоследовательности по адресу коммунистов со стороны буржуазно мыслящих критиков и используется как аргумент против социалистического характера первого рабочего государства.

Коммунисты всегда подчеркивали, что в период диктатуры пролетариата, т. е. в период, переживаемый ныне Советским союзом, государство будет еще существовать, и притом государство классовое, задачи которого — подавление одной части населения при помощи другой. Но в то время как буржуазное государство является орудием в руках меньшинства для подавления большинства и вся деятельность его направлена на поддержание и, по возможности, увековечение существующих классовых отношений, — пролетарское государство представляет собой господство подавляющего большинства трудящегося населения над меньшинством, и, что самое главное, все его существование направлено к уничтожению основ своего существования, а тем самым — и себя самого. Оно стремится к уничтожению классовых противоречий, а следовательно — к своему отмиранию.

Таким образом, принадлежностью пролетарского государства является также «открытая сила».

Как же выглядит важнейшая часть этой открытой силы — армия Советского союза? Положение, что пролетарское государство как целое является лишь переходной ступенью, нужно применить и к Красной армии. В чем выражается эта характерная черта Красной армии?

Рассмотрим прежде всего еще раз основные различия между армией пролетарской и армией буржуазных государств.

Пролетарская армия — чисто классовая армия. В ее рядах находятся только трудящиеся, составляющие большинство населения. Закон о всеобщей воинской повинности, исходя из соответствующего параграфа конституции, говорит, что Красная рабоче-крестьянская армия — «организация вооруженных сил трудящихся». Ношение оружия и военная служба — почетное право лишь обладающей гражданскими правами трудящейся части населения. Запуганные и кулаки не могут вступить в Красную армию и не имеют права защищать республику с оружием в руках. В мирное время нетрудящиеся элементы облагаются особым военным налогом в пользу жертв гражданской войны, а в военное — привлекаются на вспомогательные работы в тылу.

Цели, поставленные Красной армии конституцией и изложенные в Красной присяге, совпадают с целями трудящегося большинства населения. Таким образом в Красной армии отсутствует главное противоречие буржуазных армий, в которых солдаты принуждаются к защите интересов своего худшего врага — класса эксплуататоров своей страны.

Пролетарская армия является переходной формой уже по своему построению: кадровые войска, для службы в которых сотни тысяч людей надолго отрываются от промышленности и сельского хозяйства, не играют в ней главной роли. Кадровая армия дополняется так называемой

территориальной армией с краткосрочной службой, не отрывающей красноармейцев от места их жизни и работы; в нее призываются на короткие сроки (2—6 месяцев) по месту жительства и группами по производственному признаку (фабрики, предприятия, колхозы). Таким образом красноармейцы территориальных войск не увозятся в казармы далеко от их постоянного местожительства.

Эта территориальная система является уже значительным приближением к «самостоятельно организующемуся в вооруженную массу населению».

Соответственно этому коренному различию между Красной армией и буржуазными армиями так же резко отличаются и их практические боевые задачи.

Красная армия не имеет «внешнего врага», в том смысле этого слова, как оно понимается в буржуазных армиях. Ее «внешний враг» — только классовый враг, в первую очередь — вооруженная сила вражеских капиталистических государств. Красная армия борется с ними не за «национальные интересы», а в интересах и на пользу своего класса, международного пролетариата, и осуществления социализма.

Не имеет Красная армия и «внутреннего врага капиталистических армий». Нетрудящиеся массы составляют в Советском союзе ничтожное меньшинство, и для их подавления не нужно армии. Их сопротивление подавляется другими государственными органами и методами: налоговой системой, административными мероприятиями, судом, милицией и ГПУ.

Но Красная армия имеет «внутреннего врага», которого не знает ни одна капиталистическая страна. Это — остатки и последствия экономического и культурного режима старого времени — феодализма и капитализма: экономическая отсталость, тупость, религиозный дурман и т. д. Использование армии в борьбе с этим внутренним вра-

гом — нечто совершенно новое в истории. И как раз эта борьба, принимающая форму широчайшей культурно-просветительной работы внутри Красной армии, занимает, наряду с собственно военной учебой, чрезвычайно большое место в жизни армии.

Все эти коренные различия находят практическое и яркое выражение во внутренней жизни Красной армии.

Наряду с чисто военным обучением, которое, однако, ни в коем случае нельзя приравнивать к «обучению» в буржуазных армиях (стояние на вытяжку, отдавание чести, поворот кругом, церемониальный марш), так как здесь оно является введенным в военные науки, доступным для самого простого красноармейца, — стоит политечеба.

Сильно развитая просветительная работа внутри Красной армии способствует борьбе с «внутренним врагом». Само собой разумеется, ни один красноармеец не уходит из Красной армии неграмотным. Существуют различные организации для повышения общеобразовательного уровня красноармейца: добровольные общеобразовательные кружки, библиотеки, клубы, спортивные площадки, стенные газеты. В 1929 году в Красной армии было (в круглых цифрах) 15 тысяч общеобразовательных кружков, в которых обучалось приблизительно 200 тысяч человек. В полках было свыше 8 тысяч библиотек с 9 миллионами книг и около 400 тысяч постоянных читателей. Стенгазет было больше 5 тысяч. В этих газетах работали как активные журналисты свыше 50 тысяч красноармейцев. Широко распространено в Красной армии антирелигиозное движение. Вряд ли можно найти красноармейца, который вернулся бы на свой завод или в деревню «верующим». Кроме того, все растёт роль Красной армии в подготовке квалифицированных кадров рабочих для промышленности и сельского хозяйства. Так, в текущем 1930 году 100 тысяч красноармейцев будут подготовлены к специаль-

ным работам в крупных сельскохозяйственных предприятиях. Эта армия «индустриальных сельскохозяйственных рабочих», располагающих большими сельскохозяйственными знаниями и частично подготовленных к работе в качестве водителей и монтеров для сложных земледельческих машин, должны сыграть большую роль в строительстве колхозов и увеличении их продукции.

В противоположность капиталистическим странам, где армию отстраняют от общественной жизни, Красная армия планомерно втягивается в общественную жизнь и политику. Красноармеец, живущий в казарме, не отрезан от остального народа, между ним и гражданским населением существует тесная связь. Отдельные полки и заводы и сельскохозяйственные предприятия взаимно шефствуют друг над другом. Между пунктами военного обучения и производством постоянно происходит обмен людьми и мыслями. В клубах, которые имеются в каждой казарме, часто можно увидеть много «штатских», а в рабочих клубах и деревенских избах-читальнях. — красноармейцев.

Отношения внутри Красной армии, соответственно всем этим обстоятельствам, также коренным образом отличаются от отношений в капиталистических армиях. Солдат и «генерал» — товарищи (да они так друг друга и называют). Не существует обязанности приветствовать носящих определенную форму или имеющих должностные отличия. И несмотря на все это, дисциплина в Красной армии, как должны были признать и буржуазные военные специалисты, выше, чем в капиталистических армиях. Она не имеет ничего общего с мертвым повиновением, а является соответственным выражением ясно понятой общности интересов в борьбе против общего врага, связывающей все войско — от призванного до командира, окончившего Военную академию.

Таким образом Красная армия является переходной формой «открытой сель», фактическим приближением к «самостоятельно организующемуся в вооруженную силу населению». По мере того как в Советском союзе осуществляется социализм, армия и население все больше срастаются в одно целое, и только существование классового врага — буржуазии — в окружающем Советский союз капиталистическом мире обуславливает необходимость сохранения кадровой армии.

Устранить же эту причину существования Красной армии — задача и почетная обязанность пролетариата капиталистических стран.

1930 г.

«ВОЕННАЯ ТАЙНА»

О ВОЕННЫХ ТАЙНАХ

В дни организационной суеты Локафа¹ подошел ко мне один из известных современных писателей и, взяв меня за пуговицу куртки, тоном человека, который привык говорить умные слова для слушателей, сказал:

— А как ты, голубчик, думаешь насчет допуска писателя к армии? Ведь писатели в большинстве своем весьма любопытные люди и до невозможности болтливы. Могут быть неприятные казусы. Локафу предстоит следить, чтобы наши товарищи, паче чаяния, не разболтали вдруг каких-нибудь военных тайн.

Сев за стол, чтобы написать этот очерк о «ворошиловском субботнике» Перекопской краснознаменной дивизии, забыл я о золотых словах своего современника, известного советского писателя. Написав очерк, прочел его и пришел к заключению, что необходимо данное предисловие, — иначе не будет понятна причина, как мог я, будучи ответственным работником Локафа, говорить о самых сокровенных тайнах Красной армии.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

При проработке резолюций июньского пленума ЦК комсомольцы Верхнекамского стрелкового полка включили

¹ Литературное объединение Красной армии и флота.

в свою резолюцию предложение об устройстве субботника по уборке урожая. Постановление это было отправлено по инстанциям и попало быстро в руки подива.

Это совпало с моментом проведения одного из звеньев массовой работы — с радиомитингом дивизии. Подив предложил широко оповестить на митинге о постановлении комсомольцев-верхнекамцев. Когда прозвучало предложение верхнекамцев, оно встретило очень радужный прием. Дивизия, в основной своей массе селянский и колхозный молодежь, вместо обычных трех раз — шесть раз прокричала «ура».

После предложений сейчас же пошли уточнения. Замоскворецкий вызвал бауманцев, бауманцы — ореховозуевцев, а последние вызвали пехотную школу им. Якира, и пошло дело, как говорится, «пороть по швам».

Дивизия единогласно, как-то «никем не предложено», назвала субботник именем вождя армии. Так создавался «воршиловский субботник».

Пока шла переключка между частями, а посланные в разные газеты телеграммы лежали нетронутыми, ЦО «Правда» нашла в предложении глубокий политический смысл и выкинула лозунг: «Перекопцы — молодежь, подражать им следует».

СЛОВО И ДЕЛО

Подив загудел. Решил твердо провести в жизнь идею «воршиловского субботника».

В директиве подива было сказано:

«Начсостав и красноармейцы дивизии должны на основе социализма и ударничества показать образцы коммунистического труда как следствие высокой боевой подготовки частей Перекопской».

Подив превратился в боевой штаб, и дело развернулось и вширь и вглубь.

Красноармейцы на своих общих собраниях — полковых, ротных, батарейных — принимали революции готовности.

В то же время выделенная оперативная тройка связалась с горсоветом, и были намечены «боевые участки». Лагерь превратился в сплошную агитбазу, были нарисованы плакаты, транспаранты, лозунги.

«Все на штурм уборки второго большевистского урожая!»

Колхозы и совхозы, работавшие как раз в эту пору «от зари до зари», остро нуждались в рабочей силе. Они жадно подхватили предложение дивизии. На совместном совещании оперативной тройки с представителями колхозов, совхозов и горпрофсовета настроение было повышенное. Представители совхозов и колхозов дрались за каждого лишнего красноармейца и командира.

На этом же совещании поступило предложение от шефствующих заводов города, в котором было сказано, что вся смена заводов, находящаяся в день субботника не на работе (выходные), хочет присутствовать на работе в рядах своих частей. Также пришло предложение от жен начсостава о желании работать на субботнике.

Шефы и жены моментально были введены в «системы».

Было решено 10 июля (выходной день дивизии) работать обычно, 11 же июля выйти на поля для проведения субботника.

Между частями дивизии, шефами и женами начсостава были распределены поля множества мелких пригородных колхозов и несколько отдаленных от города крупных совхозов и колхозов, как то: Одесский агрокомбинат, совхоз «Имени XVI партсъезда», совхоз «Наймитьська перемога» («Батрацкая победа»), чубаевские и люстдорфские колхозы и т. д. Часть людей отправилась на субботник в районы Овидиополя и Тирасполя.

ДИВИЗИЯ В ПОХОДЕ

Сведения о «враге», о его состоянии и расположении были уточнены на втором заседании оперативной тройки. Стало известно, что «враг» разнообразен и его расположение совершенно отлично от известных доныне тактических систем. Было известно, что «враг» расположен вокруг города тесным кольцом, фронта нет, «враг» то под самыми подступами города, то в 30 километрах и дальше. При этом «враг» расположен группами, участками, в странной, бессистемной местами скученности, а местами не поддающимся пониманию широким ровным фронтом.

«Враг» представляет большею частью «технику», что объясняется особой близостью к городу. Например «рядовая пехота», к которой так привыкли дома наши красноармейцы, — пшеница, овес — встречались мало; больше технические культуры — хлопок, свекла и огородные — огурцы, помидоры, капуста, лук.

Вечером предшествующего дня приехали шефы, которые пожелали разделить тяжесть похода со своими частями. Комиссары частей развели их по клубам и читальням, где и устроили на ночлег.

Замоскворецкий полк в виде крупного авангарда двинулся пешим порядком по Тираспольскому тракту, который проходит в северо-западном направлении от Одессы. Марш этот был использован по всем правилам боевой учебы. Полку было дано задание — дойти до указанного рубежа и с рассветом атаковать социалистические поля.

Командование, связавшись с городским трамвайным управлением, в боевом порядке получило достаточное количество вагонов, которые начали прибывать к месту посадки уже в четыре часа утра.

До этого эшелонам от пассажирского вокзала, соблюдая все правила противовоздушной обороны, грузился один батальон Верхнекамского полка и в 3 часа 5 минут,

отгрузившись, тронулся на участок совхоза «Имени XVI партсъезда», картофельные поля которого требовали от руководства срочного подкрепления.

На Куликовом поле вела посадку Якировская пехотная школа, и в освещенных в предзакатной темноте вагонах виднелись свежие лица курсантов, розовеющие рядами на сиденьях.

Множеством белых халатов толпились военногоспитальцы и, также погрузившись, умчались в направлении Люстдорфа.

Походной колонной шли штабные команды. Колонна женщин — жен начсостава, саперы. Погрузился в длинную шеренгу вагонов артиллерийский полк дивизии и, беря направление на отведенный боевой участок, двинулся на так называемые «поля орошения».

К часам пяти вокруг лагеря и на местах посадки были только отдельные группы штатских: это были опоздавшие шефы, которым не верилось, что отправка назначена в четыре часа и все уйдут точно в четыре...

В субботнике принимали участие: Одесский ДКАФ, местный Локаф в полном составе и бригада харьковского Локафа — семь человек, деятельно работавших по выпуску газет, листовок и сводок, Одесский оперный театр и эстрадники Укрфила и вновь организованная военсекция одесского ЦРК.

НА ПОЛЯХ

На огуречном фронте часам в девяти была выполнена намеченная на весь день норма, и «огуречники», прикидывая глазом широкие гектары, намечали за завтраком встречный план, который к вечеру был перевыполнен «с гаком».

«Темп сбора гороха... совершенно огорошил представителей колхоза», — пишет в оперативной сводке командир

роты штабу. К 12 часам намеченная дневная норма была закончена, но тут же была намечена встречная и контрольная. На широких полях, напоминая действительное наступление войск, длинной, четырехкилометровой лентой, глубиной вперед, шел огневой участок — «лук зимний» (45 гектаров). Линия огня к 12 часам уже далеко продвинулась вперед от дороги, окаймленной с одной стороны живой стеной акации. У самой дороги, на гребне канавы лежит красноармейское обмундирование. Погода теплая (жары нет, пасмурит) — рубашки долой... штаны... (извиняюсь) долой, кальсоны закатаны выше колен, — и весь боевой фронт превращается в белые точки, издали напоминающие стадо пасущихся гусей. На каждые сто шагов у одежды дежурит кто-нибудь из «слабых», из тех, кто натер сапогами ноги или легко заболел; это — «тыл».

На другом поле, совершенно в другом направлении, наступает другой батальон полка на картофельный участок. Тут же вся Якировская школа и другие мелкие части ведут работу по полке лука, обработке и копке картофеля и др. По линии фронта на особых шестах возвышаются переносные громкоговорители, через которые штаб участка сносится с передовой линией.

В штабе (правление совхоза) жарко кипит работа; готовится походный номер полевой газеты «Перекопец».

На участке «Наймиська перемога» (артиллерийский полк) наталкиваемся на «тыловые язвы»: это спящий дежурный, разъезжающие командиры, множество зря оседланных лошадей... Но и тут на полях работа кипит на огне подлинного красноармейского энтузиазма.

Эта «Батрацкая победа» — очень интересное хозяйство, напоминающее поля орошения под Парижем. Превосходно устроенная поливная система, куда стекает вся городская канализация, орошает поля, где растет свыше ста садово-огородных культур. Имеются богато устроенное

свиноводство, молочная ферма и пр. Все это хозяйство до коллективизации принадлежало кучке разбогатевших на этом деле кулаков-огородников, которых, после большой политической борьбы, «перемогли» свои же батраки.

На этом квадрате в несколько сот гектаров работал артиллерийский полк, выполняя не виданные колхозникам нормы очистки полей, копки картофеля и упаковки овощей, совершенно готовых к отправки на вокзал.

ОТБОЙ

Австрийский подполковник Штейнерау, командир уланского полка, после удачной атаки в конце августа 1914 года под Равой-Русской приказал трубить «отбой»:

«КазакИ убежали, война окончена».

Вот бы Швейк обрадовался такому полковнику!

После двенадцати-тринадцати часов работы субботник окончен. По полям переносные радио передают сигнал «отбоя», но не везде работа останавливается сразу. Что это — неповиновение? Нет. Это соревнующиеся бригады «древнуют» участок до конца. Когда части собираются на ужин, в штаб летят оперативные сводки, донесения. Ужинающим раздают свежую походную газету. Играет музыка...

Из полученных донесений быстро выписывается общая картина субботника, и тут же формулируются отдельные фрагменты приказа по одесскому лагерному сбору:

«Верные боевым традициям Перекопской, красноармейцы и начальствующий состав показали образцы организации коммунистического труда, установив рекордные нормы выработки...

...Убрано, просапано, прополото и подготовлено почвы для посева 40—45 гектар; в котел рабочего снабжения пролетарских центров поступило 218 570 кило-

граммов овощей, и в фонд дирижаблестроения передана заработная плата. Части лагерного сбора блестяще справились с уборкой полей, превысив в несколько раз контрольные задания колхозов, а командование сумело сочетать эту работу с задачами боевой подготовки. Командование и партийные организации частей показали образцы умелого руководства своими войсками и обеспечение высоких темпов работы начсостава и красноармейцев...»

После отбоя и ужина — митинги. В резолюции говорится о восьми неграх, о казненном секретаре Китайской компартии, о запрещенных спартакиадах в Германии, об успехах красной армии Китая и об испанской революции — и о том, что завтра... завтра, в пять часов утра, подъем и учеба...

— Спасибо, ребята, хорошо работали, не зря приехали. Нам такая армия нужна.

— «Мы — сыновья трудового народа», — отмечено в присяге, — отвечает комиссар полка, и дружное «ура» раздается в ответ.

ЕЩЕ РАЗ О ВОЕННОЙ ТАИНЕ

О военной тайне чуть не забыл. Я пишу откровенные строки об армии и думаю, позволил бы мне полковник граф Эстергази описать, например, то, что он, будучи в 1914 году полковником Н-ского гусарского венгерского полка, в летнюю пору устроил полевой выезд полка в свое имение и заставил гусар работать на своих полях три дня. Батраки графа отказались работать за низкую оплату, а словаки (самые дешевые работники тогдашней Венгрии) были далеки, ибо железная дорога страны бастовала. Об этом было тогда написано одним молодым журналистом, но этому журналисту пришлось стать перед военно-

500

полевым судом, и за выбалтывание «военных тайн» после долгих прений он получил три года крепости.

А я-то... я выбалтываю, как наша армия идет работать на колхозные и совхозные поля! Да ведь этим опять воспользуются люди, имеющие испорченные фантазии, и скажут:

«Новая форма принудительного труда у большевиков. Воскрешение аракчеевщины, эксплуатируют солдат...»

Видали бы эти господа, как работали эти «солдаты», как они возвращались обратно в лагерь, как весело взрывали ракеты, и как под звуки марша подтягивался бородатый переменник.

«Ворошиловский субботник» подхвачен всей армией, он представляет демонстрацию единства армии с пролетариатом заводов и полей. «Ворошиловский субботник» — это гигантская демонстрация гибкости, маневренной способности нашей Красной армии, политической чуткости армии и готовности к бою за защиту границ. Такая армия есть страшное для врагов оружие в руках победившего класса. Вот в чем заключается моя военная тайна.

Одесса, Штаб лагерного сбора,

14 июля 1931 г.

АРМИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Одной из наиболее интересных и производящих наибольшее впечатление организаций Советского союза является Красная армия. В первый раз я присутствовал на ее параде в Москве ясным мартовским утром; солдаты шли по Тверской, распевая сильными голосами революционные песни; тяжелые и мужественные шаги чеканили ритм оркестра. Вспоминаю огромную волну бодрых силуэтов, покрытых остроконечными шлемами, в длинных серых шинелях, в высоких черных сапогах, так контрастно выделявшихся на белизне снега; все молодые, сильные, многие геркулесовского сложения. Русские крестьяне, особенно с Кавказа и Урала, высокого роста и исключительной силы; на их лицах выражение гордой и спокойной радости, они горды тем, что поддерживают пролетарскую революцию.

Позднее я имел возможность восхищаться частями кавалерии, колоннами артиллерии, маневрами авиации, военного флота; я посещал казармы и академии, клубы и военные совещания, и всегда меня удивляло братство, царящее в этой армии, состоящей из рабочих, идеология которой так отлична от идеологии всех буржуазных армий.

Красная армия насчитывает 562 тысячи человек; в случае войны эта цифра может увеличиться в двадцать раз (приблизительно). Солдат называет высшего специалиста товарищем, вместо того чтобы называть его «генералом»; не существует офицерских чинов, есть только звания командиров — взвода, роты, батальона, полка, бригады, дивизии.

В спальнях и столовых холостые командиры и солдаты получают одну и ту же пищу на одних и тех же столах; спят на одинаковых постелях с одинаковыми одеялами; форменная одежда также одинаковая; изменяются только знаки различия; жалованье не составляет больших контрастов; общее жилище, питание и одежда, гигиена и культура, братство украшают службу, которая обязательна, но которая по привязанности и сильному энтузиазму становится добровольной; многие солдаты по окончании срока просят об оставлении их на службе.

Когда один член армии обращается к другому, будь тот выше или ниже его по положению, он по-военному приветствует его, а тот отвечает таким же образом; вне службы военное приветствие отменено. Вспоминаю впечатление, какое произвело на меня известие о том, что один командир был строго наказан за то, что обратился к солдату на «ты». Никогда среди членов Красной армии не было случая ругани или мордобоя. Товарищество существует подлинное. Дело, которое защищают вооруженные рабочие, прочно объединяет их всех.

Скотт Ниринг, известный профессор университета из Соединенных штатов, в своей книге «Воспитание в России», на стр. 136, сообщает следующее:

«При посещении Института красной профессуры, в разговоре с председателем педагогической организации, последний, тридцатилетний студент, сообщил, что он красноармеец.

— Как вы попали в армию?

— Я был студентом-историком, когда началась мировая война; после революции я был в армии политическим представителем коммунистической партии, а потом поступил на действительную службу в Красную армию.

— Почему же вы оставили военную карьеру?

— Меня не интересует военная деятельность; как только кончилась гражданская война, я вышел в отставку и поступил в этот институт.

— Какой военный чин вы имели?

— Я был командиром.

— Сколько человек находилось под вашим начальством?

— Тридцать шесть тысяч, — сказал он с величайшей простотой.

— В таком случае вы были генералом или чем-то вроде этого?

— Не знаю, — ответил он. — В Красной армии нет таких различий.

— А теперь вы учитесь, чтобы стать преподавателем экономики?

— Совершенно верно, и быть им — мое величайшее желание, потому, что это мое призвание.

Он подал мне руку и ушел заниматься своими делами; я вышел под сильным впечатлением, думая о том, что когда генералы поступают студентами в педагогические институты, уровень этих институтов не может не быть высоким».

Присяга красных солдат при получении оружия является символом всемирного братства всех трудящихся. Принятие присяги происходит 1 мая, вручение оружия и

знамен — 1 мая или 7 ноября, в годовщину пролетарской победы.

Красный боец занимается не только военным делом, — каждый солдат кроме того получает политическое образование, которое он обязан передать трудящимся.

Политика, вместо того чтобы быть запретной для военных, является обязательной, ибо она содействует укреплению военной мощи Советского союза. Периодически происходят военные совещания, на которых обсуждаются вопросы большой важности, социальные и технические. Заботятся о техническом усовершенствовании армии и об укреплении советской обороны, но еще больше — о развитии пролетарского сознания в красных бойцах.

Красная армия не похожа на царскую, разбитую японцами в 1904 году и немцами в последнюю войну. Вожди Октябрьской революции замечательно удачно заключили Брест-Литовский мир, незаключение которого в 1918 году имело бы катастрофические последствия для человечества, так как после поражения царской армии центральные империи овладели бы огромной территорией России, найдя в ней неисчерпаемые средства для борьбы, и мировая война продолжалась бы долгое время, увеличивая и без того уже огромную цифру убитых и искалеченных, и сто пятьдесят миллионов трудящихся, освобожденных советским строем, все еще продолжали бы оставаться в рабстве. Этот мир был необходим для превращения масс, вооруженных на службу царизму, в дисциплинированную Красную армию с полным сознанием своей революционной миссии. Русские реакционеры в своем огромном большинстве обвиняли новое правительство в измене, когда оно подписало этот мир; немного позже эти непримиримо враждебные пролетариату элементы и настоящие предатели вошли в соглашение с капиталистическим правительством Соединенных Штатов, Японии и Европы для орга-

низации больших армий наемников под начальством Юденича, Деникина, Колчака, Врангеля и других слуг международной буржуазии. Эти армии были уничтожены быстро и героически вооруженными трудящимися советской страны. Эти победы были достигнуты, несмотря на голод, болезни и экономический кризис, вызванный международной блокадой. Красная армия восторжествовала, она утвердила революционные завоевания.

Происхождение и деяния Красной армии эпичны. Сначала была группа красногвардейцев, храбро сражавшаяся против белых, пока те не были побеждены; потом — чудесное превращение: из хаоса и нищенства, из скорби и смерти возникла пролетарская армия. Из масс крестьян и рабочих, голодных, полураздетых и жалких, рассеянных по огромной территории Союза, образуется сначала пехота, без передышки сражающаяся против дисциплинированных белых отрядов всякого рода; потом возникла непобедимая красная конница под командой наводившего страх Буденного; позднее — мощная артиллерия; потом — флот и авиация. В настоящее время Общество химической и воздушной обороны Союза достигает огромного развития: в нем пять миллионов членов.

Работа по созданию армии была трудная и требовала огромной энергии. В создании новой армии использовались все элементы; многие царские офицеры предложили свои услуги; сперва они работали под контролем политических комиссаров, а когда доказали свою приверженность к новому строю, они были освобождены и от этого контроля.

Все воинские части имеют шефами рабочие организации: фабрики, профсоюзы, советы, комитеты коммунистической партии; шефы обследуют, является ли получаемая солдатами пища достаточной количественно, доброкачественной, получают ли они литературу и т. п.

Красноармейцы, отвечая на эти выражения внимания, помогают крестьянам обрабатывать землю, помогают в постройке школ в деревнях. Крестьяне, шефствующие над каким-нибудь батальоном, посылают своим подшефным сыры, пшеницу, кур, устанавливая таким образом связь между трудящимися и солдатами, связь, ведущую к единению всех трудящихся.

В Союзе существует только один орден — «Красного знамени». Лишь Центральный исполнительный комитет может присуждать его отдельным лицам, группе лиц или полку. Когда награжденный замечается в дурном поведении, его разжалуют. Военская часть, отличающаяся своим хорошим поведением, получает название «образцовой части» и поощряется знаками отличия и знаменами. Лучшие части имеют эти знаки отличия. Союз награждает и поощряет своих вооруженных защитников различными льготами. Семьи красноармейцев тоже пользуются различными льготами. Бывшие красноармейцы имеют преимущества при получении работы в учреждении, где они работали до поступления в армию. Местные советы приказывают сохранять места для красноармейцев, окончивших срок службы. Бывшему красноармейцу дается преимущество перед невоенным при поступлении в школу.

Отпуска ежегодные; каждые три года — в более отдаленные местности и на более продолжительное время. Красноармейцев, в случае переутомления, посылают в военные дома отдыха.

Враги великой Октябрьской революции клеветают на Красную армию; капиталисты утверждают, что она одинакова с армиями, существующими в буржуазных странах. Эти нападки не имеют оснований: в странах, управляемых буржуазией, армии поддерживают этот класс, притесняя пролетариат. В Советском союзе армия поддер-

живает трудящихся против буржуазии. Положение не только различно, но и противоположно.

Следующие данные показывают, что Союз является наименее милитаристичным из всех существующих государств. Сравнение в процентном отношении военных расходов ко всей смете за 1926 год в разных странах дает следующую картину: Союз — 12,9; Польша — 41,9; Франция — 20,9; Англия — 14,2; Япония — 30,9; Италия — 23,5; Соединенные штаты — 20,2.

Красная армия, обладая многочисленными школами, библиотеками и клубами, является рассадником культуры. В 1923 году только 70% всего состава армий умели читать и писать; в 1926 году этот процент увеличился до 95,79; по обоснованным предположениям в настоящем году (1929) в Красной армии не будет неграмотных.

Анархисты утверждают, что окончательная социальная революция должна быть антимилитаристической, должна уничтожить армию. Окончательная социальная революция неосуществима без диктатуры пролетариата; эта диктатура, чтобы удержаться против капиталистического мира, нуждается в армии. Советский строй мог в течение двенадцати лет торжествовать над своими врагами благодаря замечательной организации Красной армии; это — стена из железа и огня, о которую постоянно разбивались наемные армии, оплачиваемые капиталистами всего мира.

1929 г.

БОЛЕЕ СИЛЬНЫЕ БАТАЛЬОНЫ

«Бог на стороне сильных батальонов, даже если их ведут против него». Эту фразу сказал мне в случайной беседе немецкий инженер. Это было в Бухаре через несколько месяцев после победы большевиков над афганской саранчой, которая считалась до сих пор непобедимой. Эту самую саранчу мусульманские муллы представляли народу как «суд божий», как возмездие за грехи коммунистической системы.

Фраза о более сильных батальонах пришла мне в голову несколько дней назад, при посещении казармы красного полка связи. Я был не столько под впечатлением отдельных качеств и достижений, которые так сильно отличают Красную армию от всех других армий, как под впечатлением процесса развития, самые важные этапы которого я попытаюсь зафиксировать в нижеследующих строках.

* * *

Каменные ступеньки казарменной лестницы посыпаны песком.

— Это из-за новобранцев, — объясняет, как бы извиняясь, командир. — Они здесь всего шесть дней, и с непривычки им скользко на камне.

На столиках у дверей казарменного помещения уже разложены тетради всяких цветов и размеров; с досок классных комнат уже глядят первые большие буквы азбуки. По радиоаппаратам клуба уже гуляют любопытные пальцы будущих радистов...

Процесс этот начался. Он ведет к узким зеркальным стеклам над умывальником, к деревянным полкам в клубе, где в строгом порядке разложены книги. Здесь же лежит толстая книга, в которую занесены отзывы читателей, которые еще несколько месяцев назад не имели понятия об азбуке. Процесс культурно-политического воспитания ведет к экспонатам агрономического кабинета, к таблицам кабинета политпросветработы, к рельефным картам пятилетнего плана. Эти таблицы и карты созданы руками молодых крестьянских парней, которые еще год назад не выходили за пределы своего трехполья. Далее идет подробная карта Донецкого бассейна, на которой красной лентой тянутся линии.

Производственный процесс превращения грубого человеческого сырья в благородный материал кончается под стеклом стенного ящика, в котором лежат письма бывших обитателей этой казармы. Одни сообщают, что они основали на Дальнем Востоке сельскохозяйственную коммуны, проведя «мимоходом» телеграфную линию через тайгу к Тихому океану. Коммуна эта подшефна полку, снабжающему своих «детей» советом, деньгами и... породистым скотом.

Правильно говорит песня:

От тайги до британских морей..

От тайги, где «дети» казармы прокладывают телеграфные линии, до украинской равнины, где они создают сельскохозяйственные образцовые колонии.

Красная армия всех сильнее!..

* * *

Красная армия сильна. Она сильна не только своей собственной мощью, но и теми симпатиями, которыми ее окружает весь революционный мировой пролетариат. Пролетарским писателям всех стран следовало бы создать у себя, по примеру своих товарищей из Советского союза, писательские группы, как Локаф.

Эти группы должны поставить себе специальной целью ознакомить пролетариат всех стран с жизнью, значением и деятельностью Красной армии. Это — одна из крупнейших задач революционных писателей для защиты Советского союза от вражеских атак мирового капитала.

Харьков, 1930 г.

НОВЫЙ МИР — НОВЫЕ ЛЮДИ

Я всех их к сердцу прижать хочу —
Так на смелых отцов

они
похожи.

Алланчик, сынок мой,
не надо скучать.

Ты с ними
будешь
жить и играть,

А когда подрастете, пойдете с нами.

И отцы и дети,
и мы и вы

С песней, с пляской поднимем ввысь
Международное наше знамя.

Алланчик, сынок мой,
плакать не надо.

Мы с мамой
в Васьяново
тебя отвезли.

Пусть сердце мое по друзьям болит —
Сердце мое бесконечно радо.

ВЫ И МЫ

У вас — рабовладельцы! баре,
 Мистическая живопись, поэмы
 С их пьяною эротикой, соборы,
 Балконы и дворцы продажной биржи...
 Ни храмов нет у нас, ни кабаре!

Мы на развалинах церквей и тюрем
 Построили огромные дворцы культуры,
 И наша лучшая поэма,
 Наш гордый гимн во славу мира —
 Великий пятилетний план...
 Гимн революции, гимн наступления.
 Нам радость светлую несет Магнитогорск,
 И нет для нас красивее пейзажа, —
 Пускай он носит варварское имя, —
 Чем Днепрострой.

Здесь домны извергают клубы дыма.
 А что у вас? Погасли ваши домны...
 В советской Азии полны заводы
 Веселым шумом, чувствуя, что скоро,
 О Ангарстрой, примчится к ним табун

Твоих коней в два миллиона сил
И окрылит их творческую жизнь.
А между тем в колониальных странах
Недвижно спят десятки миллионов
Таких же лошадиных сил, иль скачут
В нелепой скачке диких водопадов,
Увлечены кипеньем струй бесплодных!

Да, действие, реакция, союз,
Разъединенье, и опять бои,
Жестокые бои с капитализмом,
Что гнется от ударов пролетарских.
Гниенье, кризис, стачка, а за ними
Вооруженная борьба за новый
Порыв к строительству, энтузиазм победы,
Социализм и коммунизм, а там
Великий день освобождения мира!
Да, мы, творцы бессмертной красоты,
Что, торжествуя над минувшим веком,
Бросает вызов будущим столетьям.
Мы создали гигантский монолит,
Что, сокрушая мощь капитализма,
Являет памятник векам грядущим
Великих дней уничтоженья классов.
Что перед ним Египта пирамиды?
Что перед ним ваш жалкий Эйфель?
Что перед ним дворцы и небоскребы,
Которыми так горд капитализм?
Он выше, чем вершины Гималаев!
Крутись же, колесо, скрипите, рельсы!
Несется поезд по земле, создавшей
Прекрасное, прислушиваясь к песне,
Которую поет на наковальне
Веселый молот, в грудь вдыхая жадно

Благоуханье сосен, в свисте вьюги,
Под ропот волн, сквозь облака тумана.
Над ним горит подсолнечник созвездий,
И в небесах танцуют золотые
Стрекозы-звезды половецкий танец.
А он несется по равнине белой,
Как хлопок стран восточных иль как море,
Чьи волны белые бичует гневный ветер.

НОВЫЙ МИР

Всегда, покидая польские равнины и приближаясь к советской границе, мы чувствуем, что даже воздух вокруг нас становится более родным, что начинается новый мир, за который мы уже в течение многих лет боремся в Германии и на всех континентах, — мир рабочих, мир крестьянских коммун, мир социализма. И это чувство рождают в нас вовсе не большие товарные платформы и вагоны на маленьких польских станциях. Мы знаем, конечно, что они предназначены для перевозки орудий, броневиков, танков, что когда-нибудь они будут перевозить наемные войска со всех концов мира. Мы знаем, что подъездные железнодорожные пути проведены не для того, чтобы перевозить из сел в город излишки зерна и картофеля, — они имеют стратегическое значение: это линии, по которым можно будет разбрасывать полки направо и налево от варшавской двухколейной железной дороги. Видны распланированные площадки, прикрытые низким редким кустарником, — они должны послужить в будущем для установки французских и английских бомбометов. Видны начатые постройки и уже достроенные казармы, и именно здесь, в самой северной части страны, массы новобранцев постоянно садятся в вагоны или вы-

сживаются из них. Видны вытянутые лица польских и французских профессионалов-офицеров. Они уже становятся похожими на англичан — этот старейший тип профессионала-солдата, который зарекомендовал себя во всех странах и среди всех народов как лучший наемник капитализма.

Но не мысли обо всем этом владеют нами, когда мы подъезжаем в советской границе, минуя эту зону, до самых незначительных мелочей подготовленную к военному наступлению. Нет, нами владеет что-то другое. Какая-то волна тепла, искренности, уверенности катится на нас. Мы вдруг как будто становимся выше и крепче. Мы вернулись домой, в лучший мир, поканув лживый мир западной цивилизации.

* * *

Эта волна усиливается, когда мы видим энергичные, спокойные лица красноармейцев. Где еще в мире можно найти такой тип солдата — с таким прямым и честным выражением лица? Где еще во всем мире вооруженный человек может так спокойно и безмятежно смотреть всем в глаза? Да, где еще в мире солдат — такая надежная защита от опасности? На лицах всех молодых польских новобранцев мы читали горе и отчаяние. Стоило взглянуть на них, чтобы убедиться, что они чувствуют себя не слишком счастливыми в узком, защитного цвета мундире. Только некоторые бледные молодые рабочие смотрели более открытым взглядом из-под своих, надетых набекрень фуражек. Многие говорили по-немецки. Они были из Познани, из Верхней Силезии, с нижней Вислы. Сыновья немцев-крестьян, немцев-горняков. Плохие наемники для французского империализма!

Флюиды спокойной и радостной безопасности распространяли вокруг себя не только красные солдаты,

а решительно все по эту сторону границы: закутанные в толстые шубы носильщики, кондуктора, бледные и решительные лица рабочих, просматривающих содержимое наших чемоданов. Они были так не похожи на таможенных чиновников на польской или немецкой границах.

По-иному все было и в широких вагонах советского поезда. Люди свободно потягиваются. На всех лицах тихая улыбка. Вот маленький товарищ из Кронштадта, который три месяца работал в Америке, в Детройте. Вот два товарища из Сталинграда, побывавшие на крупновских заводах. Вот красноармеец-пограничник. Как все они меняются, как бы сбрасывая европейскую скорлупу! Как все снова чувствуют себя здесь дома, — уже сейчас, может быть, еще в сотнях тысячах километров от своего обычного места жительства. Как они снова становятся новыми людьми! И слова у них иные: рационализация, безработица, капиталистическое хозяйство... Все они немного взволнованы: пятилетний план, индустриализация, партия, социализм...

Эта теплота, это чувство, что мы — на родине, не оставляет нас и в Москве. Оно даже усиливается в пути еще. Мы приветствуем каждый новый кирпич, который выделяется своим светлокрасным цветом на сером фоне других. Приветствуем каждый новый забор, каждое дерево, которое растет по обеим сторонам свежесыпанной щебнем дороги, каждое новое строительство, водокачку, крепкие леса вокруг многочисленных строящихся фабрик, каждый новый поезд, который идет нам навстречу — с мехами, с лесом, с зерном. Мы чувствуем все сильнее: это наше отечество, наша родина, ее не только можно ощущать, она живет здесь во всем, дышит, производит, вырастает из сотен тысяч пор, расширяется, становится все более сильной, все более могучей. А сама

Москва — как будто паровой котел в этом кипящем мире. Как динамо.

Улицы и площади полны народа. Это — потоки силы и крови, которые текут к паровому котлу и снова от него отталкиваются. Они текут с окраин в центры и из центров — снова к окраинам. Они скопляются в одном месте, потом выливаются и двигаются дальше — в кооперативы, на рынки, в кино, в музеи. У многих сегодня свободный день. Они веселы, смеются. Одеты в толстые куртки рабочие. Смелые лица под сдвинутыми на затылок шапками. Круглолицые краснощекие девушки. Их сильные ноги — в крепких ботинках. Пожилые, медленно движущиеся, солидные. Старики. Дети. Смех усиливается. Крики становятся громче. Ликование. Да, Москва — веселый город, счастливый город. Г о р о д р а д о с т и и т р у д а.

* * *

Особенность этого города, особенность всей этой страны — это то, что и рабочий, везущий свою тачку, и каменщик на постройке, и плотник, и затянутый в кожу шофер на большом грузовике, и рабочие, едущие на трамвае на фабрики, и рабочие, стоящие у токарных и ткацких станков, — все охвачены такой же радостью, как и те, у которых сегодня день отдыха. Работающие здесь, несущие балки, бьющие молотом — не похожи на изголодавшихся и затравленных рабочих Детройта, не сгорбленные, забитые рурские и южноэльсские углекопы. Они не похожи на того мирового пролетария, который бродит по улицам Нью-Йорка и Токио, которого в Шанхае и Капштадте побоями заставляют работать, они не похожи на тех пролетариев, которых избивает полиция, если они демонстрируют и требуют хлеба. Это новый пролетарий, — пролетарий, который все создает

своими руками, себе на радость. Пролетарий, который знает радость труда, настоящую радость созидания, которую он испытывает, когда закончена работа, когда положен последний кирпич, когда поставлена последняя заклепка и новые штампы начинают формировать металлы. И эта радость повсюду, у всех. И еще сильнее она в ударных бригадах, когда молодежь с песнями бросает свои неистощимые силы на ликвидацию какого-нибудь прорыва, вносит нужные темпы и увлекает других. Но не только молодежь бросается с энтузиазмом на штурм прорывов. Рядом с юношей — седобородый старик, рядом с мужчиной — женщина. Ударные бригады — авангард класса. Стук молота сливается со смехом рабочих, и смех их становится радостнее и звонче, когда темп ускоряется и упущенное наверстано. Самый большой праздник в этой стране — это когда водружается красное знамя на новом здании, когда удваивается темп, когда конвейеры двигаются без перебоев, когда заводы выпускают полторы тысячи тракторов вместо тысячи, когда индустриализация идет вперед...

1930 г.

ОБ УЛИЦАХ И МУЗЕЯХ

Какая поездка в недалеко расположенную страну может быть столь интересной, очаровательной, поучительной и волнующей, как поездка в Россию? В то время как Европа — и особенно ее столицы — с течением времени становятся все более похожими друг на друга, Россию нельзя сравнить ни с чем. Эта новая архитектоника, эти новые люди поражают не только глаз, не только эстетическое чувство. Духовная жизнь складывается здесь также совершенно иначе: отталкиваясь от другого прошлого, она идет к своему особому будущему. Важнейшие проблемы общественно-нравственной структуры настойчиво всплывают здесь на каждом углу, в каждом разговоре, при каждой встрече. Все время чувствуешь себя занятым, заинтересованным, взволнованным, все время находишься между восторгом и сомнением, между глубоким удивлением и нерешительным раздумьем. Каждый час так наполнен событиями мирового значения, дает такой материал для размышлений, что о десяти днях, прожитых в России, можно написать книгу.

* * *

Русская земля начинается в Негорелом. Мы подъехали очень поздно, уже в темноте, так что нам не удалось как

следует увидеть знаменитый красный вокзал с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Никак не удалось мне разглядеть и этих живописных фра-дьяволо, свирепых, вооруженных до зубов красноармейцев, которых описывали мои романтические предшественники по поездке. Я вижу только нескольких красноармейцев с умными лицами, одетых в совсем не пугающую форму, без винтовок и без всякого сверкающего оружия. Зал пограничной станции выглядит совершенно обычно, только вместо портретов высокопоставленных особ со стен смотрят фотографии Ленина, Маркса, Энгельса и некоторых других вождей. Осмотр делается тщательно и быстро, со всей мыслимой вежливостью. Сделав только первый шаг на советский земле, видишь уже, сколько еще нужно бороться с ложью и преувеличениями. Ничто не носит здесь характера большей строгости, жестокости, более ярко выраженного военного оттенка, чем на других границах. Без всякого резкого перехода внезапно оказываешься в новом мире.

* * *

Прежде еще, чем поезд двинулся к Москве, любезный спутник напоминает мне, что надо переставить на час часы, чтобы перейти от западноевропейского к восточноевропейскому времени. Однако быстро замечаешь, что далеко не достаточно сразу перевести стрелку. Как только въезжаешь в Россию, надо не только перевести часы, — надо перестроит все свои ощущения времени и пространства. Ибо здесь, в пределах этих же измерений, и мера и вес другие. Начиная от границы, ценность времени внезапно резко падает; то же происходит и с чувством расстояния. Здесь километры считают не сотнями, а тысячами, двенадцатичасовое путешествие считается экскурсией, поездка, продолжающаяся трое суток, — сра-

внимательно небольшой. Время здесь — медная монета, которую никто не считает и не собирает. Опоздание только на час против условленного времени считается вежливостью, четырехчасовой разговор — короткой беседой, полуторачасовая речь на каком-нибудь собрании — кратким выступлением. Здесь никто не удивится, если ваш тифлисский знакомый проедет трое суток, чтобы пожать вам руку; спустя восемь дней сам делаешь такой же визит так же спокойно и естественно, не обращаешь внимания на такую мелочь, как четырнадцатичасовая поездка по железной дороге, и совершенно серьезно раздумываешь, не съездить ли все же на Кавказ, хотя это и займет шесть дней и ночей.

Время и пространство измеряются здесь другой мерой. И научаешься применять ее так же легко, как счет на рубли и копейки. Быстро учишься ждать и опаздывать, безропотно расточать время — и бессознательно приближаешься к тайне русской природы. Ибо гений этого народа — прежде всего в его чудовищном умении ждать, в непонятном нам терпении, которое так же велико, как русская страна. Это терпение победило время, оно победило Наполеона и царскую власть, оно и теперь еще является могучим и основным составным элементом в новом социальном строительстве этого мира. Ни один европейский народ не мог бы вынести того, что в течение тысячелетия переживал этот народ, привыкший к страданиям, почти им радовавшийся. Пять лет войны, три года революции, кровавая гражданская война — на севере, на юге, на востоке и на западе одновременно, волна которой прокатилась по всем городам и селам, наконец ужасающий голод, жилищная нужда, экономическая изолированность, уничтожение собственности — в общем такая масса страданий и мученичества, что перед ней наше чувство должно склониться с почтительным

ужасом. Россия могла пережить все это единственно благодаря своей пассивной энергии, благодаря неограниченной, мистической способности переносить страдания, благодаря русскому «ничего» («это ничего не значит»), одновременно ироническому и героическому, благодаря этому упорному, немому и проникнутому глубокой верой терпению — его собственной и ни с чем не сравнимой силе.

* * *

Когда выходишь из вагона после поездки, продолжавшейся две ночи и день, бросаешь первый горячий любопытный взгляд на улицу. Повсюду толкотня и шум, полная, сильная, кипучая жизнь. В новую столицу стеклось вдруг слишком много людей, и дома и улицы кипят через край в бурном волнении. По неровной мостовой гремят извозчики со своими пролетками и шершавыми деревенскими лошаденками, проносятся с быстротой молнии трамваи с черными гроздьями людей, висящих на площадках; на пути людского потока повсюду, как на ярмарке, вырастают маленькие деревянные палатки; среди этой суматохи уютно сидят на корточках женщины и предлагают яблоки, дыни и всякую мелочь. Все это шумит, толкается, спешит с совершенно неожиданными в России проворством и торопливостью.

И все же, несмотря на эту великолепную жизненную силу, что-то в этой улице не совсем живое. Примешивается что-то туманное, серое, темное. Это тень от домов. Они стоят, старые и ветхие, над этой головокружительной спешкой. У них морщины и складки на лице, слезные и загрязненные глаза, — вспоминаешь Вену, какой она была в 1919 году. С фасадов обвалилась штукатурка, оконные рамы давно надо было бы наново покрасить,

подъезды пришли в ветхость. Еще не было ни времени, ни денег, чтобы их омолодить и освежить, о них забыли, и поэтому они выглядят мрачными и старыми. И потом — и это производит особенно сильное впечатление — улица шумит, говорит, клокочет жизнью, а дома стоят неподвижно, немые. В других столичных больших городах жестикулируют, кричат, сверкают, вылезают на улицу витрины магазинов. В их окнах воздвигнуты сооружения, привлекающие взгляд игрой красок; всякие рекламные выдумки ловят прохожего, стараясь задержать его хотя бы на мгновение у фантастически пестрых витрин. Здесь магазины немые; несколько скромных предметов, которыми они торгуют (продажа предметов роскоши здесь не допускается), тихо лежат за угрюмым стеклом. Из них не строят причудливых сооружений, их разместили без помощи рафинированных выставочных дел мастера. Им не нужно ссориться, бороться и соревноваться с соседями и противолежащими магазинами, так как все они принадлежат одному владельцу — государству. Необходимым предметам не приходится искать покупателей: наоборот, те сами их ищут; лишь излишек, роскошь, то, что по существу не нужно, то, что французская революция назвала «le superflu»¹, должно себя предлагать, гнаться за прохожим и хватать его за рукав; действительно необходимое (а ничего другого в Москве нет) не нуждается ни в каких призывах и фанфарах.

Это придает московской улице (да и всем другим в России) такую своеобразную и фатальную серьезность, что ее немые и замкнутые дома кажутся просто темными высокими серыми каменными стенами, между которыми течет людской поток. Изредка попадаются извещения, афиши. Висящие в публичных залах и на вокзалах, на-

¹ В буквальном переводе — ненужное, бесполезное. (Прим. сост.).

печатанные красным плакаты не призывают к рафинированности, не рекламируют роскошные автомобили, игрушки; это государственные плакаты, требующие повышения производительности, призывающие не к расточительности, а к производству новых ценностей. И здесь можно проследить ту черту, которая бросилась в глаза с первого мгновения, — наличие твердой воли, твердое решение защищать определенную идею, серьезная, сильная, сконцентрированная энергия, направленная на хозяйственное строительство. Московскую улицу нельзя назвать красивой с эстетической точки зрения, она не похожа на блестящие, играющие красками, залитые светом асфальтовые артерии наших европейских городов, но она живет интенсивнее, она более драматична и как-то фатальна.

* * *

Забавно: каждого возвращающегося из России первым делом спрашивают, видел ли он новое государство нэпманов, людей, выигравших от революции. Может быть, я был особенно несчастлив, — но мне не довелось встретить ни одного. Единственно, кто действительно использовал русскую революцию, — это музеи: в них поступают конфискованные предметы искусства, принадлежавшие раньше частным лицам — князьям и магнатам. Дворцы, бесчисленные монастыри были очищены одним ударом, и самые богатые из них превращены в музеи; благодаря этому число музеев возросло же менее чем в четыре раза, вернее — в десять раз. Старые большие галереи переполнены до-отказа вследствие этого неожиданного притока. Они требуют расширения, требуют новых зданий и до сих пор не знают, что делать с этим внезапным изобилием. Повсюду еще что-то приколачивают, считают, перевешивают, инвентаризируют; повсюду

директора извиняются, говоря, что они могли развесить лишь небольшую часть, ведут в боковые комнаты и показывают еще не разобранные сокровища, которые ждут, когда их выставят. Сейчас, спустя десять лет, еще нельзя осмотреть целиком богатства, которыми одарил музеи коммунизм.

Радоваться или огорчаться по поводу этой реквизиции предметов искусства, находившихся в частном владении и теперь переданных всему народу, — дело политических взглядов. Во всяком случае сейчас всякий иностранец и любитель искусства наслаждается результатом этой реквизиции как беспримерным достижением. Дело не только в том, что каждый может наслаждаться созерцанием этих сокровищ, которые раньше были скрыты в княжеских покоях и монастырях, — история искусства еще в течение ряда десятилетий будет многим обязана этой концентрации предметов искусства. Один из результатов уже общепризнан: произошел полный переворот во взглядах на икону, и вместе с тем были пересмотрены установки в вопросе развития русского искусства. Все эти иконы, рассеянные раньше по тысячам недоступных церквей и монастырей, усыпанные драгоценными камнями, завешенные цветочными гирляндами, закопченные и закапанные воском горевших перед ними свечей, казались до сих пор живописью, выдержанной исключительно в темных тонах: черные богородицы, темные святые — безрадостное искусство, почти не уступающее по мрачности испанскому. Теперь тысячи икон собраны в исторических музеях. Некоторые из них почистили. К своему великому удивлению, реставраторы убедились, что в своем первоначальном виде иконы были выдержаны в светлых и радостных тонах и по пестроте красок походили на платки русских крестьянок, а по чистоте — на небо над Босфором, под которым, впрочем, они и родились.

Вместе с коркой грязи, которую теперь сняли, вместе с этой столетней копотью уничтожен и годами поддерживавшийся ошибочный взгляд на русскую икону. И если (это уже начали делать) будут реставрировать первоначальные краски древних базилик и темным фрескам будут возвращены их искренняя непосредственность и радостная гармония красок, — тогда, быть может, изумленная Европа окажется перед лицом совершенно нового, феноменального открытия в искусстве; она будет поражена не менее, чем когда было установлено, что греческая скульптура была полихромна¹, что храмы их не были холодными беломраморными святилищами, а представляли собой вакханалию ярких красок. Таких открытий будет сделано еще немало благодаря концентрации предметов искусства и объединению их на однородных выставках.

Но больше всего поражает иностранцев факт, о котором мы и не подозревали, — что нигде, кроме Парижа, нельзя найти такую полноценную коллекцию французских импрессионистов, как в Москве. Это произошло благодаря конфискации обеих знаменитых частных русских галлерей — Морозова и Щукина. У них было тридцать ван-Гогов, по нескольку великолепных работ Мано, Курбе и Гогена и всей примыкающей к ним модернистской школы до 1914 года.

Для того чтобы составить себе хотя бы поверхностное представление о богатствах сорока или пятидесяти московских музеев, нужно потратить недели и месяцы, — так они наполнены, даже переполнены. Ничто, как искусство, не подтверждает с такой очевидностью марксистский тезис: все должно принадлежать всем.

¹ Полихромия — раскраска скульптурных произведений или частей архитектурных зданий несколькими красками. (П р и м. с о с т.)

Сознание, что все эти сокровища пришли к ним из чуждого и незнакомого, стоявшего раньше над ними мира и теперь принадлежат им, — это сознание рождает в массах положительно религиозное отношение к музеям. Музеи всегда наводнены посетителями — красноармейцами, крестьянами, женщинами, которые десять лет тому назад даже не знали, что такое музей. Все они бродят большими задумчивыми группами по залам. Трогательно видеть, как осторожно и даже почтительно ступают они своими тяжелыми сапогами по паркету, как внимательно и жадно слушают они добровольцев-руководителей, останавливаясь перед отдельными произведениями.

Предмет величайшей гордости заведующих музеями, руководителей и всего народа—это то, что русская революция (не в пример французской, которая разграбила и разгромила, то есть отняла у себя самой неслыханные сокровища) не лишила себя и всего мира ни одного значительного произведения искусства. А ведь русская революция была и более беспощадной и более радикальной, чем французская.

1929 г.

ВЧЕРА — СЕГОДНЯ — ЗАВТРА

Нет такого крупного города, у которого было бы только одно лицо; крупные города всегда многолики, но больше всего лиц — и самых разнообразных — имеет советская столица Москва.

Однако, прежде чем писать о Москве и о «подлинном», самом существенном из ее сотни лиц, надо сделать одну оговорку, обязательную для каждой книги, каждой статьи о Советском союзе: все, что пишется о вещах, явлениях, людях и проблемах советского государства, должно расцениваться не как актуальный, а только как исторический репортаж, как хронологический отчет, потому что развитие в пределах красных границ — экономическое, культурное, политическое развитие во всех областях общественной жизни — получило такие стремительные темпы, что завтрашний день кажется уже вчерашним, цифры, документы, доводы, наблюдения, которые записываешь сегодня как самое новое из нового, завтра, когда они появятся в печати, уже оказываются устарелыми, уже далеко опережены разворачивающейся действительностью.

* * *

Все в течении, все подвергается непрерывному изменению. Год, прошедший с моего последнего приезда в Москву, совершенно преобразил город.

Правда, Москва остается все той же, какою была и раньше: наполовину огромная азиатская деревня, наполовину новый, с иголки, американский город небоскребов; но этот острый контраст уже не является определяющим, основным признаком этого города, наиболее бросающимся в глаза иностранцу.

Конечно, оно еще не утратило своего чарующего действия — это сочетание затерянных переулков с их бывшими дворянскими особняками, от которых веет закатившимся, заглушим, позабытым прошлым, и людных, переполненных бульваров, где уже лихорадочно бурлит будущее; сочетание стен, украшенных башнями, колоколен со сказочными золотыми куполами — и красных флагов победоносной действительности, развевающихся над этими золотыми куполами; сочетание изогнутых тупичков с извозчицкими трактирами, массивными кубами домов, из глубины которых идет запах конюшен, щей и русской романтики, какою мнится она немецкой титулованной профессуре, — и огромных площадей, по которым сотни тысяч пионеров звонким шагом идут на свой праздник.

Но если раньше эти контрастные сочетания были самым сильным впечатлением, какое получал иностранец от красного города, то сегодня это лишь одно из многих впечатлений, впечатление в ряду других. Отмечаешь его, — да как не отметить, что здесь вот, где в твой последний приезд, три месяца тому назад, стояла маленькая церковка, сейчас лежит пустырь, или возник сад или рабочий клуб; как не отметить, что «чудотворная иверская богоматерь» за ночь исчезла из своей часовни у Иверских ворот и перенеслась (по объявлению святейшего синода) на задворки одного отдаленного монастыря, где можно обозревать очередные чудеса с помощью автобуса № 26 или трамвая № 32; как не отметить, что над ухабистой

головоломкой Китай-города вдруг загорелись пестрые световые сигналы для регулирования уличного движения; что милиционеры, еще недавно бегавшие в шинелишках с заплатами, вдруг все сразу надели белые перчатки (не говоря уже о новой форме!); что маленькие частные лавочки, которые за последнее время, казалось, неудержимо размножились, теперь вдруг снова исчезли...

Все это ты отметишь как нечто новое, интересное, но это не составит большого впечатления. Большое впечатление исходит из другого. Большое, решающее впечатление исходит оттуда, где еще недавно вовсе не видно было Москвы: от новых пригородов, от выросших из земли рабочих кварталов, от кольца новых поселений вокруг старого города.

* * *

Только когда выйдешь за прежнюю границу города, туда, где еще год назад были пустыри, только тогда ты замечаешь: центральная Москва, готовенькая, старо-новая, вокруг Китай-города — это лишь небольшое ядро, зародышевая ячейка великана-города, который превращается в гигантскую строительную площадку.

Проходишь точно по выставке, где на макетах в натуральную величину показана постройка дома, улицы, города во всех ее стадиях: земляные работы, леса, закладка фундамента, первый этаж, второй этаж дома, еще не покрытые крышей дома с зелеными украшениями на только что законченном карнизе...

Строится, строится. Люди кругом все охвачены строительной лихорадкой. Перед большими досками, на которых отмечаются успехи рабочего коллектива А по сравнению с коллективом В, стоят мальчишки, отцы которых возят кирпич, просеивают гравий, замешивают цемент, устанавливают балки, — и спорят о том, какая

рабочая бригада выигрывает социалистическое соревнование, или сколько километров улицы будет залито асфальтом до конца месяца, или сколько будет выработано кубометров бетона.

Чистильщик сапог, обрабатывая двумя щетками мой правый ботинок, расспрашивает, как разрешается в Америке проблема внутригородского транспорта, а милиционер, у которого ты спрашиваешь дорогу, в заключение к своей справке распространяется о проекте московского метрополитена.

Вот строится новая типография. Внизу, в просторном зале уже устанавливают машины, наверху еще работают штукатуришки. Поблизости можно полюбоваться новой школой. Перед дверьми стоят большие ящики, из которых сыплются опилки, как из внутренностей куклы, когда ее маленькая владелица вздумает вдруг заглянуть к ней в животик, исследуя, что там такое попискивает, если нажать... Ящики, на которых стоят немецкие слова: «Осторожно! Не опрокидывать! Оптические приборы». А перед окнами физических кабинетов, где уже расставляют по шкафам и полкам прибывшие из Германии микроскопы, проносятся ввысь в подъемниках красные кирпичи.

Многие улицы уже стоят готовые — новенькие, чистенькие, точно их вынули из огромного ящика с кубиками; многие прочерченные улицы еще только в незначительной части вылезли из земли, а другие только еще подают первые признаки жизни. Где-нибудь в другом месте такая улица, такой квартал, представленные только пестрыми вешками, белыми меловыми линиями, дощечкой с будущим названием, произвела бы впечатление чего-то недействительного; здесь же создается уверенное чувство: все уже налицо, тут перекресток, там проход, там универсальный магазин, подальше клуб...

Все налицо, и только глаза еще слишком вчерашние. Глаза твои видят только статическое там, где уже идет процесс. И ты ждешь только то, что эти бетоношпалки, леса, столбы для электрических проводов, доски социалистического соревнования и вешки новых кварталов и улиц, — что весь этот мертвый материал уже не только предвидит и ждет, а знает наверное и явственно возвещает: «Дело идет не только о постройке города, не только о выполнении плана, — дело идет о создании нового мира!»

И ты чувствуешь: вот это, именно это и есть подлинное лицо этого города.

1931 г.

В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ В ЛЕНИНГРАДЕ

Поезд вбежал на станцию и остановился. В огромном зале глубокая тишина. Широкие чистые платформы, залитые асфальтом, серые железные переплеты, редкие служащие и носильщики. Здесь, на Финляндском вокзале произнес свою первую речь Ленин, когда вернулся на родину из своего изгнания, в русский Октябрь, одиннадцать лет тому назад.

Как могло здесь быть так спокойно? Я твердо ожидал услышать в серых стенах слабый отзвук торопливых шагов, трескотню пулеметов, пронзительные голоса: «Вся власть советам!» Вправду ли это было здесь всего только одиннадцать лет назад?

Тихо ехали мы по пустынным улицам под низко нависшим серым небом. Во все стороны тянулись мощные фасады, белые колонны, темнокрасные, голубые или желтые лепные стены, как и Финляндский вокзал, чистые, пустынные. Как могло здесь быть так спокойно, когда прошло всего лишь одиннадцать лет?

* * *

Мы только что вышли из голых каменных коридоров Смольного, того огромного симметричного здания, что

строго смотрело в серый дождь. Мы видели маленькую комнатку, где жил и работал Ленин в ту пору, когда большевики именем рабочих и крестьян захватили власть: несколько стульев, стол, узкая кровать за ширмой. Мы шли вниз по дороге и вступили в ворота, как во сне. Одиннадцать лет... И теперь Смольный принадлежит истории, как музыка Баха, как пирамиды. Я думал о том, что более действительно, — тот ли Смольный, на который я кидал последний взгляд теперь; в бесконечно серый северный дождливый день, или же тот, который создан в моем воображении через раскаленный металл лнотипов, набравших «Десять дней» Джона Рида.

Мы искали места, где бы нам выпить чаю, и спросили совета у двух молодых людей, которые направлялись обратно к Смольному.

Чай оказался на долгое время забытым за всеми расспросами об Америке, которыми они засыпали нас. Они были коммунисты, студенты Одесского университета, а в Ленинград приехали по учебной командировке Наркомпроса. Смольный был для них началом всего. Они были слишком юны, чтобы помнить старую, царскую Россию, когда Смольный был еще институтом для благородных девиц. Им октябрьские дни казались такими же далекими, как падение Бастилии. Два года они прослужили в Красной армии и хотели теперь сделаться учителями. Для них почти непредставим был капиталистический мир. Для нас Октябрь, Смольный и Ленин — будущее, для них — основа их уклада, их мышления, их быта. Представить себе такое время, когда марксизм не был основной идеей мышления, для них почти так же трудно, как трудно американскому студенту усомниться в неизмеримой ценности доктрины Монроэ.

— Почему, — спрашивали они снова и снова, — почему американские рабочие не понимают, чего мы хотим?

Почему не могут они постичь, что мы строим социализм, что мы работаем в той же мере для них, как и для самих себя?

Хотя мы разыскали буфет и долго сидели там за чаем, — вопрос остался без ответа.

* * *

Выйдя в Петергофе из фордовского автобуса, мы пошли сквозь капель садов, под серым небом, словно в сказке Андерсена, — по одну сторону вид на Балтийское море, по другую — множество бьющих фонтанов. Затем мы пришли к дворцу из красного кирпича в стиле XVIII столетия. Там мы надели большие комнатные туфли и пошли по нескончаемым казенным комнатам, которые содержались в тщательном порядке служащими Комисариата народного просвещения. Полтора километра царской роскоши пресытили нас, и мы оставили дворец через боковую дверь.

Потом мы пошли к дому отдыха ленинградских профсоюзов, огромному готическому зданию, где раньше помещались царские конюшни. Один из амбулаторных врачей вызвался нас сопровождать и пригласил нас к себе на обед. Он был так полон своей работой, что ни о чем другом не мог говорить. Он не член партии, но частной практикой не занимается, для нее у него не остается времени. Он едва находил время для еды и сна: так много было у него дела. Он работал в ряде больниц, надзирал за домом отдыха и несколькими его филиалами, читал популярные лекции по гигиене и навещал больных, которые, находясь в санатории, требовали особого ухода. Дом, рассчитанный на 3000 человек и представляющий собой сочетание санатория и летнего пансиона, обслуживал членов ленинградских профсоюзов. Поставлено целью оборудовать столько домов, чтобы дать возможность каждому члену профсоюза летом две недели отдохнуть.

— Сейчас еще не хватает для этого мест, но скоро их будет вполне достаточно.

Когда мы уходили, торопясь захватить последний поезд на Ленинград, директор дома отдыха пошел нас проводить. Это был человек высокого роста, со спокойным лицом и седыми волосами — до революции булочник. Он шел рядом с нами широким шагом и спрашивал, как нам понравилось, чисто ли, хороша ли, по нашему мнению, пища, и как мы думаем, весело ли отдыхающие проводят время. Потом он попросил у нас извинения, ему еще надо было работать (он работал восемнадцать часов в сутки), расцеловал моего спутника — тот был русский, — а мне потряс руку.

1929 г.

Я, ХАСИАД МИРКУЛАН,

родилась в 1904 году в Чустпане, в Ферганской долине. Когда мне было восемь лет, на меня надели паранджу. Мой отец был ткачом, моя мать и я вышивали тюбетейки, младшая сестра помогала нам в нашей работе, а брат работал у пекаря. Мы были очень бедны, и поэтому я в то время еще не была замужем. Меня выдали замуж только тогда, когда мне исполнилось четырнадцать лет.

Как это произошло? Своего будущего мужа я, конечно, не знала. Вообще я и не подозревала, что я уже замужем. Только позднее узнала, что дядя моего жениха (отец его умер) вместе с имамом явились к моему отцу и спросили, обещал ли он меня уже кому-нибудь. Мой отец ответил, что я еще свободна, и они ушли.

На следующий день они пришли снова. Моя мать напекла лепешек, наварила плову и приготовила чай. Она передала гостям шитую серебром тюбетейку для моего жениха. Меня же отослали к соседям, и я пробыла там до заката солнца. По нашему обычаю, ни одна девушка не должна быть дома, пока там находятся родственники ее будущего мужа. Я не знала о том, что так предписывает религия, и никак не могла понять, почему меня отослали.

После того как гости ушли, меня позвали; мы доели остатки плова и вымыли посуду.

Было условлено, что за меня дадут двух верблюдов, четыре пуда пшеницы, два возка дров, три пуда риса, корову, три покрывала из верблюжьей шерсти, один халат и два платья. Всего этого мы не получили, кроме одеял и платья. Когда дядя жениха принес моей матери эти вещи, они ей не понравились. Она сделала гримасу и сказала:

— Даже не шелковые...

— Мы — бедные люди, — как бы извиняясь, ответил дядя жениха.

Через несколько дней я узнала от матери, что я должна выйти замуж. Я чувствовала себя несчастной при мысли что должна буду покинуть родительский дом и в течение двух лет буду лишена возможности увидеть моих лучших подруг. В течение первых двух лет замужества женщине запрещено ходить в гости и принимать гостей. К тому же я не знала, молодой ли мой жених или старый, и сколько еще у него жен. Спросить об этом нельзя было.

Как прошла свадьба? Через три недели после сватовства мы приготовили много еды. Пришли родственники, а затем мулла с женихом. Дети прибежали ко мне в ичкари (женская комната), в которой я сидела с двумя дочерьми нашей соседки.

— Хаснад, мы видели твоего мужа.

— Что, он старик? — спросили мои подруги; я сама не решилась задать этот вопрос.

— Нет, он не стар, и на нем шелковый халат.

— Но сколько же ему лет? — продолжали расспрашивать подруги, а я готова была утопиться от стыда.

— Он, наверное, таких же лет, как брат Хаснад.

Этот ответ обрадовал меня: я ожидала, что мой жених окажется стариком, так как мы были очень бедны.

Мать, все время возившаяся у очага на дворе, зашла в комнату и приказала мне намазать ногти хной, натереть брови травой и одеть лучшее платье. Через час или два пришел мой дядя и крикнул:

— Пора!

Я надела паранджу и направилась к двери. Она была заперта. С той стороны двери стоял мулла, читавший какие-то молитвы. Не открывая двери, он спросил меня, согласна ли я выйти замуж. Мать сделала мне знак, чтобы я молчала. Три раза мулла повторил свой вопрос, и только на четвертый раз я должна была ответить «да».

Два родственника моего мужа вошли в комнату, разложили ковер и поставили на него чай и печенье. Потом они привели моего мужа, и он уселся на ковре. В первый раз чужие мужчины очутились в нашей женской комнате. Мать, мои подруги и я стояли в углу, обернувшись закрытым паранджою лицом к стене, и плакали. Потом все вышли из комнаты, и я осталась наедине с моим мужем.

— Хасиад! — позвал он меня, и я села возле него, не поворачивая к нему лица и не видя его.

Он налил в пиалу чаю и протянул ее мне. Я отказалась — я не была в состоянии пить, я дрожала, как струна. Он сам выпил чай и предложил мне печенье, но я отказалась и от этого. Мы не произнесли друг с другом ни одного слова.

Через короткое время он ударил несколько раз в ладоши, вошла мать, поставила на пол кувшин и таз, закрыла за собой дверь и ушла.

Он подвинулся ко мне и приподнял паранджу. Сердце билось у меня, точно барабан. Мне было так стыдно открыть лицо перед мужчиной, и я боялась, что не понравлюсь ему. В эту секунду мы впервые увидели друг друга. Он ласково улыбнулся, разложил подушку на ковре

для сна, и мы лежали до утра, как брат и сестра, — он ни разу даже не поцеловал меня.

Три дня он жил в моем родительском доме — так требовал обычай, а затем я переселилась к нему. Только там я узнала, что я единственная жена его: спросить об этом раньше я так и не решилась.

Мы пожили с ним вместе полтора месяца, и он ни разу не прикоснулся ко мне. Но вот однажды его сестра сказала ему:

— Как тебе не стыдно! Тебе ведь уже восемнадцать лет...

— Но мне так жалко ее: она так пуглива.

Сестра мужа варила мясо и всыпала туда какие-то усыпляющие корешки. Я поела и лишилась сознания. Я не знаю, что со мной произошло. На следующий день у меня был сильный жар. Пять недель я пролежала тяжело больная.

Мой муж работал батраком на хлопковых полях, но в 1919 году даже в Ферганской долине не было работы, и через шесть месяцев после нашей свадьбы он отправился в Ташкент искать заработка. Там он заболел воспалением легких и умер. Так как у него не было брата, которому я должна была бы достаться по наследству, я вернулась в родительский дом и в течение полутора лет оставалась там, занимаясь вышиванием тюбетеек.

Однажды вечером к нам в дом вбежал сильно взволнованный брат моей матери. Он слышал, что басмачи в соседней деревне похитили всех жен и девушек и что этой ночью ожидается нападение на наш кишлак. Я и две мои двоюродные сестры — Обидаби и Собира — переоделись старухами и в сопровождении моего дяди отправились пешком в горы. Через два дня мы были в Коканде. Там дядя повел нас к ишану и отдал ему нас со следующими словами:

— Мясо ваше, кости наши.

Это должно было означать: делай с ними все, что тебе угодно, а когда они умрут, мы их похороним.

Дядя распрощался с нами, и мы остались служанками в доме ишана Рахматулы. У него были четыре жены и старая служанка, и все они гоняли нас взад и вперед. В течение всего дня в дом приходили гости, желавшие получить совет у Рахматулы. Гости приносили ишану подарки, и их угощали едой. Мы должны были быть наготове, и как только приходил гость, нарезать лук для плова, варить чай или мыть посуду в арыке. В течение пяти месяцев мы спали и работали в наших одеждах старух, в которых мы пришли сюда. Нам не платили никакого жалованья. Кормили чаем и хлебом; изредка нам перепали остатки пищи, которой угощали гостей.

Ежедневно приходил туда мюрид Хаким-Саид, старик с длинной седой бородой, которого мы терпеть не могли. Этому призраку человека ишан отдал в жены Обидаби, старшую из моих двоюродных сестер, несмотря на то, что у мюрида уже были две других жены.

На свадьбу приехал мой дядя. Он привез мне весть о смерти моего отца. Басмачи убили его, так как думали, что он куда-то спрятал меня. На глазах моей матери они раскроили ему саблей голову.

— Если к нам явится кто-нибудь и будет просить тебя в жены, — сказал мне дядя, — мы снова выдадим тебя замуж, если он возьмется выкупить тебя у святого ишана.

Я плакала. Я хотела вместе с ним вернуться домой. Но он отказал мне в этом, говоря, что я принадлежу теперь не своей матери, а ишану. К тому же дома нечего есть. Я стала просить его, чтобы он по крайней мере прислал мне мое платье. Это он мне обещал.

Через несколько дней после свадьбы Обидаби заболела младшая жена ишана Рахматулы. Она харкала кровью. Позвали табиба¹, и он велел больной в течение недели ежедневно есть суп из лягушек. Старуха-служанка захватила щипцы и мешок и велела мне идти вместе с ней ловить лягушек. Она, однако, тщетно пыталась поймать их: как только она дотрагивалась до лягушки щипцами, та убегала. Только когда она передала щипцы мне, удалось поймать двух лягушек, и мы положили их в мешок.

На следующий день она послала меня одну. Я уже поймала одну лягушку, как вдруг услышала звуки музыки. Я выбежала на главную улицу, и то, что я увидела, показалось мне совершенно невероятным; я увидела массу женщин, которые, выстроившись в ряды, шли вперед за оркестром музыки. На многих из них не было паранджи. И это на улице! Две женщины несли дровки, между которыми висело красное полотнище с какими-то буквами. Некоторые что-то кричали. Я пошла вслед за ними, чтобы услышать, что они кричат. Наконец я разобрала:

— Яшасун хотунлар оседлери! («Да здравствует раекрепощение женщин!»)

Я пошла дальше с ними, держа в руках щипцы и мешок с лягушкой. Мы зашли в какой-то двор, где стояли столы с чаем, печеньем и яблоками. Я не решалась сесть вместе со всеми. Какая-то женщина — как я узнала потом, ее звали Ибрагимова — поднялась на трибуну и произнесла речь. Она говорила о нашей жизни, о том, что это несправедливо, если муж бьет жену, если женщине не позволяют учиться, если женщину заставляют закрывать лицо паранджой.

¹ Знахарь.

Я стояла точно во сне. Конечно, это было бы хорошо, если бы женщины были так же свободны, как и мужчины. Но разве Аллах не запретил это? Разве не было грехом все то, что говорила эта женщина? Несомненно, ее забросают камнями, как только она кончит свою речь. Но все закричали: «Яшасун хотунлар оседлери!», а некоторые даже скинули паранджу.

Я все еще стояла точно окаменелая, когда ко мне подошла Ибрагимова и предложила сесть за стол вместе со всеми.

— Я боюсь, — сказала я. — Я живу у ишана. Если он узнает, что я была здесь, он меня убьет.

— Он твой муж, этот ишан?

— Нет, я работаю у него служанкой.

Ибрагимова спросила, есть ли у меня муж, где мой отец, и я рассказала ей, что я вдова и что отец мой умер.

— А хотела бы ты учиться?

— Учиться? Я ведь женщина!

И она рассказала мне, что теперь уже нет эмира, что теперь все люди равны, что все люди должны теперь учиться, все — в том числе и женщины.

Ничего подобного я в своей жизни не слышала, и я ей ответила:

— Я охотно бы училась... Но тогда мне нельзя будет вернуться к ишану... О, если бы вы взяли меня к себе!..

— Ладно... А пока выпей свой чай.

Я сняла паранджу и положила ее возле себя слева, а справа — мешок с лягушкой и щипцы. Я боялась, что у меня заберут паранджу, а страшнее всего была мне мысль о том, что вот лягушка выскочит из мешка и все поднимут меня на смех.

Выпив чай, я снова надела паранджу, взяла свои вещи и пошла вслед за Ибрагимовой. По дороге я выбросила мешок и щипцы.

Мы пришли в какой-то большой дом. Это было общежитие для учениц. Ибрагимова представила меня какой-то женщине и попрощалась со мной.

Мне дали платье — наконец-то я получила новое платье! — и женщина повела меня в ванную. До того я никогда в жизни не видела ванны. Вначале я боялась войти в нее, но потом готова была остаться там чуть ли не на всю жизнь.

В спальне помещались одиннадцать молодых женщин. Первый раз в жизни я легла в кровать — мне казалось, что я в раю. На следующий день меня повели в классную комнату, и меня начали учить алфавиту. Другие уже знали буквы, и я восхищалась ими. Но очень скоро я и сама научилась писать, читать и считать.

Когда я выходила на улицу, я одевала паранджу. Мои подруги уговаривали меня оставлять ее дома, но я боялась, что меня встретит кто-нибудь из дома ишана, и тогда меня опять потащат туда.

После девяти месяцев моего пребывания в школе заведующий спросил меня, знает ли моя мать, что я нахожусь здесь. Я ответила, что знает, так как была уверена, что ишану уже кто-нибудь сообщил, что я бежала с женской демонстрацией, — не даром ведь ишан Рахматула слыл самым мудрым человеком во всем Кокандском округе.

— Я напишу твоей матери, что ты здесь.

Я опасалась, что мать снова отправит меня к ишану, и — не даром дядя сказал ему: «Мясо ваше, кости наши». Поэтому я попросила заведующего не писать. Он только ответил:

— Без повода я писать не буду.

Несколько дней спустя — я как раз была дежурной и приводила в порядок спальню — я увидела у дверей стоявшую и заглядывавшую в комнату женщину в парандже.

— Входите, не бойтесь, — сказала я, — здесь нет мужчин.

Женщина подошла ко мне. Мне стало жутко и страшно. Вдруг она вскрикнула:

— Хаспад!

Это была моя мать. Вначале она не была в состоянии произнести ни слова и молча ощупывала меня. Потом она схватила меня, прижала к себе и стала безудержно плакать.

В комнату вошел мой дядя. Он стоял в стороне и изумленными глазами смотрел на меня. Потом я узнала причину их волнения. Через короткое время после свадьбы его дочери мой дядя снова приехал в Коканд, чтобы привести мне обещанное платье, и в доме ишана он узнал, что я убита. Когда я не вернулась с арыка, куда меня послали за лягушками, ишан позвал знахарку и велел ей рассказать, куда я девалась. Старуха бросила коробочку хлопчатника в кипяток и стала рассказывать, что она видит: басмач схватил меня возле арыка, посадил на лошадь и увез. Потом она видела, как басмач тащит меня в кусты. И вдруг она вскрикнула:

— Ее свеча больше не горит!

Дядя вернулся к моей матери с вестью о моей смерти, и мать долго оплакивала меня.

Три дня тому назад они получили сообщение из школы о том, что я здесь и что матери моей можно приехать в Коканд ко мне. Это известие сильно взволновало ее, она никак не могла понять, что оно значит, но сейчас же собралась с дядей в город, чтобы выяснить, в чем дело.

Несмотря на то, что радость ее была безгранична, она не удержалась от упреков:

— Как же это ты без паранджи? Кто довел тебя до такого ужасного греха? Видно, злые люди окружают тебя здесь.

Я клялась, что хожу без паранджи только в школе и дома, что на улице лицо мое всегда закрыто, но она и это считала бесстыдным и грешным, так как здесь, по ее мнению, меня легко мог увидеть какой-либо мужчина.

Вечером нас пригласил к себе заведующий школой. Я была в парандже, несмотря на то, что обычно он видел мое лицо открытым, и несмотря на то, что его жена и сестра сидели без паранджи. Он тихо поговорил с дядей и с матерью, потом они подозвали меня, и я узнала, с какой целью он написал моим родным. Один из наших учителей хотел просить моей руки у моей матери.

— Нет, — возразила я. — Я хочу остаться здесь и продолжать учиться.

Заведующий пригласил учителя. Когда ему рассказали, почему я возражаю против брака с ним, он ответил, что он не имеет ничего против того, чтобы жена его продолжала учиться.

Так мы поженились. Это была совсем другая свадьба, чем моя первая. Мы просто пошли в Загс и зарегистрировались.

До 1922 года я оставалась в школе, а потом мы, мой муж и я, получили разрешение поступить на рабфак в Ташкенте.

Мне, как студентке и жене комсомольца, теперь уже никоим образом нельзя было ходить в парандже. Ах, совершенно невозможно описать то чувство, которое я испытывала, когда в первый раз пошла с открытым лицом по улице. Я прижала лицо к плечу мужа так, что меня почти не видно было. И все время искоса поглядывала, не останавливаются ли люди и не смеются ли надо мной.

Вы должны понять, что у нас женщина имеет право показать открытое лицо и оголенную руку только отцу или сыну. Нам все время твердили, что если чужой муж-

чина увидит голую руку женщины, то на всю ее семью падет несмываемый позор. Если вы это учтете, то вам станет понятным, почему я оглядывалась по сторонам, когда в первый раз шла с открытым лицом по улицам Ташкента. Но я скоро увидела, что никто на меня не смотрит и не собирается смеяться надо мной.

В 1923 году я вступила в комсомол. Окончив рабфак, я поступила в университет, где изучала политическую экономию, историю революции и ряд других наук. Русскому языку я научилась еще на рабфаке.

Пять лет я прожила в Ташкенте, вступила в партию и окончила университет. Мой муж окончил университет на год раньше меня и работал в Кагане. Я поехала туда. Я стала там политическим руководителем женотдела, — в этом районе развита шелковая промышленность, и в ней занято много женщин. Из Кагана я поехала в Сталинабад, который тогда еще назывался Дюшамбе, работала там в женской секции, а некоторое время была заместительницей председателя городского совета. В то время как раз началось строительство. Строились сотни домов, закладывалась первая железная дорога. Дела было по горло. И я часто по целым дням и не заглядывала домой.

Вместе с моим мужем работала одна русская, и они полюбили друг друга. Мы с мужем разошлись, и он женился на этой русской. Мне было несколько больно, но работы было так много, что некогда было заниматься своими личными чувствами.

В 1929 году я приехала сюда, в Гарм, чтобы провести женский день. Женщины были здесь отсталые, почти все безграмотные. Здесь еще практиковалось многоженство, никто не имел понятия о гигиене, просвещении. Я предложила партийному комитету оставить меня здесь на работу, и вот с тех пор я здесь и работаю.

Ну, вот это все, что я могла бы рассказать о своей жизни. Да разве еще то, что полгода тому назад сюда был назначен секретарем окружного комитета Рафи. Амман... Ах, вот и он... Чуть не забыла о тебе рассказать... Мы поженились, и должна сказать, что люблю его, несмотря на то, что он этого не стоит...

Вы хотите знать еще, что стало с остальными?

Ишан Рахматула живет еще в Коканде, две жены его умерли, но та, для которой я должна была ловить лягушек, еще жива. Ему приходится туго, так как теперь люди редко приходят к нему за советами. Мюрид Хаким-Санд, этот старик, которого мы так не любили и который женился на Обидаби, умер несколько лет тому назад. Обидаби снова вышла замуж. Вторая двоюродная сестра — Собира — вернулась в Чустпап. Ее муж — тракторист, и она тоже стала трактористкой. Мой брат — красный директор хлебозавода в Фергане, а сестра работает на текстильной фабрике в Самарканде. Мать моя — председательница овощного колхоза, объединяющего сорок хозяйств. Она научилась читать и писать и пишет мне длинные письма. Только читать их нелегко...

Носит ли она еще паранджу? Нет, два года тому назад она сняла ее.

1931 г.

О ЖЕНЩИНЕ

Чтобы создать новое общество, необходимо изменить положение женщины. Отсталая женщина тормозит создание этого общества.

Старая русская женщина, — не придворная, конечно, а женщина маленьких деревушек и сел, — была такая же отсталая, как и азиатская женщина. Революция с первых же дней дала этой женщине элементарные права. Постепенно она получила политическое и социальное равенство. Женщину стали принимать в армию.

Теперь в России женщина совершенно уравнена во всех правах с мужчиной.

Раньше для женщины был закрыт доступ в ряд школ. Теперь этого нет. По статистическим данным, в 1929 году женщин училось в сельскохозяйственных вузах 19,7%, в педагогических — 52,7%, в медицинских — 54,7%, на факультетах экономических наук — 20%, на физико-математическом — 13,2% и в вечерних вузах — 14,5%.

Казалось, потребуются годы, пока эти женщины будут втянуты в общественную жизнь страны. Надо было найти революционные методы воспитания для женщины-крестьянки и работницы, тем более для женщины старшего возраста.

Эти методы были найдены, помимо того, что для женщины были открыты все вузы и другие воспитательные учреждения.

Была осуществлена идея создания делегатского корпуса: от каждых 10 женщин избирается одна делегатка. Каждая делегатка должна социалистически воспитывать группу, выделившую ее в качестве делегатки. И много женщин удалось подготовить. В результате этой системы активизации женщины в Москве и Ленинграде многие женщины возглавляют промышленные предприятия, на которых раньше они были простыми работницами. Много женщин занимают ответственные посты в различных наркоматах. На выборах в советы были избраны тысячи женщин. Многие — председательницами.

В Ленинградском совете женщина занимает один из крупнейших постов.

В каком бы я учреждении ни был, всюду работают женщины, проявляя активность и умение работать. Женщина-учительница, прикрепленная ко мне, чтобы показать мне школы, казалось, шаг за шагом обошла бы со мной всю Россию, если бы это было возможно, забыв всякую усталость.

Ленин сказал, что не может быть свободным общество, половина которого является рабом кухни. В России женщина-крестьянка решительно избавлена от тирании семьи и кухни.

Так как при коммунизме жизнь строится на общественных началах, во многих новых домах строят не отдельные, а общие столовые и кухни. Я видел в Москве фабрику-кухню на 25 тысяч человек.

Задача революции состояла не только в этом; создать новый мир — значило изменить также институт семьи, перевернуть вверх дном все понятия о любви и морали. Вожди считали, что семья пока что необходима. Она не

может быть разрушена. Но и поддержки семье в старом понимании этого слова — не было.

Первый удар семье был нанесен отменой частной собственности. Второй удар — упадком религии.

Брак перестал быть чем-то «священным». Нет никаких препятствий ни для брака, ни для развода. Брак допускается как законный, так и незаконный (в старом смысле этого слова).

Поэтому в Советском Союзе все дети считаются законными, все дети равны, независимо от того, родились ли они от зарегистрированного или незарегистрированного брака. По советским законам дети должны воспитываться обоими родителями. Непредоставление ребенку средств к существованию рассматривается как преступление.

Один корреспондент пишет: «В Москве был такой случай развода. Мать — доктор, отец — инженер. При разводе у них остался ребенок 9 лет. Суд предоставил право воспитания ребенка отцу, поскольку он был коммунистом. Но так как мать зарабатывала больше, она была обязана по суду платить алименты».

Между обоими полами существует полное равенство и юридическое и фактическое; их отношения непринужденны и просты.

Проституция в России рассматривается не как свободные отношения, а как торговля телом, и поэтому она запрещена.

Для того чтобы говорить о том влиянии, которое производит освобождение женщины на мораль, необходимо глубже проникнуть в новую русскую жизнь. Я лично не имею достаточных наблюдений, чтобы судить об этом. Разные люди по-разному высказываются по этому вопросу.

Один американский корреспондент говорит: «Русские с большой быстротой пошли к той цели, к которой идут теперь в Европе». Мысль свою этот корреспондент-враг

разъясняет так: Приезжающие в Россию чувствуют, что они находятся в стране со здоровой моралью. Здесь нет тех легких развлечений, которыми изобилует Европа, в России на первом месте труд, наука и борьба.

Несмотря на свободу аборта, русское население ежегодно увеличивается на 3 миллиона человек.

Для женщин издается много газет и журналов. Журнал «Крестьянка» распространяется в количестве до 470 000 экз.

Один корреспондент, близко знакомый с тремя новыми русскими женщинами, попытался вызвать у них чувство жалости к русским белогвардейцам, обретающимся в Европе. Первая женщина ему ответила: «У нас нет времени для этого, мы заняты другими делами». Ответ второй женщины таков: «В марксистской душе нет места для жалости». Третья ответила так: «Рассудок, а не сердце должно руководить большими делами».

В России написано много книг, посвященных проблеме пола. В первый период было много излишеств.

Нормальное положение характеризуется так:

Женщина свободна наравне с мужчиной. Женщина должна жить трудом. Она обязана беречь себя, все свои силы. Если она поддается буржуазной распущенности, она изгоняется из общества.

Наряду с этой женщиной имеется еще другой тип женщины, которая с отвращением смотрит на труд и, погрузившись в безнадежные мечтания, ждет старых времен. Она не отказалась от своей «женственности».

Одна из таких женщин мне сказала: «Среди этой суматохи я совершенно одинока. Я живу среди восковых манекенов. Правда, говорят, что революция победит и жизнь наладится. Но когда? Через десять лет мне будет сорок лет».

Иностранец, бывающий в Москве, встречает именно этого рода женщин, и его трогают их грустные излияния. Но

коммунист — враг этой женщины. Он не считает ее человеком.

Эта женщина живет проституцией, она не ведет работы, она не считается членом общества, это — паразит.

Все внимание обращено лишь на то, чтобы не дать подобным женщинам возможности отравлять новое поколение. Как ничтожество, как нация старого, она скоро исчезнет, и в новой России этот тип скоро будет забыт.

1930 г.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Над куполом Дворца советов постоянно развевается красное знамя, оно является как бы символом победы и постоянства. Ночью, освещенное негаснущим светом, как волшебная антиохийская лампада, это знамя кажется огненным языком, и в его живом пламени чувствуются подлинная сила и великая власть.

При виде этого вечно пламенеющего знамени над Дворцом советов мысль переносится к великой новой власти, которая уже охватила шестую часть мира.

Только что закончился XVI съезд ВКП(б). Это дало нам возможность присутствовать при интереснейшем моменте в русской политической жизни.

Советская революция, начавшаяся не только в одной стране, но и во всем мире, является чрезвычайно важным историческим моментом. Она еще не привела к окончательной победе нового строя, процесс еще продолжает развиваться, он находит себе повсеместное выражение. Грустно думать, что страна, обладающая такими огромными естественными богатствами, оставалась при царском управлении бесплодной, что она была разорена, находилась в состоянии дикого невежества, что ее всячески обирали.

В беглом обзоре попробуем вспомнить природные надземные и подземные богатства обширной поверхности СССР.

Лесная зона его — самая обширная в мире — прострается от Балтийского моря до Тихого океана. На юге Европейской России климат благоприятный разведению хлебных злаков. Здесь созданы величайшие в мире зерновые хозяйства. Субтропические области Крыма, Кавказа и Туркестана, знаменитые своими виноградниками и табачными плантациями, благоприятствуют культуре хлопка, который возделывается также в южных частях Азиатской России. Но все эти баснословные богатства страны оставались до советской власти неисследованными и не эксплуатировались. Новый строй, будя сознание, воспитывая умы, ведя кампанию по ликвидации неграмотности, сумел использовать огромные богатства, данные стране природой, применяя к их разработке производительный труд.

Здесь строятся самые необыкновенные предприятия. Днепрострой даст в скором времени электрическую энергию обширному району. Через весь Кавказ проложен новый нефтепровод из Баку в Батум, построенный за последние три года. Он непосредственно подводит нефть к судам-цистернам. Железнодорожная линия Турксіб, раньше казавшаяся несбыточной мечтой, уже отстроена и связывает холодные сибирские области с раскаленными долинами Туркестана, в которых благодаря этому можно создать оросительную систему и которые превратятся в обширные хлопковые районы.

Другим гигантским предприятием является канал, долженствующий соединить Волгу с Доном. Этот водный путь, ведущий теперь к Каспийскому морю, в сущности совершенно бесполезному для такой большой реки, даст выход судам в Черное море, откуда им будет открыт доступ в Средиземное море и все моря мира.

Вот общая схема природных сил советской земли и труда, прикладываемого к их использованию. Ясным представляется современный этап в политической ее эво-

люции. Здесь нет ни кризиса в производстве, ни недостатка в продуктах, это может показаться на первый взгляд странным благодаря скудости товара в торговых центрах. Это объясняется просто тем, что продукция экспортируется, что ее превращают в валюту для приобретения за наличный расчет машин и всего необходимого для получения наибольшей прибыли от всех этих богатств, посредством усовершенствованной сельскохозяйственной обработки и сверхиндустриализации.

Здесь все работают без усталости, и уже ясно видны плоды этой работы. Остается еще два года усилий. Но что заслуживает особой похвалы, так это стремление советской власти избежать внешнего займа, т. е. займа у иностранного капитала, который с жадной радостью ухватился бы за возможность обеспечить себе ценный залог в виде огромных естественных богатств советской земли. Здесь сумели избежать западни, которую ставит капитал, и в то же время освободить страну.

Внутренние займы, к которым прибегает советская власть, являются способом добыть необходимые ресурсы, вполне логичным в коммунистической стране. На фабриках и заводах, в учреждениях и у отдельных граждан советская власть ищет поддержки для осуществления великих работ, служащих для общего блага; граждане могут оказать эту помощь, подписываясь на часть своего заработка. Разумеется, советское правительство могло бы при желании получить миллионы из иностранных банков, особенно в североамериканских, которые охотно пользуются этим способом для своей экспансии. Но тогда оно перестало бы оправдывать свое существование и вскоре исчезло бы с лица земли, так как подчинилось бы капитализму, заложив свою страну. Новый строй, освободивший трудящихся, несмотря на всю его политическую и социальную значимость, был бы окончательно разрушен, и бес-

полезными явились бы тогда страдания, кровь и усилия, потраченные для его внедрения и проведения в жизнь...

А между тем Россия продолжает идти по пути революционного прогресса и сохраняет свою особую политическую и социальную структуру. Достигнутые результаты представляются поразительными, если принять во внимание, что страна, подчиненная еще в 1914 году средневековому строю, должна была в несколько лет переогнать через целое столетие. Она движется вперед такими гигантскими темпами, что не только догнала то, что имеется наиболее передового в настоящий момент в мире, но и становится авангардом будущего.

Но ей все еще приходится бороться с атавистическими пережитками и, что еще хуже, с пассивным сопротивлением упрямого невежества и трусости. В городе проблема уже разрешена, и теперь это дало возможность очистить его от того небольшого количества отсталых элементов или авантюристов, которые старались затруднить логически складывавшееся положение и в то же самое время поживиться за его счет.

В деревне натиск новой жизни также торжествует, хотя и сталкивается с большим сопротивлением со стороны эгоистически настроенных кулаков. Как это достигнуть? Необходимо, конечно, большое мастерство и искусство править страной, чтобы применять их в жизнь. Этой зимой¹ некоторые деревни жаловались на определенные перегибы в осуществлении правительственных постановлений. Тогда т. Сталин официально опубликовал свое знаменитое письмо, в котором он заявлял, что, действительно, некоторые представители власти на местах «перестарались». Это успокоило крестьян. Мне говорили, что генерального секретаря партии прозвали «Спасителем».

¹ Т. е. зимой 1929/30 года.

Я думаю, что ошибаются в своих надеждах и напрасно теряют время те, кто, живя вне России, считает настоящий момент опасным для дела революции. За тринадцать лет Октября подросло молодое поколение энтузиастов, воспитанное при новом строе, а оно ни за что не допустит не только отступления, но даже простой остановки в пути. Большое число зрелых людей, — так как не надо забывать, что большевизм развился в 1898 году и что ему предшествовало столетие героических усилий и революционной подготовки, — с жаром работает над укреплением того идеала, за который они боролись долгие годы. Другие, сознательно относящиеся к действительности, понимают, что прошлое ушло безвозвратно и что нужно работать для настоящего. Прежде бесчисленное множество людей нуждалось в пище и свете — телесном и духовном. Теперь Советский союз пришел к справедливому распределению этих благ, так как все имеют на них право.

Чистейшей философией было бы полагать, что такие глубокие изменения смогут проходить без затруднений. Старый эгоизм и предрассудки цепляются за прошлое, как мох за скалы, необходимо силой удалить их. Но что из того? В конечном счете революция есть революция, а не менуэт!..

Снова Негорелое. Вежливый осмотр вещей на таможне. Только один крестьянин, едущий с ребенком, подвергается более строгому осмотру.

По представлении первой расписки и последней квитанции на обмен здесь выдают банковским чеком то количество иностранной валюты, — обычно в долларах или марках, — которое соответствует оставшемуся у путешественника количеству рублей.

Мой прежний, т.е. советский, попутчик остается и при въезде в Польшу. В Варшаве везде военщина, как это было и на транзитных остановках. В наше отделение вхо-

дит епископ, средних лет, изысканно одетый, в черном сюртуке, застегнутом до самого верха. Его провожают родственники и ученики. Перед окном вагона выстраивается группа офицеров и солдат; она отдаст честь какому-то высшему чину, входящему в соседнее отделение.

В моих двух попутчиках я вижу не только два разных лица Европы, но и два противоположных мира. Прелат — важный, торжественный, непроницаемый. «Товарищ» — простой и человечный.

Русский остается в Берлине. Наше прощание сопровождается горячим пожатием руки. Куда он отправится? Мне не важно знать, остается ли он в германской столице, или у него другое назначение. Но куда бы он ни ехал, он унесет с собой мое сердечное расположение. Я вижу, как он скрылся среди толпы, вероятно, так же скоро он затеряется и в мире. А что станет со мной? Куда я возвращаюсь? В другую эпоху или на другую планету? Мы остаемся вдвоем с прелатом. Вместе мы продолжаем путь к западу. Мы смотрим друг на друга, как люди, которым нетрудно понять друг друга.

РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ

Если бы меня спросили, что мне больше всего нравится в России, я бы ответил: прежде всего — русская молодежь. Этим самым я вызвал бы нападки многих пессимистов, убежденных в том, что русская молодежь полна пороков, приобретенных ею в период революционного хаоса. Весьма возможно, что развитие многих молодых людей было нарушено теми ненормальными условиями, в которых им пришлось развиваться, но я решительно опровергаю версию о развращении молодежи. Это так же неверно, как утверждение о разрушении семейной жизни в России.

Читатели ¹, наверное, помнят сенсационные сообщения о половой распущенности русской молодежи и те мрачные выводы, которые делались в нашей печати. Я справлялся у самых авторитетных знатоков этого вопроса, которые и сами не утаивали своих опасений относительно нравственного состояния молодого поколения, и каждый раз они отвечали одно и то же: опасность уже исчезла, общей половой распущенности нет, имеются только отдельные ненормальные явления, которые бывали и раньше и кото-

¹ Автор имеет в виду читателей чехо-словацкой буржуазной печати.

рые случаются всюду. Я даже имел возможность услышать авторитетное заявление одного выдающегося педагога о том, что последовательно проводимое совместное воспитание молодежи обоего пола в школах и детских домах сверх ожидания, приносит хорошие плоды.

Конечно, неожиданная свобода могла ударить в голову русской постреволюционной молодежи, и из нее могло вырасти буйное и баловное поколение. Между тем факты говорят о другом — что оно отличается необычайной трудоспособностью. Я проводил целые дни среди школьной молодежи, несколько раз встречался с рабочими-подростками, и ни разу у меня не создалось впечатления, что я побывал среди заброшенных или балованных детей. Возможно, что во время игр и школьных перемен русские дети шумят больше, чем дети других стран; зато они непосредственно и без всякой искусственности проявляли такую ласковость, что покоряли каждого. Не наблюдал я также признаков заброшенности детей и на окраинных улицах.

В полной мере вошло в жизнь революционное нововведение, категорически запрещающее наказание детей в школе, отменяющее систему баллов и задание уроков на дом. Каждый учитель, который бы осмелился наказать ученика, попал бы под суд.

Дети в русской школе с малых лет воспитываются в духе самостоятельности и самодеятельности, они вместе с учителем, хотя бы и в мелочах, пекутся о благополучии школы. Участие русских школьников в общем руководстве школой оправдало себя на деле лучше, чем у нас. Нет человека, который не был бы удивлен, слушая, с каким совершенством четырнадцатилетний школьник, мальчик или девочка, владеет ораторским искусством, наблюдая, какие работы они выполняют вместо учителя и с какой ответственностью они берутся за важные дела.

Заведующая одной московской школой пригласила к себе в кабинет членов ученического школьного комитета и попросила их рассказать мне о своих задачах и методах работы. Два мальчика и одна девочка больше часа рассказывали мне о своих делах; они говорили без смущения, взрослые ни разу не внесли поправок в их рассказ, и в результате у меня получилось полное представление о том, что делают и чего достигли эти восторженные юноши. Надо к этому прибавить, что общественные задачи молодежи не ограничиваются стенами школы, — пионеры принимают участие и в общественной жизни города и села, помогая всюду, чем могут. Летом пионеры-школьники часто живут за городом; они осматривают больницы, электрические станции и в то же время устраивают для крестьян вечера, организуют пионерские отряды из деревенской детворы, помогают крестьянам во время жатвы, на огородах и т. п., — они всюду, где могут принести какую-либо пользу. А в городе, например, пионеры подбирают детей на улице и дают им работу в школьной мастерской или организуют просветительную работу в домах беспризорных. Для неорганизованной детворы они устраивают кино-вечера, живую газету и т. д.

Комитет школьников в наиболее передовых столичных школах состоит главным образом из учеников старших классов. Он разбит на следующие комиссии: рабочую — заботящуюся об учебных пособиях; хозяйственную — ведающую продовольственными делами, — она составляет меню, поддерживает чистоту в помещении, обслуживает буфет; здравоохранения — работающую в контакте с преподавателем физкультуры и с врачом; клубную — ведающую организацией свободного времени учеников, — она устраивает вечера, заботится о работе кружков: литературного, музыкального, шахматного, драматического и хорового.

Если предстоит какая-либо экскурсия, ученики заранее разрабатывают ее программу и готовят все необходимое для дороги, вплоть до проездных билетов. Во многих школах ученики контролируют явку учеников в школу и сами опрашивают потом опоздавших или не явившихся. Часто они сами руководят школьной читальней и библиотекой; учитель при этом только помогает советами или наблюдает за ходом работы. В сельских школах ученики ведут учет имущества и всю организационную работу без обслуживающего персонала, причем дежурство несут поочередно. В Яснополянской школе мы нашли кооперативную столовую, которой руководили школьники. Мы в ней получили хороший чай с закуской, и комиссар просвещения наравне с нами платил ученикам пятак за каждый выпитый стакан чаю. В других школах мы видели учеников, продающих бумагу, тетради, карандаши и другие школьные принадлежности.

Задача школы состоит в том, чтобы ученики воспитывались в здоровой общественной атмосфере, чтобы они приобретали навыки самопомощи и коллективного сотрудничества и, главное, были подготовлены к современным задачам и по выходе из школы оказались полезными работниками. В сельских, например, школах учеников обучают, как планировать и строить дороги, как пахать, как поднимать урожайность отдельных злаков, как улучшить огородное хозяйство и т. п.

Новое явление России — все увеличивающееся внимание к физкультуре. Неоспоримо, русские при своих силах выдвигаются на международной арене как спортсмены. Молодежь теперь больше заботится о собственном здоровье, чем раньше, и часто благодаря школе вносит новые гигиенические навыки в семью.

Некоторые русские нововведения найдут себе применение и в других странах. Это, прежде всего, стенные газеты,

так как они остроумно составляются и иллюстрируются карикатурами. Такие газеты вы найдете почти в каждом здании, где сходится молодежь, — обычно в коридоре или там, где больше всего бывает народу. Стенные газеты уже имеют определенную форму, они пестрят остротами и шутками, отмечают каждое значительное событие в жизни молодой «общественности» и не щадят даже своих учителей; нужно признаться, что в России умеют подметить комичные стороны, и часто даже сами пострадавшие смеются шуткам над собой.

Другая новость, получившая в России всеобщее распространение, — живая газета. Это весьма динамичная форма пропаганды очередных кампаний, подаваемая весьма остроумно. Живые газеты, являясь интересным развлечением для подростков, служат важным идейным оружием пионерского движения.

Всюду обращается внимание на то, чтобы молодежь привыкала к коллективной работе, чтобы были устранены нездоровый индивидуализм, зависть, излишнее соперничество и вместо этого привиты стремления к сотрудничеству и солидарности. Особенно сильно эти новые взгляды прививаются в организациях старшего возраста, в комсомоле.

Я обратил внимание на одну заметку, помещенную в «Комсомольской правде». Она следующего содержания:

«ТВЕРЬ ВЫЗЫВАЕТ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК

Тверская губернская комиссия комсомола вызывает организацию комсомола и пионеров Иваново-Вознесенска на социалистическое соревнование по культурной пропаганде. Тверская организация поставила перед собой следующие задачи: закрыть 10 пивных и спиртных лавок и вместо них открыть чайные. Обратиться с вопросом к губернскому исполкому, нельзя ли сделать надбавку на пиво и водку, чтобы полученный излишек передать школам.

Организовать 100 ячеек общества трезвости. Организовать массовую покупку зубного порошка, щеток, мыла и гребенок. Обучить в городе всех неграмотных, а в деревне— 1000 батраков. В рабочих кварталах установить 200 радиоаппаратов. Через губернский отдел союзов открыть в Твери кино. Организовать дружину по борьбе с хулиганством. Организовать несколько культурных вылазок в деревню. Проработать на собраниях молодежи и взрослых вопрос о проведении кампании ликвидации неграмотности».

Всякая возможность падения нравственности среди молодежи предупреждается тем, что ей поручается работа величайшего значения и этим направляют ее энергию по весьма полезному для общества пути. Сравните с этим положение у нас, где молодежь может заниматься только спортом и где здоровое общественное воспитание, воспитание путем полезной работы, еще не получило своего развития.

1929 г.

«ПРЕСТУПНИКИ» В «МОНАСТЫРЕ»

Наша лодка задержалась у шлюза. Мы используем остановку, чтобы поговорить со сторожем.

— Не забудьте зайти в ГПУ.

— Где же в этой пустынной местности может быть ГПУ?

— Когда проедете шлюз, в двух верстах от него увидите налево большой монастырь. Это и есть ГПУ.

Пейзаж носит здесь почти степной характер. Расцветившая осенью трава тянется до самого горизонта. Высоко над красочными пятнами зелени поднимается большая группа зданий, белых, как призраки. Кажется, что у могучего купола — громадный красный глаз. Смотрим в бинокль — и этот глаз мгновенно превращается в красную советскую звезду. Купол монастырской церкви делается похожим на красноармейский шлем.

Ветер стих. Наша парусная лодка медленно приближается к монастырю. Встречаем моторку. Рабочие парни выехали на вечернюю прогулку. Они с интересом смотрят на нашу лодку, мы — с таким же — на них. Так бывает всегда, когда на воде встречаются две лодки. Однако в данном случае мы имеем основание для любопытства. Здесь, в этой глуши, моторная лодка — необычайное явление.

Вскоре мы видим еще более поразительные вещи. На красной глине берега, в некотором отдалении, вырисовывается водная спортивная станция.

«Естественно, — думаем мы, — здешние работники ГПУ, как и московские, — страстные любители водного спорта, вот они и устроили эту станцию».

На станции нас встречают несколько молодых людей, вступающих с нами в беседу. Мы узнаем, что они живут в монастыре; они приглашают нас туда. Между тем высаживаются на берег и присоединяются к нам парни из моторной лодки. По дороге эти молодые люди обещают показать нам фотографический кабинет, клуб и многое другое.

Темнеет. Высокие белые башни монастыря показывают нам дорогу. Степа монастыря бесконечна. До революции в нем жило четыреста монахов. Они коротали время в молитве, попутно вымогая что возможно у окрестного населения. Пышность и обширность зданий говорит о том, что это было выгодное дело и что они его прекрасно вели.

Никто здесь, кроме нас, трех немцев, не думает больше о прежней монастырской братии. Рассказы на эту тему нам удается вызвать лишь после настойчивых расспросов. Рассказчики не понимают, почему мы интересуемся монахами, а не фотографическим кабинетом, который гораздо ближе их сердцу.

Русский не может принять гостя, не угостив его чаем. Поэтому понятно, что прежде всего мы очутились в столовой. Там жизнь в полном разгаре. Ужинают. Лапша с вареным мясом — первое блюдо, рыба с картошкой — второе; на третье — кисель, чай, пирог с капустой. Нам предлагают закусить. Мы платим по 65 копеек за ужин. Наш хорошо натренированный «морской» желудок поглощает это меню с трудом. Русские — лучшие едоки.

После ужина в их желудках находится еще место для пяти стаканов чая.

К нам подходит бывший австрийский военнопленный. Он рад возможности через столько лет поговорить на своем родном языке. От него мы узнаем, что окружающая нас молодежь — воспитанники ГПУ. Хотя парни, окружающие нас и слушающие наш разговор, и не понимают немецкого языка, на котором говорит австриец, все же по тем удивленным взглядам, которые мы бросаем на них, они догадываются, что мы дошли до корня вещей. Немедленно нас начинают расспрашивать, как организованы аналогичные учреждения в Германии. Но мы не можем ответить сразу, не понимаем все-таки, о каких учреждениях идет речь. И мы спрашиваем австрийца:

— Товарищ, ведь эти люди говорили нам, что они живут в монастыре и зарабатывают как токари, механики и сапожники от ста двадцати до двухсот рублей...

Загадка быстро разрешается. Нам предлагают осмотреть мастерские. Самое замечательное — как чувствуют себя здесь эти воспитанники. Они показывают нам не предприятие вообще, а свое предприятие. Мы совершенно случайно встретили этих людей на берегу Оки, они не могли заранее знать о нашем приезде. Поэтому мы полагали, что нам прежде всего нужно будет представиться в дирекцию или контору, чтобы получить разрешение на осмотр мастерских. Но главное — при чем здесь все-таки ГПУ? Мы еще ни одного человека не видели в знакомой форме ГПУ.

Австриец продолжает объяснения:

— Вся эта молодежь прислана сюда Московским ГПУ. Все они сбились с пути, т. е. каждый имеет в прошлом кражу или что-либо в этом роде. По австрийским или германским законам они должны были бы предстать перед судом, а затем попасть за решетку. А здесь они еще за-

рабатывают деньги, и некоторые имеют больше, чем я, старик. Я присматриваю только за лошадьми, а они как высококвалифицированные рабочие стоят у машин.

Мы входим в зал, установленный совершенно новыми немецкими токарными станками. Работают по-сменно, как почти на всех советских предприятиях. Вытачивается чрезвычайно тонкая и сложная арматура. Дело идет очень быстро. Юношеские пальцы двигаются быстро и легко, легко выработывая двести рублей в месяц.

— На что идет эта продукция, для чего она предназначена?

— Подождите, товарищ, мы вам все покажем.

Мы в монтажной мастерской инкубаторов. Их здесь собирают, и для них вытачивается арматура. В таком инкубаторе могут одновременно увидеть свет 50 тысяч цыплят. В каждом из них полочки, и на каждой полке лежит по сотне яиц. В маленьких печах поддерживается ровная температура. Инкубатор, по существу, совсем простая машина. Снаружи он похож на большой ящик с полочками. В среднем в день здесь выпускается одна машина. Инкубаторы посылаются отсюда на Кавказ. Там лучший климат для куроводства.

Другая часть воспитанников работает на обувной фабрике. Здесь тоже новейшие машины. Средняя суточная продукция — 500 пар. Царит полнейшая чистота, столь необычная на обувных фабриках. Зарплата исчисляется по тарифной сетке и достигает полутора ста рублей в месяц.

Молодежь настаивает, чтобы мы осмотрели фотокабинет. Все, что там видишь, создано любителями на ничтожные средства. Но юноши гордятся им. Они сделали массу снимков; снимки главным образом технического характера — различные моменты производственных процессов.

Имеются и охотничьи сценки: засняты собственные приключения на охоте за дикими утками, которые водятся в изобилии здесь на берегах Оки.

Бедный Лампель!¹

В России тебе не удалось бы написать свой «Бунт в воспитательном доме»!

¹ Петер Мартин Лампель — левый германский писатель, написавший пьесу «Бунт в воспитательном доме». Пьеса написана автором на основании собственных наблюдений в качестве воспитателя в одном из германских воспитательных домов и является резким протестом против буржуазной системы воспитания. (Прим. сост.).

ПКнО

В Советском союзе каждый день — рабочий, и каждый же — праздник. Ежедневно четыре пятых московского населения — в простом рабочем платье, а одна пятая — в праздничных нарядах. Рабочие в прозодежде сидят рядом с молодыми работницами, одетыми в легкие белые платья, едут за город — в дачные местности или в Парк культуры и отдыха. Здесь, в Европе, мы не можем составить себе правильное представление о величии этого парка и объеме работы этого единственного в своем роде культурного очага. Может быть, мертвая цифра — 600 гектаров — поможет некоторым представить себе размеры его обширной территории, раскинувшейся на несколько километров по берегу реки Москвы. Или другая цифра — 2000 работников-добровольцев поддерживают порядок в этом парке.

Ты заплатил 15 копеек, и это дает тебе право провести в парке весь день — с раннего утра до позднего вечера. Идешь по широкой тенистой аллее с рядами скамеек, окруженных пальмами. Направо и налево — театр и кино. Напившись нарзану в маленьком павильоне, мы начинаем осмотр парка.

Люди непрерывным потоком вливаются через ворота в парк. Перед павильоном, среди великолепных цветочных

клумб, собралась группа молодежи. Они непринужденно и весело поют, танцуют, смеются. Несмотря на то, что ты не понимаешь их языка, хочется смешаться с их толпой. И неожиданно для самого себя, покоренный весельем и очарованием юности, которыми сияют лица молодых русских товарищей, начинаешь петь вместе с ними.

Но мы хотим осмотреть парк, мы отделяемся от этой веселой группы; предоставленные самим себе, бродим между великолепными цветочными клумбами, среди павильонов. Вот там — павильон, в котором ведется пропаганда физической культуры. На другой стороне — павильон, перед которым в воздухе модель воздушного корабля. Внутри этого павильона таблицы, диаграммы, фотографии знакомят посетителя с воздухоплаванием и его значением для Советского союза.

Мы идем вдоль берега Москва-реки. Река наводнена шумящими моторками, быстроходными шлюпками и гребными лодками. В тени высоких густых деревьев, в зеленых долинах и на тенистых холмах разбросаны большие павильоны для отдыхающих. Здесь тишина и покой, здесь, действительно, настоящий отдых.

Выйдя из леса, мы видим слева ряд каменных скульптур, напоминающих нашу берлинскую «Аллею побед». Да, и эти маленькие памятники — аллея побед, с той только разницей, что они изображают не грабителей-князей, а выдающихся ударников, пионеров социалистического труда и победителей в борьбе за пятилетний план. Эта «Аллея побед» еще не закончена. Она ведет вдаль, в будущее социалистическое общество.

Вот высокая трибуна. Перед ней амфитеатром поднимаются сотни рядов для зрителей. Здесь можно поместить двадцать и даже сорок тысяч человек. Здесь происходят массовые митинги. Ежедневно здесь играет красноар-

мейский оркестр, показывают агитационные постановки и театральные спектакли.

У берега Москва-реки стоит отжившее свой век военное судно; теперь оно служит московской молодежи как учебное. За судном находятся новые купальни, к которым примыкают приветливые помещения спортивного клуба.

Вот отчаливает от берега широкая гребная лодка. Гребут двадцать молодых, сильных загорелых юношей и девушек. Посредине стоит девушка и выкрикивает в рупор слова команды. На другом берегу видны флаги огромной водной станции «Динамо».

Вечером мы возвращаемся другой дорогой. Повсюду горит электричество. Вдалеке раздаются звуки красноармейского оркестра. На всех дорожках и площадках танцуют. Не успеваешь оглянуться — и тебя уже затащили в круг, и ты должен танцевать, петь и смеяться вместе с ними, сколько бы ты ни сопротивлялся. Да ты и не сопротивляешься; ты забываешь, откуда ты пришел, забываешь, что ты только в гостях у народа, который завоевал и умеет хранить эту свободу и это право на безграничную радость и веселье.

1931 г.

ДВА ФРАНЦУЗА-СПЕЦИАЛИСТА В СССР

Я познакомился с ними обоими: с Л. Руэстом — в Краснодаре, в Кубанском экспериментальном агрономическом институте, с Эрнестом Совионом — в Темпельгофском совхозе при деревне Прикумской, в районе Минеральных Вод.

Не проходит дня, чтобы буржуазная печать не жаловалась на трудности, с которыми приходится сталкиваться иностранным специалистам, работающим в СССР. Поэтому возможность побеседовать с двумя такими «жертвами» показалась мне весьма соблазнительной.

Они уже не молоды. Одному — 58, другому — 60 лет. Следовательно, пора юношеских увлечений для них миновала. Первый в СССР — всего год, второй — 33 года. Таким образом они являются представителями кадров совершенно различного типа: недавнего «ввоза» и прежнего, еще царского времени. Наконец, второй — коммунист, а первый — Люсьен, Руэст — беспартийный, — энергичная крупная голова, резкие черты лица, жесткие седые усы, тип низкорослого коренастого француза, горящие глаза.

— Я старый парижанин, — говорит он, — бывший ученик Высшей агрономической школы, бывший препода-

ватель и заведующий отделением практики в земледельческой школе. В начале войны я поселился в Провансе, где пытался акклиматизировать сою, — растение, необычайно богатое питательными элементами, могущее снабжать промышленность казеином, растительным маслом, маргарином и еще целым рядом подобных продуктов, годных для корма скота. Но что я мог сделать во Франции, на участках величиной с носовой платок? А в СССР значение сои поняли, — ведь до сих пор внимание на манчжурскую сою и на снабжение ею Дальнего Востока обращала только Англия.

...Меня выписали, я приехал, привез с собой полтора сорта и сразу же приступил к работе. Сначала в Ростове, потом здесь, на Кубани. Мне оказывали всяческое содействие, и я смею утверждать, что с 1932 года я смогу засеять соей 1500 гектаров, а семена ее можно будет затем переправить из Украины в Сибирь через Воронеж, Саратов и Оренбург. Согласно намеченному плану, через несколько лет соей будет засеяно до десятка миллионов гектаров, и советская соя сможет победоносно конкурировать с манчжурской и снабжать целым рядом нужных веществ химические заводы СССР.

— А вам не приходилось наталкиваться на трудности?

— Конечно, пришлось. Но что значат эти трудности в сравнении с огромными усилиями всей страны и с грандиозностью поставленных задач! Спросите русского рабочего, согласен ли он, чтобы в СССР было на несколько миллионов рубашек меньше, но зато одним трактором больше, и вы увидите, что он предпочтет трактор. И потом — многие продовольственные затруднения этой зимы преодолены. На массовый убой скота, которым кулаки ответили на коллективизацию, советская власть ответила политикой систематического развития животно-

водства, созданием огромных совхозов для разведения свиней и кормовых трав для скота. Кроме того вокруг городов устроены гигантские коллективные огороды, чтобы обеспечить снабжение кооперативов овощами, и в будущем году частник уже не сможет с ними конкурировать. И если теперь на рынке яйца продаются по 36 копеек за штуку, то рабочий платит за яйцо в кооперативе всего 6 копеек, — дешевле, чем во Франции. Что же касается затруднений чисто технического характера и, так сказать, бюрократического порядка, то я очень скоро постиг основную причину. Я встретил сильную оппозицию только со стороны саботажников и остатков вредительских элементов. Бюрократическая медлительность аппарата — ничто в сравнении с двусмысленными мерами, с абсурдными предложениями, с оскорбительным апломбом этих людей...

— Считаете ли вы, что вредительство окончательно ликвидировано?

— Еще не вполне. Но реальный ущерб от него сведен к минимуму, так как специалисты находятся под контролем масс.

— А молодежь?

— Молодежь — превосходная, только времени у нее мало... И доучивается она уже на практике. Но плановый труд, втягивающий всех и каждого, является в конце концов наилучшей школой. Главной пружиной неукротимого развития советской производительности и служит такой план, при котором каждый трудящийся отчетливо определяет круг своей деятельности и степень ответственности. Таким образом новейшая техника сочетается с сознательной социалистической, насыщенной энтузиазмом работой. Вот она — новая жизнь. Передайте же французским крестьянам и рабочим, что старый французский агроном сожалеет лишь о том, что не может прожить

второй жизни, чтобы отдать ее на строительство нового, социалистического мира...

* * *

В глубине Северного Кавказа, между тремя колхозами: немецким, татарским и цыганским, у подошвы Верблюжьей горы лежит совхоз Темпельгоф. После однообразия ржаных полей он кажется оазисом.

Эрнест Совпон, специалист по производству коньяка, работает в этом совхозе. Совпон — типичный винодел, маленький, кругленький, румяный, плотный, с блестящими глазами и губами гурмана. Он родился в коньяке и даже говорит с коньячным акцентом.

В сравнении с молодым русским директором и двумя его помощниками — поляком и немцем — Совпон безусловно самый квалифицированный и самый тонкий знаток и ценитель коньяков.

— Вчера, — говорит он, — мне минуло шестьдесят лет. Вот уже тридцать три года как я в России, и двадцать два — как работаю в Темпельгофе. Вы ведь находитесь, граждане, в бывших подвалах «Удельного ведомства»...

— Значит, вы были здесь во время революции?

— Да, здесь происходили бои, было ужасно.

— Вам пришлось много вытерпеть?

— Нет... меня все знали, — ни дом, где я жил, ни членов моей семьи не тронули... Но коньяк... Подумайте, граждане, только о коньяке. Мои коньяки! Моя «библиотека», — «библиотека» в России в своем роде единственная... И коньяк 1902 года! Чего только я ни натерпелся! Белые выпили у меня не одну бочку, да и красные тоже пригубили моих коньяков. Но революция не терпит пьяниц. И вот одному красному комиссару пришло в голову взорвать коньяк, и он его взорвал. Кляпуюсь жизнью! Миллион декалитров:

— Что ж, мера суровая, но разумная, — отозвался я.

— Это было величайшим горем в моей жизни, — и все-таки я понял этого человека: ведь революция не терпит пьяниц.

— А вам не хотелось после этого уехать?

— Нет. Я слишком люблю свое дело. Хозяином сделался народ, и я решил служить ему.

— Ну, а теперь?

— Теперь я могу осуществить здесь то, о чем до революции и мечтать не приходилось. Теперь все пошло ускоренным темпом.

— Скоро-то — скоро, но хорошо ли? — полюбопытствовал я.

— Да, вполне хорошо. У нас есть машины, которых мы раньше и в глаза не видели. Площадь виноградников с каждым годом расширяется. В этом году в совхозе будут возделаны еще семьдесят гектаров. Германия требует во что бы то ни стало наших вин и коньяков. Каждый год к нам приезжают практиканты из Владикавказского техникума. Вот энтузиасты! Я посвящаю их в секреты производства и развиваю в них умение различать тончайшие оттенки вкуса и букеты вин.

— А рабочие? Живется ли им лучше, чем прежде?

— Вы еще спрашиваете! Я видел их невежественными, забитыми, угнетенными. Они получают больше, чем до революции. К тому же социальные преимущества. Наконец, мы имеем дело уже не с автоматами, но с сознательными сотрудниками, талантливыми и изобретательными в выполнении плана. Они знают, что работают для самих себя.

— Вы не собираетесь вернуться во Францию?

— Нет, не собираюсь. Мне предлагали место с окладом в 1000 рублей, да я отказался. За ваше здоровье, граждане, и да здравствует пятилетка!

Вот как со мной говорили в мае 1931 года два французских специалиста-сельскохозяйственника, один — перед полями сои на Кубани, другой — в кавказских подвалах под Верблюжьей горой.

Если вы хотите расспросить их подробнее, напишите им.

I. СПАСЕНЫ

На борту «Красина» некогда было предаваться выражениям радости по поводу спасения Чухновского и обнаружения группы Мальмгрена. Короткий разговор между Самойловичем, Эгги и Орасом — и затем приказ идти дальше. Уже в течение двух дней наблюдалось некоторое разрыхление льда. Западно-юго-западные и юго-западные ветры образовали в ледяных полях прорывы, по которым «Красин» мог пробираться вперед.

Со всей возможной поспешностью был убран мостик, который был сооружен для спуска самолета. Заработали машины, и в 10 час. 50 мин. началась борьба со льдом. Держа курс на острова короля Карла, «Красин» пробирался по тем местам, где лед был наиболее слаб. Скорость движения все время менялась, часто приходилось делать зигзаги. Только выберется из одного мелкого поля, а его уже ждет другое. Лед, точно тысячеголовая гидра, не хотел сдаваться без боя. Он выдвигал все новые преграды, ледяная пустыня казалась бесконечной. Но «Красин» ломал лед кусок за куском, раздавливал своим весом глыбу за глыбой, метр за метром разрезал лед. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. «Красин» делал больше, чем от него можно было требовать. Авария его

ослабила, и теперь прокладывало себе путь сквозь лед большое судно. В течение двух часов «Красин» сделал 200 метров. Капитан был тверд. Он решил израсходовать весь запас угля, оставив лишь 1000 тонн — количество, необходимое для возвращения в Кингсбей, и всеми средствами пробивать дорогу среди льдов.

В 7 часов вечера мы увидели полярного медведя, который играл на льду с двумя медвежатами. «Красин» двигался вперед карликовыми шагами, и мы решили использовать время и поймать медведя живым. На палубе разместились 20 стрелков, медведицу застрелили, а медвежат окружила цепь из двадцати людей, спустившихся на лед. Медведи попытались удрать. Подойдя ближе, мы увидели, что они совсем не так юны. Они приготовились к обороне, и их пришлось застрелить. Медведицу, огромное животное с желтоватой шкурой, втащили на борт.

Наступило 12 июня. Лед стал тоньше, сопротивление его стало слабее. «Красин» приближался к указанному Чухновским месту. Профессор Самойлович объявил, что тот, кто первый увидит несчастных, получит премию в 100 рублей. Весь экипаж собрался на палубе, внизу остались только кочегары и машинисты. Руководители экспедиции и командный состав стояли на капитанском мостике. Вахтенный матрос напряженно смотрел вперед. Все искали три точки в этом море льда, три маленьких черных точки. Глаза отказывались служить, близна снега вызывала слезы, и все-таки люди продолжали высматривать черные точки.

Премию заработал помощник капитана Брейнкопф.

— Я вижу их! — крикнул он вдруг.

Все устремили взгляды в указанном им направлении. Да, там, ^вдалеко, движущаяся точка. Медленно приближается ее подзорная труба. Человек машет руками. Они поднимаются и опускаются. Какие-то странные движения.

«Красину» понадобилось 80 минут, чтобы приблизиться к ледяной глыбе, на которой стоял человек, делавший нам знаки. Пришлось пройти расстояние в 200 метров. Когда мы подошли ближе, стало возможно разглядеть и второго человека, который лежал на льду. Мы видели только двух. А два дня тому назад Чухновский нашел трех. Где же был третий?

«Красин» замедлил ход. Перед ним лежала глыба льда размером приблизительно 10 на 8 метров. Она была перерезана многочисленными трещинами и расщелинами. Потерпевшие крушение обвязали глыбу канатом, чтобы она не развалилась. Снег таял на солнце. На льду было два человека. Один, как одержимый, бегал взад и вперед и делал знаки, которые должны были привлечь внимание «Красина», не дать ему уйти дальше. Лед был очень ломкий, ледокол мог легко разломать глыбу. Экипаж спустил трап на лед. Осторожно перепрыгивая со льдины на льдину, приближались к потерпевшим крушение врач Средневский, штурман Брейнкофф, механики Филиппов и Наянов, секретарь экспедиции Иванов и пять матросов.

Один из пострадавших, рослый, сильный человек в шубе, жестикулировал, как безумный. Это был капитан Цаппи. Он разобрал название судна и непрерывно кричал: «Красин!» Потом он вспомнил слово «товарищ», которое до сих пор появляется в фашистской прессе исключительно в насмешливых кавычках. Капитан Цаппи приветствовал приближающихся. «Товарищи!» — ликовал он. Насмешливый оттенок этого слова исчез, «товарищ» означало теперь спасение жизни, возвращение в мир.

Второй лежал во впадине на льду: он был защищен снеговой стеной. Он лежал на обрывке одеяла, на нем была рваная и тонкая одежда, колени были голы. Это был капитан Альберто Мариано. Метрах в пятнадцати от него лежала пара штанов. Из полотняных тряпок на льду

были выложены слова на английском языке: «У нас испици. Цаппи и Мариано».

Капитан Цаппи не производил впечатления сильного истощенного человека. На ходу он слегка опирался на Иванова, бодро прошел он по доскам, по льду прошел без особъх затруднений. По трапу он взобрался без посторонней помощи.

Мариано пришлось нести на носилках. Он лежал на них совершенно беспомощный, только в глазах еще слабо теплилась жизнь. Это был человек, в последнюю минуту вырванный из когтей смерти.

Брейнкоф в кратких словах описал спасение обонх итальянцев в корабельном журнале «Красна». Я считаю, что их нужно привести здесь.

«5 час. 20 мин. Я заметил на льду, по компасу в направлении примерно 160° (к востоко-юго-востоку), черную точку. Взяли на нее курс. Через несколько минут выяснилось, что это человек, машущий руками. В 6 часов мы подошли к людям, находившимся на льдине. Это были два итальянца, Мариано и Цаппи. По их словам, Мальмгрен умер месяц тому назад на острове Брок. В момент снятия они находились на $80^{\circ} 39'$ северной широты и $26^{\circ} 7'$ восточной долготы».

В 8 часов пошли дальше, на поиски группы Вильери. Филиппо Цаппи отвели в офицерскую кают-компанию. Он опустился в глубокое кресло и закричал, чтобы ему дали есть. Его широкое лицо было опущено черной растрепанной бородой, в глазах светилась голодная жадность. По внешнему виду он был похож на больного человека. В грубых чертах его лица выражалась упорная воля к жизни; лишения последних недель оставили лишь слабые следы. На нем было три костюма и две шубы, на ногах поверх ботинок толстые меховые сапоги. Цаппи был хорошо защищен от холода. На его смертельно больном

оварище — Мариано — было лишь несколько тряпок, из которых торчали голые колени.

Самойлович первый задал вопрос, который волновал всех: «Где Мальмгрен?» — «Мальмгрен умер месяц тому назад, это был прекрасный человек», — очень быстро ответил Цаппи. Кажется, он произнес заученную фразу. Потом Цаппи рассказал историю свою и Мариано. Помощник капитана Легздинь записал его рассказ. Я привожу эту запись здесь без всяких сокращений или изменений.

«Через две недели после аварии у нас еще не было никакой связи с внешним миром. Мы слышали разговоры по радио, но нас не слышал никто. Однажды нам удалось поймать сообщение, что «Читта-ди-Милано» и «Браганца» предполагают направиться на поиски к северу от Шницбергена до Нордкапа. Мальмгрен выразил готовность отправиться навстречу «Браганце» в направлении к Нордкапу. Я и Мариано были готовы следовать за ним. Итак, мы двинулись в направлении к юго-западу. У нас было только 7 килограммов шоколада; больше не было ничего. Мальмгрен захватил с собой компас. Двигаться по неровному, изрытому льду было очень трудно. Мы шли очень медленно. Нам не удалось добраться до берега, так как ветер разломал лед и гнал его от берега; все-таки мы были совсем близко от острова Брок; здесь мы видели примерно десять самолетов, которые пролетали вдоль берега. Когда мы дошли до острова Брок, Мальмгрен заявил, что ему очень трудно идти дальше из-за перелома ключицы, и просил нас оставить его здесь, забрать его провиант и самим быстрее идти дальше. Мы так и сделали. Мальмгрен передал мне свой компас с просьбой переслать матери. Мы с Мариано отправились в путь. Наши запасы вскоре истощились, и мы начали голодать. Наши револьверы мы бросили еще раньше, так как любая тяжесть затрудняла наше передвижение; таким образом у нас не было никакого оружия, которое дало бы нам возможность охотиться на полярных медведей или другую дичь. Заболел Мариано: он отморозил себе ногу, и силы его иссяка-

ли. Мы безуспешно пытались ловить чаек при помощи кальясон. 10 июля мы вдруг услышали шум пролетающего самолета. Мы были очень удивлены, увидев русский аэроплан, кружившийся над нами в воздухе. Вскоре мы убедились, что нас заметили. Мы поняли, что аэроплан полетел за провизией и что мы скоро ее получим. На другой день аэроплан не появлялся, и наше настроение стало очень подавленным. На третий день, т. е. сегодня, Мариано сказал мне, что ему кажется, будто он слышит, что где-то движется пароход, лед как будто тремит. Вскоре после этого мы услышали вашу сирену. До этого сигнала мы вас не видели, и возможно, что без сирены и вы проехали бы мимо, не заметив нас. Когда я услышал сирену, я взобрался на верхушку льдины, чтобы вы могли меня видеть. Мариано разрешил мне съесть его, если он умрет».

Этими словами Цалпи закончил свой рассказ. В это время врач прислал кофе и бисквиты; итальянец проглотил все и попросил еще; он ел, пока врач не запретил.

Положение Мариано было опасно. Средневский сомневался, что он оправится.

II. «МОНТЕ СЕРВАНТЕС»

«Монте Сервантес» — туристский пароход Гамбургско-южноамериканского пароходного общества, обычно плавающий в северных водах. В июле он находился в полосе вечных льдов. На борту было полторы тысячи пассажиров. Лоцман недостаточно знал фарватер. Капитан попробовал — вопреки установленному обычаю — пройти помосу льдов быстрым ходом. «Монте Сервантес» не был приспособлен к борьбе со льдом, и льдины сделали в нем пробоину: Трюм погрузился в воду. Капитан посылал по радио отчаянные вопли о помощи. Пассажиры впали в панику, положение было крайне угрожающее. Приготовляли спасательные лодки. Помощи ожидать неоткуда было.

«Красин» отдыхал в Кингсбее всего несколько дней. Несмотря на равнодушие итальянцев, он хотел отправиться на поиски Амундсена и группы Алессандри. Экипажу в течение нескольких дней было разрешено сходить на берег. Затем «Красин» снова отправился в путь по направлению к норвежской гавани, где он должен был взять уголь.

Самолет Чухновского был спущен на берег. Самолет должен был дожидаться «Красина» в Кингсбее. В Белзунде до «Красина» дошли призывы «Монте Сервантес». Это было 24 июня. «Красин» моментально изменил направление и через восемь часов подошел к тонущему кораблю.

Трюм был весь под водой. Пассажиры частью находились уже в спасательных лодках, частью — еще на верхней палубе. Форштевень имел осадку в 30 футов, корма — 20 футов. «Красин» пришвартовал к «Монте Сервантес», и водолазы немедленно принялись за работу. Пробойна — шириною в два и длиною в три с половиной метра — была со стороны штирборта на глубине 30 футов. Капитан предполагал, что есть пробойна и на бакборте. Водолазы, действительно, обнаружили ее. Она была той же величины, что и первая.

Насосы были приведены в действие, экипаж «Красина» работал неутомимо. Осадка судна была уменьшена на 11 футов. Балласт — песок — частью выбросили в море, частью погрузили на «Красина», всего около 400 тонн. Корабль поднимается. Можно начать работу на корме — сначала с левой стороны. Вставили железную пластинку, состоящую из четырех частей, покрыли ее цементом, — и пробойна закрыта. Так же поступили с правой. Опасность для «Монте Сервантес» миновала.

Работы продолжались десять дней. Потом «Красин» взял снова прежний курс и медленно пошел вперед — так,

чтобы за ним мог следовать «Монте Сервантес». Брейинкоф вел «Монте Сервантес» по следам «Красина».

Из Гаммерфеста путь Красина лежит дальше на Ставангер, куда он и приходит 11 августа. Навстречу советскому ледоколу выезжают на убранном цветами пароходе делегации. Город разукрашен по-праздничному. Весь Ставангер на ногах. Забыта на день борьба, которую ведут буржуазные королевства и республики против государства рабочих и крестьян. «Красин» совершил большой подвиг. Население Ставангера преклоняется перед ним. Завтра борьба начинается снова, как будто рейса «Красина» и не было.

НА ЗАЩИТУ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

КАРЛ КАУТСКИЙ И РУССКИЙ ВЕРБЛЮД

24 года назад я выпустил брошюру под заглавием: «Война. Манифест против нее». Эта брошюра была воззванием к социалистическому движению всего мира для оценки опасности войны и для принятия определенной программы по отношению к ней. Моей мыслью было, что социалистические организации различных наций должны сами создать международное движение за мир, приняв общую программу и обязавшись революционно действовать для предупреждения войны одной нации против другой. Этот документ был подхвачен социалистическими и антиимпериалистическими организациями многих стран и пущен в обращение в миллионах экземпляров.

Я встретил сочувствие социалистических вождей всех стран, кроме одной, и это была Германия. Карл Каутский, признанный духовный вождь германской социал-демократии, написал мне несколько писем с объяснением причин этого. Сущность его заявления была та, что германская партия ничего не может сделать, а потому и не хочет пытаться сделать что-нибудь. Если бы она попыталась предотвратить войну, то их организация была бы сметена с лица земли. «Но, — сказал г. Каутский, — после войны, особенно после неудачной войны, настанет наш час».

В 1912 году я посетил Германию и обсуждал этот вопрос со многими социалистическими войдами, включая Каутского, его жену и его сына. Их ответ был всегда один и тот же: они требовали неудачной войны, и этот фактор представлялся решающим и для меня в начале 1917 года, когда я должен был установить позицию по отношению вступления Америки в мировую войну. Тов. Каутский переменял тем временем свое мнение и уже не желал неудачной войны; но я думал, что он ее достигнет, и, как вы знаете, она досталась на его долю.

РЕВОЛЮЦИЯ ПРОИСХОДИТ В РОССИИ

Социалистическая революция произошла в Германии, но эта страна в настоящее время является капиталистической республикой, как и Соединенные штаты. Однако социальная революция, которую Каутский как марксист предсказывал и для которой работал всю жизнь, совершилась не в его стране, где ее ожидали: она совершилась в России, — в стране, которая, по формуле Маркса — Каутского, еще не созрела для нее и не могла использовать ее успешно. Таким образом т. Каутский обнаруживает, что история идет не по тому пути, который соответствовал бы его формуле, и он стоит лицом к лицу с мучительной проблемой о приспособлении своего мышления к фактам.

Результаты его стараний лежат перед нами в виде только что выпущенной книги «Большевизм в тушике». Читая ее, я все время вспоминал про глупую историю об одном фермере, который пошел в цирк и в первый раз в своей жизни встретился там с явлением, известным под именем верблюда. Фермер смотрит на него сначала с одного боку, потом с другого, чешет голову и наконец возвещает свое мнение: «Нет такой скотины». Каутский,

встретив животное — большевизм, говорит, что его не может быть на свете. Глава за главой он описывает «чудо-вищные», «фантастические» и «невозможные» факты и делает один вывод: «Если Ленин прав, то работа всей моей жизни, посвященная пропаганде, применению и дальнейшему развитию идей великих учителей Маркса и Энгельса, была напрасна».

Книга была выпущена в Германии осенью 1930 года, но предисловие к английскому и американскому изданиям доводит комментарии до весны этого года и ясно показывает, что хороший урожай прошлого года и коллективизация половины крестьянских хозяйств представляют для Каутского не больше, чем все, что совершается в России. Он все еще полагает, что «массы гибнут от голода и нищеты». В то время как деловые люди остального мира ломают себе головы, что сделать с русским «демшиггом», т. Каутский находит возможным расправиться с русскими одной фразой: «Этот излишек, конечно, не был таков, как обещано в плане, потому что это невозможно».

«УНИЖАЮЩАЯ» КНИГА

Карлу Каутскому 77 лет, и в таком возрасте очень тяжело признаться, что «работа всей жизни была напрасной». Но у остального мира впереди будущее, и ему надо вынести решение относительно советского эксперимента. Если бы началась война со стороны капиталистических наций с целью уничтожить этого упрямого большевистского верблюда, то эта проблема встанет перед человечеством как самая насущная проблема. Поэтому напечатание такой книги, как эта, человеком, признанным «передовым марксистским теоретиком нашего времени», и перевод ее и издание в Британии и САСШ фир-

мой «Рейдскуль пресе» касаются не только социалистов, но и всех непредубежденных людей. Говорю как человек, всю свою жизнь бывший социалистом, и называю эту книгу унижением для социалистического движения всего мира.

Уважение, которое я испытываю по отношению к Каутскому как к одному из учителей моей юности и как к человеку, не может помешать открыто высказать свое мнение.

Есть и другой рассказ о животных, который можно применить к критикам Советской России: это рассказ о семи слепых, изучавших слона. Один сказал, что слон похож на ствол дерева; другой — что слон похож на канат; следующий сказал, что слон похож на стену, и т. д. Советская Россия так громадна и так сложна, что можно в нее приехать (или сидеть в своем кабинете в Берлине и читать о ней в газетах), выбрать, кому что нравится, и написать книгу, доказывающую, что Советская Россия является чем-то средним между раем и адом на земле. Тезис об аде особенно легок ввиду привычки большевиков, называемой «самокритикой». В своей печати они безжалостно выставляют свои собственные ошибки и недостатки и бесстрашно рассказывают истории о неспособности и плохом управлении на той или иной фабрике. Потом эти истории подхватываются корреспондентами капиталистических газет в Риге и Варшаве и передаются по телеграфу всему миру; они перепечатываются в «белых» русских газетах в Берлине и в Париже, и таким образом т. Каутский имеет бесспорный большевистский авторитет для своего описания ошибок, например, Сталинградского тракторного завода. Большевики построили этот большой завод на 6 месяцев раньше срока и установили программу выработки в 50 000 тракторов в год. Им не удалось добиться, и они признают свою неудачу

699

в своей собственной печати; теперь во всем свете их враги с удовольствием говорят о Сталинградском тракторном заводе.

РЕКОРДНЫЙ УРОЖАЙ ЗЕРНА

Но имеются данные, о которых не упоминают капиталистическая печать и т. Каутский. Цифра 50 000 выражает крайний предел производительности завода; производительность, ожидавшаяся в первый год, равнялась 20 000. Этот год только что закончился и дал цифру в 8287, которая совсем не похожа на полную неудачу, особенно, если принять во внимание, что в мае цифра была 1828, а в начале июня — 80 в день, или 29 200 в год. Конечно, это советские данные, и т. Каутский отказывается их признать. Во всех своих сочинениях он принимает советскую статистику по отношению к неудачам, но когда они относятся к успехам, то пишет: «Нет нужды много говорить о советской статистике, которая всегда ненадежна, когда она оптимистична».

Это способ составления книги наспех, но он мне кажется неудачным способом для того, чтобы добиться истины. Если бы советское правительство скрыло первоначальную неудачу Сталинградского завода, тогда по праву мы должны были бы усомниться в его шансах на успех; но когда оно публикует на весь мир об итогах, об этих неудачах, мы выводим заключение, что они видят действительность и принимают меры к устранению недостатков. Две вещи достоверны: первая — что ложь о своих успехах в производстве тракторов не заставит трактор выйти в поле и вспахать вашу землю, и вторая — что если трактор выходит из завода, то он действительно пашет землю, и его не остановит издание в Берлине книг, в которых называют его «оптимизмом», «фантазией» или «невозможностью». Мы можем как угодно гадать о буду-

щем большевизма, но настоящие факты нас облизывают. Однако Каутский еще и еще раз доказывает, что его интересует только его формула: «Положение таково, что опыт, вероятно, окажется неудачным; можно сказать с полной уверенностью, что он будет неудачным, что он должен быть неудачным».

Преступление большевиков состоит в том, что они пытались «с вечера на утро вызвать полное развитие социалистической системы производства для такого народа, громадное большинство которого (свыше 100 млн.) состоит из неграмотных и примитивных крестьян-земледельцев». Это противоречит формуле, и поэтому этого нельзя делать, а если это делается, тогда — «нет такой скотины». Тов. Каутский цитирует одну из коммунистических газет, говорящую о неудаче с доставкой плугов крестьянам весной 1930 года: газета называет положение «почти катастрофическим»; и Каутский приводит это и не опровергает, он не находит нужным сказать вам, что, несмотря на «почти катастрофическое» положение, Советской России как-то удалось справиться с самым крупным урожаем хлеба в истории и поставить себя, по статистике враждебного к ней правительства САСШ, на первое место среди производящих хлеб стран всего мира.

Тов. Каутский рассказывает, как крестьян принуждали вступать в колхозы, и говорит: «Принудительный труд является самым невыгодным из всех видов труда и таков (это касается результатов), что не выдерживает сравнения с самыми неблагоприятными цифрами свободного труда. Только обездоленные и совершенно разоренные крестьяне вступают добровольно в колхозы, и они выявили себя как самые неумелые и неспособные работать». И опять он останавливается на этом, а не объясняет, как эти «обездоленные и совершенно разоренные крестьяне» сумели пробить брешь в зерновом рынке всего мира прошлой

осенью и заставили американское Бюро фермеров посоветовать американским фермерам сократить свою посевную площадь и отказаться от надежд на мировой рынок.

Каутский устанавливает закон: «Ни при каких обстоятельствах Советская Россия не сможет создать жизнеспособного сельскохозяйственного производства в крупных размерах. Попытка создать тысячи крупных хозяйств с вечера на утро уже дала в результате (и будет продолжать давать) разорение самого здорового и самого производительного сектора крестьянского населения». И опять он останавливается на этом и не говорит нам, что более половины крестьянских хозяйств в России теперь находятся в коллективах, и что вместе с крупными совхозами они засеяли в этом году $\frac{2}{3}$ всей посевной площади в России. Так как весна была поздняя, то они произвели чудо, засевая по 5 млн. акров в день по сравнению с 3 млн. весной 1930 года. По последним сведениям, которые я беру из «Нью-Йорк Таймс» от 7 июля, оказывается, что посевная площадь увеличилась по сравнению с прошлым годом на 9,9 процента. Телеграмма «Федерэйтед-пресс» сообщает, что общее количество засеянной площади равно 235 млн. акров. Совхозы скакнули с 1 150 000 акров до 10 387 000 акров как раз тогда, когда т. Каутский провозгласил, что коллективизация земли в России является «прямой контрреволюцией», и заявил, что «против этой-то контрреволюции и восстают крестьяне».

Можно просмотреть всю книгу, беря одно заявление за другим и противопоставляя каждому из них факты. Ссылаясь на руководящую московскую газету от 5 января 1931 года, Каутский говорит о «заболевании» транспортной системы: «Только 57 процентов всех разрушенных паровозов было исправлено». И Каутский останавливается на этом и не говорит нам, что за первые два года

пятилетнего плана общий оборот фрахта на железных дорогах вырос с 156 млн. тонн до 238 млн. Он приводит цифры, полученные от некоторых русских эмигрантов, относительно закрытия некоторых русских текстильных фабрик на шесть недель в течение 1930 года из-за нехватки сырья, и говорит: «Мы не очень ошибемся, если припишем это положение вещей главным образом разрухе на железных дорогах». Он не учел той возможности, что Советская Россия в своих закупках за границей должна была выбирать между покупкой хлопка на пряжу в 1930 году и покупкой тракторов для обработки полей Туркестана под хлопок в 1931 году. Последнее было сделано, и в «Москау ньюс» от 3 июня 1931 года я читаю: «Хлопка посеяно этой весной на 160 процентов больше прошлогоднего». Но это цифры Советов, и возможно — «оптимистичные». Подождем год или два, когда советский хлопок начнет продаваться в Миссисипи или Техасе!

СЕМИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ В РОССИИ

Тов. Каутский говорит: «Они не спрашивают, возможно ли в течение 5 лет утроить число квалифицированных рабочих, мастеров и инженеров, необходимых для управления машинами». Он не снизошел до упоминания статистических данных советского правительства, касающихся громадного числа заводских школ, которые были открыты. В «Москау ньюс» от 13 июня я прочитал, что организация, наблюдающая за исполнением пятилетнего плана, разместила по фабрично-заводским школам за один февраль 130 000 подростков. Как может хоть один социалист в мире не заметить чудес, которые Советская Россия совершает в области воспитания молодежи во всех отраслях! Педагоги вроде Дикона Дью и Рабиндраната Тагора приехали из России с избытком лирического восторга

перед этими достижениями. Бесчувственный корреспондент «Нью-Йорк Таймс» нашел необходимым на этих днях посвятить целый столбец этому вопросу и описать новую молодежь в России как «силу». Но формула т. Каутского требует, чтобы эта молодежь была «бедным, угнетенным, невежественным населением»: таким оно и остается.

Но самыми странными строками в книге являются те, которые говорят о семичасовом рабочем дне в России. Тов. Каутский представляет своих читателей спрашивающими его, не является ли это «очень большим шагом вперед по сравнению с тем, что достигнуто в капиталистических государствах», и он отвечает на этот вопрос: «Это, конечно, было бы так, если бы часы работы были действительно сокращены этими мероприятиями; но это ни в коем случае не так». Он старается доказать это, и единственным его доказательством являются цитаты из советской газеты, касающиеся одной прядильной и ткацкой фабрики, которая нашла, что при семичасовом рабочем дне не понадобится больше людей, чем раньше. От этого он переходит к дальнейшему, и что же он оставил у вас в уме? Сказал ли он, что русский рабочий имеет семичасовой рабочий день, или он его не имеет? Это можно сравнить с выступлением фокусника, стоящего перед вами на эстраде и говорящего вам, что вы сейчас увидите, как кролик выскочит из его шляпы. Фокусник очень много говорит и делает много пассов руками, но вы не видите кролика. Позднее фокусник вскользь замечает: «Вы помните, леди и джентльмены, как несколько времени назад вы видели, что я вынимал кролика из шляпы». И те из зрителей, у которых не очень хороша память, возможно, говорят сами себе: «Как это было? Действительно ли он вынул кролика из шляпы»? Так т. Каутский говорит дальше в своей книге: «Разве те, кто работает, находятся

по крайней мере в лучшем положении? Конечно, нет, поскольку рабочие часы продолжаются: мы это уже видели». Но видели ли мы это?

ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН

Тов. Каутский уверен, что пятилетний план не удастся, и он точно так же уверен в том, что эта неудача будет означать падение советского правительства. Он считает, что не стоит тратить времени на упоминание о том, что этот вопрос уже разрешен, поскольку это касается таких больших областей, как нефть и электрификация, которые выполнили пятилетний план в $2\frac{1}{2}$ года. Он не говорит вам, что план был далеко превзойден по отношению к сельскому хозяйству и будет превзойден в этом году по отношению к посевной площади. Нигде нет упоминания о том факте, что сметы пятилетнего плана пересматривались в сторону увеличения, так что план теперь уже не пятилетний, а пятилетка в четыре года.

По всему миру идет бесконечный спор относительно «успехов» или «неудач» этого плана, но мало кто понимает, что значит «успех» или «неудача». В передовой статье «Нью-Йорк Таймс» не так давно автор выдвинул такой факт, что план обречен на неудачу вследствие того, что он выполняется слишком быстро. Увеличивая в несколько раз свою продукцию нефти, Советы разрушают свои железные дороги и тормозят выполнение других своих производственных смет. Тов. Каутский избавлен от этой специальной боязни, не будучи в состоянии заставить себя признать, что хоть в чем-нибудь были успехи. Он предсказывает неизбежные «неудачи», но не берет на себя риска сказать нам точно, что он под этим подразумевает. Нам предоставляется догадываться: не будут ли русские так разочарованы выполнением только 90 процен-

тов производственного плана по меди, что восстанут и сбросят свое правительство? Как процент невыполнения плана по меди вызывает эту ярость? Будет ли это вызвано 90 процентами? Или достаточно будет 85 процентов?

Самая постановка этих вопросов должна показать всю нелепость ходячего понятия «неудачи». Успехи плана достигались ежечасным восстановлением русской промышленности, введением в производство новых промышленных единиц. 518 единиц (а некоторые из них являются самыми крупными в мире) намечены к пуску в производство в этом году, а этот успех останется успехом, если даже некоторые из единиц и не будут пущены до января или февраля будущего года, и даже если их продукция в первые несколько месяцев и будет равняться только 80 или 90 процентам того, на что надеялись. Если вы строите дом и надеетесь перебраться в него к рождеству, вы можете назвать это «неудачей», если вы переедете в него только ко дню рождения Джорджа Вашингтона. Но и при этом, когда вы въедете в дом и будете жить в нем, вы скоро забудете все беспокойства, которые вы испытали, когда жили в гараже. Советский дом будет рано или поздно закончен, а Карл Каутский, «передовой марксистский теоретик нашего времени», окажется сидящим на придорожном камне и поясняющим: «Что является сущностью пятилетнего плана? Не что иное как нарушение равновесия между различными отраслями производства».

ЗАДАЧА СОЦИАЛИСТОВ

Коммунистическая Россия представляет трудную задачу для социалистов всего мира. Я являюсь одним из тех старомодных лиц, которые все еще надеются, что в

такой стране, как Британия или САСШ, где народ привык к самоуправлению, переход от капитализма к социализму может произойти без свержения правительства. По крайней мере, я считаю своей обязанностью бороться за такое разрешение вопроса. Но в то же самое время имеется Советская Россия как факт, самый поразительный факт (как я думаю — в истории человеческого рода). Советская Россия поднимается, а капиталистические нации приходят в упадок. Советская Россия разрешила вопрос о безработице, совершенно не тронутая тем, что Карл Каутский из своего кабинета в Берлине шлет по всему миру извещение: «Недостаток работы является бичом пролетариата как в советском государстве, так и в капиталистических странах».

Голодающие безработные САСШ, Великобритании и в родной Каутскому Германии узнают о том, что происходит в России. Нет возможности скрыть истину от них, сколько бы книг, наполненных выдержками из «белых» газет и советской «самокритики», вы ни написали. Все вновь и вновь приходилось издателям британских и американских газет посылать своих квалифицированных репортеров в Россию, и эти люди видели, что там происходит, и занимали позицию в пользу Советов. Вначале там были Филипп Прайс и Артур Репсом, затем там были В. Х. Чемберлен из «Кришгэн и Сайонс-Монитор» и Вальтер Дюранти из «Нью-Йорк Таймс». Я знаю, что у этих людей можно найти строки строгого осуждения советского режима; но это значит только повторять ошибки Каутского, приводя частичные цитаты, потому что общее их впечатление оказывается самым благоприятным. «Нью-Йорк иннинг пост» послала Х. Р. Никкербоккера, которому она доверяла, и она потратила целое состояние на рекламу своих нападок на «опасность красной торговли». Они сделали все, что могли, чтобы защитить свою

позицию пугающими заголовками. Но даже при этом м-р Никкербоккер разъяснил, что пятилетний план обнаруживает громадные успехи и что эти успехи вызывают его удивление и уважение.

ТЕОРИЯ И ФАКТЫ

Один из наших руководящих инженеров, полковник Купер, засвидетельствовал тот факт, что в прошлом году советские рабочие побили мировой рекорд, положив полмиллиона тонн бетона на плотину Днепростроя. Полковник Купер теперь говорит нам, что эта величайшая в мире плотина будет закончена в будущем году, а ее турбины — вырабатывать силу для самого большого в мире комбината промышленных заводов, которые построены там, где три года назад была голая степь. Эти факты стали явным для капиталистического мира пяти материков, и было бы нелепо, если бы социалисты всего мира оказались слепыми по отношению к ним. Рабочие России дают первое доказательство возможности крупной кооперативной промышленности, и все мы — социалисты, капиталисты и между ними просто люди — должны приспособить наши теории к этим новым фактам и использовать их для составления плана, чтобы освободиться от мук и нещеты нашей умирающей системы извлечения прибыли.

1931 г.

ОТВЕТ ПРОСТАКАМ¹

Здорово, Америка! Здорово, мои друзья в Америке! Как у вас дела, старые простаки, целый месяц твердившие друг другу, что я заврался насчет России? Ну-с, если последние сообщения о ваших делах верны, то вряд ли вы сможете теперь так говорить. Теперь уже Россия над нами смеется. Она нас превратила в дураков, пристыдила, выставила на посмешище, оставила в хвосте и чуть что не сбила с ног. Мы читали ей лекции с высоты нашего цивилизованного превосходства, а сейчас мы принимаем героические меры для того, чтобы скрыть нашу краску смущения от России.

Мы ее бранили за безбожье, а сейчас — солнце сияет над Россией, как над страной, к которой господь благоволит; на нас же тяжко обрушился его гнев, и мы не знаем, куда обратиться за помощью или поощрением.

Мы гордились нашим мастерством в крупных делах и тем, что они имеют под собой солидную основу благодаря

¹ Помощаемая речь Б. Шоу о его поездке в СССР, переданная по радио в Америку, переведена с английского, из органа английской независимой рабочей партии «Форвард», которая опубликовала большую часть ее в номере от 30 апреля 1932 года.

нашему знанию человеческой природы, а сейчас мы — банкроты.

Ваш президент, который прославился тем, что кормил голодающие миллионы в опустошенной войной Европе, не может сейчас прокормить в мирное время собственный народ.

Крики отчаяния наших финансистов отдались эхом во всем мире и вызвали поголовное изъятие вкладов из английского банка и разорили его. Дефицит нашего бюджета составляет 350 миллионов долларов; ваш дефицит составляет 500 миллионов долларов. Наши дельцы не могут найти работы трем миллионам рабочих, а ваши выбросили на улицу вдвое больше людей.

Наши государственные деятели по обе стороны океана не могут сделать ничего другого, как разбивать головы безработным или откупаться от них пособиями и обращением к благотворительности. Наше сельское хозяйство разорено, и наша промышленность разваливается под тяжестью своей собственной производительности, потому что мы не додумались, как распределить наши богатства и как производить их.

Перед лицом всей экономической некомпетентности, политической беспомощности и финансовой несостоятельности Россия гордится своим бюджетным активом в 750 миллионов долларов. Ее население занято до последнего мужчины и женщины, ее научно поставленное сельское хозяйство удваивает и утраивает свои урожаи. Она блистает своими работающими полным ходом, растущими фабриками, своими способными правителями, своей атмосферой надежд и обеспеченности даже для бедняков, — атмосферой, которой не знала еще ни одна цивилизованная страна.

Естественно, что русские относятся к нам с огромным презрением. «Дураки вы, — говорят они нам, — почему вы не можете сделать того же, что и мы? Вы не в состоянии дать работу и кормить ваше население. Ладно, пошлите их к нам, и, если они этого заслуживают, мы им дадим работу и накормим их. Вы даже не можете защитить ваших граждан от простого воровства и убийства; вы не можете помешать вашим вооруженным бандитам и вымогателям среди бела дня размахивать револьверами на улицах. Ладно, пошлите их к нам, и они вас больше не будут беспокоить. Люди, которые не могут быть хорошими гражданами в России, никогда больше никого не беспокоят».

Что можем мы сказать в ответ?

Это слишком правдиво, чтобы быть приятным, — не так ли?

Так и быть, я вам скажу словечко или два в утешение.

В конце концов, некоторые из самых замечательных вещей, которые делают сейчас русские, были предложены пятьдесят лет тому назад американцами, многие из которых были отправлены, в благодарность за свои старания, на каторгу. Я не американец, но я еще хуже: я — ирландец.

ГЕНРИ ДЖОРДЖ, ЗАТЕМ МАРКС

Когда я был молодым человеком, на меня сильно повлиял один американец, по имени Генри Джордж, который открыл мне глаза, и я почувствовал необходимость следовать его указаниям. И вот я познакомился с учением германского еврея Карла Маркса, который

¹ Заголовки даны «Форвардом». (Прим. перев.)

еще шире открыл мне глаза, и мне стало совершенно ясным, что наша капиталистическая система должна закончиться банкротством цивилизации и что прожить с этой системой мы сможем уже недолго, и то ценою страшных бедствий и деградирующей нищеты девяти десятых человечества.

Четырнадцать лет спустя русский, по фамилии Ульянов, больше известный под именем Ленина, последовал моему примеру и прочитал Маркса. В 1914 году наши империалисты втянули нас в войну. Вы пытались воздержаться от участия в этой войне, но вас принудили к ней. Благодаря вам эта война, вместо того чтобы сделать то, чего хотели империалисты, уничтожила три империи, превратила Европу из королевского континента в республиканский, и единственное европейское государство, которое было больше Соединенных штатов, стало федерацией коммунистических республик.

Это не совсем то, чего вы ожидали, — не так ли? Вашу молодежь отправляли на бойню не для того, чтобы она приветствовала Карла Маркса и повторяла его лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Однако именно это и произошло. Это изумительное новое в мире государство, Союз советских социалистических республик, или вкратце СССР, и есть то, что вы получили за ваш заем свободы и кровь, пролитую вашей молодежью. Это не то, что вы намеревались получить, но, псевдимоу, это — то, что господь намеревался вам послать. Так или иначе, вы это получили, и сейчас вы должны использовать это наилучшим образом.

ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ ЕДУЩИХ В РОССИЮ

Теперь позвольте мне дать несколько советов для путешественников, на случай, если вы присоединитесь к

американцам, толпам устремляющимся в Россию, и захотите сами проверить, так ли все это обстоит на деле. Если вы квалифицированный рабочий, особенно машиностроительной промышленности, и если у вас подходящий возраст и хороший характер (они, в России, очень разборчивы насчет характера), то у вас не будет особенных затруднений. Они будут лишь рады принять вас. Пролетарии всех стран там желанные гости, если они действительно могут помочь русскому строительству. Но даже если вы не умеете работать и представляете собой только бесполезную леди или джентльмена с большим количеством денег, то они благосклонно позволяют вам истратить, сколько вы захотите, денег и обставят вас комфортом. Только если вы скупы и будете тратить меньше 10 рублей в день, то они заставят вас доплатить разницу. Нет смысла пытаться тратить меньше этого минимума.

Они не будут относиться к вам с уважением, ибо эти русские не проявляют благоговения даже к американской леди. Я должен даже сознаться вам, что их чувства в отношении вас будут смесью жалости к вам, как к беглецу от ужасов американского капитализма, колоссального презрения к вашей политической глупости, выражающейся в том, что вы не создали коммунизма в вашей собственной несчастной стране.

Но они будут вполне дружественны и окажут вам помощь совершенно так же, как заблудившейся голодной обезьяне, и если вы будете любезны с ними, то они заключат вас в свои объятия и по малейшему поводу будут рассказывать вам историю своей жизни. Они настолько свободны от всех ваших забот и беспокойств по поводу всяких дел, детей, ренты и налогов, что могут себе поз-

волить быть ласковыми с вами, и они настолько горды своими коммунистическими учреждениями, что они чрезвычайно охотно будут их вам показывать.

ПОДОБНО ЗАМАЗКЕ

Но вы должны быть осторожны. Вы не должны полагать, что человеческая природа в России такова же, как в Америке. Мой друг генерал Дауэс, ваш посланник в Англии, недавно говорил со мной относительно человеческой природы, — о том, что ее нельзя изменять так, как изменяют учреждения. И вот перед тем, как вам отправиться в Россию, неплохо было бы вам изучить человеческую природу.

Самое простое средство для этого — послать к ближайшему стекольщику за куском замазки. Замазка совершенно подобна человеческой природе. Вы не можете ее изменить, кем бы вы ни были. Вы не можете ее есть, вы не можете в ней взращивать яблони, вы не можете ею штопать одежду; но вы можете ее тискать, и мять, и придавать ей любую форму, и когда форма придана, то она так крепко затвердеет, что вам будет казаться, что ей никогда нельзя будет придать никакой другой формы.

Ну, так вот, русская замазка подобна американской. Пожалуй, только американская крепче держит и затвердевает труднее. Советское правительство сделало чрезвычайно тщательно русскую замазку, придав ей форму, совершенно отличную от американской, и она крепко затвердела, и получилось нечто совершенно другое. У этого создания рот почти такой же, подбородок, уши и глаза мало чем отличаются, но внутренности работают не по-американски. В особенности поразительно отличается сознание, так что достижения, которые являются гордостью и славой Америки, русскому кажутся гнусным хвастовством.

Так, например, первая вещь, которая в России бросится в глаза стопроцентному американцу, — это то, что с ее громадными природными богатствами она должна быть прекрасной страной для наживы. Даже если бы этих естественных богатств не было, можно было бы много заработать, спекулируя на разнице между стоимостью полудолларового рубля в Москве и шестипентового рубля в Берлине. Зарплата низка, а прибыли высоки, — для чего же отдавать зря всю прибыль правительству, когда способный человек может организовать дело для самого себя и класть прибыль в собственный карман? Какой смысл тратить зря деньги на благо общества? Как сказал однажды один покойный американский финансист при допросе: «К черту общество!»

Люди делают деньги, думая о самих себе, а не об обществе.

КАК ОНИ ПОСТУПАЮТ СО СВОИМИ ПЛУТОКРАТАМИ

Если вы пойдете в России по этой линии, то вы скоро станете богатым. Но если этот факт дойдет до сведения налоговых властей, то они обратятся к ОГПУ, знаменитой тайной полиции, которая действует как инквизиция, для того чтобы она проверила ваши средства и способы их приобретения.

Агент хлопнет вас по плечу и проведет вас в помещение этого знаменитого учреждения. Там вас пригласят рассказать о вашей коммерческой деятельности и ваших взглядах на жизнь вообще. Вам разрешат защищать ваши американские деловые принципы и вашу веру в индивидуализм и самопомощь на все сто процентов. Вам не будут делать упреков, над вами не будут издеваться, с вами не будут спорить и вам не причинят никаких неудобств.

:Все, что с вами случится, — это то, что, когда вы полностью объяснитесь, вы внезапно почувствуете себя в другом мире, если вообще таковой существует. Если нет, то вы просто перестанете существовать, и ваших родственников вежливо уведомят, что им нечего о вас беспокоиться, так как вы никогда больше не вернетесь.

Однако вы не должны ни на один момент рассматривать это как наказание, или что это имеет какое-нибудь отношение к уголовным законам. Это только значит, что русская замазка сделана так, что там предпочитают видеть идиотов мертвыми. Идиот — это человек, который не видит ничего, кроме самого себя. Ваши взгляды убедят русских в том, что вы идиот, и из милости к вам и к обществу они просто ликвидируют вас, как они это называют, не причиняя вам ни на момент никакой неприятности. Этим они только выполняют предложение, сделанное мною много лет назад.

Я настаивал на том, что всякий человек, который обязан своей жизнью цивилизованному обществу и который с детства пользовался его весьма ценной защитой и преимуществами, должен через определенные промежутки времени являться к соответствующему квалифицированному жюри для того, чтобы оправдать свое существование. Если он не сможет оправдать свое существование и выяснится, что представляет собою зло и причиняет больше беспокойства, чем он этого стоит, то суд должен быть скорым и безболезненным.

Ничто другое не может сделать людей ответственными гражданами, и значительная доля секрета успехов русского коммунизма заключается в том, что каждый русский знает, что если он не сделает свою жизнь окупающим себя предприятием

для своей страны, то он, вероятно, ее утратит.

Я горд тем, что первым выдвигал эту совершенно необходимую реформу. В хорошо содержимом саду необходимо уничтожать сорные травы, и поэтому вам нужно быть на чьку. Для вашего успокоения позвольте вам сказать, что если вы не выдержите характера в России, то все же вам не придется опасаться тех дикостей, которые мы позволяем себе в отношении наших преступников. Если вам случится убить кого-нибудь честным и естественным путем, то вас не повесят и не сожгут на электрическом стуле, ибо смертная казнь в России уничтожена. Вы, пожалуй, отделаетесь четырьмя или пятью годами тюремного заключения. Они очень снисходительно относятся к своим преступникам.

Все это вначале покажется вам, пожалуй, несколько странным, но как только вы ознакомитесь с идеей коммунизма, вы поймете советскую точку зрения и начнете думать о том, что бы из нее вышло в Чикаго, Питтсбурге или Детройте. Эта идея поразительно скоро вас захватывает.

РОССИЯ НЕ «РАЙ»

Вы, однако, не должны ожидать там рая. Россия — слишком большое пространство для любого правительства, чтобы можно было за четырнадцать лет освободиться от всей нищеты, невежества и грязи, оставленных царизмом. Россия занимает 8 млн. кв. миль и вдвое больше, чем Соединенные штаты. Боюсь, что там еще много нищеты, невежества и грязи, которые нам так хорошо известны дома. Но там повсюду царит надежда, потому что все бедствия отступают перед ростом коммунизма, в то время как у нас эти бедствия увеличиваются перед последней отчаянной борьбой нашего обанкротившегося капитализма.

Капитализм пытается отвести свою неизбежную судьбу путем снижения зарплат, повышения тарифов и обращением ко всем скрытым элементам одичания и жадности, которые его должны поддерживать в хищнической войне, маскирующейся патротиризмом.

Но вы поедете в Россию не для того, чтобы высматривать там бедствия, которые вы можете увидеть у себя. Некоторые из вас поедут потому, что в той великой буре, которая разразилась над нами, тонет ваш собственный корабль. Из больших кораблей остался только русский, который не тонет и который не посылает сигналов бедствия.

Но большинство из вас, надеюсь, поедет туда с твердой уверенностью в том, что беда наша заключается не в ничто, объясняющейся естественными причинами, а в простом тупоумии, скверном управлении и ленивом пренебрежении общественными интересами в пользу эгоизма частных интересов и вульгарного честолюбия. Вы, наверно, слышали, что русские положили этому конец, и вам захочется узнать, как они это сделали. Ибо, по-вашему, то, что могут сделать русские, можете сделать и вы.

Вы можете думать, что вы можете это сделать, но это не так. В настоящий момент вы похожи на старого узника Бастилии, который пилит решетку своего окошка часовой пружиной с таким напряжением, что он не замечает, что дверь уже давно широко открыта. Ну-с, вы, пожалуй, все будете продолжать пилить в Америке, пока вы не помрете; но я надеюсь, что ваши сыновья будут умнее вас и не позволят ни одному русскому обогнать их в великом состязании цивилизации.

На этом прощайте до следующего раза, и желаю вам всяческого счастья.

1932 г.

ПРОЩАНИЕ С ПРОШЛЫМ

По всей Европе революция тлела под пеплом. Во Франции всколыхнулось рабочее меньшинство. Я получил коллективное письмо фракции Генеральной конфедерации труда, которое было мне доставлено Мерргеймом, ехавшим в Циммервальд (5—8 сентября 1915 года). Затем последовал Кинталь (конец апреля 1916 года), где Ленин властно призывал к борьбе классов и к пролетарской революции. Даже из французских армий доносились до меня грозные раскаты грома. Я был далек от того, чтобы к ним присоединиться. Эти стихийные бунты лишены были какой бы то ни было доктрины или организации, не имели ни вождя, ни правильно построенного руководства. На Западе они ни к чему не могли привести, кроме как к бесплодным разрушениям да военным восстаниям вроде южноамериканских.

Но в марте 1917 года прозвучало великое известие. Чреватый надеждами ветер с севера донес его до Женевских улиц. Холодный северный ветер разнесся по городу Кальвина и, сам того не желая, принес с собою дыхание красной весны... Россия разбила оковы. И письмо, присланное мне Горьким, прерывалось пасхальным восклицанием: «Воскресе!» Над воинствующей Европой он

протягивал мне объятия. И весь наш отряд независимых французов поднялся в Женеве, чтобы ответить, как на русский пасхальный поцелуй: «Воистину воскрес!..» Для брошюры, которую мы издали коллективно¹, я написал призыв: «России, свободной и освобожденной» (1 мая 1917 года).

В самом очаге империалистического капитала, питавшего войну и упивавшегося ею, как равно и в Соединенных штатах Америки, такие же свободные умы, как мы, стали тянуться к Западу, к русской революции.

Я им протянул руки². Впервые я призывал в этой статье к ответу швейцарскую печать, которая с преступным пристрастием замалчивала или извращала начинания, пытавшиеся положить конец национальной бойне (английская оппозиция, французское социалистическое и синдикалистское меньшинство, независимая печать Соединенных штатов, русская революция). Эти страницы полны трепета возмущения «людей, оставшихся свободными, которые из европейской тюрьмы в американскую, над океаном и сквозь человеческое безумие, более беспредельное, чем океан», протягивают друг другу руки.

Немного спустя я стал защищать героического Э. Д. Мореля, которого в отвратительных условиях³ держали в английской тюрьме по смехотворному (да еще и выдуманному) обвинению в том, что он будто бы послал мне в Швейцарию одну из своих политических брошюр. Потом я откликнулся не только на «В огне» Барбюса, на этот блестящий обвинительный акт, предъявленный ста-

¹ «Привет русской революции». Сотрудничали в ней: Жув, Мартинэ, Мазерель и Гильбо.

² «Вольные голоса Америки» (сентябрь 1917 г.).

³ Шесть месяцев суровейшего режима уголовных. Они были причиной его преждевременной смерти.

рому миру убийц «пролетарскими солдатами»¹, но также и на скорбные и гневные призывы молодой французской интеллигенции к армии².

В то же время я способствовал тому, чтобы было услышано, какие вопли возмущения раздавались с другой стороны границы в иступлении Ляцко³, в библейской тоске Стефана Цвейга⁴, в беспощадном научном анализе войны, сделанном профессором Николаи⁵. Титулом «великого европейца» почтил я смелого немецкого ученого, испытавшего и преследования и тюремное заключение, подчеркивая вместе с тем, что я со своей стороны уже не ограничиваюсь больше одним общеевропейским единением, но намереваюсь включить в мою «всемирную родину» Азию и Америку — все человечество.

Этот же тезис — «За пределы Европы!», «Пангуманизм» — я развил в статье от 15 марта 1918 года. «За интернационал мысли». Я постарался уточнить, что я отнюдь не защищаю дело избранной части передовой интеллигенции, а дело народов, «интернационал культуры, но вовсе не для одних только привилегированных»⁶.

* * *

С октября 1917 года журнал «Завтра» заострил свою социальную ориентацию. Гильбо, готовый сопроводить всех женеvских друзей, вождей большевизма, в их «исходе» через объятую войной Европу, чтобы нести в

¹ Март 1917 г.

² Статья «Да здравствует Цезарь! Жаждающие жизни тебя приветствуют» (май — октябрь 1917 г.).

³ «Страдалец» (ноябрь 1917 г.).

⁴ «Иеремия» (декабрь 1917 г.).

⁵ «Великий европеец» (1 и 15 октября 1917 г.).

⁶ Я требовал здесь уже в начальной школе универсальной культуры и обязательного международного языка.]

Петроград пламя революции, сделал свой журнал большевистской трибуной во французской Швейцарии.

На этом пути я сопровождал его только в качестве беспристрастного наблюдателя, проникнутого симпатией к величью героев и высоким целям, поставленным ими перед собой, но отвергающего насильственный кровавый характер их средств. Я совсем не был человеком действия, я был человеком мысли и полагал, что долг мой состоял в том, чтобы всеми силами сохранять европейскую мысль в чистоте и ясности, справедливости и свободе, в ее беспартийной независимости. Ленин предложил мне поехать с ним в Россию в марте 1917 года. Гильбо принес мне это пожелание. Я отказался. В тот момент моей духовной эволюции я не хотел компрометировать свою роль бдительного интеллигента, стоящего «над всеми схватками», вмешательством в то дело, которое я тогда ошибочно считал схваткой политических партий. Теперь я рассудил бы иначе.

Я еще не видел самого существа, которое вижу теперь, буржуазной идеологии, хотя бы и благороднейшей, или, вернее, я не успел еще прощупать крестец, — как мне это удалось сделать впоследствии, — у этой плачевной разновидности так называемой «передовой интеллигенции», жалкой даже тогда, когда она напяливает на себя этикет «интернационализма»... Я приписывал ей душевную силу, гражданское мужество, неустрашимость в поисках и защите правды, — качества, которые, за редчайшим исключением, у нее отсутствуют. Она много говорит о правде, но действительная правда совершенно не свойственна ее темпераменту: правду она подчиняет своим интересам, она даже додумалась до удивительного литературного грима и своему искусству подкрашивать губки. Она таким образом себя прихорашивает. Наиболее эстетствующие писатели пользуются правдой как девкой для улова

публики на тротуаре. Хотя при помощи Жана Кристофа я уже спустил в канализационную трубу всех сводней и сутенеров «Ярмарки на площади», но я еще не знал и не хотел знать многого из того, с чем пришлось мне познакомиться впоследствии. Я упорно верил в «лучших» европейских избранников, в смелое меньшинство интеллигенции, способное стать решительным и непримиримым апостолом «независимой мысли». Это к ним-то и были обращены мои последние статьи из «Предтечей»; это их-то я хотел сгруппировать замыкающей книгу «декларацией», составленной весной 1919 года, которую подписали сотни представителей интеллигенции всего мира.

Но нетрудно заметить, что в самой редакции этого призыва мысль моя обходит избранников или намеревается подчинить их «народу вселенной, страждущему, борющемуся, падающему и вновь поднимающемуся, всегда идущему вперед по трудному пути, залитому его кровью». И в относящейся к июню 1919 года заметке, комментирующей мое «Письмо президенту Вильсону», в котором я просил его взять в свои руки «дело не одной партии, а всех народов», я предсказывал вместе с провалом Вильсона «крушение великого буржуазного идеализма».

Мои взгляды обращались к геркулесовым подвигам юной Советской России, которая старалась разорвать смертельные путы душившей ее гидры. Я послал в газету «Полюлер» письмо, где бичевал военное вмешательство Антанты в дела СССР и «подтвердил свои чувства солидарности с русским большевизмом». И в последней строке «Предтечей» (август 1919 года), в приложении к «Декларации независимой мысли»; вместе с сожалением о том, что на ней отсутствуют подписи «наших русских друзей, отрезанных правительственной блокадой», я без обиняков объявил «русскую мысль авангардом мысли мировой».

Таким образом трагический опыт пяти лет, 1914--1919 годов, в том виде, как он тогда запечатлелся в моем уме и нашел свое отражение в зеркале обеих моих книг («Над схваткой» и «Предтечи»), заканчивается в середине 1919 года периодом выжидания. С одной стороны, я питал еще надежду на возможность воздвигнуть крепость интернациональной мысли, не знающей границ, на основах светлого, свободного и бесстрашного индивидуализма. С другой — стрелка компаса показывала на север, на цель, к которой идут авангарды Европы, героические революционеры СССР, — общественная и нравственная перестройка всего человечества.

Опыт не кончен. В другой раз я расскажу о его продолжении. Расскажу, как у меня оказался недостаток в самых основах этой крепости свободной мысли — в свободных людях. Расскажу, как они (исключая горсточки, даже меньше того — щепотки подлинно независимых) почти все отреклись. Расскажу, как, не найдя ничего в Европе, я искал и сначала обрел в Индии, в Махмате, мсгучий источник свободного духа и новой формы для своей деятельности.

Наконец, как самый ход событий, та Ананге ¹, которую Маркс сводит к железному закону экономическому материализма, — раскалывая мир на два лагеря и углубляя с каждым днем пропасть между интернациональным капитализмом и другим великаном — Союзом рабочих пролетариев, — неизбежно заставила меня перешагнуть эту пропасть и стать в ряды СССР.

Нелегкий поход! И конца пути я еще не достиг. Но этот путь может соперничать с путешествиями Синдаба Морехода!

1931 г.

¹ Судьба.

ЗАЩИЩАЙТЕ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ!¹

Я обращаюсь с призывом к рабочим, крестьянам, интеллигентам и бывшим фронтовикам. Мы переживаем глубоко-серьезный момент. Конец наиболее циничной парламентской сессии в стране буржуазной тирании, — сессии, возглавляемой авантюристом, рядом с которым стоят префект полиции и епископ, вполне отвечает, как и все прочее, общему упадку режима и начинающемуся упадку капиталистической, эксплуататорской цивилизации.

Я призываю всех, которые меня слушают, посмотреть в лицо современной действительности и тому состоянию вещей, которое вызвано на пяти шестых земной поверхности диктатурой имущих классов.

Капитализм показал на деле всю свою беспомощность. 50 миллионов безработных. И каждый день выбрасываются все новые массы на улицу. Все тяготы этого строя ложатся на массы, число самоубийств растет, растут нужда, лишения, бойни военные, колониальные и полицейские... И банкротства все расширяются.

¹ Статья помещена в газете «Юманите», органе ЦК Французской компартии, от 1 мая 1932 года.

АГОНИЯ КАПИТАЛИЗМА

Старый режим уже не сможет подняться из той пропасти, куда он скатывается. Он дряхлеет и опускается все ниже в силу своей необходимости и органических противоречий, ибо существуют роковые законы человеческого общества. Надвигаются события, столь же неизбежные, как законы, регулирующие смену времен года и колебания почвы.

Но если капитализм не способен жить, он, тем не менее, не хочет умирать. Он использует до конца то оружие, которое он еще имеет в своих руках. Он утопает не только в коррупции, но и в крови; даже его агония является катастрофической.

Рациональная эксплуатация мира могла бы в течение столетий обеспечить всех живущих хлебом, довольством и гарантировать им безопасность. Сейчас, однако, целые народы задыхаются в нищете и вымирают. В Манитобе недавно сожгли 8 миллионов мешков хлеба; в САСШ уничтожили огромные массы хлопка и выливают молоко в реки; в Шарлеруа промышленники уничтожили тонны стекла; в Кале выбросили огромное количество рыбы в море; в Бразилии уничтожили целые партии кофе, превращают их в брикеты и пр. Страшный абсурд, который показывает все варварство режима, от которого мы страдаем.

Война в н о в ь и д е т. Это нужно видеть, не обращая внимания на шоры, которые надевают на ваши глаза. Вспомните о 1913 году. Сейчас во всем мире существуют те же причины войны, но еще в большем количестве и еще более повелительные.

ВООРУЖЕНИЯ И ПОТВОРСТВО ЛИГИ НАЦИЙ

Нет нужды останавливаться на всех официальных конференциях мира и разоружения, которые разыгрываются в

подобном мире. Мы все знаем цену этому. Адвокатские фразы, лицемерные расчеты и низкая демагогия — все это должно дать новую пищу доверчивости масс. Локкарнские договоры, пакты Келлога являются и останутся навсегда историческими примерами «клочков бумаги».

Одновременно с банкротствами, крахами и локаутами растут и разбухают вооружения. Подготавливают газовую войну, которая вписала бы в славную историю XX столетия главу об истреблении целых народов, населяют небо гигантскими флотилиями убийственных машин, фабрикуют танки, напоминающие крейсера. (О, товарищи по войне, мы ничего подобного не видали!) 20 миллиардов в год уходит на это во Франции, а английская армия собирается теперь снабдить каждого солдата уже не ружьем, а пулеметом.

Во всем этом видна цель Лиги наций — стабилизировать теперешний «статус кво». В этой программе сохранение мирных договоров — несправедливых, лишенных устойчивости и содержащих в себе материалы для всевозможных взрывов — является тем пунктом, на котором особенно настаивает империалистическая Франция и от которого, может быть, придется отказаться волею-неволею в силу вещей. Но Лига наций старается выполнить роль, которая была публично признана при самом основании этого официального ареопага, а именно сохранение капитализма, как он есть, т. е. мировой эксплуатации человека человеком.

СССР — СОЦИАЛИЗМ В ДЕЙСТВИИ

Война Японии в Азии вспыхнула, по всем данным, при потворстве великих европейских держав и Америки в целях полюбовного раздела китайского рынка. Но империалистические японские собаки выпущены и против

Советского союза. Здесь именно мы должны ясно видеть весь грандиозный план во всем объеме его.

Совершенно очевидно, что помимо своих торгашеских интересов, по поводу которых они могут договориться, великие державы имеют общий интерес, а именно стремление спасти ту систему, которая выгодна лишь ловким дельцам.

Ибо СССР — это живой социализм. По отношению к капитализму — это другой строй, другая система, другой мир. Безудержному и беспорядочному перепроизводству, временной индивидуальной наживе, отражающейся катастрофически на других, конкуренции, не останавливающейся перед методами бандитизма и националистской гипертрофии, — рабоче-крестьянское государство противопоставляет общность всех трудящихся, общность труда для всех, социальную справедливость и мир. В теперешнем мире это — единственное пацифистское государство. Это подтверждают все те благородные усилия, которые оно до сих пор сделало для того, чтобы не поддаться на японскую провокацию, это подтверждают те принципы, на которых СССР базируется.

В условиях капиталистического режима невозможен мир, невозможно окончательное разрешение нынешнего кризиса. Война и все теперешние экономические бедствия могут прекратиться только при социализме. Мир можно спасти лишь плановой экономикой, но плановая экономика может быть только социалистической.

Вот почему капиталистический мир не желает, чтобы где-либо существовало социалистическое отечество. Вот почему он пытается уничтожить Советский союз. Он не прекращал этих попыток со времени Октябрьской революции. Он подстрекал, снабжал всем необходимым и оплачивал белые армии. Он не

переставал прибегать ко всевозможным заговорам и саботажу, не говоря уже о колоссальных клеветнических кампаниях. Он окружил социалистическое государство кольцом стран, являющихся союзниками победивших империалистических держав, — стран, созданных исключительно для этой цели и которые капиталистический мир снабжал золотом и разрушительными вооружениями.

Но этого мало. Капиталистический мир хочет войны. Никогда еще положение не было так серьезно, как теперь на границах Манчжурии, кишящей японцами и белогвардейцами. Другие провокации проделываются на румынских границах, и продажная печать ведет кампанию в целях подготовки общественного мнения к крестовому походу против СССР.

Нас хотят убедить в том, что многочисленные советские крестьяне стараются попасть в Бессарабию, которая представляет собою ад и является добычей солдат и полицейских, «денационализирующих» эту украденную провинцию с помощью своих сабель и сапог. С другой стороны, мы помним о той страшной бойне, которую румынские солдаты и жандармы устроили бессарабским крестьянам, пытавшимся бежать в СССР. Мы помним о грудах трупов, которые оставили гнить на льду Днестра, о зверских избиениях населения целых местностей, о детях со вспоротыми животами, которых матери должны были сами передавать палачам.

Советский союз, который установил на территории в 20 миллионов квадратных километров закон, диаметрально противоположный закону капитализма, продолжает развиваться, несмотря на все препятствия. Он идет вперед, проникнутый сознанием величия своего дела, при котором интересы каждого лица в отдельности логически развиваются в интересах всех.

ДОЛГ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Мы должны страстно защищать это дело, которое нас непосредственно затрагивает в любом уголке мира, которое затрагивает нас всех, наш дух, наши сердца, наши тела.

Есть один социализм, но разные социалисты. Социализм какого-либо Носке или Макдональда равносителен социализму Мильерана, республиканизму Пилсудского, Заморы или Пуанкаре.

Но есть более опасные фигуры, чем эти, у которых слишком определенные черты. Компромиссный и реформистский социализм страшнее для рабочего класса, чем явная реакция. Гнусные компромиссы социал-демократических лидеров обрекли во многих странах массы чрезмерно доверчивых трудящихся на колоссальные поражения и прискорбные отступления.

Революционер, который вполне правильно не видит другого исторического выхода в своей судьбе, кроме насильственного завоевания власти пролетариатом и радикального разрушения теперешней социальной системы, должен постоянно бороться с правящей буржуазией, не идти ни на какие соглашения с ней и не прибегать к дипломатическим приемам.

Сплотимся все в ряды Коммунистического интернационала! Из его рядов выйдет новая порода людей, которые изменят лицо всей земли по примеру гигантов из Страны советов, начавших это делать, взирающих на нас и огибающих нас уже в течение пятнадцати лет.

1932 г.

ПРОЩАЙ, ПАРИЖ!

Было около трех часов пополудни. Красная площадь лежала под глазурью льда; перед мавзолеем Ленина топталась неизбывная очередь. По Тверской шныряли насмешливыми взглядами чужеземцы из тех, что судят о положении этой страны по отживающим витринам почти уничтоженной частной торговли и путают благосостояние народа с угодливой роскошью бульварной торговли Запада. На отчаянно мчащихся трамваях висели виноградными гроздьями пассажиры. В нежном снегу кремлевского парка пролетарские матери гуляли с грудными детьми на руках, закутанными в тяжелые лоскутные одеяла. В книжных лавках, которых здесь так же много, как в Германии кабаков, толпились комсомольцы перед полками прикладной научной литературы. За цельными стеклами балконов работали канцелярии, стрекотали машинки, наслаивались пласты бумаг. По улицам жужжащими челноками проносились люди, спеша от одной работы к другой. Разражались над головами громкоговорители. Бородачи-извозчики (самая живучая прослойка «капиталистов» в СССР) щелкали кнутами в своих элегантно скользящих санках. Падал снег; красный флаг над безмолвствующим Кремлем окрасился неестественно в белое.

Я шел из «города». Мороз был ярый. меховая шапка, купленная мною безо всякого труда, сидела необычно высоко на моей европейски плоской голове.

На площади, где господствует здание ГПУ, — оно занимает дом, принадлежавший раньше страховому обществу «Россия», — вдруг остановилось движение. Налетела конная милиция и закрыла подступ с главных улиц к Дому союзов. Из боковых улиц шли сомкнутым строем отряды рабочих и служащих, над ними реяло знамя революции, а впереди маршировал военный духовой оркестр. Казалось, это были отряды ударников, они вытекали неожиданно из темных дворов, сливались, множились делением; у иных в руках были палки, женщины приплясывали под музыку. Милиция стояла железной стеной. Колонны обрастали толпой случайных прохожих. Вскоре по всем улицам загрела музыка, из ворот выносили знамена, комсомольцы пели песню Красной армии. Темнело: прожекторы резали небо, но сквозь их лучи безучастно падал бесконечный снег.

Четыреста тысяч человек сомкнулись в единую колонну; скоро их численность достигла миллиона: миллион москвичей вышел в этот день на демонстрацию к Дому союзов — с музыкой, с пляской, с криками «ура» и — в образцовом порядке. Они демонстрировали не против Сталина, не против переносимых ими лишений, которые также нельзя преуменьшать, как их нельзя преувеличивать, — они демонстрировали во славу своего строящегося и крепнущего государства, демонстрировали против интервенции.

В этот день открывался процесс профессора Рамзина и его соратников. Обвинение наряду с экономическим саботажем и шпионажем выдвигало в первую очередь государственную измену.

Дом союзов, где происходил процесс, это не что иное как бывшее «Благородное собрание». Здесь офранцуженная знать устраивала маскарады, здесь кружилась в вальсе «верхушка» общества, которая лучше знала Париж, чем тот народ, за счет которого жила. Здесь непрерывно шли те залитые огнями банкеты и балы, о которых по сей день рассказывают на санках извозчики как о закатившейся звезде. Сейчас, на четырнадцатом году революции, в этом доме последние представители буржуазии предстали перед судом нового господствующего класса, перед судом пролетариата.

Мне удалось по пропуску пробиться через цепь милиции (которая, кстати сказать, невооружена), примкнуть к демонстрации и добраться в конце концов до Дома союзов.

В просторном зале «Благородного собрания», отделенном от входа тяжелой красной портьерой, высится эстрада, на которой пятнадцать лет назад светские дамы со своими кавалерами разыгрывали любительские спектакли, — может быть, в пользу Красного креста. Посреди эстрады в тяжелых креслах, напоминающих своим громоздким покоем о феодальных временах, сидит суд. Всего четыре человека. Двое — штатные судьи, и двое — заседатели из рабочих. Состав суда почти такой же, как при шахтинском процессе, путь от которого до рамзинского совсем недалек. Один из штатных судей — известный альпинист, главный редактор газеты «Турист» (его «побочная профессия»). Крыленко тоже известен своей любовью к горному туризму; его стол — стол генерального прокурора республики — стоит слева, наискосок от судейского. Одет Крыленко в зеленую куртку и обмотки. У него лицо аналитика, которому необходимо уходить в горные кручи, чтобы там разрядить напряженную остроту своих мыслей, своей диалектики, своей неумолимой последовательности. Человек, выступающий всегда обвинителем и ни

разу не познавший напряжения травимой дичи, в конце концов нуждается для внутреннего равновесия в тех опасностях, которые он должен испытать во время отпуска в Гималайских горах.

Направо отсюда устроена ложа. Из фанеры и картона. В этой ложе сидят, видные по поясу, подсудимые. Рамзин впереди направо, за ним Ларичев; всех — семеро, обвиняемых в злейшем преступлении, какое знает Советский союз. Над этой картиной, напоминающей сцену суда в театре, брызжут хрустальной капелью восемь люстр времен балов и маскарадов.

В партере избранная публика. Перед эстрадой сидят журналисты — порода людей с записными книжками; за ними аппаратура звукового фильма — жужжащий остов, напоминающий о каких-то первозданных насекомых; рядом шипят юштеры; порою вскарабкается на эстраду фотограф перед самым барьером подсудимых и нацелится на них своим объективом. Этих человечков-комаров удастся спугнуть только тогда, когда они окончательно обнаглеют и сядут, так сказать, председателю на руку: налетят втроем-вчетвером на эстраду со своими аппаратами, заменяющими им мозги, и попросят подсудимых, прокурора или судей «мгнутку не двигаться». Председатель махнет рукой, комары снимаются, собираются роем в углу и там угрюмо ждут следующего случая.

Подсудимые курят. Рамзин медленно водит папиросой по обложке обвинительного акта, который он слово за словом прослеживает, пока секретарь читает его. Белый лепной зал молчит; люди в публике, состоящие преимущественно из партийной интеллигенции, молчат и поднимают головы. В публике много молодежи. Молодежь смеется, когда раздается слово «Франция». Рамзин сидит неподвижно и курит. Его товарищи едят или рассматривают публику. Ни один из подсудимых не выглядит плохо;

их можно принять за свидетелей, нарочно к случаю побрившихся. Четыре часа длится чтение обвинительного акта. Зал четыре часа молчит, четыре часа сидят неподвижно судьи, четыре часа глядят на ложки подсудимые, как будто едут в поезде незнакомой местностью, только Рамзин внимательно следит по печатному тексту и курит.

Этот профессор, которому господствующая система несла навстречу чашу доверия, — когда сам Ленин склонился тотчас после революции построить ему тот институт, который юному Рамзину при царской власти виделся во сне, этот человек, чье имя сегодня, всему наперекор, заставляет Россию сплотиться в борьбе с интервенцией, — наряду с обвинителем — самый выдержанный из участников процесса. Лицо, вылепленное аналитическим духом, правильное, как чертеж, глаза, привыкшие отыскивать точки пересечений, руки, о которых известно, что они выбирают перед тем, как взять.

Монотонно разносит громкоговоритель по белому балному залу слова обвинительного акта; неподвижно сидит Крыленко; неподвижно, застывшим взглядом смотрят судьи в юпитеровские лампы; мурлычет аппарат звукового фильма. Рамзин курит. Перед красной взбившейся портьерой стоят солдаты, застыв, как штыки на их ружьях. В свернувшихся хрустальных каплях люстр играет свет.

Четыре часа идет чтение обвинительного акта, четыре часа тянется перед дворцом демонстрация.

Слышны возгласы, слышны проклятия против Франции. Этот процесс — экран, на котором Европа видит отраженным единодушный порыв, коего подлинность не подлежит сомнению, ибо он — всенароден.

Интервенция, — красногвардеец, что следит перед залом суда по громкоговорителю за развитием действия, крепче сжал в руках приклад и смеется. Дипломатическая ложа переполнена. С вечернего неба, покрытого ржаво-коричне-

выми облаками, падает снег на сотни тысяч людей, вышедших после рабочего дня на демонстрацию за свое государство.

Вечером говорит Рамзин. Он стоит за пюпитром, на котором виден радиоприемник и стакан воды, словно за кафедрой. Он раскрывает папку. Эта папка, толщиной в рукописный роман, — его защитительная речь. Он читает. Все слушают. Зал превращается в университет. Рамзин излагает историю своей партии, ее работы; он сознается — с достоинством историка, который говорит не перед судьями, а перед аудиторией. Никто не шевельнется.

Лжет ли Рамзин, когда говорит, что интервенция подготовлялась при содействии иностранных министерств? «Мы старались использовать наши посты, чтобы подготовить условия для интервенции, мы создавали экономические кризисы, чтобы возбудить народное возмущение против всей системы; сегодня мы сдаем оружие, мы побеждены работой Советов, мы каемся, мы сознаемся».

В десяти метрах от Рамзина сидят иностранные дипломаты и журналисты. Почему не кричит он: «Мое признание вынуждено, этот процесс инсценирован в целях советской дипломатии»? Почему не хочет он использовать европейскую печать, если его принуждали?

Он сознается. Его признание не патетически подавленное, его признание — анализ ложного проекта. Он сознается с достоинством ученого. Он выкладывает свои расчеты. На улице массы кричат еще: «Смерть!», они говорят «Рамзин» и думают «интервенция». Они знают, что интервенция разрушит ту трудную стройку, которую вершит этот народ с невообразимыми лишениями и невообразимым героизмом; они боятся за свое дело, боятся за подрастающую молодежь этой страны, здоровую и сильную, боятся за свои права; они хотят работать и

будут защищаться зубами и когтями, если кто попытается помешать их работе, их идее — самолетами, ядрами, газам.

Психологически для нас в этом процессе не важно, добровольно ли признание Рамзина или нет, инсценирован ли этот процесс, как утверждают у нас, — нам важно знать, как велика готовность этого народа защищать свое дело, самим осуществить свои идеи, самим изжить все трудности, самим построить свое общество, самим устроить свою жизнь — без иноземного вмешательства. Кто за процессом Рамзина следит ушами, кто способен слышать что-либо, кроме судебного шума, кто объездил за последние месяцы Советскую Россию и жил не на оторванных островах гостиниц для туристов, кто был на материке — в деревне и видел там за работой новое поколение, кто знает Красную армию, кто жил в клубах, а не в московском «Гранд-отеле», кто видал ошибки и промахи, кто жил в социалистических городах, кто не путает содержания жизни с благоустройством, кто судит о жизненном содержании и жизненном подъеме человека и народа не по его комфорту, а по его работе, — такой наблюдатель, если глаза у него открыты, знает, что здесь началась материализация человеческих субстанций, и задержать ее или, тем более, вовсе заглушить ее — значило бы совершить преступление против нарождающейся к жизни новой исторической эпохи.

Этот темный процесс, который слишком легко принимают в Европе, доказал одно: национально-революционную готовность народа дать отпор интервенции. Доказательства этому я вывожу не только из моего московского опыта; я находил их в деревне, находил в народных массах Украины, таких великих и мощных, что их уже никак нельзя считать потемкинскими деревнями. Или при-

шло бы признать потемкинской деревней половину России.

Поздно вечером я вышел из зала суда. Все еще проходили толпы с песнями и возгласами: «Смерть!» Я думал о Рамзине, о сознавшемся преступнике, чье признание Европа не принимает на веру. Я два часа шагал с толпою по оголенным улицам, я танцевал с девушками, я пел их песни, был в их клубах, я видел их за работой на фабриках, я изучал Красную армию. И одно несомненно: хрустальные люстры бывшего «Благородного собрания» никогда не дождутся удовольствия бросать укромный свет на тех людей, что пятнадцать лет тому назад подымали узкие ручки своих дам под такт «Française».

«Française» в СССР изжит. Прощай, Париж!..

Ноябрь 1930 г.

Чтобы бороться за освобожденный пролетарский
мир.
Харьков! Я постиг здесь то, чего
никогда не забуду:
Что в каждой стране — в Египте, Японии,
Англии и Германии,
Во Франции, в Польше и среди народов
Советского союза
У меня много товарищей, мужчин
и женщин,
Которые живут и пишут только для
пролетарской революции.
Теснее ряды!
Выкуем новое оружие пролетарской
революции из наших пылающих
мыслей.
Будем бороться, пока весь мир не станет
Советским союзом!
Будем защищать Советский союз от
империалистов нашей родины
Пером и пулеметом, серпом и молотом!
Вперед, союз революционных писателей,
на строительство коммунистического
мира!

ТАЙНЫЙ ПОХОД ПРОТИВ СССР

1

Проносится по миру шопот.
Слышишь, рабочий, его?
Шопот военных кругов Европы.
Слышишь, рабочий, его?

То шепчут газы, фальшивки и планы,
То шепчет снарядов бесчисленный груз,
То шепчут везде моря и страны,
Готовя поход на Советский союз.

П р и п е в:

Фабрики, села, ружья берите,
Крепче направьте удар.
Фашистские банды в прах сотрите,
Всюду раздуйте пожар.
Пусть украшает красное знамя
Каждую крепость и каждый завод.
Тогда лишь, из пекла войны последней
Мировая Коммуна взойдет.

2

Летят поезда из края в край,
Полякам везут пулеметы,

Ноль восемь ружья в далекий Китай,
Финнам штыки без счета.

Шрапнель — это чехам про запас,
Румынским полкам гранаты.
Смотрите, смотрите, они против вас,
Армии Красной солдаты.

(П р и п е в)

3

Слушай, рабочий, час битвы настал,
Но не за народ и за расу.
Свои войска ведет капитал
Против рабочего класса.

Самой революции страшную смерть
Несет поход на СССР.
Орудия те, что вдали грозят,
Против тебя, пролетарпат.

(П р и п е в)

МОЙ ОТВЕТ

Здесь, в Союзе, пошлют ли на завод оружейный, —
 Стану работать до пота в ударной бригаде.
 А буду за границей я, — надрежу передачи я, —
 Согну я ствол винтовочный, фитиль скручу веревочный,
 Песку насыплю в порох я, зажму колеса в шорах я,
 Снаряд трухой напичкаю, — и стукну стачкой в
 стачку я,
 Чтоб споткнулась плоть ее, чтоб лопнула душа ее,
 Душа войны и плоть ее.

Здесь, в Союзе, пошлют ли на химпроизводство, —
 Надорвусь на работе в ударной бригаде.
 А буду за границей я, — все лампы продырявлю я,
 Все маски пробуравлю я, набью песком подшипники,
 Заткну газопроводы я, сломаю газометры я,
 Взрву котлы кипящие, — и стукну стачкой в стачку я,
 Чтоб споткнулась плоть ее, чтоб лопнула душа ее,
 Душа войны и плоть ее.

Здесь, в Союзе, пошлют ли на разгрузку вагонов, —
 День и ночь стану гнуться в ударной бригаде.
 А буду за границей я, — все гайки я повывинчу,
 Все оси я повыкручу, все рельсы я повырою,

Все шпалы разворочаю, взбунтую всех рабочих я, —
И стукну стачкой в стачку я,
Чтоб кинуть вспять оружие,
Оружие, оружие,
Оружье революции
Против господ
Поднять!

Но раз в Москве живу я и если нынче здесь я,
Войну я встречу в строю.
Еще не минет году, —
Буржуй хоть прыгни в воду, —
Как в Венгрию приду я,
Я в Венгрию свою.
И пронесу, ликуя, — мы промчим, ликуя,
Страной раскрепощенной, —
Кровавые знамена
Интернационала.

ВОЙНА

Черные металлические над землей наклоняются крылья.

Душно.

Близится буря.

Страшно.

Безрукая

Над городами и пашнями

Нависает

Война.

Кто думает — далеко еще?

Шрапнельный созрел град.

Кто думает, что ее знает?

Все, встретив ее, задрожат.

Она придет,

Не восседая на традиционной кляче,

Не выбивая дробь на барабанах,

Не потрясая бронзовых колоколов.

Она приближается

Тяжеловесностью стального танка,

Обдуманном полетом хищной птицы,

Пальбой дредноута.

Будут шипеть пулеметы,

Взбесятся глотки мортир,

Аэропланы прокаркают
На окровавленный мир.
Война подкрадывается.
И подлость ядовитых газов
Обрушится,
Как разрушительный циклон.
Огнем
И ядом
Воздух воспален.
Смерть,
Как мотор,
Вселенную измелет,
Пожаром обовьет ее седым
И серым, как солдатские шинели,
Как дым.

Грудящееся человечество!
Мужчины,
Женщины
И особенно ты, молодежь
Всех городов и сел
Земли в оковах!
Белые,
Желтые,
Черные,
Будьте готовы!
Идет война.

Пусть,
Разом опустеют арсеналы,
Химические останутся заводы
И маршировка кончится во взводах —
Дурацкая —
В войсках
Владыки-капитала.

Война — войне!
Войне
Империалистов,
Фашистов
И пацифистов
Против рабочих и крестьян;
Войне
Против Советского союза, где
Осуществляются мечтанья
Раскрепостившихся людей;
Против Советского союза, где
Электричеством,
Тракторами,
Комбайнами
Освобожденный труд —
Литые мускулы
И острые умы —
Стирают грань
Меж городом и селами бескрайними
И рушат пласт
Кровавой тьмы;
Против Советского союза, где
В муках и песнях —
Вот она — радость, возьми! —
Солнечный и свободный,
Строится новый мир.

Трудящиеся!
Мужчины,
Женщины
И особенно ты, молодежь
Всех городов и сел
Земли в оковах!
Черные,

Желтые,
Белые,
Будьте готовы!
Война — войне!

Пусть
В последний раз пролают пулеметы,
В последний раз хулу извергнут пушки,
И стаяй металлических ворон
Аэропланы
Взовьются между землей и небом,
Прокаркав
Последнее аллилуия
Старому миру...

ЕСЛИ ВНОВЬ ЗАГРЕМИТ БАРАБАН...

Как вы, был каждый юн, — и глядь:
 Пожар войны встречай!
 В очередях стояла мать...
 Отца спешил сожрать, сожрать
 Любезный «отчий край».

Стаканы гранат до поздней тьмы
 Точили мы бессонно.
 Жирел хозяин, чахли мы.
 И плескались, плескались знамена...

Знамена, знамена в кровавой пыли..
 Что ни день — справляй победу!
 Попы про отвагу что-то плели,
 Но жались в тылу, от траншей вдали,
 Огонь предоставив соседу...

Последний резерв выпускают в бой:
 Дорогу старым и слабым!
 Мой друг слал грозные письма домой,
 Но вдруг замолчал мой бедный герой,
 Потому что пулю поймал он.

Зачем? Зачем? Зачем? Зачем?
Мы были мальчики совсем,
Стрелять, умирать не хотели.
Но не знали пути и родной земли
Живодерекоего строя постичь не могли,
Виновного в нашем расстреле.

Мы слишком поздно раскрыли обман.
Предательски были распяты!
Но если вновь загремит барабан,
Встань, юный товарищ, под знамя к нам:
Как мы, стань красным солдатом.

ЧТО ВЫ БУДЕТЕ ДЕЛАТЬ В СЛУЧАЕ ВОЙНЫ ПРОТИВ СССР?

РОМЕН РОЛЛАН

Вот уже несколько месяцев национальная печать, все нити которой в руках у интернационала капиталистов, ведет грязную кампанию против СССР. Самыми низкими способами она пытается возбудить против него общественное мнение и таким путем воздействовать на правительства, которые только того и ждут.

Но печать заблуждается относительно результатов своей кампании. Общественное мнение осуждает провокаторов. Оно разрушает паутину лжи, которая, будучи вечером опровергнута фактами, невозмутимо восстанавливается каждое утро профессиональными лгунами. Общественное мнение разоблачает вздорные измышления полицейских фельетонистов; наглое вмешательство иностранных королей нефти в политику Франции; позорная сделка между самым низменным, корыстолюбивым капитализмом и кровавым фашизмом; поповское лицемерие церковью бога римского, женеvского, иудейского; средневековое вмешательство наместника Христа, который вошел в стачку с палачами Человека («деньги на бочку!»), и лишенный голоса в то время, как Европа была отдана во власть волчьих стай белого террора, когда на Востоке земля обагралась кровью тысяч евреев, снова петух свя-

того Петра обретаем голос для того, чтобы призвать к крестовому походу против красных бунтовщиков, разбивших вековое ярмо, благословляемое богом попов, богом палачей человечества.

Вы хотите поднять мнение против СССР? Ладно! Но берегитесь, как бы оно не поднялось против вас самих! Дело идет для нас не о каком-нибудь столкновении мировоззрений. Многие из нас (в том числе пишущий эти строки) никогда не были и не будут коммунистами. Я умру, как живу, свободным индивидуалистом. Но сегодня — долой разногласия! Мы объединяемся перед лицом общего врага.

Индивидуалисты или коммунисты, или социалисты, или синдикалисты (с любыми инициалами на знаменах), или радикальные республиканцы (не на словах, а на деле), мы не потерпим, чтобы под лицемерным прикрытием религии и права, цивилизации и гуманности самая гнусная реакция — реакция золота, штыка, дубины и папской тиары — использовала наш Запад и пыталась бросить наши народы против великих братских народов русской революции, против их героических усилий. Мы хорошо знаем, что эти усилия заставляют вас содрогаться, и что вы не восставали бы так против СССР, если бы вас не ужасали его успехи. Для вас вопрос жизни и смерти — помешать его гигантскому плану реконструкции, ибо — вы это знаете — если там добьются его осуществления (а это дело трех лет), то твердыня Союза пролетарских республик вырисовуется над Европой гигантской массой и противостоит всем нападениям. И тогда придет конец вашим намерениям поработить мир. Будет слишком поздно!.. Вы это знаете...

Мы тоже это знаем. Вот почему мы срываем с вас маску и разоблачаем вас перед миром. Заговорщики, вернитесь в свое логово! Прочь руки от СССР!

СТЕФАН ЦВЕЙГ

Я, разумеется, считаю обязанностью каждого мыслящего человека со всей силой и со всем ожесточением препятствовать попыткам военной угрозы России. Разумные люди и прежде знали, что всякая война представляет собою варварство и недостойный человека атавизм; в XX веке это было исчерпывающе доказано, и я надеюсь, что народы Европы не забыли этого убийственного урока. В каждой стране происходит достаточно несправедливостей, и те, кто честно хотят возмутиться, имеют для этого достаточно оснований. Попытка вооруженного вмешательства в дела другой страны является поэтому преступной и соответствует только частным и материальным интересам отдельных лиц, но никак не соответствует истинному настроению масс и народов. Я твердо убежден, что агитация некоторых безответственных лиц, имеющих целью снова послать миллионы или сотни тысяч людей под пулеметы или газ, не будет иметь успеха. Но этот безусловный оптимизм не должен ослаблять нашей бдительности и нашей готовности решительно бороться с каждой попыткой военной интервенции и предшествующей ей одурманивающей газетной пропагандой.

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

Я против каждого конфликта с Советским союзом, от кого бы он ни исходил. Я считаю, что Советская Россия является экономической и политической системой, которая уже ныне в состоянии конкурировать с западным капитализмом, а в будущем, — возможно, уже в близком будущем, — окажется сильнее его. Правда, капитализм до настоящего времени играл важную роль в развитии Соединенных штатов, но имеются признаки, указывающие, что он превращается в олигархическое общество, в кото-

ром все подчинено финансовым интересам банков, которые теперь выполняют только административные функции, но ничего не создают и стремятся только утвердить власть финансовых династий, готовых заменить недавно уничтоженные королевские фамилии.

С какой точки зрения ни рассматривать капиталистическую систему, — очевидно, что она не может поставить себе в заслугу ни современных изобретений, ни достижений в области общественной жизни, потому что все это сделано руками и мозгами миллионов пожертвовавших собой людей. Ни одна семья или группа банкиров или собственников не имеет права неограниченно пользоваться тем, что создано столькими людьми.

Что же касается недавно развернувшейся кампании против антирелигиозной деятельности России, то я вижу в ней только маневр западных монополистов, имеющий целью либо затеять «священную» войну против России, либо притупить наше внимание к опасности ничем не ограничиваемого капитализма. В нашем западном мире банки и объединения капиталистов значат все, отдельные лица — ничего. Капиталисты добиваются не шестипроцентной, а стопроцентной прибыли, которая недоступна массе. Эта погоня за прибылью является убийственной для души и ума, для всякого проявления подлинной силы и энергии.

Кроме того, все формы догматической религии, по моему мнению, излишни. Мир когда-то обходился без них, и когда-нибудь снова обойдется без них. Стоит вспомнить хотя бы великие цивилизации Китая или Индии. Я не атеист. Я верю в существование высшего начала. Но кому нужно религиозно-догматическое старье с поповской иерархией, с предписаниями и схемами, с постоянными призывами к божественной власти? Все это ничего не дает для блага отдельных лиц.

Теперь представители церкви борются против человеческого ума и его достижений, против науки и философии, они хотят держать массы в состоянии рабства, от которого свободны лишь несколько избранных, претендующих на руководство всем миром. Все это должно быть разрушено, уничтожено.

Современный человек должен изучать науки и сам делать свои выводы, особенно по экономическим, социальным и правовым вопросам. Только приобретя эти знания, человек может иметь суждение о смысле своей жизни.

А разве русская православная церковь не была игрушкой в руках царей? Ее синоды и попы, укрепляя народное рабство, сами пребывали в мистическом заблуждении, не имеющем никакой научной основы. Если она еще не окончательно уничтожена, следует желать, чтобы это случилось как можно раньше.

ЭПТОН СИНКЛЕР

Я считаю, что советское правительство завершает одно из величайших достижений человеческой истории, и каждый, кто верит в прогресс, должен защищать его в случае, если капиталистический мир выступит против советского правительства.

БЕЛА ИЛЛЕШ

Я отчетливо припоминаю, как 7 ноября 1927 года Панайт Истрати с полными слез глазами наблюдал на Красной площади торжественный парад Красной армии. «Балканский Горький» плакал от радости.

Я припоминаю так же отчетливо, как он в одном рабочем клубе накануне отъезда из Москвы дрожащим от волнения голосом восклицал: «Да здравствует Советский союз!»

Теперь, когда я перелистываю антисоветские книги Истрати, я приобретаю новое понимание о неограниченных возможностях человеческой подлости и о том, какой смысл может порой иметь термин «революционный писатель».

Недавно я провел несколько дней в Берлине. Я жил у Иоганнеса Р. Бехера. Иоганнес никогда не забывал утром, когда прибывала почта, бросить стереотипный вопрос: «Сколько?» Вопрос этот означал следующее: «Сколько повесток получено из полиции?» До того не проходило ни одного дня, когда почта не приносила бы одной или двух полицейских повесток. Но в защиту германской демократии я должен громко заявить, что за четыре дня моего пребывания у Иоганнеса Бехера только один раз случилось, что явилась полиция, зато сразу пять цергибельских шуцманов. Так живет западноевропейский пролетарский писатель. Ничего удивительного, если Толлеры, Истрати, Леонарды Франки, Макс Бартели предпочли отказаться от подобной жизни.

Когда читаешь немецкие буржуазные газеты, узнаешь изумительные новости о Советском союзе. Так, я узнаю из «Берлинер тагеблатт», что из колоколов, снятых с церквей, сделаны клетки для обезьян; из одной дрезденской газеты я узнал, что на Красной площади на глазах опьяненной толпы ежедневно казнят сорок-пятьдесят попов. Чтобы охарактеризовать действие, которое производят такие и подобные сообщения, достаточно указать на следующую мелочь: в санатории, в которой я отдыхал после своей тяжелой болезни и в которой живут преимущественно добротные немецкие обыватели, никто решительно не садился за мой стол, так как в книге записей жильцов я в график относительно подданства большими буквами написал: «СССР».

Истрати многому научил меня. Но пребывание в Германии научило меня еще и тому, что в настоящее время в капиталистических странах стоять на позиции защиты СССР — дело нелегкое. Возможно, что положительная позиция европейских и американских писателей сама по себе особенно большой пользы не принесет. Но вполне ясно то, что эта позиция теперь уже повлечет невыгодные последствия для тех, кто открыто и определенно выступит против так лихорадочно подготовляемой «священной войны».

Публикуя полученные Международным бюро пролетарской литературы ответы, мы не можем не сделать одно замечание: подлость и низость Истрати только возвышают моральную ценность смелых выступлений Драйзера, Романа Роллана, О.-М. Графа, Стефана Цвейга и других.

Я пользуюсь случаем, чтобы от себя лично дать ответ на поставленный Международным бюро вопрос. Когда я служил в австро-венгерской армии, я делал все возможное, чтобы вредить «интересам войны». Я был еще очень молод и зелен, но все же моя работа не осталась безрезультатной. В 1920 году, когда я работал в тылу польского фронта, у меня был уже большой опыт, и моя работа была более плодотворной. С того времени я многому научился. Теперь уже я знаю не только против кого, но и за что надо бороться. Я твердо убежден, что в «единственно справедливой войне» сумею твердо и верно стоять на посту.

ИОГАННЕС Р. БЕХЕР

Здесь не нужны высокие слова и патетические уверения: само собою понятно, что пролетарские революционные поэты и писатели используют все средства, чтобы помочь Советскому союзу — великой родине всех трудящихся —

защититься от нападения мирового империализма. Ни один не уклонится, каждый будет на своем посту. Во всех странах мира создадутся Красные армии... Этими словами я повторяю то, что осенью 1929 года я говорил в Тифлисе перед красноармейцами и рабочими. За произнесение этой речи в настоящее время в Германии возбудили против меня обвинение в подготовке государственной измены.

Но я, несмотря на это, повторяю эти слова и буду всегда повторять их. Мы, пролетарские революционные писатели, считаем себя и в настоящее — так называемое мирное время — красными солдатами.

МАЙКЛ ГОЛД

«Как вы поступите в случае, если империалисты объявят войну Советскому союзу?»

С таким вопросом обратилось недавно Международное бюро пролетарской литературы к европейским и американским писателям.

Ответы были различны. Пролетарские писатели отвечали, что вступят в Красную армию на защиту социалистического отечества. Некоторые буржуазные писатели преподнесли ряд благородных и ничего не значащих пацифистских общих мест. Бернард Шоу воспользовался случаем для остроты: «В прошлую войну меня освистали, а в эту меня повесят».

Один либеральный американский журнал («Нейшен», «Нью рипаблик» или «Нью-Фриман»?) обрушился на советских авторов и объявил, что самый вопрос — глупость.

«Откуда вы знаете, что предстоит новая мировая война? А что с пактом Келлога? Откуда может знать человек заранее, что он будет делать в таком-то конкретном и сло-

жном положении? Зачем заранее бить тревогу? Почему бы не подождать, покуда не начнется эта маловероятная война? Чего плакать, прежде чем тебя ударили? Достойно ли это? Тактично ли это? То ли это? Сё ли это? Откуда вы знаете? Откуда вы знаете? Вы так решительны—откуда вы знаете об этом наверняка? Откуда вы знаете? Откуда вы знаете? Может быть, завтра — не вторник? Может быть, солнце больше не встанет? Откуда вы знаете? А почему бы так, случайно, не приключиться чуду? Ну, да, ясно, завтра солнце подымется на западе, и пойдет дождик из селедки и вареной картошки. Откуда вы знаете?»

Откуда вы знаете хоть что-нибудь? Вот сущность «либеральной» позиции, — бессильный скептицизм, попытка убежать от безжалостных реальностей мира. Либерализм по существу является только современной формой неврастности. Это философия мелкой буржуазии, социального слоя, который выбит из своих мелких лавочек крупными делами, универмагами, быстрой трестификацией капиталистического мира.

Еще Д. Г. Лоуренс жаловался, что пропасть лежит между верхними и нижними жерновами — между мощным огромным капитализмом и мощным огромным коммунизмом. Они не могут прийти к соглашению о том, какое избрать будущее для мира: перед каждым совсем иная жизнь.

Эти колебания, эта истерическая неспособность выбрать разукрашваются в политику «Откуда вы знаете?»

Немало либералов, интеллигентов и т. д., когда их прижмут к стенке, присоединяются к фашистскому лагерю. Им трудно забыть, что когда-то они стояли «выше» рабочих, и поэтому они с надеждой смотрят на всякое движение, которое дает хоть мнимую уверенность, что они навсегда останутся выше.

Но даже Муссолини не может обмануть железные законы экономики. Средняя и мелкая буржуазия, так радостно принявшая его в качестве буфера против рабочих, уже начинает видеть, что он просто новый Вудро Вильсон или Керенский, хотя и принимает позы драматического тенора в опере Верди. Звезда его закатывается; по всей вероятности, он года не проживет.

Давайте бросим глупости. Здравый смысл — это не более, не менее как способность воспринять правду. Самое здравое суждение, которое может быть сделано в нынешнем положении вещей: готовится новая огромная, всемирная война. Вооружения растут с быстротою бактерий на пораженном участке тела. Государственные деятели и финансисты хлопочут, как синие мухи вокруг падали. Сегодня для мировой войны имеются сотни резонансов много лучших, чем в 1914 году, имеется капиталистическая конкуренция в «божьем изобилии».

И имеется Советский союз. Покуда он существует, покуда он продолжает доказывать, что капитализм — наиболее анархический, грубый, дорогой, жестокий, посредственный и неубедительный способ поддерживать общество, до тех пор будут стремиться дельцы уничтожить Советский союз. Мы хорошо помним, как они уже пытались это сделать и как Советская Россия сокрушила их на семнадцати фронтах. Но они попрежнему пытаются — в Румынии, Польше, Латвии, Финляндии и других лимитрофах, поддерживаемых европейским золотом и европейским снаряжением.

У каждой европейской державы есть разветвленная шпионская организация в Советском союзе. Десятки раз было доказано, что монархические террористические организации финансируются Англией и Францией. Даже здесь, в Нью-Йорке, есть полк национальной гвардии, состоящий из русских монархистов. В казармах — цар-

ские портреты, царские флаги, царские эмблемы. Даже самый наивный либерал понимает, зачем так заботливо и усиленно учатся военному строю и маневрам эти русские эмигранты. Их усердие объясняется не одной только «любовью к спорту».

Войну готовят. Десятилетия не пройдет, как она вспыхнет. Перед всяким, кто хоть сколько-нибудь надеется на будущее, один долг: мы должны защищать Советский союз.

МАРТИН АНДЕРСЕН НЕКСЭ

Империализм вряд ли посмеет объявить войну Советской России, потому что империализм не настолько слеп, чтобы не заметить того факта, что западноевропейский рабочий класс день ото дня левеет и война может легко перейти в революцию.

Если же у империализма все же хватит глупости затеять войну, я всеми способами буду стремиться превратить войну в революцию.

ИВАН ОЛЬБРАХТ

Какую бы я занял позицию в случае военного похода против СССР?

Разумеется, отрицательную по отношению к войне. Крайне враждебную против войны. За всякую действительную помощь Советскому союзу.

Однако думаю, что гораздо большее значение в такой момент будет иметь позиция пролетариата, чем позиция нескольких десятков писателей. Пять лет (после десятилетней годовщины со дня возникновения войны) мы разъясняли на тысячах собраний рабочим Чехо-Словакии настоящий смысл войны против СССР и получили за это тюрьмы сроком до десяти лет. Теперь у нас уже нет клас-

ово-сознательного рабочего, который бы не знал, каков его в таком случае долг. Необходимо только, чтобы эта великая сила и враждебное отношение пролетариата к войне были практично организованы.

ОСКАР МАРИА ГРАФ

Каждая война сама по себе — преступление. Задача всех мыслящих, сознательных людей и государств — презирать ее, по мере возможности препятствовать ей и воздерживаться от принудительной военной службы. Все войны мировой истории — классовые войны. Им всегда из политических соображений приписывались ложные мотивы.

Кто в наше время говорит: «Я против империалистической войны с Советским союзом», тот выражает лишь, что он противник войны вообще и считает Советский союз желательным общественным порядком. Но такой человек не может не ожидать, что в один прекрасный день враждебные силы не инсценируют войны против Советского союза. Раз мы объявляем себя противниками войны, но считаем войны неизбежными, все дело для нас будет в том, чтобы заклеить нападающих как преступников, отказать им во всякой поддержке, а защищающихся от нападения объявить перед всем миром относительно более правыми и оказать им всяческую помощь.

ПЕТР ИЛЕМНИЦКИЙ

Я являюсь членом КПЧ с самого ее основания. Два года проработал в СССР и написал роман из жизни чешских и словацких колонистов, поселившихся на Кавказе.

В случае нападения на СССР я отдаю себя в распоряжение КПЧ, а следовательно, и все силы — революционному борющемуся пролетариату.

Я не считаю возможным объявление войны Советскому союзу со стороны западных империалистов. Их тактика будет гораздо более осторожной. Их правительства, по всей вероятности, ухитрятся спровоцировать Советский союз на разрыв, найдя для этого подходящий момент.

Несмотря на происходящую сейчас интенсивную моральную подготовку войны, мне кажется мало вероятным, чтобы империалистические государства пошли на риск выступления рабочих в их собственных странах. Они предпочтут более медленные и лицемерные методы. Они, например, попытаются возобновить моральную блокаду 1919—1920 годов по отношению к развивающейся (и, быть может, переживающей кризис) России и всякими путями поддерживать (но без открытой интервенции) белогвардейские мятежи.

Разумеется, что борьба с этими правительствами, для того чтобы быть успешной, должна опираться на точные и своевременные сведения. Получить их будет нелегко.

Не входя в существо разногласий внутри Советской России, я лично считаю русскую революцию и ее культурные завоевания одним из основных моментов цивилизации. Что бы ни произошло, — открытое нападение или атака из-за угла, я буду рассматривать защиту этих завоеваний как защиту самого необходимого и драгоценного в нашей цивилизации. Я считаю своим долгом отстаивать материальную, политическую, общественную и моральную неприкосновенность СССР. Я выполню этот долг.

МОЗЕШ КАХАНА

Десять лет назад Румыния насильно завладела революционной Бессарабией. С того времени кровавые пресле-

дования бессарабских крестьян и трудящихся, приверженцев и друзей СССР, не прекращаются. Целый ряд демонстраций в пользу СССР был кроваво подавлен. Друзья СССР, такие, как, например, инженер Александр Гуров, редактор Сырбу, писатель Пуцурь, превращены в калек и брошены на долгие годы в тюрьмы, — я не говорю уже о вождях Румынской коммунистической партии, которых часто без суда расстреливают и убивают. Карательные экспедиции против советски настроенных масс не прекращаются, готовятся все новые «походы» и маневры «железной гвардии», постоянно ожидаешь новой кровавой провокации против всех, симпатизирующих СССР.

Что это — как не непримиримая война против страны пролетарской диктатуры?

Уже давно неактуален вопрос — что мы сделаем в случае войны? Надо спросить: что в странах белогвардейцев делают и сделали интеллигенция и писатели против войны, которая ведется уже десять лет, против постоянных провокаций, против всеобщего наступления на СССР?

Я лично сделаю в будущем то же, что я делал в прошлом: я предоставляю себя в распоряжение коммунистической партии Румынии и Коминтерна.

КУРТ ТУХОЛЬСКИЙ

На ваш вопрос, какой будет моя позиция в случае империалистической войны с СССР, я отвечаю следующим образом:

В случаях азиатских конфликтов я молчал бы, так как я в этих вопросах не разбираюсь.

Если же речь идет о союзе европейских держав, которые с помощью церкви безостановочно травят Россию,

Россию, которая (в силу их собственного рабочего движения) торчит у них как бельмо на глазу, — моя позиция predetermined заранее: за Россию, против тех держав, даже если бы пришлось идти против Германии. Готовность, с которой я в таком случае выступлю за Россию, определится обстоятельствами, которые я предвидеть сейчас не могу; я считаю неразумным заранее определять тактику, которая, поскольку это касается меня, не ограничится рамками законности.

Прежде всего я писатель, а не политик-профессионал. Подобную войну, чей исход определить заранее трудно, я восприму как катастрофу для всего международного рабочего движения; если такая война наступит, у меня не может возникнуть никаких сомнений, кто в ней повинен.

ЧАРЛЬЗ ИЭЛЬ ГАРРИСОН

Мне, сражавшемуся в прошлой империалистической войне, ясно, что рабоче-крестьянские массы, которые в конечном счете должны оплачивать эти разбойничьи действия своими жизнями, взбунтуются против новой грабительской войны.

Либеральные интеллигентские писатели в новой войне сыграют ту же роль, что и в прошлой: отдадут свои таланты и энергию на придание кровавому убийству характера разумного действия.

Что до меня, я призову всех рабочих и крестьян вступить в империалистические армии и обратить свое оружие на разрушение капиталистических государств.

ЭГОН ЭРВИН КИШ

Война против Советского союза, который с первого дня его существования духовенство, аристократия и капи-

талисты, сосредоточивающие в своих руках все средства пропаганды, окружали ложью и клеветой, преследовали убийствами и бойкотами, — такая война может заставить писателя, разбирающегося в общественных взаимоотношениях, только на одной стороне: на стороне Советского союза.

Подобные отношения обязывают его с первого дня быть непрерывно на боевом посту. Это может выразиться либо в повседневной агитационной и пропагандистской работе, разъясняющей основы строительства и жизнь пролетарского государства, а также причины предпринятого против этого государства капиталистического похода, либо же в том, чтобы влиться в ряды стоящей на фронте Красной армии рабочих и крестьян.

Что касается меня, то в случае войны против Советского союза я не представляю для себя более счастливой позиции, чем окопы Красной армии.

ШАРЛЬ ВИЛЬДРАК

Если империализм, откуда бы он ни исходил, объявит войну Советам, моя позиция будет позицией революционера, и я использую все свои силы, как человек и писатель, для борьбы с подобной попыткой. Прибавляю, что так же поступлю в случае любой войны, угрожающей национальному самоопределению.

Правда, мне, вообще говоря, не представляется возможным, чтобы при нынешнем состоянии Европы и общественного мнения какое-нибудь капиталистическое правительство решилось на военные действия против СССР, но империализм уже давно ведет против Советов наступательную и оборонительную войну, войну экономическую, войну прессы и пропаганды, при помощи систематической лжи и шельмования.

В этой войне я остаюсь (и останусь) в числе тех, кто не перестанет протестовать и бороться. Ибо, хотя я и не состою членом никакой политической партии, я считаю, что капиталистический строй — основная язва нынешнего мира, и продолжаю верить в русскую революцию — героическое стремление к новому порядку вещей.

АДАМ ШАРРЕР

Война является продолжением империалистической политики, только иными средствами. Борьба рабочего класса против империалистической политики в эпоху социальных и политических кризисов и происходящих отсюда капиталистических попыток разрешить кризис должна вестись против капиталистической системы и за пролетарскую диктатуру. Иными словами, нужно превратить империалистическую войну в гражданскую. Эти слова — ответ также и на вопрос о том, как должен вести себя революционер в случае войны с Советским союзом. Нападение буржуазии на Россию встретит ответное наступление пролетариата на буржуазию.

ЛЮДВИГ РЕНН

Так же, как в настоящее — так называемое мирное — время, так и в случае войны я прежде всего — солдат Красной армии мирового пролетариата.

ЛЮДВИГ ТУРЕК

Империалисты готовятся к войне.

Миллионы расходуются на вооружение войск и производство военных машин. Весь мир в напряжении. Мы знаем, что когда война начнется, она будет решительной. Мира между трудом и капиталом не может быть. На

нашей стороне твердая уверенность в победе. Если лозунг «победа или смерть» во все исторические времена был пустой фразой, то для нас, коммунистов, он приобретает силу закона. Согласно этому закону будем действовать. Присяга красноармейцев является и нашей присягой. Обещаем в борьбе за освобождение трудящихся не пощадить ни сил, ни жизни.

Надписи на знаменах наших демонстраций говорят врагам: «Попробуйте только, собаки, напасть на Советский союз! Борьба с ним труднее, чем грызть гранит».

АННА ЗЕГЕРС

В случае войны с Советским союзом долг всякого порядочного человека — ясно и определенно стать на сторону Советского союза и защищать его всеми силами.

ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН

Излишне говорить, что если бы была объявлена война против советского правительства, я сделала бы все от меня зависящее, чтобы воспрепятствовать ей.

КУРТ КЛЕБЕР

Мне трудно сказать многое в ответ на вопрос о том, что я буду делать в случае военной интервенции против Советского союза. Я прежде всего, — член коммунистической партии Германии и в случае войны буду делать все, чего она потребует от своих членов, в том числе и от меня. Весьма понятно, что в основном требования ее сведутся к требованию активной борьбы против наступающих армий и государств...

Я награжден орденом Красного знамени за мою деятельность во время гражданской войны. Я постараюсь заслужить еще один такой знак отличия. Я убежден, что по окончании войны империалистов с Советским союзом я окажусь уже не единственным нерусским писателем, который награжден орденом Красного знамени.

ГАРОЛЬД ХИКЕРСОН

Лихорадочная подготовка к войне, которая маячит перед нами, является результатом действия двух основных факторов: во-первых, капитализм потерпел крушение на скалах внутренних своих противоречий, во-вторых, Советский союз стремится вперед, к блистательной победе. Взаимодействие этих двух факторов делает войну неизбежной. Единственный вопрос, который нужно разрешить: поведут ли империалисты войну между собою или сперва, просто с отчаяния, набросятся на Советский союз?

Если империалисты нападут на Советский союз, прежде чем перегрызутся между собою, — а только мировой пролетариат может предотвратить подобное событие, — я безоговорочно стану на защиту Советского союза.

Но любая война прозвучит похоронным набатом капитализму, а нежные кадансы и ароматические нюансы этой чудовищной кокетки, буржуазной культуры, будут сметены подобно праху и рассеяны по всем семи морям. Бедняжка! А мафусаилов и всю банду фабианцев свезут в их изъеденных червями тележках и повесят (но сделают это не империалисты).

Да здравствует первая рабоче-крестьянская республика!

Привет вам, мои русские товарищи, привет вашим чудесным достижениям, вашей пятилетке!

Да здравствуют китайские советы!

Да здравствует революция угнетенных колоний!

Да здравствует мировой пролетариат!

Да здравствуют будущие советы всего мира!

УОЛДО ФРЭНК

Без всякого сомнения, я объявляю себя на стороне Советского союза и всеми доступными мне способами буду помогать ему в его оборонительных действиях.

ДЖИМ ТУЛЛИ

Я считаю Советский союз величайшим событием в истории человечества, величайшим движением для улучшения жизни всех угнетенных, и я, естественно, стану на сторону Советского союза, если умирающий империализм объявит ему войну.

1930 г.

ПОД ГРОХОТ ОРУДИЙ

РОМЕН РОЛЛАН

ДЕРЖИТЕ УБИЙЦ

Во имя подвергающегося нападению Китая, во имя СССР, которому угрожает опасность, во имя народов всего мира, во имя великой человеческой надежды, которую вызывают и поддерживают в нас пробуждение народов поработанной Азии и героическое строительство пролетарской России, я взываю: «На помощь! Держите убийц!»

Я разоблачаю перед лицом всего мира гнусную ложь правительств Европы и Америки, и в первую очередь Франции, этой кучки авантюристов на службе у поставщиков вооружений, которые по всей земле протягивают свои хищные руки и пользуются японским империализмом как секирой палача, чтобы рубить головы революции.

Я разоблачаю предательство той интеллигенции, которая некогда была караульным на носу корабля и вела его в бурю, но которая теперь покупает себе спокойствие и уют позорной ценой своего молчания, своей лакейской лести и служит интересам и мстительности хозяев золота и почестей.

Я разоблачаю женевскую ярмарку, паясничанье Лиги наций.

Я взываю к дремлющему сознанию лучших сил Европы и Америки.

Я призываю не осознавшие еще себя колоссальные силы народов всего мира разорвать петлю, которую плутократический и военный фашизм собирает завтра накинуть для того, чтобы убить в зародыше революцию.

Я призываю все силы скрепить союз рабочих масс всех освобожденных народов.

АНРИ БАРБЮС

РАЗОБЛАЧАЙТЕ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ ВОЙНЫ

Мое отношение к войне вообще и в частности к подготовляемой международной войне и к нападению на СССР является отношением революционера и коммуниста.

До войны 1914 года я был пацифистом и верил в арбитраж между нациями и в возможность избежания конфликтов с помощью мероприятий и соглашений между «нациями». События дали мне более отчетливое представление о действительности, и я считаю сегодня эту искусственную концепцию не только ложной и опасной, но и убийственной.

Все прокламации и все меры, исходящие от великих держав, находящихся в руках «деловых людей», имеют целью обман масс. Капитализм, основанный на конкуренции и на экономической войне, не может жить иначе, как согласно антагонистическим принципам; последние рано или поздно приводят к вооруженному столкновению. Колониальные экспансии и другие формы империалистических захватов все больше и больше нуждаются в вооружениях. Вооружение необходимо в одинаковой степени и для защиты буржуазной власти против наступления эксплуатируемого и угнетенного рабочего класса. Современное

международное положение определяется неравными и несправедливыми договорами, навязанными побежденным нациям в результате войны 1914 года, экономическим кризисом, глубокой причиной которого является бессилие капитализма справиться с экономическими, национальными и международными проблемами. Находящийся при последнем издыхании буржуазный режим пытается сохранить власть двумя способами: насилем — исключительными законами, фашизмом, а также демократическим и пацифистским шарлатанством, вводящим в заблуждение доверчивые умы. Война так же неизбежна на завтра после последнего всеобщего международного пожара, какой она была накануне этого кровавого бедствия. Октябрьская революция, освободившая обширную страну и сделавшая из нее огромный очаг социалистического строительства в противовес империалистическому миру, породила на земном шаре двойственность, которой буржуазная власть не может допустить. Как бы различны ни были в известных случаях интересы империалистических стран, последние находят единственную почву для соглашения в своем общем желании сохранить рабство рабочего класса и разрушить реальные, неотразимые результаты социалистической перестройки половины Европы и половины Азии. Классовая ненависть против СССР была одним из факторов сочувствия капитализма, и в частности европейского империализма, нападению Японии на Манчжурию и ее открытой попытке начать колонизацию Азии в своих интересах. Общая обязанность работников физического и умственного труда, и особенно писателей, не могущих оставить без внимания это положение вещей, не нарушив своей миссии представителей общественности и солдат своего класса, — открыть глаза на обстановку, ставшую

более трагической, чем когда-либо. Этого требуют интересы и будущее человечества.

ЖАН РИШАР БЛОК

ПРИМУ ЛЕНИНСКУЮ ТАКТИКУ

Вы спрашиваете меня, как я в настоящий момент реагирую на угрозу империалистической войны и попытку окружения советской территории авангардом капитализма, Японией. Не дожидаясь начала кризиса, мое свободное и непосредственное противодействие проявилось в постоянной личной деятельности, — где бы я ни находился, — в письменных выступлениях, в статьях, регулярно публикуемых в журнале «Европа», и в особенности в произведениях, над которыми я сейчас работаю; первое из них должно появиться весной в «Новом французском обозрении».

Я не коммунист, я не принадлежу ни к какой партии, я повинуюсь только велениям моей совести, но мои установки нисколько не изменились с 1917 года. В теории, как и на практике, моя позиция всегда была продиктована уважением и сочувствием к русской революции; я непрестанно горячо защищал пролетарское государство. Я непоколебим в своих симпатиях. И если наши усилия в один прекрасный день окажутся недостаточными, чтобы остановить империализм, стремящийся к войне, тогда я без колебания, так же как и Ромен Роллан, приму ленинскую тактику.

ЭПТОН СИНКЛЕР

БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ВАМ

Каждый, кому не чужды нормальные общечеловеческие чувства, должен преклоняться перед смелым сопротивлением, оказанным китайским народом в ответ на вторже-

ние в их страну. Однако, будучи социалистом, я сдерживаю свои чувства, напоминая себе, что, несмотря на все, китайское правительство — правительство капиталистическое в той же мере, как и японское. Если китайцы выиграют и не поддадутся, они очень быстро станут так же ненавистны всему миру, как ненавистно сейчас японское правительство. Такова природа капитализма. Он живет эксплуатацией и грабежом, и не может жить иначе. Мы воображали, что Франция рыцарски защищается, и мы симпатизировали ей; теперь мы видим Францию в роли хозяина Европы и инициатора реакции.

Только одно беспокоит меня в настоящем конфликте: это — страх, что Советский союз будет вовлечен в него. Именно поэтому Франция и Британия выступают сегодня против объявления бойкота Японии, имеющего целью прекратить конфликт. Они надеются, что в скором времени они используют Японию для того, чтобы отрезать Россию от Тихого океана. Вот то, на чем вам необходимо сосредоточиться, чтобы не вмешать Советского союза в войну и спасти пятилетку. Поход на пятилетку — единственный пункт, на котором сходятся все капиталистические страны. Избегайте военных ловушек империалистов, предоставьте капитализм его гибели, стройте социализм, — будущее принадлежит вам.

ШЕРВУД АНДЕРСОН

СУЩЕСТВОВАНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ СТАНЕТ НЕТЕРПИМО

Я получил вашу радиотелеграмму о наступлении Японии на Китай. Я считаю, что японцы усвоили эту манеру у других империалистических стран. Это старая история, и она, я уверен, будет продолжаться все время, пока золото правит миром. Я только надеюсь, что империалистическое

правительство Японии опротивеет своему народу и в результате наступления на Китай существование подобных империалистических правительств в других странах станет нетерпимо.

В. Ф. КАЛЬВЕРТОН

СССР НАДО ЗАЩИЩАТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Моя позиция остается прежней: Советский союз надо защищать любой ценой.

ФЛОЙД ДЕЛЛ

БУДУ БЕЗОГОВОРЧНО ПОДДЕРЖИВАТЬ СССР

В случае империалистического наступления буду безоговорочно поддерживать Советский союз.

ОСКАР-МАРИА ГРАФ

ЗА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, ЗА УГНЕТЕННЫЙ КИТАЙ

Я попрежнему считаю, что всякое военное столкновение между двумя странами заслуживает осуждения и враждебно культуре. Военные столкновения, однако, никогда не вызываются народами, а исключительно их правительствами. Я сейчас в вопросе о японско-китайском конфликте всецело придерживаюсь того мнения, которое я высказал и раньше, а именно, что «в первую очередь необходимо заклеить нападающих как подлинных преступников, отказать им во всякой поддержке и всемерно помогать обороняющейся стороне».

Сейчас ответ совершенно ясен: Япония, олицетворяющая собою бессовестный империализм, действовала преступно.

Япония всегда представлялась мне воплощением вильгельмовского режима на Дальнем Востоке. Жестокости,

учиненные японскими ордами над целыми городами, беззащитными женщинами, детьми, стариками, показывают лишь, до чего дошел империализм в своей жажде власти.

Однако нападение Японии на Китай является лишь началом. Из интриг международных империалистов явствует, какие планы у них существуют относительно Дальнего Востока. Создание белогвардейской армии, отправки ядовитых газов и амуниции в Японию из всех стран, прозрачная позиция Лиги наций в японско-китайском конфликте — все это подтверждает, что умирающий капитализм готовится нанести удар стране социализма — Советскому союзу.

Японского солдата посылают на смерть ради интересов его угнетателей. Миллионы пролетариев должны пойти на бойню для того, чтобы мировой экономический кризис был ликвидирован, — кризис, который вызван самими же глениами наживы во всех странах света.

Готовится страшнейшее преступление: империализм и капитализм хотят сорвать строительство и мирное развитие Советского союза. Они хотят уничтожить достижения подлинного прогресса. Нет сомнения, что подобная война будет направлена против классово-сознательного пролетариата всего мира. Нет сомнения, что в случае победы империалистических держав над Советским союзом во всех странах воцарится жесточайшая реакция против социализма. Установится кровавый режим, который отдаст в руки палачей даже самых безобидных демократов. Весь мир был бы отброшен в средневековье!

Для того, кто это продумает до конца, остается лишь один путь — путь борьбы плечом к плечу с пролетариатом всего мира за Советский союз, за угнетаемый Китай. Совесть каждого социально мыслящего человека, каждого передового человека подсказывает ему лишь одно —

беспощадную борьбу с империалистическими преступниками.

ЭРНСТ ТОЛЛЕР

Берлин

КТО БОРЕТСЯ ЗА СССР—БОРЕТСЯ ЗА МИР

Каждому должно быть ясно, что тот, кто борется за Советскую Россию, борется за мир.

ВИЛЛИ БРЕДЕЛЬ

РАЗОБЛАЧИМ ТАЙНУЮ ПЕРЕВОЗКУ ОРУЖИЯ

Мы, рабкоры, как и десятки тысяч гамбургских рабочих, в случае империалистического военного похода на Советский союз готовы защищать его до последней капли крови.

Мы, рабкоры и пролетарские писатели, уже доказали, что на практике боремся с опасностями империалистической войны и мобилизуем трудящиеся массы на революционную борьбу, разоблачая тайную перевозку оружия в Азию.

Мы, рабкоры, и в частности пролетарские писатели, клянемся, что сменим перо на винтовку для защиты СССР.

СТЕФАН ЦВЕЙГ

ОНИ ИЩУТ СПАСЕНИЯ В ВОЙНЕ!

Вы имеете слишком много оснований крайне настойчиво указывать своей стране и другим странам на грозящую опасность войны. Эта опасность представляется мне действительно неизмеримо большой. За эти два года, благодаря европейскому и американскому кризису, положение сильно обострилось. Два года тому назад мне казалось — и я открыто вам высказывал, — что война

невероятна, потому что ни для кого, даже для тяжелой промышленности, она не представляла существенного интереса. Дела шли хорошо, хозяйство находилось в состоянии подъема, в широких буржуазных, а также и рабочих кругах господствовало относительное довольство; надеялись, что и общественное строительство пойдет ускоренным темпом. Но с тех пор, как с такой силой развился кризис, для некоторых групп предприятий не оказалось другого выхода из хаоса, как создать еще больший.

Для многих отраслей индустрии война вне своей страны являлась бы единственным спасением от неизбежного банкротства. И действительно, сейчас же за первыми военными действиями Японии на мировой бирже поднялись акции некоторых отраслей промышленности. К этому прибавляется также отчаяние безработных. Сотни тысяч юношей, особенно в Германии, не находят ни приложения, ни какого-либо разряжения своей энергии и готовы бежать от этого вынужденного ничегонеделания, заняться чем-нибудь, бороться безразлично за что — за Китай или Японию, за фашизм или против фашизма, от праздного и безнадежного бездельничанья броситься в бессмысленную авантюру.

Рабочий класс Европы устал, истощен, не знает настоящего подъема, так как не видит перед собой цели. Рабочие присмирели, так как кризис угрожает существованию каждого из них.

Итак, сейчас особенно благоприятное время для поджигателей войны: в первый раз они нашли бы последователей не из числа тех, которые войны х о т я т, но из числа тех, которые в войну б е г у т, чтобы избавиться от современного нервно-напряженного состояния.

К кому апеллировать? Совесть мира усыплена сладкими ядовитыми газами угодливой прессы, ее не пробудят даже пушки Шанхая.

Лигу наций никто больше не принимает всерьез. Все действительно ценные предложения там душат дипломатическими отсрочками. Интеллигенция думает лишь о себе и своим равнодушием только способствует преступной активности политиков. Некогда интернациональный — социализм стал в 1914 году национальным, и таким он и остался. В 1932 году он будет противиться войне столь же неэнергично, как и в 1914 году; но он в высшей степени «интернационален»: он служит в каждом государстве только национальной государственной идее.

Ни Китай, ни Россия не могут серьезно рассчитывать на настоящую помощь. В лучшем случае — вежливое выражение симпатии и сочувственные фразы, но не больше.

Пять или шесть десятков независимых культурных людей Европы будут, конечно, протестовать и предостерегать, но разум во время столь глубоких потрясений не имеет никакой силы. Лига наций давно уже не имеет никакого этического или законодательного значения. Это значит: в такой опасный момент нет места обманчивым надеждам, нужна продуманная, холодная и энергичная решимость. Особенно потому, что преступная группа из-за своих частных затруднений хочет найти спасение в общей войне. Россия не должна служить отдушиной. Поэтому прежде всего — не давать повода к войне. Лучше терпеть их неловкие и нервные провокации и не лить воды на их мельницу.

Чем выдержанней (при внутренней решимости) ведут себя сейчас Китай и Советский союз, тем больше они затрудняют выполнение их замысла и разоблачают их неправоту.

Никакой необдуманности, лишь терпение, терпение и терпение!

Нужно пережить эту ужасную фазу сумерок, а там,

хотя и медленно, начнут собираться вокруг нас рассеявшиеся активные силы, чтобы преградить дорогу этим мародерам человечества, их преступному походу, их отчаянному бегству из частных финансовых затруднений в общую войну.

ИВАН ОЛЬБРАХТ

ПРОТИВ ПОМОЩИ ВРАГАМ СССР

Против японского империалистического нападения лучше всего и с наибольшей надеждой на успех могут бороться японские революционные элементы. Но война на Востоке приобретает огромную международную важность потому, что она угрожает интересам первого социалистического государства в мире. И за его сохранение, силу и мир, необходимый для строительства социализма и новой жизни, должны бороться все идейные люди. О том, что должны были бы делать революционные писатели, пусть союз посоветуется с рабочими СССР. Пусть они скажут, чего они от нас ожидают и какие возможности и какую силу они нам приписывают.

Я думаю, что наша элементарнейшая обязанность — бороться против всякой интервенции, направленной против СССР, и лжи, распространяемой о нем, правильно разъяснять массам подлинный смысл событий. И если бы настал момент, когда данное государство направит свое оружие против СССР, стремясь призвать массы к открытой провокации на Востоке, я считаю, что союз революционных писателей должен выступить активно.

ВАШЕК КАНЯ

ПРОТИВ РАЗБОЯ ЯПОНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ

В ответ на ваш запрос о том, как я борюсь против разбойнического убийства китайского пролетариата япон-

скими империалистами и против подготовляющегося нападения на СССР империалистов всего мира, я отвечаю:

Вместе с революционным пролетариатом Чехо-Словакии я самым решительным образом протестую против разбоя империалистов в Китае и Манчжурии, равно как и против военных приготовлений мирового империализма. Я всегда готов защищать всеми силами единственное государство рабочих и крестьян — Союз советских социалистических республик. Мои симпатии — с вами.

ОБ АВТОРАХ И ИХ КНИГАХ

Прочитав эту книгу, читатель увидит, что свыше ста авторов, представленных в ней, принадлежат к различным классам, имея различные мировоззрения, в итоге все же признают, что Октябрьская революция явилась тем великим историческим этапом, который кладет начало новой человеческой эре. Даже те, кто не понимает всего значения Октябрьской революции, не уясняет себе весь смысл и все пути строительства социализма в нашей стране и порой неправильно оценивает отдельные этапы этого единого и неуклонного на протяжении пятнадцати лет процесса, не могут отрицать, что СССР — единственная страна, где есть жизнь, где рождается новый человек, где куется новое будущее. И несомненно, что из представленных в этой книге свыше ста авторов в момент решительной схватки строящегося социализма с загнивающим капитализмом подавляющее большинство станет на защиту страны пролетарской диктатуры.

Но читатель понимает, что значение выступлений писателя на защиту СССР определяется тем влиянием, которое этот писатель имеет на широкие читательские массы своей страны, и, совершенно естественно у него может возникнуть вопрос — кто эти авторы, каков их удельный вес в современной мировой литературе, каковы в целом те произведения этих писателей, которые даются в этой книге в отрывках, каково социальное лицо этих авторов и какова их позиция в отношении пролетариата, в отношении его революционной борьбы, какова их позиция в отношении первой в мире пролетарской республики — СССР? Чтобы помочь читателю ориентироваться в этом вопросе, мы приводим краткие характеристики этих авторов, как тех, которые получили известность, так и тех, кто в настоящее время только выдвигается на литературную арену.

Джон Рид (род. в 1887 г. в г. Портленде). Окончил Гавардский университет. После окончания университета стал заниматься литературой, писал рассказы, драмы, стихи. Скоро выдвинулся как талантливый журналист. объездил много стран. В 1910—1911 гг. был в Мексике во время революции и выпустил затем книгу «Революционная Мексика», имеющуюся в русском переводе. Редактировал ряд журналов («Революционный век», «Голос труда», «Массы») и сотрудничал во многих журналах левого направления. Джон Рид принимал активное участие в революционном движении; еще будучи в Гавардском университете, организовал «Социалистический клуб», позднее состоял в левом крыле социалистической партии и был одним из организаторов коммунистической партии САСШ. Во время войны был военным корреспондентом и печатал антимилицаристические статьи. В 1917 г. приехал в Россию, примкнул к большевикам, выступал в качестве организатора и пропагандиста. Написал книгу «Десять дней, которые потрясли мир», ценность и значение которой характеризуются следующими словами В. И. Ленина о ней: «Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата». В 1920 г. Джон Рид вторично приехал в Россию в качестве делегата II конгресса Коминтерна. В этом же году умер от брюшного тифа. Похоронен на Красной площади.

Альберт Рис Вильямс — американский журналист, весьма популярный как у себя на родине, так и за пределами ее. Во время мировой войны сопровождал в качестве специального корреспондента сперва германскую, а затем французскую армию; на некоторых фронтах был вместе с Джоном Ридом. По возвращении на родину вел агитацию против участия Америки в войне. Сейчас же после Февральской революции отправился в Россию. Написал книгу «Народные массы в революции», в которой дает яркую картину революционных событий 1917 г., особенно октябрьских дней, а также революционных событий в Сибири и на Дальнем Востоке. Выпустил отдельную книжку «Советская Россия и Сибирь» (1919 г.). Приезжал несколько раз в СССР. Написал книгу «Россия» (1928 г.) и целый ряд еще не опубликованных отдельным изданием очерков, один из которых помещаем в этой книге.

Ф и л и п п П р а й с — известный английский журналист. В 1917 г. приехал в Россию в качестве корреспондента газеты «Манчестер Гардиан». Во время пребывания в России вступил в коммунистическую партию. Выпустил книгу «Воспоминания о русской революции», в которой дает описание революционных событий 1917—1919 гг. В последние годы был корреспондентом центрального органа рабочей партии «Дейли геральд» в Германии, но был отстранен редакцией от этой работы, так как статьи его оказались слишком революционными для этой газеты. В 1924 г. вышел из компартии.

А н а т о л ь Ф р а н с (1844—1924) — один из крупнейших французских писателей. Начал свою литературную деятельность в 1867 г., выпустив два сборника стихов. Приобрел известность своими романами. Творчество Франса многообразно. Он выступал в своих произведениях против церкви и аскетизма, со свойственной ему глубокой иронией изображал современную ему Францию, дал исторический роман из эпохи Французской революции и т. д. Во время дела Дрейфуса выступил на его защиту вместе с Золя. В период мировой войны был одурманен националистическим угаром, но одним из первых очнулся от него. Принимал участие в создании группы «Кларте» в 1919 г. вместе с Барбюсом.

Б е р н а р д Ш о у (род. в 1856 г. в Ирландии, в Дублине). Один из популярнейших английских писателей, приобретший известность своими пьесами («Профессия г-жи Уорен», «Пигмалион» и др.), в которых высмеивает лицемерие, ханжество, мещанство, выступая против социальной несправедливости, существующей в капиталистическом обществе. В 1925 г. получил Нобелевскую премию. Шоу называет себя социалистом, но последовательным социалистом никогда не был: наоборот, с 1884 г. по 1911 г. был членом исполкома Фабианского общества (реформистской организации буржуазной интеллигенции, борющейся против революционной политики социал-демократии). В 1931 г. приезжал в СССР, после чего поместил ряд сочувственных СССР статей, вызвавших возмущение всей мировой буржуазной прессы.

А н р и Б а р б ю с (род. в 1874 г.) — французский писатель, приобретший мировую известность благодаря своему роману «В огне», являющемуся непревзойденным до сих пор антими-

литературным романом по убедительности изображения и по яркости протеста против войны. Барбюс начал писать еще в конце прошлого века, но прочное место в литературе занял после опубликования этого романа. За последние годы им написан ряд произведений — «Палачи», «Звенья цепи», «Иисус», «Насилие», «Что было, то будет» и др. Барбюс не раз приезжал в Советский союз. В первый раз в десятилетнюю годовщину Октябрьской революции, когда выступил с докладом на конгрессе друзей СССР и на первой конференции пролетарских писателей. Барбюс написал две книги о СССР: первая — «Что сделано в Грузии», и вторая — «Россия». Мы помещаем один из очерков из первой книги. Анри Барбюс широко популярен не только во Франции, но и за пределами ее; его роман «В огне» переведен на двенадцать языков. На русский язык переведены почти все послевоенные произведения Барбюса. В последнее время, в связи с усилившейся военной угрозой, Барбюс неоднократно выступал на защиту Советского союза. В этом году он выступил в «Юманите» со статьей «Защищайте Советский союз», которую мы приводим в этом сборнике. В июле этого года он поместил в этой же газете большую статью в связи с процессом Горгулова, убийцы французского президента Думера; в этой статье он резко разоблачает антисоветские интриги французских империалистов. Барбюс принимал активное участие в подготовке антивоенного конгресса 1931 г.

Иоганнес Р. Бехер (род. в 1891 г.) — один из крупнейших современных германских поэтов. Бехер в своем творчестве прошел сложный путь от поэта богемы к певцу пролетариата, преодолев то люмпен-пролетарское и мелкобуржуазное, что тяготело над его поэзией. Автор одного из первых приветственных гимнов русской революции, Бехер во всем своем дальнейшем творчестве больше всех других международных поэтов уделял внимание СССР. Его перу принадлежит большая поэма «У гроба Ленина», «Он будит косный мир от сна» и др. Бехер, начиная с 1927 г., много раз приезжал в СССР, и каждый его приезд вдохновлял его на новые произведения, воспевающие наше социалистическое строительство. После пребывания в СССР в 1930 г. написал большую поэму «Великий план», являющуюся эпосом нашей пятилетки. В настоящем сборнике мы помещаем первое его стихотворение, приветствующее РСФСР, и отрывки из поэм «У гроба Ленина» и «Великий план». Иоганнес Бехер

получил широкую известность не только как поэт, но и как прозаик; его перу принадлежат два романа — «Люизит, или единственно справедливая война» и «Банкир на поле битвы». Первый из них повлек обвинение его в государственной измене. Революционное творчество Бехера вызвало многократное преследование его капиталистической юстицией. Бехер является организатором пролетарского литературного движения в Германии и возглавляет Германский союз революционных пролетарских писателей.

Марсель Мартинэ (род. в 1887 г.) — французский писатель, поэт и прозаик. Широкую популярность создал ему сборник «Проклятые годы», вышедший в самом начале мировой войны и явившийся мужественным протестом против империалистической бойни. Марсель Мартинэ одним из первых французских поэтов приветствовал Октябрьскую революцию в своих стихах «За Советскую Россию», отрывок из которых мы даем в этой книге. Марсель Мартинэ известен также как драматург; его пьеса «Ночь» неоднократно ставилась и у нас. В своем творчестве Марсель Мартинэ, однако, не сумел преодолеть свои мелкобуржуазные воззрения и стать на путь революционной классовой борьбы.

Альфонс Пакэ (род. в 1881 г.) — немецкий поэт, новеллист, драматург и журналист. В его стихах чувствуется сильное влияние Уотта Уитмена, из его романов лучший — «Товарищ Флемминг», его пьеса «Знамена в Чикаго» рисует чикагское восстание 80-х годов прошлого столетия, борьбу чикагского пролетариата за восьмичасовой рабочий день. Но больше всего Альфонс Пакэ интересен как журналист. Он объездил Восток, дав несколько интересных книг очерков («В Палестине», «На новом Востоке»). В 1918 г. Альфонс Пакэ приехал в Советскую Россию. Он написал три книги, посвященные Советской России: «В коммунистической России», «Москва или Рим» и «Дух русской революции». Помещаемый нами очерк «Скованный город» взят из книги «В коммунистической России». Альфонс Пакэ не сумел понять весь смысл и все значение Октябрьской революции, многое он характеризует неверно, делая неправильные выводы из отдельных наблюдений, но в то время его книга была одной из тех немногих, которые рассеивали дикую ложь и клевету, распространявшиеся врагами пролетарской республики.

А р т у р Р е н с о м — английский писатель и журналист. Он широко известен как автор и собиратель детских сказок. Во время войны приехал на русский фронт в качестве корреспондента английской либеральной газеты «Дейли ньюс». Уехав в Англию перед падением Керенского, вернулся в Россию в декабре 1917 г. и прожил до осени 1918 года, информируя ту же «Дейли ньюс» телеграммами, в которых выступал против интервенции. Не будучи коммунистом, он относился сочувственно к советской власти и в 1919 г. приехал снова, чтобы продолжать кампанию в защиту Советской России. Выпустил книгу «Шесть недель в Советской России», отрывки из которой даем в настоящем сборнике. Позднее выпустил книгу «Кризис в России». Во время голода в Поволжье вел в своих корреспонденциях в «Манчестер Гардиан» кампанию за организацию помощи голодающим, выступал против Нуланса и всей французской империалистической клики. Действуя как английский патриот, а не как убежденный интернационалист, Ренсом все же много содействовал разоблачению клеветы о Советской России.

А н д р э М а р т и (род. в 1886 г.) — французский революционер, коммунист. В 1918—1919 гг. возглавлял восстание французской черноморской эскадры. Не будучи профессионалом-писателем, написал яркую и интересную книгу «Восстание на Черном море», в которой отобразил борьбу одесского пролетариата против интервентов и белогвардейцев и революционное движение во французском флоте. Книга перерастает обычные мемуары и становится документом большой исторической значимости. Мы помещаем главу из этой книги А. Марти, одного из лучших друзей СССР, поднявшего свой голос протеста против попытки новой интервенции даже тогда, когда он находился в тюрьме Санте (письмо маршалу Фошу), и награжденного советским правительством за бесстрашную антимилитаристическую агитацию орденом Красного знамени.

М а к с Б а р т е л ь (род. в 1893 г.) — немецкий поэт и беллетрист. В молодости много бродяжил по Италии и Швейцарии и отсюда впитал люмпен-пролетарские воззрения. Октябрьская и германская революции произвели на него большое впечатление. Как участник спартаковского движения попадает в тюрьму. После освобождения уезжает в Россию. Пишет ряд стихов, посвященных русской революции, а также несколько книжек:

«Поездка в Россию», «От красной Москвы до Черного моря», «Красный Урал». После спада революционной волны, как и многие другие его соратники, все больше и больше отходит от революционного движения и переходит в лагерь социал-фашистов. Если раньше его стихов не печатал ни один буржуазный издатель, то в настоящее время Бартель постоянный гость буржуазных газет и журналов. В его творчество возвращаются люмпен-пролетарские мотивы. В отношении Советского союза он занимает определенно враждебную позицию (романы «Дом на Волге», «Путина»). Однако первые книжки Бартеля остаются безусловно ценным документом, рисующим первый период Октябрьской революции, и мы берем отрывок из одной из них для настоящего сборника.

Э д в и н Э р и х Д в и н г е р — буржуазный немецкий писатель. Во время войны очутился в качестве военнопленного в Сибири: во время гражданской войны служил у Колчака. Дал две книги — «Армия за проволочными заграждениями» и «Между красными и белыми». Особенно ярка последняя. В ней автор в высокохудожественной форме дает описание гражданской войны в Сибири. Автор вынужден притти к выводу, что не белые и не иноземные спасители несли освобождение народам России, а Красная армия и советская власть. Особенно художественны главы, в которых автор выводит вождей белой армии и интервенции, а также те, которые посвящены бесчеловечной расправе белых над красноармейцами; отрывки из последних мы даем в нашей книге. Автора ни в коем случае нельзя причислить к друзьям Советского союза. В своем последнем романе «Двенадцать разбойников» он рисует Союз как страну, где убита культура, где не может жить и развиваться человеческая личность.

Б и в а н О л ь б р а х т — чешский революционный писатель. Написал ряд романов — «Тюрьма темнейшая», «Странная дружба артиста Есения», «Зеркало в решетке», «Анна пролетарка». Наибольшей популярностью пользуется последний роман, в котором автор на фоне показа судьбы деревенской девушки, попавшей в город, вскрывает всю гниль буржуазной морали и лицемерную лживость социал-предателей. Принимал активное участие в чехо-словацком коммунистическом движении, но, будучи идейно связан с ликвидаторской группой Илена, был в 1929 г. исключен из партии. В 1920 г. был в Советской России и выпустил

три небольшие книжки под общим названием «Картины современной России», откуда мы заимствуем одну главу. Ольбрахт до настоящего времени остается одним из искренних друзей СССР.

Артур Голичер (род. в 1869 году) — популярный немецкий писатель и очеркист. В своих романах «Сентиментальное приключение», «Отравленный источник» и др. остается мало оригинальным представителем позднего немецкого импрессионизма. Известность заслуженно приносят ему его книги художественного репортажа — его очерки о Палестине, Англии, Австрии, Америке и др. Наибольшей художественной высоты достигает в книге «Бедкер дураков — беглые заметки о Париже и Лондоне» и в особенности в книге «Волнующаяся Азия». В этих книгах Голичер показывает себя как враг капиталистической цивилизации, враг империализма и колониального угнетения. Несколько раз приезжал в Советскую Россию и написал несколько книг и много статей о ней. Первая книга «Три месяца в Советской России» была одной из немногих книг первого периода нашей революции, освещавшая более или менее правильно достижения и трудности советской власти в период гражданской войны. Падифист и гуманист, Голичер сумел отнестись к русской революции без того мелкобуржуазного страха и растерянности, которые характеризовали многие подобные книги того периода. Если главы о красном терроре, о религии и мировой революции страдают по крайней мере мелкобуржуазной наивностью, то в главах, посвященных жизни рабочего класса, жизни советских детей, Красной армии и др., Голичер не скрывает своего восхищения перед русской революцией, обнаруживает понимание того колоссального переворота, который она произвела в жизни народов России. Вторая книга Артура Голичера о Советской России «Вниз по голодной Волге» посвящена голоду в Поволжье. Голичер вместе с комиссией в качестве члена делегации Межрабпома объехал места, наиболее пораженные голодом. Он видел все те колоссальные ужасы, которые принес голод в советское Поволжье, и описал их со свойственным ему мастерством. Но книжка Голичера не книга беспристрастного очеркиста, она содействовала мобилизации общественного мнения за границей, она показывает огромную работу, которую проделало советское правительство для помощи голодающим. Последний приезд в СССР в 1927 г. Голичер описал в большом

очерке «Праздник России» в журнале «Die Neue Rundschau». Голичер не сумел понять контрреволюционный характер троцкистской оппозиции и борьбы спаянной единой партийной массы против нее. Не сумел Голичер прийти к правильным выводам, и сопоставляя американскую индустриализацию и социалистическое строительство во время своей поездки в Америку. Однако Голичер остается искренним другом СССР. В настоящее время Голичер выпустил две части трилогии «Это случилось в Москве» и «Это случилось в Берлине» (третья часть будет называться «Это случилось в Нью-Йорке») и роман «Человек совершенно свободен», в котором пытается показать путь интеллигента от индивидуализма к коллективизму.

Альфонс Гольдшмидт — немецкий публицист и экономист; посетил Советскую Россию в 1920, а затем в 1925, 1927 и 1932 гг. Выпустил две книги: «Москва 1920» и «Какой я нашел Москву теперь» (1925 г.). Автор весьма благожелательно относится к Октябрьской революции; однако многое виденное осталось для него непонятным. Его книги, особенно первая, сыграли значительную роль в разоблачении той клеветы на нас, которая в первые годы революции распространялась буржуазией. Неоднократно выступал в защиту Советского союза.

Г. Д. Уэллс (род. в 1866 г.) — английский писатель, автор более тридцати романов, имеющих мировую известность. Его романы — утопические, научно-фантастические, бытовые. По своему мировоззрению примыкает, как и Бернард Шоу, к фабианцам, но его трактовка социальных проблем чрезвычайно расплывчата. Не понимал социальных процессов, не видя выхода из противоречий капиталистического строя, он не сумел понять Октябрьскую революцию, когда посетил Россию в 1920 г. Найдя много положительного в молодой пролетарской республике, он в то же время пугался того разрушения, которое принесла революция, тем более, что понимал революцию только как разрушительный процесс и не верил в ее созидательные силы. Ленинский план электрификации называл фантастическим, доказывал Ленину неосуществимость его. «Приезжайте опять в Россию через десять лет и посмотрите, что мы за это время сделаем», — ответил ему Ленин. Успехи Советского союза, однако, и сейчас ещё не убедили Уэллса, что революция созда-

ла и создает новую жизнь в шестой части мира, и он уклонился от прямого ответа, когда в 1930 г. Международное бюро революционной литературы обратилось к нему с анкетным вопросом: «Что вы будете делать в случае войны против СССР?»

Чарльз Роден Бекстон — английский либеральный публицист; из либеральной партии перешел в рабочую партию. В 1920 г. посетил Советскую Россию и в 1922 г. выпустил книжку «В русской деревне». Не веря, по собственным заявлениям, в мировую революцию и рассматривая нашу революцию как «интересный социальный эксперимент», он сумел дать интересную зарисовку русской деревни в первые годы революции. Мы помещаем отрывки из этой книги.

Фритиоф Нансен (1861—1931 гг.) — норвежский исследователь полярных стран, путешественник, ученый и общественный деятель. В 1921—1922 гг. организовал помощь голодающим Поволжья, выступал против империалистических групп, препятствовавших организации этой помощи. Объездил столицы Европы с пламенной речью, отрывки из которой мы приводим. Написал несколько книг о Советской России — «В страну будущего», «Россия и мир» и «Армения и будущее Востока».

Гергардт Гауптман (род. в 1862 г.) — пользующийся мировой известностью немецкий писатель. Первые его произведения — «Перед восходом солнца», «Ткачи» — посвящены социальным проблемам и пользовались огромной популярностью в рабочих читательских массах. Но в дальнейшем своем творчестве Гауптман все больше отходит от бытовой действительности, от социальных проблем к символике. В 1914 г. он подписал шовинистический манифест немецких писателей. Мы печатаем ответ Гауптмана на письмо Максима Горького с призывом о помощи голодающим Поволжья, с которым он обратился к виднейшим культурным представителям Запада.

Андре Моризэ — французский журналист. В течение нескольких лет был мэром Булони. Во время раскола социалистической партии в Туре был в числе большинства, образовавшего компартию. Но по природе «левый обыватель», он в 1923 г. вышел из компартии вместе с Фроссаром. В 1921 г. при-

езжал в качестве делегата на III конгресс Коминтерна. Написал книгу о Советской России, из которой мы помещаем отрывки из глав, посвященных голоду в Поволжье.

Франц Юнг — немецкий писатель, автор ряда произведений из жизни пролетариата — «Красная неделя», «Завоевание машин», «Пролетарий» и др. Расцвет его творчества относится к тому периоду, когда он примкнул к революционной борьбе пролетариата и находился в рядах коммунистической партии. В последние годы, когда он ушел в лагерь социал-фашизма, не дал ничего значительного. В первые годы революции жил и работал в России, написал ряд книг о ней — «Поездка в Россию», «Новый человек в новой России», «История одной фабрики» и др. Наиболее яркая из них «Голод на Волге»; это — потрясающий документ этого тяжелого периода. Юнг описывает все ужасы голода, беженские волны, катившиеся к центральной России, не пораженной голодом, те неповторяемые и неопишуемые страдания, которые переживало население Поволжья. Наряду с этим Юнг рассказывает о тех мероприятиях, которые проводило советское правительство для помощи голодающим, а также об участии международного пролетариата в этой работе.

Мартин Андерсен-Нексэ (род. в 1869 г.) — революционный датский писатель. Герои его произведений — пасынки капиталистического общества. Написал ряд романов и новелл; наиболее известны: «Завоеватель Пелле», «Сыны человеческие», «Пассажиры пустых мест». В результате поездки в Советскую Россию в 1922 г. написал книгу «Навстречу молодому дню», проникнутую глубочайшими симпатиями к русской революции. Не будучи коммунистом, он сумел понять все историческое значение нэпа на путях строительства социализма. В 1931 г. приезжал вторично в СССР, оставаясь тем же горячим сторонником и искренним другом пролетарской диктатуры.

Курт Керстен — немецкий писатель и журналист. Как писатель пользуется преимущественно историческим жанром: написал книгу «Бисмарк и его время». В качестве журналиста сотрудничает в левой, близкой к коммунистической печати. Написал книжку о своей поездке в Россию зимой 1922 г.

К о л и н Р о с с — немецкий журналист и очеркист. Много путешествовал и выпустил ряд книг художественного репортажа. В 1922 г. совершил поездку по России, Украине, Закавказью, Персии, Бухаре и Туркестану. Выпустил книгу «Путь на Восток», из которой мы берем помещаемый отрывок.

Т у р э Н е р м а н — норвежский писатель. Его роман «Союз пяти» переведен на русский язык. Был членом коммунистической партии. В 1927 г. приезжал в Советский союз.

М. З и р е н и с — современный литовский революционный поэт.

Э р ж и У й в а р и — венгерская поэтесса.

Г е н р и х М а н н (род. в 1871 г.) — известный немецкий буржуазный писатель. Радикально настроенный, он в некоторых своих произведениях дает сатиру на современную буржуазию. В романе «Верноподданный» — резкий шарж на вильгельмовскую монархическую буржуазию. Почти все произведения переведены на русский язык.

Т о м а с М а н н (род. в 1875 г.) — брат Генриха Манна, пользующийся не меньшей известностью как писатель. Томас Манн — певец старой буржуазии, ее тоски о прошлом, об отмирающем предпринимательском духе. Наиболее известен его роман «Будденброки».

М а к с и м и л и а н Г а р д е н (род. в 1862 г.) — известный немецкий буржуазный журналист, редактор и издатель журнала «Цукунфт» («Будущее»).

Г е о р г Л у к а ч — известный венгерский революционный писатель, философ, публицист и критик. Написал книгу о Ленине. Его перу принадлежат две книги по истории литературы — «История романа» и «Пути трагедии».

А л ь ф р е д К е р р — немецкий писатель и очеркист. Написал ряд книг, явившихся результатом его путешествий в различные страны.

А н д р е Б е й к л е р — французский писатель, автор романов «Город без названия», «Пасть любви», «Плохой жребий» и др. Приезжал в СССР в 1927 г. и пробыл здесь в течение июня—августа. Выпустил книгу «Русские города и деревни», в которой описывает свои наблюдения во время поездки по Москве, Ленинграду, по Волге — Саратов, Самара, по Кавказу, Военно-грузинской дороге, Украине.

Э п т о н С и н к л е р (род. в 1878 г.) — один из наиболее популярных американских писателей. Его перу принадлежит ряд романов, в которых он изобличает капиталистическое общество, показывает изнанку страны «процветания», рисует положение пролетариата в этой стране («Джунгли», «Деньги», «Самуэль-искатель», «Король-уголь», «Нефть»). В романе «Джимми Хиггинс» выступает как противник войны и защитник Советской России. В одном из последних романов «Бостон» он изобличает капиталистическое правосудие: тема романа — дело Сакко и Ванцетти. Но изобличая капитализм, Синклер не доходит до революционных выводов и остается на позициях этического социализма. Помещаемая статья Синклера является его ответом Р. Фюлопп Мюллеру, выпустившему роскошно изданную, но гнуснейшую по содержанию книгу о Советском союзе «Дух и лицо большевизма». Эптон Синклер один из горячих защитников и друзей Советского союза. В 1931 г. выступил с рядом статей в защиту СССР.

Г и б у Р и б о — французский писатель, критик искусства. Написал книги «Современные тенденции искусства» и «Тартюфы искусства». Помещаемый очерк взят из книги «Куда идет Россия», выпущенной с предисловием Анри Барбюса. Эта книга является ответом на клеветнические выпады против Советского союза французского писателя Анри Бери, выпустившего в 1925 г. книгу под названием «Что я видел в Москве». Разоблачая все лживые утверждения Бери, Гибу Рибо одновременно указывает на отнюдь не идеалистические побуждения, приведшие Бери к таким отзывам о СССР.

Т е о д о р Д р а й з е р (род. в 1871 г.) — один из крупнейших современных американских писателей. Его перу принадлежит ряд романов, в которых он показывает быт и нравы современного американского буржуазного и мелкобуржуазного общества

«Сестра Керри», «Финансист», «Гений», «Американская трагедия» и другие романы Драйзера получили мировую известность. В 1928 г. Драйзер посетил Советский союз и в течение 11 недель объехал крупнейшие центры страны. Он выпустил книгу «Драйзер смотрит на Россию». В ней немало ошибочного, поскольку в тот период Драйзер не сумел понять и уяснить себе все происходящее в стране строящегося социализма, но в то же время он увидел, что это единственная страна, где куется новая жизнь на новых основах и взаимоотношениях. Поездка в СССР была поворотным пунктом в творчестве Драйзера. С одной стороны, она вызвала бешеные нападки на него со стороны всей американской и мировой буржуазной печати. С другой стороны, столкнувшись с первыми явлениями мирового кризиса, он стал все отчетливее понимать, что только пример СССР указывает выход из тупика, в который завел страну капитализм. Его публицистические статьи за последние два года, его последняя книга «Трагическая Америка», противопоставленная им самим его «Американской трагедии», говорят о тех сдвигах, которые произошли в авторе за последние годы.

Б е р н г а р д К е л л е р м а н (род. в 1879 г.) — известный немецкий писатель, автор ряда романов — «Иестер и Ли», «Ингеборг», «Море», «Идиот», «Туннель», «Девятое ноября», «Братья Шелленберг» и др. Наиболее яркие последние. В «Туннеле» он показывает апофеоз капитализма и его техники, в «Девятом ноября» дает картину войны и революции, а в «Братьях Шелленберг» показывает послевоенную Германию с ее спекуляцией, бездейственностью, жаждой обогащения. В 1925 г., по поручению буржуазной газеты «Берлинер Тагеблатт», совершил поездку в Персию через СССР. Выпустил книгу, в которую включил очерки, напечатанные ранее в газете, не дав, однако, приводимого нами его очерка о Баку.

В. Т и л л и — современный чешский буржуазный писатель-романист. Приезжал в СССР в 1927 г. на октябрьские торжества. Выпустил книгу «Москва», в которой дал отображение своих, преимущественно внешних впечатлений, интересуясь главным образом культурными вопросами.

Ф. К. В а й с к о п ф (род. в 1900 г.) — революционный германский писатель, поэт и прозаик. Писал стихи сам и переводил

чешских поэтов. Выпустил три книжки новелл: «Бегство во Францию», «Когда нет выбора», «Парикмахер Цимбура» и роман «Славянская песня», рисующий период войны и революции в Австрии. В своих новеллах изображает преимущественно мелкого человека с его мелкими житейскими нуждами, изобличая мещанство. Из таких новелл наиболее яркая «Парикмахер Цимбура». Из новелл, отображающих жизнь пролетариата, надо отметить новеллу «Когда нет выбора». В своем романе Вейскопф вскрывает национальную политику буржуазии, показывает предательское лицо социал-демократии. Несколько раз приезжал в СССР. После поездки 1927 г. выпустил книгу «Пересадка в XXI столетие», из которой мы берем помещаемый очерк. В 1931 г. выпустил вместе с Эрнестом Глезером альбом «Страна без безработных». Написал ряд очерков о СССР, не вошедших в отдельную книгу. Летом 1932 г. приехал снова в СССР и совершил большую поездку по Уралу и Сибири, чтобы написать новую книгу о Советском союзе.

С т. Р. С т а н д е — польский революционный поэт. Организатор группы пролетарских поэтов «Три залпа», ставшей в 1925 г. центром, группировавшим вокруг себя молодые силы пролетарской литературы. Выпустил две книги стихов: «Вещи и люди» и «Наверно — мы!», написал ряд поэм и стихотворений, отражающих проблемы пролетарской классовой борьбы. В 1931 г. приехал в СССР, где находится по настоящее время. Совершил поездки по индустриальным центрам. Дал ряд стихотворений о СССР и большую поэму о Магнитогорске, из которой мы печатаем отрывок, посвященный завершению строительства плотины.

Т. Л а х у т и — современный персидский пролетарский поэт, активный участник революционного движения в Персии. В 1909 г. принимал участие в походе революционных отрядов на Тегеран и в свержении персидского шаха Мамед-Али. В 1914 г. был приговорен к расстрелу, но бежал в Керманшах, где участвовал в Октябрьском перевороте. В 1922 г. снова поднял восстание в Персии и был объявлен вне закона. Эмигрировал в СССР. В 1927 г. был избран членом ЦИК Таджикистана. Таджикистанским правительством награжден орденом Красного знамени. Написал ряд поэм, посвященных Октябрьской ре-

волюции, социалистическому строительству и революционной борьбе на Востоке.

Э м и С я о — революционный китайский поэт, принимал активное участие в китайском революционном движении, был секретарем китайского комсомола. Был вынужден эмигрировать в СССР. В своих стихах соединяет необычайную лиричность с выдержанностью классовой идеологии. Выпустил сборник стихов в русском переводе.

А л а д а р К о м ъ я т (род. в 1891 г.) — венгерский коммунистический поэт. В начале своего поэтического творчества находился под сильным влиянием интеллигентских пацифистских кружков, но постепенно освобождался от этих влияний. Стихи его отличаются большой художественностью и новизной формы.

П а у л ь К е р н е р — молодой немецкий революционный писатель. За участие в составе редакции «Роте Фане» был заключен в крепость. Печатается в германских журналах и газетах. Имеет сборник рассказов «Человек с ружьем», в котором дает яркие зарисовки из периода капшовского путча (1920 г.), во время которого активно дрался в рядах германского пролетариата. Написал роман «Бьющий ветер».

М о з е ш К а х а н а — румынский революционный писатель. Написал два романа: «Акционерное общество Тарацкош» и «Зима в Тарацкоше», а также ряд рассказов. Участник венгерской революции. За работу в Румынской компартии был заключен в каторжную тюрьму Дофтана. После освобождения эмигрировал в СССР.

М а й к л Г о л д (род. в 1894 г.) — американский поэт, новеллист и драматург. Стихи его агитационны, лирика сменяется в них политическими мотивами. Рассказы посвящены жизни пролетариев. В первых рассказах М. Голда звучала безнадежность, последние стали решительнее в своих выводах, увереннее в тоне. Выпустил в 1928 г. сборник «120 миллионов», а в 1930 г. — роман «Еврей без денег», в котором рисует жизнь нью-йоркского квартала еврейской бедноты — Ист-Сайда. Активный участник американского революционного движения. Член компартии. Редактор ежемесячника «Новые массы».

Анна Зегерс — германская революционная писательница. За повесть «Восстание рыбаков св. Варвары» получила Клейстовскую премию. Выпустила сборник новелл «На пути в американское посольство». Написала роман из революционной борьбы прикарпатских крестьян.

Анна-Луиза Стронг — английская журналистка-очеркистка. Написала ряд книг и брошюр о Советском союзе: «Красная звезда в Самарканде», «От Сталинграда до Кузбасса» и др.

Юлиус Фучик — чешский журналист. Редактор популярного в Чехо-Словакии литературно-политического журнала «Творза» («Творчество»). В 1929 г. приехал в СССР и написал выходящую отдельными выпусками книгу о СССР.

Поль Вайян-Кутюрье (род. в 1892 г.) — французский революционный писатель. Написал ряд повестей и новелл. Последние собраны в книге «Бал слепых». Приезжал в СССР в 1926 г. и выпустил книжку «Месяц в Советской России». Приезжал также в 1931 г., в результате чего выпустил три книги: одну — посвященную нашему колхозному строительству, вторую — нашим гигантам и третью — Таджикистану. Вайян-Кутюрье — активный участник революционного движения. Был совместно с Барбюсом одним из организаторов союза бывших участников войны. После конгресса в Туре порвал с социалистами и вступил в компартию. В 1921 г. был членом ЦК КПФ.

Эд. Фальковский — американский журналист и очеркист. Написал ряд очерков из жизни пролетариата Америки и Польши. Очерки эти вышли отдельными книжками и в русском переводе. Постоянный сотрудник журнала «Новые массы», редактируемого Майклом Голдом.

Лотар Вольф и Марта Рубен-Вольф — по профессии врачи; в 1926 г. выпустили книгу «Московские наброски двух врачей» и позднее — «Заметки двух врачей о России». После третьей поездки в 1927 г. выпустили книгу «Немецкие врачи на Кавказе». Наконец в 1931 г. ими выпущена книга «В свободной Азии». Если первые книжки были посвящены вопросам здравоохранения, то последняя представляет собой уже худо-

жественный репортаж, охватывающий все стороны хозяйственной и культурной жизни среднеазиатских народов. В 1931 г. вышла книжка Лотара Вольф, иллюстрированная Мартой Рубен-Вольф, о фашистской Италии. Книга содержит богатый материал и написана художественно.

Л ю д в и г Р е н н — германский революционный писатель. Написал роман «Война», признанный мировой критикой вторым после романа Ремарка. В этом первом своем романе не делает тех четких выводов, которые следовало бы ждать от революционного писателя. Однако Ренн преодолевает свое прежнее мировоззрение и уже во втором романе «После войны» более четко ставит вопросы классовой борьбы. Был в СССР несколько раз и подготовил книгу о колхозном строительстве, отрывок из которой мы помещаем в этом сборнике.

А н д р е В и о л л и с — французская буржуазная очеркистка. В 1927 г. была в Советском союзе и выпустила книгу «Одна в России». Во многих строках звучит недоверчивое отношение к советской власти, объясняемое непониманием автором политики советского правительства. Но все же Виоллис не может не констатировать больших экономических успехов страны и огромного культурного подъема населения. В печатаемых нами отрывках о трех закавказских столицах автор точно так же, не понимая ленинской национальной политики, готов порою допустить «инсценировку» (в частности говоря о Загзе), но опять-таки не может не признать, что только советская власть принесла свободу и вместе с ней культурное развитие и мирное сожительство народам Закавказья. В этом году ею выпущена книга об Индии.

П ь е р Д о м и н и к — буржуазный французский писатель, автор ряда романов. Посетив в 1931 г. Советский союз, выпустил книгу о нем. Доминик не может отрицать огромных достижений советской власти и коммунистической партии, но стремится всячески доказать, что эти успехи достигнуты благодаря разумному правлению разумных людей, но отнюдь не благодаря социалистическому характеру всего народного хозяйства. В помещаемой нами главе, посвященной Украине, он философствует насчет того, что «Украина еще раз сделала попытку завоевать свободу, но снова была покорена». Его собеседники по

национальному вопросу преимущественно бывшие активные враги советского строя, но и они, оказывается, признают, что они довольны советским строем и не собираются «отделиться». Книга проникнута социал-фашистским стремлением не показать трудящимся массам Запада истинное положение в Советском союзе и удержат их от активной борьбы за власть советов.

Д ж о ш у а К ю н и т — американский писатель, критик и очеркист. Совместно с Джозефом Фрименом написал книгу о советской литературе. Во время своего пребывания в СССР в 1931 г. совершил с интернациональной бригадой писателей ряд поездок по СССР и написал ряд очерков, один из которых мы помещаем в этой книге.

Б е р т а Л а с к — немецкая писательница, автор ряда пьес для рабочего театра и очерков из жизни пролетарок Германии. Много раз была в Советском союзе. В течение трех последних своих поездок изучала совхозное и колхозное строительство и выпустила книгу «Колхозная деревня и совхоз». В этой книге на основании опыта 1928, 1930 и 1931 гг. показывает успехи социалистического сектора сельского хозяйства.

Э. М а д а р а с — венгерский поэт и прозаик. В этом году праздновал 25-летие своей литературной деятельности. Если раньше на его произведениях лежала печать мелкобуржуазных мировоззрений, то в последние годы и его стихи и проза всецело подчинены задачам классовой борьбы пролетариата. В течение последних лет дал ряд поэм и стихотворений, часть которых собрана в отдельную книжку и в русском переводе, и сборник новелл, тема которых — классовая борьба венгерского пролетариата. В 1930 г. вместе с интернациональной бригадой писателей совершил поездку по колхозам Северного Кавказа, дав ряд интересных очерков. Мы помещаем в этой книге один из лучших очерков — «Трудовой цыган».

К а р л Г р ю н б е р г — германский революционный писатель, автор романа «Пылающий Рур», первого революционного романа о борьбе рурских горняков в дни капшовского путча.

О т т о Г е л л е р — немецкий журналист и очеркист. В качестве корреспондента «Роте Фане» совершил в 1929 г. путе-

шествие с Карской экспедицией. В своей книге «Сибирь — вторая Америка» он описывает работу экспедиции и наряду с этим жизнь сибирских народностей, их экономический и культурный рост. Книга дает представление об огромных естественных богатствах Сибири и об усилиях советского правительства по мобилизации этих богатств для дела социалистического строительства. Особенно живо написаны главы, посвященные описанию тайги, собранию в тайге, жизни «индейцев Сибири». При большом фактическом материале книга отличается и значительной художественностью. Недавно выпустил книгу «Конец еврейства», в которой впервые дается марксистский анализ истории евреев и показывается, как пролетарская диктатура разрешает этот вопрос на основе четких указаний Ленина и Сталина.

Фрида Рубинер — немецкая писательница, очеркистка и литературный критик. Наряду со статьями о германской литературе ее перу принадлежат статьи и книжки о советской литературе и советской культуре. В 1930 г. выпустила книгу «Большая река», посвященную описанию поездки по Волге. Книга написана в полубеллетристической форме, содержит обильный исторический и современный материал и читается с большим интересом.

А. Курелла — немецкий журналист и критик. В 1931 г. выпустил нашумевшую книгу «Муссолини без маски», написанную им после длительного путешествия по Италии. Много раз бывал в Советском союзе, написал ряд брошюр о советской культуре.

Матэ Залка — венгерский пролетарский писатель. В качестве военнопленного попал в Россию. Во время гражданской войны сражался в рядах Красной армии. Отсюда двойная тематика его произведений; с одной стороны — венгерский пролетариат, его жизнь и борьба, а с другой — советская Красная армия, интернациональная армия пролетариата.

Рафаэль Рамос Педруэсса — мексиканский поэт, публицист и профессор истории; принадлежит к революционно настроенным кругам мексиканской мелкой буржуазии. През-

жал в СССР в 1929 г. Выпустил книгу «Красная звезда — двенадцать лет советской жизни». В настоящее время организует в Мексике общество друзей Советского союза и пропагандирует идеи пролетарского литературного движения.

Курт Клебер — революционный немецкий писатель и поэт. Обнаружил свое мастерство в небольшом томике рассказов из жизни и борьбы рурских горняков в 1920 г., выпущенном им под названием «Баррикады на Руре». Выпустил роман «Пассажиры третьего класса», в котором в диалогах своих героев, собранных им на одном океанском пароходе, показывает положение рабочих различных стран. В настоящее время закончил роман «Горняки». Был несколько раз в СССР. Мы помещаем в этой книге очерк, посвященный его последней поездке в 1931 г.

Стефан Цвейг (род. в 1881 г.) — известный австрийский писатель, автор ряда художественных новелл, нескольких драм, многих стихов, как оригинальных, так и переводных (в частности Верлена и Бодлера), ряда интереснейших монографий. В 1929 г. приехал в Россию на толстовские торжества, побывал в Москве, Ленинграде и Ясной Поляне. Выпустил небольшую книжку «Поездка в Россию», отрывки из которой мы печатаем в нашем сборнике.

Джон Дос Пассос (род. в 1896 г.) — американский писатель и драматург. Широко известны его романы «Три солдата», «Манхеттен», «42-я параллель» и «1919 год». Им написаны также несколько книг художественных очерков; он побывал в Турции, в Советском Закавказьи, в Испании. В 1928 г. пробыл несколько месяцев в СССР. Мы печатаем один из очерков, написанных им в эту поездку.

Эгон Эрвин Киш — немецкий революционный писатель, мастер художественного репортажа, широко известный как «неистовый репортер» — так называется одна из книг его очерков. Писал романы, драмы, но наибольшего мастерства достиг в области художественного очерка. Имеет ряд книг. Несколько раз был в Советском союзе. В 1926 г. написал книгу «Цари, попы и большевики», из которой мы заимствуем очерк «Лефортовский изолятор и женский домзак». В 1932 г. выпустил книгу «Азия, изменившаяся до основания», написанную

после его длительных поездок по Таджикистану; из этой книги мы печатаем очерк «Я, Хасиад Миркулан». Эгон Эрвин Киш пользуется огромной популярностью, и его книги расходятся в огромном количестве экземпляров.

Ф а л и х Р ы ф к и — турецкий журналист. Приезжал дважды в СССР, в последний раз в 1932 г. с турецкой делегацией. В результате своей первой поездки написал книгу о СССР, дающую положительную оценку достижений Страны советов во всех областях строительства.

П е д р о д е Р е д и д е — популярный испанский писатель, поэт и романист. Принадлежит к революционному крылу испанской интеллигенции; приезжал в СССР летом 1930 г. Написал книгу «Современная Россия», имевшую шумный успех и являющуюся самой популярной в Испании книгой о Советском союзе. После переворота в апреле 1931 г. напечатал в газете «Либертад» статью, в которой требовал признания СССР Испанией. Входит в Союз революционно-пролетарских писателей Испании.

К. В е л е м и н с к и й — чешский педагог, друг Толстого, приезжавший в 1929 г. на толстовские торжества в СССР. Написал книгу о России до революции, и после поездки в 1929 г. выпустил книгу «Россия вчера и сегодня». Не будучи коммунистом, он не может не отдать должного советской власти, которая сделала так неизмеримо много для страны и народа, особенно в культурном отношении, в частности в отношении воспитания.

Л ю д в и г Т у р е к — молодой революционный писатель, автор талантливого романа «Пролетарий рассказывает». В течение двух лет на лодке исколесил СССР. Написал роман «Специалисты» из жизни иностранных специалистов в СССР и ряд очерков, один из которых мы помещаем.

Г е о р г Б. П и й е т — молодой революционный писатель, автор многочисленных рассказов из жизни германского пролетариата, преимущественно молодежи. В 1931 г. был в СССР вместе с делегацией кооперативного издательства «Universum Bücherei für Alle».

Отто Катц — немецкий писатель и журналист, в качестве сотрудника «Роте Фане» совершивший на «Красине» рейс для спасения Нобиле. В своей книге «Девять человек во льду», с одной стороны, дает правдивую картину о положении экспедиции Нобиле, а с другой стороны — показывает героическую работу советской экспедиции и летной ее части во главе с Чухновским. В настоящее время готовит книгу «Люди пятилетки».

Эрнст Глезер (род. в 1902 г.) — немецкий революционный писатель. Написал два талантливых романа — «Год рождения 1902», в котором показывает войну в тылу, ее влияние на молодое поколение, одновременно вскрывая лживый буржуазный патриотизм и предательство социал-демократии: и второй — «Мир», в котором отображает германскую революцию 1918 г. на фоне небольшого германского городка, показывая на отдельных, талантливо выведенных типах борющиеся социальные группы. В 1930 г. приезжал в СССР и присутствовал при процессе «Промпартии». Пребывание в СССР, по собственному заявлению Глезера, активизировало его в отношении борьбы в рядах пролетариата и в отношении защиты СССР.

Эрих Вайнерт — германский поэт-трибун, в страстных стихах зовущий пролетариат к борьбе, одновременно показывая лицо капитализма и тяжелое положение эксплуатируемого им пролетариата.

Анатоль Гидаш — один из лучших пролетарских поэтов Венгрии. Его перу принадлежат сборники стихов: «Венгрия ликует», «Эва» и «Колонии кричат». В своих стихах пишет о венгерской революции, о СССР, об угнетенных народах колоний, призывая рабочий класс и угнетенных всего мира к борьбе за пролетарскую революцию. Один из немногих революционных поэтов, сумевших внести лирические мотивы в свое творчество. Его перу принадлежит также ряд песен, переложенных на музыку и чрезвычайно популярных среди венгерского пролетариата.

Крестю Белев — молодой болгарский поэт, активный участник революционного движения и ныне еще томящийся в тюрьмах болгарского фашизма.

Эмиль Гинкель — талантливый немецкий поэт, умеющий сочетать лирические мотивы с отображением жизни и борьбы пролетариата.

Бела Иллеш (род. в 1895 г.) — один из талантливейших современных венгерских писателей. Написал ряд рассказов из жизни венгерской эмиграции в Австрии и из жизни и борьбы прикарпатских крестьян, несколько повестей («Николай Шугай», «Ковар Степана Разина»), пьесу («Купите револьвер»). Особую популярность получил его роман-трилогия «Тисса горит». В первой части он дает яркое отображение пролетарской диктатуры Венгрии. Во второй части — революционные события Прикарпатской Руси в 1920 г. В третьей — еще не вышедшей части — террор венгерской буржуазии во главе с палачом Хорти после свержения советской власти, а также подпольную работу коммунистов. Произведения Бела Иллеш переведены на много языков.

Оскар-Мария Граф (род. в 1895 г.) — немецкий писатель, автор ряда новелл из жизни баварского крестьянства, собранных в несколько книг («На добрую память», «Свет и тени», «Мрак», «Баварский Декамерон» и др.). Если первые его рассказы показывали преимущественно тяжелые стороны жизни баварской деревни, то в рассказах, относящихся к 1927—1929 гг., мы находим некоторое любование кряжистостью, тупостью, традиционностью этой деревенской жизни. В своем романе «Испытание» Граф героизирует старую, патриархальную баварскую деревню. Во время советской власти в Баварии Граф принимал, правда, весьма не активное, участие и был скорее свидетелем, нежели участником этих крупных исторических дней. Написал большой автобиографический роман «Мы в ловушке», в котором многие страницы посвящены периоду Баварской советской республики. Наиболее яркие места те, в которых Граф разоблачает фразерство и предательство социал-демократии. В последние годы Граф, правда, со свойственной ему неустойчивостью, приближается к идеологии компартии и во время последних выборов в рейхстаг принимал активное участие в агитации за коммунистический список. Недавно выпустил роман «Болвизер», в котором показывает мещинскую жизнь маленького немецкого городка.

Петр Илемницкий — молодой словацкий писатель. Его перу принадлежит роман «Победоносное падение» и роман «Гулкий шаг» из жизни чешских колонистов на советском Кавказе, а также ряд повелл.

Жан Ришар Блок (род. в 1884 г.) — французский писатель, романист, драматург, критик, один из главных редакторов литературно-художественного журнала «Европа». В своем творчестве Блок отражает с большой талантливостью и мастерским реализмом загнивающий капитализм, показывает разлагающуюся буржуазную культуру. Однако Блок ограничивается отрицанием творческой жизнеспособности капитализма, не доходя до активных революционных стремлений. В течение последних лет становится все более радикальным, все же оставаясь в плену мелкобуржуазной идеологии.

Курт Тухольский — немецкий писатель. Творчество Тухольского чрезвычайно разнообразно. Под разными псевдонимами он пишет стихи, фельетоны, литературные статьи. Его перу принадлежит ряд романов — «Улыбка Моны Лизы», «Пять лошадиных сил», книга очерков о Пиренеях (выпущенная под псевдонимом Петер Пантер). Особую популярность имела его книга «Германия превыше всего», в которой он со свойственной ему талантливостью разоблачает сущность германского милитаризма и его влияние на мелкую буржуазию. По своему мировоззрению Тухольский принадлежит к революционной мелкобуржуазной интеллигенции, не находящей конкретных выражений для своего бунтарства и протеста.

Чарльз-Иэль Гаррисон — молодой американский писатель, лево-интеллигентский попутчик, сотрудник журн. «Новые массы» и член клуба им. Джона Рида. Его первый роман «Генералы умирают в постели» — яркое антимилитаристическое произведение. Второй роман «Ребенок родился» — бытовой роман, в котором на фоне быта автор показывает положение американской рабочей семьи в условиях кризиса. Попутно в этом романе Гаррисон вскрывает настоящее лицо вершителей судеб детей американской бедноты. Гаррисон ярко рисует отрицательные стороны капитализма. Но какова, например, дальнейшая судьба ребенка, героя его романа, — остается неизвестным, так как автор не мог нарисовать того единственного революционного

пути, по которому должно пойти пролетарское юношество в борьбе за свержение капитализма, за создание новой жизни.

Адам Шаррер — немецкий пролетарский писатель, получивший широкую известность благодаря своему роману «Без отечества», являющемуся одним из сильнейших после «В огне» Барбюса антивоенных романов. В этом романе Шаррер показывает не только те ужасы, которые принесла человечеству война, но и то огромное антивоенное движение, которое нарождалось в рабочих массах и закончилось германской революцией. Шаррер показывает это революционное движение и на самом фронте и среди заводских рабочих в тылу. Последний роман его «Великий обман» ярко рисует Германию в период инфляции.

Элен Уилькинсон — английская писательница и политическая деятельница. В качестве члена парламента неоднократно выступала с запросами в пользу СССР. Ее перу принадлежит роман «Схватка», рисующий забастовку английских горняков в мае 1926 г.

Гарольд Хикерсон — американский революционный драматург, член клуба имени Джона Рида. Его перу принадлежит пьеса «История одного убийства», посвященная казни Сакко и Ванцетти. Пьеса шла также в московских и других театрах Советского союза.

Уолдо Фрэнсис — американский писатель, автор романов «Праздник» и «Воскресение», вышедших также на русском языке. В этих произведениях Фрэнсис протестует против капиталистической действительности, но не намечает тех путей, которые могут вывести человечество из капиталистического тупика.

Джим Тулли — американский либеральный писатель. Его произведения посвящены описанию быта американских бродяг. На русский язык переведен его роман «Автобиография бродяги» и «Тени людей».

В. Ф. Кальвертон — американский литературный критик, автор ряда статей и книг по вопросам литературы, социологии, психологии. По своему мировоззрению принадлежит к левой мелкобуржуазной интеллигенции.

Ф л о й д Д е л л (род. в 1887 г.) — американский романист, критик и публицист. Делл написал ряд романов, из которых наиболее значителен первый — «Простак» (переведен на русский язык), носящий автобиографический характер и рисующий этапы, которые приводят мелкобуржуазного юношу к социальным проблемам и к участию в общественной жизни. Большинство его романов психологические, преимущественно на сексуальные темы, лишь косвенно затрагивающие проблемы общественной жизни Соед. штатов. В романе «Причуды старика», переведенном и на русский язык, Делл выводит американских реформистов в период войны. Перу Делла принадлежит монография об Эптоне Синклере, также переведенная на русский язык.

Э р н с т Т о л л е р (род. в 1893 г.) — немецкий писатель и драматург. Один из активных участников борьбы за советскую Баварию. Был осужден на пять лет тюремного заключения. Однако после выхода из тюрьмы проявил себя как мелкобуржуазный интеллигент, только в период подъема революции оказавшийся способным к активной деятельности; причем во время посещения им в 1926 г. СССР в «Правде» появилась статья, обвинявшая его в предательстве дела Баварской советской республики. Его драмы отражают его мировоззрение. Наибольшую известность получили его драмы: «Человек-масса», «Разрушение машин» и «Гоп-ля, мы живем!», шедшие также на советской сцене. В них Толлер говорит о солидарности пролетариата, вскрывает изнанку капиталистического мира, но уклоняется от решительных выводов. Его отношение к Советскому союзу характеризуется его книгой очерков, выпущенных в прошлом году, в которой специальный раздел озаглавлен «Письма из СССР». В этих письмах Толлер останавливается преимущественно на отрицательных явлениях, связанных с трудностями социалистического строительства, причем сгущает краски и искажает действительность. Бывший революционер не сумел увидеть тех огромных сдвигов, которые произошли в стране под влиянием Октябрьской революции, и приходит к утешительным для себя выводам, что «социализм в Европе не будет походить на русский большевизм».

В и л л и Б р е д е л ь — германский революционный писатель, начавший свою литературную деятельность в тюрьме, в которую был заключен за коммунистическую пропаганду. Его роман «Машиностроительный завод» — наиболее яркий про-

летарский роман, рисующий повседневную жизнь германского рабочего на производстве и в быту в условиях капиталистической рационализации и экономического кризиса. Второй его роман, «Розенгофская улица», показывает жизнь рабочих квартала Берлина с их беспросветной нуждой и героической борьбой против фашизма и его пособника—социалистического фашизма. В 1932 г. приезжал в СССР.

Феликс Голлендер — немецкий буржуазный писатель, автор многочисленных романов из буржуазной жизни, разрабатывающих психологические проблемы.

Армин Вегенер — немецкий писатель, беллетрист и очеркист. Приезжал в СССР в 1927 г. на торжества десятилетия Октябрьской революции. Поместил несколько корреспонденций в левой газете «Berlin am Morgen». Выпустил книгу полубеллетристического характера, в которой мало данных о СССР и много несерьезных философствований на тему об антитезе Ленин и Толстой.

Стюарт Чэйз — видный американский экономист, несколько раз побывавший в СССР и опубликовавший ряд статей и книг об экономическом развитии Страны советов. В своих статьях Чэйз констатирует огромные достижения социалистического строительства. Помещаемые здесь строки являются частью его статьи, опубликованной им еще в 1927 г.; они характерны в том отношении, что показывают, как представлял себе тогда буржуазный экономист осуществление пятилетнего плана.

Шервуд Эдди — американский буржуазный журналист, в качестве корреспондента американской печати пять раз приезжавший в СССР. Если первая книга его о Стране советов была проникнута враждебностью к Октябрьской революции, то в дальнейших своих статьях он вынужден был признать огромные достижения Советского союза и агитировать за признание СССР правительством САСШ.

Артур Файлер — редактор распространенной немецкой газеты «Франкфуртер Цейтунг». Приезжал в СССР и поместил в своей газете серию статей о СССР, выпущенных им в 1929 г. отдельной книгой под названием «Эксперимент большевизма», из которой взяты помещаемые здесь строки.

Герварт Вальден — известный германский журналист, до недавнего времени редактировавший журнал «Der Sturm». В 1929 г. приезжал в СССР и посвятил ему ряд очерков, выпущенных им в специальном номере своего журнала. В настоящее время живет в СССР.

Гарольд Хезлоп — английский писатель беллетрист; по профессии горняк. Его романы («Под властью угля», «За куском хлеба» и др.) посвящены жизни английских горняков. Рисуя тяжелую жизнь пролетариев, Хезлоп, однако, не делает выводов, какими путями пролетарии должны добиваться изменения своего положения. В 1930 г. приезжал в СССР на всемирную конференцию революционных писателей. Пребывание в СССР, по его заявлению, содействовало его освобождению от лейбористских иллюзий, которыми было проникнуто его мировоззрение.

Иозеф Ленггель — венгерский журналист и беллетрист; активный участник венгерской пролетарской революции 1919 г. Написал книгу рассказов «Вышеградская улица», посвященных венгерской пролетарской диктатуре. В настоящее время находится в СССР.

Вашек Каня — чешский революционный писатель. Сын рабочего, он сызмальства работает в мастерских, на фабриках и заводах. С начала кризиса — безработный. Странствует по Словакии, Хорватии, Сербии. Начинает писать заметки, очерки, а затем рассказы. В 1930 г. вышла его первая книга «Два года в исправительном доме», носящая автобиографический характер и отражающая впечатления, вынесенные им из исправительного дома, в который он был посажен «попечительством о сиротах войны». В своей книге Каня разоблачает систему «воспитания» в исправительных домах буржуазии. В 1931 г. вышли две новые книги Каня: «Сутенеры, хитрованцы и бродяги» и «Бездомные». В этих книгах Каня рисует жизнь люмпен-пролетариата. Показывая жизнь безработных, он выводит не сознательных пролетариев, а налетчиков, воров и т. п., сам при этом обнаруживая не пролетарское, а люмпен-пролетарское мировоззрение. В 1931 г. вышла его книга очерков «Закарпатская Украина», в которой он уже показывает классовую борьбу пролетариата и крестьянства Закарпатской Украины.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
К. Радек — Предисловие	V
М. Живов — От составителя	XV
I. В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ	
Джон Рид — Накануне (перев. А. И. Ромма).	5
Альберт Рис Вилльямс — Седьмое ноября (перев. ***)	14
Филипп Прайс — Первые дни (перев. И. Зусманович)	20
II. В КОЛЬЦЕ ФРОНТОВ И БЛОКАДЫ	
Анатоль Франс, Жорж Дюамель, Анри Барбюс, Тайада, Стейн- лейн — Воззвание к пролетариату и интел- лигенции	31
Анатоль Франс — Россия — страна, где сбывается и невозможное.	33
Бернард Шоу — Люди, желающие в самом деле что-нибудь сделать, — как Ленин, — не ждут.	35
Анри Барбюс — Поход против русской ре- волюции — поход против социализма.	38
Иоганнес Р. Бехер — Привет немецкого поэта Российской социалистической федера- тивной советской республике (перев. А. Эф- роса).	39
Марсель Мартинэ — За советскую Рос- сию (перев. А. Эфроса).	41
Альфонс Пакэ — Скванный город (перев. Н. Кадишевой)	43
Артур Ренсом — Тяжелый год (перев. ***).	53
Андрэ Марти — Пролетариат останется победителем (перев. ***)	66
Макс Бартель — В Одессу и в Одессе (пе- рев. Н. Вольпин).	75

Эдвин Эрих Двингер — На колчаковском фронте (перев. Н. Вольпин).	79
--	----

III. СТРАНА МЕНЯЕТ ЛИЦО

Иван Ольбрахт — Москва 1920 (перев. М. Скачкова)	91
Артур Голичер — О рабочих и их детях (перев. Н. Вольпин).	101
Альфонс Гольдшмидт — На Прохоровке (перев. Н. Кадишевой).	112
Г. Д. Уэллс — Созидательная работа (пер. * * *).	117
Ч. Р. Бекстон — В русской деревне (перев. С. Андропова)	131

IV. ГОЛОДНЫЙ ГОД

Фритиоф Нансен — Пусть возродится любовь к ближнему	143
Гергардт Гауптман — Ответ М. Горькому	149
Андре Моризэ — Как наступил голод (перев. Н. Дудель).	151
Франц Юнг — Смерть в степи (перев. Н. Вольпин).	160
Артур Голичер — Вниз по голодной Волге (перев. Н. Вольпин).	168

V. К НОВЫМ ПОВЕДАМ

Мартин Андерсен Нексе — Царь НЭП (перев. Е. Бак).	183
Курт Керстен — Обновление (пер. Н. Кадишевой).	195
Альфонс Гольдшмидт — Какой я нашел Москву теперь (перев. Н. Кадишевой).	201
Колин Росс — Среди крестьян украинцев (перев. Н. Кадишевой).	207

VI. ЛЕНИНА НЕТ

Иоганнес Р. Бехер — У гроба Ленина (перев. А. И. Ромма).	213
Турэ Нерман — Строитель мира (перев. С. З.).	217
М. Зиренис — Красный светоч (перев. А. Р.).	218
Эржи Уйвари — Ленин (перев. М. З.).	219

Современники о Ленине

Бернард Шоу.	220
Ромен Роллан	222
Анри Барбюс	222
Генрих Манн	223
Мартин Андерсен Нексе	224

	Стр.
Томас Манн	225
Артур Голичер	225
Марсель Мартинэ	225
Турэ Нерман	226
Максимилиан Гарден	226
Георг Лукач	228
Альфред Керр	228
Андре Бейклер — У мавзолея Ленина (перев. Н. Кадишевой).	229

VII. ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ

Эптон Синклер — Духилицо	235
Писатели о десятилетия Октября	
Генрих Манн	238
Феликс Голлендер	238
Артур Голичер	239
Армин Т. Вегенер	240
Н. Гибу-Рибо — Россия за работой (перев. Н. Кадишевой)	241
Теодор Драйзер — Что я увидел в Рос- сии (перев. Н. Кадишевой).	253
Б. Келлерман — В городе нефти (перев. А. Ариан)	266
В. Тилли — На фабрике (перев. Е. Полякова)	272
Анри Барбюс — По утрам (перев. В. Васи- ленко).	279
Ф. К. Вайскопф — Желтый динамит (перев. Н. Вольпин)	289
Эгон Эрвин Киш — Лефортовский изоля- тор и женский домзак (перев. М. Живова).	297

VIII. ПЯТИЛЕТКА ЗАВОДОВ И ПОЛЕЙ

Слово предоставляется интеллигентам	
Бернард Шоу	309
Стюарт Чейз	310
Оскар Мария Граф	311
Людвиг Ренн	312
Гергард Вальден	312
Артур Файлер	313
Эдди Шервуд	314
Колин Росс	315
Ст. Р. Станда — Плотина (перев. А. Ромма).	316
Т. Лахути — Бакинским рабочим (перев. Г. Шенгели).	327
Иоганнес Р. Бехер — Турксиб (перев. А. Ромма)	330
Писатели о Днепрострое	
Эми Сяо	339
Иоганнес Р. Бехер	339

Аладар Комьят	340
Ф. К. Вайскопф	340
Пауль Кернер	340
Мозещ Кахана	340
Майкл Голд	341
Гарольд Хезлоп	341
Анна Зегерс — Новая действительность (перев. Н. Вольпин).	343
Анна Луиза Стронг — На Днепрострое в 1930 г. (перев. ***)	349
Юлиус Фучик — В стране, где «завтра» оз- начает «вчера» (перев. Е. Полякова).	357
Поль Вайян Кутюрье — Кузнецкстрой или новые пирамиды (перев. ***)	367
Иозеф Ленгьель — Краматорская — мать гигантов (перев. М. Живова).	373
Майкл Голд — Советский завод (перев. Н. Кадишевой)	381
Эд. Фальковский — На советских руд- никах (перев. Н. Вольпин).	388
Альберт Рис Вилльямс — Сенаторы заблудились (перев. З. Вершининой).	393
Лотар Вольф и Марта Рубен- Вольф — На хлопковых полях (перев. Н. Кадишевой).	399
Людвиг Ренн — В тракторизованной де- ревне (перев. Н. Вольпин).	406

IX. БРАТСКИЙ СОЮЗ НАРОДОВ

Андре Виоллис — Три столицы (перев. Н. Кадишевой)	413
Пьер Доминик — Говорят народы (перев. Н. Кадишевой).	428
Джошуа Кьюнитц — Что вы думаете об Адыгее? (перев. ***)	440
Берта Ласк — Русские, украинцы, немцы, киргизы (перев. М. Живова).	450
Эмиль Мадарас — «Грудовой цыган» (пе- рев. ***)	454
Карл Грюнберг — Евреи за плугом (пе- рев. Н. Вольпин).	464
Отто Геллер — Индейцы Сибири (перев. Н. Кадишевой)	469
Фрида Рубинер — В Татарской респу- блике (перев. Н. Кадишевой).	480

X. КРАСНАЯ АРМИЯ

А. Курелла — В чем отличие? (перев. Н. Ка- дишевой).	487
Матэ Залка — «Военная тайна» (перев. ***)	493

Рафаэль Рамос Педруэсса — Армия социальной революции (перев. С. Игнатова).	502
Ф. К. Вайскопф — Более сильные батальо- ны (перев. ***)	509

XI. НОВЫЙ МИР — НОВЫЕ ЛЮДИ

Эми Сяо — Васькино (перев. А. Ромма).	515
Ставио Брандон — Вы и мы (перев. Ф. Кельина).	518
Курт Клебер — Новый мир (перев. Н. Ка- дишевой).	521
Стефан Цвейг — Об улицах и музеях (пе- рев. Н. Кадишевой).	526
Ф. К. Вайскопф — Вчера — сегодня — зав- тра (перев. Н. Вольпин).	535
Джон Дос Пассос — В дождливый день в Ленинграде (перев. Н. Вольпин).	540
Эгон Эрвин Киш — Я, Хасиад Мирку- лан (перев. М. Живова).	544
Фалих Рыфки — О женщине (перев. С. Рим- наского).	556
Педро де Репидэ — Современная Россия (перев. О. Филипповой).	561
К. Велеминский — Русская молодежь (перев. М. Скачкова).	567
Людвиг Турек — «Преступники» в «мона- стыре» (перев. Н. Кадишевой).	573
Георг В. Пийет — ПКиО (перев. Н. Кади- шевой).	578
-Поль Вайян Кутюрье — Два француза- специалиста в СССР (перев. ***)	581
Отто Катц — Спасены (перев. Н. Кадишевой)	587

XII. НА ЗАЩИТУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Эптон Сипклер — Карл Каутский и рус- ский верблюд (перев. ***)	597
Бернард Шоу — Ответ простакам (перев. ***)	610
Ромен Роллан — Прощание с прошлым (перев. ***)	620
Анри Барбюс — Защищайте Советский союз (перев. ***)	626
Эрнст Глезер — Прощай, Париж! (перев. Н. Вольпин).	632
Майкл Голд — Пером и пулеметом (перев. Н. Зонкевича)	640
Эрих Вайнерт — Тайный поход против СССР (перев. Усова).	642
Анатоль Гадаш — Мой ответ (перев. А. Кочеткова).	644

Крестю Белев — Война (перев. А. Гатова).	646
Эмиль Гинкель — Если вновь загремит барабан (перев. А. Кочеткова).	650
Что вы будете делать в случае войны против СССР?	
Ромен Роллан	652
Стефан Цвейг	654
Теодор Драйзер	654
Эптон Синклер	656
Бела Иллеш	656
Иоаганнес Р. Бехер	658
Майкл Голд	659
М. А. Нексэ	662
Иван Ольбрахт	662
Оскар Мариа Граф	663
П. Илемницкий	663
Жан Ришар Блок	664
Мозеш Кахана	664
Курт Тухольский	665
Чарльз Иэль Гаррисон	666
Эгон Эрвин Киш	666
Шарль Вильдрак	667
Адам Шаррер	668
Людвиг Ренн	668
Людвиг Турек	668
Анна Зегерс	669
Э. Уилкинсон	669
Курт Клебер	669
Матэ Залка	670
Гарольд Хикерсон	670
Уолдо Фрэнс	671
Джим Тулли	671

ПОД ГРОХОТ ОРУДИЙ

Ромен Роллан — Держите убийц.	672
Анри Барбюс — Разоблачайте поджигателей войны	673
Жан Ришар Блок — Приму ленинскую тактику.	675
Эптон Синклер — Будущее принадлежит вам.	675
Шервуд Андерсон — Существование империалистических правительств станет нетерпимо.	676
В. Ф. Кальвертон — СССР надо защищать любой ценой	677
Флойд Делл — Буду безоговорочно поддерживать СССР	677
Оскар Мариа Граф — За Советский союз, за угнетенный Китай.	677

	<i>Стр.</i>
Эрнст Толлер — Кто борется за СССР — борется за мир.	679
Вилли Бредель — Разоблачаем тайную перевозку оружия	679
Стафан Цвейг — Они ищут спасения в вой- не.	679
Иван Ольбрахт — Против помощи вра- гам СССР.	682
Вашек Кая — Против разбоя японских империалистов.	682

ПРИЛОЖЕНИЯ

Об авторах и их книгах.	685
---------------------------------	-----